1853
МУЗЫКА
ТЕАТРЪ
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ
ПАНТЕОНЪ
№10.
ОКТЯБРЬ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
PATKE. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СКРИПАЧЪ. Разсказъ. *М. И. Михайлова.*
ЛЕЛЯ. Разсказъ изъ жизни. *С. С—ъ.*
СТИХОТВОРЕНІЯ. Колокольчикъ. *Графини Евдокіи Ростопчиной.*
РАЗЛУКА. *Овъ.*

II. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ГВИДО РЕНИ.
ПЕТРЪ РОДЕ. *И. С.*

МЕМУАРЫ.

ПРИЗНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АКТРИСЫ МАРСЪ.

ВЕСТНИК

МОСКОВСКІЙ ~~ТЕАТРЪ.~~

Москва осенью. — Слухи о г. Рашель, новая комедія г. Островскаго. — Г. Бантышевъ и его послѣднее представленіе. — Бенефисы г. Мантасю и Васильева. — Воспоминанія о французской труппѣ. — Драгоцѣнныя кэртины. — Литературная дѣятельность Москвы. — Москвитяннинъ, новыя книги. — Маскарады будущей зимы. — Докторъ Гаазъ.

III. СМѢСЬ.

1. Вечера на Алуштѣ. Статья *Іорика.*
2. Южный полюсъ. Изъ записокъ бывшаго морскаго офицера. *П. М. Новосильскаго.*
3. Записки араба Фаталлы Сегира. Изданныя *А. Ламартиномъ.* (Статья вторая и послѣдняя).
4. Александръ Кастренъ и его путешествія. Статья вторая. *В. И. Перекрестова.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА.— Смерть Джажнадата *(отрывокъ изъ Рамайяны).* — Мысли Стерна. — Мнѣніе Сен-Марка Жирардена о романахъ, любви и женщинахъ, по поводу Новой Элоизы. — Начало журналистики въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.**— Слѣпой кларнетистъ *(музыкальный разсказъ).*—«Віолетта», новая опера Меркаданте. — Письмо Меркаданте о Miserere. — «Отелло» Россини. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НА-**

УКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ. — Наблюденіе надъ миражемъ. — Движеніе цвѣтка Victoria Regia.— Новыя наблюденія надъ электрическимъ свѣтомъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Отъ ссоры не быть пути, *(разсказъ)*.— Путешествіе по Ирландіи. — Сорокодневный сонъ.— Странная африканская ягода.— Сватовство Генриха IV *(историческій разсказъ)*.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Необходимость и польза критическаго взгляда на произведенія и статьи, помѣщаемыя въ журналахъ. — Когда у насъ началась критика на журналы, какъ продолжалась и нынѣ ведется? — Должно ли разбирать все, печатаемое въ журналахъ, и чѣмъ слѣдуетъ ограничиваться ?— Сентябрскія и октябрскія книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника».— Замѣчанія на «Замѣтки и воспоминанія о русской журналистикѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ», помѣщенныя въ іюльской книжкѣ «Пантеона».— Стихотворенія «Отечественныхъ Записокъ» и физіологія «Новаго-Поэта» въ «Современникѣ». — *Деревня*, повѣсть Ольги Н.—*Дневникъ* г-на Толстаго, и еще кое-что.

II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

Годичная выставка Императорской Академіи Художествъ.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Петербургъ передъ наступленіемъ зимы. — Усиленіе дѣятельности умственной. — Науки и ученые. — Литература и литераторы. — Журналы, редакторы и сотрудники ихъ.— Издатели и книгопродавцы.—Міръ артистическій.—Художники, актеры, музыканты.—Ученый, писатель и артистъ въ обществѣ.— Юбилей Педагогическаго института.— Швейная машина.— Первыя впечатлѣнія зимняго сезона.

IV. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 9.

МУЖЪ, ЖЕНА И КУРОПАТКА. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, заимствованный съ французскаго актеромъ *С. Бойковымъ*.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — ОТСУТСТВУЮТ

1. Портретъ *А. Ѳ. Вельтмана.*
2. Музыка: **ENFANTILLAGE-ПОЛЬКА.** Соч. *С. Соловьева.*
3. — **ПОЛЬСКІЙ,** соч. *П. Д. Бальи.*

Y065 18253.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА
М. С.
ПОКРОВСКАГО

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳ. А. КОНІ,

будетъ выходить и въ будущемъ 1854 году, по той-же программѣ, въ томъ-же объёмѣ, и съ такими-же приложеніями, какъ и въ нынѣшнемъ году.

Съ января 1854 года начнется третій годъ со времени возобновленія и совершеннаго преобразованія журнала «Пантеонъ» въ 1852 году. Быстрое возрастаніе числа подписчиковъ и читателей этого журнала ясно показываетъ, что онъ возбудилъ въ русской публикѣ интересъ и сочувствіе и что усилія редакціи—сдѣлать его чтеніемъ пріятнымъ, общепонятнымъ и общеполезнымъ, а равно и огромныя ея траты на роскошь изданія — не остались безплодными. По-крайней-мѣрѣ мы увѣрены, что всѣ, имѣвшіе въ рукахъ этотъ журалъ за два послѣдніе года, убѣждены въ старательности редакціи оправдать довѣріе подписчиковъ, какъ строгимъ выборомъ статей, разнообразіемъ содержанія каждой книжки, такъ и быстрымъ сообщеніемъ всего, что составляетъ современный интересъ въ литературной, художественной, артистической и общественной жизни, какъ у насъ въ отечествѣ, такъ и за границею. Никто также, вѣроятно, не упрекнетъ насъ за обиліе, роскошь и интересъ дѣлаемыхъ къ Пантеону художественныхъ приложеній, изъ которыхъ въ теченіе двухъ лѣтъ у каждаго подписчика составились портертныя галлереи и музыкальные сборники.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, кромѣ статей литературныхъ: романовъ, повѣстей, разсказовъ и очерковъ, драматическихъ произведеній извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, кромѣ занимательныхъ мемуаровъ и біографій художниковъ, или людей, глубоко изучавшихъ искусства, была сдѣлана оцѣнка лучшихъ произведеній художественныхъ, всѣхъ замѣчательныхъ книгъ и изданій, было сообщаемо о всѣхъ новостяхъ, въ области искусствъ и художества какъ русскихъ, такъ и другихъ странъ, были прослѣжены всѣ русскіе журналы, по мѣрѣ ихъ выхода, и разсмотрѣно все замѣчательное въ театрахъ, увеселеніяхъ, въ модѣ и вообще въ общественной жизни Петербурга и Москвы. Изъ этого составлялся постоянно разнообразный, живой и занимательный запасъ для каждой книжки Пантеона. Сверхъ того, къ каждой книжкѣ прибавлялся нумеръ «Репертуара Русской сцены» заключавшій въ себѣ одну или двѣ изъ новыхъ пьесъ, игранныхъ съ успѣхомъ на русскихъ Императорскихъ сценахъ.

Нынѣ, оставаясь по прежнему вѣрнымъ своей программѣ

и предположенной цѣли — знакомить читателей со всѣми новостями литературы, театра, живописи, музыки, и вообще всѣхъ изящныхъ искусствъ, — ПАНТЕОНЪ и въ 1854 году будетъ доставлять своимъ подписчикамъ чтеніе легкое, разнообразное, занимательное и вполнѣ современное. ПАНТЕОНЪ будетъ заключать въ себѣ по прежнему: замѣчательнѣйшія драматическія произведенія русскія и всѣхъ еропейскихъ литературъ, романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія; статьи критическія и библіографическія; статьи по части исторіи и теоріи искусствъ, написанныя языкомъ популярнымъ, преимущественно касающіяся развитія и хода искусствъ и художествъ въ Россіи; біографіи и художественные очерки замѣчательныхъ людей, въ особенности русскихъ; разборы всѣхъ новѣйшихъ явленій на сценѣ, въ изящной словесности, въ музыкѣ, въ живописи, ваяніи, архитектурѣ, танцахъ; статьи юмористическаго содержанія: очерки нравовъ и характеровъ, шуточныя стихотворенія и проч.; *Мемуары* или записки замѣчательныхъ художниковъ, артистовъ и писателей, и наконецъ *Смѣсь*, самую разнообразную, имѣющую цѣлію знакомить со всѣмъ новымъ и современнымъ: съ учеными открытіями, путешествіями, новѣйшими изобрѣтеніями и со всѣми явленіями въ мірѣ искусствъ, литературы и въ общественной жизни, какъ заграничной, такъ и русской. Въ отдѣлѣ Смѣси, «*Петербургскій вѣстникъ* — будетъ извѣщать обо всемъ новомъ и любопытномъ въ нашемъ отечествѣ, и преимущественно въ обѣихъ столицахъ. Лучшія пьесы, имѣвшія успѣхъ на столичныхъ сценахъ немедленно будутъ появляться въ «*Репертуарѣ Русской сцены.*»

Такимъ образомъ ПАНТЕОНЪ, представляя чтеніе самое разнообразное, будетъ знакомить съ главными вопросами и произведеніями современнаго искусства — въ *учено-художественномъ* своемъ отдѣлѣ и въ отдѣлѣ *критики;* со всѣмъ новымъ и важнымъ въ области наукъ, искусствъ и общественной жизни — въ своей *Смѣси*, и представитъ читателямъ рядъ драматическихъ произведеній, имѣющихъ въ настоящую минуту значительный успѣхъ, какъ на заграничныхъ, такъ и на русскихъ театрахъ, — въ *Драматическомъ отдѣлѣ* «ПАНТЕОНА» и въ «РЕПЕРТУАРѢ РУССКОЙ

СЦЕНЫ.» Для людей, не посѣщающихъ театровъ, это можетъ служить зеркаломъ современнаго состоянія драматургіи, а для жителей провинцій и отдаленныхъ деревень—замѣною самыхъ зрѣлищъ и обильнымъ запасомъ для домашнихъ спектаклей.

Въ Критикахъ своихъ, редакція ПАНТЕОНА останется вѣрною однажды принятому ею правилу: дѣлать оцѣнку литературнымъ и художественнымъ явленіямъ и сценическимъ талантамъ, на основаніяхъ строгой теоріи изящнаго, на положительныхъ фактахъ, съ доказательствами на лицо и безъ всякаго пристрастія и лицепріятія. Критики будутъ въ ней помѣщаться въ возможности полныя, подробныя, которыя въ одно время могли-бы знакомить читателя съ новѣйшимъ взглядомъ теоріи, съ полнымъ содержаніемъ и достоинствами разбираемаго произведенія, и съ успѣхами и свойствами талантовъ, какъ авторовъ, такъ и сценическихъ представителей. При разборѣ дарованій посѣщающихъ насъ иностранныхъ артистовъ: актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ или другихъ художниковъ, всегда будетъ прилагаться краткій ихъ біографическій очеркъ.

«ПАНТЕОНЪ» помѣщаетъ сочиненія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ журналовъ, именно *Мемуары*. Сочиненія такого рода представляютъ троякій интересъ для читателя: историческій, романическій и автобіографическій, потому-что знакомятъ съ подлинными событіями, замѣчательными лицами и обществомъ извѣстной эпохи, съ характеромъ и убѣжденіями самаго автора и проводятъ передъ читателемъ рядъ случаевъ и происшествій частной жизни, которыя у каждаго мыслящаго человѣка имѣютъ свою занимательную сторону. Для будущаго года заготовлено нѣсколько *Мемуаровъ* русскихъ и иностранныхъ замѣчательныхъ лицъ, въ высшей степени интересныхъ, какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію.

Главное стремленіе редакціи постоянно будетъ направлено на то, чтобы «ПАНТЕОНЪ» можно было читать отъ первой до послѣдней страницы; чтобъ онъ преимущественно наполнялся статьями оригинальными, написанными въ русскомъ духѣ; чтобы онъ былъ лишенъ всѣхъ компиляцій изъ статей, обнародованныхъ уже въ разныхъ газетахъ, и

такихъ, которыя исключительно пишутся для немногихъ спеціальныхъ читателей. Даже статьи, относящіяся къ теоріи искусствъ, будутъ писаться по-преимуществу языкомъ общепонятнымъ, чуждымъ педантизма, въ легкой и пріятной формѣ разсказа, вмѣстѣ интереснаго и поучительнаго. Рядъ біографическихъ очерковъ и монографій живущихъ нынѣ или умершихъ *русскихъ знаменитостей*, по всѣмъ отраслямъ искусствъ и литературы, придастъ журналу новый интересъ, знакомя читателя съ личностями, которыя давно уже для него интересны по своимъ произведеніямъ или по отзывамъ объ нихъ въ журналахъ.

При усилившихся нынѣ средствахъ «ПАНТЕОНА», Редакція ничего не пощадитъ, чтобы придать своему журналу, какъ внутренній интересъ, такъ и возможное внѣшнее изящество и роскошь.

Желая знакомить публику съ личностію всѣхъ современныхъ извѣстностей Россіи, по разнымъ отраслямъ искусствъ, «ПАНТЕОНЪ» при каждой книжкѣ будетъ прилагать *фотографическій* или *стереоскопическій* портретъ кого нибудь изъ нашихъ авторовъ, живописцевъ, сценическихъ артистовъ, музыкантовъ и проч. съ присовокупленіемъ въ самой книжкѣ ихъ біографій или артистическихъ очерковъ ихъ произведеній и дѣятельности. Такимъ образомъ, въ теченіе года, у каждаго подписчика составится любопытная галлерея замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ. *Фотографія* или *свѣтопись на бумагѣ*, какъ извѣстно, принаддежитъ къ самымъ важнымъ новѣйшимъ открытіямъ. Она изобрѣтена Тальботомъ, усовершенствователемъ дагерротипа, и имѣетъ то преимущество, что снимаетъ, посредствомъ солнечнаго свѣта, портреты съ натуры — на бумагу: сходство выходитъ поразительное, до котораго никакая кисть художника достигнуть не можетъ. Портреты, прилагаемые къ «ПАНТЕОНУ», продаваться отдѣльно не будутъ.

При каждой же книжкѣ «ПАНТЕОНА», будетъ непремѣнно тетрадь музыки, отъ 4-хъ до 8-ми страницъ, состоящая изъ: новѣйшихъ танцевъ, пьесъ для фортепьяно, модныхъ романсовъ, народныхъ пѣсенъ, любимыхъ арій изъ оперъ, переложеній изъ балетовъ и проч. такъ, что всѣ 12 тетрадей составятъ значительный музыкальный сборникъ.

Въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала участвуютъ, по преимуществу, наши русскія музыкальныя знаменитости, подъ редакціею опытныхъ и извѣстныхъ нашихъ композиторовъ.

Вообще, объ приложеніяхъ къ «ПАНТЕОНУ» мы не считаемъ нужнымъ упоминать подробно; онѣ въ теченіе двухъ лѣтъ были оцѣнены всѣми, а въ будущемъ году будутъ еще лучше и разошлются въ томъ же количествѣ и съ такою же точностію, какъ это дѣлалось донынѣ.

«ПАНТЕОНЪ» будетъ печататься на лучшей, бѣлой бумагѣ, въ большомъ форматѣ, новымъ французскимъ убористымъ шрифтомъ, и будетъ выходить въ *двадцатыхъ числахъ каждаго мѣсяца*, книжками, отъ 25 до 30 листовъ каждая, въ красивой политипажной оберткѣ, сдѣланной по рисунку Гранвиля.

ЗА ПОЛНОЕ ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ со всѣми слѣдующими къ нему художественными и музыкальными приложеніями, и 12 нумерами «Репертуара Русской сцены».

ЦѢНА ТАЖЕ, КАКЪ И НА ВСѢ ДРУГІЕ ЖУРНАЛЫ, то есть:

15 р. с. *въ С. Петербургѣ* и

16 р. 50 к. с. *съ пересылкою во всѣ города Русской Имперіи или съ доставкою на домъ.*

Прежде «ПАНТЕОНЪ» стоилъ дешевле всѣхъ другихъ журналовъ, но за то и стоялъ ниже всѣхъ, по составу, объему и опрятности изданія. Нынѣшняя Редакція, не взирая на явный для себя убытокъ, на преобразованіе журнала и роскошь его приложеній, сохранила прежнюю цѣну въ теченіе двухъ прошедшихъ лѣтъ, собственно для того, чтобы болѣе ознакомить публику съ *нынѣшнимъ перерожденнымъ* «ПАНТЕОНОМЪ». Теперь, хотя это изданіе и введено въ общую цѣну всѣхъ прочихъ журналовъ, но оно не можетъ быть признано дороже другихъ журналовъ, ибо «ПАНТЕОНЪ» даетъ такія приложенія, на которыя онъ одинъ имѣетъ исключительное право.

Остается намъ еще поговорить о способѣ доставки журнала Гг. иногороднымъ подписчикамъ. Жалобы нѣкоторыхъ лицъ, подписавшихся на нашъ журналъ, на неполученіе отдѣльныхъ книжекъ, или приложеній, или даже всего годоваго изданія, убѣдили насъ наконецъ въ необходимости принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію подобныхъ безпорядковъ. Вѣроятно всякій здравомыслящій читатель пойметъ, что издателю вовсе нѣтъ никакой выгоды удержать у себя книжку или приложеніе, (которыя, отдѣльно отъ цѣлаго изданія, для него равно ничего не значатъ,) и чрезъ то, возбудивъ неудовольствіе подписчика, потерять его на будущее время. Также пойметъ онъ, что переписки, розыски и справки по жалобамъ подписчиковъ, сопряженныя съ хлопотами, тратами и потерею времени, рѣшительно не могутъ доставить издателю ни особеннаго удовольствія, ни особенныхъ выгодъ. Стало-быть, если встрѣчаются подобные случаи при доставкѣ журнала, то они происходятъ отъ недосмотровъ, неизбѣжныхъ въ временномъ и срочномъ изданіи и вовсе не зависящихъ отъ редактора и для него чрезвычайно прискорбныхъ. Главныя причины этихъ безпорядковъ состоятъ въ томъ, что иногда сами Гг. подписчики адресуются въ мѣста, гдѣ нами вовсе не опубликована подписка, и редакція, не получая подписной суммы и адресовъ подписавшихся, вовсе невѣдаетъ о ихъ существованіи, а когда являются ихъ жалобы, не знаетъ даже какъ помочь горю. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ безпорядковъ, Редакція рѣшилась поручить пріемъ подписки только однимъ своимъ конторамъ, за правильныя дѣйствія которыхъ она вполнѣ отвѣчаетъ. А потому отнынѣ:

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ *Въ С. Петербургѣ* (на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.)

Въ Москвѣ; въ КОНТОРАХЪ ПАНТЕОНА, состоящихъ при книжной лавкѣ И. В. Базунова, на Страстномъ булеварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и при книжной лавкѣ И. Свѣшникова, на Никольской улицѣ.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

для скорѣйшаго ихъ удовлетворенія, благоволятъ отправлять письма и деньги прямо *въ Петербургѣ,* надписывая просто: «*Въ Редакцію журнала* ПАНТЕОНЪ.»

Только за подписку, принятую *въ этихъ мѣстахъ* Редакція отвѣчаетъ и въ случаѣ какой–нибудь ошибки или неаккуратности въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ-бы то ни было, кромѣ указанныхъ нами мѣстъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Нужнымъ считаемъ присовокупить, какимъ образомъ будетъ совершаться разсылка экземпляровъ Гг. пренумерантамъ. Всѣ книжки журнала и приложенія, подъ строгимъ надзоромъ, сдаются по списку въ Газетную Экспедицію на четвертый день по выходѣ ихъ въ свѣтъ, и въ пріемѣ ихъ берется квитанція. Потомъ уже, независимо отъ Редакціи, они разсылаются по своему назначенію, съ печатными картами, на которыхъ получитель росписывается въ мѣстныхъ почтовыхъ конторахъ. Изъ этаго видно, что книжки не могутъ и не должны *затеряться,* какъ и письма и всякая посылка, отправляемыя по почтѣ, и каждый подписчикъ, во всякомъ случаѣ и во всякое время, имѣетъ возможность по первой справедливой его жалобѣ, найти скорое вознагражденіе за свои утраты.

Редакція покорнѣйше проситъ Гг. желающихъ подписаться на «ПАНТЕОНЪ» высылать деньги и *вѣрные адресы* заблаговременнно, чтобы Редакція могла распорядиться немедленной отсылкою первыхъ нумеровъ, тотчасъ по ихъ выходѣ, и заказать достаточное количество приложеній, чтобы впослѣдствіи въ высылкѣ ихъ не произошло замедленія.

Чтобы лучше ознакомить съ составомъ и содержаніемъ ПАНТЕОНА, прилагаемъ здѣсь краткій перечень, напечатанныхъ въ немъ за два года, главныхъ статей:

ВЪ 1852 НАПЕЧАТАНО: РОМАНОВЪ *четыре.*

ШИХЪ МАНСУРЪ. въ 4 частяхъ, *В. И. Савинова.*
БРАКЪ, КАКИХЪ МАЛО. въ 2 частяхъ, *Евгенія Лупскаго.*
Г–ЖА ДЕ ЛИНАНЪ. въ 4 частяхъ. *Мари Экаръ.*
ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ, въ 2 частяхъ, *В. И. Савинова.*

ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ *тридцать три.*

УМНАЯ ЖЕНЩИНА. Повѣсть *С. П. Колошина.*

ПУСТОПОРОЖНЕЕ МѢСТО. Повѣсть *Мери.*

ПУЛЯ-ДУРА. Повѣсть *И. С. Юрьевой.*

ДЕРЕВЕНСКІЙ СОСѢДЪ. Разсказъ *Евгенія Гино.*

МАЮРША. Разсказъ *П. М. Ковалевскаго.*

БРАТЪ И СЕСТРА. Повѣсть *М. Достоевскаго.*

БОНАКИНО. Повѣсть *Поля Мюссе.*

ПЕРЕМЕТНАЯ ЖИЗНЬ Странствованія, приключенія и похожденія Петра Иваныча Пустошкина. *В. И. Савинова.*

ПРІЯТНЫЙ ДОМЪ. Разсказъ *П. М. Доленго.*

БРАТЪ ПО РАСЧЕТУ. Повѣсть *Корженевскаго.*

ВІОЛЕТТА. Разсказъ *Элизы Полько.*

МАРЛІАНИ. Разсказъ *Иды Дюрингсфельдъ.*

ИНДІЙСКОЕ ПРИТИРАНЬЕ. Повѣсть *А. Н. Николаева.*

НАСЛАЖДЕНІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Изъ записокъ путешественника.

УТРЕННІЙ ВИЗИТЪ. *В. Крестовскаго.* (*Псевдонимъ.*)

ЛЕГКОМЫСЛІЕ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА. Деревенскія сцены. *В. Р. Зотова.*

ФАУСТИНА. Повѣсть *Шарля Ребо.*

ДУЭЛЬ. Изъ записокъ англійскаго офицера.

ОБИДА И МЕСТЬ. Сцены изъ военной жизни. *Марко-де-Сент-Илера.*

ОДНА ИЗЪ НИМФЪ ГИППОДРОМА. Разсказъ *Адольфа Шара.*

АРТИСТЪ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ. Разсказъ ***.

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ. Повѣсть *Евгенія Славинскаго.*

ПРОКАЗНИКЪ. Норвежская сказка.

СТРАННОЕ СОБЫТІЕ. Разсказъ сѣверо-американскаго писателя *Готорна.*

ПОНТОНЫ. Двѣ части. Разсказы *Луи Гарнере.*

АДАМЪ БУФФЪ или человѣкъ въ затруднительномъ положеніи. Повѣсть *Дугласа Джерольда.*

ВЕЛИКІЙ ПРАРОДИТЕЛЬ. Разсказъ *О. Евгеніева.*

ЛЮБОВЬ НА ПАРОХОДѢ. Драматическая пословица.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА. Повѣсть *Б. Л.*

ЗАЩИТА НЕЙШЛОТСКАГО ЗАМКА. Разсказъ *В. Савинова.*

КАВКАЗСКОЕ ПРЕДАНІЕ. *Г. В.*

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Повѣсть *М. И. Воскресенскаго.*

ПУСТЫНЯ. Арабская кассида въ стихахъ *Г. П. Данилевскаго.*

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ *одинадцать*:

Г. П. Данилевскаго.—Катуллъ. Сцены изъ римскаго быта.
К. П. Масальскаго.—Быль на берегахъ Невы. Историческая драма.
С. И. Одинской: Гдѣ медъ тамъ и мухи. Комедія.
М. Бобровскаго.—Замужняя невѣста. Комедія.
В. А. Вонлярлярскаго.—Лекарь. Драма.
С. Е. Бабушкина.—Аферистъ. Комедія.
Кн. В. Г. Кугушева.—Талисманъ, Драма.
Гр. Е. П. Ростопчиной.—Домашнее уложеніе. Комедія.
В. Р. Зотова.—Дочь Карла Смѣлаго. Драма.
Жоржа Занда.—Свадьба Викторины. Комедія.
Сулье. — Семейная драма.

СТАТЕЙ ПО ЧАСТИ ИСТОРІИ И ТЕОРІИ ИСКУССТВА *двадцать пять*:

П. П. Каменскаго—Алексѣй Егоровичъ Егоровъ.
А. Н. Сѣрова.—Спонтини и его музыка.
Его же.—Письма о музыкѣ. Моцартъ и Бетховенъ.
М. М. Достоевскаго.—Жуковскій и романтизмъ.
Г. П. Данилевскаго.—А. Е. Мартыновъ.
К. П. Брюловъ. (Некрологъ).
Ю. К. Арнольда.—«Эсмеральда» Даргомыжскаго и краткій очеркъ современной русской оперы.
Г. Рымова.—Соленикъ, замѣчательный провинціальный комикъ.
В. П. Василько-Петрова. Леонтина Фе-Вольнисъ.
Ѳ. А. Кони. Роза Шери.
П. П. Каменскаго.—Макреди, какъ актеръ и толкователь Шекспира.
А. Н. Сѣрова. — Ораторіи Гайдна.
Его же. — Бетговенъ и его три стиля.
Ѳ. А. Кони. — Екатерина Николаевна Жулева.
А. С. Горковенко. — Томасъ Муръ.
П. П. Каменскаго. — Музыкальныя воспоминанія объ Америкѣ.
А. П. Грека.—Очеркъ исторіи живописи въ Германіи.
Шарля Блана. — Грезъ.
Арсена Гуссе. — Французская живопись во время Людовика XVI, Республики и Имперіи.
Филарета Шаля.—Англійскій театръ до Шекспира.
Адольфа Адана. — Жанъ-Жакъ Руссо, какъ музыкантъ.

Луи Корменена. — Прадье.
Скудо. — Челеста Колтеллини и Паизьелло.
Чарльза Ламба. — Шекспиръ на сценѣ и въ чтеніи.
Шарля Боделера. — Эдгардъ Элленъ Поэ, сѣверо-американскій поэтъ.

Кромѣ болѣе двухсотъ мелкихъ статей въ Смѣси, напечатаны еще нѣсколько большихъ сочиненій; какъ-то:

ЗАПИСКИ АВГУСТА ВИЛЬГЕЛЬМА ИФФЛАНДА.
МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И ВЪ АФРИКѢ — доктора *Триплина.*
СОГДЕНСКІЯ СКАЛЫ и еврейская община въ горахъ Абхазіи. *В. Натухайскаго.*
БЫТЪ СОВРЕМЕННАГО ВОСТОКА. *Е. С. Македонскаго.*
МОСКОВСКІЕ ТИПЫ. *С. П. Колошина.*
СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ. *В. И. Савинова.*
ПОѢЗДКА ВЪ ШВЕЙЦАРІЮ ВЪ 1852 **Г.** *М. М. Михайлова.*
АСТРАХАНСКІЯ ПИСЬМА. *П. Моряковскаго.*
ОЧЕРКИ АНГЛІЙСКИХЪ НРАВОВЪ. *Чарльза Диккенса.*
АМЕРИКАНСКІЕ ПУФФЫ. *П. П. Каменскаго.*
ПРЕДАНІЕ О ФАУСТѢ.

«РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ» заключалъ въ себѣ новыхъ театральныхъ пьесъ пятнадцать.

ВЫДАЛЪ ДОЧКУ ЗАМУЖЪ. Водевилъ *П. С. Ѳедорова.*
КОРСАРЪ, драма съ прологомъ. Съ франц. *В. Зотовымъ.*
КОМЕДІЯ БЕЗЪ НАЗВАНІЯ. *Кн. Г. В. Кугушева.*
СТАРИНА, комедія *М. Ѳ. Каменской.*
РАЗЛУКА ТАЖЕ НАУКА. Комедія *П. И. Григорьева 1.*
НЕВѢСТА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Водевиль.
ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПУТЕШСТВЕННИЦА. Комедія.
КОМЕДІЯ ВЪ ОКНѢ И НА БАЛКОНѢ, Арсена Гуссе, переводъ *В. Р. Зотова.*
НИКОГДА НЕ НАДО ГОВОРИТЬ: НИКОГДА! пословица *А. Н. Николаева.*
ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ. Комедія *Н. И. Круглополева.*
МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ ИЛИ КАКЪ ПРОВОДЯТЪ ВРЕМЯ МОЛОДЫЕ, комедія *С. Бойкова.*
№ 470 **ИЛИ** 3000 **РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.** Водевиль *П. С. Ѳедорова.*
БОГАТЫЙ ХОЛОСТЯКЪ И ДВОЕ ЖЕНАТЫХЪ. Комедія. *П. И. Григорьева.*

БѢДА ОТЪ СЕРДЦА И ГОРЕ ОТЪ УМА. Водевиль *Ѳ. А. Кони.*
УТКА И СТАКАНЪ ВОДЫ. Водевиль *П. С. Ѳедорова.*

—

ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ ЗА 1853 ГОДЪ напечатаны слѣдующія большія статьи:

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Н. Д. Хвощинской. — Деревенскій случай. Повѣсть въ стихахъ.
Я. И. Полонскаго.—Квартира въ татарскомъ кварталѣ. Разсказъ.
В. Р. Зотова. — Между Петербургомъ и Москвою. Повѣсть въ шести станціяхъ.
М. Л. Михайлова. — Кухмистерша. Очеркъ изъ Петербургскаго быта.
Гр. Е. Н. Ростопчиной. — Кто кого проучилъ? — Комедія.
И. И. Лажечникова. — Новобранецъ 1812 года.
Г. П. Данилевскаго.—Старое горе. Степная сказка.
И. С. Юрьевой.—Цыганка. Повѣсть.
В. В. Толбина.—Панфилъ Ивановичъ. Повѣсть.
С. П. Колошина. — Маленькій Монте-Кристо съ большими странностями.
В. А. Вонлярлярскаго.—Тоска и смѣхъ. Капризъ.
В. И. Савинова.—Знахарь. Историческій романъ въ трехъ частяхъ.
П. С. Ѳедорова. — Любовь и предразсудокъ. Комедія Мелевиля.
В. А. Каприцкаго. — Михайло Флейтраверсовъ. Разсказъ.
Евгеніи Сарафановой. — Эпизодъ изъ поэмы «Адвокатство женщины».
В. Р. Зотова. — Арабскія каскиды.
А. И. Бибиковой.—Современная Дружба. Комедія.
Е. Славинскаго.—Медальонъ. Повѣсть.
М. И. Воскресенскаго.—Запретъ на имя. Повѣсть.
Шерюмаль Магу. Малабарскій разсказъ.
Эллена Поэ.—Докторъ бѣднякъ. Повѣсть.
Шарля Бернара. — Шаферъ. Повѣсть.
М. И. Михайлова. — Скрипачъ. Повѣсть.
С. С—ва. — Лёля. Повѣсть.

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

В. В. Толбина. — Испанская живопись.

А. Н. Сѣрова. — Моцартовъ «Донъ-Жуанъ» и его панегиристы, (три статьи.)

Франца Листа. — Шопенъ.

Д. Г. Дарле. — Художества и выставка 1852 г. въ Англіи.

*** Яковъ Григорьевичъ Брянскій.

А. Афонасьева. — Нѣсколько словъ о живописи древнихъ грековъ и римлянъ.

Л. В. Брандта. — Замѣтки и воспоминанія о русской журналистикѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Вильямъ Гогартъ и Лондонъ 100 лѣтъ тому назадъ.

МЕМУАРЫ. Воспоминанія изъ жизни Джозефа Гримальди. *Чарльса Диккенса.*

Путешествіе Лорда Байрона въ Корсику и Сардинію. Изъ неизданныхъ записокъ Бенсона, извлеченное *А. И. Бибиковой.*

Разсказы изъ жизни актрисы Маресъ.

Въ СМѢСИ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія большія статьи:

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ. (4 статьи) *В. И. Савинова.*

САМПЬЕТРО. Планъ трагедіи, соч. *Наполеона Бонапарте.*

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ГОФМАНОМЪ. *Э. И. Скорни.*

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПУСТЫНѢ. *Н. Андреянова.*

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧЬ. Повѣсть *Октава Фёлье.*

УРНА. Комедія *Его-же.*

ПАСТЕТЪ. Разсказъ. *В. И. Иваницкаго.*

ЗАПИСКИ МОЛОДОЙ ЖЕНЫ. *Альберика В—го.*

БѢЛОРУССІЯ въ характерическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ. (4 статьи) *Павла Шпилевскаго.*

КАЛУЛА. Африканскія сцены. Сѣверо-американскій романъ, въ двухъ частяхъ.

ПО ОЧЕРЕДИ. Разсказъ *Армана Берте.*

ВАТЕРЛО — 34 года послѣ сраженія. *Леона Гозлана.*

АСТРАХАНСКІЯ ПИСЬМА. *П. Моряковскаго.*

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ГОСТЬ У КАРАТЫГИНА. *В. И. Савинова.*

ЯМЩИКИ. Очеркъ *В. В. Толбина.*

МОЙ КАПИТАНЪ. Эпизодъ изъ войны 1825 года въ Южной Америкѣ.
ПОѢЗДКА ВЪ ЗАЛѢССКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ КРАЙ, ВЪ 1852 Г. *Н. И. Розанова.*
ДЕРЕВНЯ. Провинціальныя сцены *Октава Фёлье.*
ЖИЗНЬ НА МОРѢ. *А. И. Б—ой.*
ЗААТЛАНТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.
ЮЖНОЙ ПОЛЮСЪ. Изъ путешествія вокругъ свѣта. *П. М. Новосильскаго.*
АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ и его путешествія. *В. И. Перекрестова.*
ЗАПИСКИ АРАБА ФАТАЛЫ-СЕГИРА, изданныя *А. Ламартиномъ.*
КАКЪ ИНОГДА РАЗХОДЯТСЯ СВАДЬБЫ. *М—а.*
ВЕЧЕРА НА АЛУШТѢ.

ВЪ «РЕПЕРТУАРѢ РУССКОЙ СЦЕНЫ» напечатаны:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. Комедія *Ю. Песковскаго.*
АМИШКА. Водевиль. *П. С. Ѳедорова.*
СОЛДАТЪ-БАЛАГУРЪ. Національный водевиль *П. И. Григорьева.*
ДИПЛОМАТІЯ ЖЕНЫ. Комедія *Н. Крестовскаго.*
ПРЕЖДЕ СКОНЧАЛИСЬ, ПОТОМЪ ПОВѢНЧАЛИСЬ. Водевиль соч. *Максимова.*
МНОГО ШУМУ ИЗЪ ПУСТЯКОВЪ. Водевиль *А. А. Яблочкина.*
ЛЮБОВЬ АРТИСТА. Драма *В. А. Вонлярлярскаго.*
УРОКЪ МУЖЬЯМЪ. Комедія *Н. Крестовскаго.*
УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ. Комедія *Г. А. Стойковича.*
МОТЯ. Водевиль *К. А. Тарновскаго.*
ОДНОФАМИЛЬЦЫ. Комедія *С. И. Тальцевой.*

Въ этихъ нумерахъ разобрано до сорока новыхъ книгъ, указано на всѣ замѣчательныя явленія въ русскихъ журналахъ, помѣщены отчеты о представленіяхъ всѣхъ театровъ въ Россіи, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, пояснены всѣ новѣйшія открытія въ области наукъ, искусствъ и общественной жизни, ведена постоянная корресподенція заграничная, напечатано слишкомъ сто мелкихъ разсказовъ, извѣстій, новостей, анекдотовъ, замѣчательныхъ случаевъ и проч.

Кромѣ другихъ приложеній даны слѣдующіе портреты:

Гоголя, Жуковскаго, Загоскина, Брюлова, Лажечникова, Кукольника, Верстовскаго, Егорова, Вельтмана, Каратыгина 1-го, Каратыгина 2-го, Мартынова, Шумскаго, Григорьева 1-го, Кони, Воль-

нисъ, Жулевой, Віардо-Гарсіи, Лаблаша, Брянскаго, Самойловой 2, Самойлова, Маріо, Карлоты Гризи, Штейбена, Мейербера, Розы Шери, Зонтагъ, и проч.

Въ музыкальномъ сборникѣ Пантеона были помѣщены слѣдующія пьесы:

ДЛЯ ПѢНІЯ:

Арія изъ оперы «**АНДОРСКАЯ ДОЛИНА**», слова *П. Ѳедорова*, музыка *Галеви*.

Романсъ изъ оперы «**L'ENFAAT PRODIGUE**» муз. *Обера*.

РАЗЛУКА. Романсъ. Слова *Дубровскаго*, муз. *Н. Захарова*.

ИСПАНСКАЯ КАНЦОНЕТТА. Слова *Кони*, муз. *Т. Толстаго*.

НЕ СПРАШИВАЙ О ЧЕМЪ ТОСКУЮ. Романсъ. Слова *Воскресенскаго*, муз. *А. Рубинштейна*.

Арія Альбони изъ новой оперы «**ЦЕРЛИНА**» музыка *Обера*.

НЕ СКАЖУ НИКОМУ. Романсъ. Слова *Кольцова*, муз. *О. Дютча*.

ДВА ПРОЩАНЬЯ. Романсъ. Слова *Кольцова*, музыка *А. Дюбюка*.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. Слова *Песковскаго*, музыка *П. Булохова*.

НАДЪ ПОМОРЬЕМЪ ЗАЖГЛАСЯ ЗАРЯ. Романсъ. Слова *Щербины*, муз. *Г. Кузминскаго*.

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО:

UNE LARME. Morceau expressif. *С. Щепановскаго*.

БЛЕСТЯЩІЙ ВАЛЬСЪ. *Т. А. Функъ*.

UN COMPLIMENT. Pensée fugitive. *М. Бернарда*.

ALEXANDRA-POLKA-MAZURKA FANTASTIQUE. *В. Пишарда*.

CRACOVIENNE FAVORITE. *Л. Воланжа*.

ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ оперы Верди «**РИГОЛЕТТО**». — *О. Дютча*.

ПАНТЕОНЪ-ПОПУРИ. — *К. Лядова*.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ:

TOUT-A-VOUS-ПОЛЬКА. *Н. Вителяро*.

КОКЕТКА-ПОЛЬКА. *А. Евгеніева*.

РАШЕЛЬ-ПОЛЬКА. *А. Декомба*. Изъ Парижа.

НЕВА-ПОЛЬКА. *Г. Оланье*. Изъ Парижа.

МАЗУРКА. *Ѳ. К. Вальца*.

МАЙСКАЯ-ПОЛЬКА. *Дювивье*. Изъ Парижа.

ПАПИРОСЪ-ПОЛЬКА. *П. П. Булохова.*
КАДРИЛЬ. *Іосифа Гунгля.*
ПОЛЬКА-МАЗУРКА. *А. Буске.* Изъ Парижа.
ПОЛЬСКІЙ. *И. Д. Бальи.*
КАДРИЛЬ изъ оперы «**ПРОРОКЪ**» *О. И. Дютча.*
ВОСПОМИНАНІЕ О СЕРГИНСКОМЪ. Кадриль *И. О. Кони.*
ENFANTILLAGE-ПОЛЬКА. *С. Соловьева.*
ПОЛЬСКІЙ. — *И. Д. Вальи.*

ТЕАТРАЛЬНОЙ МУЗЫКИ:

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Слова *Кони,* музыка *Н. Ф. Вителяро.*
ПИТЕРЪ ЧУДНАЯ СТОЛИЦА. Слова *Кони,* музыка *В. И. Живокини.*
УПРЕКЪ. Романсъ. Музыка *Тальберга.*
СВАДЕБНАЯ КОРЗИНКА. Слова *Ѳедорова,* музыка *О. Дютча.*
Двѣ пѣсни изъ «**РУССКОЙ СВАДЬБЫ**». Слова *Сухонина,* музыка *О. И. Дютча.*
ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ. Слова *гр. Соллогуба,* музыка *Ѳ. М. Толстаго.*
ФИГУРАНТКА. Музыка ***.
ФОКУСЪ-ПОКУСЪ. Куплеты. Слова *Кони,* музыка *Н. Ф. Вителяро.*
НЕВѢСТА. Слова *В. Зотова.* Музыка *— ва.*
LA JEUNE VIELLE. Куплеты капельмейстера *Жосса.*
РОМАНСЪ. Его же.

Печатать позволяется С. Петербургъ 30 октября 1853 года.
Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*
Въ типографіи Эдуарда Веймара.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА
М. С.
ПОКРОВСКАГО

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СКРИПАЧЪ.

РАЗСКАЗЪ

М. Л. МИХАЙЛОВА.

—

Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ мирномъ городкѣ Б. (не знаю, каковъ–то онъ теперь: судьба давно, давно сорвала меня съ его благословенной почвы и унесла вдаль) не существовало, я думаю, ни одного обывателя, которому бы не былъ извѣстенъ, хоть по имени, Трофимъ Смекаловъ.

Это, впрочемъ, и не удивительно: всѣ жители были тамъ на перечетъ; да и городокъ-то весь лежалъ какъ на ладóнкѣ: въ какую улицу ни заверни—поле видно.

Справедливо говоритъ Карамзинъ, что и «Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей». Спросили бы вы любаго изъ старожиловъ городка Б., доволенъ ли онъ мѣстомъ своего жительства... Каждый, навѣрное, отвѣчалъ бы вамъ, что нѣтъ на всей поверхности земнаго шара болѣе-пріютнаго, болѣе–приво льнаго уголка.

И не правъ ли былъ бы онъ съ своей точки зрѣнія?

Дальше пятидесяти, много ста верстъ за чертою города на бывала его ветшающая въ сараѣ бричка, а слѣдовательно не бывалъ и онъ самъ; то, что видѣлъ онъ за пятьдесятъ и за сто верстъ отъ своей родины, не могло затмить въ его глазахъ достоинствъ ея, — и возвращался онъ домой съ радостнымъ біеніемъ сердца. Здѣсь онъ выросъ, здѣсь, можетъ-статься, былъ впервые влюбленъ, здѣсь женился, здѣсь родились его дѣти, которымъ (какъ знать!) прійдется, можетъ-быть, повторить тихую жизнь отца съ немногими измѣненіями.

Каждый зналъ здѣсь каждаго, каждый принималъ участіе въ каждомъ. Разумѣется, не все то, что зналъ одинъ про другаго, дѣлало этому другому честь, такъ же, какъ не всякое участіе и здѣсь отличалось безкорыстіемъ; но—гдѣ же нѣтъ темныхъ сторонъ?

А какъ умѣли веселиться въ городкѣ Б.! Я готовъ дать руку на отсѣченіе, что на столичномъ балѣ, при ослѣпительномъ сіяніи тысячи свѣчъ, подъ очаровательные звуки многочисленнаго оркестра, никто не танцовалъ съ такой безпечной веселостью, какъ танцовали, при скудномъ свѣтѣ десятка сальныхъ свѣчъ, подъ визгливое пѣнье единственной скрипки наши семь дамъ и три съ половиною кавалера. (За половину я считаю сына засѣдателя Шестипалова—Ванюшу, тогда еще малолѣтняго: теперь онъ и самъ, пожалуй, засѣдателемъ.)

Виртуозъ, напиливавшій на скрипкѣ кадрили и вальсы, матрадуры и экоссезы, былъ Трофимъ Смекаловъ, къ которому пора возвратиться послѣ объяснительнаго вступленія.

Часто, глядя на сухопарую, сутуловатую фигуру этого скрипача, одѣтую въ синій нанковый кафтанчикъ съ коротенькимъ лифомъ, на его худое лицо, усердно потѣющее надъ темною декой скрипки, на его костлявые пальцы, такъ ловко перебѣгающіе по грифу, часто думалъ я:

«Какую важную роль опредѣлила тебѣ судьба, Трофимъ Смекаловъ, помѣстивъ тебя въ городкѣ Б.! Кто придалъ бы безъ тебя столько живости и веселости этой молодежи?.. Взгляни на свѣтлыя лица барышень и юношей, порхающихъ подъ звуки, извлекаемые тобою изъ вѣрнаго инструмента, и прочитай на этихъ свѣтлыхъ лицахъ безсознательную благодарность тебѣ! Вотъ лучшая награда твоей старательности!»

Но Трофимъ не поднималъ глазъ на танцующихъ, и все старательнѣй и старательнѣй пилилъ по свою скрипку! Казалось, подбородокъ его продавитъ деку, смычекъ перерѣжетъ струны. Даже въ краткіе промежутки, когда барышни, сдѣлавъ книксены своимъ кавалерамъ (у кого былъ, конечно, кавалеръ), обмахивались носовыми платочками и спѣшили выпить по стакану холодной воды, а кавалеры удалялись въ сосѣднюю комна-

ту затянуться трубочкой, даже въ эти промежутки скрипачъ не обращалъ никакого вниманія на то, что происходило вокругъ него.

Снявъ нагаръ со свѣчи, Трофимъ бралъ съ пюпитра клѣтчатый бумажный платокъ и вытиралъ имъ сначала задокъ скрипки, потомъ лицо свое, начиная съ морщинистаго лба, сливавшагося съ желтоватою лысинкой, и кончая острымъ подбородкомъ.

Послѣ этого скрипка снова ущемлялась между высокимъ и жесткимъ галстухомъ и бородою музыканта, и онъ, сверкнувъ на мгновенье своими маленькими глазками, которые тотчасъ же скрывались опять подъ сѣнь темныхъ вѣкъ, говорилъ отрывисто, тоненькимъ голоскомъ, тому, кто стоялъ или сидѣлъ ближе всѣхъ къ нему.

— Что́ теперича?

— Матрадуру!

Трофимъ вытягивалъ кверху руку со смычкомъ, чтобъ освободить кисть ея отъ сюртучнаго обшлага, потомъ бралъ три приличные тону пьесы аккорда—и скромная зала оглашалась игривыми звуками матрадуры, веселаго танца, уже исчезшаго въ безднѣ всепоглощающаго времени, какъ, впрочемъ, исчезаетъ въ ней и все земное—будь это веселый танецъ, или горькая слеза.

Часто думалъ я также:

«Что́ будутъ дѣлать всѣ эти ноги, такъ бойко выработывающія разныя мудреныя па, когда и тебѣ, Трофимъ Смекаловъ, прійдетъ чередъ покинутъ сей бренный міръ? Кто будетъ наигрывать этимъ семи дамамъ и тремъ съ половиной кавалерамъ кадрили, вальсы и прочее, когда осиротѣетъ твоя скрипка? Кто замѣнитъ тебя для городка Б.?»

Боже мой! думая эту печальную думу, я все-таки не воображалъ, что близка пора, когда городокъ Б. утратитъ Трофима Смекалова. Но даже и не могъ вообразить, что послѣднее время жизни этого тихаго и спокойнаго виртуоза будетъ жертвою неожиданныхъ треволненій, которыя ускорятъ его кончину.

Отецъ Трофима, нѣкогда крѣпостной человѣкъ одного изъ б — ихъ помѣщиковъ, былъ тоже скрипачъ непослѣдняго разбора.

Владѣлецъ его, питая въ душѣ своей благородную страсть къ музыкѣ, возъимѣлъ когда-то намѣреніе составить изъ своихъ людей небольшой оркестръ, и поэтому отправилъ въ Москву, на выучку, трехъ дворовыхъ мальчишекъ, въ которыхъ открылъ какимъ-то образомъ музыкальныя способности. Изъ числа этихъ трехъ отроковъ только въ одномъ Матюшкѣ можно было подозрѣвать нѣчто подобное: онъ былъ постоянно вооруженъ какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ—или мѣднымъ варганомъ, или глиняною пикулькой, имѣющею отдаленное сход

ство съ уткой, или дудочкой, вырѣзанной изъ тростника. И точно, только одинъ Матюшка, вернувшійся домой рослымъ Матвѣемъ, оправдалъ господскія надежды; два товарища его, при самомъ началѣ своего артистическаго образованія, отбились отъ рукъ и были, какъ совершенно безнадежные дуболомки, возвращены помѣщику.

Пріѣздъ Матвѣя въ городокъ Б. былъ несказанно-пріятнымъ событіемъ для всѣхъ охотниковъ потанцовать, потому-что до той поры только въ одномъ домѣ, именно у нѣкоего Карпа Андреевича, можно было отплясать кадрильку или экоссезецъ подъ звуки разбитыхъ клавикордъ. Это былъ тогда единственный музыкальный инструментъ въ городѣ, какъ единственною музыкантшей была сестрица Карпа Андреевича, старая дѣва, которая никогда не прилагала своихъ тощихъ перстовъ къ помянутымъ клавикордамъ, не поломавшись по крайней мѣрѣ съ полчаса. Къ тому жъ, она играла только двѣ пьесы: экоссезъ, очень смахивавшій на пѣсенку: «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?» И какой-то монотонный вальсъ. Приходилось танцовать и кадрили, и матрадуры подъ звуки «чижика» экоссеза.

И такъ вы поймете, добрый читатель, радость всей б-ой молодежи при вѣсти о прибытіи изъ Москвы искуснаго скрипача.

Отправляя трехъ мальчишекъ въ ученье, владѣтель ихъ имѣлъ въ виду не столько собственное удовольствіе, сколько удовольствіе общества, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ; поэтому, возвратясь на родину, Матвѣй поступилъ, такъ-сказать, въ общее владѣніе.

Не проходило и недѣли, чтобъ Матвѣй не являлся къ барину своему со словами:

— Позвольте, сударь, отлучиться на нопѣшній вечеръ: звали на скрипкѣ играть.

— Кто?

Матвѣй отвѣчалъ, кто, и обыкновенно прибавлялъ, что приказано просить и «ихъ милость»—чаю откушать.

— Иди, братецъ, иди! говорилъ баринъ и, давъ Матвѣю выйдти принимался съ радостною усмѣшкой потирать руками.

На слѣдующее утро скрипачъ былъ обязанъ явиться къ своему господину съ рапортомъ о полученномъ наканунѣ вознагражденіи.

Maximum этого вознагражденія была красненькая ассигнація (за свадебные и тому подобные торжественные вечера), самая обыкновенная плата—цѣлковый, minimum—полтинникъ.

Въ первомъ и второмъ случаяхъ баринъ говорилъ обыкновенно:

— Ладно, братецъ, ладно. Копи денежку—пригодится.

— Вашей, сударь, милостью, отвѣчалъ, кланяясь, Матвѣй: — мы много довольны.

Въ послѣднемъ случаѣ, то-есть при полученіи Матвѣемъ полтинника, баринъ замѣчалъ:

— Маловато; поскупились.

Но Матвѣй не роптalъ.

— Ничего, сударь, говорилъ онъ, такъ же кланяясь:—много благодарны и на эфтомъ.

Заботясь о благосостояніи своего музыканта, баринъ женилъ его на доброй дѣвкѣ Маланьѣ. Маланья родила Матвѣю сына Трофима, которому баринъ самъ вызвался быть крестнымъ отцемъ. При этомъ случаѣ Матвѣй, за свое искусство и за вѣрность, получилъ отпускную себѣ и своей семьѣ.

Матвѣй не чуждался чарки, но испивалъ очень умѣренно, и былъ хорошій семьянинъ: любилъ жену и сына, и откладывалъ для нихъ въ особую кубышку излишки своихъ маленькихъ доходовъ. По смерти барина своего и благодѣтеля, онъ обзавелся и домкомъ: пріобрѣлъ на краю города, у самой заставы, избушку о трехъ окошкахъ, и поселился тамъ.

Маланья (на новомъ мѣстѣ стали, какъ и слѣдовало, звать ее Маланьей Петровной, или, еще почтительнѣе, просто Петровной) славно устроила хозяйство: завела двухъ коровъ и цѣлый дворъ куръ, въ видахъ увеличенія мужниныхъ доходовъ.

— Пустилась баба въ торговлю, говорилъ Матвѣй.—Ничего, дѣло доброе!

Не все молоко, не все масло шли въ продажу; не всѣ куры и цыплята откармливались для чужаго рта: было чѣмъ полакомиться и самимъ, и сынишкѣ. И немало уплеталъ сынишка разныхъ сдобныхъ лепешекъ да вотрушекъ, и не обходилось ни одного праздника безъ того, чтобы Троша не съѣлъ двухъ-трехъ огромныхъ кусковъ жирнаго курника съ яйцами. Тѣмъ не менѣе мальчуганъ не походилъ на хорошо-кормленаго; ножонки тоненькія, брюха нѣтъ, въ лицѣ хоть бы кровинка. Мать приписывала эту худобу тому обстоятельству, что Трофимъ, когда ему еще и полугода не минуло, брякнулся однажды изъ колыбели на полъ, да такъ, что не пикнулъ и не дышалъ съ полсутки.

Несмотря, однако, на этотъ ушибъ, Трофимъ былъ полнымъ наслѣдникомъ музыкальныхъ способностей отца. Только что началъ онъ ходить, какъ уже вооружался двумя палочками, одну упиралъ себѣ въ плечо, словно скрипку, а другою водилъ по ней, какъ смычкомъ, и при этомъ мычалъ и мурлыкалъ, подражая звукамъ скрипки. Когда же Матвѣй

брался за свой инструментъ, мальчикъ, вытянувъ худенькую шею и поднявъ на отца внимательные глаза, казалось, не проронялъ ни одной нотки, и ничѣмъ ни отвлекли бы вы его въ это время изъ комнаты—даже бѣлымъ пряникомъ, имѣющимъ видъ коня съ золотою гривой, или пѣтуха съ золотымъ гребешкомъ.

— Тата! просилъ онъ часто отца:—дай мнѣ скрипку! я поиграю.

— Погоди, братъ, погоди! отвѣчалъ Матвѣй, гладя ребенка по головѣ:—вотъ выростешь, тогда и будешь играть. Самъ учить стану.

— Дай теперь!

— Теперь на палочкѣ играй: гдѣ еще тебѣ на скрипкѣ играть? Вонъ ручонки-то какія! этакую махину и не сдержишь.

Матвѣю очень желалось пріобрѣсть для сына дѣтскую скрипку, но такой не нашлось въ городкѣ, и потому, когда Трофиму минуло семь лѣтъ отъ роду, отецъ принялся учить его играть на своей скрипкѣ, на большой. Мальчикъ оказывалъ, по словамъ Матвѣя, «большое понятіе», хотя во время уроковъ приходилось учителю сажать ученика къ себѣ на колѣни и постоянно придерживать и скрипку, и смычекъ, чтобъ они не валились у него изъ рукъ.

Пятнадцати лѣтъ мальчикъ преисправно разбиралъ ноты и напиливалъ на скрипкѣ бо́льшую часть незамысловатыхъ пьесъ, составлявшихъ скудный репертуаръ Матвѣя. Маланья не могла нарадоваться успѣхамъ Трофима, а Матвѣй съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сожалѣлъ, что нѣтъ у него для сына другой скрипки, ужь не маленькой.

— Вотъ бы мы показали себя, Трофимъ! говорилъ онъ:—я прѝму, а ты секунду. Какой хочешь оркестръ заткнули бы за поясъ. Ну, да погоди же!.. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Вотъ поѣдетъ Иванъ Ѳомичъ на макарьевскую ярмонку... благо, деньжонки есть у меня теперича залишнія... пускай купитъ тебѣ скрипицу.

Ивану Ѳомичу, торговавшему въ городкѣ Б. разными галантерейными вещами, не пришлось, однакожъ, покупать на макарьевской ярмаркѣ скрипку, потому что еще до отъѣзда его отецъ Трофима внезапно умеръ.

Съ этого времени, наслѣдовавъ отъ родителя старую скрипку, къ звукамъ которой такъ привыкло б—ое общество, Трофимъ занялъ и мѣсто, которое оставалось вакантнымъ за смертью Матвѣя, мѣсто, сохраненное и Трофимомъ, подобно отцу его, до самой смерти.

Не болѣе, какъ черезъ годъ, танцующая молодежь городка, сначала изъявлявшая сильныя сомнѣнія въ способностяхъ новаго музыканта, стала гласно сознаваться въ своей ошибкѣ и утверждать, что Трофимъ

Смекаловъ далеко превзошелъ въ дѣлѣ искусства своего отца и предшественника. И точно, никогда Матвѣю и въ голову не приходило украшать играемые имъ вальсы, матрадуры и другія пріятныя штуки такими фіоритурками, трельками и иными фигурками, какія рѣшался выдѣлывать на скрипкѣ своей Трофимъ.

Это было только началомъ, опытомъ. Въ послѣдствіи Трофимъ сталъ варьировать пьесы своего репертуара и, наконецъ, сочинять самъ. Особенно извѣстенъ былъ сочиненный имъ польскій, которымъ обыкновенно и открывались скромные, но веселые балики городка Б.

Трофимъ страстно любилъ свое искусство. Безъ скрипки едва ли было возможно для него счастье на свѣтѣ. Каждую свободную минуту посвящалъ онъ музыкѣ: или игралъ, или переписывалъ свои ноты, всякій разъ измѣняя въ нихъ что нибудь; а свободныхъ минутъ, или, лучше сказать, часовъ, было у него вдоволь; о домѣ, о хозяйствѣ хлопотала его мать, добрая женщина, которая не казалась еще старухой, когда хилой сынъ ея глядѣлъ уже совершеннымъ старикомъ, которой пришлось и пережить его.

Петровнѣ крѣпко желалось понянчить внучатъ; но она никакъ не съумѣла женить Трофима.

— Вотъ у меня жена! говорилъ онъ нерѣдко, перерывая жалобы матери на его одинокое житье-бытье: —вотъ она!

И Трофимъ вытаскивалъ изъ суконнаго мѣшка свою милую скрипку.

— Э-эхъ, родной! начинала мать: все эфто ладно; только все-таки...

Но тутъ обыкновенно кончалось ея возраженіе, потому-что Трофимъ упиралъ подбородокъ въ подгрифокъ скрипки, и смычекъ его тихо скользилъ по струнѣ, запѣвая любимую пѣсню Петровны — «Лучинушку». Петровна прикладывала правую ладонь къ щекѣ, возводила на сына вдругъ подернувшіеся слезой глаза, и готова была слушать хоть цѣлый вѣкъ.

Я уже сказалъ, что послѣднее время жизни нашего виртуоза было отравлено горемъ. Это горе пришло такъ неожиданно, было такъ тяжко и такъ ново для Трофима Смекалова, который, проживя на свѣтѣ сорокъ два года, зналъ жизнь только по ея свѣтлымъ сторонамъ, что трудно было не пасть подъ его бременемъ.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, Смекаловъ, со своею скрипкой подъ мышкой, спокойно возвращался домой отъ исправника, который, по случаю собравшихся у него гостей, позвалъ скрипача съиграть этим гостямъ два вальса, двѣ кадрили и одинъ экоссезъ.

Было еще не поздно—всего часовъ одиннадцать; вечеръ былъ удивительно хорошъ, и потому Трофимъ не торопился подъ свою кровлю. Онъ шелъ тихо; поглядывалъ на чистое небо, высоко голубѣвшее, гдѣ весело мигали звѣзды и стоялъ полный мѣсяцъ, изрѣдка серебря дружелюбнымъ сіяніемъ проносящееся подъ нимъ бѣлое волокнистое облачко; поглядывалъ и по сторонамъ, на маленькіе домики, мирно уснувшіе въ зеленой тѣни садовъ и садиковъ, вѣявшихъ на улицу ароматомъ и прохладой. Только кой-гдѣ густую сонную листву пронизывала дрожащимъ лучемъ мигающая какъ звѣздочка искра—лампада ли то теплилась передъ иконой, свѣча ли догорала у чьей постели. Воздухъ былъ свѣжъ, дыша еще влагой недавней росы; глубокая тишина только изрѣдка нарушалась какимъ нибудь отдаленнымъ звукомъ, который казался особенно-рѣзкимъ: то собака гдѣ-то тявкнула, то калитка скрипнула.

Вдругъ до ушей Трофима донеслась длинная нота, взятая на какомъ-то струнномъ инструментѣ, какъ-будто на скрипкѣ, и Трофимъ весь превратился въ слухъ. Онъ даже остановился, выжидая, что будетъ дальше, и соображая, откуда могъ взяться этотъ звукъ.

Секунды три-четыре спустя, раздалась еще нота, за нею другая, третья—и Трофимъ уже не шелъ, а бѣжалъ къ краю улицы, потому что (ясно) оттуда неслись чудные, никогда неслыханные имъ звуки какой-то чудодѣйственной скрипки, звуки столь свѣжіе и чистые, будто и они, какъ оглашаемый ими воздухъ, были омыты ночною росой.

Пораженный этою неожиданною музыкой, скрипачъ остановился наконецъ у одного изъ маленькихъ домиковъ, и опершя обоими локтями, не боясь раздавить стиснутую подъ мышкой скрипку, на деревянныя балясинки, ограждавшія разбитый передъ домомъ цвѣтникъ. Если бъ свѣтлый мѣсяцъ не спрятался за трубою домика, обливъ густою тѣнью и цвѣтникъ, и его загородку, и даже половину улицы, то онъ увидѣлъ бы на лицѣ Трофима Смекалова выраженіе высокаго восторга и въ то же время какой-то сладостной тоски. Губы его дрожали, и на глазахъ навертывались слезы.

«Боже мой! что это такое?» думалъ Трофимъ, и не могъ отвѣчать себѣ, что бы это такое было.

Зналъ онъ только, что въ этомъ домикѣ, на два окошка котораго, завѣшанныя зеленымъ коленкоромъ, такъ пристально устремлены слезящіеся глаза его, раздается музыка, какая снилась ему только въ несбыточныхъ (или и онѣ могутъ сбываться?) грёзахъ; зналъ онъ только, что изъ той скрипки, которая двигала въ этотъ вечеръ нѣсколько танцующихъ паръ въ домѣ исправника, никакой смычекъ не извлечетъ такихъ мелодическихъ, то тихо ласкающихъ, то пронзающихъ сердце зву-

ковъ... И что такое поетъ эта волшебная скрипка? Это не матрадура, не вальсъ, даже не польскій, не русская мелодія, это что-то такое— такое, чему Трофимъ Смекаловъ не знаетъ названія, но что заставляетъ страстно болѣть и ныть его сердце, что дыханье захватываетъ. Кто сложилъ такую дивную пѣсню? И что за чародѣй вызываетъ изъ мертваго инструмента эти обдающіе трепетомъ звуки?

Скрипка пѣла; изъ страстно-тоскующаго адажіо она переходила въ бурное аллегро... Казалось, сердце Трофима отвѣчало каждой нотѣ ея согласнымъ біеніемъ; но жесткимъ щекамъ музыканта, ему самому незамѣтно, скатывались одна за другою крупныя горошины слезъ.

Всю ночь готовъ бы Трофимъ стоять, облокотясь на заборъ, у этого домика, мимо котораго безъ вниманія проходилъ онъ ежедневно, и не только всю ночь, но и весь день, который смѣнитъ ее, и опять всю ночь, послѣдующую за этимъ днемъ, лишь бы только не смолкала эта чудная музыка.

Но она смолкла.

Трофимъ ждалъ. Вотъ, слышитъ онъ, кто-то шагаетъ по комнатѣ; зеленыя занавѣски оконъ слегка шевелятся. Вотъ какъ-будто щелкнулъ ключъ. Опять шаги... и снова все стихло.

Затаивъ дыханіе, прислонился Трофимъ еще крѣпче къ забору. Полуоткрытыя губы его двигались, словно шепча: «Что же, играй!» Но вдругъ занавѣски потемнѣли, и тонкія черты свѣта, обрисовывавшія ихъ въ окнахъ, погасли на зелени цвѣтника.

Долго ли, коротко ли стоялъ и слушалъ Трофимъ Смекаловъ— этого онъ не могъ бы сказать, если бъ въ то время, какъ онъ поворотилъ въ свой переулокъ, кто нибудь спросилъ его, куда онъ идетъ— онъ и на это не съумѣлъ бы дать отвѣта... Волшебная скрипка продолжала еще звучать въ его ушахъ, и, направляясь къ своему дому, онъ нѣсколько разъ останавливался и прислушивался, не заигралъ ли опять неизвѣстный музыкантъ.

Прійдя домой, Трофимъ почти съ презрѣніемъ бросилъ на стулъ свою скрипку, съ которою обыкновенно обращался очень учтиво и нѣжно. Онъ ни слова не промолвилъ матери, накрывавшей столъ для ужина, сѣлъ въ уголкѣ и задумался.

— Садись за столъ, Трофимъ, сказала Петровна, неся миску щей.

— Ась? отозвался Трофимъ, поднимая опущенную голову.

— Садись! щи простынутъ.

— Я не стану ужинать.

— Что такъ?

— Не хочется.

— Э, полно. Гляди-ка, щи-то какія!

— Не стану.

— Да что съ тобой?

— Ничего.

— Болитъ развѣ что?

— Голова болитъ.

— Похлебалъ бы горяченькаго-то: авось и лучше будетъ.

— Нѣтъ, не хочу; лягу спать.

— Какъ же это безъ ужина-то?

И не уснешь, пожалуй.

— Усну. Прощай матушка.

— Господь съ тобой, мой родной!

Петровна поужинала одна.

Послѣ ужина, прибирая со стола, она увидѣла около него на стулѣ скрипку.

— Что это онъ? и скрипку-то не убралъ къ мѣсту, замѣтила старуха, вѣшая заслуженный инструментъ на издавна-назначенный ему гвоздикъ.

Трофиму Смекалову плохо спалось въ эту ночь, и первою мыслью его на слѣдующее утро было—идти провѣдать, кто живетъ въ домикѣ, принадлежащемъ мѣщанину Колотушкину, и такъ восхитительно играетъ на такой восхитительной скрипкѣ.

Петровна не могла не замѣтить, что Трофимъ чѣмъ-то сильно озабоченъ: онъ и одѣвался какъ-то особенно торопливо, и не позавтракалъ, какъ слѣдуетъ; но на всѣ ея вопросы сынъ отвѣчалъ очень неудовлетворительно: говорилъ все, что «нужно» идти, что онъ «обѣщался» прійдти—и только, хотя, кажется, въ дѣлѣ, заставлявшемъ Трофима уходить изъ дому, не было ничего такого, что должно бы быть тайной для его матери.

Мѣщанинъ Колотушкинъ былъ горчайшій пьяница, и никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ Трофимомъ Смекаловымъ; это, однако жъ, не помѣшало скрипачу отправиться къ нему, въ надеждѣ получить хоть кой-какія свѣдѣнія о его новомъ постояльцѣ.

Но—увы! хотя пора была и очень ранняя, а музыкантъ нашъ засталъ Колотушкина уже почти свалившимся съ ногъ, и не могъ добиться отъ него путнаго слова.

Вотъ какой произошелъ между ними разговоръ.

— А я къ тебѣ, Сидоръ Аѳанасьичъ, по дѣльцу.

— По какому?

— Да вотъ, вчерась, идучи отъ исправника, слышалъ я—кто-то у тебя въ домѣ на скрипочкѣ поигрывалъ...

— А кому у меня... поигрывать?

— Какъ кому? Игралъ кто-то.

— Никто... не игралъ.

— Вотъ еще! я слышалъ самъ.

— Никто... не игралъ. Кому играть?

— Да если я тебѣ говорю, что самъ слышалъ.... Цѣлый часъ подъ окномъ стоялъ.

— Некому... играть.

— Вотъ затростилъ одно: некому, да некому играть! Вѣдь толкомъ тебѣ сказано, что слышали.

— Ну, игралъ, такъ игралъ! Можетъ... и игралъ. Кто ему мѣшаетъ... играть? пускай играетъ!.. Не хочешь ли вотъ... выпить?... а?.. А онъ пускай... играетъ! Что ему... не играть?

— Да кто онъ таковъ? хоть ты это мнѣ скажи.

— Онъ-то?

— Ну, да.

— Онъ-то?.. а... ну его совсѣмъ!.. Не замай!.. пускай играетъ!.. Игра—а—ай!

Видя, что Титъ азы твердитъ, Смекаловъ разсудилъ за лучшее удалиться.

Тихо шелъ онъ по двору изъ флигелишка пьянаго хозяина, надѣясь встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ домочадцевъ и поразспросить о занимавшемъ всѣ помышленія его музыкантѣ; но встрѣтилъ только забредшаго съ улицы, ощипаннаго индѣйскаго пѣтуха, который на всякое кряканье Колотушкина, слышное на дворѣ, отвѣчалъ пыхтѣньемъ, шипѣньемъ и наконецъ глупымъ крикомъ, отъ котораго трясся его багровый зобъ.

Окна домика, въ которыя Трофиму хотѣлось заглянуть, были закрыты зелеными шторами: видно новый жилецъ еще спалъ.

Воротился Трофимъ домой—воротился недовольный и хмурый. Пройдясь раза два по комнатѣ, онъ по привычкѣ остановился передъ гвоздикомъ, на которомъ висѣла скрипка, и протянулъ было къ ней руку; но вдругъ лобъ его еще болѣе нахмурился, и онъ, ударивъ рукою по спинкѣ стоявшаго вблизи стула, словно хотѣлъ наказать руку за то, что она протянулась къ скрипкѣ, принялся опять расхаживать изъ угла въ уголъ.

Петровна, видѣвшая изъ окна кухни, что сынъ возвратился, все ждала, что вотъ-вотъ заиграетъ онъ, какъ это всегда бывало по утрамъ;

но она успѣла облупить и изрѣзать десятка два картофеля, успѣла нарубить говядины для пирога, а домъ все еще не оглашался обычными звуками какого-нибудь польскаго или вальса. Старухѣ какъ-будто чего-то недоставало при стряпнѣ, и она, забывъ, что молоко, поставленное на таганъ и начинающее уже закипать, можетъ все уйдти, обтерла руки, опустила подоткнутое подъ поясъ платье и вышла къ сыну.

— Что, Трофимъ? не можется, что ли, тебѣ? спросила она, остановясь посерединѣ комнаты, когда увидѣла пасмурную фигуру Трофима.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Трофимъ, продолжая ходить (и даже не взглянулъ на мать):—я ничего.

— А мнѣ показалось, будто ты не по себѣ что-то. Не хочешь ли ты поѣсть чего нибудь? Вчерась вѣдь не поужинавши легъ.

Трофимъ отказался.

— Что это ты и на скрипочкѣ-то не игралъ сегодня?

— Не играется.

«Что бы это такое случилось съ нимъ?» шептала Петровна, возвращаясь къ своимъ хозяйственнымъ хлопотамъ (а молоко ушло-таки изъ кострюльки)

Она долго думала да соображала; но думы и соображенія ничего ей не объяснили, хотя и порядкомъ повредили качеству приготовленныхъ ею блюдъ: то пережарилось, другое недопеклось.

Между тѣмъ Трофимъ, уставши ходить, присѣлъ къ столу и началъ перелистывать кучу своихъ нотъ. Это занятіе еще болѣе омрачило расположеніе его духа.

«Охота была тратить время на переписыванье всего этого?» думалъ онъ: «Что это такое?.. Развѣ музыка это?.. можно ли назвать эту жалкую дрянь музыкой, послѣ того, что я слышалъ вчера?»

И Трофимъ съ досадой оттолкнулъ отъ себя свои тетради.

Онъ едва притронулся къ обѣду, что, разумѣется, очень огорчило старуху, которая не переставала выспрашивать сына разными обиняками, но такъ и не добилась отъ него хоть сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

Трофимъ и самъ не зналъ, что съ нимъ творится: онъ нигдѣ мѣста себѣ не находилъ—то сядетъ, то встанетъ, то ходить примется, то у окна стоитъ, въ окно смотритъ, ничего не видитъ. Послѣ обѣда брался онъ раза два за скрипку, вынималъ ее изъ мѣшка и прикладывалъ къ подбородку, но, проведя по ней смычкомъ, снова оставлялъ. Звуки ея, до сихъ поръ казавшіеся Трофиму нѣжными и пріятными, теперь били его по ушамъ.

Наконецъ начало смеркаться, и Трофимъ ушелъ изъ дому.

Долго странствовалъ онъ изъ улицы въ улицу, прежде чѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Мимо колотушкинскаго дома прошелъ онъ два раза, и видѣлъ въ окнѣ незнакомаго человѣка, лѣтъ двадцати пяти, худощаваго, съ длинными черными волосами. При видѣ его у Трофима какъ-будто сердце перевернулось: въ немъ вскипѣла страшная ненависть къ этому молодому человѣку, ненависть, къ какой едва ли можно было предполагать способною его добрую душу. До этой поры онъ мучился только сознаніемъ собственнаго ничтожества въ дѣлѣ искусства и желаніемъ узнать, кто этотъ счастливецъ, обладающій такою неслыханною скрипкой и такимъ безпримѣрнымъ даромъ; увидѣвъ же этого счастливца, онъ ощутилъ въ себѣ злобную зависть.

Не скоро дождался Смекаловъ такъ нетерпѣливо жданныхъ имъ звуковъ—не прежде, какъ все смолкло въ городкѣ и уснуло. И опять, прислонясь къ загородкѣ цвѣтника, долго слушалъ онъ разнообразныя, то кротко нѣжныя, то торжественно громкія мелодіи, носившіяся чистыми звуками въ тихомъ воздухѣ и учащавшія біеніе сердца въ его стѣсненной груди.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда сердце Трофима совсѣмъ замирало отъ наслажденія, онъ вдругъ почувствовалъ прикосновеніе чьей-то довольно тяжелой руки къ своему плечу.

— Что, плохо играетъ? спросилъ незнакомый голосъ.

Трофимъ вздрогнулъ и оглянулся. За нимъ стоялъ высокій мужчина безъ шапки, въ длинномъ сюртукѣ.

— Плохо? а! повторилъ онъ.

Нашъ скрипачъ хотѣлъ было отвѣчать ему невѣжливостью: «коль самъ, дескать, не смыслишь ничего, такъ хоть другимъ не мѣшай слушать!» но звуки скрипки смолкли на тихой, замирающей нотѣ.

— Кто это? невольно спросилъ Трофимъ, обращаясь къ заговорившему съ нимъ незнакомцу:—кто игралъ?

— Баринъ мой.

— Твой баринъ?

— Онъ самый. А что, хорошо?

— Въ первый разъ такую игру слышу.

— Да ты и самъ не маракуешь ли?

— Немножко.

— То-то и уставился такъ на окна-то. Я ужь давно на тебя смотрю: сидѣлъ тутъ, у воротъ, на скамейкѣ.

— Какая у него скрипка?

— Извѣстно, какая—деревянная

— Я не объ томъ... я, то-есть, хотѣлъ спросить—дорогая скрипка?

— Думаю, что не дешева.

— Хоть бы посмотрѣть на этакую!.. Да откуда вы съ барином-то?

— А тебѣ, примѣромъ, на что это знать?

— Да такъ... Больно мастеръ онъ играть-то; да и скрипка у него .. ахъ, скрипка!

— Некогда мнѣ толковать съ тобой: надо пойдти барина раздѣвать. Заходи завтра передъ обѣдомъ: его дома не будетъ... Я тебѣ, пожалуй, и скрипку-то покажу.

Идя домой, Трофимъ радовался, что завтра узнаетъ кое-что о своемъ побѣдителѣ въ скрипичной игрѣ, что чудодѣйственная скрипка будетъ въ его рукахъ, что онъ увидитъ ноты этой доселѣ-незнакомой ему музыки; но дома онъ почувствовалъ опять ту тоску, которая мучила его цѣлый день. Она долго не давала ему спать и неразъ изъ глазъ его срывались горькія слёзы на ситцевую наволочку его жесткой подушки.

Наконецъ Трофимъ получилъ всѣ желаемыя свѣдѣнія.

Молодой человѣкъ, такъ артистически играющій на скрипкѣ, пріѣхалъ въ городъ на нѣсколько дней, по какому-то домашнему дѣлу, и, вѣроятно, потомъ уже не возвратится сюда; онъ учился въ Петербургѣ, и тамъ извѣстенъ, какъ хорошій музыкантъ; скрипку свою онъ вездѣ возитъ съ собою, но ноты у него остались дома — съ собою нѣтъ ни листка, и онъ все играетъ наизустъ.

Эти свѣдѣнія навели было Трофима на мысль представиться пріѣзжему музыканту, поговорить съ нимъ, попросить его совѣта, и прочее; но мысль эта такъ же скоро ушла изъ головы нашего скрипача, какъ и вошла въ нее. Съ краскою въ лицѣ думалъ онъ, что этимъ глубоко унизитъ себя; гордость, какой онъ до того времени не сознавалъ въ себѣ, зашевелилась въ его душѣ.

Слуга пріѣзжаго музыканта, по обѣщанію, показалъ Трофиму скрипку своего барина. Долго и со всѣхъ сторонъ разсматривалъ Трофимъ старый неказистый инструментъ, и насилу рѣшился попробовать его. Когда смычекъ тихо пошелъ по струнамъ, рука Смекалова, державшая грифъ, задрожала, и онъ поспѣшилъ оставить скрипку: двѣ-три ноты, протяжно ею спѣтыя, казалось, вырвались изъ его собственнаго сердца— растерзаннаго, болѣющаго... Онѣ потрясли все существо Трофима.

Торопливо простился онъ съ слугой пріѣзжаго артиста.

— А къ тебѣ приходилъ лакей отъ Саввы Петровича.

Этими словами встрѣтила сына Петровна.

— Зачѣмъ?

— Зовутъ тебя вечеромъ играть: гости, слышь, будутъ.

— Ну!

— Я сказала, что тебя теперь дома нѣтъ, а что вечеромъ прійдешь.

— Я не пойду.

— Отчего?

— Непойду, нездоровъ.

Петровна смотрѣла на сына съ недоумѣніемъ и чуть не со слезами на глазахъ.

— Э-эхъ, матушка! сказалъ съ досадой Трофимъ, и принялся, понуривъ голову, шагать по комнатѣ.

— Что́ ты, Трофимъ? что́, мой родной? боязливо спросила Петровна и подгорюнилась.

— Нужно было тебѣ говорить, что я прійду?

— Да почему жъ мнѣ знать было, что ты не захочешь идти?

— Сказала бы лучше, чтобъ лакей меня подождалъ.

— Не сердись ты, родной! Вѣдь это дѣло поправное: ну, я схожу—скажу, что тебѣ нельзя прійдти...

Трофимъ остановился.

— Ито, сходи-ка, матушка! Боленъ, молъ, Трофимъ—не можетъ играть.

Петровна постояла и помолчала.

— Да что́ это тебѣ, Трофимъ, вздумалось на себя клепать? проговорила она наконецъ, съ разстановкой:—что́ бы не пойдти?

— Сказалъ я, такъ значитъ нельзя!

И Трофимъ (чего съ нимъ никогда не бывало) сердито топнулъ ногой.

— Не сердись, голубчикъ! произнесла ласковымъ тономъ совершенно-смущенная старуха:—ну, нельзя, такъ нельзя. Я только такъ, съ простоты сказала. Сейчасъ пойду.

— Скажи, что руку ушибъ.

— Ладно, сердечный, ладно.

Трофиму ни разу и на мысль не вспало, что онъ будетъ виною великаго неудовольствія для молодежи, которая отправится въ этотъ вечеръ къ Саввѣ Петровичу, въ чаяніи полощить его негладкій полъ. Одно только помнилъ нашъ скрипачъ, что у Саввы Петровича навѣрное будетъ пріѣзжій музыкантъ, что ни чѣмъ въ свѣтѣ, никакими милльонами не заставить его, Трофима Смекалова, играть передъ этимъ пріѣзжимъ.

Савва Петровичъ, впрочемъ, не удовлетворился вѣстью, принесенною ему Петровной, хотя на длинныя распрашиванья его, что́ и какъ, Петровна отвѣчала вполнѣ удовлетворительно, не подавъ повода къ сомнѣ-

нію. Раза три въ теченіе дня присылалъ онъ дворового мальчишку справиться о здоровьѣ Трофима.

Эти присылки еще болѣе взволновали и безъ того страшно-взволнованнаго скрипача. Къ вечеру онъ принялся просто, какъ говорится, и рвать, и метать.

Мать не знала, что и дѣлать: ходитъ ея Трофимъ, какъ растерянный, слова не промолвитъ толкомъ, ничего не ѣстъ, не пьетъ; за скрипку и не берется, словно и въ-правду рука зашибена; глаза какіе-то странные, и самъ какъ-будто еще худѣе сталъ въ эти два-три дня. Заговаривать съ нимъ Петровна боялась, чтобъ не привесть его въ еще бо́льшую досаду и тревогу, и только втихомолку сокрушалась, глядя на сына да покачивая головой.

Тоска одолѣвала Трофима; мысли путались въ его головѣ.

То думалъ онъ пойдти къ этому человѣку, такъ неожиданно и безъ всякаго намѣренія разрушившему его покой и счастіе, показавъ жалкую ничтожность того, въ чемъ до той поры была вся его жизнь; пойдти и сказать ему все, выложить передъ нимъ всю свою душу съ самыми сокровенными чувствами ея и мыслями; то казалось Трофиму легче утопиться, чѣмъ даже встрѣтиться съ пріѣзжимъ музыкантомъ, не только что говорить съ нимъ. Эти мысли смѣнялись безпрестанно какимъ-то неестественно-сильнымъ желаніемъ обладать чужою скрипкой. Но возможно ли это?.. Купить—гдѣ деньги у Трофима? да и захотятъ ли продать ее?.. Попросить хоть на время — у кого попросить? у него?.. И передъ Трофимомъ рисовалось спокойное лицо молодаго человѣка, выглядывающее изъ окна колотушкинскаго дома, и злоба обливала сердце Трофима. А на этой скрипкѣ онъ, можетъ-быть, и съумѣлъ бы доиграться до такого искусства, какимъ обладаетъ этотъ ненавистный пріѣзжій... Можетъ-быть? А вѣрнѣе, что нѣтъ.

Еслибъ пріѣзжій молодой человѣкъ могъ предвидѣть, какія глубокія раны нанесетъ каждая съигранная имъ нота сердцу бѣднаго уѣзднаго музыканта, онъ, вѣрно, и не вынулъ бы изъ футляра свою скрипку въ городкѣ Б. Но молодой человѣкъ ничего не зналъ и очень спокойно любезничалъ въ гостиной Саввы Петровича съ одной молоденькой вдовой въ то время, какъ Трофимъ Смекаловъ вышелъ изъ дому съ мутною головой и блѣднымъ лицомъ.

Еще блѣднѣе былъ онъ, когда черезъ часъ возвратился, и еще мутнѣе была его голова. Петровна замѣтила даже, что сынъ ея немножко пьянъ, и всплакнула.

«Господи Боже мой! Мать Пресвятая Богородица!» вздыхала она: «Никогда за нимъ этого не важивалась; а тутъ вотъ... О-охъ! охъ! охъ!»

Еще день прошелъ, не принеся никакого облегченія Трофиму и утѣшенія его матери; она не слыхала отъ сына ни словечка.

Когда, черезъ день послѣ неудавшагося вечера у Саввы Петровича, кто-то изъ городскихъ старожиловъ прислалъ тоже звать Трофима играть на скрипкѣ, Петровна, не сказывая о томъ сыну, который становился все задумчивѣе и молчаливѣе, объявила посланному, что сынъ боленъ и играть не можетъ.

— Куда это ты, Трофимъ? спросила Петровна, когда Трофимъ поздно вечеромъ собрался изъ дому.

— Такъ, отвѣчалъ Трофимъ:—походить.

Петровна тоскливо и съ опасеніемъ посмотрѣла на него, вспомнивъ, какимъ воротился онъ съ прогулки своей третьяго-дня; но она не выговорила своего опасенія.

Трофимъ ушелъ.

Ночь была темная, и весь городъ уже спалъ; только проходя мимо оконъ дома, откуда присылали за нимъ по утру, Трофимъ услышалъ довольно-шумный говоръ. Онъ остановился и посмотрѣлъ на окна. Много было тамъ гостей, и въ ихъ числѣ Трофимъ ясно видѣлъ пріѣзжаго музыканта, стоявшаго у окна съ какою-то дамой.

«Это онъ!» сказалъ себѣ нашъ скрипачъ — и вдругъ внезапная и быстрая мысль проникла въ его голову.

Съ какою-то лихорадочною поспѣшностью побѣжалъ онъ дальше и дальше по улицѣ, и остановился, запыхавшись, у цвѣтника передъ домомъ Колотушкина. Тутъ, переведя духъ, онъ прислонился грудью къ загородкѣ и, сильно напрягая зрѣніе, хотѣлъ что-то высмотрѣть. На улицѣ была нѣмая тишина, въ домѣ тоже. Трофимъ замѣтилъ, что одно изъ оконъ не прикрыто занавѣской и какъ-будто полуотворено.

Онъ схватился рукой за одну изъ балясинокъ загородки, пошаталъ ее и оставилъ... за другую, за третью—крѣпки! Наконецъ одна пошевелилась подъ его рукой; онъ расшаталъ ее и вынулъ изъ забора; рядомъ съ нею попробовалъ другую—и та подалась; онъ вынулъ и ее, и боязливо осмотрѣлся. Все тихо; никто не видитъ — и Трофимъ быстро скользнулъ сквозь продѣланное имъ отверзтіе въ цвѣтникъ

Продолжая такъ же опасливо осматриваться, онъ осторожно крался къ окну, которое показалось ему полуотвореннымъ. Вотъ онъ и у самого окна. Точно, нижняя половина рамы немного приподнята и подперта книгой. Едва переводя дыханіе, началъ Трофимъ поднимать раму выше, но то и дѣло останавливался, какъ только хоть чуть она скрипнетъ.

Приподнявъ раму на столько, что могъ просунуть въ окно свое туловище, Трофимъ еще разъ взглянулъ вокругъ себя, и голова его бы-

ла уже за окномъ; рама окна уперлась въ его спину. Все это дѣлалъ Смекаловъ совершенно машинально, безъ мысли, хотя каждое движеніе его и могло бы показаться соображеннымъ заранѣе и обдуманнымъ.

Правая рука скрипача ощупала столъ, помѣщавшійся у самого окна, на немъ какую-то книгу, подсвѣчникъ... Ба! что это еще попало подъ руку?.. Это завитки струнъ... Отъ нихъ пальцы Трофима перешли къ грифу скрипки. Сердце у него замерло; онъ крѣпко схватился за скрипку и потащилъ ее къ себѣ.

Тихо-тихо освобождалъ онъ голову отъ оконной рамы; но въ ту самую минуту, какъ голова его была снова на улицѣ, рама, ничѣмъ не поддержанная, упала съ грохотомъ...

Зазвенѣли оборванныя струны, хрустнула разбитая дека.

Холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу Трофима Смекалова—и онъ бросился отъ окна, какъ съумасшедшій. Но не былъ ли онъ уже съумасшедшимъ, и подходя къ этому окну?

Гдѣ-то залаяла собака... ей откликнулась другая.

Еслибъ кто-нибудь въ домѣ мѣщанина Колотушкина услышалъ стукъ упавшей рамы и вышелъ за ворота, онъ увидѣлъ бы быстро бѣгущаго по улицѣ человѣка; но въ домѣ всѣ спали крѣпко, не боясь воровъ, потому что о нихъ и слуху никогда не было въ городкѣ Б.

Трофима утромъ привезли домой безъ чувствъ; его подняли гдѣ-то на глухомъ пустырѣ.

Онъ ужъ не вставалъ болѣе.

Кто-то замѣнилъ тебя, Трофимъ Смекаловъ, для мирнаго городка?

Лёля.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЖИЗНИ.

—

I.

О ТОМЪ, КАКЪ МЕЧТАЛЪ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНЫЧЪ, И ЧТО ИЗЪ ЭТОГО ВЫШЛО.

Александръ Иванычъ сидѣлъ подъ окномъ, курилъ папироску и мечталъ; послѣднее случалось съ нимъ очень рѣдко, потому-что Александръ Иванычъ былъ человѣкъ самый положительный; но какъ нѣтъ человѣка въ мірѣ, будь онъ хоть олицетворенная математика, которому не случилось бы иногда увлечься изъ жизни дѣйствительной въ область фантазіи, то и Александръ Иванычъ платилъ эту общую дань человѣческой слабости. Всякій мечтаетъ по-своему. Поэтъ фантазируетъ среди зеленыхъ полей, подъ ясно-голубымъ небомъ. Плодомъ его фантазіи бываютъ восторженные сны, къ сожалѣнію, не осуществляющіеся на землѣ. Женщина мечтаетъ вездѣ: утромъ въ постелѣ, когда лѣнь вставать, днемъ за работой, вечеромъ передъ туалетомъ и на балѣ, потому что женщины ужъ такъ созданы: онѣ всегда любятъ что полегче, а мечтать легче, нежели размышлять. Люди дѣловые, положительные мечтаютъ по-своему; результатомъ ихъ мечтаній бываетъ обыкновенно какая нибудь здравая, разумная мысль. Такъ мечталъ и герой моего сказанія. Прежде, чѣмъ я открою, гдѣ парили мечты его, позвольте покороче васъ съ нимъ познакомить. Начнемъ съ его наружности: Александръ Иванычъ былъ очень недуренъ собою; онъ происходилъ отъ германской и славянской крови. Германскій типъ ясно

отражался въ правильныхъ чертахъ лица, въ голубыхъ глазахъ, въ пепельномъ цвѣтѣ волосъ и въ общей характеристикѣ физіономіи, выражавшей флегматическую лѣнь; характеръ моего героя былъ довольно непостояненъ. Въ иной часъ онъ былъ добръ и деликатенъ даже съ своимъ Петрушкой, который въ такіе сладкіе часы считалъ своею непремѣнною обязанностью не чистить барину сапоговъ и не обтирать со столовъ пыли; иногда же, въ бурныя мгновенія, Александръ Иванычъ находилъ, что все на земномъ шарѣ идетъ не такъ, какъ ему хочется. Впрочемъ, эти вспышки случались очень рѣдко, когда Александра Иваныча выводили изъ терпѣнія, и плодомъ ихъ, какъ всегда случается со вспыльчивыми характерами, было увеличеніе апатіи. Тогда Александръ Иванычъ, накричавшись и набѣгавшись вдоволь, предавался такой обаятельной лѣни, становился такъ тихъ и незлобивъ, что если бъ ему сѣла муха на носъ, онъ не согналъ бы ее, чтобъ не потревожить бѣдное насѣкомое и себя вмѣстѣ съ нимъ. Александръ Иванычъ обладалъ многими достоинствами и талантами: онъ любилъ и ближняго, и искусства, и другія хорошія вещи; только все это любилъ онъ какъ-то странно: напримѣръ, прійди пріятель и разскажи, хоть для шутки, какое нибудь горестное происшествіе, случившееся съ нимъ, одну изъ тысячи маленькихъ житейскихъ непріятностей, которымъ мы подвержены на каждомъ шагу, Александра Иваныча это тронетъ чуть не до слезъ; а сломай себѣ задушевный другъ его руку или ногу, Александръ Иванычъ первый побѣжитъ отъ него, основываясь на томъ, что въ такихъ случаяхъ всегда найдутся люди, которые помогутъ и безъ него.

Точно также любилъ Александръ Иванычъ и искусства. Была у него флейта; найдетъ на Александра Иваныча музыкальный часъ и онъ терзаетъ себя и флейту съ утра до ночи; потомъ заброситъ ее въ переднюю и забудетъ о ея существованіи на многіе мѣсяцы. Одной только чертѣ своего характера никогда не измѣнялъ Александръ Иванычъ: онъ былъ расчетливъ и экономенъ, какъ истый нѣмецъ. У него было опредѣлено, сколько можно истратить въ день, и никакія силы земныя не могли его заставить издержать лишней копѣйки. Черта похвальная!

Вы, можетъ быть, подумаете, что Александръ Иванычъ былъ холоденъ, какъ рыба, и что жизнь никогда не увлекала его? О нѣтъ! онъ скорѣе всякаго другаго былъ подверженъ страстямъ, потому-что въ немъ не было силъ для борьбы съ чѣмъ бы то ни было, и ничего въ мірѣ не было легче, какъ управлять имъ. Въ молодые годы... я забылъ сказать, что Александръ Иванычъ былъ человѣкъ остепенившійся, то-есть, перешагнувшій за тридцать пять лѣтъ; въ молодые годы,

говорю я, все увлекало Александра Иваныча: и пріятельская бесѣда, и кареты, и смазливое личико... Всякая вспышка превращалась въ страсть, но тутъ стояла на стражѣ скупость. Если бъ вы знали, какія уморительныя, неподражаемо-комическія сцены производила эта слабость при столкновеніи съ другими, мелкими, но тѣмъ не менѣе сильно бушевавшими страстишками! Зачѣмъ я не артистъ — я набросалъ бы цѣлый альбомъ ералаши, и героемъ его былъбы одинъ Александръ Иванычъ во всѣхъ траги-комическихъ явленіяхъ его молодыхъ лѣтъ.

Но какъ ни смѣшна эта страсть, а за нее Александръ Иванычъ едва ли не заслуживалъ уваженія: она проистекала изъ чистыхъ источниковъ; первымъ ея основаніемъ была непоколебимая честность; никогда Александръ Иванычъ не былъ никому долженъ, и не любилъ жить на счетъ ближняго; вторымъ источникомъ ея была грустная опытность. Герой мой съ самаго ребячества былъ предоставленъ на произволъ судьбы. Его отдали въ учебное заведеніе и махнули рукой: будь что будетъ! Отецъ его былъ давно въ могилѣ; мать уѣхала далеко. Нѣтъ чувства въ мірѣ тяжелѣе сознанія сиротства! Въ молодые годы, когда сердце такъ жадно проситъ любви, когда жизнь и Божій міръ улыбаются намъ такъ привѣтно, не встрѣчать никакой ласки, знать, что въ этомъ мірѣ, въ людяхъ, окружающихъ насъ, нѣтъ ничего намъ роднаго, что нѣтъ ни одного сердца, которое сочувствовало бы первымъ, теплымъ изліяніямъ нашего сердца, искать напрасно благодѣтельной руки, которая управляла бы нашими первыми шагами; искать, и никогда не находить взгляда, который бы остановился на насъ съ сердечною привязанностью, — святаго взгляда матери, — это такое тяжкое чувство, что надо много душевной теплоты, чтобъ не обледенѣло сердце въ этой холодной атмосферѣ. Впечатлѣнія эти такъ сильны, что мы во всю жизнь сохраняемъ ихъ вліяніе. Никакое счастіе въ мірѣ не заставитъ забыть страданій дѣтства! Впечатлѣнія дѣтства — основа жизни.

Александръ Иванычъ, тогда еще просто Саша, въ полной мѣрѣ испыталъ всю горечь сиротства. Товарищи обижали его; никогда не брали его изъ заведенія; никогда не было у него ни денегъ, ни гостинцевъ. Никто не любилъ его, и ему некого было любить. Еще на школьной скамьѣ бѣдный ребенокъ постигъ, что въ этой жизни иные все основываютъ на эгоизмѣ и разсчетѣ, и лишь только промелькнуло въ головѣ его это грустное сознаніе, онъ рѣшился жить для себя, не заботясь о другихъ. Можно ли сираго винить за это заблужденіе?

Никто не повторялъ ему съ родственнымъ участіемъ: люби ближняго, потому-что это самое отрадное чувство; прощай врагамъ, потому-

что они не знаютъ, что творятъ; не завидуй, потому-что зависть самое мучительное чувство для достоинства человѣка. Бѣдный Саша не размышлялъ объ этомъ: онъ былъ ребенокъ, и поступалъ какъ ребенокъ: къ нему были несправедливы, онъ отплачивалъ тѣмъ же. Чѣмъ старѣе становился онъ и вникалъ въ жизнь, тѣмъ сильнѣе укоренялось въ немъ себялюбіе. Выйдя изъ заведенія, онъ встрѣтилъ новаго врага— бѣдность, и вооружился противъ нея скупостью. Теперь характеръ моего героя извѣстенъ. Посмотримъ, о чемъ мечталъ онъ.

Онъ только что переѣхалъ на новую квартиру, только что успѣлъ привести все въ порядокъ, и лично распоряжавшись установкою вещей, присѣлъ къ окну отдохнуть отъ великихъ подвиговъ и полюбоваться симметріею и вкусомъ, съ какимъ все было разставлено. И правду сказать, было чѣмъ полюбоваться! Александръ Иванычъ обращалъ особенное вниманіе на убранство своей квартиры; онъ зналъ, что это первое условіе человѣка comme il faut, и домогался всѣми силами патента на это званіе.

Заглянемъ въ его квартиру. Четыре маленькія, но уютныя, комнаты. Я опишу одну, она дастъ понятіе объ остальныхъ. Комната, въ которой сидѣлъ Александръ Иванычъ, была о двухъ окошкахъ. Темная драпировка раздѣляла ее на двѣ половины; въ той, которую я намѣренъ описывать, во всю величину былъ постланъ коверъ. Яркіе цвѣты рѣзко отдѣлялись на немъ отъ темнаго грунта. Обои темные съ золотыми полосками. Мебель орѣховаго дерева, и такая комфортебельная, что казалось нарочно изобрѣтена для такого лѣниваго человѣка, какъ Александръ Иванычъ, особенно гигантское кресло подъ окномъ. Какое это чудное кресло! Довольно было погрузиться въ него, чтобъ забыть о всѣхъ суетахъ житейскихъ! Это кресло и халатъ были двумя необходимыми условіями благосостоянія Александра Иваныча.

Странно, а вѣдь бываютъ же люди, нисколько не привязанные къ комфорту; имъ вездѣ хорошо и все имъ въ пору; эти люди вообще мало заботятся о своей особѣ, за то и рѣдки они, какъ драгоцѣнные перлы. Александръ Иванычъ былъ совсѣмъ не таковъ; онъ прежде всего въ мірѣ думалъ о себѣ, о своемъ собственномъ *я*, все прочее было для него дѣломъ второстепеннымъ. Хорошо ли онъ дѣлалъ, не будемъ судить, всѣ мы больше или меньше получили уроковъ въ школѣ жизни, и много ли найдется сердецъ, сохранившихъ младенческую свѣжесть чувства? Въ нашъ вѣкъ эгоизмъ едва ли не добродѣтель.

Въ двухъ углахъ комнаты стояли этажерки съ разными артистическими игрушками; туалетный столикъ съ зеркаломъ въ серебряной оправѣ, письменный столъ, заваленный тысячью бездѣлокъ, заставленный

статуэтками и бюстами; по стѣнамъ картины въ красивыхъ рамахъ, изображающія бо́льшею частью хорошенькія головки, вотъ кажется все, что было въ этой комнатѣ. Не было въ ней только ни одной книги и ни малѣйшаго слѣда женскаго рукодѣлья. Нигдѣ ни одной стежки по канвѣ и даже коврикъ на столѣ у Александра Иваныча былъ просто тисненый бархатный. Первое замѣчаніе доказываетъ, что владѣлецъ этой комнаты не любилъ литературы, второе, что онъ не былъ любимъ женщинами.

Вотъ на эту-то мысль и набрелъ Александръ Иванычъ, когда окинувъ свою комнатку вопросительнымъ взглядомъ, задалъ самъ себѣ вопросъ: «чего мнѣ недостаетъ?» — День клонился къ вечеру. Погода была чудная. Окно, подъ которымъ сидѣлъ Александръ Иванычъ, было отворено. Прямо противъ этого окна было другое, также отворенное, и въ немъ по временамъ мелькала женская головка. Прибавьте къ этому звуки фортепьяно и серебристый голосокъ, пѣвшій очень мило какой-то романсъ. Не правда ли, что все это располагало къ мечтательности?

И нечувствительно Александръ Иванычъ занесся въ міръ мечтаній. Предъ нимъ возникала, какъ туманная картина, вся минувшая жизнь его. Припомнилъ онъ свое грустное дѣтство; мелькнулъ передъ нимъ и исчезъ, какъ во снѣ, образъ его матери. За нимъ, какъ китайскія тѣни, пронеслись всѣ его школьные товарищи и учители. Потомъ воображеніе остановилось на первой радости его жизни, эта первая радость были — эполеты. Сколько лѣтъ прошло съ той минуты, сколько эполетъ перемѣнилъ онъ,—даже и теперь это холодное, флегматическое лицо озарилось такимъ теплымъ чувствомъ, что было любопытно смотрѣть на него. Потомъ онъ вспомнилъ свой первый дебютъ въ свѣтѣ. Всѣ неудачи и промахи, неизбѣжные по неопытности, и безденежье, и разочарованіе въ друзьяхъ и пріятеляхъ, и первую восторженную и глупѣйшую любовь...

И сгрустнулось больше прежняго Александру Иванычу, и онъ сталъ думать: «Теперь я на хорошей дорогѣ; имѣю значеніе и вѣсъ въ обществѣ. Пора безумія давно прошла. Друзья меня не поддѣнутъ; хорошенькое личико не привлечетъ безрасчетно... Доходы хорошіе, квартира, право, хоть куда... всѣмъ, что имѣю, обязанъ я самому себѣ; кажется я долженъ-бы быть доволенъ судьбою, а все что-то не такъ! Чего же мнѣ наконецъ недостаетъ? сказалъ вслухъ Александръ Иванычъ, и съ досады бросилъ за окно папироску. Въ эту минуту онъ нечаянно взглянулъ на противоположное окно и увидѣлъ ясный отвѣтъ на свой вопросъ: у окна стояла молоденькая дѣвушка и разсѣянно смотрѣла то вверхъ, на безоблачное небо, то внизъ, то по сторонамъ. Ка-

кая хорошенькая! подумалъ Александръ Иванычъ и спрятался за занавѣску, чтобъ лучше разсмотрѣть сосѣдку. Она была точно хороша: свѣжее семнадцатилѣтнее личико, съ неправильными, но очень пріятными чертами, глаза, сверкающіе умомъ и жизнью, высокій стройный ростъ, красивая талія, густые темные волосы, хорошенькая ручка... но что болѣе всего привлекало въ ней, это было выраженіе ея лица: на немъ сіяло такое ясное отраженіе душевной чистоты, такое невѣдѣніе житейскихъ золъ, что-то такое чистое, дѣвственное, что не смотря на ея молодость, эта дѣвушка внушила бы уваженіе даже человѣку, не привыкшему уважать женщинъ. «Какая бы изъ нея славная вышла жена!» подумалъ Александръ Иванычъ, и заботливо взглянулъ на ея нарядъ. Увы! она была одѣта болѣе, чѣмъ просто: на ней было полинялое холстинковое платье, бѣлый воротничекъ съ голубою лентой и черный шерстяной передникъ. Александръ Иванычъ вздохнулъ, потомъ взялъ зрительную трубку и принялся разсматривать комнату сосѣдки. Комната соотвѣтствовала ея наряду. Въ углубленіи видны были зеленыя ширмы; подлѣ окна красный комодъ, на немъ круглое зеркало и книги въ старыхъ переплетахъ; далѣе фортепьяно, въ родѣ тѣхъ, которыя отдаются на-прокатъ за дешевую цѣну; потомъ платяной шкафъ, черный волосяной диванъ, такіе же стулья и подъ окномъ рабочій столикъ, заваленный обрѣзками шитаго платья... все это было не великолѣпно!

Кто бы она могла быть? подумалъ Александръ Иванычъ. Во-первыхъ, она дѣвушка, это видно по ея наряду, и притомъ она такъ молода. Но что она? Швея? нѣтъ, слишкомъ много благородства и простоты и въ ней, и во всемъ, что ее окружаетъ: книги, фортепьяно,—а швеи не читаютъ и не занимаются музыкой. Ясно только одно, что она бѣдна! И Александръ Иванычъ вздохнулъ тяжелѣе прежняго. Дочь какого-нибудь мелкаго человѣка, чего добраго еще, пожалуй, гувернатка, или по крайней мѣрѣ кандидатка въ гувернантки! Но почему же непремѣнно и дочь мелкаго человѣка, и гувернантка?.. Александру Иванычу стало досадно на самаго себя за это предположеніе, такъ жаль было ему, что онъ не могъ поставить своей хорошенькой сосѣдки на болѣе высокій пьедесталъ. Онъ началъ ходить по комнатѣ, чтобъ забыть сосѣдку. Онъ не любилъ увлекаться мечтами безъ пользы и строить воздушные замки. Но любопытство не давало покоя Александру Иванычу и безпрестанно нашептывало: «кто она, кто она?» — «Да что же мнѣ задѣло до того, кто она!» вскричалъ Александръ Иванычъ и схватилъ со стола колокольчикъ. Ему стало жарко и душно.

— Одѣваться! сказалъ онъ вошедшему слугѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ стоялъ передъ зеркаломъ въ сюртукѣ съ густыми эполетами и

эксельбантами, которые такъ шли къ нему, что если его образъ могъ запасть въ чье-нибудь сердце, то не иначе, какъ при эполетахъ и эксельбантахъ. Должно быть онъ и самъ былъ того же мнѣнія, потому что, повернувшись раза два предъ зеркаломъ съ самодовольною улыбкой, взялся за перчатки и пошелъ къ окну надѣвать ихъ. Но сосѣдки уже не было. «Досадно, проговорилъ Александръ Иванычъ, а впрочемъ Богъ съ нею! Она бѣдна, значитъ нечего о ней и думать!»

Поздно возвратился Александръ Иванычъ. Сосѣдка совершенно вылетѣла изъ его головы и мѣсто этого поэтическаго видѣнія заступила самая положительная мысль о богатой женѣ и о необходимости когда-нибудь жениться. Съ этою мыслью онъ заснулъ. Во снѣ ему грезилось что онъ женатъ, что у него свой домъ, свой экипажъ; жена красавица и такъ мила, такъ внимательна къ нему, что всѣ завидуютъ, всѣ говорятъ: «Ахъ, какой счастливецъ этотъ Александръ Иванычъ!» А онъ только улыбается и блаженствуетъ! — Бѣдный Александръ Иванычъ! Еслибъ онъ зналъ, какъ иногда дѣйствительность бываетъ непохожа на сновидѣнія!

—

II.

О ТОМЪ, КАКЪ ХОРОШО ИНОГДА ИМѢТЬ ТЕТУШКУ.

На другой день послѣ обѣда Александръ Иванычъ устоялъ противъ всѣхъ искушеній: онъ не могъ спать и даже не осмѣлился сѣсть въ свое любимое кресло, а закурилъ папироску, вышелъ въ залу и по крайней мѣрѣ съ четверть часа ходилъ взадъ и впередъ, съ такимъ озабоченнымъ, глубокомысленнымъ видомъ, съ какимъ могъ прогуливаться только Наполеонъ въ московскомъ кремлѣ, въ виду дымящихся развалинъ нашей древней столицы... Даже черный пудель, Пиратъ, не привыкшій къ такому порядку вещей въ послѣобѣденное время, не разлегся, по обыкновенію, на коврѣ подлѣ кушетки, а усѣлся на заднія лапы и съ умнымъ заботливымъ взоромъ слѣдилъ за бариномъ, какъ бы спрашивая: что это съ нимъ сегодня сдѣлалось? И не мудрено: пудель животное; онъ немогъ догадаться, что въ головѣ его барина происходилъ въ эти минуты процессъ размышленія, самый дѣятельный изъ всѣхъ, когда либо совершавшихся въ этой головѣ, потому что вообще Александръ Иванычъ размышлялъ вѣрно и мѣтко, но медленно и лѣниво, и ужъ никакъ не послѣ обѣда.

Наконецъ онъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на небо, на улицу, крикнулъ на пуделя, и пошелъ одѣваться.

Судьба его была рѣшена: онъ женился! разумѣется, мысленно.

Мы оставимъ пока Александра Иваныча и перенесемся въ другой домъ, гдѣ скоро опять встрѣтимся съ нашимъ героемъ.

У Александра Иваныча была двоюродная или троюродная тетушка, единственная его родственница на землѣ. Тетушка эта была коренная московская жительница, и Александръ Иванычъ долго не подозрѣвалъ о ея существованіи. Наконецъ она пріѣхала въ Петербургъ и судьба столкнула ее съ племянникомъ.

Тетушка эта, Александра Васильевна Муратова, проживала въ первопрестольной столицѣ, какъ подобаетъ проживать русской барынѣ, владѣтельницѣ великолѣпнаго прадѣдовскаго дома, помѣщицѣ нѣсколькихъ вотчинъ.

Когда умеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Алексѣичъ Муратовъ, Александра Васильевна поплакала, погорѣвала и переселилась годика на два, на три, въ Петербургъ, гдѣ у нея было два сына, Боринька и Сережа, каждый мѣсяцъ аккуратно писавшіе къ ней въ Москву: «Chère maman, пришлите мнѣ денегъ, я перехожу на службу...» или: «Chère maman, меня скоро произведутъ, надо купить лошадей...» или еще: «въ Петербургѣ ужасный климатъ: я совершенно разстроилъ мое здоровье и лечусь гомеопатіей, а это чрезвычайно дорого, пришлите мнѣ денегъ!» и т. п.

Въ Петербургѣ, разумѣется, нельзя жить, какъ въ Москвѣ; какъ-то поневолѣ увлечешься. Крѣпко это не понравилось Александрѣ Васильевнѣ, да нечего дѣлать. Въ чужой городъ съ своимъ уставомъ не ходятъ, и Александра Васильевна увлеклась духомъ мѣстности, чтобъ не отстать отъ добрыхъ людей, лишній штатъ остался въ Москвѣ, и при особѣ Александры Васильевны уцѣлѣла только одна пожилая дѣвица, Лизавета Андреевна, занимавшая въ домѣ разныя амплуа, къ которой Александра Васильевна такъ привыкла, что безъ нея не дѣлала шагу.

Въ Петербургѣ Александра Васильевна перемѣнила родъ занятій. Вмѣсто пересудовъ стала толковать о филантропіи, итальянской оперѣ и магнитизмѣ, разсуждала о заграничныхъ дѣлахъ и новѣйшихъ романахъ, и разъ въ недѣлю давала жирные московскіе обѣды и легонькіе вечера, гдѣ танцовали, пѣли французскіе романсы, и не щадя нѣжныхъ пальчиковъ разыгрывали музыку Тальберга и Листа очень часто съ грѣхомъ пополамъ. Боринька и Сережа были корифеями этихъ вечеровъ, и сначала всѣ Marie, Nadine и

Annette, одѣваясь на вечеръ къ Александрѣ Васильевнѣ и примѣривая передъ трюмо новоизобрѣтенный взглядъ или улыбку, назначали ихъ мысленно на аттаку сердецъ обоихъ братьевъ. Но когда разсмотрѣли ихъ и увидѣли, что на нихъ плохая надежда, то оставили ихъ въ покоѣ, какъ полькирующую и вальспрующую мебель, и ѣздили на вечера ужъ не для нихъ; а Александрѣ Васильевнѣ было все равно для кого бы ни ѣздили, лишь бы у нея въ домѣ было шумно и людно. Tête à tête съ Лизаветой Андреевной не всегда-то бывали веселы. Въ слишкомъ горькіе часы Александра Васильевна утѣшалась тѣмъ, что бранила Петербургъ и поговаривала о возвращеніи во-свояси или молчала и терпѣливо вязала тамбурнымъ крючкомъ какую-то длинную, полосатую пелену въ подарокъ Боринькѣ или Сережѣ. Такъ было и въ тотъ достопамятный вечеръ, когда Александръ Иванычъ не легъ спать послѣ обѣда и крѣпко задумался о дальнѣйшей судьбѣ своей.

Александра Васильевна жила на дачѣ, на Каменномъ острову. Погода цѣлый день была сѣренькая, дождливая; гулять было нельзя, въ гости никто не ѣхалъ. Скука да и только! Александра Васильевна переговорила съ Лизаветой Андреевной о всѣхъ московскихъ знакомыхъ, натолковалась вдоволь о Петербургѣ, о Сережѣ, о Боринькѣ и прочихъ интересныхъ предметахъ, и послѣ обѣда, видя, что нѣтъ надежды на улучшеніе дѣлъ, усѣлась на капапе и принялась за полосатую канву. Аристократическій кингъ-чарльсъ, Бьюти, замѣнившій плебейскихъ московскихъ мосекъ, разлегая на полу, подлѣ окна, среди олеандровъ, рододендронъ и миртъ, и отъ нечего дѣлать вдыхалъ ихъ ароматическій запахъ, поглядывая искоса на Лизавету Андреевну; онъ былъ не въ духѣ, за то, что ему сегодня не удалось погулять.

Онъ не разсуждалъ о томъ, что дождь могъ испортить ея пальто или шляпку, и глубоко негодовалъ на то, что попалъ къ ней въ непосредственную опеку. Лизавета Андреевна на стулѣ подлѣ капане мѣтила красною бумагою дюжину носовыхъ платковъ, и поглядывала изподлобья то на Александру Васильевну, то на кингъ-чарльса.

И она была не въ духѣ: она мечтала... о чемъ бы могла мечтать она? Можетъ-быть о Москвѣ, можетъ-быть о своей пролетавшей молодости, а можетъ-быть и просто о томъ, отчего поваръ съ каждымъ днемъ платилъ все дороже и дороже за цвѣтную капусту, тогда, какъ по естественному порядку вещей, она должна бы становиться дешевле.

Въ юности Лизавета Андреевна смотрѣла на луну, вздыхала, читала по ночамъ романы и мечтала о бракѣ по любви... но когда увидѣла, что коварное мужское племя не умѣло оцѣнить ея достоинствъ, о успокоилась и пустилась съ горнихъ высей въ подлунную юдоль.

Она втерлась въ расположеніе Александры Васильевны, переселилась къ ней въ домъ и мало-по-малу прибрала себѣ къ рукамъ все внутреннее управленіе. Она разливала чай, закупала всѣ припасы, повѣряла повара, сопровождала Александру Васильевну въ нѣкоторыхъ выѣздахъ, читала ей вслухъ по вечерамъ, вязала филе, разсказывала новости и при случаѣ даже давала совѣты. Характеръ Лизаветы Андреевны можно опредѣлить однимъ словомъ: она была просто домашній комаръ, неугомонный, неотвязчивый, несносный, жужжащій съ утра до вечера изъ пустяковъ.

Впрочемъ, она была особа съ амбиціей, и если случалось иногда Александрѣ Васильевнѣ неумышленно оскорбить ее, Лизавета Андреевна принимала горделивую осанку обиженнаго достоинства и налагала на уста печать молчанія: краснорѣчіе замѣнялось выразительною мимикой. Отъ прежней сентиментальности въ ней уцѣлѣли только два признака: пристрастіе къ голубому цвѣту, цвѣту небесъ, а можетъ-быть и очей *его*!.. и слѣпая ненависть ко всѣмъ несчастнымъ, которымъ случалось сказать въ ея присутствіи, что нынче невозможно жениться на бѣдной. Лизавета Андреевна не хотѣла вѣрить, чтобъ, женясь по расчету, можно было прожить счастливо свой вѣкъ.

Петербургъ сильно не понравился ей; въ московской гостиной она все-таки еще хоть что-нибудь значила; тамъ все были люди знакомые, подойдутъ къ ней, побалагурятъ, даже иногда и къ себѣ позовутъ, а петербургскія дамы и дѣвицы мѣряли ее ледяными взорами и безъ зазрѣнія совѣсти болтали при ней по-французски, какъ будто она была лишняя или старомодная мебель.

Молчаніе длилось уже съ четверть часа.

— Лизанька, посмотри-ка, не прошелъ ли дождикъ, сказала наконецъ Александра Васильевна, откладывая пелену и зѣвая, хоть бы подышать чистымъ воздухомъ.

Лизанька подошла къ окну, взглянула на дорогу, отвѣтила лаконически: «нѣтъ»! и опять принялась за платки.

Длинная пауза.

— А что, Лизанька, отдала ты шить мою бархатную мантилью?

— Отдала.

— Чтожъ швея сказала, съ аграмантомъ лучше будетъ или съ кружевами?

— Съ кружевами.

— Да что ты сегодня кислая; хоть бы вслухъ почитала что нибудь.

— Да что читать-то? вонъ Сергѣй Алексѣичъ остазилъ вчера

Отечественныя Записки, да что въ нихъ? вамъ не понравится; я пробѣжала мелькомъ, ничего хорошаго нѣтъ. Нынче все такіе пустяки пишутъ, все, что мы каждый день видимъ своими глазами; есть изъ чего биться! То ли дѣло прежде какъ писали: Таинственный Карло, Полночный колоколъ, Викторъ или Дитя въ лѣсу, прелесть что за книжки! Бывало, всю ночь напролетъ читаешь, даже страхъ возьметъ, лихорадка такъ и колотитъ, а все читаешь... и поплакать ужъ было надъ чѣмъ! По-крайней-мѣрѣ видно, что были хорошія сочиненія! А нынче что? все пишутъ, какъ женятся, да замужъ выходятъ, куда какъ весело! это и безъ книгъ надоѣстъ!

— Полно, пожалуйста. Это еще что за манера взялась о литературѣ толковать. Ну, что ты понимаешь въ книжкахъ? Въ Москвѣ все читала. Скажи-ка лучше, что лѣнь на тебя напала. Принеси, сходи, книжку, я сама просмотрю.

Лизавета Андреевна принесла книгу.

Александра Васильевна развернула, посмотрѣла, прочитала страницы двѣ отъ средины и опять зѣвнула.

— Хоть бы кто нибудь третій на преферансъ пріѣхалъ. Правду сказать, весело въ Петербургѣ, да не въ такую погоду.

— Чтожъ, зачѣмъ дѣло стало? Поѣдемте въ Москву: тамъ во всякую погоду гости ѣздятъ.

— А вотъ погоди, какъ желѣзная дорога будетъ готова.

— Что вы! По желѣзной-то дорогѣ? Сохрани Господи, ни за что не поѣду. Отъ этакой скорости духъ захватитъ.

— Эхъ матушка; право, можно подумать, что ты изъ-за китайской стѣны пріѣхала. Во всей Европѣ ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ.

— Мнѣ что за дѣло? Москва не Европа. Я туда и безъ желѣзной дороги попаду.

Въ эту минуту у крыльца остановились пролетки. Бьюти, почуявъ чужаго, бросился къ двери, и чрезъ минуту Александръ Иванычъ вошелъ въ гостиную.

Сѣли, потолковали о новостяхъ, о томъ, что было вчера, о томъ, что будетъ завтра; наконецъ, когда все переговорили, усѣлись за преферансъ. Александръ Иванычъ игралъ хорошо, но не въ этотъ вечеръ. Онъ уступалъ тетушкѣ, ставилъ ремизы и вообще былъ какъ-то разсѣянъ. Пулька кончилась, Лизавета Андреевна ушла дѣлать чай.

— Еслибъ вы знали, тетушка, сказалъ Александръ Иванычъ, какая скука въ Петербургѣ лѣтомъ. Эти дни на меня напала такая хандра, что я чуть не захворалъ.

— Удивительное дѣло! Вся нынѣшняя молодежь страдаетъ хандрою

или сплиномъ. Вотъ и мой Сережа, вчера тоже затѣялъ: скука, тоска, да и только! Я говорю: женись, выйди въ отставку и поѣзжай хозяйничать въ деревню, вотъ и нѣкогда будетъ хандрить.

— Чтожъ Сергѣй на это?

— Да чего ждать отъ повѣсы! Захохоталъ, и говоритъ: Ахъ, маменька, да какая несчастная рѣшится за меня выйти? Вотъ развѣ Лизавета Андреевна сжалится! Потомъ хлопъ передъ ней на колѣна и пошелъ городить ей всякій вздоръ, пока та не вышла изъ терпѣнія и не убѣжала.

— Напрасно. Я бы, на мѣстѣ брата Сергѣя, послѣдовалъ вашему совѣту.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Да гдѣ взять невѣсту? Вотъ, говорятъ, у васъ въ Москвѣ много, а здѣсь, въ Петербургѣ, Богъ знаетъ куда онѣ дѣваются.

— Мало ли невѣстъ! Да и у меня въ домѣ, прошедшую зиму, сколько ихъ перебывало. Вольно жъ тебѣ было не замѣчать!

— Прошедшую зиму я не хандрилъ, тетушка; да притомъ же я никогда не сватался, незнаю какъ и приняться за это.

— Объ этомъ не хлопочи; если серьозно захочешь жениться, только скажи мнѣ, я все устрою. Только сперва выбери по сердцу, чтобъ послѣ не каяться.

— Эхъ, тетушка, дѣвушки всѣ милы. Влюбиться всегда успѣешь, а вотъ въ чемъ дѣло, чтобъ не даромъ влюбляться. Вы знаете, что я ничего не имѣю, мнѣ невозможно взять жену безъ состоянія.

— Чтъ жъ, какъ будто нѣтъ невѣстъ съ состояніемъ!

— Кто нынче узнаетъ, тетушка, есть ли состояніе? Посмотрите, какая вездѣ роскошь. Всякій старается жить свыше силъ. Обѣщать, пожалуй, будутъ много, да не дадутъ ничего. Чтожъ тогда станешь дѣлать? Вы знаете, какъ нынче воспитываютъ дѣвицъ! И богатая и не богатая получаютъ образованіе въ одномъ пансіонѣ. Потомъ обѣ бросаютъ тетради и книжки, и начинаютъ выѣзжать въ свѣтъ. Разница только въ томъ, что богатая ѣдетъ на балъ въ Дворянское Собраніе, что на ней цвѣты стоятъ тридцать рублей серебромъ, что на ней креповое платье на атласѣ, а другая ѣдетъ въ Благородное Собраніе, вмѣсто цвѣтовъ, на ней ленты, и что мать ея, можетъ быть, заложила дюжину ложекъ, чтобы сдѣлать дочери нарядное платье...

Но у обѣихъ въ головѣ одно и тоже: какъ бы выйти замужъ. Обѣ дома занимаются однѣмъ и тѣмъ же: наряжаются, читаютъ романы и брянчатъ на фортепьяно. Богатой это еще простительно; но бѣдной!.. За то, посмотрите, что выходитъ: положимъ, я влюбленъ безъ памяти и

женюсь. Жена моя ничего не имѣетъ, или какъ часто бываетъ—имѣетъ; да ничего за ней не дали. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, я пожертвовалъ собою и вправѣ ожидать за это вознагражденія. Жена должна понимать это. Это должно быть втолковано ей. А что же выходитъ? Жена моя ребенокъ, кукла, которая не умѣетъ цѣнить ни трудовъ, ни денегъ. Хозяйничать она не умѣетъ и не хочетъ учиться. Работать что нибудь дѣльное считаетъ преступленіемъ, и еще дуется на меня за то, что я не въ состояніи везти ее на балъ или въ оперу. Сначала все еще кое-какъ клеится, но когда пойдутъ дѣти, когда недостатки станутъ чувствительнѣе, я прихожу домой усталый, измученный, и меня встрѣчаетъ писк, безпорядокъ, жена въ изорванномъ капотѣ, со слезами на глазахъ, или съ кислою миною, да это такое бѣдствіе, отъ котораго остается только сойти съ ума или бѣжать не оглядываясь. Особенно для меня это было бы невыносимо. Я терпѣть не могу никакихъ непріятныхъ ощущеній. Вотъ отчего, тетушка, мнѣ страшно жениться.

Александръ Иванычъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Справедливо ли судилъ онъ? Не думаемъ.

Чтобъ заставить жену любить васъ, научите ее спера уважать васъ, растолкуйте ей жизнь, если она не понимаетъ ее, вселите въ нее довѣренность къ вамъ, не балуйте ее сначала слѣпымъ исполненіемъ ея прихотей и не мучьте въ послѣдствіи незаслуженными упреками. Тогда, если жена увидитъ, что вы умнѣе ее, что васъ не поддѣнешь ни на истерики, ни на спазмы, ни на нѣжничанья, она кончитъ тѣмъ, что полюбитъ васъ всею душою, у нее даже не будетъ въ головѣ другихъ помышленій, кромѣ того, какъ бы заслужить ваше одобреніе. Не знаю съ чего берутъ, что женское сердце такая хитрая вещь? по моему, это просто ларчикъ Крылова: надо только умѣть за него взяться. Такимъ людямъ, какъ Александръ Иванычъ, конечно, труднѣе женатому.

Тетушка во все продолженіе рѣчи Александра Иваныча перебирала колоду картъ и кивала утвердительно головою. Потомъ положила карты и задумалась.

— Конечно, сказала она, твоя правда; прежде, чѣмъ жениться надо разузнать о приданомъ; но ужъ если я возьмусь за это дѣло, тебя не обманутъ.

Александръ Иванычъ остановился среди комнаты и вопросительно взглянулъ на Александру Васильевну.

— Какъ, тетушка, вы такъ добры, что хотите серьозно принять во мнѣ участіе?

— Чему жъ ты удивился? отвѣчала Александра Васильевна, усмѣ-

хаясь: надо же тебя пристроить. Ты одинъ никогда ни на что не рѣшишься.

— Ахъ, тетушка, я вамъ вѣчно буду обязанъ!

— У меня, если хочешь, есть и невѣста въ виду. Помнишь Вареньку Соколову? Прошедшей зимою она почти каждый вторникъ у меня бывала?

— Помню, блондинка, не дурна собою, такая бойкая.

— Ну, вотъ и невѣста. Одна дочь у отца и матери и тысяча душъ, нигдѣ не заложенныхъ... Усадьба по сосѣдству съ моею, въ Орловской губерніи—чего тебѣ лучше! И родители прекрасные люди; мы старинные знакомые. Ужъ тутъ обмана не будетъ, я за это ручаюсь.

Александръ Иванычъ въ восторгѣ поцѣловалъ у тетушки обѣ ручки. Долго еще сидѣлъ онъ, долго толковали о невѣстѣ, о приданомъ и о томъ, какъ приступить къ сватовству. Вареньки не было въ Петербургѣ, она жила съ папенькой и маменькой въ одной изъ усадебъ нигдѣ не заложеннаго имѣнія. Положили дожидаться терпѣливо сентября, эпохи ея возвращенія. Александра Васильевна всѣ хлопоты по щекотливому дѣлу сватовства припимала на себя и отвѣчала за успѣхъ. Александръ Иванычъ не зналъ, какъ благодарить тетушку, не понималъ чему приписать такое расположеніе. Еслибъ онъ живалъ въ Москвѣ, зналъ бы что тетушкѣ ничѣмъ нельзя больше услужить, какъ—не скажу уже попросить ее, но только позволить ей заняться сватовствомъ.

Во всякомъ случаѣ Александръ Иванычъ былъ счастливъ и когда, простившись съ тетушкой, послѣ довольно долгаго пѣшеходнаго странствованія, набрелъ на извощика, то усѣлся на дрожки съ такимъ торжественнымъ видомъ, какъ будто побѣдилъ сто великановъ и ѣхалъ къ Варенькѣ получить награду изъ ея нѣжныхъ ручекъ.

Даже когда подъѣхалъ онъ къ дому, и при расчетѣ съ извощикомъ оказалось, что у того, послѣ дневной ѣздѣ, не нашлось никакимъ образомъ пяточка сдачи, Александръ Иванычъ великодушно пожертвовалъ ему этотъ пятачекъ, прибавивъ:

— Смотри, не прогуляй! На что извощикъ, усмѣхнувшись и пріударивъ лошадь, чтобъ поскорѣе скрыться съ нею за угломъ, отвѣчалъ:

— Ужъ какъ не выпить за ваше здоровье, баринъ!

Вотъ, поди послѣ этого, будь филантропомъ!

—

III.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНЫЧЪ ЗНАКОМИТСЯ СЪ ХОРОШЕНЬКОЮ СОСѢДКОЙ.

Прошло недѣли двѣ. Александръ Иванычъ часто навѣщалъ тетушку и нетерпѣливо ожидалъ сентября. Когда мы ждемъ чего нибудь, время идетъ очень медленно, и самое лучшее средство помочь горю — развлеченіе. Александръ Иванычъ зналъ это и искалъ развлеченія во всемъ окружающемъ. По несчастію, къ числу окружающихъ его предметовъ принадлежала и хорошенькая сосѣдка. Когда бъ онъ ни подошелъ къ окну, утромъ или вечеромъ, она вѣчно сидѣла за рабочимъ столикомъ и усердно шила. Александръ Иванычъ иногда по цѣлому часу смотрѣлъ на эту хорошенькую, наклоненную головку и думалъ... Иногда, возвратившись домой часовъ въ одиннадцать или въ двѣнадцать вечера, онъ подходилъ прямо къ окну. Сосѣдка въ это время обыкновенно пѣла или играла. Сосѣдъ садился въ свое любимое кресло и слушалъ... сосѣдка играла очень хорошо. Видно было, что она любила музыку. Сосѣдъ слушалъ съ наслажденіемъ; но какъ ни хороша была ея игра, онъ болѣе любилъ, когда она пѣла. Какъ звонко раздавался, среди ночной тишины, ея свѣжій серебристый голосокъ! Сосѣдка, большею частью, пѣла русскія пѣсни, но съ такимъ выраженіемъ, такъ увлекательно, что иногда Александръ Иванычъ, забывшись, готовъ былъ вскричать bis! Онъ замѣтилъ, что сосѣдка предпочтительно любила грустныя, заунывныя мелодіи. Бѣдняжка, думалъ онъ, вѣрно у нея немного радостей. И то сказать, не весело сидѣть за работой съ утра до вечера, да еще въ семнадцать лѣтъ!

Иногда въ продолженіе дня въ комнату сосѣдки входила пожилая женщина, высокая, худощавая, съ рѣзкими движеніями, серьозная, бранчивая. Сосѣдка, какъ кажется, не любила этихъ посѣщеній, потому что говорила съ пожилою женщиной съ дѣтскою, безотчетною боязнью. Иногда Александръ Иванычъ, выходя рано утромъ, встрѣчалъ эту женщину съ кулькомъ въ рукѣ. Она отправлялась на рынокъ. Онъ заключилъ, что эта женщина мать хорошенькой сосѣдки, и что онѣ очень бѣдны. Ему стало жаль ихъ. Состраданіе закралось въ его сердце, украдкою, какъ змѣйка, прежде чѣмъ онъ успѣлъ замѣтить это. Съ врагами, съ ненавистью можно еще сладить; иногда даже очень весело вести войну, разумѣется, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить, потому что только въ такомъ случаѣ враги отстанутъ сами собою, и вы ни чѣмъ не рискуете. Но состраданіе! Это такое чувство, что съ нимъ невоз-

можно сражаться; Александръ Иванычъ, пожалуй, и готовъ былъ бѣжать, да вѣдь невозможно же мѣнять квартиру каждую недѣлю.

Однажды, возставъ отъ послѣобѣденнаго сна, онъ по привычкѣ присѣлъ къ окну и по привычкѣ взглянулъ насупротивъ... О чудеса! Сосѣдка стояла предъ зеркаломъ, въ кисейномъ платьѣ, черной мантильѣ и завязывала пунцовыя ленты шляпки. Потомъ надѣла перчатки, взяла зонтикъ и исчезла. Въ головѣ Александра Иваныча блеснула геніяльная мысль. Онъ проворно одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Кажется, зачѣмъ бы? Еслибъ сдѣлали ему этотъ вопросъ, онъ не нашелъ бы, что отвѣчать. Онъ и самъ не зналъ зачѣмъ. Ему было все равно, что ни дѣлать, время свободное — отчего же не употребить его съ пользою. На поворотѣ улицы онъ догналъ сосѣдку, но она шла не одна, а съ пожилою женщиною. Александръ Иванычъ рѣшился слѣдовать за ними издали.

Воксалъ царскосельской желѣзной дороги кипѣлъ народомъ. Паровозъ отправляется черезъ десять минутъ. Бѣлыя фуражки, кивера, каски, круглыя шляпы суетились во всѣхъ углахъ. Дамы щебетали на всѣхъ нарѣчіяхъ, а интересная тиролька, не обращая ни малѣйшаго вниманія на суету мірскую, прехладнокровно распѣвала свою вѣчную арію... Сюда-то попалъ Александръ Иванычъ, вслѣдъ за сосѣдками. Судьба и немножко собственной расторопности помогли ему. Онъ помѣстился не только въ одинъ вагонъ съ сосѣдками, но даже прямо противъ молоденькой. Поѣздъ тронулся. Когда пробѣжали мимо дрова, огороды, когда пахнулъ освѣжительный, загородный воздухъ, Александръ Иванычъ вздохнулъ такъ свободно, почувствовалъ себя до того въ духѣ, что рѣшился во что бы то ни стало познакомиться съ сосѣдками. Знакомиться въ дорогѣ очень легко. Онъ вступилъ въ разговоръ, по поводу опущеннаго окна, и слово за слово, бесѣда завязалась. Онъ узналъ, что предметъ его состраданія звали Лёлей. Мать Лёли принадлежала къ тому классу женщинъ, которыхъ нельзя назвать comme il faut, которыя однако, за недостаткомъ образованности, имѣютъ довольно навыка, ума и такта, чтобы, какъ говорится, не ударить лицомъ въ грязь въ порядочной гостиной. Видно было, что она много терлась въ свѣтѣ, испытала много въ жизни, и накопила достаточный запасъ смѣтливости и умѣнья пользоваться обстоятельствами. Сначала разговоръ былъ общій. Говорили о гуляньяхъ, объ удовольствіяхъ, о томъ, какъ непріятно жить въ городѣ лѣтомъ. Лёля почти не принимала участія въ этомъ разговорѣ. Она довольствовалась тѣмъ, что смотрѣла, но смотрѣла на все и на всѣхъ съ ребяческимъ любопытствомъ. На пассажировъ, на небо, на зелень, на будки сторожей, даже искры паровоза и тѣ привлекали ея

вниманіе. Видно было, что она рѣдко выѣзжаетъ и что все занимаетъ ее, какъ новость.

Александръ Ивановичъ замѣтилъ это. Ему было немножко досадно. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ Лёля меньше смотрѣла по сторонамъ и больше на него.

— Вамъ нравится Павловскъ? спросилъ онъ, чтобъ какъ нибудь втянуть ее въ разговоръ.

— Я никогда тамъ не бывала, простодушно отвѣчала Лёля.

— Какъ вы счастливы! Значитъ васъ ожидаетъ удовольствіе, котораго вы еще не испытали. Я завидую вамъ.

— Напрасно, потому что я ѣду не въ Павловскъ, отвѣчала Леля, съ дѣтски-лукавою улыбкой.

— Мы ѣдемъ въ Царское, прибавила мать, къ ея крестной матери, баронессѣ Рейнберхъ. Впрочемъ, у моей бѣдной Лёли такъ мало удовольствій, что этому не стоитъ завидовать.

— Вы постоянно живете въ Петербургѣ?

— И даже постоянно нѣсколько лѣтъ въ одномъ домѣ.

— Гдѣ же? спросилъ Александръ Иванычъ очень наивно.

— Близъ Владимірской, въ домѣ И—а.

— Ба! да мы сосѣди! вскричалъ Александръ Иванычъ съ такимъ изумленіемъ, какъ будто открылъ новую Калифорнію.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ же! я живу напротивъ васъ, въ домѣ Д—а.

Мать Лёли давно поняла, въ чемъ дѣло, и твердо рѣшилась не упускать такого пріятнаго знакомства.

— Еслибъ я не боялась, сказала она, что вамъ будетъ у насъ слишкомъ скучно,—я рѣшилась бы просить васъ, какъ сосѣда, когда нибудь къ намъ, на преферансъ.

— Если только позволите, я непремѣнно воспользуюсь такимъ пріятнымъ сосѣдствомъ.

Мать Лёли быстро сообразила, что такой женихъ для бѣдной дѣвушки настоящій кладъ.

И Александръ Иванычъ видѣлъ, что его поняли. Дурно, Александръ Иванычъ, шептала ему совѣсть. Но онъ отвѣчалъ ей:

— Сдѣлай милость, молчи, молчи, это не твое дѣло, даже и не мое, это дѣло судьбы! Что мнѣ до чужихъ предположеній! Я не имѣю никакихъ дурныхъ намѣреній. Эта дѣвушка мнѣ нравится. Мнѣ пріятно сидѣть противъ нея, говорить съ нею, смотрѣть на нее, это самое невинное удовольствіе и притомъ же—gratis. Что я буду за дуракъ, если

не воспользуюсь имъ? Нынче даромъ бываютъ только цвѣточныя лотереи, да и то для дамъ, а не для насъ.

Совѣсть замолчала. Гдѣ же сговорить съ Александромъ Иванычемъ! На ея мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, можно было бы сказать ему:

— До васъ мнѣ дѣла нѣтъ. Но что будетъ съ Лёлей, если мать поселитъ въ ней мысль, которой никогда не суждено осуществиться! Что будетъ съ этимъ бѣднымъ, неопытнымъ ребенкомъ, если эта мысль увлечетъ его, если онъ привяжется къ вамъ всею душою и потомъ такъ горько обманется? Неужели вамъ не жаль ее?

Но совѣсть вѣрно лучше меня знала съ кѣмъ имѣла дѣло и оставила Александра Иваныча въ покоѣ.

Парвоозъ остановился. Новые знакомые разстались, очень довольные другъ другомъ. Одна только Лёля не поняла ничего изъ этой комедіи и подумала:

— Охота же маменькѣ приглашать къ намъ этого сосѣда. Что онъ будетъ у насъ дѣлать? Онъ вѣрно воображаетъ, что у насъ весело. Вотъ ошибется-то! Что жъ, по-дѣломъ, самъ напросился. А впрочемъ, пожалуй, пусть пріѣдетъ, все что нибудь новое. Только ужъ я не буду занимать его, это маменькино дѣло.

Чтобъ лучше понять Лёлю, необходимо знать ея дѣтство. Отецъ ея былъ учитель музыки. Онъ женился двадцати трехъ лѣтъ, на бѣдной дѣвушкѣ. Мало по малу онъ пріорѣлъ нѣкоторую извѣстность и состояніе ихъ должно было бы улучшиться: но не такъ вышло. Отецъ Лёли былъ молодъ и не придерживался золотаго правила: копи денежку на черный день. Онъ проживалъ все, что получалъ. Жена сначала удерживала его, потомъ махнула рукой. Лёли было пять лѣтъ, когда она умерла.

Отецъ не зналъ куда ему дѣваться съ Лёлей. Онъ уходилъ на цѣлые дни; бѣдная дѣвочка оставалась на попеченіи прислуги, которая не обращала на нее никакого вниманія. Ему было жаль своей хорошенькой дочки и онъ женился во второй разъ, уже не по любви, а просто затѣмъ, чтобъ было кому смотрѣть за Лёлей. Мачиха Лёли была не злая женщина; но такъ какъ женщины очень часто бываютъ безъ энергіи, безъ воли, то иногда обстоятельства портятъ ихъ характеръ. Такъ было и тутъ. Мачиха Лёли вышла замужъ совсѣмъ не для нея а для себя. Значитъ Лёля была ей чужда. Но сначала, пока Лёля не была еще ей въ тягость, она обращалась съ нею хорошо, даже ласково, тѣмъ болѣе, что отецъ любилъ Лёлю до безумія. Онъ жертвовалъ для нея даже часами своего отдыха, первымъ благомъ человѣка, постоянно трудящагося. У Лёли было призваніе къ

музыкѣ. Она не любила ни куколъ, ни удовольствій своего возраста. Когда она научилась разбирать ноты, лучшею для нея наградою было позволить ей играть, сколько она хочетъ, и Лёля немилосердо мучила фортепьяно, разбирая все, что попадалось подъ руку. Иногда она фантазировала, сопровождая свои фантазіи дѣтскими разсужденіями. «Странно, говорила она, отчего эта нота вмѣстѣ съ этою звучитъ такъ хорошо? Это значитъ, что онѣ родныя сестры, а вотъ эта ей чужая, онѣ вѣчно ссорятся. Отчего это папа умѣетъ такъ хорошо мирить ихъ, а я не умѣю. Когда онъ пріѣдетъ домой, спрошу у него!» И когда отецъ приходилъ домой, у Лёли всегда были въ запасѣ тысяча вопросовъ. Это его радовало. Онъ далъ себѣ слово сдѣлать изъ Лёли отличную артистку, онъ мечталъ даже о томъ, о чемъ никогда не смѣлъ думать для себя—о славѣ! Для Лёли онъ сталъ бережливъ, началъ копить деньги, думалъ ѣхать за границу, все для нея! Но Богъ судилъ иначе! Онъ захворалъ, отказался отъ уроковъ, прожилъ и пролечилъ все, что имѣлъ, и предчувствуя близкую кончину, не могъ простить себѣ, что оставляетъ жену и дочь въ нищетѣ.

Съ этой-то грустной поры начались страданія Лёли. Ей было тогда девять лѣтъ. Уединенная жизнь, чуждая ребяческихъ развлеченій, развила въ ней рано умъ и сердце.

Что можетъ быть ужаснѣе положенія человѣка, который знаетъ, что скоро долженъ разстаться со всѣмъ, что ему дорого, и который уноситъ въ могилу убійственную мысль, что онъ не въ силахъ сдѣлать ничего для тѣхъ, кого любитъ!

Все, что можно было продать въ домѣ, продали. Мачиха Лёли становилась къ каждымъ днемъ угрюмѣе и сердитѣе. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе Лёля дѣлалась для нея лишнимъ бременемъ. Она жестоко ошиблась въ разсчетѣ и обвинила, какъ часто обвиняютъ женщины—не себя, а судьбу. Она вышла замужъ затѣмъ, чтобъ обезпечить свою будущность, чтобъ избѣжать нищеты, и вотъ она опять въ этой нищетѣ, и еще не одна, а съ тою, въ отношеніи къ которой приняла добровольно обязанности матери. Лёля должна заплатитить за все это.

Отецъ Лели съ каждымъ днемъ становился грустнѣе. Онъ боялся смотрѣть на дочь. Лёля проводила цѣлые дни у его постели, но онъ не говорилъ съ нею какъ прежде, не шутилъ.

Судьба, по несчастію, дала Лёлѣ сердце въ высшей степени любящее. Отецъ избаловалъ это сердце и самъ того не зная, приготовилъ ей бездну страданій въ будущемъ. Иногда Лёля, приникнувъ кудрявою головкою къ изголовью больнаго, устремляла на него робкій, умоляющій

взглядъ и боязливо спрашивала: папа, развѣ тебѣ хуже сегодня, что ты ни разу не приласкалъ меня?

— Нѣтъ, мнѣ лучше, отвѣчалъ больной, и отводилъ отъ Лёли тоскливый взоръ.

Пришла весна. Природа воскресла къ новой жизни. На деревьяхъ зазеленѣли почки, въ синевѣ неба закружился жаворонокъ, волны Невы сбросили съ себя ледяныя оковы. Съ первымъ дыханіемъ весны, еще одна душа отлетѣла туда, гдѣ нѣтъ заботъ и страданій...

Въ одно чудное утро, при ослѣпительныхъ лучахъ весенняго солнца, снесли на Смоленское кладбище простой крашеный гробъ... за гробомъ шли Лёля и ея мачиха, обѣ въ траурѣ. Первая горько плакала. Она угадывала, что провожаетъ въ могилу все свое счастіе...

Мачиха Лёли была не изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ плохія обстоятельства убиваютъ. Она родилась, выросла, провела весь свой вѣкъ въ бѣдности, и привыкла сражаться съ этимъ страшнымъ врагомъ. На другой день послѣ похоронъ она разобрала всѣ мужнины бумаги, отыскала его послѣднія, неизданныя сочиненія, и надъ одною фантазіей: La Dernière Etincelle, написала dédiée à M-me la Baronne de Reinberg. Потомъ связала ее черною ленточкой и отдала Лёлѣ, съ наказомъ отнести къ баронессѣ и сказать, что папа просилъ ее принять на память его послѣднее сочиненіе. Затѣмъ одѣла Лёлю, надавала ей кучу поученій о томъ, какъ вести себя, что говорить, о чемъ молчать, и отправилась съ нею къ баронессѣ.

Это благое дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

У баронессы были гости. Лёля всѣмъ понравилась; ее заставили играть, нашли, что у нея есть талантъ, что она очень мила, и что жаль если такой прекрасный талантъ погибнетъ за недостаткомъ средствъ. Баронесса, отчасти по добротѣ, отчасти изъ тщеславія, приняла Лёлю подъ свое покровительство. Она обѣщалась издать въ пользу сироты нѣкоторыя пьесы, платить за нее ежегодно въ пансіонъ и учителю музыки, и въ замѣнъ фантазіи La Dernière Etincelle подарила ей пятьдесятъ рублей серебромъ, на первый случай. Такая щедрость превзошла всѣ ожиданія. Чрезъ нѣсколько дней мачиха Лёли нашла за дешевую цѣну квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ и кухни. Она сейчасъ переѣхала и помѣстилась съ Лёлей въ одной комнатѣ. На счетъ другой въ Полицейской газетѣ явилось объявленіе: «Отдается въ наемъ сухая и теплая комната, со столомъ и прислугою, за умѣренную цѣну.» И въ эту сухую и теплую комнату съ плѣсенью на стѣнахъ, переѣхала мадамъ Штейнъ, нѣмка, честнѣйшее и добрѣйшее существо въ мірѣ, созданное для того, чтобъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ ее обманы-

ваютъ, и еще благодаритъ, что избавляютъ отъ хлопотъ; съ нею мы познакомимся въ послѣдствіи. Такимъ-образомъ, комната за умѣренную цѣну окупила наемъ всей квартиры и прислуги. Оставалось похлопотать о насущномъ хлѣбѣ.

Недалеко отъ дома былъ пансіонъ. Мачиха Лёли сходила туда, поговорила о своихъ горькихъ обстоятельствахъ, поплакала и пристроила Лёлю за половину цѣны, назначенной баронессою, на полу-пансіонъ, то-есть, съ тѣмъ, чтобъ Лёля каждый вечеръ уходила домой. И вотъ для бѣдной Лели началась новая жизнь, о которой она и не мечтала, и которая охватила ея дѣтское сердце тою холодною грустью, которая сродняется съ нимъ и не оставляетъ его до могилы, какъ вѣрный другъ.

Когда явилась она въ первый разъ, застѣнчивая и робкая, въ своемъ черномъ платьѣ въ толпу рѣзвыхъ созданій, никогда не размышляющихъ, онѣ обступили ее молча, какъ рѣдкаго звѣрка. Посмотрѣли, сдѣлали ей два, три философическихъ вопроса, посмѣялись и вернулись къ своимъ мячикамъ, рѣшивъ единодушно: qu'elle a l'air tres bête! Нѣкоторыя, полюбопытнѣе, начали распрашивать, отчего она въ траурѣ, когда умеръ ея отецъ, добра ли ея маменька и тому подобное. Лёля заплакала. Любопытныя быстро отскочили и долго питали къ ней непріязненное чувство, отвѣчая на всѣ увѣщанія гувернантокъ: «Mais on ne peut pas causer avec elle, elle se met tout de suite à pleurer et puis vous direz que nous la taquinons!» Вотъ вамъ дѣтская философія!

Лёля долго не могла привыкнуть къ этому особенному міру, и за это также не любили ее. Она не привыкла учить наизусть, и не смотря на всю доброту воли, долго не могла отвѣчать урокъ скоро и бойко. Она прослыла лѣнивой и даже глупенькой, между тѣмъ, какъ была только застѣнчива. Ей хотѣлось, чтобъ подруги любили ее, а онѣ только смѣялись надъ нею, потому-что и въ пансіонѣ, какъ въ жизни, кто посмирнѣе, тотъ и терпитъ.

Великое дѣло бойкость! Каждое утро, просыпаясь, Лёля съ стѣсненнымъ сердцемъ думала о томъ, что надо итти въ этотъ пансіонъ, гдѣ она всѣмъ чужая, гдѣ всѣ надъ нею смѣются, и со страхомъ повторяла свой урокъ. Она одѣвалась одна, безъ посторонней помощи, потому-что кухарка Аксинья была совсѣмъ немилолюбивое существо, и Лёля избѣгала всѣхъ случаевъ сближаться съ нею.

Одѣвшись, Лёля собирала въ мѣшокъ свои тетради и книги, потомъ украдкою на цыпочкахъ пробиралась въ кухню, будила пестраго котика, здоровалась съ нимъ, цѣловала его, и прочитавъ ему длинное наставле-

ніе о томъ, какъ онъ долженъ вести себя цѣлый день, если не хочетъ, чтобъ ему досталось отъ Аксиньи, тихонько ускользала изъ дому, очень часто съ коркою чернаго хлѣба въ карманѣ, потому—что чай не всегда водился въ домѣ.

Вечеромъ, Лёля шла домой не такъ, какъ другія дѣти. Она спускалась съ лѣстницы очень медленно и на улицѣ останавливалась на каждомъ шагу, смотрѣла на голубей, вступала съ ними въ разговоры, кормила ихъ крошками, которыя всегда въ изобиліи водились въ ея карманѣ. Зачѣмъ ей было торопиться домой? Тамъ никто не любилъ ее, никто не ждалъ. Еслибъ не пестрый котенокъ и не фортепьяно, она готова была никогда не возвращаться домой. Ужъ лучше въ пансіонѣ. По крайней мѣрѣ, тутъ не слышно вѣчной воркотни. Не знаю, что вышло-бы изъ Лёли, еслибъ на ея счастье не поселилась мадамъ Штейнъ въ сухой и теплой комнатѣ. Мадамъ была существо оригинальное, одно изъ тѣхъ рѣдкихъ существъ, которыхъ невозможно не любить отъ души и надъ которыми нельзя не смѣяться въ тихомолку. Она дожила до сѣдыхъ волосъ, не убѣдясь, что въ жизни есть много дурнаго, а не только одно хорошее. Она извиняла все и всѣмъ, а еслибъ ей случилось нечаянно разбить вашу любимую чашку, или наступить на лапу вашей собакѣ, она не простила бы себѣ этого во вѣки вѣковъ, и по крайней мѣрѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца вспоминала бы съ тяжкими вздохами объ этомъ горестномъ событіи. Мадамъ Штейнъ перенесла много горя въ жизни, но съ малолѣтства какъ-то умѣла убѣдить себя, что ея собственная жизнь—вещь для нея почти посторонняя, и со всякимъ горемъ мирилась безропотно. За то для другихъ ея сердце было неистощимый источникъ состраданія. Она разсказала бы вамъ съ веселою улыбкой о томъ, какъ съ покойнымъ мужемъ геръ-Штейномъ по пріѣздѣ въ Россію, когда у нихъ не было еще денегъ, она дрогла зимою въ одномъ салопчикѣ, въ нетопленной комнатѣ, но при послѣдней вашей жалобѣ на судьбу или на людей, у нея выступили бы на глазахъ слезы.

Она съ равнымъ соболѣзнованіемъ оплакивала несчастія людей знакомыхъ ей и тѣхъ, которыхъ никогда даже не видала, и это дѣлалось отъ чистаго сердца.

Извѣстно, что нѣмки народъ сентиментальный, довѣрчивый и чувствительный. Я говорю про истыхъ дочерей Германіи, къ которымъ принадлежала и мадамъ Штейнъ. Рѣдкая изъ нѣмочекъ, чистая германская урожденка, не вѣритъ свято во всѣ прекрасныя вещи, описываемыя въ романахъ: она вѣритъ въ любовь въ хижинѣ, вѣритъ во все, чему способно вѣрить ея нѣжное сердце. Она знакомится съ жизнью, встрѣчаетъ страданія, переноситъ ихъ терпѣливо, не утрачивая своей

свѣтлой вѣры. Есть счастіе, есть все, во что она вѣритъ, но оно не выпало на ея долю, вотъ и все! Какъ не уважать эти созданія за ихъ незлобіе и нѣмецкое терпѣніе! Мадамъ Штейнъ была образецъ даже изъ нѣмокъ. Ее-то судьба столкнула съ Лёлей, вѣроятно для того, чтобъ она отогрѣла своимъ дыханіемъ этотъ блѣдный, подснѣжный цвѣтокъ. Ихъ сроднила общая обѣимъ страсть — музыка. Мадамъ Штейнъ существовала тѣмъ, что давала уроки на фортепьяно. Вечеромъ, возвратившись домой, она слышала, какъ играла Лёля, а Лёля играла не такъ, какъ обыкновенно играютъ дѣти. Каждую гамму, каждый пассажъ, которые не удавались ей, она повторяла нѣсколько разъ съ терпѣніемъ, съ настойчивостью, пока ея дѣтскіе пальчики не побѣждали упрямыхъ клавишей. Мадамъ Штейнъ рѣшила съ восторженностью, свойственною добрымъ душамъ, что это талантъ необыкновенный, изъ котораго непремѣнно должно выйти что нибудь замѣчательное, и ей закралась въ голову самолюбивая мысль способствовать развитію этого таланта. Къ тому же она видѣла Лёлю и ей нравилось это милое, робкое личико.

Она познакомилась покороче съ своею хозяйкой, приласкала Лёлю, и поняла что это бѣдное дѣтское сердце страдаетъ.

И вотъ для бѣдной Лёли проглянуло солнце. Она почти поселилась въ комнатѣ мадамъ Штейнъ. Мало по малу дикость прошла, она стала веселѣе; въ пансіонѣ полюбили ее, особенно когда увидѣли, что Лёля вовсе не глупа.

До сихъ поръ, то есть до минуты, въ которую познакомились мы съ Лёлею, судьба заботливо хранила ее отъ всякой дурной мысли, отъ всякаго дурнаго чувства. Она была даже счастлива, потому-что для молодости счастье щедро разлито во всемъ окружающемъ, во всей природѣ: оно горитъ въ солнечныхъ лучахъ, сіяетъ въ лазури неба, звучитъ въ напѣвѣ птички, вѣетъ въ ароматѣ цвѣтка; оно поэтизируетъ прозаическую сторону жизни, и молодое сердце, съ восторгомъ довѣряется ему, не подозрѣвая, что это счастье мечта, и что оно измѣнитъ съ годами!

Прошло нѣсколько лѣтъ. Лёля изъ робкаго ребенка превратилась въ хорошенькую дѣвушку съ умомъ и сердцемъ, но съ самымъ ребяческимъ взглядомъ на жизнь, съ самыми ложными понятіями о людяхъ. Иначе не могло и быть. Лёля вела самую уединенную жизнь; людей она почти не видала и не могла судить о нихъ по собственнымъ наблюденіямъ. За то она читала украдкою романы, и вѣрила, отъ всей души въ самыя невѣроятныя вещи. Герои занимательныхъ сказокъ Дюма и компаніи были для нее существами обыкновенными, которыхъ можно

встрѣтить на каждомъ шагу. Великолѣпная исторія Адріенны де Кардовиль и принца Джальмы приводила ее въ восторгъ.

Лёля, нисколько не справляясь съ дѣйствительностью, какъ съ вещью совершенно ей незнакомою, премудро раздѣлила въ своей хорошенькой головкѣ весь человѣческій родъ на двѣ касты: на рыцарей великодушія, чувствительности, доброты и разныхъ романическихъ подвиговъ, и на народъ пустой, не стоющій ея вниманія, какъ слишкомъ прозаическій, потому-что этотъ народъ занимается спокойно своимъ дѣломъ и не интересуется ребяческими бреднями. Къ этому второму разряду принадлежали и ея мачиха и тѣ немногія лица, которыя ходили къ нимъ въ домъ. Особенно у Лёли былъ одинъ врагъ, докторъ, пріятель ея отца. Лёля не любила его за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что у него была лысина и онъ нисколько не заботился прикрыть ее накладкою, и во-вторыхъ за то, что докторъ былъ немилосердый насмѣшникъ. Онъ безъ всякой церемоніи показывалъ Лёлѣ, что считаетъ ее ребенкомъ; при немъ Лёля должна была обдумывать все, что говорила, и то еще иногда попадала въ просакъ. Въ такомъ случаѣ докторъ улыбался и ужъ отъ одной этой улыбки Лелѣ становилось холодно. Если же случалось ей иногда увлечься и высказать какую нибудь мысль, то-есть мечту, которую она принимала за мысль, докторъ подхватывалъ ее на лету, и иногда цѣлый вечеръ трунилъ надъ Лёлей. Все это можно бы еще простить, потому-что за себя Лёля не умѣла мстить. Но докторъ не довольствовался этимъ. Онъ задѣвалъ иногда и мадамъ Штейнъ, правда, за глаза, но для Лёли не могло быть обиды сильнѣе. Она вступала съ нимъ въ горячій споръ. Докторъ хохоталъ, Лёля чуть не плакала. Побѣда всегда оставалась на его сторонѣ, и Лёля вѣрно возненавидѣла бы его за это, еслибъ была способна къ ненависти. Она принимала все за наличную монету и была увѣрена, что докторъ человѣкъ злой, находившій удовольствіе въ томъ, чтобъ мучить другихъ, между тѣмъ какъ онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, но весельчакъ и насмѣшникъ.

Мадамъ Штейнъ также, едва ли еще не болѣе романовъ способствовала тому, что умъ Лёли не получилъ должнаго направленія. Лёля не скрывала ни одной мысли, ни одного чувства, и во всѣхъ сомнительныхъ вопросахъ обращалась къ ней за рѣшеніемъ.

Мадамъ Штейнъ была для нея житейской энциклопедіей; но къ несчастію эта энциклопедія была ошибочна. Мадамъ Штейнъ, не смотря на всю свою снисходительность къ людямъ, понимала, что Лёля составила себѣ о нихъ слишкомъ эксцентрическое понятіе: вмѣсто того, чтобы осторожно выводить ее изъ заблужденія, мадамъ Штейнъ под-

держивала его, потому что, по ея понятіямъ, разрушать воздушные замки, было преступленіе. Она не думала о томъ, что Лёля сирота, бѣдная дѣвушка, обреченная итти одна по пути жизни. Она только радовалась тому, что Лёля не знаетъ этого пути, то есть не знаетъ зла, какъ будто Леля не могла познакомиться съ нимъ на первомъ шагу!

—

IV.

СУДЬБА РАСПОРЯЖАЕТСЯ ДѢЙСТВІЯМИ АЛЕКСАНДРА ИВАНЫЧА.

Говорятъ, что во времена классической древности существовали люди съ желѣзною волею, съ закаленнымъ сердцемъ, совершавшіе диковинные подвиги, но во-первыхъ, то дѣла минувшихъ дней, когда міръ не былъ еще избалованъ роскошью, во-вторыхъ, увлечься внезапнымъ порывомъ великодушія, ожечь себѣ руку, спасти толпу, рискуя собственною жизнью, гораздо легче нежели постоянно бороться съ самимъ собою. Въ первомъ случаѣ весь міръ свидѣтель славнаго подвига, а до нашихъ келейныхъ добродѣтелей никому нѣтъ дѣла.

На другой день послѣ поѣздки по желѣзной дорогѣ, когда Александръ Иванычъ проснулся и припомнилъ минувшій вечеръ, ему стало досадно на самаго себя.

— Зачѣмъ я туда ѣздилъ? спрашивалъ онъ себя мысленно, усаживаясь передъ зеркаломъ и собираясь бриться. Ну, зачѣмъ? Чтобъ бросить два цѣлковыхъ? Очень нужно! И что за глупая мысль пришла мнѣ познакомиться съ ней! Ну, что толку въ этомъ знакомствѣ? Конечно, она не дурна... впрочемъ вѣдь и особеннаго ничего нѣтъ... Глаза... конечно хороши, да что же въ томъ?. И чтобъ не дать надъ собою воли искушенію, онъ принялся думать о Варенькѣ. Воображеніе нарисовало ему ея портретъ.

Хороша была и Варенька, граціозная, бойкая блондиночка, при бальномъ отвѣщеніи, въ воздушномъ нарядѣ, съ воздушными локонами, окруженная кандидатами на кадриль или на польку-мазурку...

— Нѣтъ, Варенька лучше! вскричалъ вслухъ Александръ Иванычъ.

— И богата! подсказалъ какой-то внутренній голосъ.

— Конечно, продолжалъ Александръ Иванычъ, не поѣду къ со-

сѣдкамъ. Зачѣмъ завлекать понапрасну бѣдную дѣвушку? Пожалуй, еще онѣ серьозно сочтутъ меня за жениха... Нѣтъ, надо эту блажь выбросить изъ головы!

И Александръ Иванычъ выѣхалъ въ это утро изъ дома съ твердымъ намѣреніемъ не продолжать знакомства съ сосѣдками.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лёля вышла изъ пансіона, мадамъ Штейнъ уступила ей свою комнату, а сама переселилась, въ томъ же домѣ, этажемъ выше. По вечерамъ, возвращаясь съ уроковъ, она часто заходила къ Лёли, и иногда оставалась у ней на цѣлый вечеръ.

Судьба Лёли была рѣшена. Она выдержала экзаменъ гувернантки и оставалась дома, пока найдется мѣсто. Мадамъ Штейнъ хлопотала усердно, но на бѣду Лели мѣста не находили.

Въ тотъ день, когда Александръ Иванычъ рѣшился забыть Лелю,— Леля напротивъ много думала объ Александрѣ Иванычѣ. Ее занималъ вопросъ: придетъ онъ, или не придетъ? И если придетъ, что будетъ дѣлать? О чемъ будетъ говорить? Вечеромъ мачиха Лели ушла со двора. Мадамъ Штейнъ не возвращалась еще съ уроковъ. Лёля сидѣла подъ окномъ и шила. Она видѣла, какъ сосѣдъ, утромъ, вышелъ изъ дому, видѣла какъ онъ возвратился, вышелъ и, какъ опять уже не возвращался. Часы пробили семь. Онъ не прійдетъ! сказала Леля съ грустью; работа выпала изъ ея рукъ, она облокотилась на столъ и задумалась. Неужели она уже влюбилась въ него? Нѣтъ.

Дѣвушка съ чистыми понятіями, не видавшая свѣта, рѣдко осмѣлится полюбить, если ей не подадутъ къ тому повода.

Лели просто сгрустнулось, потому что она была одна. Вечеръ былъ безподобный. Воздухъ струился безъ вѣтра. Небо сіяло ослѣпительно, какъ будто манило въ свое безпредѣльное пространство. Леля вспомнила объ отцѣ, вспомнила какъ онъ любилъ ее, какъ умиралъ.—«Никто не будетъ любить меня такъ какъ онъ!» сказала она и горько заплакала.

Въ эту минуту раздался звонокъ. Леля вздрогнула. Неужели это онъ, подумала она. А маменьки нѣтъ дома. Надо отказать ему! И Леля бросилась въ кухню, чтобъ приказать Аксиньѣ не принимать Александра Иваныча. Но страхъ ея былъ напрасенъ—Аксинья отворила дверь мадамъ Штейнъ.

— Ахъ, муттерхенъ, это вы? сказала Леля полурадостнымъ, полугрустнымъ тономъ.

— Кто же можетъ быть, кромѣ меня, mein Kind?

— Мало ли кто, докторъ. .

— Развѣ маменьки нѣтъ дома?

— Нѣтъ.

— Ну, а отчего у тебя красны глаза?

— Я плакала; мнѣ было скучно.

— Скучно! Это мнѣ нравится! Молоденькая дѣвушка развѣ должна понимать, что такое скука? Работай, играй, — зачѣмъ тебѣ Богъ разумъ и воспитаніе далъ? Скучно!!..

И муттерхенъ приготовилась читать длинное поученіе, на русскомъ языкѣ, но нѣмецкимъ слогомъ.

Леля недала ей распространиться. Она сняла съ нея шляпку, увела ее въ свою комнату, усадила въ кресло и принялась разсказывать длинную исторію о томъ, какъ онѣ вчера ѣздили въ Царское, какъ познакомились дорогою съ какимъ-то сосѣдомъ и какъ онъ назвался къ нимъ въ гости. Муттерхенъ слушала все это съ изумленіемъ. Она привыкла толковать съ Лелей о Моцартѣ и Гайднѣ и слова «сосѣдъ, недурной» собой въ устахъ Лели поразили ее ужасомъ.

— Was ist das? was ist das? пробормотала она очнувшись, когда Леля, оканчивая свою исторію, прехладнокровно принялась поливать цвѣты, стоявшіе на окнѣ.

— Онъ прійдетъ къ вамъ!!! Послушай, Лёля, вели поставить самоваръ, а между тѣмъ все мнѣ въ подробности раскажи. Я не совсѣмъ хорошо поняла.

— Да что тутъ разсказывать? Прійдетъ въ гости, вотъ и все.

— Избави Богъ! этаго не надо!

— Отчего же не надо?

— Да оттого, что это не хорошо, когда въ домѣ молоденькая дѣвушка, молодому человѣку ходить въ гости.

— Да отчего же не хорошо?

— Ахъ, Боже мой, какая ты безтолковая, Леля! Ну, онъ можетъ влюбиться!

— Ну что жъ?

— Ну... а жениться! вскричала мадамъ Штейнъ въ отчаяніи.

— Ахъ, муттерхенъ, да это чудесно! вѣдь я думаю очень весело выйти замужъ! Разскажите-ка мнѣ, какъ вышли вы за вашего мужа. Я сей-часъ прійду, только скажу Аксиньѣ, чтобъ поставила самоваръ.

И Леля, припрыгивая и напѣвая, убѣжала въ кухню.

Мадамъ Штейнъ было очень досадно на самоё себя. И было за что. Но что прикажете дѣлать? Сказать Лелѣ, что есть дурные люди, которые влюбляются и не женятся, — это ужасъ, преступленіе! Леля не знаетъ этого и дурнаго ей не надобно говорить.

Послѣ минутнаго размышленія она рѣшилась поступить съ Лелею,

какъ съ нею самою поступали въ дѣтствѣ: велѣть не говорить и не думать о сосѣдѣ, и занять ее дѣломъ.

Мадамъ Штейнъ открыла фортепьяно, развязала кожаный портфейль, достала ноты, и когда Леля вбѣжала въ комнату съ улыбкою и блистающими глазами, вполнѣ расположенная слушать повѣсть о замужествѣ мадамъ Штейнъ, послѣдняя встрѣтила ее строгимъ взоромъ и подала ей романсъ изъ «Уголино».

— Послушай, mein Kind, сказала она холодно, все это мнѣ не нравится: молодой дѣвушкѣ пустяковъ въ голову забирать не слѣдуетъ. А потому я тебѣ не буду разсказывать, какъ я вышла замужъ, и строго запрещаю говорить и думать объ этомъ гостѣ. А вотъ тебѣ,— играй и пой!

Леля слишкомъ уважала мадамъ Штейнъ, чтобы не послѣдовать ея приказанію. Ея хорошенькое личико подернулось грустью; ей было жаль что она разсердила мадамъ Штейнъ. Она взяла романсъ и начала пѣть.

Вернемся къ Александру Иванычу.

Послѣ обѣда онъ поѣхалъ къ тетушкѣ, не засталъ ее и возвратился домой въ то самое время, когда Леля сѣла за фортепьяно. Александръ Иванычъ невольно началъ слушать, и наконецъ на зло самому себѣ и своимъ мудрымъ намѣреніямъ, не вытерпѣлъ, схватилъ фуражку и побѣжалъ къ сосѣдкѣ.

Его влекла судьба. Онъ позвонилъ и спросилъ дома ли барыня.

— Нѣтъ-съ, отвѣчала Аксинья, да все равно, пожалуйте, сударь, у насъ мадамъ Штейнъ.

— А кто это мадамъ Штейнъ?

— Нѣмка-съ, Амалія Ивановна.

И Александръ Иванычъ отворилъ дверь въ гостиную. Можно представить себѣ ужасъ Мадамъ Штейнъ, когда она внезапно увидѣла усы и молодаго человѣка. Она встала и окаменѣла на мѣстѣ. Леля вспыхнула, вскочила, но взглянула на муттерхенъ и осталась неподвижною. Александръ Иванычъ сдѣлалъ два шага впередъ и самъ остановился въ недоумѣніи... Леля поняла наконецъ, что надо что нибудь сказать. Она взглянула украдкою на мадамъ Штейнъ, подошла къ Александру Иванычу и прошептала, покраснѣвъ, какъ піонъ:

— Маменьки нѣтъ дома, но... прошу садиться.

Александръ Иванычъ поклонился и воспользовался приглашеніемъ.

— Вы пѣли? спросилъ онъ.

— Да. Но развѣ вы слышали? Я кажется уже перестала, когда вы пришли.

— Я васъ слушаю каждый вечеръ. Вы сами этого не зная, до-

ставляете мнѣ высокое артистическое наслажденіе. Я страстный любитель музыки.

— А! вы любите музыку! Проговорила наконецъ мадамъ Штейнъ.

— Чрезвычайно, отвѣчалъ Александръ Иванычъ. Это моя единственная страсть. И сегодня, продолжалъ онъ, обращаясь къ Лелѣ, я не осмѣлился бы явиться къ вамъ безъ предварительнаго утренняго визита, — но виноватъ, вашъ чудный голосъ увлекъ меня, я не вытерпѣлъ.

— Вы сами играете? спросила Леля.

— Играю, но очень рѣдко, потому что играю дурно.

— На какомъ инструментѣ?

— На флейтѣ.

— Я очень люблю этотъ инструментъ.

— А я лучше люблю вашъ голосъ. Что вы пѣли? И Александръ Иванычъ подошелъ къ фортепьяно и началъ разсматривать ноты.

Муттерхенъ воспользовалась этимъ и кивнула Лелѣ головой на самоваръ, кипѣвшій въ другой комнатѣ. Леля ушла.

Муттерхенъ вступила съ Александромъ Иванычемъ въ пространную бесѣду о музыкѣ, и вѣроятно уморила бы его со скуки, еслибъ не явилась сама хозяйка.

Тутъ дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Мачиха Лели приняла Александра Иваныча не слишкомъ жарко, но и не холодно, а такъ, какъ принимаютъ стариннаго знакомаго. Подсѣли къ чайному столу и бесѣда оживилась. Леля разливала чай, смотрѣла, слушала, и по временамъ, къ крайнему удивленію муттерхенъ, вмѣшивалась въ разговоръ. Послѣ чая разскрыли зеленый столикъ. Но игра какъ-то не клеилась, потому что ее безпрестанно прерывали то шутка, то смѣхъ, то одушевленный разговоръ. Леля скоро привыкла къ Александру Иванычу. Это былъ не докторъ. Онъ не смѣялся надъ нею, а напротивъ восхищался ею отъ души, потому что Леля, отбросивъ ребяческую застѣнчивость, одушевленная, съ сверкающими отъ удовольствія глазами, была очень мила... Она это видѣла, поняла, и, простите ее, хотѣла нравиться!

Пулька кончилась поздно. Леля подошла къ фортепьяно и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Спойте что нибудь, сказалъ Александръ Иванычъ.

— Нѣтъ, я лучше сыграю.

— Отчего?

— Оттого, что всѣ мои романсы и русскія пѣсни очень грустны.

— Тѣмъ лучше. Музыка и пѣніе хороши тогда только, когда трогаютъ душу, производятъ на нее какое нибудь впечатлѣніе.

— Да, только сегодня я не хочу грустныхъ вчатлѣній.

— Почему?

Леля притворилась, что не слышитъ вопроса, и заиграла галопъ Дрейшока.

— Вы вѣрно любите танцы? сказалъ Александръ Иванычъ, когда она кончила.

— Нѣтъ, потому что никогда еще не танцовала на балѣ.

— А хотѣлось бы?

— Конечно. Можно ли не желать удовольствія, котораго мы еще не испытали?

— Вы правы. Но предъ вами еще такая роскошная будущность... Вы успѣете испытать всѣ эти удовольствія и даже... разочароваться.

Послѣднія слова Александръ Иванычъ произнесъ шопотомъ какъ человѣкъ, глубоко обманутый жизнью. Онъ лгалъ. Онъ еще на школьной скамьѣ былъ всегда на сторожѣ противъ всевозможныхъ обмановъ... Ему просто хотѣлось забраться поглубже въ сердце Лели.

— Бѣдняжка! Вѣрно онъ много страдалъ, подумала Леля и взглянула на него съ такимъ наивнымъ участіемъ, съ такимъ неподдѣльнымъ состраданіемъ, что Александру Иванычу стало даже какъ-то неловко, какъ будто онъ почувствовалъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти...

Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Нѣтъ, сказала наконецъ Леля, если всякое удовольствіе влечетъ за собою разочарованіе, лучше не испытывать его.

— Это невозможно!

— Отчего?

— Оттого, что человѣкъ долженъ все испытать, если хочетъ сказать, что онъ жилъ. Въ противномъ случаѣ это будетъ не жизнь, а прозябеніе. Сердце разучится чувствовать. Избави Богъ отъ такой холодной жизни!

Разговоръ долго бы еще продолжался въ этомъ тонѣ, но муттерхенъ встала и надѣла шляпку. Александръ Иванычъ торопливо схватилъ фуражку, простился и ушелъ, очарованный и Лелей, и самимъ собою.

Придя домой, онъ не могъ спать, а отворилъ окно, сѣлъ и долго смотрѣлъ на огонекъ, свѣтившійся въ комнатѣ Лели. Онъ крѣпко задумался. Но еслибъ спросили о чемъ, онъ не зналъ бы, что сказать. Воображеніе рисовало ему два милые, граціозные образа: Лели и Вареньки. Обѣ порхали предъ нимъ и обѣ въ туманной дали...

И Леля также долго не могла заснуть; послѣднія слова Александра Иваныча глубоко запали ей въ сердце. Она поняла, что до сихъ поръ не жила, а прозябала...

—

V.

НЕИЗБѢЖНЫЙ И ПРИДВИДѢННЫЙ РЕЗУЛЬТАТЪ.

На другой вечеръ судьба опять привела Александра Иваныча къ сосѣдкамъ. На третій опять, и такъ далѣе. Онъ проводилъ всѣ вечера подлѣ Лели, слушая ея пѣнье, любуясь ея одушевленными глазками. Ея ребяческая наивность, ея дѣтская, простодушная веселость дѣйствовали могущественно на его устарѣлое сердце... Онѣ молодили его, пробуждали въ немъ чувства давно-забытыхъ дней... Говоря по просту, онъ влюбился, влюбился, какъ школьникъ. Онъ не забылъ ни о существованіи Варенькн, ни о наступившемъ сентябрѣ... Но это все еще было въ будущемъ, а Александръ Иванычъ любилъ жить настоящимъ. Онъ видѣлъ блаженный сонъ и не хотѣлъ просыпаться... онъ зналъ, что и безъ того тетушка разбудитъ его.

А Леля? любила ли она? Не знаю, потому-что она и сама еще не дошла до анализа собственныхъ чувствъ... Знаю только, что она привыкла къ Александру Иванычу, ждала его съ нетерпѣніемъ, и когда онъ запаздывалъ или не приходилъ, ей было скучно, и она плакала украдкою.

Муттерхенъ видѣла все, потому-что любила Лелю, а женское сердце всегда одарено ясновидѣніемъ для тѣхъ, кого любитъ. Но муттерхенъ думала, что сосѣдъ намѣренъ жениться на Лели и разсуждала такъ: «Онъ ходитъ каждый вечеръ, значитъ она ему нравится. Когда молодая дѣвушка нравится молодому человѣку, онъ на ней женится. Если онъ не женится, онъ дурной человѣкъ. По какому же праву я буду дурно думать о немъ? Всегда надо думать хорошее о людяхъ, до тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ противнаго. Думать дурно—грѣхъ!»

О мачихѣ Лели нечего и говорить. Она ждала свадьбы, но молчала и притворялась, что ничего не видитъ. Только одинъ человѣкъ могъ бы вывесть Лелю изъ заблужденія. Человѣкъ этотъ былъ докторъ. Но на бѣду Лели онъ былъ въ командировкѣ.

Однажды вечеромъ мачиха Лели ушла, сказавъ, что скоро возвратится. Леля осталась одна. Она оставила работу, отворила окно и отъ нечего дѣлать принялась смотрѣть на улицу. Она не видала Александра Иваныча цѣлый день. Онъ не пришелъ въ урочный часъ и Леля боялась, что онъ не придетъ вовсе. Она не думала уже, что мачихи нѣтъ дома, что ему надо отказать... нѣтъ, она также отдалась на произволъ судьбы.

Долго она смотрѣла на улицу; ей было и досадно, и скучно, и грустно... еще нѣсколько минутъ, и она заплакала бы; вотъ въ концѣ переулка показался сосѣдъ... Сердце Лели сильно забилось. Зайдетъ-ли онъ?

Александръ Иванычъ шелъ прямо по тротуару къ своему подъѣзду. Вотъ онъ уже ступилъ на лѣстницу, взялся за колокольчикъ, но вдругъ взглянулъ на верхъ. Леля стояла у окна съ такимъ опечаленнымъ личикомъ, что колокольчикъ какъ будто обжегъ Александра Иваныча. Онъ выпустилъ ручку и повернулъ подъ прямымъ угломъ на противуположную сторону. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ позвонилъ. Кажется, что такое звонъ колокольчика? Но бываютъ въ жизни минуты, когда этотъ звонъ заставляетъ дрожать сердца, въ тысячу разъ сильнѣе, нежели любое музыкальное произведеніе величайшихъ маэстро.

Леля не пошевелилась. У нея недостало силъ двинуться съ мѣста. Она предчувствовала что-то, предугадывала и пылала, какъ роза. Александръ Иванычъ притворился, что не замѣтилъ ея смущенія.

— Елена Николаевна, сказалъ онъ, послѣ первыхъ, обыкновенныхъ фразъ, я пришелъ васъ слушать. Сдѣлайте доброе дѣло: сегодня я цѣлый день въ самомъ непріятномъ расположеніи духа... я сержусь на самаго себя. Вашъ голосъ способенъ примирить меня не только съ самимъ собою, но и съ цѣлымъ міромъ.

— Что же спѣть? спросила Леля. Выберите сами.

— «Ты душа ль моя, красна дѣвица».

— Неужели вамъ это еще не наскучило?

— Никогда.

— Вы постоянны!

Леля подошла къ фортепьяно. Александръ Иванычъ остался у окна.

Леля пѣла съ увлеченіемъ. Она знала, что ее слушаютъ всѣмъ сердцемъ. Когда она дошла до словъ:

«Все къ тебѣ влечетъ,
«Все къ тебѣ манитъ.»

Александра Иваныча въ самомъ дѣлѣ привлекла къ ней какая-то невидимая, неотразимая сила. Онъ облокотился на фортепьяно и смотрѣлъ на Лелю сверкающими глазами.

Леля кончила, но не смѣла встать, не смѣла поднять глазъ и продолжала играть. Она чувствовала, что на нее устремленъ огненный взоръ.

— Какъ вы хороши! Какъ я люблю васъ! проворчалъ Александръ въ полголоса. Леля не покраснѣла, не смутилась, не испугалась. Ея благородное чистое сердце было далеко отъ всякаго притворства. Ей показалось, что она слышитъ чудную, неземную музыку, отвѣтъ изъ какого-то невѣдомаго ей, но блаженнаго міра, на дивный гимнъ любви, которымъ давно было полно ея сердце. Она подняла голову и взглянула на Александра Иваныча взоромъ, исполненнымъ дѣтски-нѣжной, но глубокой благодарности. Потомъ опустила глаза и пролепетала чуть слышно:

— Я это знаю.

Александръ Иванычъ поцѣловалъ ея руку.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ онъ.

— За что? отвѣчала Леля съ удивленіемъ. За то, что вы меня любите? Меня никто не любилъ, кромѣ отца.

Она встала, взглянула на портретъ, висѣвшій надъ фортепьяно; на глазахъ ея навернулись слезы.

— Но будете ли вы любить меня? спросилъ Александръ Иванычъ.

— Я давно васъ люблю, отвѣчала Леля. И развѣ можно мнѣ не любить васъ? Пока я не знала васъ, я не жила. Вы первый заговорили со мною съ участіемъ, языкомъ друга... Я въ первый же вечеръ нашего знакомства привыкла къ вамъ, какъ будто вѣкъ васъ знала. До тѣхъ поръ никому не было до меня дѣла. Только муттерхенъ, прибавила Леля, улыбаясь сквозь слезы, любитъ меня. Но и ея любовь не заставила меня забыть, что я сирота. О, еслибъ вы знали, какъ грустно быть сиротою!

Александръ Иванычъ принялся увѣрять Лелю, что будетъ любить ее всею душею. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ готовъ любить ее, вѣдь сердце была его собственность, онъ могъ распоряжаться имъ какъ хотѣлъ. Леля не прерывала его. Она сѣла на диванъ. Александръ Иванычъ помѣстился подлѣ и взялъ ее за руку. Леля тихонько отняла руку. Александръ Иванычъ притворился опечаленнымъ, даже сердитымъ. Леля взглянула на него съ боязнью и подала руку. Александръ Иванычъ поцѣловалъ ее. Леля вздрогнула, отодвинулась и посмотрѣла на Александра Иваныча такъ пристально, какъ будто хотѣла прочесть въ глубинѣ его сердца.

— Не правда ли, сказала она нерѣшительно, вѣдь вы никогда не разлюбите меня?

— Никогда! отвѣчалъ Александръ Иванычъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту ему казалось невозможнымъ разлюбить ее.

— Если вы меня разлюбите, продолжала Леля, я умру!

Мысль о возможности пережить такое несчастіе, казалась ей невѣроятною.

— Никогда! повторилъ Александръ Иванычъ.

— О, любите меня, продолжала Леля, устремивъ на Александра Иваныча свой кроткій, молящій взглядъ. Быть любимой, это такое счастье, что я никогда не смѣла даже думать о немъ.

Александръ Иванычъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Его сердце какъ-то сжалось.

— Прощайте, Елена Николаевна, сказалъ онъ, взявъ фуражку.

— Куда же вы?

— Надо итти къ себѣ. Я назначилъ сегодня свиданіе одному знакомому. Я думаю онъ давно дожидается меня.

— Прощайте, отвѣчала Леля, сквозь слезы.

— Не плачьте, вскричалъ Александръ Иванычъ. Бога ради не плачьте. Я приду завтра раньше. Еслибъ вы знали, какъ вы милы.

И Александръ Иванычъ не ушелъ, а убѣжалъ домой. Дома ожидало его письмо отъ тетушки. Онъ распечаталъ и прочелъ:

«Что съ тобой сдѣлалось Александръ? Ужъ двѣ недѣли тебя не видно. Здоровъ ли ты, или чего добраго, ужъ не влюбился ли? Это было бы очень не кстати, потому что Соколовы пріѣхали на прошедшей недѣлѣ. Я успѣла кое-что сдѣлать въ твою пользу и надѣюсь, что ты будешь мнѣ благодаренъ. Пріѣзжай ко мнѣ завтра. Варенька очень похорошѣла. Смотри же, не свѣтренничай, пріѣзжай завтра, я буду ждать тебя утромъ.»

Это письмо подѣйствовало на Александра Иваныча, какъ стаканъ воды со льдомъ. Оно мгновенно привело его въ память. Онъ прочелъ его и глубоко задумался. Образъ Лели, которую оставилъ онъ за нѣсколько минутъ, предсталъ предъ нимъ съ укоризненной, горькой улыбкой... и Александру Иванычу стало жаль ее. Онъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на огонекъ, свѣтившійся напротивъ. Исторія говоритъ даже, что когда онъ отошелъ, то на глазахъ его блеснули слезы... Александру Иванычу было очень досадно на тетушку, и засыпая, онъ пробормоталъ сквозь зубы: «Ну что бы ей прислать это письмо тремя часами раньше!»

—

VI.

ВАРЕНЬКА И ЛЁЛЯ.

Давно пора намъ вывести на сцену еще одну героиню нашей исторіи. Варенька была далеко не Леля. Она познакомилась съ людьми и со свѣтомъ еще на дѣтскихъ балахъ, гдѣ танцовала въ коротенькомъ платьецѣ болеро и качучу.

По мѣрѣ того, какъ она росла и хорошѣла, она пристальнѣе вглядывалась во все, совершавшееся вокругъ нея, и каждый день, каждый часъ уносилъ у нея то свѣтлое вѣрованіе, то дѣтскую мечту. Но Варенька съ колыбели жила въ такомъ кругу, гдѣ всякое чувство, всякій сердечный порывъ прячутъ глубоко, на днѣ самаго сердца.

Можетъ быть и Варенька любила и страдала, можетъ быть, и ее душило отчаяніе, можетъ быть: и она поняла суету земныхъ страстей и взглянула на жизнь, какъ философъ, но все это совершилось тайно, въ глубинѣ ея сердца, безъ всякихъ наружныхъ проявленій. Еслибъ у ней была любимая сестра, которая не отходила бы отъ нея ни на шагъ, и та не отгадала бы ничего. Варенька наряжалась, дѣлала съ maman визиты, танцовала на балахъ, улыбалась, восхищалась заморскими артистами, потому что это такъ слѣдуетъ, такъ принято, и потому что иначе ей нечего было дѣлать. Только съ годами ея лицо все болѣе и болѣе мѣняло выраженіе. Вмѣсто дѣтской, безотчетной веселости, что-то серьозно-насмѣшливое проглянуло въ ея правильныхъ, красивыхъ чертахъ.

Взоръ не горѣлъ, какъ прежде, огнемъ теплаго чувства, а останавливался на всѣхъ холодный и испытующій. Одѣваясь на балъ, она зѣвала, и если случалось иногда какому нибудь разочарованному юношѣ, вполнѣ довольному самимъ собою и своей судьбой, развалясь на стулѣ подлѣ Вареньки и посматривая самодовольно на кончики своихъ пальцевъ, обтянутыхъ безукоризненно палевою лайкой, пуститься въ отчаянный разговоръ о чувствахъ, о пустотѣ жизни, и объ его собственномъ глубокомъ и законномъ разочарованіи, Варенька взглядывала на него такъ холодно или съ такой убійственной насмѣшкой, что бѣдной юноша краснѣлъ до бѣлка глазъ и останавливался на половинѣ восторженной фразы. Впрочемъ Варенька была не прочь отъ замужства.

Она знала, что это была любимая мечта ея maman, что смѣшно было бы богатой дѣвушкѣ не выйти замужъ. Но Варенька разсуждала такъ: «Если кто посватается за меня, даже изъ-за денегъ, то пусть по крайней мѣрѣ мое богатство достанется человѣку, который бы стоилъ

того. По крайней мѣрѣ, чтобъ я могла уважать его.» А легко ли найти такого человѣка, тѣмъ болѣе, что его искала все-таки молодая дѣвушка, которая, очень естественно, хотѣла, чтобъ, кромѣ душевныхъ достоинствъ, онъ былъ и уменъ, и не дуренъ собою...

Маman Вареньки была нѣжнѣйшая и добрѣйшая изъ всего поколѣнія нѣжныхъ mamans, и душевно желала счастія своей единственной дочери. Но маменьки вообще хотятъ, чтобы дочери думали ихъ головою, чувствовали ихъ сердцемъ, смотрѣли ихъ глазами.

Варенька хорошо поняла свою маman и во всемъ, что не касалось замужства, повиновалась ей безпрекословно. Но за то на этомъ пунктѣ она была непреклонна. Однажды маman предложила ей чуть ли не десятаго жениха, прекраснаго молодаго человѣка, богатаго помѣщика, съ блестящей перспективой по службѣ...

Варенька выслушала хладнокровно весь перечень его достоинствъ и преимуществъ, и когда маman кончила, отвѣтила лаконически:

— Я вѣрю всему, что вы мнѣ сказали про него, но я за него не пойду. Онъ мнѣ не нравится.

— Ну, Варенька, ужъ это просто изъ рукъ вонъ! Послушай, вѣдь тебѣ уже двадцать четыре года. Конечно, ты богата, но вѣдь и съ богатыми невѣстами случается тоже, что съ разборчивою въ баснѣ Крылова.

Варенька улыбнулась.

— Маman, сказала она, вы знаете, что я люблю васъ. Я слушаюсь васъ во всемъ и всегда буду слушаться, но что касается до жениха, то какъ хотите, а ужъ я выберу его сама. Что прикажете дѣлать! Это моя idxe fine. Я создала себѣ идеалъ мужа и какъ скоро найду что нибудь похожее на этотъ идеалъ сейчасъ же скажу вамъ. А до тѣхъ поръ лучше и не хлопочите. Всѣ ваши заботы пропадутъ даромъ. Я уже заранѣе вооружена противъ всѣхъ моихъ будущихъ жениховъ. Маman замолчала и съ тѣхъ поръ не только перестала предлагать Варенькѣ жениховъ, но даже боялась при дочери заговорить о нихъ. Тѣмъ не менѣе ея родительское сердце скорбѣло и она облегчала себя тѣмъ, что когда приходилось къ слову, жаловалась на дочернія фантазіи своимъ короткимъ пріятельницамъ.

Однажды утромъ Варенька вошла въ гостиную въ расплохъ и застала тамъ маman и Александру Васильевну за очень жаркимъ разговоромъ. Обѣ смѣшались и заговорили о другомъ. Варенька сдѣлала видъ, что ничего не замѣтила. Въ другой разъ маman была у Александры Васильевны безъ Вареньки и не сказала ей ни слова, а проговорилась уже чрезъ нѣсколько дней.

Кого могла сватать Александра Васильевна? Неужели Сережу или Боринькy? Эту загадку Варенька дала себѣ слово разрѣшить на первомъ же вечерѣ, и въ ожиданіи разгадки составила маленькій планъ. Она уже ненавидѣла всѣмъ сердцемъ еще неизвѣстнаго ей жениха и, какъ женщина, съ досады рѣшилась свести его съ ума и потомъ помучить въ волю. Чисто женское мщеніе!

Александръ Иванычъ на другой день послѣ объясненія съ Лелей явился къ тетушкѣ. Александра Васильевна разсказала ему, что она уже говорила съ матерью Вареньки, и что та не прочь отъ этого брака.

— Но Александръ, прибавила Александра Васильевна, успѣхъ будетъ зависѣть совершенно отъ тебя. Варенька дѣвушка съ характеромъ. Ты видишь, она богата, хороша собою, у ней было много жениховъ, а она еще до сихъ поръ не вышла замужъ. Мать даже жаловалась мнѣ на нее. Кто ни посватается всѣмъ одинъ отвѣтъ: «Онъ мнѣ не нравится!» Что дѣлать, другъ мой! Нынѣче дѣвицы такъ избалованы, что никуда не годятся. Чуть немножко получше, да знаетъ, что богата, такъ ужъ воображаетъ о себѣ Богъ знаетъ что! Соколова сказала мнѣ, что она дочери даже и говорить не будетъ ничего, и вида не покажетъ. Ухаживай за ней, дай ей понять, что она тебѣ нравится и объясняйся самъ. А я съ стороны, сдѣлала все, что могла!

Александръ Иванычъ улыбнулся, подошелъ къ зеркалу, расправилъ усы и пріосанился съ такой увѣренностью, какъ будто ужъ это дѣло конченное.

Варенька скоро рѣшила задачу. Александръ Иванычъ увивался около нея, толковалъ съ ней о поэзіи, о чувствахъ, о прелести сельской жизни, и прочихъ интересныхъ предметахъ. Варенька вторила ему, украдкою кусая губки. Онъ сентиментальничалъ — она чуть не плакала. Александръ Иванычъ возставалъ съ негодованіемъ противъ коварства человѣческаго рода, Варенька припоминала на скоро какую нибудь тираду изъ какого нибудь романа и восхищала Александра Иваныча этой симпатіей сердецъ. Александръ Иванычъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и только удивлялся, что ему наговорили про твердость Вареньки.

— Она дѣвочка, какъ и всѣ, разсуждалъ онъ. Влюбилась и не умѣетъ скрыть. Да оно и лучше скорѣе къ развязкѣ. А славная будетъ жена! Я ее пріучу къ совершенному повиновенію, когда женщина влюбится — изъ нее можно сдѣлать все, что хочешь!

Такимъ образомъ прошли два мѣсяца, скучные, дождливые осенніе мѣсяцы, но Александръ Иванычъ не замѣчалъ погоды; ему было не до того, онъ былъ не газетный фельетонистъ.

У сосѣдокъ онъ не бывалъ ни разу. Сначала Леля мелькала часто въ его воображеніи, но онъ отталкивалъ этотъ милый призракъ, потому что всякій разъ при воспоминаніи о ней, у него какъ-то непріятно сжималось сердце. Потомъ это воспоминаніе стало посѣщать его рѣже, и наконецъ если онъ вспоминалъ о Лелѣ, то она казалась ему уже существомъ не здѣшняго міра, которое можетъ быть онъ видѣлъ когда-то въ чудномъ поэтическомъ снѣ, и съ которымъ не суждено было ему встрѣчаться болѣе на землѣ. Александръ Иванычъ схоронилъ ее заживо въ своемъ воображеніи.

У Соколовыхъ былъ вечеръ. Александръ Иванычъ задумчиво стоялъ предъ зеркаломъ и натягивалъ перчатки. Въ этотъ вечеръ онъ рѣшился окончательно прибрать къ рукамъ Варенькино сердце и объясниться. Вдругъ раздался сильный звонокъ.

— Скажи, что нѣтъ дома, закричалъ Александръ Иванычъ лакею. Этакая досада, продолжалъ онъ, расхаживая по комнатѣ: пожалуй, еще задержутъ. Кто бы это могъ быть такъ поздно? Александръ Иванычъ обернулся къ двери и остановился въ совершенномъ изумленіи. Въ дверяхъ стояла тѣнь... такъ по крайней мѣрѣ показалось Александру Иванычу. Это была не совсѣмъ еще тѣнь, потому что она была одѣта въ черное атласное пальто съ капюшономъ, накинутымъ на голову. Александръ Иванычъ тѣмъ не менѣе остолбенѣлъ, онъ узналъ Лелю. Она была страшно блѣдна и похудѣла. Всѣ ея черты выражали усталость, утомленіе, какъ будто послѣ долгой болѣзни. Александръ Иванычъ, слѣдуя первому порыву сердца, хотѣлъ броситься къ ней, но одумался, поклонился и молча подалъ ей стулъ. Леля сѣла.

— Что съ вами? Вѣрно случилось что нибудь важное? Вамъ надо сказать мнѣ что нибудь? спросилъ Александръ Иванычъ.

— Очень немного, отвѣчала Леля спокойно. Какія нибудь два, три слова. Но это такъ необходимо, что, видите, я пришла къ вамъ, не смотря ни на что. Я знаю, что это дурно, знаю, что это непріятно для васъ, и все-таки пришла.

Пока Леля говорила, Александръ Иванычъ всматривался въ ея чертѣ. Глаза Лели не горѣли, какъ бывало: въ нихъ тускло свѣтилось какое-то страдальческое спокойствіе. Все дѣтское, веселое, безпечное исчезло съ этого личика, оно запечатлѣлось совершенно новымъ выраженіемъ. Видно было, что мысль сильная боролась долго съ жестокимъ страданьемъ и побѣдила его. Но обѣ оставили слѣдъ свой. Не дешево достается наука познанія жизни!

Александру Иванычу стало жаль Лелю, онъ припомнилъ ее розовую, улыбающуюся, и совѣсть внятно сказала ему: — Ты виноватъ!

— Какъ вы похудѣли, Елена Николаевна! сказалъ онъ съ грустью. Вы были больны? И голосъ его дрожалъ, потому-что Александръ Иванычъ былъ человѣкъ, жившій впечатлѣніями настоящей минуты.

— Да, я была больна, отвѣчала Леля, и объ этомъ пришла поговорить съ вами. Не бойтесь, я не хочу упрекать васъ: когда зло сдѣлано, упреки безполезны. Но за то, что я вытерпѣла, вы по крайней мѣрѣ обязаны мнѣ отвѣчать чистосердечно на мои вопросъ, Вы первый дали мнѣ въ жизни урокъ; я поняла его, какъ съумѣла. Но есть еще одно обстоятельство, котораго я не могу разъяснить и затѣмъ-то пришла къ вамъ. Будьте такъ добры, окончите мое нравственное образованіе...

— Вы сердитесь на меня?

— Нѣтъ, я не сержусь и не шучу. За этимъ не стоило бы итти. Я пришла поговорить съ вами, какъ съ человѣкомъ, котораго нѣкогда считала своимъ другомъ.

Александръ Иванычъ прослезился.

— Елена Николаевна! сказалъ онъ, я вижу, что глубоко оскорбилъ васъ. Простите меня. Еслибъ вы знали, какъ я жалѣю обо всемъ, что случилось. Я готовъ всею жизнью... и онъ остановился. Ему пришло въ голову, что Леля можетъ счесть это за торжественное посвященіе ей всей его жизни, то есть, за формальное предложеніе руки и сердца.

Леля угадала его мысль и улыбнулась.

— Нѣтъ, это будетъ ужъ слишкомъ дорого для васъ, сказала она: вы можете искупить вашу вину гораздо дешевле. Выслушайте меня и потомъ отвѣчайте. Вы знаете, что я веду самую уединенную жизнь. До сихъ поръ я не видала людей и не понимала ихъ. Но я сирота и въ добавокъ бѣдная дѣвушка, значитъ я обречена провести мою жизнь между чужими, и потому не мѣшаетъ познакомиться покороче съ людьми и узнать, какія причины побуждаютъ ихъ дѣйствовать такъ, какъ имъ хочется, а не такъ, какъ этого требуетъ совѣсть. Это можетъ мнѣ пригодиться въ послѣдствіи. Вы знаете, прибавила Леля, слегка покраснѣвъ, что я люблю васъ. Но въ моихъ понятіяхъ идея о любви такъ тѣсно связана съ идеею о бракѣ, что... простите меня, съ той минуты, какъ вы сказали мнѣ, что любили меня, я стала считать васъ своимъ женихомъ. Правда, я читала иногда въ романахъ противное этому, но думала, что меня никто не осмѣлится любить иначе, я думала, что и вы не станете играть спокойствіемъ дѣвушки, которая заслужи-

ваетъ уваженіе. Эта мысль увлекла меня. Некому было вывести меня изъ заблужденія. Я видѣла блаженный сонъ, онъ былъ непродолжителенъ. Когда вы перестали ходить къ намъ, я страдала, воображая что вы больны. Потомъ я увидѣла васъ на улицѣ. Я не хотѣла вѣрить, пока маменька не узнала отъ кого-то, что вы женитесь. Я хотѣла тогда же идти къ вамъ, но у меня не достало духу. Я захворала и была долго больна; я бы не простила вамъ никогда вашего поступка со мною... но я была такъ близка къ смерти, а смерть примиряетъ со всѣми. Я молилась за васъ, за вашу невѣсту, и съ тѣхъ поръ совершенно спокойна. Я выздоровѣла и припомнила все. Я много думала, много размышляла обо всемъ, но есть еще многое, чего я не понимаю. Скажите мнѣ, зачѣмъ играли вы моею жизнью? что васъ заставило признаться мнѣ въ любви? Теперь вы любите другую; она заставила васъ забыть меня? Говорите же скорѣе и говорите правду; я спрашиваю не изъ любопытства, а потому-что для меня это необходимо.

Александръ Иванычъ молчалъ нѣсколько минутъ. Лёля сидѣла неподвижно и ждала отвѣта, не спуская съ него глазъ, слѣдуя за всѣми измѣненіями его лица. На ея блѣдномъ личикѣ было столько страданья и благородства, что Александру Иванычу стало совѣстно солгать. При появленіи Лёли онъ испугался, онъ ожидалъ объясненій, упрековъ, слезъ, а между тѣмъ ихъ не было и въ поминѣ.

— Вы хотите знать истину? произнесъ онъ медленно. Голова его горѣла, онъ облокотился на столъ.

— Да.

— Она не оскорбитъ васъ, какъ бы ни была горька? Простите меня, я такъ много мучилъ васъ, что не хотѣлъ бы прибавлять вамъ страданій, а между тѣмъ ваши поступки, ваши слова внушаютъ къ вамъ столько уваженія, что солгать вамъ было бы безсовѣстно.

— Говорите же правду, она не оскорбитъ меня; я за тѣмъ и пришла.

— Моя невѣста богата, отвѣчалъ Александръ Иванычъ.

Лёля покачала головой и задумалась.

— Но вы любили ее? спросила она вдругъ, пристально взглянувъ на него. Не можетъ быть, чтобъ она не нравилась вамъ?

— Столько же, сколько и другія. Отнимите у нея деньги, и она потеряетъ въ моихъ глазахъ всю прелесть. А между тѣмъ она очень хороша; но сердцу не приказываютъ. Я любилъ васъ, и кромѣ васъ

едва ли могу привязаться сердечно къ кому бы то ни было! я это понялъ теперь!

— Неужели деньги такъ могущественны? проговорила Лёля въ раздумьи.

— Да, деньги много значатъ. Это кумиръ, которому многіе поклоняются: за деньги унижаются, ползаютъ, жертвуютъ здоровьемъ, чувствами, правилами, счастьемъ всей жизни! Это зло, болѣзнь, которая какъ червь точитъ насъ отъ колыбели до могилы! Вы не знаете жизни, она иногда бываетъ ужасна. Я хорошо понялъ ее, я съ дѣтства сирота, всѣми отталкиваемый, всѣми гонимый! Дайте мнѣ золота, и тѣ самые люди, которые вчера не хотѣли смотрѣть на меня, завтра мнѣ будутъ кланяться!

Послѣдняя искра любви угасла въ сердцѣ Лёли: это олицетворенное корыстолюбіе ужаснуло ее.

— Благодарю, по-крайней-мѣрѣ, что не солгали, сказала она, и встала. Вы правы—жизнь иногда бываетъ ужасна!

Она накинула капишонъ, взглянула на Александра Иваныча въ послѣдній разъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ, и вышла.

А онъ долго смотрѣлъ на дверь, въ которую она скрылась. Потомъ тяжело вздохнулъ, надѣлъ перчатки и уѣхалъ.

—

VII.

О ТОМЪ КАКУЮ ГОРЬКУЮ ЧАШУ ШАМПАНСКАГО ВЫПИЛЪ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНЫЧЪ, И КАКОЕ ЛЕКАРСТВО ПРЕДЛОЖИЛЪ ДОКТОРЪ ЛЕЛЬ.

У Соколовыхъ вечеръ. Варенька чрезвычайно весела. Она танцуетъ, болтаетъ съ дѣвицами, шутитъ съ кавалерами, смѣется... впрочемъ, это ея обязанность: она хозяйка. Александра Иваныча еще нѣтъ. Варенька изрѣдка посматриваетъ на дверь и каждый разъ что-то насмѣшливое выражается на ея лицѣ.—А Варенька очень хороша: на ней простое бѣлое платье, оно чрезвычайно идетъ къ ея блѣдности и правильнымъ мелкимъ чертамъ. Сколько нѣжности, ума, одушевленія въ личикѣ! У дверей стоитъ высокій молодой человѣкъ въ очкахъ. Лицо блѣдное и серьозное, обрамленное чер-

ными бакенбардами. Онъ слѣдитъ за Варенькой и глазами, и сердцемъ. Но онъ сердитъ на нее, онъ не подойдетъ къ ней. Вѣрно сердце шепнуло объ этомъ Варенькѣ, потому что она отказала кандидату на кадриль, подъ предлогомъ усталости, а сама воспользовалась минутою, когда пары засуетились по залѣ, пробралась до дверей и сказала вполголоса:

— Monsieur Горичъ, полноте сердиться, право это нейдетъ къ вамъ.

Молодой человѣкъ улыбнулся и пошелъ за Варенькой. Они незамѣтно ускользнули изъ залы и дошли до небольшой, уединенной комнаты, слабо освѣщенной фонарями, спрятанными въ зелени цвѣтовъ. Варенька сѣла на козетку. Молодой человѣкъ помѣстился въ пяти шагахъ отъ нея, въ креслѣ. Улыбка исчезла съ его лица. Оно по-прежнему стало холодно и серьезно.

— Скажите, ради Бога, начала Варенька, за что вы сердитесь?

— За все, отвѣчалъ лаконически Горичъ.

— Чѣмъ сердиться, лучше поговоримъ и рѣшимъ разссориться ли намъ въ концѣ, или помириться на вѣкъ.

Варенька старалась улыбнуться, но улыбка какъ-то не удалась. Въ ней мелькнули боязнь, грусть, сожалѣніе. Молодой человѣкъ замѣтилъ это.

— Разсудите сами, сказалъ онъ, можно ли выдержать хладнокровно всѣ ваши затѣи? Я люблю васъ цѣлый годъ, вы это знаете, потому что я высказалъ вамъ мои чувства откровенно и ждалъ отъ васъ, если не взаимности, то по-крайней-мѣрѣ, откровенности. Вы назначили цѣлый годъ испытанія себѣ и мнѣ. Въ этомъ случаѣ вы поступили прекрасно. Я понялъ васъ, понялъ вашъ взглядъ на жизнь, и ваша недовѣрчивость даже къ самой себѣ не удивила меня. Вы хотѣли также, чтобъ въ этотъ годъ я не напоминалъ вамъ никогда о моей любви, чтобъ вы пользовались совершенною свободою. Я согласился и на это и выдержалъ этотъ годъ терпѣливо, потому, что люблю васъ искренно. Вы на моихъ глазахъ танцовали, шутили, даже кокетничали съ другими, а я только издали смотрѣлъ на васъ. Но я наблюдалъ за вами и до сихъ поръ извинялъ васъ, потому что привыкъ читать въ вашемъ сердцѣ, хотя вы прячете его очень далеко. Я готовъ былъ бы, пожалуй, выдержать еще такой же годъ, потому что люблю васъ истинно и уважаю даже ваши прихоти. Но съ нынѣшней осени... этотъ новый обожатель... Какъ хотите, Варвара Александровна, но сердце, которое любитъ—не игрушка. Я потерялъ бы уваженіе къ самому себѣ, еслибъ позволилъ играть моими чувствами. Если ваше сердце говоритъ не въ

мою пользу, а въ пользу этого господина, я безпрекословно уступаю ему мѣсто.

— Я ненавижу его... нѣтъ, больше — презираю всѣмъ сердцемъ, отвѣчала Варенька, и лицо ея въ самомъ дѣлѣ выразило глубокое презрѣніе.

— Зачѣмъ же онъ вѣчно около васъ, зачѣмъ вы кокетничаете съ нимъ? Извините меня, но это непростительно!

Варенька горько усмѣхнулась.

— Зачѣмъ? повторила она, затѣмъ, что его дерзость вывела меня изъ терпѣнія. Прошедшую зиму онъ никогда почти не танцовалъ со мною, никогда не говорилъ. Пока мы были въ деревнѣ, онъ упросилъ свою тетушку посватать меня за него. Лишь только мы пріѣхали, она завладѣла maman, и вѣроятно убѣдила ее, потому что его пригласили къ намъ. Онъ началъ ухаживать и такъ настойчиво, такъ пошло, что я возненавидѣла его всею душою. Онъ ничего не имѣетъ и хочетъ жениться на моихъ деньгахъ. Но виновата ли я, что богата? Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что я должна, закрывъ глаза, подать мою руку первому господину, которому вздумается пріобрѣсть состояніе? Вотъ за что я ненавижу всѣхъ моихъ жениховъ. Я горда, а роль богатой невѣсты унизительна. Я уже давно играю ее; я ждала и жду предложенія отъ моего обожателя, какъ вы говорите, прибавила Варенька съ улыбкою, чтобъ дать ему замѣтить, что я поняла его цѣль, словомъ, чтобъ дать ему маленькій урокъ. Можетъ быть, я поступила дурно, непростительно,—въ такомъ случаѣ разстанемся.

Варенька встала нерѣшительно. Горичъ не пошевелился.

— Еще одно слово, Варвара Александровна. Вѣрите ли вы моей любви?

— Вѣрю, и только вашей, отвѣчала Варенька. Вы богаты сами; я мучила васъ цѣлый годъ и вы терпѣли все, не смотря на ваше самолюбіе.

— Такъ зачѣмъ разставаться? Не лучше ли помириться на вѣкъ?

Горичъ подалъ Варенькѣ руку. Она крѣпко пожала ее и оба засмѣялись.

— Знаете ли что? продолжалъ Горичъ. Исполните мою первую просьбу: оставьте вашего поклонника въ покоѣ: такихъ людей слова и примѣры не убѣждаютъ, а только раздражаютъ; для нихъ существуетъ одинъ неумышленный учитель — опытность. А если хотите отмстить ему и вывесть его изъ пріятнаго заблужденія, то позвольте мнѣ сегодня поговорить съ вашимъ папа.

— Пойдемте же вмѣстѣ, отвѣчала Варенька, подавая ему руку.

Александръ Иванычъ пріѣхалъ поздно. Вы знаете, что его задержало. Онъ подошелъ къ Варенькѣ ангажировать ее на кадриль. Варенька дала уже слово; на польку-мазырку—тоже; на вальсъ—тоже. Александръ Иванычъ въ отчаяніи отложилъ объясненіе до болѣе удобной минуты. Между тѣмъ подали ужинъ. Варенька была очень весела. Александръ Иванычъ надулся. Когда встали изъ за стола, Соколовъ подозвалъ Горича и Вареньку и обращаясь къ гостямъ произнесъ обычную фразу:

— Рекомендую вамъ, господа, жениха моей дочери. Шампанское запѣнилось и Александръ Иванычъ блѣдный, разстроенный, выпилъ бокалъ до дна. Горька была ему эта чаша.

Не будемъ описывать его отчаянія, притомъ же Александръ Иванычъ предался отчаянію въ тихомолку, у себя дома, а не среди бальной залы.

Онъ долго не ложился спать въ этотъ вечеръ, а расхаживалъ по своей комнатѣ, декламируя монологъ въ родѣ слѣдующаго:

— Кокетки! Вѣтренницы! Всѣ кокетки! И Леля тоже... Петрушка, отчего ты, мошенникъ, не вычистилъ подсвѣчникъ! А? Спалъ, небось? Негодяй! Убирайся съ моихъ глазъ!—А тетушка-то!—Хороша и она! Изъ ума выжила! Не спросясь броду, сунулась въ воду. Хороши онѣ всѣ! Рѣшено, не женюсь никогда! Или нѣтъ, что за вздоръ! Женюсь на простой лишь бы была богата. Эта мысль успокоила Александра Иваныча, и онъ улегся.

Но долго послѣ того была у него траурная физіономія и крѣпко доставалось Петрушкѣ въ эту тяжелую годину.

Мы болѣе не возвратимся къ моему герою — миръ съ нимъ. Лучше разскажу какимъ лекарствомъ поподчивалъ докторъ Лелю.

Для этого я попрошу читателя перенестись назадъ за мѣсяцъ послѣ того достопамятнаго вечера, когда Александръ Иванычъ объяснился ей въ любви. Леля блѣдная, исхудалая, съ потухшимъ взоромъ сидѣла въ своей комнатѣ на канапе, обложенная подушками. Передъ нею столикъ и на немъ раскрытая книга. Но Леля забыла о ней... Ея глаза остановились съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ на одной точкѣ, а думы улетѣли далеко.

У окна, подлѣ стола, еще уставленнаго микстурами, порошками и прохладительнымъ питьемъ, сидѣлъ ея докторъ.

Онъ возратился изъ командировки въ то самое время, когда Леля захворала. Во все время ея болѣзни онъ почти не отходилъ отъ нея.

Докторъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Лицо открытое и веселое, слегка оттѣненное какою-то добродушной насмѣшливостью. Улыбка... мнѣ кажется, что главная черта характера непремѣнно должна выражаться въ улыбкѣ, — а улыбка доктора дышетъ такою патріархальною, привлекательною добротою, что будь я женщина, я влюбился бы въ него за одну эту улыбку.

Докторъ держалъ развернутый листъ газеты, но украдкою смотрѣлъ на Лелю. Неподвижность ея вывела его изъ терпѣнія. Онъ всталъ, положилъ газету, придвинулъ стулъ къ столику Лели и усѣлся съ видомъ человѣка, собирающагося сдѣлать длинное объясненіе.

— О чемъ же вы думаете, Елена Николаевна? спросилъ онъ.

— Ни о чемъ, отвѣчала Леля разсѣянно.

— Это неправда. Доктора нельзя обманывать. Вы думаете о вашемъ Александрѣ Иванычѣ.

— О какомъ Александрѣ Иваоычѣ? спросила Леля съ досадой.

— О томъ самомъ, отвѣчалъ хладнокровно докторъ, которымъ вы бредили въ горячкѣ, и благодаря которому вы чуть не умерли. Не краснѣйте, я все знаю. Муттерхенъ все разболтала; я вамъ всегда говорилъ, что на нее плохая надежда; она первая васъ и выдала.

— Докторъ...

— Не сердитесь, это вамъ вредно. Поговоримъ лучше хладнокровно. Скажите что, вы долго намѣрены любить этого господина?

— Всю жизнь, отвѣчала Леля. Она солгала. Еслибъ это было въ ея волѣ, она отдала бы половину жизни, чтобъ только вырвать изъ сердца это мучительное чувство, которое сожигало ее медленнымъ огнемъ.

— Напрасно, сказалъ докторъ, я не совѣтую. Скажу откровенно: этотъ господинъ такое обыкновенное, прозаическое, чтобъ не сказать пошлое созданіе, что еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то есть, хорошенькой и умной дѣвушкой, мнѣ было бы стыдно любить его.

— Зачѣмъ вы мучите меня, докторъ? отвѣчала Леля, чуть не со слезами. Не все ли равно вамъ, люблю я его или нѣтъ?

— Совсѣмъ не все равно. Я это сейчасъ докажу. Во-первыхъ, я отнялъ васъ у смерти, значитъ вы теперь моя собственность, хоть сердитесь, хоть нѣтъ. Я могу мучить васъ, сколько мнѣ угодно. Во-вторыхъ, я мучу васъ по весьма законной причинѣ;

я не люблю ничего дѣлать вполовину. Я вылечилъ ваше тѣло, но вы больны душою—я хочу вылечить и душу. Я знаю, что лекарство непріятно, но за то послѣдствія благодѣтельны. Теперь я докажу вамъ также, что и вы обязаны меня слушаться; насильно нельзя вылечить. Я былъ другомъ вашего отца, это доказываетъ, что я не совсѣмъ дурной человѣкъ, и вы можете имѣть ко мнѣ довѣріе. Я любилъ его .. Умирая, онъ просилъ меня не оставлять васъ: онъ не слишкомъ надѣялся на особъ, окружающихъ васъ, и былъ правъ. Я далъ ему слово наблюдать за вами, а я всегда держу мое слово. Еслибъ не эта несчастная командировка, не видать бы вамъ никогда Александра Иваныча. Впрочемъ, все къ лучшему. Можетъ быть, тогда вы не поняли бы меня...

По мѣрѣ того, какъ докторъ говорилъ, лицо его принимало все болѣе и болѣе серьозное выраженіе. Въ его глазахъ, устремленныхъ на Лелю, сіяло какое-то теплое, задумчивое чувство... Въ голосѣ его звучало такое искреннее, преданное участіе, что онъ проникъ до глубины сердца Лели и вызвалъ на глаза ея слезы... первыя, благодѣтельныя слезы послѣ ея болѣзни.

Докторъ далъ Лели наплакаться въ волю и когда она кончила, взялъ ее за руку:

— Выслушайте же меня до конца, сказалъ онъ съ улыбкой, но сперва скажите: вѣрите вы мнѣ или нѣтъ?

— Вѣрю, отвѣчала Леля.

— Въ такомъ случаѣ, слушайте: этотъ Александръ Иванычъ дурной человѣкъ, или по крайней мѣрѣ, если не дурной, то жалкій, который не стоитъ любви. Любить можно только то, что благородно и хорошо.. Сердце дано намъ Богомъ не для того, чтобъ мы расточали его сокровища передъ людьми, которые пожали бы ихъ съ насмѣшкой и презрѣньемъ, а для того, чтобъ мы составляли счастія людей, которые стоятъ того. — Вы всѣ создаете себѣ какіе-то идеалы мужей, по образцу героевъ французскихъ сказокъ, при рожденія которыхъ присутствовали феи, одарявшія своего любимца всѣми благами ума и сердца... Повѣрьте мнѣ, вы заблуждаетесь. Въ природѣ человѣка нѣтъ рѣзкихъ крайностей. Всѣ мы болѣе или менѣе имѣемъ недостатки. Женщины, безспорно, лучше насъ... но за то женщины должны понимать свое назначеніе. Любить—прекрасно, но надо знать, что любить и какъ любить; мало того, надо умѣть любить. Какая польза, если вы полюбили перваго молодаго человѣка, который увлекъ васъ пустой бол-

товней, и которому ваша любовь не дастъ никогда счастія, потому что онъ никогда не пойметъ вашего сердца, а если и пойметъ, то не оцѣнитъ его?

— Но вы не знаете, отвѣчала Лёля съ робостью. Почему вы думаете, что онъ не оцѣнитъ моей любви?

— Потому что я не даромъ прожилъ на свѣтѣ пятьдесятъ лѣтъ. Я сужу о человѣкѣ по его поступкамъ, а не по словамъ. Я не видалъ этого господина, но знаю его, можетъ быть, лучше, нежели онъ самъ. Онъ женится на богатой дѣвушкѣ, значитъ ему нужны деньги. Можетъ быть, онъ и не обманывалъ васъ, можетъ быть, онъ и точно любилъ васъ, но оцѣнилъ ли онъ ваше сердце, это вы можете сами заключить изъ того, что его любовь не устояла противъ мѣшка съ золотомъ... Чего же стоитъ подобный человѣкъ? Конечно, деньги—важное условіе въ жизни, но еще не такое, чтобъ ему можно было жертвовать всѣмъ, что есть благороднаго въ сердцѣ. Кто думаетъ иначе, тотъ пусть по крайней мѣрѣ живетъ для однѣхъ денегъ и не играетъ сердцемъ и жизнью другихъ.

Александръ Иванычъ, послѣ словъ доктора, упалъ глубоко во мнѣніи Лёли. Но сердцу, которое любило однажды, не хочется оторваться, не скажу отъ любимаго предмета, но просто отъ чувства любви. Въ этомъ случаѣ женщины удивительныя мастерицы обманывать самихъ себя.

— Нѣтъ, докторъ, отвѣчала Лёля, вы напрасно обвиняете его въ корыстолюбіи; онъ женится на другой, потому что любилъ другую. Кто болѣе меня имѣетъ право обвинять его, но я не обвиняю. Въ мірѣ такъ много превратнаго! Онъ встрѣтилъ другую, которую можетъ быть полюбилъ больше меня, не виноватъ же онъ, если она богата!

Докторъ размѣялся.

— Вы достойная воспитанница муттерхенъ, сказалъ онъ: это ея идеи. Но я докторъ, изучавшій человѣка почти всю мою жизнь, изучавшій его и какъ врачъ, и какъ психологъ, я говорю вамъ, что вы ошибаетесь. Подумайте о моихъ словахъ.

Докторъ всталъ, отошелъ къ окну и снова принялся за газету. Леля задумалась. Но уже не одинъ Александръ Иванычъ наполнялъ ея думы. Въ первый разъ въ жизни докторъ говорилъ съ нею такимъ тономъ. Онъ показался ей совершенно другимъ человѣкомъ.

— И я такъ ошибочно судила о немъ, думала Леля.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Леля совершенно поправилась. Все, что говорилъ докторъ, глубоко запало ей въ голову. Ей и хотѣлось бы

убѣдиться, что не стоитъ любить Александра Иваныча и какъ-то страшно казалось сокрушить кумиръ, которому она привыкла поклоняться. Ее тяготила мысль, что она любила человѣка, который не задумавшись промѣнялъ ея любовь—на деньги. Эта мысль до того мучила ее, что она рѣшилась разъяснить поступки Александра Иваныча, и вы знаете какимъ образомъ взялась за это. Это была ея послѣдняя дѣтская выходка. Корыстолюбіе Александра Иваныча ужаснуло ее. Въ головкѣ Лели совершился благодѣтельный переворотъ: въ ней поселилась новая, незнакомая ей дотолѣ гостья — мысль, и вытѣснила всѣ мечты. Леля серьозно задумалась о своей участи и усердно принялась искать мѣста гувернантки.

Докторъ ходилъ къ ней почти каждый день, но онъ какъ будто забылъ все, что случилось. Онъ никогда не вспоминалъ объ Александрѣ Иванычѣ, даже никогда не намекалъ Лели о ея минувшей любви, и по прежнему шутилъ съ нею, игралъ въ преферансъ и ссорился съ муттерхемъ.

Однажды вечеркомъ Леля сидѣла въ своей комнатѣ и шила. Муттерхенъ въ другой комнатѣ мотала шерсть, надѣтую на два стула. Мачиха Лели разливала чай. Докторъ долго толковалъ съ муттерхемъ, ходя по комнатѣ. Наконецъ онъ какъ-то нечаянно забрелъ въ комнату Лели и сѣлъ противъ нея.

— Что вы шьете? спросилъ онъ.

— Платье, отвѣчала Леля.

— Добрый знакъ, когда женщина начинаетъ заниматься нарядами, значитъ она рѣшилась жить.

Леля улыбнулась.

— Если я рѣшилась жить, сказала она, то изъ благодарности къ вамъ. Вы спасли меня отъ смерти, и я не хочу, чтобъ вашъ трудъ не пропалъ даромъ.

— Это очень лестно для меня; но я хочу предложить вамъ еще одно, лекарство. Позволите? И голосъ доктора слегка дрожалъ, не смотря на всѣ его усилія казаться спокойнымъ.

— Позволяю, отвѣчала Леля, не поднимая глазъ.

— Поступите по русской пословицѣ: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись. Влюбитесь снова.

— Въ кого же, докторъ?

— Въ меня, напримѣръ.

Леля взглянула на доктор ея покраснѣла.

— Что жъ вы молчите? или вы не вѣрите возможности влюбиться въ меня? Въ такомъ случаѣ идите за меня просто замужъ, а влюбитесь послѣ.

— А если не влюблюсь послѣ? сказала Леля съ лукавой улыбкою.

— И это не бѣда, тогда я одинъ буду любить васъ. Я къ этому ужъ давно привыкъ. Я люблю васъ давно, съ незапамятныхъ временъ. Я никогда не говорилъ вамъ о своей любви, потому что это было безполезно. И теперь... если вы не хотите... я буду ждать сколько вамъ угодно. Вы молоды, свѣтъ еще манитъ васъ... но когда онъ наскучитъ вамъ, тогда вспомните обо мнѣ. Я вамъ другъ до могилы, потому что въ мои лѣта сердце не любитъ новыхъ впечатлѣній, а хранитъ старыя, какъ святыни.

Леля встала и съ влажными глазами подала доктору руку. Она поняла его вполнѣ.

— Нѣтъ, сказала Леля, я не хочу, чтобъ вы ждали. Я вамъ обязана всѣмъ. Вся моя жизнь будетъ посвящена на то, чтобъ уплатить мой долгъ, и чѣмъ скорѣе начну я уплату, тѣмъ лучше.

— Вы ангелъ! вскричалъ докторъ, цѣлуя ея руку. Я всегда говорилъ, что вы умница, только муттерхенъ сбивала васъ съ толку.

Муттерхенъ услышавъ, что говорятъ объ ней, бросила шерсть и пришла къ нимъ.

— О чемъ вы толкуете? спросила она.

— Поздравьте насъ, сказалъ докторъ: мы женихъ и невѣста.

— Можетъ ли это быть? Ты Леля выходишь за доктора?

— Да муттерхенъ, отвѣчала Леля, вспыхнувъ.

— Чудеса! проговорила муттерхенъ, качая головой, и заплакала.

— Знаете что, сказалъ ей докторъ, у меня большая квартира; переѣзжайте къ намъ. Вы сдѣлаете доброе дѣло. Я буду съ вами по вечерамъ играть въ преферансъ, мы будемъ ссориться—это будетъ чудесно. Безъ ссоръ я не могу жить.

— А я-то на что? сказала Леля.

— Вы? да я васъ такъ возьму въ руки... что вы во всемъ будете соглашаться со мною.

Такимъ образомъ обѣ мои героини вышли замужъ—Варенька за Горича, Леля за доктора, и обѣ счастливы. Леля любитъ своего мужа всею душою. Только одинъ герой мой остался непристроеннымъ, но объ немъ не безпокойтесь: объ немъ печется тетушка.

Если справедливо, что романы и повѣсти пишутся для женщинъ, то вотъ какую мораль могутъ вывести женщины изъ моего сказанія:

— Не создавайте себѣ никогда идеала мужа, а главное не принимайте за осуществленіе этого идеала перваго молодаго человѣка, который заговоритъ съ вами о любви: они говорятъ объ этомъ часто по привычкѣ.

Второе: если случится съ вами что нибудь подобное исторіи Лёли, то какъ можно скорѣе забудьте того, кого не стоитъ любить, и если судьба пошлетъ вамъ добраго и умнаго мужа—съумѣйте оцѣнить его.

С. С—ъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Звенитъ.... гудитъ.... дробится мелкой трелью
Валдайскій колокольчикъ удалой.....
Въ немъ слышится призывъ родной, —
Какое-то раздольное веселье
Съ безумной, безотчетною тоской.

Кто ѣдетъ тамъ?.. Куда?.. съ какою цѣлью?
Зачѣмъ? къ кому?... И ждетъ-ли кто нибудь?...
Трепещущую счастьемъ грудь
Смутитъ-ли колокольчикъ звонкой трелью?
Спѣшатъ!... летятъ!... Богъ съ ними! добрый путь!

Вотъ съ мостика спустились на плотину,
Вотъ обогнули прудъ, и садъ, и домъ....
Теперь поѣхали шажкомъ,
Свернули въ паркъ аллеею старинной
И вотъ ямщикъ стегнулъ по всѣмъ по тремъ.

Звенитъ.... гудитъ.... какъ будто бьетъ тревогу,
Чтобъ мысль завлечь и сердце соблазнить....
И скучно стало сиднемъ жить, —
И хочется куда нибудь въ дорогу,
И хочется къ кому нибудь спѣшить!

ГРАФИНЯ ЕВДОКІЯ РОСТОПЧИНА.

Вороново, 27-го августа 1853.

СОЖАЛѢНІЕ.

Воротитесь, блаженные годы!
Дайте сердцу забыться на мигъ!
Поспѣшилъ я за тѣнью — и счастье
Упустилъ изъ объятій моихъ.

Воротись, молодая подруга
Юныхъ, гордыхъ и вѣтряныхъ лѣтъ.
Я прошу, я снесу всѣ капризы
За одинъ твой радушный привѣтъ.

Я цѣнить буду каждую ласку,
Каждый взглядъ твой я буду цѣнить —
И не стану въ минуты свиданья
О минутахъ разлуки твердить.

Посмотри, тотъ же мѣсяцъ восходитъ,
Тотъ же льется въ окно ароматъ: —
Возвратитесь блаженные годы!
Воротите, что взяли, назадъ!

Ахъ, зачѣмъ поспѣшилъ я за вѣкомъ, —
Ты любовь не спѣшила за нимъ.
Со слезами со мной ты разсталась
И смѣясь обратилась къ другимъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

РАЗЛУКА.

(*Посвящается М. С.*)

Мило головку твою осѣнили
Волны каштановыхъ, рѣзвыхъ кудрей,
Дивно слились простота и лукавство
Въ личикѣ дѣтскомъ твоемъ.

Въ свѣтлыхъ, какъ молнія быстрыхъ, глазенкахъ
То плутовство, то стыдливость блеснетъ, —
Въ кроткой улыбкѣ младенческихъ губокъ
Тайно коварство скользитъ.

Гибокъ и тонокъ, и строенъ, какъ пальма,
Чудно очеркнутый станъ молодой;
Слышится музыка въ легкой походкѣ
Крошечной ножки твоей.

Если мой взглядъ на тебѣ отдыхаетъ—
Тихаго счастья я полонъ тогда...
Только порою тревожная дума
Душу смущаетъ мою:

Время прійдетъ—на поблекшія щеки
Кудри, сѣдѣя, повиснутъ твои,
Взглянутъ безжизненно быстрыя очи,
Сгорбится станъ молодой.

Смѣхъ беззаботный смѣнится ворчаньемъ,
Холодъ на пылкую душу падетъ...
Время твою красоту развиваетъ,—
Время ее и сотретъ!

Мы разстаемся.. Желалъ-бы я вѣчно
Чудную видѣть головку твою...
Но не хочу, чтобъ при мнѣ развивались
Пышныя кудри ея.

Юность быстра.. Ты роскошно прекрасна. ..
Лучшей поры для тебя не прійдетъ,
Лучшей поры для разлуки не будетъ,—
Такъ разойдемся жъ на-вѣкъ!

Благоговѣйно тебя до могилы
Въ памяти свѣтлой хочу я донесть,
Будетъ въ душѣ моей образъ твой милый
Юностью вѣчною цвѣсть.

ОВЪ.

Харьковъ.

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ГВИДО РЕНИ.

—

I.

Въ Болоньи, въ одномъ изъ домовъ съ аркадами, близъ Піаца Маджіоре, откуда видна чудная перспектива дворцовъ и огромная башня Тораццо, поддерживаемая четырьмя массивными столбами, подъ которыми проходятъ двѣ большія улицы, сидѣли другъ противъ друга старикъ и молодой человѣкъ.

Старикъ полулежалъ въ большихъ кожаныхъ креслахъ. Посѣдѣлая голова его, опрокинутая назадъ, обращена была къ небу, блистающему всѣмъ великолѣпіемъ юга, и онъ со вниманіемъ и восторгомъ слушалъ, какъ сынъ его игралъ на скрипкѣ.

На лицѣ молодаго человѣка, прекрасномъ и правильномъ, видна была чистая, возвышенная душа. Его блестящіе черные глаза смотрѣли на старика съ почтеніемъ и любовью; онъ выбиралъ мелодіи, которыя должны были нравиться отцу, и по временамъ мѣнялся съ нимъ ласковою улыбкой.

Концертъ этотъ, въ которомъ былъ только одинъ слушатель, продолжался уже нѣсколько времени, но молодой человѣкъ не оставлялъ смычка, чтобъ не лишить старика этого невиннаго удовольствія; наконецъ тотъ самъ остановилъ сына, боясь чтобъ онъ не усталъ.

— Довольно, Гвидо, благодарю тебя, сказалъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ. Я и то отнимаю у тебя много времени, дитя мое. Знаю, что для меня ты выучился музыкѣ, потому что мнѣ необходимо было это развлеченіе послѣ нашей жестокой потери... Да, Гвидо... мы остались теперь только вдвоемъ: всѣ твои родные умерли, твоя бѣдная мать оставила насъ.... я уже старъ, силы мои ослабѣли.... но я еще не умру, потому что не исполнилъ всѣхъ моихъ обязанностей. Тебѣ только двадцать лѣтъ, сынъ мой, и безъ меня ты не можешь еще ни жить, ни выбрать себѣ приличную карьеру. Что ты будешь дѣлать, Гвидо, если я послѣдую за женою?

— О, не говорите мнѣ объ этомъ, вскричалъ молодой человѣкъ со слезами: не напоминайте мнѣ объ ужасной разлукѣ!

— Напротивъ, другъ мой, надобно думать и приготовиться къ тому, что неизбѣжно, сказалъ Даніилъ Рени твердымъ голосомъ. Отвѣчай же, чѣмъ ты займешься?

— Я буду живописцемъ, и, можетъ быть, Богъ благословитъ мои труды.

— Живописцемъ! повторилъ Даніилъ, качая головою: странная и опасная фантазія! Развѣ ты не знаешь, Гвидо, что искусство... это страна мечтаній о богатствѣ и борьбы съ бѣдностью. Позабылъ ты, какъ страдали твои знаменитые предшественники, какую ничтожную цѣну платили за образцовыя произведенія Веронезовъ и Кореджіевъ? Притомъ же вспомни ненависть между различными школами, несправедливость современниковъ, неблагодарность и презрѣніе ихъ! Нѣтъ, другъ мой, эта дорога тяжела и опасна и похожа на описанную нашимъ Дантомъ: selvaggia e aspra e forte! Выбери же другую, если хочешь быть счастливъ. Послѣдуй лучше примѣру флорентинскихъ и венеціянскихъ дворянъ и займись торговлею. Это выгодно и покойно.

— Нѣтъ, мой добрый батюшка, я уже рѣшился, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ твердостію, удивившею старика; я не хочу быть счастливымъ и неизвѣстнымъ, но хочу быть знаменитымъ.

— Бѣдный Гвидо!

Послѣ этого восклицанія Даніилъ всталъ, прошелся по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ, потомъ, успокоясь немного отъ волненія, подошелъ къ сыну, который уже внутренно раскаивался, что возбудилъ безпокойство въ отцѣ.

— Послушай меня, дитя мое, началъ онъ еще ласковѣе прежняго. Я не хочу ни огорчать тебя, ни противорѣчить тебѣ, если ты, въ самомъ дѣлѣ, чувствуешь страсть къ живописи. Талантъ дается Богомъ, и люди не смѣютъ тушить небесную искру, но можетъ-быть ты самъ ошибаешься... можетъ-быть, къ несчастію... въ тебѣ нѣтъ никакого таланта...

— Что вы говорите, батюшка? спросилъ Гвидо съ волненіемъ.

— Это не мое собственное мнѣніе, сынъ мой, потому что я самъ не въ состояніи рѣшить такого важнаго вопроса, но я долженъ вѣрить словамъ твоего учителя, Дени Кальвара... Онъ очень строго судитъ о тебѣ. Ему не нравится ни твоя манера, ни легкость рисунка, ни расположеніе свѣта и тѣней, такъ что еслибъ не мои просьбы, онъ давно бы заперъ передъ тобою свою мастерскую.

— О! я узнаю грубаго и завистливаго Фламандца, вскричалъ Гвидо съ горячностью. Невѣрьте ему, мой добрый батюшка, и посудите сами, можетъ ли развиться талантъ и разыграться вдохновеніе въ мрачной мастерской, гдѣ учитель до того дерзокъ, что бьетъ своихъ учениковъ?

— Развѣ онъ смѣлъ поднять на тебя руку?

— Онъ не дѣлаетъ никакого исключенія между своими несчастными учениками, отвѣчалъ съ грустною улыбкой молодой Рени.

— Я не хочу, чтобъ съ тобою дурно обходились, сказалъ встревоженный старикъ и поговорю съ учителемъ, чтобъ впередъ онъ...

— Все будетъ напрасно, батюшка, перебилъ молодой человѣкъ. Вы не передѣлаете грубую натуру Дени Кальвара. Притомъ же онъ съ каждымъ днемъ дѣлается раздражительнѣе, потому что слава братьевъ Караччи возрастаетъ, а онъ не въ состояніи сравниться съ ними, и потому старается унижать ихъ.

— Все таки онъ не смѣетъ бить тебя. Я не позволю этого и тотчасъ же объяснюсь съ твоимъ учителемъ. Мнѣ надобно итти по дѣламъ. Завтра мы еще поговоримъ о твоей будущности.

Старикъ взялъ свой плащъ, большую палку, надѣлъ шляпу и ушелъ, поцѣловавъ нѣжно своего любимаго сына.

Гвидо, оставшись одинъ, поспѣшно спряталъ скрипку въ футляръ, открылъ маленькій кабинетъ, вынулъ оттуда холстъ, кисти, краски, все нужное для рисованья, и началъ разстанавливать какъ можно удобнѣе. Молодой человѣкъ хлопоталъ и суетился съ какимъ-то наслажденіемъ; лице его; еще недавно грустное, освѣтилось живѣйшею радостью, когда онъ взялъ кисть и сѣлъ передъ полотномъ.

*

На немъ изображена была голова Мадонны въ яркомъ сіяніи. Одежда ея противъ обыкновенія была не синяя, но блѣдно-лиловая съ розовыми оттѣнками. Это была Святая Дѣва, счастливая и благоговѣющая передъ чудесами своего Сына. Ликъ ея выражалъ небесное блаженство, кроткая улыбка играла на устахъ; вся она казалась неземною, воздушною, потому что Гвидо вздумалъ покрыть слегка весь рисунокъ бѣлою краской. Словомъ это была картина, о которой долго мечтаютъ, и которую начинаютъ не думая ни о какихъ правилахъ учителей, но это бываетъ только когда живописцу двадцать лѣтъ, и когда онъ во всемъ видитъ счастіе и поэзію.

Самый строгій судья не сказалъ бы что эта картина—капризъ молодаго человѣка.

Прошло уже два часа какъ Гвидо занимался съ наслажденіемъ своею работой, не боясь замѣчаній и дерзкихъ выходокъ своего фламандскаго учителя. Притомъ же была другая причина, болѣе похвальная, почему молодой Рени работалъ такъ прилежно и охотно: онъ назначалъ свою Мадонну въ подарокъ отцу, и заранѣе радовался удивленію старика, когда онъ повѣситъ въ спальнѣ, надъ налоемъ, эту картину.

Вдругъ послышались скорые шаги, и вошелъ Фабіо, слуга Рени, знавшій всѣ тайны своего молодаго господина.

— Убирайте поскорѣе вашу работу, Гвидо, сказалъ онъ, за мной идетъ вашъ батюшка и съ нимъ Дени Кальваръ.

Это извѣстіе до того поразило молодаго живописца, что онъ вмѣсто того, чтобъ убирать мольберъ и краски, остановился въ недоумѣніи передъ своей Мадонной, и въ этомъ положеніи его засталъ Даніилъ и учитель его.

Быстрый взглядъ фламандца въ одинъ мигъ обѣжалъ всю комнату и остановился на картинѣ. Тогда на лицѣ его изобразился сильный гнѣвъ, и онъ обратясь къ старому Рени, съ восторгомъ смотрѣвшему на Мадонну, вскричалъ съ негодованіемъ:

— Не говорилъ ли я вамъ, мессиръ, что вашъ сынъ непослушенъ, своеволенъ, дерзокъ и непонятливъ. Онъ не хочетъ слѣдовать правиламъ изящнаго, не слушаетъ моихъ совѣтовъ, дѣлаетъ, что ему вздумается. Я не позволяю ему въ моей мастерской заниматься глупостями, такъ онъ дома по пустому тратитъ время и краски. И вотъ какое образцовое произведеніе написалъ онъ! Есть чѣмъ похвастать! Вездѣ бѣлая краска... свѣтъ... блескъ! ни одной тѣни, ни энергіи, ни сильно означеннаго контура. Вотъ вамъ направленіе нынѣшней живописи! Они все болѣе отдаляются отъ правилъ и не уважаютъ ничего. Я го-

товъ сбросить на полъ эту блестящую картину и растоптать ее ногами.

— Не троньте ее!.. вскричалъ Гвидо съ запальчивостью: она назначена для моего отца.

— Поздравляю васъ, мессиръ Даніилъ, съ драгоцѣннымъ подаркомъ, сказалъ Кальваръ насмѣшливо. Что касается до меня, то позвольте мнѣ навсегда распроститься съ вами.

— Что вы говорите?.. спросилъ старикъ, смотря съ удивленіемъ на живописца.

— То, что вашъ сынъ совершенно свободенъ слѣдовать модѣ и дѣлать, что ему угодно. Пусть онъ идетъ къ пачкунамъ, которыхъ называютъ Каррачи, а я отказываюсь давать ему уроки. Прощайте.

И онъ вышелъ, не переставая ворчать и браниться на лѣстницѣ и даже на улицѣ.

Даніилъ остался въ печальномъ раздумьѣ.

— Ты видишь, сынъ мой, сказалъ онъ, что я правъ. Твой учитель не признаетъ въ тебѣ таланта и отказывается учить тебя.

Гвидо недовѣрчиво покачалъ головою и сказалъ:

— Добрый батюшка, скажите, что вы думаете о моей картинѣ?

— Она кажется мнѣ неподражаемою... но вѣдь я не живописецъ, я, можетъ быть, не понимаю этого.

— Въ такомъ случаѣ надобно намъ обоимъ увѣриться. Кальваръ говорилъ вамъ о Караччи, пойдемте къ нимъ, и они рѣшатъ мою участь.

— Неужели ты осмѣлишься явиться съ твоею картиною?

— Это необходимо, батюшка. Я не могу дальше оставаться въ неизвѣстности, и обѣщаю вамъ покориться ихъ приговору, каковъ бы онъ ни былъ.

— Бери же свою картину и пойдемъ. Можетъ быть, Богъ внушилъ тебѣ это желаніе.

Гвидо побѣжалъ за своею шляпой, и войдя въ спальню отца, преклонилъ колѣно передъ налоемъ:

— Боже! ты читаешь въ моемъ сердцѣ, сказалъ онъ, и знаешь мои тайныя желанія. Дай мнѣ силу и вдохновеніе, и позволь чтобъ моя слабая кисть могла, подобно моимъ знаменитымъ предшественникамъ, прославиться работами во имя Твое!

—

II.

Недалеко отъ дворца Фави, гдѣ двѣнадцать большихъ фресковъ, изображающихъ исторію Энея, положили прочное основаніе славѣ Караччи, былъ небольшой домикъ съ скромною наружностью, при входѣ въ который было написано Academia degl' Incammінati. Тамъ, въ нѣсколькихъ залахъ находилось множество статуй, картинъ, рисунковъ, моделей анатоміи, перспективы, и сюда собиралась каждый день шумная и восторженная молодежь изучать высокое искусство.

Лудовико Караччи образовался у Фонтаны и Тинторета, и доказавъ свой геніяльный талантъ во фрескѣ *Милосердіе*, находящейся въ церкви Св. Доминика, поселился въ Болоньи. Его жизнь была безконечнымъ трудомъ, потому что онъ былъ всегда недоволенъ собою и не увѣренъ въ своемъ талантѣ. Онъ взялъ нѣсколько уроковъ у Пассиньяна и обдумывалъ методу Кореджіо, потомъ призвалъ своего брата Паоло, чтобъ тотъ помогалъ ему работать, но Паоло умѣлъ только копировать. Тогда Лудовико пошелъ къ портному Антоніо и взялъ отъ него своихъ двоюродныхъ братьевъ Августина и Аннибала, которые были созданы живописцами.

Августинъ успѣвалъ во всемъ: краснорѣчіе, поэзія, музыка, гравированіе—все это онъ зналъ въ совершенствѣ и ко всѣмъ этимъ познаніямъ присоединялъ самую утонченную вѣжливость и любезность.

Аннибалъ, напротивъ, былъ грубъ и необразованъ. Характеръ его мрачный и безпокойный, и его работы смѣлыя и неправильныя доказывали высокій талантъ, но незнаніе главныхъ правилъ общежитія. Первый совершенствовалъ то, что создавалъ второй.

Они должны были съ самаго начала вступить въ продолжительную борьбу, потому что всѣ современные живописцы подъ предводительствомъ Чези и Кальвара объявили новоприбывшимъ артистамъ войну, стараясь ихъ унизить всѣми средствами.

Но школа Караччи была уже открыта. Августинъ давалъ уроки анатоміи, Аннибалъ составлялъ новую желтоватую краску, которая замѣнила голубую, а старикъ Лудовико каждый день приходилъ въ академію и самъ давалъ совѣты и наблюдалъ какъ братья ведутъ свои дѣла.

И сколько надеждъ было соединено здѣсь, сколько славы въ будущемъ! Тутъ были молодые люди, которые позже записали свои имена

на страницахъ исторіи искусства; они назывались Альбано, Балтазаръ Алоизи, Иноченціо, Такони, Антонъ-Маріо-Панико и Цампіери, котораго мы привыкли называть Доминикиномъ и который тогда уже былъ задумчивъ, молчаливъ, и любилъ уединеніе.

Многочисленные ученики собрались въ академіи и толпились вокругъ Августина, слушая его краснорѣчивыя и блестящія объясненія, когда объявили о приходѣ Даніила Рени, Болонскаго гражданина и его сына.

— Это вѣрно молодой Гвидо, замѣтилъ Альбано, я его знаю: онъ учится у Кальвара.

— Можетъ и оставаться тамъ, сказалъ грубо Аннибалъ. Я не люблю дезертировъ изъ чужихъ мастерскихъ, которые не могутъ оставаться ни гдѣ покойно, а перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое.

— Если бъ мы всегда такъ думали, отвѣчалъ Августинъ, то у насъ очень мало было бы талантливыхъ и прилежныхъ учениковъ. Попросите сюда мессира Даніила Рени, прибавилъ онъ.

Посѣтители вошли робко.

— Знаменитые учители! сказалъ старикъ, обращаясь болѣе къ Августину, потому что тотъ улыбался привѣтливо: позвольте мнѣ представить вамъ моего сына, который желаетъ пользоваться вашими совѣтами.

Августинъ подозвалъ къ себѣ Гвидо, тотъ подошелъ, краснѣя отъ смущенія.

— Другъ мой, сказалъ онъ, вы уже начали учиться живописи?

— Я учился въ мастерской Дени Кальвара.

— Что я говорилъ? проворчалъ Аннибалъ, косо смотря на Гвидо.

— Зачѣмъ же вы его оставляете? спросилъ Августинъ.

— Онъ самъ меня выгналъ.

— Вы откровенны по крайней мѣрѣ, но за что же онъ васъ выгналъ?

— Этому были двѣ причины. Во-первыхъ я удивляюсь геніальности Караччи, а во-вторыхъ написалъ картину, не согласную съ его правилами.

— Покажите ваше произведеніе.

Гвидо развернулъ полотно, и Августинъ поставилъ его на мольберъ.

Всѣ глаза устремились въ эту сторону. Бѣдный старикъ Даніилъ не смѣлъ дышать; ученики молча переглянулись между собою; Анни-

балъ что-то тихо говорилъ почтенному Лудовико. Наконецъ, по примѣру Августина, раздались громкія рукоплесканія; потомъ Караччи обнялъ счастливаго Гвидо и сказалъ:

— Съ этой минуты ты принадлежишь нашей академіи. Твоя работа ясно показываетъ твою будущность. Ты будешь не только живописцемъ, но еще великимъ живописцемъ!

— Боже! возможно ли такое счастіе! проговорилъ со слезами молодой человѣкъ.

— Я умру покойно! воскликнулъ Даніилъ.

— Однако, продолжалъ благородный Августинъ, я долженъ быть съ тобою откровененъ. Прошелъ уже великій вѣкъ искусства; люди, покровительствующіе Микель-Анжело и Рафаэлю уже не существуютъ. Послѣ мирной борьбы и благороднаго соперничества наступили ссоры, ненависть, убійства. Теперь есть учители, которые завидуютъ своимъ ученикамъ, и я самъ могу служить примѣромъ, потому что въ Венеціи Доминико Тибальди и Корте угнетали меня всѣми средствами и старались унизить потому только, что боялись моего возрастающаго таланта. Даже знаменитые артисты ненавидятъ другъ друга и не перестаютъ угрожать одинъ другому. Ты тоже скоро испытаешь это на себѣ, молодой мой другъ, хотя и будешь чувствовать, что ничѣмъ не заслужилъ преслѣдованій. Даже твои ученики возстанутъ противъ тебя, и многіе изъ твоихъ товарищей, которые теперь восхищаются твоею картиною, будутъ въ послѣдствіи твоими врагами. Вотъ что ожидаетъ тебя въ будущемъ, бѣдный Гвидо. Чувствуешь ли ты въ себѣ довольно твердости, чтобъ рѣшиться на такую жизнь?

— Да, учитель, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ энергіею: я рѣшился быть живописцемъ и заранѣе принимаю всѣ испытанія, которыя угодно будетъ Богу послать мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, ты нашъ... Поддерживай съ честію славу болонской школы. Изучай красоты Николини и мадоннъ Липпо, этого превосходнаго артиста, который кажется одаренъ сверхъестественнымъ талантомъ, потому что одинъ умѣетъ неподражаемо изображать величіе, святость и кротость Матери Спасителя.

— Я буду изучать произведенія Караччи, отвѣчалъ Гвидо.

— Браво! закричали всѣ ученики.

Августинъ поклонился съ очаровательною улыбкой и продолжалъ:

— Сегодня мы должны назначить награду за лучшую картину на предложенный сюжетъ, и для васъ, мессеръ Рени, мы сдѣлаемъ это рань-

ше обыкновеннаго. Дѣти мои! прибавилъ онъ, обращаясь къ ученикамъ, кто по вашему мнѣнію достоинъ награды?

— Цампіери, Цампіери! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

И молодой человѣкъ—будущій Доминикинъ, молча принялъ лавровый вѣнокъ при шумныхъ восклицаніяхъ товарищей.

Потомъ Августинъ Карраччи взялъ свою лютню и пропѣлъ въ честь живописи превосходные стихи своего сочиненія.

Первый день, проведенный молодымъ Гвидо въ мастерской Караччи, показался ему очаровательнымъ сномъ. Онъ уже надѣялся на будущее и не боялся предсказаній Августина. Между товарищами онъ видѣлъ много соперниковъ, но ни одного врага, потому что самъ былъ такъ кротокъ и добръ, что не могъ чувствовать ни къ кому ни ненависти, ни зависти.

Прошло нѣсколько лѣтъ въ прилежной работѣ. Талантъ Гвидо развился; онъ сдѣлался уже извѣстнымъ живописцемъ, отличающимся нѣжностью, граціею и тонкимъ колоритомъ. Августинъ уже часто говорилъ ему, что онъ знаетъ столько же, сколько его учители.

— Ступай въ Римъ, прибавлялъ онъ, тамъ оцѣнятъ твой талантъ, тамъ ты пріобрѣтешь славу и богатство.

Но Гвидо ничего не отвѣчалъ и грустно смотрѣлъ на стараго отца, который видимо приближался къ гробу и не могъ уже предпринять путешествія въ Римъ. О разлукѣ отца съ сыномъ не могло быть и помина, потому что это значило ускорить смерть старика.

Наконецъ насталъ этотъ тяжелый часъ, и Даніилъ, прощаясь навсегда съ сыномъ, прошепталъ:

— Боже, возьми мою душу... Мой сынъ! ты свободенъ... ступай въ Римъ за славою... но что ждетъ тебя тамъ, какая будущность!

Печальный и разстроенный Гвидо Рени простился съ своимъ вѣрнымъ слугою Фабіо, и чтобъ не много успокоиться послѣ тяжкой потери, вышелъ изъ дому и началъ бродить по улицамъ Болоньи, прощаясь съ своимъ родимымъ городомъ. Онъ разсматривалъ съ новымъ вниманіемъ прекрасныя церкви св. Стефана, Дуомо, гдѣ Лудовико Караччи написалъ превосходное Благовѣщеніе, св. Патроніо, гдѣ короновался Карлъ V; съ новымъ волненіемъ вышелъ онъ на большую площадь, гдѣ возвышается великолѣпный фонтанъ Нептуна, и наконецъ очутился передъ огромною башней degli Asinelli. Онъ машинально подошелъ къ лѣстницѣ монумента и началъ входить на верхъ, не замѣчая самъ, что дѣлаетъ.

Вдругъ онъ остановился на самой вершинѣ и увидѣлъ у ногъ своихъ Феррару, Модену, Имолу и Ченто.

Но этихъ четырехъ городовъ было мало для артиста. Его мысль летѣла дальше.

— Римъ! Римъ! вскричалъ онъ съ увлеченіемъ, ты зовешь меня, вѣчный городъ, и я не могу противиться твоему могучему голосу!.. Я хочу тоже занять мѣсто въ области искусства... а ты, отецъ мой, наблюдай надъ твоимъ сыномъ, и съ высоты небесной охраняй его отъ горя и бѣдъ!

—

III.

Гвидо давно уже въ Римѣ. Другъ его Альбано послѣдовалъ за нимъ. Папа Павелъ V принялъ молодаго живописца какъ знаменитаго учителя живописи, потому что картина его «Орфей и Эвридика» сдѣлала много шуму. Папа приходилъ смотрѣть на его работу и заставлялъ продолжать ее при себѣ. По примѣру святаго отца, кардиналы и вельможи ласкаютъ и превозносятъ счастливаго Гвидо.

Наконецъ онъ въ вѣчномъ городѣ, о которомъ мечтаютъ всѣ артисты, и гдѣ его легкая кисть напишетъ столько неподражаемыхъ картинъ. Въ этомъ отечествѣ искусствъ онъ щедро разсыпалъ свои образцовыя произведенія: *Аврору* у Роспильози, *Фортуну* въ Капитоліи, *Елену* у Спада, *Магдалину* во дворцѣ Барберини, *Иродіаду* у Корсини.

Нѣтъ возможности исчислить всѣ превосходныя работы, доказывающія самую дѣятельную и полезную жизнь артиста, нельзя однако же не упомянуть о картинахъ духовнаго содержанія, которыми онъ обогатилъ церкви: это *распятіе св. Петра, чудо манны, избіеніе младенцевъ, св. Михаилъ въ Римѣ, очищеніе, Св. Іовъ, Вознесеніе.*

Ланфранко, извѣстный въ то время живописецъ, сдѣлался соперникомъ болонскаго живописца.

Но былъ еще одинъ человѣкъ, который оспаривалъ у Гвидо пальму таланта, который нанималъ партизановъ и панегиристовъ и выставлялъ свою школу какъ самую поразительную противоположность нѣжнымъ, свѣтлымъ картинамъ Рени, стараясь изображать мрачные предметы съ рѣзкими тѣнями и темными красками. Этотъ человѣкъ никогда не вы-

ходилъ изъ дома безъ шпаги и кинжала. Всѣ боялись его жестокости, вспыльчивости и дерзости, и онъ-то возненавидѣлъ кроткаго Гвидо и поклялся уничтожить его. Это былъ угрюмый Караваджіо.

Борьба противъ Альбано, противъ Доминикина, даже противъ Ланфранко была бы благороднымъ турниромъ, на которомъ соперники доказали бы свою геніяльность, но вражда съ Караваджіо была жестокимъ поединкомъ, въ которомъ можно было потерять или честь, или жизнь.

— Этотъ болонскій маляръ пришелъ сюда отнимать у насъ работу, кричалъ дерзкій Караваджіо. Онъ лишаетъ насъ случая отличаться и вездѣ суется съ своими жалкими произведеніями. Всѣ дворцы и церкви испорчены его картинами... Мантуа и Неаполь вызывали его къ себѣ и я обрадовался, думая что онъ избавитъ насъ отъ своего присутствія въ Римѣ. Но къ несчастію онъ все-таки явился сюда и даже кардиналы встрѣтили его съ почестями... Какой стыдъ! И онъ такъ терпѣливъ, что переноситъ всѣ мои насмѣшки и пренебрегаетъ моею ненавистью. Я не могу ничѣмъ заставить его драться со мною... Неужели нѣтъ средства унизить этого гордеца, заставить его плакать кровавыми слезами, уничтожить его славу...

Караваджіо громко разсуждалъ самъ съ собою, идя по улицѣ Колонна, но движеніе еще болѣе увеличивало его досаду и онъ поминутно хватался за кинжалъ, какъ за свою послѣднюю угрозу.

Вдругъ чья-то рука тихо остановила его и дрожащій голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Идите за мною.

Живописецъ оглянулся съ удивленіемъ.

— А, это вы, Франческо Джесси, ученикъ Гвидо Рени, сказалъ онъ.

— Слѣдуйте за мною, повторилъ голосъ.

Караваджіо завернулся въ плащъ и молча пошелъ за молодымъ человѣкомъ, который привелъ его въ пустынную Санъ-Джіованскую улицу и сказалъ остановившись.

— Я слышалъ ваши слова, учитель.

— Я никогда не скрываю ни моихъ мыслей, ни моей ненависти.

— Ваша ненависть справедлива и я раздѣляю ее.

— Вы, ученикъ Рени!

— Да, онъ несправедливъ ко мнѣ и оскорбилъ меня жестоко. Онъ предпочитаетъ мнѣ другихъ своихъ учениковъ Андреа Сирани, До-

минико Канути, Камилло и даже неловкаго фламандца Мишеля Саблео. Онъ при нихъ часто бранитъ меня и совѣтуетъ бросить живопись... Словомъ, я ненавижу его и хочу отмстить ему.

— Вызови его на дуэль.

— Вы сами знаете, что это невозможно. Гвидо Рени откажется драться... но есть одно средство погубить его.

— Какое? спросилъ съ нетерпѣніемъ Караваджіо.

Франческо злобно улыбнулся и отвѣчалъ.

— Бываете вы въ палаццо Роспильози?

— Нѣтъ, я пересталъ ходить туда съ тѣхъ поръ, какъ Гвидо бываетъ тамъ каждый вечеръ.

— Знаете ли вы зачѣмъ онъ ходитъ туда?

— Что мнѣ до этого за дѣло.

— Учитель мой начинаетъ чувствовать сильную страсть къ игрѣ... Стоитъ только развить ее...

— Онъ любитъ игру... caro mio! Какое счастіе! теперь онъ въ моихъ рукахъ.

— Вы поняли меня?

— Какъ нельзя лучше. Сегодня вечеромъ я буду въ палаццо Ростильози.

—

IV.

Наступилъ вечеръ. Въ великолѣпной залѣ, украшенной дорогими обоями, золотомъ и превосходною живописью, находились нѣсколько человѣкъ значительнаго состоянія и окружали знаменитаго артиста съ доброю, красивою наружностью, который объяснялъ теорію и правила живописи.

Вдругъ доложили о приходѣ Караваджіо.

Всѣ переглянулись съ удивленіемъ. Гвидо Рени вскричалъ:

— Вотъ чудо! Караваджіо пришелъ туда, гдѣ знаетъ, что я бываю. Прежде чѣмъ ему отвѣчали, соперникъ его вошелъ.

Въ немъ замѣтна была большая перемѣна. Въ чертахъ его не было

обыкновенной дерзости, брови не сближались грозно, усы не дрожали отъ злости; напротивъ, онъ былъ веселъ и ласково улыбался, извиняясь, что такъ долго не былъ.

Потомъ онъ обернулся къ Гвидо и сказалъ привѣтливо:

— Учитель, я очень радъ, что нашелъ случай объясниться съ вами. Я былъ несправедливъ къ вамъ и извиняюсь передъ вами. Когда публика съ восторгомъ аплодировала вашимъ картинамъ, я началъ кричать, что это упадокъ искусства, думая что манера, которой я слѣдую, должна быть самая лучшая. Эта ошибка простительна артисту, и я сознаюсь теперь, что оригинальность въ живописи и разнообразіе еще болѣе оживляютъ наше искусство. Если вы согласны протянуть мнѣ руку, Гвидо Рени, я буду увѣренъ, что вы забыли нашу вражду точно также, какъ я. Благородный Гвидо неспособенъ былъ подозрѣвать хитрости, и ласково подавая руку своему врагу, сказалъ:

— Благодарю васъ, Караваджіо, что вы доставили мнѣ случай примириться съ вами. Что за раздоры между артистами! Докажемъ лучше свѣту, что мы живемъ какъ братья, хотя у насъ разныя цѣли.

Послѣ этой сцены, которая растрогала всѣхъ присутствующихъ, начали приготовлять столы для игры, которою обыкновенно кончался вечеръ. Занятіе это было единственнымъ развлеченіемъ въ то время, потому что тогда постоянные театры и представленія не были еще установлены.

Караваджіо сѣлъ противъ Гвидо. Онъ запасся большою суммою.

Тактика мрачнаго живописца была обдумана какъ нельзя лучше. Онъ игралъ внимательно, но не увлекался и не горячился, а выжидалъ, когда противникъ потеряетъ хладнокровіе. Тогда онъ предоставилъ ему побѣду и самъ превозносилъ его умѣнье играть въ карты.

— Надѣюсь, что вы и мнѣ доставите случай также что нибудь проиграть вамъ, сказалъ Рени.

— Завтра же, если позволите, отвѣчалъ Караваджіо.

На другой день оба артиста сидѣли за тѣмъ же столомъ и играли.

Караваджіо опять проигралъ.

Это продолжалось цѣлый мѣсяцъ, по окончаніи котораго Гвидо Рени пристрастился къ игрѣ до того, что забылъ все на свѣтѣ. Онъ слѣпо предавался пагубной страсти, которая сжигаетъ кровь, убиваетъ вдохновеніе, уничтожаетъ талантъ.

Артистъ погибалъ безвозвратно, и Караваджіо сказалъ однажды презрѣнному Франческо Джесси:

— Все кончено, другъ мой! онъ настоящій игрокъ, и мы отмщены. Карты и кости уничтожатъ его славу и талантъ. Я уже больше не нуженъ здѣсь. Прощай.

И онъ уѣхалъ въ Мальту, чтобъ по возвращеніи вызвать на дуэль одного синьора, который оскорбилъ его.

Вотъ каковъ былъ этотъ вѣкъ, безпокойный и поэтическій, великій и полный опасностей. Гвидо Рени и Караваджіо вполнѣ олицетворяютъ его.

Кисть, начертавшая столько великихъ произведеній, выпала изъ рукъ Гвидо. Вдохновеніе не сходило болѣе къ артисту и не принесло ему новыхъ идей, которыя приближали его къ Рафаэлю. Онъ уже забылъ свое прошедшее; слава не трогаетъ его, онъ не заботится о картинахъ. За то день и ночь онъ занятъ одною мыслію, для него въ жизни одна цѣль — игра. Для игры онъ работаетъ на-скоро, и за безцѣнокъ отдаетъ картины, подъ которыми совѣстится подписать свое имя; для игры онъ унижаетъ свой талантъ.

И наконецъ еще одинъ врагъ оканчиваетъ совершенно то, что началъ мстительный Караваджіо—это старость спокойная и уважительная, если она произошла не отъ излишествъ и страстей,—грустная и страшная, когда силы молодости истрачены понапрасну, когда друзья удалились съ отвращеніемъ, и честное отцовское имя запятнано!

Вотъ идетъ тихо человѣкъ, который начинаетъ горбиться подъ тяжестію лѣтъ. Онъ старается не встрѣчать взглядовъ прохожихъ, потому что не надѣется прочитать въ нихъ доброжелательства. Онъ идетъ одинъ, какъ бѣднякъ, по тѣмъ улицамъ, гдѣ бывало его окружали безчисленные почитатели и ученики. Прошло тридцать лѣтъ... Какая разница между молодостью и старостью Гвидо Рени!

Тайный голосъ шепчетъ ему на ухо: ты былъ великъ, ты былъ богатъ и знаменитъ... на что ты истратилъ столько сокровищъ?

На это бѣднякъ отвѣчаетъ:

— Еслибъ карты и кости не были такъ непостоянны, я не проигралъ бы всего и не работалъ бы небрежно.

Въ эту минуту онъ вспомнилъ объ отцѣ, о братьяхъ Караччи, о великодушномъ покровительствѣ Павла V, и остановился предъ палаццо Роспильози... Вотъ мѣсто, которое было для него адомъ.

Гвидо Рени вскричалъ отъ ужаса и шатаясь побрелъ домой. Тамъ ждалъ его пріятный сюрпризъ. Андреа Сирани, любимый его ученикъ, пріѣхалъ въ Римъ и посѣтилъ своего стараго учителя.

— Это ты, Андреа, сказалъ Гвидо грустно. Развѣ ты еще помнишь меня, тогда какъ всѣ забыли?

— Никогда, добрый учитель, не забуду я, что обязанъ вамъ всѣмъ. Теперь я могу доказать вамъ мою признательность. Я окружу васъ нѣжными заботами, отвлеку васъ отъ недостойныхъ занятій и разбужу вашъ талантъ, который снова заблеститъ ярче прежняго.

— Нѣтъ, Андреа, не говори мнѣ этого, не обманывай себя и меня. Слава моя умерла!

— Она безсмертна.

— Моя рука онѣмѣла.

— Она нарисуетъ образцовыя произведенія.

— Она привыкла держать однѣ карты.

— Кисть оживитъ ее снова. Попробуйте, учитель!

— Попробовать... но чѣмъ? у меня нѣтъ ни полотна, ни красокъ.

— Ошибаетесь, учитель, посмотрите сами.

И Сирани привелъ старика въ мастерскую, гдѣ все было приготовлено для рисованья, и натянутое полотно ожидало артиста. Гвидо остановился въ удивленіи, и со слезами обнялъ Сирани.

— Андреа, сказалъ онъ съ увлеченіемъ молодости, я употреблю это полотно съ пользою, и напишу на немъ этюдъ, достойный моей прежней славы. Сюжетъ картины будетъ гармонировать съ моимъ горемъ. Я изображу *Іисуса въ саду масляничномъ*, Іисуса, молящагося въ страшный вечеръ, когда капли кроваваго пота бѣжали съ его чела и когда онъ ожидалъ своихъ палачей. Вотъ высокая мысль, и этой картиной я хочу окончить мое поприще. Гвидо одинъ, несчастенъ, униженъ; онъ не можетъ изображать радостей и веселья, онъ напишетъ страданія Спасителя. Благодарю, Сирани, что ты пробудилъ меня... можетъ быть, конецъ моей жизни будетъ также хорошъ, какъ ея начало!

И старикъ схватилъ бумагу и началъ скоро набрасывать эскизъ

Добрый Сирани смотрѣлъ на него съ восторгомъ, но вдругъ Гвидо остановился и сказалъ съ отчаяніемъ:

— Нѣтъ! я не могу работать, я отвыкъ отъ моей мастерской. Притомъ же уединеніе пугаетъ меня. Я не могу оставаться одинъ.

— Вы боитесь уединенія, учитель, сказалъ Андреа. Успокойтесь же, васъ будутъ утѣшать и развлекать мои три дочери, которыхъ я привезъ изъ Падуи. Они понимаютъ живопись, любятъ и уважаютъ васъ, и ихъ молодость, веселость и пѣсни оживятъ васъ.

— Что ты говоришь, Андреа? Неужели ты позволишь мнѣ видѣть твоихъ прекрасныхъ дочерей. Гдѣ же онѣ?

— Здѣсь, учитель.

Сирани подалъ знакъ, и вдругъ отдернулась завѣса и явились три очаровательныя дѣвушки: Елизабета, Анна и Барбара.

Черезъ шесть мѣсяцевъ превосходная картина *Моленіе Спасителя* была окончена, и Гвидо Рени, бросившій игру и окруженный дочерьми Сирани, которыя все время заботились объ немъ съ дѣтскою нѣжностью, умиралъ спокойно, говоря:

— Богъ не отвергнетъ меня тамъ, потому что при концѣ жизни послалъ мнѣ этихъ добродѣтельныхъ людей, чтобъ обратить меня на путь истины!

ПЕТРЪ РОДЕ.

«L'artiste n'a pas de pays; il appartient au monde».

Lettres de Rode.

—

Петръ Роде, родившійся въ Бордо, 16-го февраля 1773 года, началъ учиться играть на скрипкѣ, подъ руководствомъ *Феваля*, *Даскота* и *Жерве*. Прибывъ въ Парижъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ представленъ знаменитому *Віотти*, который тотчасъ увидѣлъ раждающійся талантъ и принялъ отеческое участіе въ молодомъ человѣкѣ, который съ своей стороны оправдывалъ попеченіе своего учителя стараніемъ и успѣхами. Эти взаимныя отношенія, внушая одному довѣріе, способствующее развитію таланта, подавали другому надежду, что когда нибудь, съ помощію ученика, знаменитость учителя получитъ бо́льшій блескъ. Дѣйствительно, въ блистательной игрѣ Роде можно было во всякое время узнать школу Віотти. Это замѣтили даже въ первомъ его дебютѣ, 1790 года, въ одномъ изъ Віоттіевскихъ концертовъ (e mol), за который молодаго виртуоза наградили громкими рукоплесканіями.

Во время большаго набора въ Парижѣ для похода противъ Вандеи, Роде поступилъ, въ качествѣ музыканта на кларнетѣ, въ войско, отправлявшееся въ Анжеръ. Между тѣмъ друзья его, видя, что его талантъ былъ созданъ болѣе для общества, нежели для лагеря, ничего не щадили, чтобъ освободить его отъ службы; это имъ удалось, и чтобъ скрыть его отъ дальнихъ поисковъ, они отправили его за границу и заставили предпринять путешествіе въ званіи артиста.

Въ 1794 году Роде прибылъ въ Мадридъ, гдѣ его приняли съ уваженіемъ. Ласковый пріемъ ободрилъ его. Проѣзжая по Испаніи, онъ посѣтилъ главные города этого полуострова, и вездѣ былъ принятъ съ тѣмъ же успѣхомъ.

Отправляясь моремъ въ Гамбургъ, онъ былъ занесенъ бурею на берега Англіи. Англійское правительство позволило ему пріѣхать въ Лондонъ для свиданія съ Віотти, поселившимся тамъ. Пребываніе Роде въ этой столицѣ было для него пріятно и выгодно; четыре концерта, данные имъ въ свою пользу и концерты въ высшемъ кругу, въ которыхъ онъ успѣлъ выказать достоинство своихъ сочиненій, доставили ему случай составить значительный капиталъ, съ которымъ онъ рѣшился возвратиться въ Бордо. Но Роде не любилъ моря, которое въ свою очередь неблагопріятствовало ему. На второй день плаванія буря прибила его къ берегамъ Германіи; вскорѣ онъ могъ исполнить свое намѣреніе—отправиться въ Гамбургъ, гдѣ въ то время было необыкновенное стеченіе французскихъ эмигрантовъ, въ числѣ которыхъ нашелъ онъ *Гара*. Послѣдній своимъ пѣніемъ, а Роде игрою восхищали тамошнихъ мелломановъ.

Въ это время и въ этомъ городѣ ему совѣтовали предпринять путешествіе въ Берлинъ, увѣряя, что онъ найдетъ тамъ много любителей его искусства и, что, можетъ быть, даже ему посчастливится показать свое искусство передъ самимъ королемъ, который самъ игралъ на віолончели.

Въ концѣ 1796 года, Роде прибылъ въ Берлинъ. Вскорѣ король пожелалъ услышать его, и былъ такъ доволенъ его игрой, что не только одарилъ его съ свойственною ему щедростью, но даже опредѣлилъ къ своей капеллѣ. Но можно ли повѣрить, что лица, употребившія всевозможныя старанія помѣшать счастію артиста, были его же соотечественники, французы! Вашонъ, первый скрипачъ при королевской капеллѣ, предводитель этихъ интригантовъ, завидуя таланту Роде, превосходившему его собственный, привлекъ на свою сторону главнаго интенданта *Дюпора*, и уничтожилъ условія, предложенныя скрипачемъ. Роде черезъ шесть недѣль уѣхалъ изъ Берлина, не давъ ни одного концерта.

Онъ отправился чрезъ Нидерланды и Бельгію въ Парижъ, гдѣ его извѣстность, свѣтское обращеніе и связи съ значительными людьми доставили ему мѣсто профессора на скрипкѣ въ консерваторіи.

Ничто не объясняетъ, почему Роде, жившій тогда въ Парижѣ въ самомъ лучшемъ кругу, прервалъ внезапно всѣ сношенія со свѣтомъ, чтобъ попытать счастія въ другомъ мѣстѣ. Знаемъ только, что, полу-

чивъ званіе перваго скрипача при Наполеонѣ, онъ отправился совершать то, что артисты тогда называли: «faire le tour de l'Europe» путешествіе по Европѣ. Это намѣреніе было, вѣроятно, причиною, принудившею его оставить Парижъ.

Молва объ успѣхахъ его въ Вѣнѣ распространилась не только въ австрійскихъ владѣніяхъ, но даже и во всей Германіи; своимъ талантомъ онъ пріобрѣлъ себѣ почитателей, а обходительностью и скромностью много друзей.

Пустившись въ свѣтъ, онъ посѣщалъ домы князей *Эстергази, де-Линь* и другихъ, которые обходились съ нимъ не какъ съ простымъ артистомъ, но какъ съ человѣкомъ, получившимъ отличное образованіе.

Князь *Лобковичъ*, у котораго на вечерахъ собиралась вся вѣнская знать, говорилъ два года послѣ того, что онъ никогда не чувствовалъ бо́льшаго наслажденія, какъ слушая квартеты, исполняемые Роде, и что никогда еще ему не случалось находить такого совершеннаго образованія въ человѣкѣ его званія.

Роде прибылъ въ Берлинъ въ теченіе зимы 1802 года, гдѣ, съ перваго его появленія, участіе, принимаемое въ немъ, возросло до того, что каждый горѣлъ желаніемъ услышать его скорѣе и вознаградить себя за лишенія, поводомъ къ которымъ послужилъ внезапный его отъѣздъ въ первое посѣщеніе Берлина.

Принцъ *Лудвигъ-Фердинандъ* прусскій и князь *Антоній Радзивилъ*, завладѣли имъ почти исключительно. Они сами были хорошими скрипачами. У этихъ вельможъ можно было, дѣйствительно, слышать хорошую музыку, и здѣсь-то эти три виртуоза выказали, каждый, свой талантъ, во всей силѣ.

Роде далъ нѣсколько публичныхъ концертовъ. Чѣмъ болѣе его слушали, тѣмъ болѣе число его почитателей увеличивалось; всѣ старались играть à la Роде; одни довольствовались рабскимъ подражаніемъ артисту, другіе достигали отчасти его методы. Въ семействахъ, въ обществѣ, принимали съ радостію артиста, который дѣйствительно былъ любимцемъ всѣхъ, знавшихъ его коротко.

Въ 1803 году, оставивъ городъ, для котораго казалось онъ сдѣлался необходимымъ, Роде отправился въ Россію, и нашелъ тамъ благосклонный пріемъ, къ которому давно привыкъ.

Императоръ Александръ назначилъ его первымъ скрипачемъ своей капеллы—титулъ почетный, которымъ Роде гордился, выставляя его на своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ имъ въ послѣдствіи. Петербургскіе и

московскіе вельможи приняли его не только какъ знаменитаго артиста, но какъ любезнаго и умнаго собесѣдника. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, онъ возвратился съ богатыми подарками въ свое отечество.

До возвращенія въ Бордо и чтобъ отдохнуть отъ путешествія, которое ослабило немного его здоровье, онъ остановился на нѣкоторое время въ южной Франціи. Привлекаемый какою-то невѣдомою силою, можетъ быть, припоминая лестный и дружескій пріемъ, сдѣланный ему въ Берлинѣ, или, наконецъ, уступая убѣжденіямъ друга своего Дюпора младшаго, бывшаго прежде знаменитымъ віолончелистомъ при капеллѣ короля прусскаго, съ которымъ онъ встрѣтился въ средней Франціи, Роде возвратился въ третій разъ въ эту столицу (въ 1812 году), гдѣ все приняло мрачный видъ. Молодаго принца Людвига уже не было болѣе; бо́льшая часть его слушателей, состоявшая изъ военныхъ, была убита или переселилась въ другіе гарнизоны; Гиммель умеръ; Дюсекъ исчезъ. Но еще болѣе омрачилась для него эта эпоха вторичнымъ нападеніемъ французовъ, во время ихъ похода противъ Россіи.

Роде занималъ двѣ комнаты въ одномъ домѣ, стоявшемъ на такъ называемой Липовой аллеѣ (allée des tilleuls), избѣгая всякаго сношенія съ своими соотечественниками; онъ желалъ даже, чтобъ его не принимали за француза; но къ несчастію онъ умѣлъ изъясняться только на отечественномъ языкѣ. Онъ принималъ къ себѣ только старинныхъ друзей и знакомыхъ, и иногда выходилъ изъ дому къ нимъ для разыгрыванія квартетовъ; театръ и концерты его не занимали.

Среди такой одинокой жизни, Роде рѣшился жениться, и избралъ въ подруги молодую вдову *Галліари*, старшую дочь декоратора Вероны, въ Берлинѣ. Не взирая на то, что этотъ бракъ соединилъ два значительныя состоянія, онъ не перемѣнилъ своего образа жизни въ домѣ, принесенномъ его женою въ приданое. Если въ этомъ домѣ не было роскоши, то по-крайней-мѣрѣ, хозяйство ихъ шло прекрасно. Бракъ былъ счастливый.

Въ это время Роде сочинилъ нѣсколько концертовъ, квартетовъ и двадцать четыре этюда для скрипки, одни изъ лучшихъ его произведеній.

Въ Берлинѣ имѣлъ онъ только одного ученика, способности котораго давали самыя блистательныя надежды въ будущемъ, но развитія которыхъ онъ не могъ довершить, потому что слишкомъ рано съ нимъ разстался. Другая ученица, которой онъ довершилъ музыкальное образованіе, была г-жа Бе́рнеръ, дочь богатаго помѣщика въ Митавѣ, который, во время путешествія Роде въ Россію, принялъ его очень ласково. Но чтобъ су-

дить о талантѣ молодой артистки и о чести, доставленной ею своему учителю, надобно было предпринять путешествіе въ Митаву, изъ которой она никогда не хотѣла выѣзжать.

Роде предпочелъ всему наслажденіе семейной жизни и небольшой кругъ общества, состоявшій исключительно изъ друзей его. Въ кругу отборнаго общества онъ занимался исполненіемъ квартетовъ Гайдена и Моцарта, которые предпочиталъ всѣмъ другимъ *, оканчивая иногда эти вечера пьесою своего сочиненія. Во время его пребыванія въ Берлинѣ, онъ игралъ публично только два раза, въ концертахъ, данныхъ въ пользу бѣдныхъ французскихъ поселенцевъ этого города; онъ игралъ съ тою же увѣренностью и силою, по которымъ съ перваго взгляда можно было узнать великаго музыканта, поддержавшаго, по возвращеніи своемъ во Францію титулъ европейскаго артиста, которымъ удостоили его двое могущественнѣйшихъ Монарховъ Европы.

Вѣроятно, тоска по отчизнѣ, овладѣвъ имъ внезапно, побудила его продать все, что онъ имѣлъ въ Берлинѣ и возвратиться во Францію. Въ 1820 году, г-жа Верона Роде, жена его и двое дѣтей ихъ отправились въ Ниццу, а оттуда въ Бордо, гдѣ они вели такую же скромную жизнь, какъ и въ столицѣ Пруссіи.

Оттуда писалъ онъ письма, въ которыхъ обнаруживались его добродушіе и легкій слогъ, соотвѣтствовавшій стилю его музыкальныхъ сочиненій.

Въ 1825 году ему захотѣлось еще разъ увидѣть Парижъ, и принять нѣкоторыя мѣры относительно воспитанія своего сына. Его вторичное пребываніе въ этой столицѣ, которую не даромъ назвали школою скрипачей, было для него настоящимъ тріумфомъ. Уступивъ просьбамъ своихъ друзей, онъ сыгралъ въ послѣдній разъ публично; этотъ музыкальный ареопагъ убѣдился, что его талантъ ничего не потерялъ въ сравненіи съ прежнимъ; на этотъ разъ, какъ въ Бордо и Берлинѣ, концертъ былъ въ пользу бѣдныхъ. До отъѣзда своего изъ Парижа, Роде совѣтовался со многими учеными о воспитаніи своего сына; послѣ многихъ совѣщаній, онъ рѣшился помѣстить его въ коллегію *Людовика-Великаго*, знаменитое заведеніе того времени, славившееся какъ преподаваніемъ, такъ и наблюденіемъ за нравственностью воспитанниковъ.

* «Fasse le ciel, que toutes les pierres et les briques de Berlin soient mises à votre disposition; et si, au nombre des monuments que vous fabriquez, vous êtes chargé d'en élever un au génie de la musique, je suis bien sûr que vous le dédiérez au petit Germain d'immortelle mémoire!»

Lettres de Rode, du 18 déc. 1825.

Пробывъ въ Парижѣ два мѣсяца, онъ возвратился въ Бордо, гдѣ употребилъ всѣ свои старанія для приготовленія сына своего къ поступленію въ коллегіумъ, куда намѣренъ былъ отдать его. Съ этого времени онъ какъ будто предвидѣлъ, что ходъ происшествій въ Парижѣ клонился къ политическому кризису, отъ котораго общественный кредитъ пострадаетъ, и что его капиталъ, положенный въ банкъ, подвергался опасности. Занятый этою мыслью и предпринявъ путешествіе въ Бернъ, чтобъ посѣтить одно имѣніе, которое ему хотѣлось пріобрѣсть, онъ испыталъ тяжкое горе, отъ котораго разстроились его нервы. Болѣзнь эта увеличилась еще болѣе участіемъ, принятымъ имъ въ глубокой печали своей супруги, получившей горестное извѣстіе о кончинѣ своей матери; эти несчастія были причиною перемѣны его характера, сдѣлавшагося раздражительнымъ и меланхолическимъ. Въ тоже время дали ему орденъ Почетнаго Легіона.

10 августа 1828 года, онъ отправился съ семействомъ въ Парижъ, помѣстить сына своего. Эта разлука и политическія дѣла, которыя день отъ дня болѣе и болѣе запутывались, до того разстроили нервы Роде, что все представлялось ему въ черныхъ краскахъ, и жена его сочла необходимымъ отвезти больнаго домой. Но домашнее счастіе не должно было вновь поселиться въ его семействѣ!

Чтобы развлечь мужа, жена его заключила сама торгъ, и купила землю, о которой мы уже говорили, думая найти въ этомъ пріобрѣтеніи единственное средство къ спасенію и обезпеченію его состоянія, и надѣясь также, что работы и починки, которыя надобно сдѣлать въ замкѣ, доставятъ Роде много занятій и дадутъ другое направленіе его мыслямъ и воображенію. Такимъ образомъ пріобрѣла она помѣстье близъ Дамазака, при сліяніи рѣкъ Лоты и Гаронны.

Но недугъ Роде, не позволявшій ему управлять этимъ имѣніемъ, заставившій его отказаться отъ своихъ друзей, прервать свою переписку, повергъ его въ совершенное равнодушіе, которое иногда замѣнялось жестокою вспыльчивостью. Во время одного изъ этихъ припадковъ, не получая давно извѣстій о своемъ сынѣ, онъ принудилъ жену свою немедленно съѣздить въ Парижъ, чтобы самой убѣдиться въ состояніи его здоровья. Она застала сына въ добромъ здоровьѣ; причиною-же долгаго молчанія было ничто иное, какъ дѣтское его легкомысліе. По прошествіи шести дней, г-жа Роде возвратилась домой, но застала мужа своего въ такомъ ослабленіи, что онъ былъ совершенно равнодушенъ къ вѣстямъ, которыя она ему привезла, какъ и ко всѣмъ прочимъ дѣламъ.

Болѣзнь принимала опасный оборотъ, какъ вдругъ, въ октябрѣ 1829 года, припадокъ паралича лишилъ Роде употребленія языка и правой руки. Привезенный въ Бордо, онъ совѣтовался съ искуснѣйшими врачами этого города, которые совѣтовали ему удалиться отъ городскаго шуму, вести строгій, воздержный образъ жизни, а съ наступленіемъ весны, отправиться въ деревню.

Письма, получаемыя въ это время отъ г-жи Роде, увѣдомляли о здоровьи больнаго. Въ февралѣ 1830 года онъ уѣхалъ въ свое помѣстье. Хорошая погода и чистый воздухъ, казалось, помогали ему; какъ вдругъ погода перемѣнилась, и жестокій холодъ, какого до того никогда не бывало, распространился по всему округу. Эта внезапная перемѣна погоды подѣйствовала на нервы и мозгъ Роде; съ нимъ сдѣлались гнѣвные припадки, столь сильные, что иногда походили на явные признаки сумасшествія; мысли больнаго были несвязны и смѣшивались иногда до того, что нельзя было разобрать, чего онъ требовалъ. Іюль и августъ провелъ онъ въ изнеможенномъ состояніи тѣла и ума, какъ вдругъ, однажды, принялся бѣгать по всему дому, угрожая всѣмъ, кого встрѣчалъ. Врачи объявили, что это ничто иное, какъ усиленіе лихорадки, что этотъ пароксизмъ вскорѣ пройдетъ, и тогда онъ снова впадетъ въ прежнее безчувствіе.

Наконецъ 5 декабря, г-жа Роде писала къ своимъ друзьямъ:

«13 декабря, почувствовавъ себя гораздо лучше, Роде былъ пораженъ припадкомъ, отнявшимъ у него совершенно языкъ, память и употребленіе правой руки. Никакое средство не помогло ему, и существованіе его было ничто иное, какъ только душевное страданіе. Богъ положилъ предѣлъ этому страданію 25 ноября 1830 года, въ половинѣ втораго по полудни. Смертные его останки были привезены въ Бордо, для погребенія въ семейной гробницѣ, воздвигнутой имъ самимъ, за три года до того.»

Погребальное шествіе состояло болѣе чѣмъ изъ двухъ сотъ особъ. Ясное доказательство уваженія, которымъ онъ пользовался при жизни между своими согражданами, заслуженнаго его необыкновеннымъ талантомъ и душевными качествами.

Съ первыхъ дней молодости, Роде былъ благодѣтелемъ своего семейства; онъ не переставалъ дѣлать добро и по смерти, поручивъ женѣ воспитаніе и помѣщеніе своихъ племянницъ. Изучающимъ его искусство, онъ оставилъ руководство и изложеніе правилъ своей методы. Его сочиненія служатъ образцомъ прекраснаго стиля и вкуса; они составляютъ курсъ практическихъ упражненій, обнимающихъ всю сущность искусства.

Если должно сожалѣть о потерѣ достойнаго представителя этого искусства, то тѣмъ не менѣе надо согласиться, что онъ, въ своихъ сочиненіяхъ, оставилъ намъ отголосокъ тѣхъ магическихъ звуковъ, которые такъ искусно умѣлъ извлекать изъ своего инструмента. Небольшое число избранныхъ почерпнетъ въ этихъ произведеніяхъ болѣе глубокія свѣдѣнія, между тѣмъ какъ остальная часть слушателей будетъ восхищаться очаровательными мелодіями.

Л. С.

МЕМУАРЫ.

ПРИЗНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АКТРИСЫ

ГОСПОЖИ МАРСЪ.

—

Разсказъ 1-й.

«Хотите, моя милая, я вамъ разскажу исторію брилліантоваго перстня? Но не ожидайте сложной и ужасной драмы, не воображайте, что услышите трилогію, оканчивающуюся ядомъ, или кинжаломъ, какъ въ нѣкоторыхъ французскихъ повѣстяхъ. Нѣтъ! это простая и даже не конченная исторія, это комедія безъ развязки».

Такъ говорила знаменитая французская актриса г–жа Марсъ г–жѣ Бовуаръ, писательницѣ и почитательницѣ ея таланта, собиравшей всѣ свѣдѣнія о драматической жизни знаменитой актрисы. Разумѣется, что г–жа Бовуаръ была въ восторгѣ отъ этого предложенія, и г-жа Марсъ разсказала слѣдующее :

«Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія я играла роль г-жи Бовалъ, въ пьесѣ *Брюисъ и Палапра*. Ваше поколѣніе вѣрно и не

знаетъ этой комедіи. Я вамъ разскажу ея содержаніе. Два писателя Брюисъ и Палапра находятся въ самомъ критическомъ финансовомъ положеніи. Послѣдняя ихъ надежда была на новую комедію и ту освистали. Кредиторы приступаютъ къ нимъ. Уже является полиція, чтобъ вести ихъ въ тюрьму; Брюисъ уже взятъ... Вдругъ спасаетъ ихъ женщина. Это была актриса Боваль, которая обязана имъ многими успѣхами на сценѣ. И она бѣдна, и у нея много долговъ, но у нее есть брилліантовый перстень, и она отдаетъ его для спасенія писателей. Въ заключеніе является герцогъ Вандомъ, и окончательно возвращаетъ всѣмъ счастіе и свободу.

Вы видите, что сюжетъ очень простъ, и однако же пьеса имѣла большой успѣхъ. Въ день перваго представленія режиссеръ отдалъ мнѣ ввечеру бутафорскій перстень изъ грубаго стекла, вставленнаго въ мѣдное кольцо; я взяла его—и играла съ нимъ комедію.

Два дня, спустя пьесу давали опять. Театръ былъ совершенно полонъ. Но въ ту минуту, какъ мнѣ надобно было выходить на сцену, режиссеръ принесъ мнѣ, вмѣсто прежняго бутафорскаго перстня, красивый футляръ голубаго бархата, при запискѣ, кокетливо сложенной.

Я съ удивленіемъ посмотрѣла на режиссера.

— «Это прислано вамъ, сказалъ онъ.

— «Отъ кого?

— «Не знаю. Ливрейный лакей отдалъ мнѣ и сказалъ, чтобъ вамъ не подавать впередъ бутафорскаго перстня.

Я раскрыла и изумилась. Никогда не видала я такого большаго брилліанта. Потомъ распечатала письмо, надѣясь, что оно откроетъ мнѣ того, кто прислалъ такой подарокъ.

Вотъ содержаніе письма:

«Перстень, который я въ первое представленіе видѣлъ на рукѣ г-жи Боваль, не достоинъ ни ее, ни васъ. Примите другой, прилагаемый при этомъ. Этотъ подарокъ не обязываетъ васъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшей виновной мысли, никакого дурнаго желанія. Посылающій вамъ его останется всю жизнь самымъ неизвѣстнымъ изъ вашихъ поклонниковъ. Онъ даетъ вамъ въ этомъ слово честнаго французскаго дворянина.»

Имя не было подписано. Мнѣ было пришло на умъ отказаться отъ подарка, потому-что я не слишкомъ вѣрила въ безкорыстіе писавшаго. Но кому возвратить его: посланный исчезъ давно, а мнѣ надобно было выходить на сцену? Я надѣла его на палецъ и вышла.

Въ продолженіе всей пьесы, я осматривала всѣхъ зрителей, чтобъ по какому-нибудь движенію угадать своего незнакомца. Напрасный

трудъ! Ничто не изобличало его. По окончаніи комедіи пришла я въ свою уборную, и горничная моя тотчасъ же замѣтила перстень.

Я разсказала ей все происшествіе.

— «Только это не настоящій брилліантъ, сказала она, а поддѣльный.

— «Почему ты это думаешь?

— «Потому-что настоящій стоилъ бы слишкомъ дорого.

— «Въ такомъ случаѣ я очень рада. Тѣмъ меньше буду я обязана тому, кто подарилъ его.

Въ уборную ко мнѣ собиралось обыкновенно множество знакомыхъ. Съ любопытствомъ разсматривала я всѣ лица, но какое-то внутренное чувство говорило мнѣ, что между ними нѣтъ того, кто прислалъ перстень. Посреди всеобщей болтовни я была задумчива, и когда уѣхала домой, какое-то тягостное чувство тѣснило грудь мою.

Когда я пріѣхала къ себѣ и осталась одна съ своею горничною, она сказала мнѣ съ веселымъ видомъ :

— Хотите ли, я удивлю васъ.

— Ужъ не узнала ли ты имени того, кто писалъ записку? вскричала я.

— О нѣтъ! отвѣчала она. Но я узнала, что стоитъ перстень.

Съ упрекомъ посмотрѣла я на нее.

— Извините меня, сударыня, я не могла преодолѣть своего любопытства. Покуда вы разговаривали въ уборной, я сбѣгала въ Палеройаль и показала его брилліантщику. Онъ оцѣнилъ его въ тридцать тысячъ франковъ, сказавъ, что лучшей воды брилліанта онъ не видывалъ.

Я все-таки была не довольна и сердилась на нее. Мы обѣ замолчали.

Послѣ этого проходили дни, мѣсяцы и годы, и я оставалась въ томъ же невѣдѣніи. Я хранила брилліантъ и не смѣла почти надѣвать его, почитая какъ бы ввѣреннымъ мнѣ залогомъ. Но всякій разъ когда я смотрѣла на него, чувствовала какое-то волненіе.

Однажды обѣдала я у одной изъ актрисъ французскаго театра, какъ вдругъ ко мнѣ прибѣжали съ извѣстіемъ, что меня обокрали и всѣ мои брилліанты похищены. Я бросилась домой. Это была жестокая правда. Потеря для меня была очень значительна.

Но благодаря дѣятельности полиціи воръ былъ открытъ, отданъ подъ судъ и сосланъ на галеры; брилліанты мои отысканы были въ разныхъ рукахъ, демонтированные и въ самомъ жалкомъ видѣ; многихъ недоставало, въ томъ числѣ и моего *драгоцѣннаго* перстня. Я искренно со-

жалѣла о потерѣ его. Но время облегчаетъ всѣ печали, и я мало-помалу забыла о немъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя была я однажды приглашена баронессою Б. на большой домашній маскарадъ. Все высшее парижское общество собиралось у нее. Приготовленія къ этому празднику были такъ великолѣпны, что возбудили всеобщее желаніе быть на немъ. Сенъ-Жерменское предмѣстье оспаривало пригласительные билеты у Шоссе д'Антенской улицы. Умъ, слава, дарованія, науки—всѣ хотѣли танцовать.

Я какъ теперь еще помню этотъ очаровательный вечеръ. Это была настоящая мозаика всѣхъ костюмовъ, всѣхъ странъ, всѣхъ эпохъ, всѣхъ сословій. Въ три часа пополуночи разсудила я, что пора ѣхать домой. Зайдя сперва въ небольшой пустой будуаръ, чтобъ приготовить свой костюмъ къ отъѣзду, я готовилась уйти... вдругъ почувствовала, что кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Я вздрогнула и обернулась.

— Не пугайтесь, дитя мое, сказалъ мнѣ мужчина, одѣтый въ щегольской богатый костюмъ временъ Карла VII; на головѣ его былъ токъ голубаго бархата съ пряжкою изъ крупныхъ брилліантовъ. На лицѣ его была маска, но... женщины всегда хорошо видятъ въ этомъ случаѣ... все изобличало въ немъ благородство, молодость и красоту.

Съ минуту хранили мы молчаніе.

— Помните ли вы второе представленіе *Брюнсъ и Палапра*? спросилъ онъ нѣжнымъ голосомъ.

— Развѣ можно забывать подобные дни? сказала я.

— О! благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, вскричалъ онъ съ восторгомъ, сжимая мою руку. Ваше воспоминаніе прямо отъ сердца... я не имѣлъ даже на него права. Но за то оно пережило *другое воспоминаніе*, о которомъ вы тоже, можетъ-быть, жалѣете...

Я уже не могла сомнѣваться; передо мною былъ мой таинственный незнакомецъ.

— Да, сказала я, я жалѣю и о *другомъ*, но не по цѣнѣ его, а потому-что съ нимъ была связана тайна, которая волновала воображеніе женщины и актрисы.

— И вы были бы довольны, еслибъ опять нашли вашъ перстень?

— О! увѣряю васъ, что сердечно бы обрадовалась.

— И если бы онъ былъ возвращенъ съ прежнею романическою таинственностью...

— Вы правы! Романическая сторона нераздѣльна съ нашею натурой.

— Вы прелестны! сказалъ онъ, и прижалъ мою руку къ сердцу.

Мы замолчали. Сердце мое билось сильно. Все прошедшее пробуди-

лось въ одно мгновеніе въ моемъ воображеніи. Мнѣ хотѣлось сдѣлать тысячу вопросовъ, и однако же я не сдѣлала ни одного.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и сказалъ мнѣ:

— Честный человѣкъ долженъ быть всегда вѣренъ своему слову. Какъ этотъ долгъ ни жестокъ для меня въ эту минуту, но я исполню его, и останусь навсегда самымъ неизвѣстнымъ изъ вашихъ поклонниковъ. Прощайте навсегда!

Сказавъ это, онъ сжалъ мою руку и исчезъ. Я невольно вскрикнула. Онъ, уходя, надѣлъ мнѣ на палецъ перстень, и я съ перваго же взгляда узнала свой бриліантъ *Брюисъ и Палапра*.

Тотчасъ же побѣжала я по всѣмъ заламъ, чтобъ найти своего незнакомца; его уже не было: онъ уѣхалъ!

Хозяйка, баронесса Б. встрѣтилась со мною въ эту минуту, и по какому-то странному чувству я не смѣла распрашивать ее. Притомъ же между тысячью двухъ сотъ гостей моглали она помнить и знать, кто какъ одѣтъ?

Я воротилась домой въ сильномъ волненіи, и съ-тѣхъ-поръ все еще жду развязки моего романа.

— Какъ! вскричала издательница признаній и разсказовъ г-жи Марсъ: и вы рѣшительно ничего не узнали?

— Ничего! печально отвѣчала г-жа Марсъ. А какъ этому теперь уже болѣе тридцати лѣтъ, то можетъ-быть и незнакомецъ мой уже не существуетъ.

— Ахъ, какъ жаль! сказала писательница, какъ жаль, что перстни не умѣютъ говорить!

—

Разсказъ 2-й.

Въ другой разъ г-жа Марсъ разсказывала слѣдующее:

«Я еще была ребенкомъ, когда маркизъ Фонтанжъ блисталъ при дворѣ Людовика XV; но очень помню какого шуму въ свѣтѣ надѣлала его странная свадьба и потомъ еще болѣе странное похищеніе имъ жены своей. Когда я вступила на сцену, онъ уже былъ старикъ, но часто ѣздилъ ко мнѣ и не разъ разсказывалъ всѣ подробности этого забавнаго происшествія.

Ему было уже лѣтъ подъ тридцать, когда это случилось съ нимъ. Онъ былъ тогда человѣкъ самаго оригинальнаго характера. Одаренный

многими прекрасными качествами, онъ не могъ терпѣть, чтобъ его хвалили. Когда же исчисляли его недостатки, онъ съ самодовольствомъ улыбался и говорилъ:

— Да, вы правы, я никуда не гожусь!..

Въ управленіе домашнихъ своихъ дѣлъ онъ никогда не мѣшался. На это былъ у него г. Жеромъ, по счастью самый преданный, честный и усердный человѣкъ.

Маркизъ былъ уменъ, но нелюбилъ говорить остротъ и заниматься болтовнею. Онъ занимался много науками и даже художествами. Любя музыку, онъ сдѣлался композиторомъ, но запрещалъ друзьямъ своимъ называть свою фамилію, если послѣ какой нибудь его пѣсни спрашивали: «чья это музыка»?

Когда однажды графъ Бланжъ спѣлъ одну аріетку его сочиненія при дворѣ, гдѣ онъ имѣлъ большой успѣхъ, и принужденъ былъ назвать автора, то Фонтанжъ, узналъ это, вызвалъ его на дуэль и ранилъ.

Фонтанжъ никогда небылъ влюбленъ, и по-видимому не понималъ этого слова. Однажды представили его одной знаменитой красавицѣ, которая, зная его полудикость въ обращеніи съ женщинами, старалась ободрить его нѣсколькими привѣтливыми словами.

Вмѣсто отвѣта маркизъ продолжалъ смотрѣть на нее внимательно. Красавица замѣтила это.

— Вы однако разсматриваете меня, маркизъ, какъ любопытнаго звѣря. Скажите, что же вы нашли во мнѣ?

— А то, графиня, отвѣчалъ Фонтанжъ, что вы по-видимому пользуетесь самымъ отличнымъ здоровьемъ.

Этотъ отвѣтъ забавлялъ Парижъ и дворъ цѣлую недѣлю. Потомъ маркизъ помѣстилъ его въ комедію le Legs.

Разсѣянность его тоже была поводомъ ко множеству презабавныхъ анекдотовъ. Однажды его пригласили на свадьбу; онъ пріѣхалъ въ траурѣ и съ печальнымъ лицемъ.

— А куда повезутъ покойника? спросилъ онъ у одного изъ гостей.

— Какого покойника? Здѣсь нѣтъ никакого: мы на свадьбѣ.

— Вотъ! а я думалъ на похоронахъ!

При всѣхъ этихъ недостаткахъ онъ былъ великодушенъ и благороденъ; никогда не повторялъ городскихъ сплетень, уважалъ каждое доброе имя, и раздѣлялъ свой кошелекъ со всякимъ несчастнымъ.

У него былъ дядя, маркизъ де Ніоннъ, которому было уже восемьдесятъ лѣтъ, и который всегда почти былъ въ подагрѣ и умѣлъ пользоваться этою болѣзнію, чтобъ настаивать на исполненіи своей воли. Фонтанжъ былъ болѣе всѣхъ подвергнутъ его своенравію. Едва

только племянникъ въ чемъ-нибудь не соглашался съ волею дяди, тотъ начиналъ кричать, стонать, и увѣрялъ, что умираетъ, задыхается. Разумѣется, Фонтанжъ тотчасъ же на все соглашался.

Однажды, Фонтанжъ, возвратясь довольно поздно домой, нашелъ въ своей комнатѣ передъ каминомъ дядю.

— А! наконецъ, вотъ и ты повѣса, вскричалъ маркизъ де Ніоннъ. Развѣ нужно заставлять ждать дядю битыхъ три часа?

— Да вѣдь я не зналъ, дядюшка..!

— А еслибъ зналъ, такъ совсѣмъ бы непріѣхалъ, неправда ли? Знаюя тебя...

— Какъ можете вы думать?..

— Да ужъ что тутъ думать... Ну, знаешь ли, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, дядюшка.

— Ну, такъ я тебѣ скажу. Я тебя женю, мой милый.

Фонтанжъ вскочилъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дядю.

— Что вы сказали, дядюшка? спросилъ онъ.

— Я тебя женю. Ясно ли?

— Быть не можетъ! Что за мысль!

— И это ты смѣешь говорить мнѣ?

— Да вѣдь нельзя женить людей безъ ихъ согласія.

— Если я сказалъ, что женю тебя, такъ значитъ я этого хочу.

— А на комъ?

— На прелестнѣйшей дѣвушкѣ.

— Знаю, знаю!

— Прошу молчать.

— Но вы мнѣ еще не сказали на комъ...

— На дочери лучшаго моего друга.

— Котораго зовутъ...

— Виконтъ Семезонъ.

— Ахъ, этотъ чудакъ..!

— Не тебѣ бы говорить о другихъ... Вспомни, что ты самъ...

— Понимаю... Такъ вѣрно для того г. Семезонъ и выбралъ меня себѣ въ зятья.

— Нѣтъ, сударь, это *я* выбралъ!

— Есть чѣмъ похвастать.

— Какъ бы то ни было, а ты женишься на дѣвицѣ Семезонъ.

— Сомнѣваюсь.

— Женишься, говорю я тебѣ!

— Нѣтъ, дядюшка.

— А почему бы?

— Я негожусь быть семейнымъ человѣкомъ.

— Дѣвица Семезонъ пріучитъ тебя къ порядку.

— Я уже и теперь порядкомъ ненавижу ее.

— Замолчи, негодный! Смѣешь ли ты мнѣ говорить это?

— Поневолѣ говорю. Вы привыкли къ моему повиновенію; но и оно имѣетъ границы. На этотъ разъ заранѣе говорю вамъ, что не исполню вашей новой прихоти; скорѣе брошусь въ Сену, а не женюсь.

— Умираю! мнѣ дурно!.. душно!.. прошепталъ дядя, падая въ кресла. Ты мой убійца...

Начались всегдашнія сцены. Фонтанжъ забѣгалъ, засуетился, успокоивалъ дядю, слабѣлъ въ своей рѣшимости, и наконецъ видя, что никакія обыкновенныя средства не помогаютъ старику, махнулъ рукою и съ отчаяніемъ сказалъ:

— Да ужъ хорошо, Боже мой! Женюсь, женюсь на вашей Семезонъ. Успокойтесь только...

Тотчасъ же припадки дяди сдѣлались слабѣе, и онъ тихо объявилъ, что ему лучше, а черезъ четверть часа и совсѣмъ уѣхалъ отъ племянника, увѣренный, что воля его будетъ исполнена.

На другой же день Фонтанжъ явился у Виконта Семезона и просилъ руки его дочери.

Бертѣ Семезонъ былъ двадцатый годъ. Она была дѣйствительно прелестна: небольшаго роста, живаго характера и съ романическою головою. Съ малолѣтства потеряла она мать, и отецъ избаловалъ ее своею любовью. Красота, умъ и любезность Берты были извѣстны всему Парижу, и многіе женихи уже искали руки ея, но, какъ своенравный, избалованный ребенокъ, она не хотѣла мѣнять вѣрнаго владычества на сомнительное.

Часто при ней разсказывали о странностяхъ маркиза Фонтанжа. Сперва смѣялась она надъ разсказами, потомъ стала о немъ часто думать. Встрѣтя его въ большомъ свѣтѣ, замѣтила она, что онъ и собою не дуренъ.

— Вотъ былъ бы чудесный мужъ, говорила она сама себѣ со смѣхомъ. Какъ бы я забавлялась надъ нимъ! Я заставила бы его надѣвать платье навыворотъ, башмаки на руки, парикъ задомъ на передъ. Я бы увѣрила его, что онъ уже обѣдалъ, если бы ему вздумалось ѣсть, и что надобно ложиться спать, когда другіе встаютъ... О! у него я была бы полною властительницей..!

Вспоминая всѣ разсѣянности и оригинальности Фонтанжа, Берта хохотала, но смѣхъ этотъ скрывалъ любовь, потому-то Берта обра-

довалась, когда однажды отецъ объявилъ ей, что хочетъ выдать ее за маркиза.

— Подумай, дружокъ, и скажи мнѣ откровенно, прибавилъ онъ: не слишкомъ ли страшно для тебя имѣть мужемъ такого чудака?

— О, нѣтъ, папа! вскричала Берта.

— Ну, такъ дѣло кончено; черезъ двѣ недѣли ты будешь маркизою Фонтанжъ.

Дѣйствительно, черезъ три дня потомъ Фонтанжъ разговаривалъ уже очень серьозно съ Бертою о погодѣ, а та хохотала, глядя на изумленное его лице.

Возвратясь домой, онъ немогъ даже разсказать друзьямъ своимъ: молода ли, хороша ли Берта, какіе у нее волосы, глаза—онъ почти не смотрѣлъ на нее. Да и на что? онъ говорилъ, что женится, чтобъ спасти своего дядю отъ апоплексическаго удара. До прочаго ему небыло нужды.

Черезъ двѣ недѣли, къ удивленію города и двора, сыграна была свадьба Берты и маркиза Фонтанжа. Всѣ смѣялись надъ этимъ, одинъ Фонтанжъ составилъ серьозный планъ, и ждалъ только окончанія церемоніи, чтобъ привести его въ исполненіе.

Отведя церемоніяльно новобрачную въ богатоубранную спальню, Фонтанжъ учтиво поцѣловалъ у Берты ручку и откланялся.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Я уѣзжаю сказалъ маркизъ. Почтовыя лошади уже давно готовы Я только ждалъ, когда всѣ разъѣдутся, чтобъ проститься съ вами.

— Да вы, кажется, съ ума сошли, маркизъ?

— Очень можетъ быть.

— Да развѣ вы такъ ненавидите меня?

— Нѣтъ. Но я ненавижу насильственный бракъ.

— Какъ, насильственный?

— Да. Дядюшка принудилъ меня жениться; когда я сначала отказался, съ нимъ было сдѣлался ударъ; чтобъ спасти ему жизнь, я принужденъ былъ согласиться.

— Это очень не лестно для меня.

— Но совершенно справедливо.—А какъ дядюшка, чтобъ удержать меня, пожалуй, опять вздумаетъ напасть на меня съ своими припадками, то я и рѣшился сейчасъ же уѣхать въ Италію; тамъ онъ меня ужъ не догонитъ.

— И вы меня оставляете такимъ постыднымъ образомъ?

— Что же вы теряете? Вы получили мое имя; я вамъ оставилъ свой домъ, людей и половину доходовъ.

— Да ктожъ ихъ возьметъ? съ гордостію сказала Берта: отъ васъ! милостыня! Это забавно! У меня есть свой домъ и свои доходы. Вы уѣзжаете въ Италію: пожалуй, мнѣ все равно. Только потрудитесь велѣть и мнѣ заложить сію же минуту карету: я поѣду въ деревню, и буду жить тамъ безвыѣздно. Это меня спасетъ отъ насмѣшекъ и оскорбленій.

— Какъ вамъ угодно, маркиза. Только вы напрасно сердитесь. Въ наше время были уже сотни примѣровъ новобрачныхъ, которые разъѣзжались тотчасъ же послѣ свадьбы...

— Знаю,—но тѣмъ хуже для тѣхъ, которые подражаютъ имъ.

— Притомъ же вся вина падетъ на меня. Я извѣстный повѣса, сумасбродъ. Надо мною будутъ смѣяться; объ васъ, какъ о жертвѣ, будутъ сожалѣть.

Послѣднія слова какъ бы успокоили маркизу. Ей пришло въ голову урезонить его.

— А вѣдь вы не правы, въ самомъ дѣлѣ, оставляя меня, сказала она.

— Я и сознаюсь въ этомъ, — отвѣчалъ маркизъ.

— Весь городъ говоритъ, что я недурна собой...

— Ну, это говорятъ всѣмъ...

— Но иногда это и правда. Я бы только хотѣла спросить у васъ: что вамъ во мнѣ не нравится?

— Повторяю вамъ, одинъ принужденный бракъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ осталось хлопотать, чтобъ вы меня полюбили, и я за это берусь...

— Очень мудрено, — когда меня здѣсь небудетъ.

— Ну, когда нибудь вы воротитесь, и тогда, увѣряю васъ, вы влюбитесь въ меня...

— Сомнительно!..

— Такъ бьюсь объ закладъ, что вы меня похитите...

— Это уже слишкомъ! Позвольте мнѣ не принять заклада: это было бы не великодушно съ моей стороны. Прощайте, маркиза.

— Да свиданія, маркизъ!

Чрезъ часъ они разъѣхались по разнымъ дорогамъ. Маркизъ поѣхалъ въ Германію, а Берта въ Беррійскую провинцію.

Можно вообразить себѣ какого шуму надѣлала эта исторія, но какъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ не было въ Парижѣ, то чрезъ мѣсяцъ забыли о ней и о нихъ.

Прошелъ годъ.

— Кстати! Знаете ли новость? сказалъ графъ Соланжъ у г-жѣ Дюбарри. Вы вѣрно удивитесь.

— Что такое?—вскричало все общество.

— Фонтанжъ воротился.

— Быть не можетъ!

— Я его сейчасъ встрѣтилъ.

— Прекрасно! Вотъ будетъ случай посмѣяться...

— Берегитесь, сказалъ Соланжъ, онъ хорошо владѣетъ шпагою.

— Да; вѣдь ты испыталъ это...

— Теперь я безопасенъ. Я не пою его арій, а сочиняю противъ него куплеты. За злость противъ себя онъ не сердится, лишь-бы не хвалили его.

— Ну, разскажите, каковъ онъ теперь собой.

— Таковъ же, какъ былъ до свадьбы.

— Говорилъ ты съ нимъ?

— Нѣтъ, онъ завернулся въ плащъ, какъ-будто боялся, чтобъ его не узнали.

— Разумѣется, онъ боится встрѣтиться съ своею женою. Она его такъ испугала въ день свадьбы, что онъ цѣлый годъ бѣжалъ не оглядываясь. Вѣрно и теперь онъ еще бѣжалъ, когда Соланжъ его встрѣтилъ. Жена никогда не догонитъ его.

— А гдѣ она, бѣдняжка? спросила г-жа Дюбарри.

— Въ своемъ помѣстьѣ, въ Берри.

— Ахъ, да! я забыла...

На другой день послѣ этого разговора былъ маскарадъ въ Большой Оперѣ. Ровно въ полночь пріѣхалъ и Фонтанжъ. Съ перваго взгляда всѣ замѣтили, что онъ ни мало не измѣнился. Знакомыхъ своихъ толкалъ онъ, и не смотрѣлъ на нихъ, а людямъ, которыхъ отъ роду не видалъ, кланялся очень учтиво. Имя его тотчасъ же распространилось шепотомъ по залѣ—и сотни домино всѣхъ цвѣтовъ безпрестанно отпускали ему самыя злыя остроты. Но Фонтанжъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ ничего не слушалъ, ни на что не отвѣчалъ.

Вдругъ маленькое розовое домино бросилось къ нему и съ испугомъ вскричало:

— Ради Бога, спасите меня!

— Отъ кого? спросилъ маркизъ.

— Вотъ человѣкъ, который меня преслѣдуетъ и оскорбляетъ.

При этомъ розовое домино указало на мужчину въ черномъ капуцинѣ и чернобархатной маскѣ.

— Успокойтесь, сказалъ Фонтанжъ. Вы подъ моею защитою, и васъ никто не оскорбитъ.

— А! да вы нынче сдѣлались защитникомъ красавицъ, сказалъ замаскированный. А я думалъ, вы только тѣмъ и занимаетесь, что считаете здѣсь мухъ, а на улицѣ звѣзды.

— О, нѣтъ! извините. У меня есть еще одно занятіе...

— Право? какое-же?

— Учить невѣждъ, которые преслѣдуютъ и оскорбляютъ женщинъ.

— Вотъ что! Вы моралистъ? Вы раздаете нравоученья?..

— А иногда вотъ еще что!..

При этомъ онъ сорвалъ съ него маску и перчаткою ударилъ его по лицу.

Съ перваго взгляда Фонтанжъ узналъ одного изъ мушкетеровъ, извѣстнаго дуэлиста и безпокойнаго человѣка.

— Вы мнѣ дорого за это заплатите! вскричалъ обиженный.

— Сколько угодно.

— Сейчасъ-же.

— Теперь слишкомъ поздно, но завтра утромъ, если угодно...

— Непремѣнно.

— Гдѣ прикажете?

— На какой улицѣ хотите.

— Въ шесть часовъ утра.

— Хоть въ четыре, если вы рано встаете.

Въ продолженіе этого разговора розовое домино схватило за руку маркиза и дрожало отъ страха.

— Боже мой! что я сдѣлала! прошепталo домино, и что вы обо мнѣ подумаете?

— Что всегда думаютъ о порядочной женщинѣ, которая прибѣгаетъ подъ покровительство порядочнаго человѣка, чтобъ спастись отъ наглости сорванца.

— Но этотъ дуэль?

— Неизбѣженъ, и кончится завтра въ пять минутъ.

— Но вы подвергаете жизнь свою опасности, вскричало домино,—и маркизъ съ изумленіемъ взглянулъ на эту маску, потому что крикъ ея выражалъ не простую фразу, а искреннее, сердечное чувство.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ маркизъ. Я не думаю, чтобъ Рабинетъ убилъ меня. А впрочемъ, признаюсь, не вижу большой бѣды и въ томъ, еслибъ я былъ убитъ.

Домино вздрогнуло.

— Не говорите этого, вы меня терзаете.

— Куда прикатеже отвезти васъ? спросилъ Фонтанжъ, не обративъ вниманія не послѣднія слова домино.

— Ко мнѣ, отвѣчала дама.

— Есть у васъ карета?

— Есть.

— Такъ поѣдемте.

Карета была тотчась же отыскана. Она была наемная и не красива.

— Благодарю васъ, маркизъ, за оказанную услугу... Но я не хочу во зло употреблять вашего снисхожденія. Я одна поѣду. Васъ же умоляю, будьте осторожны и берегите себя... Если съ вами случится несчастіе, я умру...

Невольно поцѣловалъ Фонтанжъ руку незнакомки, и въ то же мгновеніе почувствовалъ новое, незнакомое ощущеніе. Сердце его сильно забилось; небывалый жаръ обхватилъ голову.

Карета уже уѣхала съ незнакомкою, а онъ все еще стоялъ у подъѣзда и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Въ шесть часовъ утра Фонтанжъ ранилъ г. Рабинетта въ руку, и очень хладнокровно воротился домой.

Здѣсь ожидала его слѣдующая записка:

— Слава Богу! вы не ранены. Я всю ночь молилась за васъ, и всю жизнь не забуду благороднаго вашего поступка. Благодарю васъ. Прощайте!

— Это должна быть сантиментальная женщина, сказалъ маркизъ, и долго однако же смотрѣлъ на письмо.

Съ этой минуты началъ онъ вести прежнюю жизнь. О женѣ своей не слыхалъ онъ ни слова, то-есть не хотѣлъ о ней знать ничего.

Только изрѣдка посматривалъ маркизъ на записку незнакомки и о чемъ-то мечталъ въ это время.

Однажды утромъ получилъ онъ слѣдующее письмо:

«Помните-ли вы розовое домино въ маскарадѣ? Если не забыли, то приходите сегодня къ отелю Бренвиль, тутъ будетъ ожидать васъ карета. Скажите кучеру слово: *розовое домино*, и онъ васъ привезетъ къ особѣ, которая такъ вамъ обязана.»

— Это странно! подумалъ Фонтанжъ... Но все равно, поѣду. Надо же посмотрѣть за кого я дрался. Я же никогда еще пристально не смотрѣлъ на женщину... теперь это очень любопытно...

Въ назначенный часъ Фонтанжъ явился, карета уже стояла; онъ произнесъ роковыя слова, и поѣхалъ.

У какого-то дома, довольно бѣдной наружности высадили его. Въ сѣняхъ встрѣтила его старуха и тихо сказала:

— Слѣдуйте за мною.

Маркизъ повиновался, и вскорѣ былъ введенъ въ чистый, красивый, но не роскошный будуаръ; у дивана стоялъ накрытый столъ, и два прибора.

— Прекрасно! подумалъ Фонтэнжъ, меня накормятъ ужиномъ. Но сколько мнѣ кажется, я попалъ къ дамѣ не высшаго круга...

Явилось и розовое домино, точно такъ же одѣтое, какъ въ день маскарада.

— Благодарю васъ, маркизъ, что вы пріѣхали, сказала хозяйка.

— Я долженъ благодарить васъ за счастье...

— Записка моя, конечно, удивила васъ, прервала его хозяйка.

— Я никогда не удивляюсь.

Отвѣтъ маркиза принадлежалъ, конечно, къ числу его разсѣянностей, но незнакомка не обратила на это вниманія.

— А вѣдь признайтесь, встрѣча наша въ маскарадѣ была довольно странна, сказала она.

— Вы находите?..

— Вы подвергали опасности жизнь свою, не зная за кого...

Дама ожидала комплиментовъ; маркизъ молчалъ.

— За то какую мучительную ночь провела я... Вѣдь вы конечно не сомнѣваетесь въ моихъ искреннихъ чувствахъ?..

— Помилуйте... напротивъ...

Это опять была разсѣянность...

— Угодно вамъ, маркизъ, со мною отужинать?

— Очень пріятно.

— Садитесь-же...

— Но вы не снимаете маски?..

— На что? Вы должны ѣхать, не видавши моего лица.

Жаль, что вы не написали мнѣ этого условія.

— А пріѣхали ли бы вы тогда?

— Пріѣхалъ бы.

— Благодарю васъ. Этотъ отвѣтъ меня радуетъ.

— За это позволите ли вы мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Хоть тысячу.

— Скажите мнѣ, кто вы?

— Женщина.

— Это я знаю... Но мнѣ любопытно...

— Какъ-будто разсѣянный человѣкъ бываетъ любопытенъ?

— А вы знаете, что я разсѣянъ?

— Ктожъ въ Парижѣ не знаетъ васъ?

— Это не очень лестно... но еслибъ я по разсѣянности, нечаянно снялъ бы съ васъ маску...

— Я знаю вашъ благородный образъ мыслей; вы этого не сдѣлаете безъ моего согласія.

— Но если вы прелестны, зачѣмъ скрывать лице свое?

— Кто вамъ сказалъ, что я хороша собою?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Развѣ вы меня видѣли?

— Никогда. Но прикасаясь къ рукѣ прелестной женщины, можно уже знать о красотѣ ея лица.

— Еслибъ это мнѣ сказалъ извѣстный волокита, я, пожалуй, повѣрила бы, но вы?

— Почему жъ я негожусь въ волокиты?

— Я слышала о вашемъ бракѣ кое-что...

— Э Боже мой! неужели Парижъ еще не забылъ объ этомъ?

— Парижъ скоро забываетъ, но скоро и вспоминаетъ, и при дворѣ.

— А развѣ вы, милое мое домино, бываете при дворѣ?

— О, нѣтъ! Я провинціялка.

— Такъ разскажите мнѣ пожалуйста вашу исторію.

— Съ удовольствіемъ. Я молода; иные, пожалуй, говорятъ, что не дурна собою. Другіе увѣряютъ, что умна, но я не вѣрю имъ. Я живу въ провинціи, богата и хорошей фамиліи; я не люблю скуки и одиночества. Потому-то въ одно прекрасное утро увѣрила я домашнихъ, что мнѣ страхъ какъ хочется обнять тетушку, которая живетъ въ Парижѣ, и полетѣла въ столицу. Исторіи конецъ.

— Со всѣмъ не конецъ.

— Это почему?

— Вы забыли главное.

— Что же?

— Вы мнѣ не сказали: дѣвица ли вы, замужняя, или вдова?—Домино было въ видимомъ затрудненіи.

— Я дѣвица... Ну, теперь разскажите *вы* мнѣ свою исторію.

— Она еще короче вашей. Я маркизъ Фонтанжъ, и весь Парижъ знаетъ меня, значитъ и разсказывать нечего.

— Но исторію вашего брака?

— Она еще короче. Я уѣхалъ отъ жены въ самый день свадьбы.

— Отчего же вы уѣхали? Развѣ дѣвица Семезонъ такъ не понравилась вамъ?

— Нѣтъ! мнѣ самый бракъ не нравился; меня женили насильно.

— Но говорятъ жена ваша не дурна собою.

— Право не знаю... Впрочемъ, я помню черты ея, и если вы снимите маску, я скажу вамъ пожалуй, похожа ли она на васъ.

— Я ужъ сказала, что не сниму... Впрочемъ, два часа. Пора вамъ ѣхать.

— Будто?.. Мнѣ, право, такъ хорошо здѣсь.

— Благодарю васъ, но прошу ѣхать.

— Позвольте хоть часъ еще посидѣть.

— Ни десяти минутъ.

— Это жестоко..! Такъ и быть, повинуюсь.

— Прощайте.

— А увижу ли я васъ?

— Можетъ быть.

— Нѣтъ, мнѣ нужна увѣренность, иначе я съ отчаянія останусь здѣсь.

— Такъ и быть, обѣщаю, что мы увидимся.

— Скоро?

— Можетъ быть.

— Ахъ какое несносное слово..!

— Пожалуй, я прибавлю, что скоро, только уѣзжайте...

— Повинуюсь...

— У меня есть еще просьба къ вамъ...

— О говорите! тысяча будетъ исполнена, вскричалъ маркизъ и опять усѣлся на прежнее мѣсто.

— Вы не будете стараться узнавать въ какой улицѣ, въ какомъ домѣ вы были; не будете распрашивать кучера и не станете дѣлать никакихъ розысковъ о розовомъ домино, обѣщаете ли?

— Даю честное слово.

— Этого довольно. Теперь прощайте, и ступайте.

Маркизъ поцѣловалъ поданную ему руку и со вздохомъ пошелъ къ двери, но вдругъ воротился.

— Что это значитъ? спросила незнакомка.

— Я вѣдь вамъ не разсказывалъ еще какъ происходила моя дуэль съ г. Рабинеттомъ.

— Я знаю результатъ—и для меня довольно. Перестаньте играть комедію, и уѣзжайте.

— Иду, иду... прощайте!

Онъ ушелъ. Незнакомка осталась одна, и задумалась; черезъ нѣсколько минутъ послышался легкій стукъ у двери.

— Кто тамъ? спросило домино.

— Это я! отвѣчалъ Фонтанжъ.

— Это уже слишкомъ! Я разсержусь!

— Ради Бога не сердитесь, но я право не виноватъ... здѣсь очень холодно...

— Поѣзжайте—и дома согрѣетесь.

— Но до тѣхъ поръ я замерзну... вспомните, теперь февраль мѣсяцъ!

— Очень хорошо помню.

— Но вѣдь вамъ въ комнатѣ тепло...

— Разумѣется.

— За что же вы меня безжалостно осуждаете мерзнуть?

— Вовсе не осуждаю, а прошу только уѣхать.

— Радъ бы, но прежде позвольте мнѣ воротиться на минуту къ вамъ въ комнату.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ взять мой плащъ...

Незнакомка захохотала. Дѣйствительно, маркизъ оставилъ плащъ, и разумѣется, нарочно. Его впустили, отдали плащъ, подали еще разъ руку—и окончательно выпроводили въ дверь.

Очень дурно спалъ маркизъ эту ночь, и поутру все ждалъ новаго посланія отъ своей незнакомки, но ожиданіе было напрасно.

Прошло нѣсколько дней, Фонтанжъ рѣшительно измѣнился, онъ былъ нетерпѣливъ, сердитъ, задумчивъ, однимъ словомъ влюбленъ.

Наконецъ незнакомка прервала мучительное молчаніе. Однажды принесли ему съ почты письмо изъ Тура.

«Я подъ замкóмъ. — Опекунъ мой какъ-то узналъ о вашемъ посѣщеніи, и заперъ меня. Парижская поѣздка взволновала весь фамильный ареопагъ. Рѣшили продержать меня шесть мѣсяцевъ въ самомъ жестокомъ заключеніи. Еслибы маркизъ Фонтанжъ помнилъ еще обо мнѣ, онъ завтра бы, въ шесть часовъ вечера, могъ быть уже въ Турѣ. Замокъ нашъ въ полумилѣ отъ города, онъ обнесенъ каменною стѣною въ восемнадцать футовъ вышины. Осмотрите все и придумайте планъ. Въ десять часовъ перебросьте записку чрезъ стѣну въ садъ; я буду караулить.

Розовое домино».

Черезъ часъ по полученіи письма маркизъ летѣлъ уже по дорогѣ въ Туръ.

Къ вечеру пріѣхалъ онъ къ описанному замку, и съ управителемъ своимъ Жеромомъ пошелъ осматривать мѣстоположеніе.

— Средство старое, но хорошее, сказалъ онъ. Жеромъ! Достань двѣ лѣстницы; завтра къ вечеру, чтобъ онѣ здѣсь были. Одну надобно спустить по ту сторону стѣны, а другую поставить здѣсь у сада.

На лоскуткѣ бумаги написалъ онъ:

«Все придумано и приготовлено. Завтра въ десять часовъ будьте въ саду, я къ вамъ передамъ лѣстницу, и вы спасены!»

Перебросивъ записку съ камнемъ въ садъ, продолжалъ онъ ходить у стѣны. Черезъ пять минутъ этотъ же камень перелетѣлъ оттуда и принесъ отвѣтъ:

«Благодарю. Я буду въ 10 часовъ. Сигналовъ никакихъ не нужно».

Маркизъ въ восторгѣ обнялъ своего Жерома.

На слѣдующій вечеръ Фонтанжъ все приготовилъ и устроилъ. Лѣстницы принесены, поставлены; карета приготовлена въ нѣсколькихъ шагахъ. Сперва взлѣзъ маркизъ по лѣстницѣ на стѣну и втащивъ туда другую лѣстницу, спустилъ ее на ту сторону, и уже хотѣлъ послать Жерома внизъ, чтобъ помочь незнакомкѣ, какъ она сама явилась подлѣ него на стѣнѣ.

Она была въ своемъ прежнемъ розовомъ домино, и очень спокойно усѣлась на стѣнѣ.

— Здѣсь мы можемъ посидѣть и поговорить, сказала она очень спокойно.

— Какъ поговорить? Ночью? На стѣнѣ?..

— Мы здѣсь безопасны; меня цѣлую ночь никто не хватится.

— Но мы похожи будемъ на два флюгера...

— Что за бѣда!

— Но здѣсь холодно.

— Возьмите свой плащъ.

— Вы хотите удалить меня, но я не оставлю васъ.

— Такъ сидите и разговаривайте.

— О, я радъ, я васъ опять нашелъ, опять увидѣлъ... Знаете ли вы, что я былъ безъ васъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

— Не вѣрю...

— Клянусь вамъ... Но послушайте, право лучше было бы разговаривать въ каретѣ...

— Но посмотрите, какая прелестная ночь!.. Какая луна, звѣзды!..

— Что мнѣ за дѣло до ночи, до луны, до звѣздъ. Я васъ вижу— и все на свѣтѣ забываю...

— Такъ слѣдственно можете забыть ито, что мы сидимъ на стѣнѣ.

— Вы все шутите, — это жестоко!

— Вы конечно будете увѣрять, что влюблены въ меня?

— Какъ сумасшедшій.

— И даже поклянетесь въ этомъ?..

— Всѣмъ, что мнѣ дорого въ мірѣ...

— Ну, такъ дайте руку и спустимся на землю.

На половинѣ лѣстницы вдругъ незнакомка остановилась и сказала:

— Постойте однако же... Вѣдь это похоже на похищеніе...

— На что угодно... Я васъ обожаю и похищаю...

— Въ такомъ случаѣ спустимся.

Тихо продолжали они спускаться и на послѣдней ступенькѣ незнакомка склонила голову на плечо Фонтанжа.

— Дайте мнѣ отдохнуть на минуту, сказала она.

Маркизъ осыпалъ руку ея самыми жаркими поцѣлуями.

— И такъ вы точно меня любите и похищаете меня, продолжала незнакомка. Вѣдь я говорила вамъ, что доведу васъ до этого...

Маска упала съ лица ея, и при яркомъ свѣтѣ луны маркизъ увидѣлъ черты своей жены.

— Какъ, это вы?

— Да! маркизъ... Рѣшитесь ли вы теперь похитить меня?

— Болѣе чѣмъ когда либо! вскричалъ Фонтанжъ и въ объятіяхъ своихъ понесъ ее въ карету.

— Какъ! вскричалъ Жеромъ, дожидавшійся у кареты, это маркиза!

— Да, Жеромъ! сказалъ Фонтанжъ, и я поручаю тебѣ разсказывать всему Парижу, что я похитилъ свою жену.

И разсѣянный маркизъ сдѣлался лучшимъ мужемъ.

—

Разсказъ 3-й.

«Въ одну прекрасную осеннюю ночь (я уже не помню ни года, ни мѣсяца, сказала улыбаясь г–жа Марсъ) пріѣхала я въ Ліонъ, гдѣ была ангажирована на нѣсколько представленій на большомъ театрѣ. Было уже около полуночи. Я остановилась въ лучшемъ трактирѣ.

Дорогою приказала я своимъ людямъ несказывать моего имени, чтобъ пріѣхать безъ шума, безъ встрѣчи, безъ скучной толпы любопытныхъ, и отдохнуть отъ усталости вояжа. Къ величайшему моему удивленію меня встрѣтили какъ ожидаемую особу. Хозяинъ повелъ меня въ приготовленныя мнѣ комнаты, убранныя съ удивительнымъ вкусомъ и невиданною роскошью. Это было что-то волшебное. Даже цвѣты, которые я въ особенности любила, красовались въ богатыхъ вазахъ. Казалось, что я еще въ Парижѣ, въ своемъ отелѣ, въ своемъ будуарѣ. Все приводило мнѣ на память какое нибудь воспоминаніе, чувство, происшествіе. Въ особенности поражена я была библіотекою. На каждой книгѣ было золотыми буквами названіе комедіи и роли, которыя я играла, начиная съ дебютовъ до лучшихъ дней моей славы.

Видя мое изумленіе и недоумѣніе, хозяинъ сказалъ:

— Это ваши комнаты. Другихъ у насъ нѣтъ : всѣ заняты.

Сказавши это, онъ исчезъ.

Тысячи мечтаній и предположеній кружились въ умѣ моемъ... Вдругъ вошелъ ко мнѣ ливрейный лакей, который по одеждѣ и манерамъ принадлежалъ не ліонскому трактиру, а какому нибудь аристократическому дому.

— Кушанье подано! сказалъ онъ.

Я вошла въ сосѣднюю комнату и увидѣла столъ съ самыми роскошными блюдами, винами, фруктами, какъ будто снятыми со стола маркизы Помпадуръ.

— Это вѣрно ошибка, сказала я слугѣ, почтительно дожидавшемуся, чтобъ я сѣла. Это не мой ужинъ, я не заказывала его.

— Точно такъ, отвѣчалъ слуга. Это заказывалъ мой *баринъ*.

Сказавши это, слуга сдѣлался нѣмъ и неподвиженъ. Я видѣла, что распрашивать безполезно. Но этотъ *баринъ* значитъ зналъ, что я пріѣду, и приготовилъ все...

Дѣлать было нечего. Послѣ вояжа я чувствовала очень прозаическій аппетитъ, и рѣшилась воспользоваться предлагаемымъ ужиномъ. Всякая другая женщина дурно поступила бы принявъ ужинъ отъ незнакомца, но путешествующая актриса можетъ принять это за дань ея таланту.

Впрочемъ, я увидѣла, что на столѣ поставленъ другой приборъ и полагала, что приготовившій мнѣ ужинъ явится самъ, но вошедшій другой слуга положилъ на пустой приборъ букетъ цвѣтовъ и поклонясь удалился.

Переставъ ожидать, я сѣла за ужинъ и взяла букетъ, чтобъ разсмотрѣть цвѣты его. Изъ букета выпалъ лоскутокъ бумажки съ надписью:

«Возьми меня!»

Это значило, что я могла воспользоваться этимъ прекраснымъ букетомъ.

Отужинавъ, я вошла въ свою спальню. Новый сюрпризъ ожидалъ меня. На столѣ лежали куски разныхъ драгоцѣнныхъ матерій; я съ разсѣянностью посмотрѣла на нихъ, не стала никого распрашивать и легла спать.

Поутру осыпала я, конечно, горничную свою вопросами, но она увѣряла, что ничего не знаетъ. Это значило, что слуги мои были подкуплены. Я послала за хозяиномъ, но тотъ былъ также скроменъ и молчаливъ.

— Вы мнѣ вчера сказали, что эти комнаты были для меня приготовлены? спросила я.

— Точно такъ.

— Кто же васъ предупредилъ? Кто сказалъ вамъ мое имя?

— Тотъ, кто заказывалъ.

— Но кто же?

— Г. маркизъ, отвѣчалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ, и ушелъ.

Ясно было, что я больше ничего не узнаю. Въ два часа явился слуга и спросилъ о здоровьи моемъ отъ имени г. маркиза; я осыпала его вопросами, но онъ молчалъ.

Поневолѣ оставила я распросы, и провела остальное время дня въ приготовленіяхъ къ первому моему представленію.

Обѣдъ былъ такой же изящный, и опять на два прибора, но на пустомъ мѣстѣ опять положенъ былъ букетъ.

Я позвала хозяина и объявила ему, что не хочу ни чьихъ угощеній, а требую себѣ впредь своего собственнаго простаго обѣда.

— Слушаю, отвѣчалъ хозяинъ, и на слѣдующій день подалъ мнѣ еще роскошнѣйшій обѣдъ.

— Вы забыли мое приказаніе, сказала я ему серьозно, позвавъ его опять къ себѣ.

— Какъ можно! Я въ точности исполнилъ ваше приказаніе, но сверхъ вашихъ простыхъ блюдъ, маркизъ приказалъ подать *свой* обѣдъ къ своему прибору, и я долженъ былъ повиноваться.

Что мнѣ было дѣлать, какъ не объѣдаться этими лукулловскими обѣдами. Черезъ три дня дебютировала я въ *Тартюфѣ* и въ *Игрѣ любви и случая*.

Когда я вышла на сцену, глаза мои остановились на одной ложѣ, въ которой двѣ сторы были подняты, изъ нее упалъ огромный букетъ.

— Здѣсь вѣрно мой маркизъ, подумала я, и старалась всячески заглянуть въ ложу. Всѣ труды были напрасны!

Возвратясь домой, я замѣтила, что какая-то карета ѣхала за мною съ ливрейными лакеями, какіе встрѣтили меня при пріѣздѣ. Когда я пріѣхала къ подъѣзду, какая-то карета тоже остановилась, чтобъ выждать когда я выйду. Я нарочно остановилась въ сѣняхъ; задняя карета быстро пронеслась мимо меня, но въ ней уже никого небыло.

Прошла недѣля. Обѣды и букеты продолжались, но самъ невидимка не показывался, воображенію моему предоставлена была полная свобода. Въ день отъѣзда моего позвала я хозяина. Онъ явился съ низкими поклонами и вздохами.

— Мой счетъ? спросила я.

— Счетъ вашъ уже заплаченъ, отвѣчалъ онъ.

— Заплаченъ? Давно ли?

— Сегодня утромъ...

— Быть не можетъ...

— Увѣряю васъ, что это совершенная правда.

— Но кто же могъ заплатить?

— Г. Маркизъ.

— Все этотъ невидимка. Но скажите же мнѣ по крайней мѣрѣ его имя.

— Какъ! съ удивленіемъ вскричалъ хозяинъ, — его имя?

— Ну, да? фамилію его.

— Виноватъ... но вы кажется лучше меня должны знать это.

— Еслибъ я знала, то не спрашивала бы.

— И то правда... Только вы должны были бы его знать.

Глупое удивленіе этого человѣка заставило меня улыбнуться.

— Такъ вы точно не знаете? — повторила я.

— Къ сожалѣнію, не знаю!

— Но вѣдь онъ же вамъ заказывалъ квартиру, столъ...

— Разумѣется, но отъ этого мы оба ничего не узнаемъ. Наканунѣ вашего пріѣзда прибылъ онъ сюда со множествомъ слугъ, въ великолѣпной ливреѣ; золото блестѣло вездѣ какъ солнце; онъ приказывалъ мнѣ, какъ вельможа, платилъ также, а слуги называли его *маркизомъ*. Я спросилъ камердинера о фамиліи его, потомъ отнесся къ кучеру, потомъ къ лакею, наконецъ къ секретарю, — и всѣ мнѣ отвѣчали одно и тоже: «онъ нехочетъ, чтобъ здѣсь знали его фамилію.» Сегодня рано поутру потребовалъ онъ счетъ — и щедро заплатилъ мнѣ за все.

— За меня?

— Вы изволили жить въ его квартирѣ, и онъ объявилъ, что платитъ за все.

— Что за вздоръ! Не могла же я жить въ квартирѣ человѣка, котораго никогда не видала и не знаю.

— Это ужъ не мое дѣло. Онъ сказалъ мнѣ, когда пріѣхалъ: я беру два отдѣленія твоего отеля, — одно для себя, — другое для особы, которая завтра пріѣдетъ сюда. Ты будешь моимъ управителемъ у нее, а я за все заплачу. Она останавливается у меня, а не у тебя. Если она удивится чему нибудь, если будетъ распрашивать, ты скажешь, что такъ приказалъ маркизъ. Я покорился. Онъ велѣлъ позвать лучшихъ ліонскихъ обойщиковъ, мебельщиковъ,—и черезъ нѣсколько часовъ я самъ изумился, что мои комнаты такъ отдѣланы. Вы изволили пріѣхать, — и остальное вамъ извѣстно.

— Это непостижимо! вскричала я. Но я не уѣду отсюда, пока не узнаю, кто онъ. Мнѣ онъ вѣрно не откажетъ сказать свою фамилію. Потрудитесь сказать ему, что я хочу его видѣть...

— Увы! это невозможно!

— Это почему?

— Онъ уже уѣхалъ.

— Какъ уѣхалъ?

— Да, къ сожалѣнію, — отвѣчалъ хозяинъ.

— По какой дорогѣ поѣхалъ онъ?

— Туда же куда и вы ѣдете, —въ Парижъ.

— Ну, такъ я узнаю, кто онъ, подумала я.

Въ сильномъ волненіи бросилась я въ карету, и всю дорогу думала о своемъ таинственномъ незнакомцѣ.

Но въ Парижѣ все скоро забывается. Сцена, друзья, общество, все заставило меня потерять изъ вида это происшествіе.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, какъ вдругъ въ одно утро вошла ко мнѣ въ будуаръ г-жа В., съ которою я давно была дружна, и всегда рада ея посѣщенію. Она была умная женщина и знала всѣ парижскія новости. Она уже была въ тѣхъ лѣтахъ, когда женщина позволяетъ себѣ въ разговорѣ маскарадную болтовню. Она очень уважала строгость нравовъ, но и къ людскимъ слабостямъ была снисходительна. Впрочемъ испытанная доброта, радушіе, услужливость, преданность были отличительными свойствами ея характера. Сердце ея было вѣрно, скромно и готово на всякое пожертвованіе.

Взглянувъ на нее я замѣтила, что на лицѣ ея изображено нѣкоторое смущеніе. Это удивило меня, и я спросила о причинѣ.

— Вотъ видишь ли, моя милая, отвѣчала она, я сегодня въ пер-

вый разъ взялась за дипломатическое дѣло, и это меня очень затрудняетъ.

— Куда же ты отправлена посланницею?

— Не дальше, какъ къ тебѣ.

— Вотъ мило! Какимъ-образомъ? разскажи пожалуйста.

— Разсказать! Но вѣдь это рѣшительная минута моего поприща. Пожалуйста, вспомни, что я еще новичокъ въ дипломатикѣ — и не разсердись за дурной дебютъ.

— Что за предисловіе! Разсказывай.

— Дѣло вотъ въ чемъ, продолжала она, понюхавъ табаку; одинъ молодой знатный и богатый человѣкъ влюбленъ въ тебя.

— Очень сожалѣю о немъ... Ты знаешь, у меня есть женихъ. (Дѣйствительно, полковникъ Б. былъ тогда моимъ женихомъ, но бракъ нашъ несостоялся, потому-что полковника убили).

— Тотъ кто меня послалъ, тоже знаетъ это. Мой знакомый желаетъ только, чтобъ ты позволила ему быть полузнакомымъ... отсутствующимъ другомъ...

— Моя милая, съ живостію отвѣчала я, подобныя предложенія...

— Что ты! помилуй! прервала меня г-жа В. Развѣ я рѣшилась бы когда-нибудь нарушить нашу давнишнюю дружбу, взявъ на себя какое-нибудь порученіе, недостойное тебя? О нѣтъ! тотъ, кто меня прислалъ, вовсе не изъ такихъ людей; онъ просто обожаетъ тебя, сходитъ съ ума, но уваженіе его къ тебѣ выше всего на свѣтѣ. Пока ты невѣста полковника Б., онъ даже не хочетъ быть представленнымъ въ твой домъ. А если бракъ вашъ состоится, онъ уѣдетъ навсегда изъ Франціи. Но, какъ онъ уже давно скрываетъ свою страсть, какъ онъ сохнетъ и умираетъ отъ нея, то единственною надеждою на сохраненіе ему жизни, послѣднее утѣшеніе его, чтобъ ты знала о его любви и позволила ему втайнѣ обожать тебя...

— Что за романъ, моя милая...

— Нѣтъ! истинная быль, отвѣчала она. Правда, что подобныя идеализированныя страсти нынче рѣдкость, но не менѣе того — такъ случилось. И признаюсь, на твоемъ мѣстѣ я не вижу зачѣмъ бы убивать преждевременно человѣка, который ничего не требуетъ, кромѣ тайнаго состраданія... Повѣрь, это не пустыя фразы. Я бы ни за что въ свѣтѣ не стала лгать тебѣ, но тутъ увѣряю тебя, что сожалѣніе твое ни къ чему не обязываетъ тебя. Повторяю тебѣ, что ты его никогда даже не увидишь...

— Все это, моя милая, очень странно, сказала я въ раздумьи...

— И однако же вѣрно и справедливо. Впрочемъ, главное теперь

сдѣлано. Онъ только хотѣлъ, чтобъ ты знала о его страсти, и я исполнила его порученіе... Есть и другое, но...

— Какое еще?

— Богата ли ты?

— Богата.

— Слишкомъ ли ты богата?

— Слишкомъ никто въ свѣтѣ не богатъ. Но къ чему этотъ вопросъ?

— Всѣ знаютъ, что ты много дѣлаешь добра бѣднымъ. Человѣкъ, который питаетъ къ тебѣ такую удивительную страсть, желалъ бы участвовать въ твоихъ благотвореніяхъ, и проситъ тебя, вмѣстѣ съ твоими деньгами раздать и его приношеніе.

— Деньги? мнѣ? — вскричала я, вспыхнувъ отъ негодованія.

— Не тебѣ, а твоимъ бѣднымъ... (тутъ она вынула бумажникъ.

— Сколько тутъ?

— Четыреста тысячъ франковъ...

— Слишкомъ много для бѣдныхъ; я не принимаю.

— Напрасно! Вся цѣль его въ томъ, чтобъ раздавая эти деньги, ты вспоминала о немъ. А какъ онъ надѣется скоро умереть, то ты и по смерти заставила бы благословлять его память.

— Все это прекрасныя фразы, но я денегъ не возьму.

— И это послѣднее твое слово?

— Рѣшительное.

— Какъ хочешь. Мое посольство кончено. Прощай...

— Но ты забыла главное, сказала я остановивъ ее.

— А что?

— Ты мнѣ не сказала имени этой особы.

— Въ Ліонѣ его звали г. *маркизъ*.

— Какъ! это онъ?

— Разумѣется...

— Ну, такъ поскорѣе говори кто онъ?

— Не могу. Онъ сказалъ, что если мое посольство будетъ успѣшно, тогда я могу открыть его фамилію... Но ты лишила бѣдныхъ большой суммы, а сама лишаешься удовольствія удовлетворить твое любопытство. Прощай!

Она ушла, — и я почти была сердита на нее. Не сказать мнѣ даже имени!..

На другой день она воротилась съ вопросами: не раздумала ли я? И такимъ-образомъ четыреста тысячъ франковъ гуляли около трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ преслѣдованія прекратились, и я забыла о нихъ. Притомъ же въ это самое время женихъ мой воротился въ Парижъ.

Однажды былъ во французской комедіи парадный спектакль; многочисленное общество придворныхъ тѣснилось за кулисами. Всѣ знаменитыя имена двора Лудовика XVIII собрались тутъ.

Режиссеръ ударилъ три раза. Надобно было начинать четвертый актъ Мизантропа. Вся толпа придворныхъ ушла въ королевскую ложу, въ балконъ, въ оркестръ. За кулисами водворилось молчаніе.

Я уже готовилась итти на сцену... какъ вдругъ два голоса поразили слухъ мой. Я вздрогнула; одинъ голосъ былъ мнѣ знакомъ: это былъ мой женихъ. Другаго я не знала; но нѣсколько жаркихъ и прерывистыхъ словъ доказывали мнѣ, что это ссора.

— Прошу безъ объясненій, сказалъ одинъ. Вы обижены. Довольно!

— Вашъ день?

— Завтра.

— Часъ?

— Въ семь утромъ.

— Оружіе?

— Пистолетъ.

— Мѣсто?

— У заставы Маліо.

— Довольно...

Я бросилась въ эту кулису. Дѣйствительно, передо мною былъ полковникъ Б. Увидя меня, онъ понялъ, что я все слышала.

— Ради Бога успокойтесь, сказалъ онъ. Въ эти дѣла вы не можете мѣшаться.

Судорожно схватила я его за руку; противникъ его, покрытый смертною блѣдностью, поклонился мнѣ и ушелъ. Я успѣла однакоже взглянуть на него, и удивилась благородству, гордости и мужеству, изображеннымъ на лицѣ его.

Держа за руку полковника Б., я однакоже машинально смотрѣла вслѣдъ за ушедшимъ.

— Что значитъ этотъ вызовъ?

— На что вамъ знать?

— Не изъ-за меня ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, потупя глаза, мнѣ бы пріятно было пролить кровь мою за васъ... Но причина совсѣмъ другая...

— Какая же?

— Вы удивитесь... я самъ не знаю... Пустой разговоръ... незначащія слова.

— Но кто этотъ человѣкъ?..

Полковникъ замялся; въ эту минуту режиссеръ сказалъ мнѣ:

— Вашъ выходъ!..

— Я явилась на сценѣ въ величайшемъ смущеніи. Тутъ только поняла я какъ тяжело иногда бываетъ званіе актрисы. Надобно было притворяться веселою, беззаботною, кокеткою... Мнѣ надобно было любезничать съ Альцестомъ и Клитандромъ, лукаво посматривать на нихъ, играть моимъ вѣеромъ и твердить своей печали: «подожди до завтра! Завтра ты можешь свободно плакать.» Нѣтъ, не могу выразить вамъ моихъ страданій въ этотъ вечеръ. Машинально осмотрѣла я залу, какъ бы желая найти въ комъ нибудь искру сочувствія... и вдругъ увидѣла того человѣка, который вызвалъ полковника Б. Это еще болѣе усилило мое волненіе.

По окончаніи спектакля, я шла въ свою уборную, но въ это мгновеніе провожали короля со всѣмъ церемоніяломъ временъ Людовика XIV. Вся сцена залилась придворными, и я принуждена была скрыться въ уголъ кулисы, за которую придерживалась. Герцогиня Ангулемская проходя мимо меня, ласково-мнѣ улыбнулась. Тѣснота все больше усиливалась; толпа едва не сбила меня съ ногъ, но кто-то поддержалъ меня, и даже при этомъ нѣжно поцѣловалъ мою руку. Я оглянулась—это былъ противникъ моего жениха, который въ тоже мгновеніе исчезъ.

Я едва дотащилась до уборной и почти безъ чувствъ бросилась на диванъ. Вдругъ явился герцогъ *** отъ имени короля. Я встала, чтобъ встрѣтить его.

— Его величество и ея королевское высочество Дофина удостоили поручить мнѣ, сказалъ онъ, выразить вамъ ихъ благодарность и удивленіе и вручить вамъ этотъ знакъ ихъ удовольствія.

Это были драгоцѣнныя брилліантовыя серьги.

Но возвратимся къ моему разсказу.

— Прошу васъ, герцогъ, отвѣчала я, принявъ подарокъ, выразить его величеству и ея высочеству всю мою вѣрноподданическую благодарность и повергнуть къ стопамъ ихъ всѣ мои искреннѣйшія чувства. Ихъ удовольствіе и милость составляютъ верхъ моей славы и моихъ желаній...

Герцогъ ушелъ. Вошли въ уборную мои знакомые. Всѣ восхищались подарками короля. Но женихъ мой не приходилъ; это меня чрезвычайно безпокоило, и я рѣшилась заѣхать изъ театра къ нему.

Его не было дома, и выбѣжавшій ко мнѣ камердинеръ сказалъ, что полковникъ не будетъ дома ночевать.

Я воротилась, и цѣлую ночь не спала. Въ шесть часовъ утра ве-

лѣла заложить карету, и поѣхала въ Булонскій лѣсъ къ заставѣ Маліо. Когда я подъѣзжала къ заставѣ Звѣзды, меня обогнало купе съ закрытыми сторами; я взглянула; ливрея показалась мнѣ знакомою. Я велѣла кучеру своему ѣхать за этимъ экипажемъ, но отъ воротъ Маліо купе повернуло на право по узенькой тропинкѣ, по которой карета моя не могла слѣдовать.

Я остановилась и спросила кучера:

— Куда ведетъ эта тропинка?

— Къ средней площадкѣ... Тамъ обыкновенно сходятся господа дуэлисты...

— Можно ли проѣхать туда другою дорогою?

— Есть объѣздъ...

— Скачи же туда... но не доѣзжая остановись.

Черезъ пять минутъ я была уже тамъ. Только аллея отдѣляла меня отъ роковаго мѣста. На площадкѣ вдали стояли шесть человѣкъ и о чемъ-то разсуждали... я вышла изъ кареты и спряталась между деревьями; мнѣ все было видно.

Прежде всего узнала я своего жениха. На лицѣ его не видно было ни малѣйшаго волненія. Спокойствіе и хладнокровіе доказывали въ немъ истиннаго воина. Противникъ его былъ блѣденъ, но тоже твердъ и спокоенъ.

Отмѣрили двадцать пять шаговъ, стали на мѣста; наступила ужасная минута; раздался выстрѣлъ—я закрыла глаза...

Но любопытство было сильнѣе страха; я раскрыла ихъ и увидѣла, что противникъ полковника былъ весьма легко раненъ въ плечо и готовился стрѣлять. Съ ужаснымъ хладнокровіемъ поднялъ онъ пистолетъ, и взглядъ его одушевился какою-то злою радостью, а на блѣдномъ лицѣ появилась ужасная улыбка.

Непреодолимая сила приковывала меня къ этоту зрѣлищу, я хотѣла вскрикнуть, но не имѣла ни силъ, ни голоса. Я только могла слѣдить за каждымъ движеніемъ, отъ котораго зависѣла жизнь моего жениха. Еще разъ осмѣлилась я взглянуть на черты противника — онѣ уже сгладились; рука его опустилась, и онъ сказалъ:

— Вы стрѣляли первые, и это можетъ служить удовлетвореніемъ за обиду, которую я вамъ нанесъ. Вы видѣли, что пуля ваша не испугала меня, хотя, признаюсь, нѣтъ никакого достоинства презирать смерть, когда отъ всей души ищешь ее. Теперь же, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ убить васъ, у меня рука не поднимается. Живите, потому что вы счастливы и любимы. Пуля моя поразила бы вмѣстѣ съ вами и другое сердце, а я не хочу быть двойнымъ убійцей.

При этомъ указавъ на сучокъ березы въ сорока шагахъ, онъ раздробилъ его своимъ выстрѣломъ, и послѣ этого, не давъ времени никому опомниться, вскочилъ въ свое купе и съ быстротою молніи поскакалъ въ Парижъ.

Я возвратилась, измученная сильными чувствами со вчерашняго дня. Пріѣхалъ и полковникъ. Я осыпала его вопросами, какъ будто ничего не знаю, но къ удивленію моему, онъ хранилъ молчаніе. Ясно было, что онъ понялъ все, и будучи обязанъ жизнію любви своего соперника ко мнѣ, онъ по самолюбію скрывалъ отъ меня его великодушный поступокъ. Это уже означало нѣкоторую недовѣрчивость ко мнѣ, которая меня оскорбила. Мы разстались съ нѣкоторою холодностью.

Но эта ссора окончилась, какъ и всѣ между искренно любящимися людьми; мы простили другъ другу, и начали дѣлать приготовленія къ нашей свадьбѣ.

Однажды былъ у меня ужинъ. Гости были всѣ веселы. Эпиграммы, остроты лились рѣкою; пѣли куплеты, пѣсни... Было уже около полуночи. Вдругъ вошелъ ко мнѣ камердинеръ и шепнулъ на ухо, что какой-то человѣкъ пришелъ и хочетъ сообщить мнѣ важное извѣстіе.

— Но кто онъ?

— Я его никогда невидалъ.

— Пусть войдетъ.

Черезъ минуту воротился камердинеръ и сказалъ, что пришедшій только *мнѣ одной* можетъ сказать свое порученіе.. Онъ прибавилъ, что дѣло идетъ о жизни человѣка...

Я тотчасъ же встала и пошла. Женихъ мой, слѣдившій съ безпокойствомъ за всѣми этими переговорами, хотѣлъ было послѣдовать за мною.

— Нѣтъ, нѣтъ! не ходите, иначе я ничего не узнаю...

Я вышла съ камердинеромъ. Онъ привелъ меня въ библіотеку, тамъ ждалъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ видимомъ волненіи.

— Что вамъ угодно? спросила я.

— Ради Бога, сказалъ онъ, сложивъ руки умоляющимъ образомъ, спасите моего господина.

— Твоего господина? Но кто онъ, и какъ могу я его спасти?

— Онъ раненъ, разбитъ, умираетъ, и не хочетъ видѣть ни одного врача; я умолялъ, плакалъ. . я вѣдь его на рукахъ носилъ, а теперь долженъ потерять...

— Но поскорѣе объясни мнѣ...

— Онъ умираетъ и все твердитъ: что мнѣ жизнь безъ *нее?* вѣдь я *ее* никогда не увижу...

— Кого же?

— Васъ, сударыня.

— Меня?

— О, Боже мой! Да! Ужъ сколько лѣтъ онъ безъ ума влюбленъ, и все хочетъ умереть... это ліонскій маркизъ, тотъ, который недавно дрался съ вашимъ женихомъ, чтобъ быть убитымъ... Теперь онъ кажется такъ раненъ, что не переживетъ... О! спасите его... Вашъ видъ воскреситъ его... Что вамъ стоитъ!..

— Довольно! ѣдемъ... Есть у тебя карета?

— Есть.

— Подожди, я сейчасъ выйду.

Я возвратилась къ гостямъ и объявила, что должна по непредвидимому случаю оставить ихъ.

— Но теперь за-полночь! вскричалъ мой женихъ.

— Все равно...

— Такъ позвольте, я провожу васъ...

— Нельзя... Ради Бога! неспрашивайте... Вы все узнаете, а теперь не задерживайте меня.

Схвативъ мантилью и кошелекъ, я сбѣжала съ лѣстницы и бросилась въ карету, приказавъ ѣхать къ извѣстному доктору Дюпюитрену. Какъ ни надѣялась я на свое присутствіе, но увѣрена была, что врачъ будетъ нужнѣе меня.

Докторъ спалъ. Камердинеръ не хотѣлъ будить его. Но лундоръ убѣдилъ его отнести мою карточку къ Дюпюитрану, который тотчасъ меня принялъ.

— Что у васъ такое? спросилъ онъ всегдашнимъ своимъ грубымъ тономъ. Вы себѣ не сломали ни руки, ни ноги...

— О, нѣтъ! отвѣчала я, да и не обо мнѣ дѣло...

— А, понимаю! вашъ женихъ... Я всегда говорилъ, что не сдобровать ему... такая безпокойная голова... Ну, что случилось? гдѣ онъ?

— У меня съ гостями—и совершенно здоровъ.

— Такъ на кой же чортъ вы меня разбудили? вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ...

— Для другаго человѣка, котораго жизнь въ опасности. Надѣюсь на вашу дружбу; вы безъ распросовъ поѣдете со мною...

— Разумѣется... вѣдь съ вами не сладишь... а признаюсь, я самъ измученъ...

Говоря это онъ надѣлъ плащъ, взялъ свой ящикъ съ инструментами и поѣхалъ со мною.

На карусельской площади остановились мы въ нантскомъ отелѣ.

Тамъ въ первомъ этажѣ, въ довольно бѣдной комнатѣ, лежалъ тотъ самый человѣкъ, который недавно у заставы Маліо движеніемъ указательнаго пальца спасъ жизнь моего жениха и такъ великодушно поступилъ съ нимъ.

— Маркизъ С***! вскричалъ Дюпюитренъ. Здѣсь, въ такой комнатѣ—и ранены! Что случилось?

— Маркизъ С***! сказала я сама себѣ. Такъ вотъ имя, котораго я добивалась столько времени!

Вмѣсто маркиза старикъ камердинеръ разсказалъ, что онъ ѣздилъ на бѣшеной лошади, что она его сбросила на каруселной площади, что его перенесли въ эту отель и бросились искать *доктора*.

Старикъ зарыдалъ.

Дюпюитренъ взялъ безчувственнаго за руку; онъ вздрогнулъ отъ боли, раскрылъ глаза, приподнялъ голову, осмотрѣлся и увидѣлъ меня. Блѣдное лице его вдругъ вспыхнуло румянцемъ радости, который оживилъ черты его.

— Да! сказалъ Дюпюитренъ, осмотрѣвъ руку. Можно вамъ оставить руку и не рѣзать ее... Но предупреждаю васъ, что вправляя сломанныя кости, заставлю я васъ страдать самымъ жестокимъ образомъ... Вы, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, извольте убираться домой. Здѣсь *спектакль* не для васъ.

— О! ради Бога, простоналъ маркизъ, побудьте со мною, иначе я не переживу...

— Позвольте мнѣ, докторъ, прибавила я...

— Пожалуй, мнѣ все равно, заворчалъ онъ, и съ той минуты во всю операцію не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Началась любопытная и ужасная борьба искусства съ мужествомъ. Раненый не испустилъ ни одного крика; хирургъ не произнесъ ни одного слова.

— Ну, дѣло кончено! сказалъ наконецъ Дюпюитренъ, и кажется удачно, теперь я надѣюсь...

— Благодарю васъ, сказалъ маркизъ, благодарю!

Вѣроятно Дюпюитренъ принялъ это выраженіе благодарности на свой счетъ, но по выраженію голоса я не могла ошибиться, что маркизъ обращался ко мнѣ.

Прописавъ еще рецептъ и наказавъ все нужное камердинеру, Дюпюитренъ взялъ шляпу.

— Я васъ завезу, докторъ, сказала я.

— Пожалуй. Прощайте, маркизъ. Завтра я заѣду.

Я подошла къ маркизу.

— О! благодарю васъ, прошепталъ онъ. Вы однѣ спасли меня...

— Могла-ли я колебаться? Дѣло шло о вашей жизни.

— Она вамъ принадлежала и прежде, а теперь мнѣ драгоцѣнна!..

Онъ взялъ мою руку, нѣжно поцѣловалъ ее, и я почувствовала, что слеза капнула на нее.

— Ну, пойдемте, грубо сказалъ Дюпюитренъ, больному пуженъ покой, и мнѣ тоже.

Мы поѣхали. Когда карета остановилась, я спросила:

— Скажите мнѣ, въ опасности ли жизнь маркиза?

— Жизнь? повторилъ онъ, совершенно безопасна.

— О! Слава Богу!

— Не радуйтесь, печально продолжалъ онъ, я вѣдь сказалъ, что только *жизнь* его въ безопасности.

— Чтожъ еще? вскричала я. Что вы хотите сказать?

— То, моя милая, что болѣзнь не въ сломанной рукѣ, а вотъ гдѣ, (онъ указалъ на лобъ). Руку я вылечу, но за другое не берусь.

Я вздрогнула.

— Я не хочу предсказывать ничего дурнаго, продолжалъ онъ, но увѣренъ, что маркизъ окончитъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ.

Сказавъ это, Дюпюитренъ вышелъ изъ кареты и хладнокровно пошелъ домой, не простясь со мною.

На другое утро я послала узнать о его здоровьи. Его уже перенесли домой. Послѣ этого я не разъ заѣзжала и отдавала мою карточку швейцару. Черезъ нѣсколько времени потомъ узнала я, что по совѣту Дюпюитрена переѣхалъ онъ за городъ. Въ это же время женихъ мой уѣхалъ, чтобъ сдать свой полкъ и возвратясь отпраздновать нашъ бракъ.

Однажды, читая обыкновенно по утрамъ газеты, увидѣла я нечаянно слѣдующее извѣстіе:

«Вчера поутру скончался маркизъ С***, отъ воспаленія въ мозгу.»

Какой-то холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Я вспомнила предсказаніе Дюпюитрена—оно сбылось. Продолжая мечтать и вспоминать, я почти невольно вскрикнула, вспомня, что этотъ же докторъ сказалъ мнѣ, въ этотъ роковой вечеръ, что мой женихъ съ своею горячею головою кончитъ жизнь на какомъ нибудь поединкѣ.

Чтобъ разогнать эти печальныя мысли, я машинально взяла опять газеты и принялась читать снова. Вдругъ въ глазахъ моихъ потемнѣло; я испустила крикъ и безъ чувствъ упала на полъ.

Полковникъ Б. былъ убитъ на дуэли.

Разсказъ 4-й.

Послѣдній разсказъ г-жи Марсъ заключался въ слѣдующемъ:

«Въ 1797 году, въ одномъ отдаленномъ парижскомъ кварталѣ, въ уединенномъ домикѣ, сидѣли въ большой залѣ два человѣка преклонныхъ лѣтъ, чрезвычайно углубившись въ весьма трудную шахматную партію.

Это были маркизъ Клерво и графъ Сернеи. Они провели весь періодъ революціи въ самомъ глубокомъ уединеніи, и будучи съ малолѣтства связаны тѣсною дружбой, еще болѣе сблизились во времена тяжкихъ испытаній—и два семейства ихъ составили почти одно.

Графъ Сернеи былъ кроткаго нрава, уступчивъ и готовъ на всякое пожертвованіе и самоотверженіе. Чтобъ жить въ согласіи съ приближенными, онъ охотно отказывался отъ любимыхъ своихъ идей, желаній—и почиталъ спокойствіе синонимомъ счастія.

Маркизъ Клерво былъ, напротивъ, своенравенъ, вспыльчивъ, непреклоненъ. Всякій день онъ бранился со всѣми и за все. Больше всѣхъ доставалось бѣдному старику Сернею, за то тотъ ему во всемъ и всегда уступалъ. И однакоже, они въ самомъ дѣлѣ были лучшими друзьями въ свѣтѣ.

У Клерво была дочь, которая слишкомъ рано потеряла свою мать. У Сернея былъ сынъ, но жена его тоже давно скончалась. Дѣти эти выросли вмѣстѣ—и, разумѣется, нѣжно любили другъ друга. И теперь они сидѣли въ той же залѣ, гдѣ отцы ихъ играли въ шахматы, и по обыкновенію говорили о любви своей. Сперва они въ дѣтскихъ своихъ играхъ называли другъ друга разными нѣжными именами, теперь всѣ эти названія слились въ одну мысль, въ одно желаніе—быть женихомъ и невѣстою, мужемъ и женою. Жоржъ и Луиза знали, что маркизъ вспыхнетъ, закричитъ, побранитъ старика Сернея, а потомъ согласится на счастіе Луизы. Однакоже, при всей увѣренности своей они боялись приступить къ нему, и откладывали каждый день.

И въ этотъ вечеръ, просидѣвъ до десяти часовъ и истощивъ весь лексиконъ влюбленныхъ фразъ, выслушавъ разъ двадцать брань маркиза на бѣднаго Сернея, принуждены они были разойтись по всегдашнему роковому слову отца:

— Луиза! Било десять! Пора тебѣ спать.

Поцѣловавъ отца, подала она руку Жоржу, который проводилъ ее до будуара, нѣжно поцѣловалъ руку ея и ушелъ.

На другое утро замѣтно было въ домѣ Клерво необыкновенное движеніе. Маркизъ съ утра кричалъ на всѣхъ, суетился, бѣгалъ — и заказывалъ роскошный обѣдъ, какихъ давно не бывало у него.

Когда Луиза пришла по обыкновенію къ нему здороваться, онъ сказалъ ей:

— Милый другъ! Сегодня у меня будетъ гость, съ которымъ я пятнадцать лѣтъ не видался. Смотри же, принарядись.

— Кого же это вы ждете, папа? съ любопытствомъ спросила Луиза.

— Герцога Жоржа Сіерра, и я хочу, чтобъ ты ему понравилась.

— На что, папа?

— Да онъ за пятнадцать лѣтъ утверждалъ, что ты будешь красавицей. Надобно же доказать ему, что онъ не ошибся.

— Если онъ не льстецъ, то сознается въ своей ошибкѣ.

— Знаю, знаю...

— И герцогъ пріѣдетъ сегодня?

— Въ шесть часовъ; приготовься же къ тому времени.

Дѣйствительно, ровно въ шесть часовъ пріѣхала дорожная карета; Луиза подбѣжала къ окну, и увидѣла человѣка лѣтъ сорока, вышедшаго на подъѣздъ. Жоржъ тоже стоялъ подлѣ нее, и по какому-то странному случаю и онъ и она молчали, погруженные въ думу.

Вошелъ герцогъ Сіерра и маркизъ Клерво.

— Дочь моя, сказалъ отецъ, подводя къ ней гостя. Представляю тебѣ друга моего, герцога Сіерру.

Луиза присѣла, герцогъ съ почтеніемъ поцѣловалъ ея руку. Ему было тогда сорокъ лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, съ правильными и благородными чертами, ловкими движеніями, пріятнымъ голосомъ и блистательнымъ умомъ. Продолжительно посмотрѣвъ на Луизу, онъ съ улыбкою шепнулъ маркизу:

— Ну, что? правъ ли я? не прелестнѣйшая ли это въ свѣтѣ дѣвушка?

Клерво поблагодарилъ герцога: отцовская гордость торжествовала. Луиза слышала слова герцога, и съ этой минуты не смѣла уже взглянуть на него.

Маркизъ подвелъ къ герцогу и Жоржа Сернея, но послѣдній холодно встрѣтилъ привѣтствіе гостя, чувствуя какое-то враждебное противъ него чувство.

Сѣли за столъ; герцогъ сидѣлъ подлѣ Луизы; разговоръ его умный и увлекательный доказалъ обширныя его свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ. Но Луиза была молчалива и задумчива; Жоржъ тоже былъ угрюмъ. Оба они мысленно дѣлали себѣ одинаковые почти вопросы. Луиза со страхомъ думала: «что, если герцогъ вздумаетъ влюбиться въ меня?» Жоржъ съ нѣкоторою завистью тоже думалъ: «что, если этотъ герцогъ влюбится въ Луизу?»

Послѣ обѣда маркизъ хотѣлъ заставить дочь свою пропѣть что нибудь, но она сказала, что у нее очень болитъ голова. Тогда герцогъ взялъ арфу, и прекраснымъ голосомъ спѣлъ куплеты, имъ самимъ сочиненные, и всѣ съ восторгомъ рукоплескали ему. Даже Луиза и Жоржъ покорились вліянію дарованія.

Маркизъ Клерво уступилъ герцогу половину своего дома, слѣдственно Луиза чувствовала, что она всякій день должна будетъ съ нимъ видѣться. Какая-то тайная грусть стѣсняла ея сердце. Луиза любила Жоржа, какъ любятъ въ восемнадцать лѣтъ, то есть со всею пылкостью чувствъ. Въ другѣ своего дѣтства видѣла она все свое будущее счастіе. Въ мысляхъ своихъ не могла она отдѣлить его отъ своего существованія.

Жоржъ тоже погрузился въ мрачныя размышленія. Луиза видѣла это—и почла обязанностью утѣшить его.

— Вы страдаете, Жоржъ, сказала она. Я тоже.

— Но не одинаково.

— Я не такъ самолюбива и думаю, что одинаково. Вы страдаете отъ того, что *онъ* остается, а вы уѣзжаете. Посторонній займетъ мѣсто, которое принадлежитъ другу, брату — вамъ. Но будьте спокойны. Если ему открытъ домъ, то сердце мое всегда будетъ закрыто. Теперь знаете ли, отчего я страдаю?..

— О! знаю и увѣренъ въ тебѣ, Луиза, съ жаромъ отвѣчалъ Жоржъ, цѣлуя ея руку. Но будь спокойна... Я говорилъ сегодня съ отцомъ своимъ, и онъ обѣщалъ поговорить съ маркизомъ...

Въ эту минуту маркизъ, видя, что лице Луизы необыкновенно блѣдно и печально, сказалъ ей, чтобъ она шла спать, а герцогъ предложилъ ей руку, чтобъ проводить ее. Она не смѣла отказаться, видя, что отецъ одобряетъ его предложеніе. Но послѣдній ея нѣжный взглядъ принадлежалъ Жоржу.

Съ этого дня жизнь въ домѣ маркиза совершенно измѣнилась. Всѣ занимались только герцогомъ, а Серней и Жоржъ были совершенно забыты. Впрочемъ, первыя двѣ недѣли герцогъ провелъ въ безпрестанныхъ визитахъ, и рѣдко видѣлся съ Луизою. Маркизъ по прежнему проводилъ вечера за шахматами. Луиза становилась веселѣе, видя, что предчувствія обманули ее. Даже Жоржъ былъ спокойнѣе, потому—что отецъ его обѣщалъ поговорить съ маркизомъ о любви его къ Луизѣ и о свадьбѣ ихъ.

Однажды Жоржъ вошелъ въ величайшемъ волненіи въ залу, гдѣ сидѣла Луиза.

— Что съ тобою, другъ мой? спросила она его.

— Я ѣду, Луиза, отвѣчалъ онъ, и подалъ ей приказъ, полученный имъ, чтобъ немедленно явиться въ полкъ.

— Когда же ты ѣдешь, Жоржъ? спросила Луиза, заливаясь слезами.

— Завтра.

— Какъ? Такъ скоро?

— Это неизбѣжно. Но я не переживу этого.

— Нѣтъ, Жоржъ! вскричала Луиза. Ты не умрешь; ты будешь жить моею любовью. Она будетъ твоею будущностью; она запечатлѣна нашими клятвами.

— Но вообрази себѣ, отецъ мой ничего еще не говорилъ маркизу.

— Не мудрено: онъ такъ тихъ, такъ боится вспышекъ моего отца.

— Такъ ты думаешь, что отецъ твой откажетъ?

— Сначала, по духу противорѣчія, онъ прибранитъ бѣднаго графа; но потомъ согласится, когда и я буду умолять его.

— Но вѣдь я уѣзжаю, Луиза.

— Ты выпросишь себѣ отпускъ на время свадьбы, и я тогда послѣдую за тобою всюду.

— О! это возвращаетъ мнѣ всю бодрость.

Онъ поцѣловалъ ея руку и цѣлый день составляли они самые мечтательные планы.

На другой день Жоржъ уѣхалъ.

Съ этой минуты прекратились городскіе визиты герцога Сернея. Онъ началъ обѣдать и проводить вечера у маркиза.

— Наконецъ вы нашъ, сказалъ маркизъ, пожимая ему руку.

— Да! Слава Богу, до отъѣзда моего въ Италію, я могу жить въ кругу друзей и домашней жизни, которую такъ люблю.

Чтобъ угодить отцу, Луиза не разъ должна была пѣть съ герцогомъ, а какъ онъ былъ хорошій композиторъ, то невольно Луиза пріобрѣла отъ него много музыкальныхъ свѣдѣній.

Герцогъ былъ отличный живописецъ, и однажды предложилъ маркизу давать уроки Луизѣ. Тотъ съ радостью принялъ это предложеніе, и вскорѣ Луиза, къ собственному своему удивленію, могла копировать лучшія произведенія италіянской школы.

Сіерра былъ также одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени.

Луиза невольно увлекалась его разсказами о всѣхъ новѣйшихъ открытіяхъ и успѣхахъ образованности.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Жоржъ писалъ

къ Луизѣ самыя пламенныя письма, и Луиза отвѣчая ему на нихъ, чистосердечно разсказывала о своихъ успѣхахъ въ живописи, музыкѣ и наукахъ. А какъ въ этихъ письмахъ Луиза ни разу не упоминала, чтобъ Сіерра имѣлъ какіе-нибудь виды на ея любовь, то Жоржъ и не ревновалъ къ нему.

Безпрестанно писалъ Жоржъ и къ отцу, прося его поговорить наконецъ съ маркизомъ, но графъ Серней слишкомъ любилъ спокойствіе, чтобъ подвергаться бурнымъ выходкамъ своего друга, и потому отвѣчалъ, что выжидаетъ удачной минуты, чтобъ съ разу одержать побѣду. Онъ, конечно былъ бы радъ назвать Луизу своею невѣсткою, но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые думаютъ, что счастье приходитъ само собою, даже когда не дѣлаютъ для того ни шагу, и что если что не случилось сегодня, то будетъ завтра.

Прошло три мѣсяца со дня отъѣзда Жоржа.

— Добрый другъ мой!—(такъ Луиза съ малолѣтства звала графа Серней), сказала она ему однажды, нѣжно поцѣловавъ его, не забудьте же поговорить съ моимъ папа о нашей свадьбѣ.

— Будьте спокойны, милое дитя мое, отвѣчалъ графъ. Сегодня же поговорю.

— Но будьте смѣлѣе, рѣшительнѣе. Съ перваго слова потребуйте у него руки моей вашему сыну.

— Непремѣнно, непремѣнно...

— И сегодня же?

— Сегодня ввечеру.

— Благодарю васъ!

И Луиза тотчасъ же написала объ этомъ письмо Жоржу.

Роковой вечеръ насталъ. Старики усѣлись за свои шахматы, но маркизъ былъ необыкновенно сердитъ и вспыльчивъ. Цѣлый вечеръ бранилъ онъ безпрестанно Сернея, и бѣдный графъ не смѣлъ заикнуться о своемъ сватовствѣ. Луиза нарочно ушла изъ залы раньше, чтобъ не мѣшать объясненію, и когда окончивъ игру, графъ шелъ домой, Луиза ждала его въ корридорѣ, и остановила, чтобъ узнать свою участь.

Въ первый разъ графу стало стыдно, что онъ такъ слабъ и робокъ. Онъ рѣшился солгать, и быстро пройдя мимо ее, тихо шепнулъ:

— Все идетъ хорошо. Я говорилъ.

Съ сердцемъ, полнымъ радости, побѣжала Луиза въ свою комнату, и всю ночь промечтала о будущемъ счастіи.

Рано встала она и со страхомъ ждала минуты, когда ей надобно

итти къ отцу. Она боялась его вспышекъ гнѣва и возраженій. Каково же было ея изумленіе и радость, когда самъ маркизъ къ ней вошелъ въ комнату и нѣжно поцѣловавъ ее, сказалъ:

— Я хочу поговорить съ тобою, милая Луиза, о твоей будущности.

— Старый графъ не обманулъ, подумала Луиза, и поцѣловавъ руку отца сказала: «Вы знаете, папа, что всякое слово ваше — мнѣ законъ.

— Потому-что я тебя люблю и стараюсь о твоемъ счастіи. Послушай же, тебѣ восемнадцать лѣтъ; ты прелестна, ты богата. Пора тебѣ промѣнять безпечную жизнь дѣвушки на обязанность замужней женщины. Одинъ старый другъ просилъ у меня вчера твоей руки, и я ему далъ слово. Черезъ мѣсяцъ будетъ твоя свадьба.

Радость лишила Луизу возможности говорить. Она поцѣловала руку отца. Тотъ обнялъ ее — и вышелъ изъ комнаты, а Луиза побѣжала къ бюро и спѣшила написать Жоржу:

«Милый Жоржъ! Радуйся! Я буду твоею женою! Сейчасъ папа былъ у меня и торжественно сказалъ: «Луиза! старый другъ просилъ у меня вчера твою руку, и я далъ ему слово. Черезъ мѣсяцъ будетъ ваша свадьба». — Понимаешь ли ты, Жоржъ, все мое счастіе! Наконецъ всѣ наши желанія и мечты сбудутся. Прощай. Скоро мы увидимся, чтобъ никогда не разлучаться.

Едва она успѣла отправить свое письмо, какъ герцогъ прислалъ спросить у нее: можетъ ли она его принять. Она отвѣчала, что будетъ рада его видѣть, — и черезъ минуту онъ вошелъ въ ея будуаръ. Онъ былъ сильно смущенъ, но Луиза, увлеченная своими радостными мечтами, не замѣтила этого, и приняла его радушно, весело и откровенно. Герцогъ удивился этому пріему, и даже замѣтилъ ей, что со вчерашняго вечера въ ней много перемѣны.

— И не мудрено! Мнѣ папа сообщилъ сегодня поутру такую пріятную новость...

Слова эти поразили герцога. Онъ не ожидалъ ихъ.

— Вы конечно удивились этой новости?

— О нѣтъ! я ее ожидала, но до нынѣшняго утра все это была одна мечта.

— И слѣдственно вы были довольны этою новостью...?

— Я вполнѣ счастлива!

Взоры герцога выразили сердечный восторгъ.

— Какъ вы прелестны, Луиза! сказалъ онъ, и ваша любезность еще болѣе увеличиваетъ вашу красоту...

— Но... смѣю спросить... прервала его Луиза. Вы хотѣли со мною говорить.

— Вы правы,—но разговоръ нашъ почти конченъ; моего чувства нельзя выразить словами... Я пришелъ съ вами проститься.

— Какъ! Вы ѣдете?

— Сейчасъ. Необходимыя дѣла требуютъ моего прибытія во Флоренцію.

— Ахъ, какъ жаль! вскричала Луиза. Вашъ отъѣздъ портитъ всю мою веселость... Я была сейчасъ такъ рада, такъ счастлива...!

— Это слово заставитъ меня воротиться, какъ можно скорѣе.

— И прекрасно! Когда вы воротитесь?

— Вы знаете, что черезъ мѣсяцъ я долженъ быть здѣсь...

— О! благодарю васъ...

Въ эту минуту вошелъ камердинеръ и сказалъ, что карета подана, Луиза протянула герцогу руку, тотъ нѣжно поцѣловалъ ее и ушелъ.

По отъѣздѣ герцога маркизъ сталъ нестерпимъ, и даже Луиза не успокоивала его. Впрочемъ, она видѣла, что все готовится къ свадьбѣ. Всѣ приготовленія дѣлались съ удивительною роскошью, которая изумляла ее. Она писала обо всемъ этомъ къ Жоржу, но тотъ все отвѣчалъ ей, что ничего не понимаетъ. Ни его отецъ, ни маркизъ ни слова еще не писали къ нему о согласіи своемъ на свадьбу, и это молчаніе удивляло его и безпокоило.

Однажды Луиза увидѣла по лицу отца своего, что онъ въ духѣ и рѣшилась поговорить съ нимъ.

— Вы кажется сегодня чѣмъ-то довольны, папа? сказала она.

— А почему тебѣ это кажется?

— По вашему лицу. Вы сегодня такъ милы...

— А въ другіе дни, то-есть похожъ на медвѣдя? Спасибо!

— Развѣ я виновата, что вы такъ часто сердитесь?

— Я сержусь, потому-что все идетъ дурно. Не походить же мнѣ на мокрую курицу Сернея?.. Впрочемъ, я сегодня получилъ пріятное письмо...

— Отъ кого, папа?

— Отъ нашего Жоржа...

— Отъ Сернея?..

— Э, нѣтъ! съ пренебреженіемъ отвѣчалъ маркизъ, отъ Сіерры.

— Ахъ, да! Я забыла, что и его зовутъ Жоржъ...

— Хороша же у тебя память!.. Жоржъ пишетъ, что скоро воротится.

— Очень рада... Но при этомъ случаѣ позвольте мнѣ поговорить съ вами папа, и о моемъ Жоржѣ. Вы ему ничего не пишите...

— О чемъ? Вѣдь ты къ нему безпрестанно пишешь...

— Но этого мало... Вѣдь ему надобно для свадьбы отпроситься въ отпускъ.

— Пусть отпросится.

— Вы ему напишете?

— Некогда. Пиши ему, и скажи, что въ будущую субботу твоя свадьба...

— Черезъ недѣлю? вскричала Луиза.

— Ну, да! Дѣла устроились скорѣе, нежели я думалъ. Напиши-ко Сернею, чтобъ онъ въ субботу, въ восемь часовъ вечера былъ здѣсь.

— Какъ! Къ самой церемоніи?..

— Раньше и не зачѣмъ, отвѣчалъ маркизъ, и сказавъ это быстро повернулся и ушелъ. А Луиза тотчасъ же написала все это Жоржу.

Прошла недѣля. Домъ Клерво великолѣпно былъ освѣщенъ. Все лучшее общество Парижа съѣхалось къ нему. Луиза уже нѣсколько часовъ страдала за мучительнымъ свадебнымъ туалетомъ. Наконецъ она была готова. Горничныя уже сообщили ей о пріѣздѣ герцога, потомъ о прибытіи Жоржа. Пришелъ за нею отецъ и торжественно вывелъ ее въ залу.

Тутъ посреди комнаты ожидалъ ихъ герцогъ, и маркизъ подведя къ нему Луизу, обратился ко всѣмъ гостямъ и сказалъ:

— Честь имѣю представить вамъ жениха и невѣсту.

Луиза пошатнулась; крикъ ужаса едва не вырвался изъ груди ея. Она хотѣла говорить, но сотни глазъ обращены были на нее. Отецъ подвелъ ее къ столу; нотаріусъ подалъ ей перо; она взяла его машинально и остановилась.

— Поскорѣе подписывай, Луиза. Пора!

Голосъ отца заставилъ ее невольно повиноваться. Она подписала. Глухой вопль раздался въ залѣ. Это былъ Жоржъ. Онъ убѣжалъ.

Какъ автоматъ присутствовала Луиза при брачномъ обрядѣ, совершавшемся надъ нею, и едва онъ былъ конченъ, какъ она лишилась чувствъ.

Герцогъ отнесъ ее въ свою комнату. Все около нее засуетилось, но Сіерра самъ занимался медициною — и просилъ всѣхъ присутствующихъ, даже маркиза, предоставить ему заботиться о своей супругѣ.

Долго она не приходила въ себя. Едва одинъ обморокъ проходилъ, какъ дѣлался другой. Не прежде пяти часовъ утра получила она опять возможность собраться съ мыслями, и потокъ слезъ облегчилъ ея горесть.

При всемъ своемъ безпамятствѣ, видѣла она всю нѣжную заботливость герцога, и доброта его тронула ее.

Сіерра чувствовалъ, что случай этотъ долженъ скрывать какую-нибудь тайну, и кротко, но убѣдительно просилъ Луизу объяснить ему все.

— Никогда! никогда! вскричала она.

— Напротивъ, Луиза, съ нѣжностію сказалъ герцогъ, чѣмъ скорѣе облегчите вы свое сердце, тѣмъ лучше. Вы имѣете теперь во мнѣ друга, почти отца, и можете все говорить свободно. Какая бы печаль ни ожидала меня, я съ мужествомъ перенесу ее, и облегчу по возможности ваше горе.

Рыдая упала она къ его ногамъ, но онъ ее поднялъ, успокоилъ, и тихо, кротко сталъ обо всемъ распрашивать.

Луиза разсказала ему все.

Во все время разсказа герцогъ молчалъ, но былъ блѣденъ, какъ мраморная статуя.

— Да! сказалъ онъ наконецъ съ глубокимъ вздохомъ. Во всемъ этомъ что-то ужасное, необъясимое!.. Зачѣмъ вы подписали свадебный контрактъ?

— Что я могла, что я смѣла сдѣлать?.. Бѣдная, слабая дѣвушка!.. Смѣла ли я объявить отцу моему, что все это ошибка? И при всемъ Парижѣ оскорбить его и васъ? Я покорилась своей участи, и я ваша жена.

— Нѣтъ, Луиза! вы сестра моя. Пусть свѣтъ не знаетъ нашей тайны. Оба мы будемъ страдать и переносить свое несчастіе...

Герцогъ не могъ продолжать: голосъ его дрожалъ; страданіе преодолѣло силу воли.

— Луиза, сказалъ онъ, собравшись съ силами. Вы должны написать письмо Виконту Сернею, чтобъ успокоить его. Разскажите ему все, что случилось, чтобъ онъ не обвинялъ васъ. Запечатайте его и вручите мнѣ, я самъ передамъ ему.

Сказавъ это, герцогъ вышелъ. Нѣсколько часовъ провелъ онъ запершись въ своей комнатѣ. Когда же явился опять къ Луизѣ, то уже былъ спокойнѣе.

— Готово ли ваше письмо? спросилъ онъ.

— Вотъ оно, отвѣчала она, указавъ ему на цѣлую связку писемъ, сверхъ которыхъ лежало вновь запечатанное черною печатью. Тутъ же и всѣ прежнія письма Жоржа. Я уже не имѣю права хранить ихъ.

— Къ чему эта жертва? Для меня она не нужна. Письма были писаны къ дѣвицѣ Клерво; пусть герцогиня Сіерра хранитъ ихъ.

Онъ отдѣлилъ письмо и положилъ его въ свой карманъ.

— Теперь, когда мы оба нѣсколько хладнокровнѣе, продолжалъ онъ, поговоримъ о нашей будущей жизни. Гдѣ вы хотите жить: въ Парижѣ, или въ другой странѣ?

— О ради Бога, сказала Луиза, увезите меня, уѣдемте къ вамъ во Флоренцію...

— Но вспомните, что вы покидаете отца и родину. Когда женщина слѣдуетъ за любимымъ ею человѣкомъ, всякая страна для нее пріятна, но... со мною вамъ вездѣ будетъ грустно и мрачно. Подумайте!

— Я уже рѣшилась. Поѣдемте.

— Мое товарищество не пугаетъ васъ?

— Нѣтъ! я вамъ удивляюсь, герцогъ. Вы благороднѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ; я—горжусь быть вашею женою и сестрою.

— И я свято сохраню ваше послѣднее названіе.

— Когда же мы поѣдемъ?

— Сегодня ввечеру, если хотите.

Всѣ ожидали отъѣзда герцога, и никто не удивился, когда онъ объявилъ, что въ тотъ же вечеръ ѣдетъ.

Въ минуту отъѣзда Луиза на минуту потеряла бодрость и едва не лишилась чувствъ; герцогъ подошелъ къ ней и тихо сказалъ ей:

— Луиза, помните, что вы пользуетесь полною независимостью, и что я не требую никакой жертвы. Еще есть время. Если вамъ тяжело разстаться съ родительскимъ домомъ, то скажите слово, и мы останемся.

Эти слова возвратили ей бодрость.

— Благодарю васъ, герцогъ, отвѣчала она. Но я уже рѣшилась и ѣду.

Обнявъ со слезами отца, бросилась она въ карету, и лошади быстро понеслись по улицѣ.

Черезъ нѣсколько дней они прибыли во Флоренцію, гдѣ въ замкѣ герцога все уже было готово къ пріему ихъ. Великолѣпіе и вкусъ, царствующіе повсюду, удивили Луизу, привыкшую съ малолѣтства къ скромному образу жизни въ отели Клерво. Сіерра былъ не только вельможа, но и художникъ. Замокъ его былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и музей.

Луиза провела первый мѣсяцъ на осмотрѣ всѣхъ зданій и памятниковъ Флоренціи. Однажды она нечаянно застала герцога въ мастерской, гдѣ онъ занимался скульптурой. Ей пришло на мысль тоже сдѣлаться художникомъ, и она просила мужа посвятить ее въ тайны искусства. Тотъ съ удовольствіемъ согласился.

Въ этихъ занятіяхъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Луиза все

еще любила Жоржа, но любовь эта не мучила ее, не волновала, это чувство превращалось въ сладостное воспоминаніе. Однажды, прійдя въ мастерскую, когда мужа ея тутъ не было, открыла она завѣшанный бюстъ, скрытый нѣсколькими готовыми фигурами. Видно было по мокрому холсту, что это еще недавній трудъ герцога; изъ любопытства приподняла она холстъ, и вскрикнула отъ изумленія: это былъ ея бюстъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцовое произведеніе искусства!

— Онъ все еще любитъ меня, сказала она. Бѣдный герцогъ! искусство слабо, чтобъ разсѣять его, надобно испытать путешествіе.

Чрезъ нѣсколько дней они отправились въ Римъ, объѣхавъ всѣ города Сициліи и Италіи. Путешествіе было продолжительно и поучительно. Луиза хотѣла развлечь мужа, и невольно сама увлеклась прелестями Италіи. Когда они возвратились во Флоренцію, лице ея не выражало уже ни тѣни прежней печали, а глаза блистали живостью и огнемъ. Она часто еще вспоминала о Жоржѣ, но воспоминаніе это не было мучительно.

Герцогъ отказался отъ общества съ самаго начала своего пріѣзда во Флоренцію. Онъ понималъ, что послѣ страданій, перенесенныхъ Луизою, уединеніе для нея пріятнѣе, нежели шумъ праздниковъ и баловъ. Съ его стороны это была большая жертва, потому что по связямъ своимъ онъ принадлежалъ къ высшему обществу, требовавшему его присутствія. Луиза почувствовала это, и сама объявила ему свое желаніе выѣзжать въ свѣтъ.

Начался другой родъ жизни для Луизы; она сдѣлалась царицею всѣхъ праздниковъ. Красота ея и скромность приводили въ восторгъ всѣхъ италіянцевъ, и Луиза еще болѣе имѣла тутъ случая оцѣнить высокія качества своего мужа.

На балѣ, данномъ испанскимъ посланникомъ, замѣтила Луиза одну прелестную венеціянку, которая не сводила глазъ съ герцога. Странное выраженіе взоровъ ея удивило ее. Она узнала, что ее зовутъ маркизою Пакита, что она недавно овдовѣла и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ.

Герцогъ сѣлъ подлѣ Пакиты и долго разговаривалъ съ нею. Потомъ танцовалъ, а по окончаніи танца повелъ ее чрезъ галерею въ садъ, куда гости уходили безпрестанно для прохлады. Луиза съ любопытствомъ и волненіемъ послѣдовала за ними.

— Жоржъ! сказала ему венеціянка. Вы забыли меня, вы женаты!

— Да, Пакита, и я люблю свою жену.

— Я завидую ея счастію... Такъ вы меня не любили?

— Любилъ какъ друга, какъ сестру, теперь не имѣю права удѣлить вамъ и этой привязанности.

— О вы убьете меня своею холодностью!

— Холодность не убиваетъ Пакита. Несчастная любовь похожа на медленный ядъ, который мало по малу истребляетъ жизненныя силы.

— Почему вы знаете, Жоржъ? Вы никогда не любили, не страдали?

— Если это можетъ утѣшить васъ, то знайте, что я люблю и страдаю...

— Возможно ли?.. жена ваша?..

— Она любитъ другаго.

— И вы не убили его?

Маркизъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Сейчасъ слышно италіянку...

— Развѣ вы не понимаете сладости мщенія?

— Благороднаго, справедливаго и основаннаго на законахъ чести, другаго мщенія я не хочу.

— Бѣдный Жоржъ! мнѣ жаль васъ. Я внимательно всмотрѣлась въ вашу жену — это ледъ, это статуя. На блѣдномъ лицѣ ея нѣтъ ни тѣни страсти. Жоржъ, зачѣмъ вы женились на ней?

— Это длинная исторія... я вамъ напишу ее...

— Зачѣмъ же писать?.. разскажите... пріѣзжайте ко мнѣ...

— Напротивъ, я требую, чтобъ вы завтра же уѣхали въ Венецію.

— Ни за что?..

— Пакита! съ упрекомъ сказалъ герцогъ. И вы не хотите исполнить первой моей просьбы? То ли вы мнѣ обѣщали какъ другъ и сестра? Это жертва съ вашей стороны, но чѣмъ она труднѣе, тѣмъ нужнѣе. Жертвы этой требуетъ честь и вѣра.

— Вѣра?.. Вы правы!.. я повинуюсь, и съ этой минуты принадлежу Богу.

— Пойдемте, Жоржъ.

Они ушли, а Луиза въ задумчивости и сильномъ волненіи осталась на скамьѣ.

— Какъ она его любитъ! И какъ онъ честенъ и благороденъ!

Въ это мгновеніе послышались близъ ее шаги. Это былъ докторъ Бамбини, гулявшій по саду. Луиза взяла его подъ руку и воротилась въ залу.

— Что съ вами, герцогиня, спросилъ онъ. Вы въ сильномъ волненіи; позвольте пульсъ. У васъ лихорадка.

— Можетъ быть...

— Поѣзжайте сейчасъ домой...

Подошелъ герцогъ, и докторъ сдалъ ему на руки жену. Сіерра съ испугомъ распрашивалъ Луизу, что случилось, но она едва смѣла взглянуть на него и спѣшила уѣхать.

На другое утро пріѣхалъ докторъ, но нашелъ, что больная его уже встала, что лихорадки не было, а осталась одна слабость и блѣдность. Сдѣлавъ ей нѣсколько вопросовъ, увидѣлъ онъ, что Луиза скрываетъ какую-то тайну и молчитъ.

— Распросите ее сами, сказалъ онъ мужу, когда тотъ осыпалъ его вопросами о состояніи здоровья Луизы, я ничего не могъ узнать.

Сіерра не старался и узнавать тайны. Ему слишкомъ грустно было бы получить признаніе, что любовь къ Сернею единственная причина болѣзни Луизы.

Луиза то же рада была, что мужъ не распрашиваетъ ее. Она чувствовала, что не въ состояніи была бы отвѣчать ему, потому что сама не понимала своего сердца. Подслушанный ею разговоръ безпрестанно волновалъ ея воображеніе; любовь къ ней мужа и благородство его характера подвергали ее въ невыразимую задумчивость. Любовь Пакиты къ мужу ея, раждали какое-то чувство, котораго она сама не постигала. Напрасно старалась она измѣнить ходъ этихъ тягостныхъ мечтаній, принималась не разъ думать о Жоржѣ Сернеѣ. Какой-то туманъ покрывалъ въ воображеніи ея прежнюю страсть, какой-то холодъ вѣялъ на нее при воспоминаніи о ней.

Съ этого дня Луиза опять перестала выѣзжать, и впала въ глубокую задумчивость, которая совершенно было исчезла. Цѣлый мѣсяцъ жила она въ уединеніи, и даже перестала заниматься науками и искусствомъ съ герцогомъ. Она какъ будто убѣгала его. Когда глаза ея встрѣчались съ наблюдательнымъ его взоромъ, она краснѣла; когда, прощаясь каждый вечеръ, герцогъ цѣловалъ ее въ лобъ, она вздрагивала Однажды при этомъ прощаньи онъ печально вглядывался въ блѣдное лице ея, и долѣе обыкновеннаго прижалъ ее къ своему сердцу—она затрепетала, вырвалась и почти безъ чувствъ бросилась въ кресла.

— Что съ тобою, Луиза? спросилъ герцогъ.

Вмѣсто отвѣта она зарыдала.

— Развѣ я не заслуживаю уже болѣе твоей довѣренности? Развѣ я не братъ твой, не отецъ?

— О, да! ты великодушнѣйшій изъ людей, ты снисходительнѣйшій братъ, ты нѣжнѣйшій другъ!

— Говори же, дитя мое.

Одна минута рѣшимости блеснула во взорахъ ея; она хотѣла говорить, но языкъ онѣмѣлъ, слова замирали на губахъ.

— Нѣтъ! этого я никогда не осмѣлюсь сказать...

И убѣжала.

— Судьба моя рѣшена! мрачно сказалъ герцогъ, и въ сильномъ волненіи началъ ходить по комнатѣ. Ужасная мысль, давно созрѣвавшая въ головѣ его, теперь вполнѣ развилась и утвердилась.

Цѣлую ночь провелъ онъ за письменнымъ столомъ, привелъ всѣ свои дѣла въ порядокъ, и когда поутру, настало время видѣться съ Луизою, онъ пошелъ къ ней съ спокойнымъ лицемъ и твердымъ духомъ.

Луиза сидѣла у окна и задумчиво смотрѣла на восходящее солнце.

— Каково ты провела ночь, Луиза?

— Я не ложилась.

— Это отчего?

— Я знала, что не засну, такъ лучше перенести безсонницу въ креслахъ, нежели въ постелѣ.

— Бѣдное дитя мое! это я виноватъ въ твоей безсонницѣ.

— Да, ты! отвѣчала Луиза со вздохомъ, и закрыла лице свое руками.

Съ отчаяніемъ въ душѣ герцогъ удалился. Онъ не понялъ отвѣта.

Къ обѣду пріѣхалъ докторъ, и въ веселыхъ разговорахъ старался разгадать душевную тайну супруговъ. Но оба были молчаливы, или говорили о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ.

Послѣ обѣда принесли герцогу письмо съ черною печатью. Онъ прочелъ его и горько улыбнулся; взоры его подернулись слезою.

— Ты взволнованъ, Жоржъ, сказала Луиза...

— Да! это письмо, признаюсь, растрогало меня.

— Вѣрно отъ Маркизы Пакиты?

— Почемъ ты знаешь?

— Это моя тайна. Я давно *Пакиту* знаю.

— Какимъ образомъ?

— Скоро—ты можетъ быть все узнаешь... Но что же она пишетъ?

— Она увѣдомляетъ меня, что вступила въ монастырь и посвятила жизнь свою Богу.

— Другъ Піетро! сказалъ герцогъ, былъ ли ты когда нибудь влюбленъ!

— Ужъ вѣрно чаще васъ, герцогъ.

— Оттого-то ты и не понимаешь этой страсти.

— Вотъ мило! Доктору не понимать болѣзней. Любовь то же, что опьянѣніе. У инаго винное разгулье весело, забавно, болтливо, пріятно;

другой же вздыхаетъ, плачетъ, сердится, стрѣляется... Вотъ мое опредѣленіе любви, но изъ тысячи больныхъ восемьсотъ умираютъ, потому что ихъ не лечили, или залечили.

Герцогъ замолчалъ. Потомъ подошелъ къ Луизѣ и сказалъ ей:

— Милая Луиза. . Помни, что добрый Піетро лучшій мой другъ, и если тебѣ когда нибудь понадобятся его услуги, то вѣрь мнѣ, что на него можно во всемъ положиться.

— Къ чему ты мнѣ это говоришь, Жоржъ? спросила Луиза съ недоумѣніемъ. У меня кажется есть другъ и защитникъ...

— Да!.. Но вѣдь я не докторъ, и немогу тебя лечить. А онъ мнѣ далъ слово, что съ завтрашняго дня примется за тебя серьозно, и черезъ мѣсяцъ розы разцвѣтутъ на щекахъ твоихъ. У тебя уже не будетъ безсонницы... не будетъ задумчивости... Прощай, однако же, моя милая, безцѣнная Луиза, мнѣ пора...

— Какъ? вскричала Луиза. Ты уже хочешь спать?

— Нѣтъ еще, мнѣ долго надобно писать. Съ тобою покуда посидитъ Піетро... До завтра... Прощай...

Голосъ Сіерры былъ нѣженъ, трогателенъ... Луиза невольно бросилась въ его объятія... но Сіерра по всегдашнему поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ

Едва онъ успѣлъ выйти, какъ веселый докторъ вдругъ съ жаромъ схватилъ Луизу и дрожащимъ голосомъ сказалъ ей:

— Герцогиня! Знаете ли куда и зачѣмъ пошелъ вашъ мужъ?

— Что вы хотите сказать? съ трепетомъ спросила Луиза.

— Благодарите Бога, что я сегодня случился здѣсь, и что мои глаза лучше видятъ, нежели глаза влюбленныхъ. Одинъ вопросъ: любите ли своего мужа?

— Люблю пламенно, страстно...

— И молчали до сихъ поръ? И убили его?.. Да! онъ пошелъ, чтобъ лишить себя жизни..!

— Луиза испустила вопль ужаса.

— Вы знали и отпустили его?

— Я догадался точно также, какъ понялъ вашу любовь. Бѣгите же къ нему: вы успѣете. Онъ дожидается теперь, пока я уѣду, чтобъ не помѣшать ему...

Луиза уже не слыхала словъ его. Она бѣжала въ кабинетъ Сіерра. Онъ сидѣлъ еще за письменнымъ столомъ.... но роковая жаровня уже стояла посреди комнаты.

Съ воплемъ бросилась къ нему Луиза, обвилась руками около его шеи, съ сверхъестественною силою вытащила его изъ удушливой атмо-

сферы, почти на рукахъ принесла его въ залу, гдѣ докторъ въ сильномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ, и передала ему мужа на руки, а сама упала безъ чувствъ.

Оба они бросились помогать ей.

— Не безпокойтесь, герцогъ, хладнокровно сказалъ докторъ, теперь скоро все пройдетъ.

— Но что все это значитъ?..

— То, что влюбленные слѣпы и безумны. Вы ушли отсюда, чтобъ лишить себя жизни отъ любви къ ней, а она умирала отъ любви къ вамъ.

— Что ты говоришь?.. Боже милосердый! Неужели? Луиза!..

Въ это мгновеніе Луиза открыла глаза, радостно вскрикнула, обвила руки свои около шеи мужа, и нѣжно прошептала ему:

— Да, Жоржъ, я люблю тебя, и не смѣла тебѣ этого сказать!

Нужно ли говорить, что это была самая счастливая чета?

— А Жоржъ Серней? спросила у г-жи Марсъ госпожа Бовуаръ. Вѣдь читательницы захотятъ и о немъ знать что нибудь.

— Виновата! о немъ-то я и забыла вамъ сказать, что онъ еще прежде этого происшествія женился *по любви* на хорошенькой нѣмкѣ. Я же при поѣздкѣ въ Миланъ, познакомилась тамъ съ докторомъ Бомбини, который не только разсказалъ мнѣ всю эту исторію, но и познакомилъ меня съ герцогомъ и герцогинею Сіерра.

СМѢСЬ.

ВЕЧЕРА ВЪ АЛУШТѢ.

Посвящ. Г. Е. Б-ѣ. С...

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь
А. Пушкинъ.

—

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Лѣтомъ 185* года судьба занесла меня въ Алушту. Это мѣстечко, заселенное исключительно татарами, лежитъ въ 41 верстѣ отъ Ялты и составляетъ самую сѣверную точку такъ называемаго южнаго-берега Крыма, который простирается почти на сто верстъ, оканчиваясь на югѣ знаменитыми баздарскими воротами. Рѣзко отличается южный берегъ мѣстоположеніемъ, климатомъ, и растительностью, отъ окружающихъ его мѣстностей. Пространство отъ Алушты до Ѳеодосіи, гдѣ особенно замѣчательна долина Искутская и Судакская, имѣетъ характеръ болѣе суровый, температуру болѣе низкую, растительность не столько богатую и разнообразную; здѣсь нѣтъ ни вѣтвистыхъ лавровъ, ни мимозъ съ своими пушистыми, розовыми цвѣтками, ни нѣжныхъ миртовъ, ни темныхъ кипарисовъ, возвышающихся стройными конусами между яркою, свѣжею

зеленью виноградниковъ. Дубы, буки и мѣстами крымскіе тополи, крымскія сосны покрываютъ цѣпь горъ, идущую къ сѣверу отъ Алушты, и все болѣе и болѣе отдаляющуюся отъ моря. Самая алуштская долина составляетъ какъ бы переходъ отъ одной полосы къ другой, соединяя дикую, невоздѣланную мѣстами природу съ богатою растительностью. Здѣсь нѣтъ огромныхъ дворцовъ, роскошныхъ садовъ, какими усѣянъ весь берегъ между Алуштою и Алупкою; но неистощимое разнообразіе природы, близость горъ, и особенно Чатырдага, дѣлаютъ эту долину едвали не самымъ живописнымъ мѣстомъ во всемъ Крыму. Примыкая одною стороною къ морю, она обрамлена съ прочихъ трехъ сторонъ горами: съ сѣвера возвышается каменистая Дамердстея, выставляющая свою голую вершину и опускающаяся къ морю цѣпью зеленыхъ холмовъ, покрытыхъ виноградниками; съ востока—огромный Чатырдагъ, прозванный русскими Палатъ—горою, опоясанный темною зеленью дубовъ и буковъ, и съ юга курчавый Карабакъ, точно покрытый зеленымъ руномъ, съ своею закругленною вершиною. Посрединѣ долины узкою лентой извивается алуштинскій ручей, то пересыхающій, то разливающійся послѣ дождей въ горахъ, обсаженный фруктовыми деревьями и вѣтвистыми орѣшниками, не впадающій въ море, но теряющійся въ крупномъ береговомъ пескѣ. Вправо отъ него, за садами татаръ, за большой дорогой, спускающейся съ Чатырдага къ морю, на крутой, каменистой скалѣ раскинута сама Алушта съ своими плоскокровельными хатами, прилепленными одна надъ другою рядомъ террасъ, съ своею маленькою бѣлою церковью, такъ рельефно выдающеюся между бѣдными хижинами татаръ, такъ живописно подымающею свою стройную колокольню въ прозрачной синевѣ воздуха, съ своими вѣковыми стѣнами и тремя полуразвалившимися башнями, остатками древней крѣпости, построенной Юстиніаномъ: ни тринадцать вѣковъ, ни разрушительное невѣжество татаръ не одолѣли этой гигантской, почти циклопической постройки! За скалою опять сады, опять скалы, то голыя, то зеленѣющія свѣжею растительностью юга, а среди садовъ фонтаны и небольшая каменна мечеть съ тонкимъ колеблющимся въ воздухѣ минаретомъ. Влѣво отъ ручья бѣлѣется нѣсколько помѣщичьихъ домиковъ и темнѣютъ кипарисы среди цѣлыхъ полей винограда, прихотливо раскидывающаго свои широкіе, зубчатые листья, подъ которыми скрываются сочные, прозрачные грозды. На берегу морскомъ, отъ ручья до большой дороги, рядъ стройныхъ, высокихъ тополей съ свѣжею, почти бѣлою корою, съ серебристыми листьями, бросаетъ живительную тѣнь. Но еще лучше, еще тѣнистѣе, еще роскошнѣе другая аллея, слишкомъ въ верстѣ отъ моря: по обѣ стороны дороги тянутся тѣже крымскіе тополи, также высокіе,

также стройные, но болѣе старые и вѣтвистые. И надъ всей этою долиной чудное южное небо, почти всегда безоблачное, вѣчно синее не тою безцвѣтною сѣрою синевою, къ которой привыкли обитатели Петербурга, но чистою густою лазурью, на которой такъ ярко сіяютъ то жаркое солнце, то трепетныя звѣзды. И надъ всѣмъ этимъ теплое дыханіе юга, живительный ароматъ цвѣтовъ, сладкая прохлада моря, вѣчно плещущаго, вѣчно ласкающаго низкій берегъ своимъ зыблющимся прибоемъ. Несется волна за волною и, окативъ песчаную гряду, отбѣгаетъ, граня и полируя мелкіе камешки прибрежья. И шумитъ море, сливая свой журчащій говоръ съ шелестомъ дрожащей листвы, а порою съ звукомъ маленькаго церковнаго колокола или съ призывнымъ крикомъ муэззина.

Въ эту-то мирную долину забросила меня судьба, и здѣсь провелъ я нѣсколько недѣль, надолго врѣзавшихся въ моей памяти.

Тихій лѣтній вечеръ спускался надъ Алуштою. Солнце скрывалось за Чатырдагомъ, и голая, скалистая вершина горы, освѣщенная послѣдними лучами, горѣла звѣздою, по меткому выраженію поэтала. Длинныя тѣни ложились по полямъ, освѣженнымъ вечернею прохладой. Воздухъ, почти раскаленный въ теченіе дня, становился прозрачнѣе и прозрачнѣе. Развѣсистыя вѣтви орѣшниковъ тихо колебались отъ дуновенія горнаго вѣтерка; серебристая листва тополей дрожала въ дальней синевѣ; виноградники волновались, какъ море, то опуская, то поднимая свою яркую, свѣтлую зелень; только темные кипарисы стояли неподвижно, сохраняя свою ровную, какъ бы подстриженную поверхность. Лазурное небо темнѣло, покрываясь густыми синими тѣнями, и вечерняя звѣзда свѣтло загоралась надъ легко волнующимся моремъ. Все было полно освѣжительнаго дыханія вечера, такъ отраднаго на югѣ, послѣ жаркаго, порою томительнаго дня.

На галереѣ одного изъ бѣленькихъ домиковъ, построенныхъ на отлогихъ холмикахъ лѣваго берега алуштскаго ручья, пили чай. Небольшое общество, къ которому принадлежалъ и я, состояло изъ пяти женщинъ и двухъ мужчинъ. На концѣ галереи, обращенномъ къ Чатырдагу и слегка освѣщенномъ заходящимъ солнцемъ, сидѣла молоденькая дѣвушка, лѣтъ семнадцати или осьмнадцати. Ея неправильныя черты, вздернутый носикъ, немного-широкій, улыбающійся ротъ и темные глаза, осѣненные густыми, длинными рѣсницами, были облиты слабымъ свѣтомъ, придававшимъ ея свѣжему розовому личику что-то особенно привлекательное. Каштановые волосы, гладко зачесанные на уши, были приведены въ легкій безпорядокъ горнымъ вѣтеркомъ, особенно ощутительнымъ на этой сторонѣ. Прислонившись къ стѣнѣ, она склонил

свою головку на правую руку, которою облокотилась на деревянныя перила галереи. Нельзя сказать, чтобъ она была хороша, даже, если хотите, она была не хороша, но все въ ней было такъ полно молодости и силъ, все въ ней было такъ естественно и непринужденно, глаза ея свѣтились такъ тепло и привѣтно, что она могла понравиться болѣе другой красавицы. Веселая, беззаботная улыбка придавала ея лицу что-то дѣтское, и всякій, глядя на нее, невольно сказалъ бы: вотъ милый, простодушный ребенокъ! Только большіе глаза, полные ума и проницательности, только высокій, выпуклый лобъ, вѣрная примѣта нравственной силы, а иногда и упрямства, нарушали общее первое впечатлѣніе и заставляли думать, что въ этомъ ребенкѣ есть что-то и не дѣтское, есть что-то, чего мы не отъ всякаго взрослаго ожидаемъ. Это странное сочетаніе дѣтскаго простодушія и замѣчательнаго умственнаго развитія, такъ полно отражавшееся въ ея подвижныхъ чертахъ, придавало ей особенный, оригинальный характеръ, часто такъ удачно замѣняющій красоту. Она сидѣла задумавшись и разсѣянно смотрѣла на пылающую вершину Чатырдага, на темнѣющее небо, и какъ бы прислушивалась къ отдаленному рокоту моря.

Противъ нея, прислонясь къ деревянному столбу, поддерживающему навѣсъ галереи, стояла молодая дама, съ небольшимъ двадцати лѣтъ, высокая, стройная, съ нѣжными чертами лица, подернутаго матовою бѣлизною. Правильность чисто-греческаго профиля нарушалась только сдвинутыми нѣсколько бровями, образовавшими на ровномъ, высокомъ лбу двѣ маленькія, едва замѣтныя морщинки, и рѣзкимъ абрисомъ ноздрей, прозрачныхъ, какъ слоновая кость. Сквозь мягкость округлыхъ линій, чуждыхъ угловатости, чуть проглядывала энергія, затаенная, но тѣмъ не менѣе глубокая, а морщины явно указывали, что упорство не чуждо было ея характеру. Свѣтлорусые волосы и каріе глаза противоположностію своею невольно останавливали вниманіе на этомъ лицѣ, выражавшемъ въ настоящую минуту полное равнодушіе и совершенное отсутствіе какой-нибудь господствующей мысли. Видно было, что теперь ничто ее не занимало, и она готова была заняться чѣмъ бы то ни было.

Возлѣ нея сидѣла другая дама, не столько молодая, но еще полная жизни и свѣжести. Ея круглое, оживленное румянцемъ лицо, дышало здоровьемъ и въ тоже время какою-то лѣнивою нѣгою, этою итальянскою dolcezza, которую не знаешь какъ и назвать по-порусски. Въ самомъ спокойствіи ея позы и движеній видно было, что она счастлива; но вѣрно это-то счастіе, уничтоживъ стремленіе къ лучшему, ослабивъ не нужную болѣе энергію, сообщило ея прекраснымъ чертамъ что-то

недѣятельное, если можно такъ выразиться. Маленькая, полненькая ручка, какъ-бы не хотя, держала чашку съ чаемъ, а большіе черные глаза пристально смотрѣли на почтовую дорогу, мѣстами открытую, мѣстами заслоненную кучами деревьевъ. Она разсѣянно внимала и еще разсѣяннѣе отвѣчала словамъ высокаго молодаго человѣка лѣтъ двадцати пяти или шести, который стоялъ возлѣ нея со стаканомъ въ рукѣ, разговаривая съ нею, повидимому только для того, чтобъ не молчать. Его правильное лицо, осѣненное длинными черными волосами, гладко причесанными, не смотря на яркіе слѣды молодости, своею малою подвижностью напоминало что-то старческое; прекрасные черные глаза теряли всю прелесть отъ недостатка выразительности; всѣ его движенія были какъ будто расчитаны, размѣрены и отъ того нѣсколько угловаты. Онъ былъ похожъ на пуританина или на квакера, умышленно запирающаго свое *я* подъ тремя замками и усильно скрывающаго каждое движеніе души. Самый разговоръ его былъ чуждъ всего молодаго, всего рѣзкаго: сужденія слишкомъ благоразумныя, а порою фразы, чуждыя всего живаго, отзывались чѣмъ-то заученымъ, и своею правильностью болѣе походили на отвѣтъ школьника, чѣмъ на разговоръ молодаго человѣка. Видно было, что онъ разговариваетъ не изъ потребности сообщать свои мысли, не изъ потребности бесѣдовать, но только потому, что въ обществѣ нельзя же молчать, и что онъ считаетъ разговоръ обязанностью необходимости, которой подчиняется почти противъ воли. Къ его словамъ довольно внимательно прислушивалась старушка, лѣтъ пятидесяти, а можетъ быть и болѣе, высокая, худощавая, съ лицомъ спокойнымъ, полнымъ ума и твердости, съ лицомъ, на которомъ взглядъ останавливался съ удовольствіемъ. Чуждое старческой строгости, оно дышало не негодованіемъ на все молодое, жаждущее жизни, а скорѣе тихимъ снисхожденіемъ, доходящимъ иногда, можетъ быть, до презрѣнія. Видно было, что она, снисходя къ юности, готова принять участіе въ ея забавахъ, ея удовольствіяхъ, хотя бы для того, чтобъ не быть оставленной, но въ тоже время смотритъ на увлеченія молодости съ высоты своихъ пятидесяти лѣтъ. Въ снисхожденіи ея былъ своего рода эгоизмъ: она не враждовала, чтобъ сохранить свое спокойствіе. Въ ней было довольно ума, чтобъ сознать, что всякій возрастъ имѣетъ свои страсти, а въ тоже время она какъ будто жалѣла, что не всѣ старики—по крайней мѣрѣ душою.

Если общество, расположившееся на этой сторонѣ галереи, было мало оживлено, за то на другомъ концѣ, возлѣ маленькой лѣсенки, которая вела на дорожку, шелъ довольно одушевленный споръ между молодою дѣвушкою и мужчиною среднихъ лѣтъ. Они то ходили взадъ

и впередъ отъ края галереи до дверей въ комнаты, раздѣлявшихъ галерею на-двое, то останавливались и, казалось, были очень заняты предметомъ разговора. Дѣвушка принадлежала къ числу лицъ, которыхъ очень трудно описывать: въ ней не было ничего рѣзкаго, ничего выдающагося; а нѣтъ ничего труднѣе, какъ передавать оттѣнки, уловлять тонкія черты лица и характера, выводить наружу то, что такъ глубоко скрывается иногда подъ ровною, спокойною наружностью. Она была очень хороша собою, тою тихою красотою, чуждою всего мечтательнаго, которая такъ свойственна русскимъ женщинамъ. Вы не замѣтили бы въ ней ни быстраго, кокетливаго взгляда, ни нылкаго порыва, ни горячности въ спорѣ, однимъ словомъ, ничего, что открывало бы передъ всякимъ любопытнымъ тайникъ ея души; но въ ея взорѣ, въ ея движеніяхъ, въ ея рѣчахъ было много задушевнаго, много теплоты сердечной, не блестящей мгновенно, но пригрѣвающей человѣка, способнаго оцѣнить всю прелесть ея бесѣды. Портретъ ея собесѣдника не позволяетъ мнѣ нарисовать моя скромность или мое самолюбіе (думайте какъ хотите!): этимъ собесѣдникомъ былъ я самъ.

Разговоръ нашъ шелъ живо. Это былъ одинъ изъ тѣхъ споровъ, гдѣ обѣ стороны высказываютъ свои мнѣнія, которыя выводятъ изъ одного частнаго случая, гдѣ обѣ стороны, понимая, о чемъ идетъ рѣчь, не хотятъ произнести слово, которое вывело бы ихъ на прямой путь, и какъ бы нарочно прикрываютъ истину тмою общихъ мѣстъ, точно будто боятся не только быть понятыми другими, но и понять самихъ себя. Уклоняясь отъ главнаго предмета, мы перешли наконецъ къ совершенно постороннему, очень довольные, что отдѣлались отъ разговора щекотливаго, такъ неосторожно начатаго. Рѣчь зашла о томъ, въ какой степени лѣта имѣютъ вліяніе на взглядъ и идеи человѣка. Я замѣтилъ, что старость почти всегда гаситъ энергію, уничтожаетъ живость характера и сочувствіе къ прекрасному въ природѣ и въ искусствѣ.

— Только немногіе избранники, прибавилъ я, только немногіе счастливцы и въ позднихъ лѣтахъ сохраняютъ пылъ молодости.

— Счастливцы, вы говорите? Но не смѣшонъ ли будетъ старикъ съ увлеченіями юности, съ жаромъ первой поры жизни?

— Нѣтъ, Наталья Петровна! Не смѣшонъ тотъ, въ комъ и подъ сѣдинами бьется сердце, не смѣшонъ тотъ, кто и у гробовой доски не чуждъ интересовъ науки, искусства, жизни! Но много силъ, большой запасъ энергіи долженъ имѣть человѣкъ, который хочетъ сохранить къ старости свѣжесть ума и чувства; много пылкости въ характерѣ нужно, чтобы не очерствѣть прежде времени, чтобы не смотрѣть равнодушно на все, насъ окружающее!

— Вотъ видите ли, вы сами сознаетесь, что это зависитъ болѣе отъ характера; вы и въ шестьдесятъ лѣтъ будете моложе другаго двадцатилѣтняго, прибавила Наталья Петровна не безъ ироническаго взгляда, брошеннаго мимоходомъ на солиднаго молодаго человѣка.

— Благодарю за лестное мнѣніе: по вашему, значитъ, я буду очень смѣшонъ?

— Не знаю, можетъ быть! Но все таки шестнадцати-лѣтній старикъ и смѣшнѣе, и несноснѣе шестнадцати-лѣтняго молодаго человѣка.

— Тѣмъ лучше для меня и тѣмъ хуже для Семена Андреича... Но оставимъ частности... Разумѣется, не сохранитъ свѣжести чувства тотъ, кто и въ юности сухъ сердцемъ; но сколько есть молодыхъ людей съ умомъ и съ душою, молодыхъ людей не чуждыхъ ничему современному, ничему живому, которые за сорокъ лѣтъ начинаютъ заботиться только о своихъ интересахъ, о своей драгоцѣнной особѣ, а о прочемъ и знать не хотятъ... Но есть другія натуры, есть люди, которые не даютъ потухнуть священному огню, которые постоянно наблюдаютъ за собою и, охраняя себя отъ тлетворнаго вліянія старости, живутъ сердцемъ въ лѣта, когда другіе живутъ только желудкомъ и для желудка.

— Но всегда ли счастливы бываютъ эти исключительныя натуры?

— Это другой вопросъ! Здѣсь все зависитъ отъ направленія, отъ взгляда, отъ понятій, отъ потребностей лица; здѣсь нельзя разбирать общее и поневолѣ должно перейти къ частному. Если наука или искусство, если природа удовлетворяютъ человѣка, если въ немъ есть любовь къ тому или къ другому, если онъ имѣетъ привычку сосредоточиваться въ самомъ себѣ, то его энергія, его не угасшія силы найдутъ удовлетвореніе, найдутъ поприще для своей дѣятельности,—и онъ можетъ быть счастливъ. Но если онъ привыкъ жить людьми и для людей, то... то вы, можетъ быть, правы; пожалуй лучше состарѣться преждевременно, чѣмъ искать сочувствія тамъ, гдѣ мы становимся только докучными зрителями, а не участниками въ общемъ движеніи жизни.

— А если вашъ молодой старикъ еще полюбитъ?

— О, не дай Богъ никому подобнаго несчастія! Вы напомнили мнѣ одинъ случай, котораго я былъ свидѣтелемъ въ лѣта, когда не могъ вполнѣ понять грустной драмы, разыгрывавшейся предо мною, случай, который прошелъ для меня почти незамѣтно, но потомъ возникъ предо мною во всей своей простой, но драматической наготѣ. Я былъ почти ребенкомъ...

— Объ чемъ вы заговорились? перебила меня старушка, утомленная вѣроятно мѣрными, какъ маятникъ, фразами Семена Андреевича.

— Я разсказываю Натальѣ Петровнѣ одно изъ воспоминаній моей юности.

— Чтожъ ты, Наташа, точно конфисковала Павла Сергѣича? Присяльте-ка къ намъ, мы тоже послушаемъ. Вотъ и Ольга Антоновна васъ послушаетъ, добавила старушка, обращаясь къ дамѣ, такъ небрежно разговаривавшей съ Семеномъ Андреичемъ. Она разсѣянно кивнула головою.

Я подалъ стулъ Натальѣ Петровнѣ, взялъ другой себѣ и сѣлъ противъ Ольги. Ея сосѣдка опустилась въ стоявшіе возлѣ нея кресла и усѣлась какъ можно спокойнѣе, готовясь слушать мой разсказъ. Только дѣвушка, сидѣвшая на краю галереи, оставалась по-прежнему въ задумчивости и разсѣянно смотрѣла на окружавшую насъ природу.

А вечеръ былъ дивно хорошъ! Солнце уже скрылось за Чатырдагомъ, и потемнѣвшее небо, слегка окаймленное съ востока фіолетовыми полосами, покрылось миріадами звѣздъ. Яркая вечерняя звѣзда уже поднялась высоко и свѣтила надъ кудрявою вершиною Карабаха. Море, проглядывавшее между высокими тополями, отражало въ своихъ зеленыхъ волнахъ слабое мерцаніе ночныхъ свѣтилъ. Изъ-за густой зелени садовъ, между плоскими вершинами орѣшниковъ, сквозь темныя пирамиды кипарисовъ, бѣлѣли алуштинская церковь и сверкали рѣдкіе огоньки, зажженные въ хатахъ татаръ, скрытыхъ темнотою. Дальнія горы обрамливали эту простую, но чудную картину, и торжественная, успокоивающая тишина вечера почти не нарушалась слабымъ плескомъ моря. Обаятельный воздухъ дышалъ освѣжающею прохладою и доносилъ до насъ легкій ароматъ цвѣтовъ.

— Мнѣ едва минуло шестнадцать лѣтъ, началъ я свой разсказъ, когда я поступилъ въ университетъ. Вы знаете, что судьба рано оторвала меня отъ родителей, что еще ребенкомъ я началъ жить между людьми, хотя родными, но не до такой степени близкими, чтобъ любить меня безотчетно, какъ отецъ или мать любятъ сына. Поэтому вы не станете удивляться, если я скажу, что рано пріучился наблюдать все, окружавшее меня, все, происходившее около меня. Порой съ цѣлью, порой безсознательно вглядывался я въ людей, подмѣчая ихъ характеры, ихъ страсти, разумѣется на столько, сколько это возможно мальчику; а самостоятельная жизнь доставила мнѣ случай скоро свести знакомства самыя разнообразныя. Особенно памятно мнѣ одно семейство, въ которомъ я иногда проводилъ длинные зимніе вечера, не занятые ни ученьемъ, ни шумною бесѣдою въ кругу товарищей-студентовъ. Не помню хорошенько, да и не къ чему вспоминать, какъ составилось это знакомство. Довольно сказать, что семья, о которой я за-

велъ рѣчь, состояла изъ вдовы лѣтъ сорока съ двумя дочками и брата ея, учителя въ какомъ-то казенномъ заведеніи. Вдова (ее звали Анной Егоровной) была женщина добрая, но простая, почти безъ образованія; она, какъ сама говорила, училась на мѣдныя деньги, однакожъ это не помѣшало ей позаботиться о томъ, чтобъ дать дочерямъ порядочное воспитаніе. Старшая, Надежда Васильевна, дѣвушка лѣтъ семнадцати, была, кажется, въ Смольномъ, и сама занималась съ своею сестрой, Лизой, десятилѣтней вострушкой, избалованной любовью матери и дяди, стараго холостяка, который души въ ней не чаялъ и частенько ворчалъ на Надю, когда она слишкомъ строго обращалась съ своей рѣзвой ученицей. Надя была хорошенькая блондинка съ блѣдненькимъ продолговатымъ личикомъ, съ большими голубыми глазами, съ русыми кудрями à l'enfant, съ миніатюрными ручками, съ тоненькою таліей, и я— что скрывать прошлое —очень неравнодушно поглядывалъ на нее. Особенно нравилась мнѣ въ ней естественность, непринужденность въ обращеніи: она была такъ проста, такъ безъискуственна и въ тоже время такъ чужда неловкой наивности, что ею нельзя было не любоваться. Очень понятно, что молодой человѣкъ шестнадцати лѣтъ безмолвно таялъ передъ нею и частенько, возвратясь домой, исписывалъ цѣлыя страницы поэтическими посланіями, впрочемъ никогда не доходившими по адресу.

— А! такъ и вы писали стихи? перебила меня задумчивая дѣвушка, которая мелькомъ прислушивалась къ моему разсказу.

— Каюсь, Елена Петровна, виноватъ, я и теперь готовъ снова провиниться, если вы позволите поискать вдохновенія въ вашихъ прекрасныхъ глазахъ.

— Не трудитесь: не найдете, лучше возвратитесь къ Наденькѣ, вдохновлявшей васъ въ былое время.

— Да, Наденька! Она, я думаю, и не замѣчала моей скромной страсти, а впрочемъ, кто знаетъ? можетъ-быть и очень замѣчала, но только не показывала этого ничѣмъ, развѣ нѣсколько деспотическимъ тономъ, который принимала, обращаясь ко мнѣ. Я бывалъ у нихъ въ началѣ рѣдко, потомъ приходилъ чаще и чаще, а наконецъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ, бросивъ и вечернія занятія, и веселыя пріятельскія сходки. На меня даже стали смотрѣть какъ на члена семейства, и очень часто добрый Иванъ Егорычъ, не шутя требовалъ у меня отчета въ тѣхъ часахъ, которые я проводилъ не у нихъ. Такъ проходили дни за днями, не принося намъ ничего новаго и ничѣмъ не нарушая нашихъ привычекъ. Третьяковы жили очень скромно, и у нихъ не бывалъ почти никто, кромѣ двухъ или трехъ сослуживцевъ Ивана

Егорыча. Чаще всѣхъ изъ нихъ присоединялся къ нашему кружку Платонъ Петровичъ Ржевскій, человѣкъ пожилой, но полный жизни, умный, образованный и способный завлечь всякаго своею оживленною бесѣдою. Я очень любилъ его оригинальный взглядъ на людей и на вещи, его нѣсколько саркастическій тонъ, даже его рѣзкія выходки противъ молодаго поколѣнія, по его словамъ, слишкомъ самоувѣреннаго и опрометчиваго.

Богъ знаетъ почему, но только Ржевскій очень не нравился Надѣ. Она находила его сухимъ, холоднымъ эгоистомъ, презирающимъ людей и подсмѣивающимся надъ ними исподтишка. Напрасно я отстаивалъ его: Наденька усиливала свои нападенія и даже совѣтовала мнѣ не сближаться съ этимъ бездушнымъ старикомъ, упрямымъ скептикомъ, который въ состояніи испортить лучшую минуту нашей жизни своей неумѣстной ироніей.

— Наблюдайте за Платономъ Петровичемъ, говорила мнѣ однажды Наденька; вслушивайтесь во всѣ его замѣчанія, припоминайте всѣ его сужденія и скажите откровенно: найдете ли вы въ немъ хоть искру сочувствія человѣчеству, хоть уваженіе къ чувству, если не самое чувство?

— Полноте, Надежда Васильевна! Вы рѣшительно несправедливы къ Ржевскому. Вспомните, что ему чуть ли не за пятьдесятъ, а въ эти лѣта и чувствуютъ, и судятъ не по нашему.

— Согласна, что не такъ, но все таки чувствуютъ; а онъ, право, не способенъ ни къ какой привязанности. Да, и онъ совсѣмъ не такъ старъ, какъ вы говорите: не въ лѣтахъ дѣло! но въ немъ столько силы ума, столько энергіи, что какъ ни смѣшно это выраженіе, а я все-таки не шутя скажу, что онъ еще молодъ душою.

— Это-то и доказываетъ несправедливость вашего приговора. Если онъ молодъ душою, то не можетъ же быть сухъ сердцемъ.

— Можетъ, можетъ, повторяла хорошенькая спорщица; да и вы сдѣлаетесь такимъ же, если подчините себя его вредному вліянію. Прислушайтесь къ его разговорамъ, пощадитъ ли онъ что нибудь прекрасное въ человѣкѣ? преклонитъ ли голову передъ какимъ нибудь отраднымъ явленіемъ? Нѣтъ! все вскрываетъ онъ, все обнажаетъ своимъ безпощаднымъ анализомъ, и во всемъ, въ самомъ благородномъ движеніи сердца ищетъ своекорыстныхъ побужденій!

— Не преувеличиваете ли вы, Надежда Васильевна? Слушая васъ, примешь Ржевскаго, пожалуй, за самаго Мефистофеля.

Этотъ споръ происходилъ между нами не задолго передъ чаемъ, когда Иванъ Егорычъ былъ еще въ должности, а Анна Егоровна гу-

ляла съ Лизой. Вскорѣ всѣ собрались, и мы усѣлись за чайный столъ. Надя хлопотала около самовара, сестра ея юлила около стола, задирая то меня, то дядю, перелистывавшаго новый нумеръ какого-то журнала, то мать, которая вязала чулокъ въ ожиданіи чая. Посреди общей тишины, прерываемой только шипѣніемъ самовара да болтовнею Лизы, въ комнату вошелъ Ржевскій. Отвѣтивъ по обыкновенію довольно сухо на его привѣтствіе, Надя быстро взглянула на меня, какъ бы напоминая недавній разговоръ и приказывая наблюдать за новымъ собесѣдникомъ. Онъ взялъ стулъ и усѣлся возлѣ Наденьки.

— Зачѣмъ вы садитесь возлѣ самовара? Здѣсь вамъ будетъ не ловко; садитесь лучше возлѣ вашего поклонника, сказала она, указывая на меня.

— Давно ли мосье Поль сдѣлался моимъ поклонникомъ? До сихъ поръ я считалъ его вашимъ, замѣтилъ шутливо Ржевскій.

Я невольно покраснѣлъ. Вспомните, что мнѣ былъ только семнадцатый годъ!

Наденька принялась разливать чай, не показывая вида, что слышала замѣчаніе Платона Петровича. Онъ тоже замолчалъ и пристально, долго смотрѣлъ на нее.

И было на что посмотрѣть! тонкія, нѣжныя черты ея лица облились легкимъ румянцемъ, слѣдствіемъ внутренней вспышки; розовенькое ушко едва проглядывало изъ-подъ спустившихся на лицо русыхъ локоновъ; сквозь густыя, длинныя рѣсницы едва просвѣчивалъ быстрый взглядъ, падавшій то на меня, то на Ржевскаго. Наденька встала и, наклонившись нѣсколько впередъ, разливала чай; при этомъ ея стройная, гибкая талія обрисовывалась какъ нельзя лучше; маленькая ручка дрожала, поддерживая серебряный чайникъ...

Наденька была особенно хороша въ этотъ вечеръ, но эта красота какъ будто еще болѣе раздражала Ржевскаго: никогда не былъ онъ такъ ѣдокъ, такъ насмѣшливъ, точно будто бы для оправданія мнѣнія Наденьки. Я слѣдилъ за каждымъ его словомъ, за каждымъ взглядомъ, и повѣрите ли? что-то укололо меня въ сердце, когда я замѣтилъ, что онъ слишкомъ часто и слишкомъ внимательно смотритъ на ту, на которую я самъ, не смотря на короткое знакомство, взглядывалъ изрѣдка и то не безъ робости. Разумѣется, я и не подумалъ, чтобъ онъ былъ занятъ ею, но не знаю, почему-то мнѣ пришелъ на умъ сатиръ, высматривающій изъ-за дерева купающуюся нимфу. Ржевскій же, теперь я могу судить хладнокровно, дѣйствительно былъ если не похожъ на сатира, то по крайней мѣрѣ достаточно не хорошъ. Правда, его сухощавое, вытянутое, морщинистое лицо, было полно энергіи, его высокій,

открытый лобъ и выразительные, блестящіе глаза сіяли умомъ, но надъ лбомъ почти торчали жесткіе волосы льнянаго цвѣта, а зеленый оттѣнокъ глазъ, сверкавшихъ изъ глубокихъ впадинъ, былъ очень не привлекателенъ. Хотя онъ держался ловко и непринужденно, но ему недоставало той граціозности, той мягкости въ движеніяхъ, которыя такъ пріятно ласкаютъ глазъ и часто заставляютъ забывать даже отсутствіе красоты. Что въ немъ было особенно пріятно, такъ это голосъ, звучный, полный, мягкій, вкрадчивый. Къ тому же онъ говорилъ очень хорошо, говорилъ легко, убѣдительно, такъ что, слушая его, я часто забывалъ готовыя возраженія и невольно увлекался его доводами, Только иногда, въ минуты горькой иронiи или безпощадной насмѣшливости, въ его голосѣ слышались рѣзкіе звуки, непріятно поражавшіе чуткое ухо.

Этотъ вечеръ, какъ я уже сказалъ, онъ былъ въ особенно саркастическомъ настроеніи. Желчныя выходки, ѣдкія эпиграммы сыпались дождемъ направо и налѣво, и Надя, для которой повидимому давался этотъ фейерверкъ остроумія и злости, Надя то смѣялась, то сердилась не на шутку, потому что и ей самой доставалось мимоходомъ. Наконецъ, послѣ какой-то выходки, раздражительной и остроумной, онъ всталъ и взялъ шляпу. Я послѣдовалъ его примѣру; простившись съ Третьяковыми и съ Иваномъ Егорычемъ, мы вмѣстѣ пошли домой. Вечеръ былъ чудесный, какіе иногда радуютъ Петербургъ зимою. Легкій морозъ градусовъ въ десять, въ двѣнадцать...

— Что вы, Павелъ Сергѣичъ! Какой легкой морозъ въ двѣнадцать градусовъ!

— Разумѣется, легкіе, на сѣверѣ. Вспомните, что у васъ при морозѣ всегда бываетъ сильный сѣверовосточный вѣтеръ; у насъ же почти всегда тихо. И право хороши бываютъ наши морозныя ночи, когда чистое, звѣздистое небо отражаетъ заревомъ блескъ газа, или когда яркая луна обливаетъ городъ своимъ матовымъ свѣтомъ, и всѣ предметы представляются въ какой-то фантастической свѣтотѣни: точно иная гравюра Рембранта! И свѣжій, мягкій воздухъ охватываетъ васъ укрѣпляющимъ холодомъ, и бѣлый, недавно выпавшій снѣгъ, едва скрѣпленный морозомъ, хруститъ подъ ногами. Въ такую ночь садись въ сани и скорѣе за городъ! Несется наша русская тройка, звенитъ колокольчикъ подъ дугой, мелькаютъ домы и улицы, и вотъ вы уже за заставой. Справа и слѣва какъ привидѣнія стоятъ передъ вами высокія безлистыя березы, вѣтвистыя сосны и кривыя ели, опушенныя инеемъ; ослѣпительно блещетъ лунными лучами, покрытое снѣгомъ поле, звучно скрипятъ длинныя полозья, — и вамъ хорошо, вамъ привольно, вамъ не хочется въ городъ!..

Въ такую-то ночь вышелъ я съ Ржевскимъ отъ Третьяковыхъ. Было еще рано; намъ приходилось итти по одной дорогѣ, и мы отправились пѣшкомъ. Ржевскій какъ будто переродился: тихо, почти уныло шелъ, едва отвѣчая на мои вопросы, онъ, всегда живой, всегда разговорчивый. Я изумился.

— Что съ вами, Платонъ Петровичъ?

— Ничего, ничего, мосье Поль! Я усталъ и хочу отдохнуть.... Неужели же нельзя перевести духъ, нельзя сбросить маску даже на минуту?

— Маску!.. Но вы были такъ—не скажу веселы, но оживлены! А теперь...

— Ребенокъ! Когда вы перестанете судить по наружности, когда научитесь поглубже заглядывать въ душу человѣка? развѣ вамъ самимъ не случалось шутить, смѣяться, когда сердце обливается кровью, когда скрытая мысль, скрытое чувство томятъ васъ, недаютъ ни минуты покоя? Вы думаете, что влюблены, даже увѣрены или по крайней мѣрѣ стараетесь увѣрить себя въ этомъ... Не перебивайте: я знаю, что вы хотите сказать. Но со мною напрасно притворство; да и всякій на моемъ мѣстѣ увидѣлъ бы ваше почтительное обожаніе. И вы полагаете, что это любовь?... Просто, потребность любить, и то еще вызванная не природою, а ложнымъ воспитаніемъ, раннимъ нравственнымъ развитіемъ, если хотите, даже скажу прямѣе — романами!.. Въ ваши лѣта любить!.. Да знаете ли вы, что такое любовь, знаете ли вы эту ужасную страсть, которая сушитъ, убиваетъ человѣка, которая... но что я говорю! Развѣ вы можете понять меня?

Не могу передать всего, что высказалъ мнѣ Ржевскій, но помню только, что его слова произвели на меня грустное впечатлѣніе. Я понялъ, что онъ любитъ; но кого? неужели Наденьку? Этому я не хотѣлъ вѣрить. Я видѣлъ, что онъ несчастливъ, мнѣ было жаль его, но самъ не понимаю почему, мнѣ было жаль и ту, которую онъ любилъ. Мнѣ казалось въ то время, что не могла же такая сильная страсть не отозваться въ существованіи любимой женщины, и разумѣется, отозваться болѣзненно. И какой рѣзкій контрастъ составляли его жалобы, прерываемыя то юмористическими замѣчаніями, то какимъ-то докторальнымъ, наставительнымъ тономъ, и все это среди пестрой, живой, шумной толпы гуляющихъ, между которыми очутились мы, выйдя на Невскій проспектъ. Вы не были въ Петербургѣ, вы не знаете этого города—улицы, на которой помѣстился бы весь Симферополь, да и Ялта съ Алуштой въ придачу. Взглянули бы на нее въ ясный, зимній вечеръ, когда газъ ярко освѣщаетъ пестрыя группы пѣшеходовъ, когда по

широкимъ тротуарамъ проспекта толпятся только тѣ, кому нечего дѣлать, кто гоняется за наслажденіемъ, за удовольствіемъ или даже за тѣнью удовольствія, когда среди яркаго круга свѣта, образуемаго фонаремъ, какъ въ фантасмагоріи появляются лица за лицами, и исчезаютъ точно тѣни китайскаго фонаря. Вы идете по дѣлу, торопитесь куда нибудь, но попали на Невскій, и атмосфера его уже охватываетъ, проникаетъ васъ, и вы уже не спѣшите, шагъ вашъ замедляется, вы гуляете. Но на Ржевскаго не подѣйствовалъ и Невскій проспектъ. Надвинувъ шляпу на лобъ, завернувшись въ теплую шубу, онъ шелъ скоро, торопливо, увлекая и меня за собою, и бросая свои отрывистыя, полныя то грусти, то желчи, фразы. Мы быстро миновали Невскій проспектъ, вышли на адмиралтейскую площадь и здѣсь разстались.

Въ странномъ расположеніи духа пришелъ я домой. Неожиданная, почти невольная, безсознательная откровенность Платона Петровича глубоко поразила меня. Въ первый разъ въ жизни столкнулся я съ сильною страстью, и эта встрѣча естественно возбудила во мнѣ много думъ, и невольно заставила меня оглянуться на самого себя. Я не могъ отдать себѣ строгаго отчета въ томъ, до какой степени люблю Надю, хотя съ негодованіемъ отвергалъ предположеніе Ржевскаго, какъ дерзкое презрѣніе къ прекрасному чувству. Въ первый разъ задалъ я себѣ вопросъ: любитъ ли меня Наденька? и на него то же не нашелъ отвѣта. Тщетно припоминалъ я ея обращеніе, всѣ ея слова, взгляды, тщетно проходилъ въ памяти наши свиданія, частые разговоры: изъ всего этого я не умѣлъ выжать ничего положительнаго, ничего опредѣленнаго. Да и мудрено ли? Много нужно опытности, чтобъ разгадать, что происходитъ въ сердцѣ женщины, особенно когда самъ любишь ее!..

На другой день я по обыкновенію провелъ вечеръ у Третьяковыхъ, но не рѣшился передать Надѣ страннаго признанія Ржевскаго. Какое-то безотчетное чувство смыкало мнѣ уста всякій разъ, когда я собирался высказать то, что камнемъ лежало у меня на сердцѣ и такъ и просилось на языкъ. Прошла недѣля, другая, а Ржевскій неноказывался у Третьяковыхъ, и я нигдѣ не встрѣчалъ его. Наконецъ явился онъ, но блѣдный, разстроенный, утомленный. Всѣ съ участіемъ распрашивали его о здоровьи, только Надя, всегда непривѣтливая съ нимъ, упорно молчала. Нѣсколько разъ заговаривалъ онъ съ нею, заговаривалъ робко, чего съ нимъ никогда не бывало, все напрасно: она или вовсе не отвѣчала, или отдѣлывалась сухимъ *да, нѣтъ*. Мнѣ было жаль бѣднаго Ржевскаго, хотя въ то же время какъ-бы повязка спала съ моихъ глазъ: я понялъ, что онъ любитъ Надю, что долго, долго старался подавить эту страсть, но сдержанная его сильнымъ характеромъ, она

вырвалась наконецъ наружу и уничтожила все вокругъ себя, какъ рѣка, прорвавшая плотину. Я видѣлъ, что онъ самъ чувствуетъ безнадежность любви своей; я понялъ, что Надя давно уже разгадала его и потому такъ не любила его, что онъ слишкомъ сильно любилъ ее. Вѣдь это часто бываетъ, mesdames?..

Наконецъ Ржевскій всталъ и хотѣлъ уйти, но вдругъ зашатался и я едва успѣлъ поддержать его. Ему сдѣлалось дурно. Испуганная Лиза больше всѣхъ суетилась около больнаго; Иванъ Егорычъ и Анна Егоровна не знали, что и дѣлать; одна Надя хладнокровно сидѣла и по прежнему вышивала. Мнѣ стало досадно.

— Неужели вамъ не жаль бѣднаго Платона Петровича? сказалъ я ей въ полголоса.

— Разумѣется, жаль; но чтожъ я могу сдѣлать? Вѣдь я не докторъ! отвѣчала она очень хладнокровно, пожимая плечами.

Въ это время Ржевскій очнулся; я бросился къ нему. Онъ настоятельно хотѣлъ ѣхать домой и, не смотря на всѣ убѣжденія, не соглашался подождать. Послали за извощикомъ, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ Ржевскимъ.

Всю дорогу онъ молчалъ. Судороги безпрестанно подергивали его блѣдное лицо. Уложивъ его въ постель, я послалъ за докторомъ, а самъ усѣлся возлѣ него. Онъ попросилъ напиться и, выпивъ цѣлый стаканъ воды, сказалъ довольно спокойно, все еще дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ теперь мнѣ полегче... Глупая слабость!.. что это со мною сдѣлалось?

— Вы слишкомъ перемогались весь вечеръ; немудрено, что нервы ваши не выдержали такого напряженія.

— Жаль, что я обезпокоилъ Третьяковыхъ. Кажется, бѣдняжка Лиза очень перепугалась.

— Да, но больше всѣхъ встревожена была Надежда Васильевна, сказалъ я, надѣясь оживить его этою ложью.

— Неужели? вскричалъ онъ, и глаза его засверкали. Но нѣтъ, это невозможно! Вы обманываете меня.

Я невольно покраснѣлъ, вспомнивъ спокойствіе и хладнокровіе Наденьки.

— Зачѣмъ обманывать? Развѣ я ребенокъ? Развѣ я не вижу, что она ненавидитъ меня, что я противенъ ей? Да оно и естественно. Я говорю съ вами откровенно... вы угадали: я люблю Наденьку, люблю ее давно уже, прежде чѣмъ вы узнали ее. Я изучилъ эту холодную, апатическую натуру, экзальтированную только наружно. Въ ней, пожалуй, много хорошаго, только она слишкомъ разсудительна, а въ эти

лѣта перевѣсъ разсудка, право, ужасенъ! Я увѣренъ, въ моей страсти она видитъ только одну сторону: ея нелѣпость, несообразность съ моими лѣтами. Разсуждая очень хладнокровно, она боится малѣйшимъ знакомъ вниманія подать мнѣ надежду. Надя не кокетка, но просто дѣвушка безъ сердца. Будь въ ней больше женственности, она поняла бы, что я не ищу ничего, ничего не ожидаю; она поняла бы, что легкій знакъ вниманія съ ея стороны, легкій знакъ участія былъ бы для меня цѣлебнымъ бальзамомъ... Неужели вы думаете, что я не боролся противъ этой безумной страсти?.. Но что же дѣлать, если человѣкъ такъ созданъ, что не можетъ подавить чувства, что бы ни говорилъ разсудокъ?.. Помните послѣднее наше свиданіе у Третьяковыхъ? Послѣ того я рѣшился не бывать у нихъ, но сегодня не могъ устоять противъ искушенія видѣть ее, говорить съ нею!..

Тщетно уговаривалъ я его успокоиться, тщетно старался чѣмъ нибудь утѣшить его: утѣшить! Какъ будто было для него утѣшеніе? Къ счастію, скоро пріѣхалъ докторъ. При немъ Ржевскій удерживался, говорилъ спокойнѣе прежняго, увѣрялъ, что чувствуетъ только легкую слабость и больше ничего, что все это пройдетъ само собою, жалѣлъ, что напрасно обезпокоили доктора, но тотъ таки прописалъ ему лекарство и, уходя, сказалъ мнѣ:

— Кажется, ему не миновать нервической горячки. Вѣрно, что нибудь слишкомъ сильно потрясло его.

Такъ и вышло. Черезъ нѣсколько времени жаръ усилился и начался бредъ. Никогда не забуду я этой ночи, проведенной у постели больнаго. Все, что можетъ внушить отчаяніе, все, что только можетъ испытать разбитое, наболѣвшее сердце, все это выражалось наружу въ бездушныхъ воплякъ горячечнаго бреда. То горькая жалоба, то желчная насмѣшка, то ужасные вопли, то молчаніе, еще болѣе ужасное, молчаніе безумнаго съ страшно блещущими глазами, со скрежетомъ зубовъ, все это глубоко поразило меня. Я снова послалъ за докторомъ. Больному обложили голову льдомъ, поставили мушки, синапизмы — ничто не помогало. Двѣ ночи и два дня продолжался бредъ. Иванъ Егорычъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ навѣдаться; я не отходилъ отъ больнаго. Я и прежде любилъ Ржевскаго, но теперь что-то особенное, непонятное мнѣ самому привязывало меня къ нему. Я засыпалъ на часъ, на два, не раздѣваясь, то на диванѣ, то на стулѣ, и проснувшись, снова спѣшилъ къ кровати больнаго. И странный переворотъ совершился во это время. Любовь къ Надѣ отпала отъ моего сердца, какъ опадаютъ осенью листья съ дерева. Чувство-ли негодованія заглушило и убило ее, или дѣйствительно, какъ говорилъ Ржевскій, то было минутное увлеченіе,

легкая вспышка, угасшая при сближеніи съ истинною страстью, только я смотрѣлъ на Надю не прежними глазами, и ясно видѣлъ, что она для меня болѣе ничего не значила. Я не могъ простить ей жестокаго обращенія съ Ржевскимъ, а если мы любимъ, то все прощаемъ; гдѣ нѣтъ прощенія, тамъ нѣтъ и любви. Я даже почти не думалъ объ ней, и всѣ мои мысли были заняты бѣднымъ больнымъ. На третій день бредъ прошелъ и смѣнился совершеннымъ ослабленіемъ, полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ силъ. Безъ чувствъ, безъ памяти, безъ движенія лежалъ онъ нѣсколько дней, лежалъ живымъ мертвецомъ; легкое біеніе сердца и слабая теплота въ тѣлѣ были единственными признаками присутствія жизни. Докторъ не ручался ни за что; наконецъ Ржевскій началъ поправляться. Только тогда рѣшился я оставить его, но все-таки навѣщалъ по нѣскольку разъ въ день и часто просиживалъ у его постели цѣлые вечера, бывало исключительно посвященные Третьяковымъ. Теперь же я къ нимъ и не заглядывалъ. Даже мы и не заговаривали объ нихъ, и имя Нади ни разу не было произнесено между нами.

Выздоровленіе Ржевскаго шло очень медленно, или лучше сказать, онъ поправлялся только наружно. Нельзя было узнать въ этомъ хиломъ, вяломъ старикѣ, его, прежде бодраго, живаго, полнаго энергіи. Онъ рѣшительно опустился. Безъ воли, безъ силы нравственной, онъ сдѣлался жертвою глубокой апатіи, убившей всѣ его способности. Ничто не занимало его, ничто не трогало, ничто не возбуждало ни его участія, ни его насмѣшекъ: прежняя ироніа смѣнилась какимъ-то холоднымъ равнодушіемъ, какимъ-то убійственнымъ, мертвеннымъ спокойствіемъ, страшнымъ въ живомъ существѣ. Да не долго и прожилъ Ржевскій послѣ этой болѣзни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова захворалъ и умеръ, какъ говорили доктора, отъ истощенія силъ. Чтожъ? оно и естественно: онъ былъ ужъ очень немолодъ!

— А что же Наденька? спросила Наталья Петровна.

— Наденька?.. право, не знаю!.. вѣроятно вышла замужъ... а можетъ быть, осталась старою дѣвой, и теперь строго смотритъ за общественною нравственностью, карая строгимъ приговоромъ малѣйшій проблескъ чувства.»

— Развѣ вы не видали ее послѣ смерти Ржевскаго?

— Видѣлъ только разъ въ оперѣ, въ блистательныя времена Рубини и Віардо: она сидѣла въ ложѣ съ матерью и съ премиленькою брюнеткой, въ которой я едва узналъ вострушку Лизу. Съ ними былъ какой-то молодой человѣкъ; не знаю право, за кѣмъ онъ ухаживалъ.

— Не угодно ли поужинать, Павелъ Сергѣичъ? заботливо спросила старушка. Милости просимъ, Семенъ Андреичъ!

Всѣ усѣлись за столъ, и разговоръ принялъ другой оборотъ: шутили, смѣялись, составляли планы на завтрашній день. Но пробило двѣнадцать часовъ, и мы съ Семеномъ Андреевичемъ, простившись съ дамами, сѣли на лошадей и поѣхали. Я проводилъ его до дому и потомъ отправился въ Алушту, гдѣ жилъ въ татарской хатѣ. Поднявшись на гору, я взглянулъ на море: красная луна, уже въ послѣдней четверти, только что выплывала на небосклонъ, серебря зеленыя волны. Небо было чисто, безоблачно. Звѣзды сверкали яркимъ блескомъ, и бѣловатый млечный путь выступалъ блѣдною полосою на темной синевѣ. Высокія стройныя раины трепетно дрожали отъ дуновенія легкаго вѣтра, игравшаго съ густою листвою орѣшниковъ. Одни кипарисы возвышались ровными минаретами, не колыхаясь, не качаясь, подобно другимъ деревьямъ. Зеленыя поля виноградниковъ волновались около нихъ, какъ море кругомъ высокихъ прибрежныхъ камней, то повышая, то понижая свой колеблющійся уровень. Все было тихо, спокойно: робкій плескъ моря и шепотъ листвы едва долетали до напряженнаго уха. Алушта вся спала: въ ея плоскокровельныхъ землянкахъ ни звука, ни огонька. Полуразвалившіяся башни чернѣли за бѣлою церковью и, освѣщенные едва подымавшеюся луною, бросали длинныя тѣни на холмистые отроги Карабаха. Звонко ударяли копыта коня моего о кремнистую тропинку, извивавшуюся между татарскихъ хатъ, то подымавшуюся, то опускавшуюся. Скоро пріѣхалъ я домой, скоро улегся спать, но не скоро чудная картина ночи смѣнилась легкими грезами сна.

Адмиралъ Оаддей Оаддеевичъ

БЕЛЛИНСГАУЗЕНЪ.

Начальствовавшій экспедиціею къ южному полюсу въ чинѣ капитана 2 ранга.

Адмиралъ Михаилъ Петровичъ

ЛАЗАРЕВЪ.

Командовавшій шлюпомъ Мирнымъ въ чинѣ лейтенанта.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

—

VI.

Русскіе острова. — Отаити.

4 іюня, при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ снялись съ якоря и пошли къ юговостоку на выходъ изъ Кукова пролива. Подъ вечеръ мы уже были у Терра-Витта, близъ самаго выхода, какъ вдругъ слѣлался крѣпкій противный вѣтеръ отъ юга съ пасмурностью и дождемъ; мы принуждены были въ мало извѣстной узкости лавировать подъ зарифленными марселями. Къ полуночи вѣтеръ усилился и развелъ сильное волненіе. На вахтѣ моей съ полуночи до пятаго часа утра шелъ дождь, снѣгъ, градъ, гремѣлъ громъ и блистала молнія, освѣщавшая дикія скалы и бунтующее море. Опасность была великая: едва успѣвали отходить отъ буруновъ, разбивающихся у подошвы темныхъ скалъ!

По 7-е іюня насъ отнесло миль на 60 во внутренность пролива. 8 числа дошли опять до самаго выхода изъ пролива, и опять жестокій противный вѣтеръ не допустилъ насъ изъ него выйти. Сдѣлавъ нѣсколько галсовъ въ самой узкости, принуждены были спуститься назадъ, и за мысомъ Стефенсомъ привести въ бейдевиндъ. Наконецъ 10 іюня удалось оставить этотъ бѣдовый проливъ и удалиться отъ береговъ Новой-Зеландіи. Мы направили путь къ острову Опаро, находящемуся южнѣе тропической Полинезіи. Перемѣнные, часто противные вѣтры замедляли наше плаваніе, такъ что только 29 іюня при разсвѣтѣ открылся островъ Опаро. Тотчасъ около 15-ти лодокъ вышли къ намъ навстрѣчу, на каждой было по 5, 6 и 7 человѣкъ. Мы находились нѣ-

сколько далѣе отъ острова, а потому лодки приставали только къ Востоку.

30 іюня мы подошли ближе къ острову, и дикіе незамедлили на многихъ лодкахъ къ намъ пріѣхать. Войдя на палубу они здоровались съ нами прикосновеніемъ носа къ носу. Опарцы стройны, пріятной наружности, съ черными живыми глазами; они были совершенно нагіе выключая извѣстнаго пояска; цвѣтъ лица и тѣла у нихъ бронзовый. Опарцы очень любопытны, всѣ предметы они разсматривали съ большимъ вниманіемъ и, какъ бы недовѣряя глазамъ своимъ, еще мѣряли ихъ. Длину и ширину палубы вымѣряли они маховыми саженями. Но кромѣ любопытства, опарцы склонны и къ воровству. Одинъ островитянинъ выдернувъ со шкафута желѣзный секторъ съ фалрепомъ * бросился съ нимъ въ воду. Въ то же мгновеніе и всѣ островитяне, какъ будто по сигналу, послѣдовали его примѣру, только одинъ старикъ по дряхлости своей не успѣлъ броситься за бортъ и былъ задержанъ. Ему дали знать, что освободятъ его не прежде какъ возвращенъ будетъ похищенный секторъ, и указали лодку, въ которой онъ былъ спрятанъ. Старикъ подозвалъ ближе лодку и переговоривъ съ сидѣвшими съ ней опарцами, увѣрялъ насъ, что въ ней нѣтъ ничего.

Видя что старика не отпускаютъ со шлюпа, опарецъ, укравшій секторъ, выдернувъ изъ него фалрепъ, спрашивалъ: не эту ли вещь у нихъ требуютъ? потомъ шарилъ внутри лодки и показывалъ то изломанную корзину, то кусокъ камыша и поднявъ руки къ верху дѣталъ знаки, что болѣе ничего нѣтъ. Наконецъ удостовѣрясь, что всѣ его хитрости ни къ чему неведутъ и задержаннаго старика не освобождаютъ, принужденъ былъ, хотя очень не охотно, достать спрятанный секторъ и отдать на шлюпъ. Тутъ старикъ и прочіе островитяне стали бранить виноватаго. Не трудно было видѣть, что это одна только комедія, и что задержанный старикъ если не главный виновникъ, то и непротивникъ похищенія. Впрочемъ капитанъ нашъ дѣлалъ видъ будто бы ни въ чемъ не подозрѣваетъ старика, и отпуская его подарилъ ему гвоздь. Островитяне привезли къ намъ корень таро, который вкусомъ похожъ на картофель.

Островъ Опаро имѣетъ въ длину 6, въ ширину $3^1/_2$ мили; гористъ, низменности и покатости горъ покрыты лѣсомъ. Съ вершины одной горы низвергается въ море водопадъ, на другихъ замѣтны какія-то укрѣпленія. Видно, что островитяне не имѣя внѣшнихъ непріятелей, ведутъ междоусобныя войны. Большія лодки, на которыхъ пріѣзжали

* Веревки, служащія вмѣсто поручней для входа на судно, или изъ каютъ на верхнюю палубу.

къ намъ опарцы, имѣли въ длину до 25 футовъ, а въ ширину около одного фута, и для остойчивости во время волненія снабжены были отводами, состоящими изъ заостреннаго съ обоихъ концевъ бруса, который лежалъ на водѣ параллельно килю лодки и соединялся съ нею поперечными шестами.

2 іюля время было прекрасное; мы пересѣкли тропикъ козерога; теперь опять наслаждаемся плаваніемъ въ тропическихъ моряхъ и безподобными ночами.

5 іюля прошли близъ Атолла *, который признанъ за островъ принца Генриха. Средина его лежитъ въ широтѣ 19° 11′ южной и долготѣ 141° 16′ западной; онъ необитаемъ, навѣтренная сторона покрыта невысокимъ лѣсомъ. Посланный къ острову на яликѣ штурманъ Ильинъ привезъ морскихъ ерей (echinus); они имѣли иглы длиною въ шесть дюймовъ, лиловаго цвѣта, похожіе на грифель.

6 іюля съ разсвѣтомъ показались группы кокосовыхъ деревьевъ на новомъ атоллѣ. Мы подошли къ острову на разстояніе одной мили отъ берега; простыми глазами можно было хорошо видѣть высокую кокосовую рощу, и на взморьѣ дикихъ, вооруженныхъ длинными пиками. Двое изъ нихъ долго бѣжали по берегу наравнѣ съ шлюпомъ. Большой бурунъ, разбивающійся на коралловой отмели, не позволилъ послать шлюпку на берегъ. Средина атолла лежитъ въ 18° 12′ южной широты и 140° 53′ западной долготы. Длина его 25 и большая ширина около семи миль. Островъ этотъ былъ обрѣтенъ Кукомъ и названъ Лука (Bow).

Въ 9-мъ часу пополудни открылся новый атоллъ. Ночью держались близъ него, а съ разсвѣтомъ, при тихомъ вѣтрѣ, лавировали къ острову, и только 8 іюля могли подойти къ сѣверной его оконечности. Яликъ съ «Востока» и катеръ съ «Мирнаго» отправились къ берегу; на первомъ находились капитанъ Беллинсгаузенъ, мичманъ Демидовъ и живописецъ Михайловъ, на второмъ капитанъ Лазаревъ, лейтенантъ Анненковъ, докторъ Галкинъ и я. Всѣ офицеры и гребцы были вооружены. Къ тому мѣсту, куда мы хотѣли пристать и гдѣ ходилъ сильный бурунъ, сбѣжалось человѣкъ 60 дикихъ съ пиками и короткими лопатками; они были нагіе за исключеніемъ извѣстнаго пояска. Число островитянъ на взморьѣ безпрестанно возрастало; повидимому они намѣревались непріязненно насъ встрѣтить. Женщины стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и также вооружены были пиками.

Между тѣмъ какъ мы подходили къ самымъ коралловымъ рифамъ,

* Атоллами (Atoll) мы будемъ называть низменные коралловые острова, въ срединѣ которыхъ обыкновенно бываетъ лагунъ, соединяющійся съ моремъ однимъ или нѣсколькими проливами.

чтобъ выйти на берегъ, островитяне съ крикомъ размахивали пиками и готовы были не нашутку съ нами сразиться. Дабы склонить ихъ къ миру и доброму пріему, брошены имъ были разныя вещицы, которыя они тотчасъ подбирали, но на берегъ не хотѣли добровольно пустить насъ. Сдѣлано было нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ дробью поверхъ ихъ головъ; они присѣли и плескали на себя воду, а женщины бросились бѣжать въ лѣсъ. Дикари, видя однакожъ, что выстрѣлы вреда имъ не дѣлаютъ, продолжали махать пиками и держались крѣпко въ позиціи своей на взморьѣ. Натурально, настоящій выстрѣлъ заставилъ бы ихъ обратиться въ бѣгство, но мы не имѣли никакой особой надобности войти на островъ, жители котораго не желали быть съ нами въ сообщеніи; притомъ капитанъ Беллинсгаузенъ помнилъ данное ему Государемъ Императоромъ изустное повелѣніе: «безъ самой крайности не употреблять огнестрѣльнаго оружія»; и потому приказалъ только сдѣлать съ Мирнаго пушечный выстрѣлъ въ лѣсъ, повыше ихъ головъ. Когда это было исполнено, всѣ опять присѣли и лили на себя воду, а женщины въ испугѣ зажгли лѣсъ. Огонь длинною лентой обвился по взморью, лѣсъ горѣлъ и трещалъ, облака густаго дыма неслись по вѣтру.

Когда шлюпки наши пошли назадъ и довольно удалились отъ берега, женщины выбѣжали на взморьѣ, и дѣлали намъ выразительные знаки, какъ бы говоря: «что взяли!» потомъ принялись скакать и плясать.

Длина этого острова 16 миль, ширина 7 миль, средина лежитъ въ широтѣ 17° 40′ южной, и въ долготѣ 140° 40′ западной. Атолъ этотъ не былъ прежде извѣстенъ, и названъ въ честь контръ-адмирала А. В. Моллера, островомъ Моллера.

Отъ этого острова мы держали на сѣверъ, чтобъ достигнувъ параллели 16°, обратиться къ западу и обозрѣть неизслѣдованное еще пространство океана между сердитымъ моремъ и опаснымъ архипелагомъ. *

10 іюля, на разсвѣтѣ увидѣли опять коралловый островъ; мы были отъ него въ разстояніи 12-ти миль, какъ нѣсколько большихъ лодокъ вышли къ намъ навстрѣчу; на каждой лодкѣ сидѣло по четыре и по пяти нагихъ островитянъ. Подошедъ къ шлюпамъ, они не рѣшались на нихъ войти, а только держались за веревку, брошенную съ кормы. Дикіе были вооружены пиками, булавами, иные имѣли арканы изъ травяныхъ вере-

* Сердитымъ моремъ Шутенъ и Лемеръ назвали здѣсь параллель 15° широты, по сильнымъ вѣтрамъ и дурной погодѣ, которые случилось имъ испытать. Опаснымъ архипелагомъ Бугенвиль назвалъ пространство моря между 18о и 19о широты, по причинѣ опаснаго плаванія между атоллами.

вокъ. Кажется островитяне имѣли намѣреніе атаковать насъ и завладѣть двумя большими лодками, но разсмотрѣвъ поближе эти лодки, удостовѣрились, что бой для нихъ будетъ неравенъ. Мы дали островитянамъ нѣсколько топоровъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей, на которыхъ съ одной стороны было изображеніе Государя а съ другой названіе шлюповъ. Дикіе, принимая подарки, въ то же время коварнымъ образомъ едва не ранили пикой одного офицера на «Востокѣ». Мы шли къ самому берегу, къ которому въ то же время подъѣхали и островитяне на лодкахъ. Они поспѣшно выскочили на берегъ, и съ помощію собравшихся на взморьѣ товарищей схватили лодки на плеча и понесли ихъ въ лагунъ. Въ ту же минуту въ разныхъ мѣстахъ запылалъ лѣсъ, шлюпы, поворотивъ на другой галсъ, пошли вдоль берега, объятаго пламенемъ. Эта огненная линія, конечно, служила сигналомъ приближенія непріятеля къ острову. Средина вновь открытаго атолла находится въ широтѣ 15° 11′ южной, и долготѣ 140° 49′ западной. Ночью пущено было для островитянъ нѣсколько ракетъ, которыя разсыпались въ воздухѣ разноцвѣтными звѣздочками.

Плаваніе наше по параллели 16° къ западу, было самое счастливое. Почти ежедневно мы находили и описывали новые атоллы, такъ что между меридіанами 140° 49′ и 146° 16′ западной долготы, открытъ цѣлый архипелагъ русскихъ острововъ. Капитанъ Беллинсгаузенъ назвалъ ихъ слѣдующими именами: 1) графа Аракчеева, 2) князя Волконскаго, 3) князя Барклая де-Толли, 4) Ермолова, 5) князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, 6) Раевскаго, 7) графа Остенъ-Сакена, 8) Чичагова, 9) графа Милорадовича, 10) графа Витгенштейна и 11) Грейга. Нѣкоторые изъ нихъ обитаемы и всѣ принадлежать къ настоящимъ атолламъ выключая, острова Грейга, который представляетъ какъ бы вышедшую изъ моря вершину горнаго хребта, состоящаго изъ слоистаго камня.

Здѣсь нельзя не упомянуть, что 13 іюля, когда мы находились возлѣ одного атола поросшаго лѣсомъ, который жители Полинезіи называютъ Нигеромъ, пріѣзжала съ него на шлюпъ «Востокъ», лодка съ двумя островитянами. Одинъ изъ нихъ ловко и смѣло взошелъ на шкафутъ и предлагалъ для мѣны удочки изъ раковинъ; потомъ вынулъ изъ-за пояса небольшой свертокъ, обмотанный кокосовыми волокнами, содралъ ихъ зубами, и доставъ изъ свертка мелкій жемчугъ, подалъ его капитану Беллинсгаузену. На вопросъ: есть ли жемчугъ на островѣ, отвѣчалъ: «Нюй! нюй!» много! много! Островитянинъ далъ разумѣть, что онъ не изъ простыхъ людей, а начальникъ на островѣ Анюи, и пріѣхалъ на Нигеръ только для промысла. Когда же спросили его есть ли на Ни-

герѣ женщины? онъ сказалъ, что-то бывшему съ нимъ островитянину, и тотъ немедля отправился на лодкѣ къ берегу.

Между тѣмъ настало обѣденное время. Капитанъ Беллинсгаузенъ посадилъ гостя возлѣ себя, начальникъ анюйской старался во всемъ подражать сидѣвшимъ съ нимъ за столомъ, только трудно было ему управиться съ вилкой. Послѣ обѣда одѣли гостя въ старый лейбъ-гусарскій мундиръ; онъ былъ внѣ себя отъ радости; потомъ, послѣ троекратнаго ура, капитанъ Беллинсгаузенъ торжественно надѣлъ ему на шею серебряную медаль; каждый поочереди тихо подходилъ къ анюйскому начальнику и почтительно ее разсматривалъ. Послѣ этой церемоніи, которая произвела повидимому на островитянина глубокое впечатлѣніе, можетъ быть, онъ побережетъ медаль хоть до встрѣчи съ новыми европейцами.

Посланный на берегъ воротился и привезъ съ собою молодую островитянку; ее пригласили въ каютъ-компанію, и капитанъ Беллинсгаузенъ подарилъ ей зеркальце, сережки, перстень и кусокъ краснаго сукна, которымъ она рѣшилась тутъ же обернуть себя отъ пояса до колѣнъ; свою же ткань, искусно изъ травы сплетенную, оставила на шлюпѣ, которая съ прочими рѣдкостями поступила въ адмиралтейскій музеумъ. Островитянка съ примѣтною стыдливостью переодѣвалась, и снимая свою ткань, старалась какъ можно закрывать себя. Она была средняго роста, довольно полна, прекрасно сложена, имѣла смуглое, пріятное лице и въ добавокъ черные огненные глаза. Къ вечеру гостей, щедро одаренныхъ, отправили къ берегу на нашемъ яликѣ.

Оставляя атоллы, нельзя не подивиться этимъ гигантскимъ зданіямъ, воздвигнутымъ мельчайшими черепокожными животными. Основаніями атолламъ служатъ подводные острова, и потому нѣкоторые естествоиспытатели искали въ атоллахъ кальдеры подводныхъ острововъ, поднятыхъ немного ниже уровня моря, и потомъ достроеннаго кораллами до поверхности океана. Дѣйствительно, кольцеобразный видъ атолловъ имѣетъ поразительное сходство съ кальдерами. Но оставляя ипотезы, несомнѣнно то, что подводные острова, дѣйствительно, достроиваются кораллами до уровня моря. Бурунъ, разбивающійся на коралловыхъ рифахъ, превращая нѣкоторые изъ нихъ въ песокъ, засыпаетъ имъ пустоты между коральными вѣтвями. Пометъ птицъ, морская трава, разные водоросли, лишаи, приносимые волнами моря, согниваютъ и образуютъ первый пластъ чернозема, на которомъ приносимыя тѣми же волнами сѣмена различныхъ растеній развиваются и покрываютъ новосозданный островъ богатѣйшею тропическою вежетаціею. Напослѣдокъ подымаются высокія кокосовыя пальмы и служатъ убѣжищемъ отъ солнечнаго зноя временнымъ

или постояннымъ обитателямъ атола. Кокосовыя деревья принадлежатъ къ числу самыхъ полезнѣйшихъ растеній для островитянъ. Въ кокосовомъ орѣхѣ находится прохладительная и пріятная для питья жидкость; внутренность орѣха употребляется въ пищу, скорлупа его служитъ посудой, листья кокосовые идутъ на крыши хижинъ; изъ коры вьются веревки для скрѣпленія лодокъ и для аркановъ. Вообще гдѣ есть кокосы, тамъ навѣрно есть и жители. Отличительная характеристика всѣхъ атолловъ есть та, что приближаясь къ нимъ, не имѣете никакихъ признаковъ существованія острова, доколѣ вдругъ не выростетъ предъ вами въ водѣ цѣлая пальмовая роща, или не явятся отдѣльныя группы деревъ. Потому-то и плаваніе въ этомъ архипелагѣ, особенно ночью, весьма опасно. Бѣдственная участь Лаперуза и нѣкоторыхъ другихъ мореплавателей служитъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ.

20 іюля на пути къ Отаити увидѣли островъ Матеа; когда мы шли вдоль сѣверной его стороны, берегъ походилъ на темныя стѣны высокой крѣпости, на верху которой качалась отъ вѣтра роща кокосовыхъ пальмъ. Поравнявшись съ сѣверовосточнымъ угломъ острова, замѣтили на выдавшемся къ самой водѣ мысу четырехъ человѣкъ, они махали намъ красною тканью, привязанною къ длинному шесту. Шлюпы легли въ дрейфъ и послали на островъ ялики. Отъ насъ поѣхали лейтенантъ Анненковъ, докторъ Галкинъ и я. Мы хорошо пристали къ берегу и нашли тамъ четырехъ мальчиковъ, двоихъ взяли на шлюпъ «Востокъ», а двоихъ привезли на «Мирный». На острову кромѣ кокосовыхъ пальмъ, мы видѣли и хлѣбное дерево, нашли также нѣсколько ручьевъ хорошей свѣжей воды.

Привезенные на шлюпъ мальчики были одинъ по пятнадцатому, другой по десятому году отъ роду. Старшій, съ помощію знаковъ, разсказалъ намъ слѣдующую исторію:

Они съ острова Анны, и бурею занесены были съ ихъ родственниками на островъ Матеа, потомъ пристали туда же другія лодки съ непріятелями, которые перебили и съѣли прежде прибывшихъ, выключая четверыхъ мальчиковъ успѣвшихъ убѣжать и скрыться въ кустахъ гдѣ и оставались они пока непріятельскія лодки не удалились отъ острова. Видя наши шлюпы и наслышась что европейцы людей не ѣдятъ и не обижаютъ, рѣшались просить знаками, чтобъ мы взяли ихъ съ этого острова.

Мальчики были понятливы, и имѣли складъ лица близкій къ европейскому. Они знали островъ Таити, который называли Танчь и показывали, что островъ ихъ лежитъ отъ насъ на юго-востокъ. Мальчиковъ остригли, вымыли, надѣли на нихъ брюки и куртки изъ тика, и они не походили болѣе на дикарей.

21 іюля рано поутру всѣ офицеры были на палубѣ, и часто смотрѣли въ ту сторону, гдѣ Отаити долженъ былъ открыться. Въ девять часовъ закричали съ салинга: видѣнъ берегъ! Въ зрительныя трубы дѣйствительно можно было разсмотрѣть очерки двухъ отдѣльныхъ чуть-чуть синѣющихся горъ. Отаити открылся намъ слишкомъ за пятьдесятъ миль. По мѣрѣ приближенія къ нему, новыя горы выходили изъ моря и перемѣняли рисунокъ картины, легкія тѣни стали оживляться, и къ вечеру островъ Отаити, покрытый богатѣйшею тропическою растительностью, представлялся уже намъ во всей красотѣ своей; но въ тропикахъ скоро темнѣетъ, настала ночь почти безъ сумерекъ. На взморьѣ засверкали огоньки, волны озарялись фосфорическимъ свѣтомъ отъ скользящихъ рыбъ. Надъ горами острова плавали темныя тучи, но большая часть неба была чиста и усѣяна яркими звѣздами. Млечный путь блисталъ неизвѣстнымъ для сѣверныхъ жителей свѣтомъ, особенно поясъ его, проходящій отъ ногъ центавра чрезъ крестъ къ срединѣ корабля. По небесному своду пробѣгали нерѣдко огненные метеоры. Горящій въ безпредѣльномъ пространствѣ южный крестъ, какъ бы осѣнялъ наши шлюпы *. По восточную его сторону, загадочное темное пятно, въ видѣ груши, какъ бездонная труба въ безпредѣльное пространство неба, изъ котораго ни одна звѣздочка не посылаетъ отраднаго луча; этотъ, такъ называемый, угольной мѣшокъ невольно привлекалъ на себя вниманіе, и еще болѣе возвышалъ блескъ звѣзды на оконечности креста. Нельзя равнодушно смотрѣть и на туманныя пятна, которыхъ насчитываютъ тысячи, иныя и въ самые сильные телескопы не разлагаются на звѣзды и, по мнѣнію астрономовъ-поэтовъ, можетъ быть, состоятъ изъ скопленія міровой матеріи. Ночь тропическая на 22 іюля предъ Отаити, царицы Полинезіи, съ темноголубымъ небомъ при стройномъ шествіи небесныхъ свѣтилъ, которыя по выраженію одного христіанина-поэта, «имя Бога въ небесахъ своимъ начертываютъ слѣдомъ», была невыразимо прелестна, и принадлежала къ числу такихъ, которыя въ жизни человѣческой рѣдко повторяются, можетъ быть потому, что даютъ слишкомъ уже много чистѣйшихъ наслажденій!

Поутру 22 іюля, подходя къ мысу Венеры, мы имѣли предъ глазами самую восхитительную картину. Отаити представился намъ опоясаннымъ тройною лентою изъ серебра, золота и зелени, отъ разбивающихся о прибрежьѣ волнъ, отъ чистѣйшаго на взморьѣ песку и роскошнаго ковра зелени, на которомъ возвышались кокосовыя и банановыя пальмы,

* Созвѣздіе южнаго креста при восхожденіи и захожденіи кажется наклоненнымъ, а проходя меридіанъ стоитъ вертикально. При появленіи его все небо озаряется свѣтомъ близкимъ къ тому, какой бываетъ при сіяніи луны.

служившія пріютомъ для чистенькихъ веселыхъ домиковъ; съ горъ катились свѣтлые ручьи; островитяне суетились, спѣшили спускать съ берега свои лодки, и поплыли къ намъ навстрѣчу; впереди ихъ шелъ европейскій яликъ; шлюпы легли въ дрейфъ, и яликъ присталъ къ «Востоку». На немъ сидѣли два островитянина; одинъ изъ нихъ, высокій ростомъ, смуглаго лица, въ бѣлой коленкоровой рубашкѣ, вошелъ на шлюпъ и подалъ капитану Беллинсгаузену письмо, сказавъ на худомъ англійскомъ языкѣ, что оно отъ короля.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

Tuesday morning,

Sir!

I have sent off a pilot to conduct you into Motavai bay, and schall be glad to see you safe at anchor.

I am Sir

Yours &c

Pomare.

Вторникъ поутру.

Государь мой!

Я послалъ лоцмана провести васъ на Матавайскій рейдъ, и буду радъ васъ видѣть въ безопасности на якорѣ.

Вашъ и проч.

Помаре.

Капитанъ Беллинсгаузенъ одного изъ посланныхъ оставилъ у себя, а другаго отослалъ на «Мирный»; шлюпы направили свой путь прямо къ мысу Венеры, миновали коральный рифъ, и пройдя узкимъ проходомъ между этимъ рифомъ и дельфиновою мелью, бросили якорь на матавайскомъ рейдѣ, неподалеку отъ берега, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1767 году капитанъ Валлисъ имѣлъ съ островитянами сраженіе, и гдѣ стоялъ Кукъ.

Едва успѣли положить якорь, какъ множество лодокъ окружило наши шлюпы; островитяне навезли намъ лимоновъ, апельсиновъ, банановъ, ананасовъ и кокосовыхъ орѣховъ, и вымѣнивали ихъ за бездѣлицы. Отаитяне имѣли открытыя, веселыя лица, большая ихъ часть была безъ одежды, нѣкоторые однакожъ были въ неполныхъ костюмахъ: кто въ однихъ

брюкахъ, кто въ курткѣ безъ брюкъ, или въ одномъ камзолѣ. Въ числѣ пріѣхавшихъ къ намъ гостей, были два матроса, одинъ американецъ, другой англичанинъ. Первый служилъ нѣкоторое время въ нашей сѣвѣро-американской компаніи, и выучился нѣсколько русскому языку. Въ бытность его на островѣ Нукагивѣ, женился тамъ на молоденькой островитянкѣ, потомъ переѣхалъ на Отаити, обзавелся домомъ, и пользуется покровительствомъ короля Помаре. Капитанъ Беллинсгаузенъ взялъ его къ себѣ въ переводчики, а англичанинъ для той же же цѣли поступилъ на нашъ шлюпъ; отъ него мы узнали, что всѣ отаитяне исповѣдуютъ теперь христіанскую вѣру.

Послѣ полудня пріѣхалъ на «Востокъ» англійскій миссіонеръ Нотъ, находящійся здѣсь болѣе двадцати лѣтъ, и объявилъ, что король Помаре ѣдетъ на шлюпы. Въ самомъ дѣлѣ, мы увидѣли большую двойную лодку шедшую къ «Востоку». На помостѣ ея сидѣлъ высокій мужчина важнаго вида, въ бѣлой коленкоровой рубашкѣ, сверхъ которой надѣтъ былъ кусокъ бѣлой ткани, въ которой сдѣлана была прорѣзь, чтобъ могла проходить голова; отъ пояса до пятъ онъ былъ обернутъ въ бѣлую матерію, и имѣлъ на глазахъ синіе очки; волосы спереди были гладкіе и острижены, а съ зади завиты въ одинъ висячій локонъ. Это былъ Помаре. Назади помоста, подъ навѣсомъ, на подобіе кибитки, помѣщалось королевское семейство и придворныя дамы. Лодка скоро пристала къ «Востоку». Помаре взошелъ первый, подалъ руку капитену Беллинсгаузену и подождалъ, пока не взошло все его семейство, состоящее изъ королевы, дочери и невѣстки, у которой на рукахъ былъ грудной младенецъ, сынъ короля. Королева, по имени Тире-Вагине, лѣтъ двадцати пяти, невысокаго роста, очень стройная женщина съ маленькими живыми глазами, одѣта была въ бѣлую матерію отъ груди до низу, сверхъ которой наброшена была другая такая же ткань, въ родѣ шали, на головѣ у нея былъ изъ свѣжихъ кокосовыхъ листьевъ маленькій зонтикъ. Дочь, Ай мата, лѣтъ десяти, была въ цвѣтномъ ситцевомъ платьицѣ; тетка ея была одѣта также какъ и королева, а придворныя почти всѣ хорошенькія дамы, драпировали себя очень граціозно бѣлыми и желтыми тканями, которыя приготовляютъ изъ коры хлѣбнаго дерева; на головѣ у нихъ, какъ и у королевы, были зонтики изъ свѣжихъ кокосовыхъ листьевъ или гирлянды изъ душистыхъ цвѣтовъ.

Короля съ семействомъ и свитою пригласили въ каюту. Король и королева сѣли на диванъ. Помаре неоднократно повторялъ слова: рушень, рушень. Произнесъ имя Александра, потомъ Наполеона и засмѣялся. Видно, что послѣдняя гигантская борьба въ Европѣ дошла и до Отаити. Капитанъ Белинсгаузенъ пригласилъ гостей къ обѣду. Ко-

роль занялъ первое мѣсто, по правую его руку сѣла королева, потомъ г. Нотъ и нашъ капитанъ, по лѣвую сторону принцесса Аймата и капитанъ Беллинсгаузенъ. Сестра королевы сѣла поодаль и нянчила будущаго властителя острова Отаити. Король кушалъ съ аппетитомъ, часто наливалъ себѣ въ бокалъ вино и отпускалъ остроты въ родѣ слѣдующихъ: Я думалъ дѣлать дорогу отъ дворца до пристани, теперь это не нужно; надѣюсь, что русскіе ее протопчатъ. Когда капитанъ Беллинсгаузенъ извинялся, что за столомъ мало свѣжаго кушанья, Помаре возразилъ: знаю, что рыбу ловятъ при берегѣ, а не въ глубинѣ моря!—Замѣтивъ, что вода не совершенно была свѣжа, велѣлъ одному островитянину подать кокосовой воды. Повелѣніе это тотчасъ было исполнено; островитянинъ принесъ большихъ кокосовыхъ орѣховъ, отбилъ искусно молоткомъ верхушки, и налилъ кокосовую воду въ стаканы, которую Помаре смѣшалъ съ виномъ. Когди же наливалъ цѣльное вино, то всякій разъ пилъ за чье нибудь здоровье, стукаясь бокалами. Послѣ обѣда спросилъ сигаръ, и пилъ кофе. Въ это время живописецъ Михайловъ срисовывалъ съ него портретъ, Помаре, замѣтивъ, изъявилъ на то свое согласіе, и былъ срисованъ держащимъ въ рукѣ медаль, а королева ни мало не стыдясь, кормила при всѣхъ сына своего грудью.

Помаре показали нижнюю палубу и пушки, и сдѣлали изъ нихъ въ честь его нѣсколько выстрѣловъ; онъ былъ этимъ очень доволенъ, только при каждомъ выстрѣлѣ прятался за капитана Беллинсгаузена.

Между тѣмъ привезли отъ короля подарки, состоявшіе изъ множества разныхъ фруктовъ, сахарнаго тростника и кореньевъ таро и ямсу. Королева съ семействомъ и свитой, часовъ въ шесть отправилась на берегъ, а король оставался еще на шлюпѣ, пока совсѣмъ не стемнѣло, тогда и онъ пожелалъ ѣхать. Подали катеръ, и мичманъ Демидовъ отвезъ его за мысъ Венеры, прямо противъ дворца. Пока катеръ ѣхалъ къ берегу, на носу его зажгли фальшфейеры, а съ шлюпа пустили нѣсколько ракетъ, разсыпавшихся разноцвѣтными звѣздочками. Помаре подарилъ Демидову 8 саженъ бѣлой матеріи, и каждому матросу по четыре сажени.

23 іюля, съ первыми лучами солнца, озлатившими прекрасное тропическое утро, островитяне засуетились на взморьѣ, нагружали свои лодки плодами и спѣшили спускать ихъ на воду. Цѣлая флотилія на парусахъ и на греблѣ отправилась къ нашимъ шлюпамъ. Отаитяне опять навезли намъ множество разныхъ плодовъ, кореньевъ, куръ и прекрасныхъ раковинъ, которыя мѣняли за всякія бездѣлицы, даже за листки писчей бумаги. Между тѣмъ свободные отъ должности офицеры, въ числѣ ихъ и я, отправились на берегъ. Мы пристали за мысомъ Венеры

и пошли къ кокосовой рощѣ, возлѣ которой находился дворецъ Помаре; въ это же время оба капитана, въ сопровожденіи г. Нота, также подошли къ королевскому дому, огороженному невысокимъ досчатымъ заборомъ; перешагнувъ чрезъ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ нарочно сдѣланы были ступеньки, мы прошли чрезъ просторный шалашъ, въ которомъ по обѣимъ сторонамъ стояли кровати, покрытыя желтыми одѣялами — это жилище, вѣроятно, принадлежало придворнымъ особамъ. Потомъ чрезъ небольшой дворъ вошли въ домикъ Помаре. Въ это время король съ семействомъ своимъ завтракалъ. Король поздоровался съ нами и велѣлъ принести для капитановъ низенькія скамейки. Подали хрустальные бокалы, и наливъ ихъ свѣжею кокосовою водою, предлагали намъ чтобъ освѣжиться. Помаре, взявъ капитана Беллинсгаузена за руку, отвелъ въ другой маленькій домикъ, и просилъ написать, чтобъ со шлюпа прислали одну бутылку рому; желаніе его было исполнено: приказано было отпустить 3 бутылки рому и 6 бутылокъ тенерифскаго вина. Когда мы уходили изъ королевскаго дома, маленькая дочь короля Аймата подала мнѣ букетъ цвѣтовъ, а я отдарилъ ее сережками и зеркальцемъ. На дорогѣ попадались намъ островитянки смуглыя, но пріятной наружности, хотя и не были такими красавицами, какими описывали ихъ нѣкоторые, изъ прежнихъ мореплавателей. Они предлагали намъ душистые вѣнки, и получали за нихъ разные подарки, больше всего имъ нравились сережки.

25 іюля, въ воскресенье, солнце уже сіяло, а никто изъ островитянъ къ намъ не ѣхалъ. На берегу мы узнали, что все народонаселеніе отправилось въ молитвенный домъ. Мы пошли въ церковь; она полна была народа въ праздничныхъ платьяхъ; тутъ можно было видѣть странную коллекцію всѣхъ европейскихъ костюмовъ.

Г. Нотъ произнесъ проповѣдь съ большимъ чувствомъ; островитяне сидѣли и стояли чинно, слушая его со вниманіемъ. Когда обѣдня кончилась, мы заходили къ знакомымъ островитянамъ; они приняли насъ радушно, и почитая воскресный день, не принимали отъ насъ никакихъ подарковъ за маленькія ихъ намъ услуги.

Король нѣсколько разъ посѣщалъ наши шлюпы и показывалъ большую къ намъ пріязнь. Онъ имѣлъ природный умъ и много добрыхъ свойствъ; всегда былъ вѣренъ своему слову, но къ сожалѣнію, самъ себѣ былъ большой врагъ. Непреодолимая страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, вѣроятно скоро сведетъ его въ могилу!

Островъ Отаити состоитъ изъ двухъ полуострововъ, соединенныхъ узкимъ низменнымъ перешейкомъ; большой называется собственно Отаити, а меньшой Таіа-Рабу.

Къ отаитскому архипелагу принадлежатъ слѣдующіе острова: Отаити, Маитіа, Эймео, Табу-Эману, Вагине, Раіатеа, Тагаа, Бора-Бора, Тубаи, Маупити и низменный островокъ Тетуа-Роа.

Отаити открытъ былъ въ 1606 году испанцемъ Квиросомъ, котораго жители приняли дружелюбно. Спустя 160 лѣтъ, посѣтили Отаити Валлисъ и Бугенвиль.

Валлисъ останавливался на Матавайскомъ рейдѣ и едва непотерпѣлъ кораблекрушенія на Дельфиновой мели. Въ одно утро онъ окруженъ былъ 300 лодокъ. Островитяне начали осыпать судно его градомъ каменьевъ. Когда лодки подошли ближе, Валлисъ пустилъ въ нихъ картечью, и дикари бѣжали. Урокъ послужилъ въ пользу: миръ былъ водворенъ; отаитяне сдѣлались ласковы, услужливы. Въ это время владычествовала на Отаити Обереа, или Пурія, женщина лѣтъ сорока пяти, величественной наружности; она познакомилась съ Валлисомъ и была съ нимъ въ дружбѣ.

У отаитянъ былъ тогда такой обычай: если у властителя родится сынъ, то послѣдній уже считается настоящимъ Оту или царемъ, а родитель получаетъ званіе только правителя до совершеннолѣтія сына.

Во время пребыванія на Отаити Валлиса, правителями зз малолѣтнаго Оту Темаре были Оаммо и жена его Обереа.

Въ 1768 году заходилъ на Отаити Бугенвиль; онъ представилъ этотъ островъ въ такой роскошной увлекательной картинѣ, что вся Европа заговорила объ открытіи новой очаровательной Цитеры въ Полинезіи. Вскорѣ послѣ того случился на Отаити переворотъ. Явился честолюбецъ Тутага, который соединясь съ старикомъ Вагу-Адуа, правителемъ Таіа-Рабу, низвергъ правительство Оаммы и царицы Пуріи, и на мѣсто Оту Темаре возвелъ въ этотъ санъ другаго юношу.

Въ 1769 году прибылъ на Отаити Кукъ для наблюденія прохожденія Венеры по солнцу. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ Тутага и съ бывшей царицей Пуріей, тогда уже отцвѣтшею красавицей.

При посѣщеніи Кукомъ Отаити, въ 1774 году, собранъ былъ отаитскій флотъ, состоявшій изъ трехъ сотъ лодокъ для дѣйствія противъ Эймео. Воины, числомъ болѣе семи тысячъ человѣкъ, надо замѣтить, что въ этомъ ополченіи не участвовалъ полуостровъ Таія-Рабу, казались издали въ самомъ живописномъ видѣ. Одежда ихъ состояла изъ трехъ кусковъ матеріи бѣлой, красной и темной; щиты были сдѣланы изъ ивовыхъ вѣтвей и украшены разноцвѣтными перьями и зубами акулъ. У начальниковъ висѣли на спинѣ хвосты изъ желтыхъ и зеленыхъ перьевъ, а главный начальникъ, въ родѣ адмирала, Товга, имѣлъ пять такихъ хвостовъ и на головѣ родъ чалмы; ему было около шести-

десяти лѣтъ отъ роду, и онъ отличался высокимъ ростомъ и пріятною наружностью.

Кукъ, не дождавшись отплытія флота, въ послѣдствіи узналъ, что война эта не имѣла рѣшительныхъ послѣдствій: сначала Эймео покоренъ былъ подъ власть двоюроднаго брата таитскаго Оту, Моту-Ара, который вскорѣ опять былъ прогнанъ оттуда дядею своимъ Магине.

Послѣ сего таитскій Оту женился на родственницѣ своей, прекрасной Гидіи, сестрѣ Моту-Ара. Первенецъ отъ этого брака безжалостно былъ умерщвленъ родителями, чтобъ не лишиться своихъ высокихъ титловъ. Но при рожденіи втораго сына, они не рѣшились повторить подобнаго варварства, хотя отецъ и долженъ былъ перемѣнить титло оту на званіе правителя.

При этомъ случаѣ властитель таитскій придумывалъ какъ бы наименовать себя, и напослѣдокъ назвался Помаре I. Слово это означало простуду, которое онъ принялъ въ память болѣзни, полученной въ одномъ изъ своихъ походовъ, а малолѣтный сынъ его извѣстенъ былъ подъ именемъ Помаре II.

Въ 1788 году заходилъ на Отаити англійскій капитанъ Северъ, перевозившій колонистовъ въ новый южный Валлисъ; къ нему явился Помаре I и спрашивалъ о знаменитомъ Кукѣ. Северъ не только воздержался сказать ему о насильственной на Сандвичевыхъ островахъ смерти Кука, но вручилъ Помаре отъ имени его подарки. Помаре имѣлъ тогда отъ роду лѣтъ тридцать; жена его, Гидія, была все еще прекрасна собою, а сыну ихъ, Помаре II, было лѣтъ шесть.

Потомъ заходилъ на островъ Отаити на суднѣ Боунти капитанъ Блей *, для перевезенія изъ Отаити въ Западную-Индію хлѣбнаго дерева; онъ оставался для этой цѣли около пяти мѣсяцевъ на островѣ. По отправленіи Боунти, чрезъ два мѣсяца судно это опять явилось предъ Отаити, но безъ своего капитана. Лейтенантъ Христіанъ увѣрилъ островитянъ, что присланъ отъ друга ихъ Кука за нѣсколькими таитянами и таитянками, для населенія одного прекраснаго плодороднаго острова, гдѣ дожидается ихъ и капитанъ Блей. Тринадцать островитянъ и одиннадцать островитянокъ согласились ѣхать на Боунти; но путешествіе это было неудачно, они опять возвратились на Отаити. Напослѣдокъ Христіанъ съ восемью англичанами и нѣсколькими островитянами и островитянками присталъ на необитаемый островъ Питкарнъ и, послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ сценъ, колонія эта окончательно на немъ утвердилась и донынѣ процвѣтаетъ. Что касается до несчастнаго капитана

* Блей находился прежде штурманомъ при капитанѣ Кукѣ.

Блея, то онъ, возмутившимся экипажемъ посаженъ былъ съ восемнадцатью человѣками, оставшимися ему вѣрными, на барказъ; его снабдили провизіей и свѣжею водой, дали компасъ и секстанъ, и оставили на произволъ стихій.

Послѣ 3-хъ-дневнаго бѣдственнаго на этой скорлупѣ, среди океана, подъ раскаленнымъ солнцемъ плаванія, послѣ испытанія бурь и неимовѣрныхъ трудностей, опасностей и лишеній, они чудеснымъ образомъ достигли острова Тимора, потомъ голландскаго селенія Купангъ, и оттуда перевезены были въ Англію.

Послѣ Блея посѣтилъ Отаити капитанъ Ванкуверъ, бывши прежде офицеромъ въ экспедиціяхъ Кука. Онъ нашелъ величайшую перемѣну на этомъ островѣ. Мало уже было стройныхъ мужчинъ и прекрасныхъ женщинъ! Народонаселеніе видимо клонилось къ упадку. У отаитянъ распространилась заразительная болѣзнь и произвела гибель и опустошеніе на островѣ.

Въ 1792 году еще разъ явился на Отаити капитанъ Блей и вывезъ оттуда для Западной-Индіи хлѣбное дерево.

Въ 1797 прибылъ къ Отаити капитанъ Вильсонъ, развозившій по островамъ южнаго океана миссіонеровъ для распространенія слова Божія.

Пріѣздъ на Отаити миссіонеровъ произвелъ на островитянъ большое впечатлѣніе. Главный ихъ жрецъ Мани-мани объявилъ себя въ пользу новыхъ жителей, которымъ тотчасъ уступлены были въ полное владѣніе нѣкоторые участки земли.

Съ ревностію принялись миссіонеры за богоугодное дѣло, и прежде всего старались изучить отаитскій языкъ.

Въ 1802 году миссіонеръ Нотъ обошелъ весь островъ проповѣдуя христіанскую вѣру, онъ встрѣчалъ повсюду ласковый пріемъ, и болѣе или менѣе сочувствія къ ученію. На возвратномъ пути, когда проходилъ Ата-Гуру, въ тамошнемъ мораѣ или храмѣ, онъ нашелъ Оту, отца его и многихъ начальниковъ, совершающихъ жертвоприношеніе въ честь главнаго ихъ идола Оро. Ужаснулся Нотъ, видя на деревьяхъ предъ мораемъ висящихъ людей, принесенныхъ въ жертву истукану. Тщетно старался образумить заблуждающихся идолопоклонниковъ—никто не хотѣлъ его слушать.

На другой день въ мораѣ было бурное собраніе. Оба Помаре объявили народу, что великій Оро желаетъ быть перенесеннымъ изъ Ата-Гуру въ Таутара на полуостровѣ Таіа-Рабу. Начались споры, сдѣлался страшный шумъ, но по знаку Помаре I, вооруженные воины бросились изъ лодокъ, схватили истуканъ Оро и увезли на полуостровъ Таіа-Рабу. Слѣдствіемъ этого была междоусобная кровопролитная война, извѣстная

у отаитянъ подъ названіемъ войны Руа, по имени начальника возмутившихся атагурцевъ. Помаре потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ бѣжать моремъ на Матавай, а противники ихъ взяли изъ Таутира знаменитый истуканъ Оро, и перенесли опять его въ Ата-Гуру. Тогда обѣ враждующія стороны, утомленныя войною, остались на нѣкоторое время въ перемиріи.

Въ 1803 году скоропостижно умеръ Помаре I на 55 году отъ рожденія. Въ теченіе тридцати лѣтъ, онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ на Отаити. Умный, храбрый, съ сильными страстями, которыя умѣлъ однакожъ обуздывать, Помаре I, вопреки обычаямъ страны, умѣлъ сохранить власть свою и при совершеннолѣтнемъ сынѣ, и постоянно до конца своей жизни покровительствовалъ миссіонерамъ. По смерти Помаре I, власть его законно перешла къ Помаре II.

Между тѣмъ миссіонеры ревностно занимались богоугоднымъ дѣломъ, изучивъ въ совершенствѣ отаитскій языкъ, они перевели, въ 1805 году, на него пространный катихизисъ, и составили отаитскую азбуку, послужившую основаніемъ для перевода на этотъ языкъ книгъ священнаго писанія.

Вскорѣ началась опять междоусобная война между атагурцами и отаитянами; начальникомъ первыхъ былъ Танта, прежній полководецъ Помаре, а теперь злѣйшій его врагъ; онъ разбилъ Помаре II и принудилъ его бѣжать на островъ Вагине, гдѣ находились тогда нѣкоторые миссіонеры. Въ это время экипажъ, стоявшей у Отаити шкуны Венера едва не былъ весь принесенъ въ жертву идолу Оро, но къ счастію подоспѣвшимъ судномъ Уранія исторгнутъ былъ изъ плѣна.

Въ 1809 году на Отаити и другихъ островахъ были непрестанныя смуты и волненія, такъ что почти всѣ миссіонеры принуждены были удалиться въ Портъ-Джаксонъ, за исключеніемъ Гейвуда, оставшагося на островѣ Вагине и Нота на Эймео, на послѣдній островъ переселился и изгнанный Помаре II. Несчастія его послужили ему въ пользу: онъ сдѣлался ревностнымъ ученикомъ Нота; божественное ученіе озарило его душу, и Помаре по внутреннему убѣжденію принялъ христіанскую вѣру. Примѣру его послѣдовали нѣкоторые островитяне, и прежніе начальники, товарищи его стали къ нему отвсюду стекаться.

Помаре рѣшился торжественно объявить себя христіаниномъ, и вотъ какъ это сдѣлалъ:

Однажды принесли къ нему черепаху; онъ велѣлъ просто сварить ее и подать къ обѣду. Надобно знать, что на черепаху наложено было табу, и ее дозволялось употреблять въ пищу неиначе какъ по приготовленіи съ извѣстными обрядами въ мораѣ и отдѣленіи нѣкоторой части кумирамъ. Но

Помаре сталъ ее просто кушать, ничего не оставляя истуканамъ. Ужасъ объялъ присутствовавшихъ, всѣ думали что земля разверзнется и поглотитъ нечестивца. Разумѣется, ничего не случилось, и Помаре умѣлъ этимъ воспользоваться. Вставъ изъ-за стола онъ сказалъ окружавшимъ его начальникамъ:

— Теперь вы сами видите, что ваши боги ложны и безсильны: они бездушные истуканы и не могутъ ни вредить, ни благодѣтельствовать.

Эта простая рѣчь, а также и примѣръ Помаре сильно подѣйствовали на начальниковъ, и многіе изъ нихъ тутъ же обратились въ христіанство.

Между тѣмъ Отаити преданъ былъ всѣмъ ужасамъ безначалія и разврата. Островитяне только и занимались перегонкою растенія ти, для извлеченія изъ него пьянаго напитка. Вездѣ видны были кубы, подъ вытекающую изъ нихъ жидкость подставляли кокосовую скорлупу, и тутъ же напиваясь до пьяна, иные въ безчувственности валялись, другіе приходя въ бѣшенство дрались и рѣзались между собою. Благоразумнѣйшіе изъ островитянъ явились къ Помаре и убѣждали его возвратиться на погибающій островъ. Помаре рѣшился отправиться на Отаити, но запретилъ миссіонерамъ слѣдовать за собою доколѣ не водворится совершенный порядокъ. Сначала одинъ Матавайскій округъ призналъ надъ собою власть Помаре II.

Между тѣмъ церковь процвѣтала на Эймео. Въ 1813 году торжественно освѣщена тамъ главная часовня. Великій жрецъ на этомъ островѣ Паіи, убѣжденный миссіонеромъ Нотомъ, бросилъ въ огонь всѣхъ идоловъ и объявилъ себя христіаниномъ. На островахъ Вагине, Раіатеа и Тагао также были многочисленныя обращенія.

Въ это время исчезающее на отаитянскомъ архипелагѣ идолопоклонство сдѣлало послѣднее усиліе и вступило въ отчаянную на жизнь и смерть борьбу съ христіанствомъ. Закоснѣлые язычники рѣшились жестоко преслѣдовать и буде возможно истребить всѣхъ христіанъ. Они составили для этого тайный заговоръ въ родѣ Сицилійской вечери и положили ночью съ 7 на 8 іюля 1814 года вырѣзать всѣхъ христіанъ. Почти въ самый часъ исполненія заговора узнали христіане объ ожидающей ихъ участи, поспѣшно спустили съ берега лодки и убѣжали на Эймео. Толпою въ темную ночь шли заговорщики на убійство; невозможно описать ихъ изумленія, ихъ бѣшенства, когда въ домахъ обреченныхъ на гибель, не нашлось ни одной жертвы! начались взаимныя обвиненія въ измѣнѣ; отъ споровъ дѣло дошло до дракъ и рѣзни, и прекрасный Отаити, въ эту ночь освѣщенный пламенемъ пожаровъ, представлялъ ужасную картину убійствъ и опустошенія.

Идолопоклонники коварнымъ образомъ вновь призывали на Отаити Помаре и начальниковъ ушедшихъ на Эймео. Помаре недался однакожъ въ обманъ и возвратился къ нимъ съ тремя стами хорошо вооруженныхъ воиновъ. 12 ноября 1815 года, въ воскресный день, когда Помаре съ начальниками и воинами были на молитвѣ въ местечкѣ Наріи округа Атагурскаго, идолопоклонники неся впереди знамя Оро, съ дикимъ воплемъ устремились на Помаре. Не бойтесь, воскликнулъ онъ своимъ воинамъ, Іегова защититъ насъ! Сдѣлалось кровопролитное сраженіе, въ которомъ Помаре одержалъ полную побѣду; онъ велѣлъ однакожъ щадить бѣгущаго непріятеля, и даже похоронилъ съ честію убитаго вождя ихъ Упу-Фара. Подобное великодушіе со стороны побѣдителя къ побѣжденнымъ было на Отаити дѣломъ неслыханнымъ и показало самымъ упорнымъ идолопоклонникамъ какъ велико преимущество истинной религіи! Между тѣмъ воины Помаре, по его велѣнію разрушили до основанія капище Оро, повергли на землю деревянный кумиръ, имѣвшій грубое человѣческое изображеніе, отрубили голову и сожгли все въ огнѣ. Такъ кончилось на Отанти идолопоклонство.

Миссіонеры съ новою ревностью принялись за распространеніе между островитянами книгъ священнаго писанія, которыя печатались прежде въ Портъ-Джаксонѣ, а потомъ миссіонеръ Эллисъ привезъ оттуда на островъ Эймео типографскій станокъ и буквы. Помаре самъ набралъ первую страницу и самъ сдѣлалъ на станкѣ первый оттискъ. Невозможно описать общаго восторга островитянъ при появленіи первыхъ печатныхъ листовъ! Сначала книги раздавались даромъ, а потомъ миссіонеры назначили за нихъ плату кокосовымъ масломъ.

Нерѣдко даже съ другихъ острововъ пріѣзжали новые христіане на Эймео за духовною пищею, и проводили ночи возлѣ типографіи, чтобъ на утро ранѣе другихъ получить священныя книги. и получивъ ихъ спѣшили, ни съ кѣмъ невидясь, на свои лодки, чтобъ скорѣе возвратиться домой съ полученнымъ сокровищемъ.

Жаль что миссіонеры въ послѣдствіи обложили новообращенныхъ христіанъ, съ согласія Помаре, разными для печатанія книгъ налогами, которые въ бытность нашу на Отаити состояли изъ кокосоваго масла, арарута, хлопчатой бумаги и проч., и становились уже для островитянъ слишкомъ тягостными.

Въ послѣднее время, какъ выше уже было замѣчено, Помаре предался до такой степени страсти къ крѣпкимъ напиткамъ, что они нерѣдко помрачали его разсудокъ и въ конецъ разстроивали его здоровье. Жаль было смотрѣть на гибнущаго властителя, такъ много сдѣлавшаго для отаитскаго архипелага!

27 іюля простившись съ Помаре, миссіонеромъ Нотомъ и всѣми нашими знакомыми, съ сожалѣніемъ оставили счастливый, всѣми благами природы надѣленный островъ Таити *.

30 іюля мы прошли проливомъ между островомъ Денса и островомъ Крузенштерна, обрѣтеннымъ капитаномъ Коцебу 26 апрѣля 1816 года на «Рюрикѣ». Вскорѣ послѣ того открылся новый атоллъ, покрытый лѣсомъ въ широтѣ 14° 56′ южной, долготѣ 148° 38′ западной, онъ имѣетъ въ длину $5^1/_2$, въ ширину 2 мили, названъ въ честь нашего капитана-островомъ Лазарева и причисленъ къ русскимъ островамъ.

3 августа открыли въ широтѣ 10" 6′ южной и долготѣ 152° 17′ западной самый маленькій коральный островокъ, названный «Востокомъ», онъ отчасти покрытъ лѣсомъ и кажется служитъ убѣжищемъ однимъ только птицамъ, потому-что надъ нимъ вилось безчисленное множество фрегатовъ, баклановъ, ласточекъ и другихъ морскихъ птицъ.

8 августа продолжая итти къ западу, въ третьемъ часу пополудни увидѣли влѣво берегъ и тотчасъ сдѣлали условный сигналъ, то-есть, закрѣпили форъ-брамсель при пушечномъ выстрѣлѣ; подойдя ближе къ острову увидѣли на взморьѣ много островитянъ и островитянокъ, вооруженныхъ пиками. Мы могли хорошо разсмотрѣть въ кокосовой рощѣ селенія, видѣли вытащенныя, на берегъ лодки, прикрытыя большими листьями. Вскорѣ съ острова выѣхали лодки, и мы поджидая ихъ, легли въ дрейфъ. Шедшія къ намъ большія и малыя лодки съ отводами, тщательно были сдѣланы и имѣли на переди изъ жемчужныхъ раковинъ украшенія; на каждой лодкѣ находилось по десяти островитянъ, они были нагіе за исключеніемъ поясковъ; у нѣкоторыхъ на головѣ развивались точно красныя ленты изъ морскаго пороста, на шеѣ надѣты были забрала, сдѣланныя изъ кокосовой коры, которыя въ случаѣ надобности могли подниматься и закрывать лице. Островитяне, казалось, были образованнѣе въ сравненіи съ другими жителями Полинезіи, однако войти на шлюпъ нерѣшались, и только держались за концы спущенныхъ съ кормы веревокъ. Мы замѣтили, что на лодкахъ ихъ спрятаны были пики, булавы и большіе куски коралла. Ночью мы держались близъ острова. Поутру островитяне опять подъѣхали къ шлюпамъ, мы вымѣняли у нихъ нѣсколько палицъ, сдѣланныхъ изъ крѣпкаго дерева, красныхъ лентъ изъ морскаго пороста, забралъ и раковинъ, употребляемыхъ вмѣсто струга.

* На слѣдующій годъ не стало Помаре, онъ скончался 7 сентября 1821 отъ водяной болѣзни; преемникомъ Помаре II провозглашенъ былъ малолѣтный сынъ его подъ именемъ Помаре III, но и онъ въ 1828 г. померъ, тогда царицею таитянскою объявили юную сестру его Аймату, подъ именемъ Помаре Вагине I-й, которая и донынѣ властвуетъ на Отаити, подъ покровительствомъ Франціи.

Когда шлюпъ «Востокъ» подойдя близко къ берегу сталъ поворачивать, съ окружающихъ его лодокъ посыпался на шлюпъ градъ коралловъ, куски были такъ велики, что могли проломить голову и убить до смерти. Холостой выстрѣлъ не образумилъ, а сдѣлалъ ихъ еще дерзче. Приказано было мичману Демидову выстрѣлить въ главнаго зачинщика дробью въ безопасное мѣсто. Выстрѣлъ направленъ былъ удачно: раненый закричалъ, и его тотчасъ повезли на берегъ, а лодки всѣ разсѣялись. Потомъ какъ будто ничего небывало, онять подошли подъ корму и производили мѣну; коварные островитяне принимая одною рукой наши вещи, старались другою рукой ранить пикой, если кто выглядывалъ изъ окна кормовой каюты. Атоллъ этотъ названъ островомъ великаго князя Александра; широта его 10° 2′ южная, долгота 161° 2′ западная, въ окружности имѣетъ 8 миль. Продержавъ нѣсколько времени къ западу, мы не видали на пути нашемъ острововъ Тіенговена и Гронингена, хотя прошли совершенно по тому мѣсту, гдѣ они положены на картѣ Флерье.

11 августа пошли на югъ къ Портъ-Джаксону, видѣли острова опасные, обрѣтенные Бирономъ.

16 августа прошли высокій островъ Вавао, принадлежащій къ группѣ острововъ дружественныхъ, потомъ островъ поздній (Late). Островъ этотъ имѣетъ конической формы гору въ 1300 футовъ надъ поверхностью моря.

19 августа видѣли два маленькіе коралловые острова, поросшіе кокосовыми пальмами, они лежатъ въ широтѣ 21° 2′ южной и долготѣ 178° 43′ западной и названы островами Михайлова и Симанова. Оба окружены коралловою мелью, на которой разбивается бурунъ.

Только что окончили опись этихъ острововъ, открылся на сѣверѣ новый высокій берегъ. Ночью «Востокъ» едва не набѣжалъ на бурунъ, разбивающійся о коралловую отмель, успѣли однакожъ поворотить чрезъ Фордевиндъ подлѣ самаго рифа. Малѣйшее промедленіе могло быть гибельно для шлюпа.

20 августа поутру двѣ большія лодки подъ парусами и нѣсколько малыхъ на греблѣ шли къ нашимъ шлюпамъ. Островитяне ни мало не колеблясь пристали и вошли къ намъ на палубу. Мы узнали отъ нихъ, что островъ называется Оно. Островитяне похожи на отаитянъ, они были нагіе, выключая узкихъ поясковъ. Волосы раздѣляютъ они на нѣсколько пучковъ, перевязываютъ ихъ тонкими веревочками, и потомъ кончики вбиваютъ; въ эту великолѣпную, похожую на парикъ прическу втыкаютъ длинныя черепаховыя шпильки, которыми безпрестанно чешутъ голову. На шеѣ у нихъ были ожерелья изъ жемчужныхъ раковинъ, а на рукахъ кольца также изъ раковинъ. Островитяне были народъ ве-

селый, и скоро съ нами подружились. Король ихъ Фіо съ сыномъ пріѣзжали на «Востокъ» и даже тамъ ночевали. Капитанъ щедро одарилъ гостей своихъ, которые очень звали къ себѣ на берегъ, но намъ нужно было поспѣшать въ Портъ-Джаксонъ. Островъ Оно лежитъ въ широтѣ 20° 39′ южной и долготѣ 178° 40′ западной.

30 августа, день тезоименитства Государя Императора Александра I проводили на «Востокѣ». Вечеромъ, когда уже стемнѣло, закричали съ бака «упалъ человѣкъ!» Всѣ выбѣжали на верхъ; шлюпъ тотчасъ легъ въ дрейфъ, и въ одну секунду спущенъ на воду яликъ; лейтенантъ Анненковъ долго съ зажженнымъ фонаремъ искалъ упавшаго, но всѣ усилія къ отысканію и спасенію его были напрасны. Матросъ Блоковъ, закрѣпляя кливеръ, шелъ по бушприту, и оступясь упалъ въ воду.

6 сентября вытерпѣли штормъ отъ OSO и разлучились съ шлюпомъ «Востокъ», находясь уже въ близкомъ разстояніи отъ Портъ-Джаксона, куда и пришли 10 сентября, однимъ днемъ послѣ шлюпа «Востока», бросивъ подлѣ него якорь на прежнемъ мѣстѣ.

Всѣ наши знакомые спѣшили съ нами видѣться и наперерывъ звали къ себѣ въ гости.

Но болѣе всего мы находили удовольствія въ домѣ губернатора Маквари и у капитана надъ портомъ Пайпера.

Между-тѣмъ шлюпы наши дѣятельно приготовлялись къ трудному и опасному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнѣ любопытному плаванію къ южному полюсу.

VII.

Южное полярное море. — Островъ Петра I, берегъ Александра I и Новая Шетландія.

31 октября, въ воскресенье, мы оставили берега Новой Голландіи, и съ 8-ми часовъ утра были уже подъ парусами.

Г. Пайперъ на яликѣ своемъ спѣшилъ догнать шлюпы, чтобъ сказать послѣднее прости и пожелать намъ счастливаго плаванія и всевозможныхъ успѣховъ; шлюпы для принятія его ложились въ дрейфъ.

Разставшись съ нами, онъ отправился въ свой загородной домъ и когда мимо его проходили, салютовалъ намъ изъ своихъ маленькихъ пушекъ.

Мнѣ досталось первымъ вступивъ на вахту. Скоро Портъ-Джаксонъ сталъ скрываться за высокими горами; взглянувъ въ послѣдній разъ на исчезающій городъ, который по всей вѣроятности никогда болѣе не увижу, отъ всего сердца пожелалъ счастія тѣмъ, съ которыми во время двукратнаго пребыванія въ этомъ портѣ сблизился и подружился.

Едва вышли мы изъ береговъ, какъ вѣтеръ началъ усиливаться, и море сильно волноваться... Вотъ и начало давно-желанному вторичному къ южному полюсу плаванію! Мы напередъ знаемъ, что въ большихъ широтахъ постоянными нашими спутниками будутъ льды, туманы, снѣгъ, холодъ; не обойдется, конечно, и безъ бурь, но за то увидимъ много и любопытнаго: незаходимое солнце и въ-полдень и въ-полночь озлатитъ лучами своими кристальные острова и поля съ ледяными кусками и глыбами, набросанными одни на другіе въ самыхъ странныхъ затѣйливыхъ формахъ, можетъ-быть, увидимъ и берега, покрытые вѣчными снѣгами и окруженные ледяною стѣною, которая вѣнчаетъ околополюсныя страны. Но если бъ удалось открыть посреди этой обледенѣлой природы, высокій огнедышащій волканъ, извергающій дымъ и пламя, это была бы истинно дивная картина!

Плаваніе наше на югъ задерживаемо было свѣжими противными вѣтрами. 7 ноября, въ воскресенье, мы были на «Востокѣ». Капитанъ Беллинсгаузенъ объявилъ, что намѣренъ итти сначала къ острову Маквари, который лежитъ въ такой же широтѣ, какъ и островъ южной Георгій, слѣдовательно исходный нашъ пунктъ въ ледовитое море подобенъ будетъ прошлогоднему. Въ случаѣ окончательнаго разлученія, rendez—vous намъ назначалось у сѣверовосточной оконечности Новой Шетландіи, гдѣ должны были ждать другъ друга недѣлю и потомъ слѣдовать въ Ріо-Жанейро.

8 ноября мы получили непріятную вѣсть, что на шлюпѣ «Востокъ» въ носовой каютѣ около форштевня оказалась течь. Слышно было какъ вода входитъ, но въ какомъ именно мѣстѣ, нельзя было за обшивкою видѣть. Не слишкомъ пріятно предпринимать и обыкновенное плаваніе на суднѣ съ течью, тѣмъ-болѣе можно бы призадуматься, итти на такомъ суднѣ въ южные льды, гдѣ можно ожидать жестокихъ бурь и почти неизбѣжныхъ о льды ударовъ, но безстрашнаго капитана Беллинсгаузена ничто поколебать не можетъ, онъ отважно пускается подъ полюсъ и съ ненадежнымъ шлюпомъ!

17 ноября предъ разсвѣтомъ увидѣли островъ Маквари; онъ открытъ за десять лѣтъ предъ симъ англійскимъ судномъ изъ новаго южнаво Валлиса, и названъ въ честь нынѣшняго губернатора этой колоніи, его именемъ. Мы шли къ сѣверной оконечности острова и миновали камни судьи и писаря, на которыхъ разбивался большой бурунъ.

Въ часъ по-полудни у сѣверовосточной оконечности острова оба шлюпа легли въ дрейфъ и спустили ялики. На одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ другими офицерами поѣхалъ и я на берегъ.

Приставъ къ голымъ каменьямъ, мы пробрались чрезъ нихъ на

довольно обширную равнину, поросшую травою. Многія тысячи пингвиновъ одинъ возлѣ другаго стоявшихъ, покрывали собою значительную ея часть и походили издали на большую армію. Надъ головами нашими во множествѣ лѣтали албатросы, эгмондскія курицы, морскія чайки и другія птицы, даже попугаи. Изъ высокой травы выглядывали иногда большіе черные, блестящіе глаза большихъ звѣрей, которыхъ промышленики называютъ морскими слонами (Phoca proboscidea). Берегъ къ водѣ покрытъ былъ этими земноводными, изъ которыхъ большая часть погружена была въ глубокій сонъ. Мы пробовали бросать камни въ слоновъ, животное лѣниво пробуждалось, испускало страшный крикъ и убиралось въ воду.

Въ числѣ пингвиновъ мы замѣтили на этомъ островѣ нѣсколько мохнатыхъ, на нихъ были надѣты точно енотовыя шубы, мѣхомъ наружу. Въ-послѣдствіи узнали отъ промышлениковъ, что природа надѣляетъ такою шубой молодыхъ пингвиновъ и именно первогодковъ для того, чтобъ они могли вытерпѣть суровость зимы; на другой же годъ, молодые пингвины навсегда теряютъ этотъ мѣхъ, потому-что довольно уже окрѣпли и могутъ переносить стужу.

Въ самое короткое время мы успѣли наполнить нѣсколько карзинъ пингвиновыми яйцами. Для добыванія ихъ нужно имѣть нѣкоторую сноровку, а именно надо взять самку за ногу и легонько толкнуть птицу, тогда яйцо выкатится изъ-подъ нея въ цѣлости, а иначе разобьется. На острову мы нашли много бочекъ, наполненныхъ жиромъ морскихъ слоновъ, это подало поводъ къ заключенію, что здѣсь должны находиться промышленики. Прошедъ далѣе, замѣтили низенькую хижину, дверь въ нее ведущая была плотно притворена, мы отворили ее и вошли въ темную избушку. Осмотрѣвшись нашли, что она пустая, только на потухшемъ очагѣ лежали куски изжаренаго элефанта, да въ углу валялись бѣлые сухари и красная деревянная рука, вѣроятно отъ статуи судна.

Вышедъ изъ хижины увидѣли, что на нашихъ судахъ подняты флаги и англійская гичка идетъ къ «Востоку». Мы не замедлили возвратиться на шлюпъ, и нашли у насъ троихъ англичанъ. Промышленики эти сказали, что уже семь мѣсяцевъ живутъ на Маквари, въ ожиданіи судна «Маріи-Елисаветы». Отъ насъ узнали они, не къ большой радости, что это самое судно теперь въ Портъ-Джаксонѣ еще тимбируется *.

На ночь поворотили отъ берега и держались подъ малыми парусами вблизи его. Въ 10 часовъ вечера почувствовали на шлюпѣ два силь-

* т.-е. починивается.

ные толчка, точно какъ будто бы ударились объ мель. Капитанъ тотчасъ послалъ лейтенанта Анненкова донести объ этомъ начальнику экспедиціи. Возвратясь онъ сказалъ, что и на «Востокѣ» въ тоже самое время замѣчены были два удара. Нѣтъ сомнѣнія, что это произошло отъ землетрясенія.

18 Ноября передъ разсвѣтомъ мы подошли къ острову, и мнѣ еще разъ удалось побывать на берегу. Промышленики намъ сказали, что наканунѣ они тоже чувствовали на острову землетрясеніе. Они занимаются теперь добываніемъ только жира изъ морскихъ слоновъ, а котики, которыхъ прежде было здѣсь много, почти всѣ истреблены. Процедура добыванія жира изъ морскаго слона самая легкая. Убивъ спящаго звѣря, обрѣзываютъ его жиръ и кладутъ въ котлы, поставленные на камни, а въ низу разводятъ огонь посредствомъ нѣсколькихъ кусковъ того же жира. Потомъ жидкій жиръ переливаютъ въ бочки и получаютъ за него выгодную цѣну какъ въ самой колоніи, такъ и въ Англіи.

Промышленикамъ, касательно провизіи, довольно запастись сухарями и ромомъ. На острову они бьютъ птицъ, имѣютъ множество пингвиновыхъ яицъ, употребляютъ также въ пищу ласты молодыхъ элефантовъ, которые по ихъ увѣренію очень вкусны. Въ свѣжей водѣ нѣтъ недостатка: она течетъ съ горъ нѣсколькими ручьями. Сверхъ того, на острову много растетъ такъ называемой дикой капусты, имѣющей свойство предохранять отъ скорбута. Капуста эта отличается отъ прочей зелени темнымъ цвѣтомъ и широкими съ зубчиками листьями; корень и стебли мелко разрѣзываютъ и варятъ въ похлебкѣ. Мы дѣлали изъ этой капусты для команды и для офицерскаго стола очень вкусныя щи.

Одинъ провожавшій насъ промышленикъ имѣлъ съ собою палку, которая оканчивалась желѣзнымъ шаромъ; орудіе это употребляется для убиванія морскихъ слоновъ. Когда мы проходили мимо одного спящаго слона, промышленикъ ударилъ его желѣзнымъ концемъ своей палки по переносью. Звѣрь заревѣлъ и застоналъ, но потерявъ всю силу немогъ двинуться съ мѣста. Промышленикъ черкнулъ острымъ ножемъ раза четыре по шеѣ, кровь брызнула фонтаномъ, и все было кончено. Еще непріятнѣе было видѣть какъ промышленикъ сѣлъ верхомъ на морскаго котика, обрѣзалъ ему шею и съ живаго еще сталъ сдирать шкуру, бѣдное животное стонало и вопило дѣтскимъ голосомъ; зрѣлище это было до крайности возмутительно, а промышленикамъ, привыкшимъ къ нему, ровно ни почемъ.

Хотя островъ Маквари лежитъ въ одной широтѣ съ островомъ Южный Георгій, но въ климатѣ ихъ и наружномъ видѣ замѣтна большая разность. Маквари не такъ высокъ и имѣетъ нѣкоторую расти-

тельность, между тѣмъ какъ высокія горы Георгія вѣчными снѣгами и льдомъ покрытыя, охлаждаютъ и низменности, гдѣ мѣстами едва только пробивается мохъ.

19 Ноября по утру англійскіе промышленники привезли намъ кожу съ морскаго слона самой большой величины, которая предназначалась для кабинета рѣдкостей Академіи Наукъ. Въ 2 часа по полудни сдѣлался густой туманъ, и островъ Маквари совершенно скрылся. Между тѣмъ ялики съ свѣжею водою возвратились и были уже подняты. Промышленики не могли долѣе у насъ оставаться. Для безопасности имъ дали компасъ и показали румбъ, на который должны были держать къ берегу; сверхъ того снабдили ихъ сухарями и нѣсколькими бутылками рому. Сначала мы шли вдоль острова на юго-западъ, а потомъ, по случаю густаго тумана и крѣпкаго вѣтра, взяли курсъ на юго-востокъ, чтобъ скорѣе отдалиться отъ берега.

27 Ноября, при крѣпкихъ западныхъ вѣтрахъ, при погодѣ бо́льшею частію пасмурной и туманной мы шли къ югу, придерживаясь по возможности меридіана Новой Зеландіи, такъ какъ по этому направленію можно было ожидать продолженія подводнаго хребта, котораго вершины выходятъ изъ океана Новыми Гебридами, Новой Каледоніей, островами Норфолькомъ, Новой Зеландіей, Аукландскими и Маквари *. Въ полдень мы находились въ широтѣ 60°21′ и долготѣ 163° 31′ восточной. Проходя по утру параллель 60°, соотвѣтствующую въ сѣверномъ полушаріи параллели Петербурга немогли невспомнить о милой родинѣ, которую вполнѣ цѣнишь въ разлукѣ и отдаленіи. Термометръ стоялъ здѣсь среди лѣта на точкѣ замерзанія, къ полудню однако поднялся на + 3°.

28 Ноября. Сегодня, въ первый разъ встрѣтили два ледяные острова, они въ окружности имѣли около одной италіянской мили, а въ высоту, около 50 футовъ. На одномъ изъ нихъ какъ на піедесталѣ возвышался пирамидальный монументъ. Киты привѣтствовали появленіе наше во льдахъ высокими фонтанами. Надъ шлюпами летали во множествѣ албатросы, пинтады или пеструшки, и голубыя бурыя птицы.

Нынѣшній день у насъ были на шлюпѣ капитанъ Беллинсгаузенъ съ нѣкоторыми офицерами, и когда послѣ обѣда возвращались на «Востокъ» солнце и луна въ одно время мелькнули на небѣ; такое явленіе въ большихъ широтахъ довольно необыкновенно, потому что вообще ясная погода случается рѣдко.

Въ восемь часовъ вечера мы дошли до ледянаго сплошнаго поля, на которое набросаны были разныхъ формъ большіе куски льда и затерты

* Дѣйствительно на этомъ меридіанѣ намъ попадалась морская трава, и иногда видѣли эгмондскихъ курицъ.

многіе ледяные острова. Видъ этого поля походилъ на развалины огромнаго города, вдоль котораго мы слѣдовали къ востоку. Въ полдень широта мѣста была 62° 18′, долгота 164° 13′ восточная. Ночью пошелъ густой снѣгъ, совершенно засыпавшій нашъ шлюпъ, мы встрѣчали много разбитаго льда но, къ счастію, избѣгли его ударовъ. Термометръ показывалъ одинъ градусъ мороза. Въ полночь было такъ свѣтло, какъ днемъ.

29 Ноября идемъ вдоль ледянаго поля сквозь разбитый ледъ; въ полдень были въ широтѣ 63° 16′, долготѣ 166° 51′. Въ девятомъ часу находясь близъ одного ледянаго острова, послали оба ялика за льдомъ, въ короткое время привезено столько кусковъ чистаго прозрачнаго льда, что имъ наполнили издержанныя девять бочекъ воды. Сегодня прошли много ледяныхъ острововъ и видѣли эгмондскую курицу. Термометръ въ полночь показывалъ — $1^1/_2$°.

30 Ноября въ десять часовъ утра подошли къ сплошному льду и поворотили вдоль него къ юго-востоку. На пути намъ встрѣчалось безчисленное множество ледяныхъ острововъ и разбитаго льда. Между тѣмъ нерѣдко находила пасмурность и сыпалъ густой снѣгъ. Съ полудня до шести часовъ прошли 130 большихъ ледяныхъ острововъ, съ салинга насчитали ихъ 197, выключая малыхъ острововъ, которыми все видимое море было усѣяно. Въ началѣ девятаго часа увидѣли, что ледяное поле, вдоль котораго мы шли, загибается къ сѣверо-востоку и потомъ къ сѣверу, почему и перемѣнили нашъ курсъ сначала на NNO, а потомъ на NTW. Широта въ это время была 65° 16′. До полуночи прошли около 300 острововъ. Вечеръ былъ прекраснѣйшій. Солнце до одиннадцати часовъ ночи блистало надъ горизонтомъ. Море струилось тихими, едва примѣтными волнами; ровный вѣтеръ наполнялъ всѣ паруса, и шлюпъ съ легкостью бѣжалъ по зеркальной поверхности между золотыми и изумрудными кристаллами.

1 Декабря продолжали итти вдоль ледянаго поля сквозь разбитый ледъ. Съ полуночи до четырехъ часовъ утра на моей вахтѣ прошли 80 островъ и видѣли трехъ эгмондскихъ курицъ * которыя далеко отъ берега неотлетаютъ. Поутру термометръ показывалъ—3°. Въ полдень обсервованная широта была 64° 19′. Долгота также по обсерваціямъ изъ разстояній между солнцемъ и луною 173° 43′ восточная. Съ полудня шли на востокъ имѣя въ правой сторонѣ ледяное поле, впереди же и въ лѣвой сторонѣ ледяные острова и множество разбитаго льда; до шести часовъ вечера прошли болѣе 100 острововъ.

* Близъ этого меридіана, но гораздо далѣе на югъ открыта, въ 1841 году, капитаномъ Россомъ земля Викторія.

Въ исходѣ 8 часа, зашедъ въ самую чащу разбитаго льда, принуждены были поворотить на другой галсъ и пролагать свой путь сквозь ледъ въ NW четверти. Въ это самое время подулъ съ сѣвера вѣтеръ и принесъ съ собою пасмурность, которая стала скрывать окружающіе насъ ледяные острова. На одномъ изъ нихъ мы замѣтили три пещеры, служившія убѣжищемъ большимъ чернымъ морскимъ звѣрямъ; но за мрачностью и снѣгомъ не могли хорошенько разсмотрѣть ихъ. Вообще должно замѣтить, что сѣверные вѣтры всегда сопровождаются здѣсь пасмурностью, туманомъ, дождемъ и снѣгомъ, а южные, напротивъ, приносятъ отъ полюса ясную хорошую погоду.

Въ началѣ 2-го часа пополуночи, пасмурность прочистилась, въ виду было 50 ледяныхъ острововъ и много разбитаго льда. Въ 7-мъ часу пошелъ снѣгъ, и шлюпъ «Востокъ» вблизи насъ находившійся скрылся. Въ 7 часовъ набѣжалъ отъ юга шквалъ, пасмурность продолжается, густой сыплется снѣгъ, и мы отвсюду окружены льдами, нѣтъ ни одного румба, на который бы преимущественнѣе можно было итти. Опытный, до совершенства знающій морскую часть, капитанъ нашъ приказалъ тотчасъ лечь въ дрейфъ, и мы прислушиваясь къ бурунамъ, разбивающимся о подошвы ледяныхъ острововъ, принуждены были часто поворачивать съ одного галса на другой, и опять подъ гротъ марселемъ ложиться въ дрейфъ. Въ полдень термометръ показывалъ — 3°. Вскорѣ послѣ полудня, когда погода прояснилась, увидѣли съ салинга шлюпъ «Востокъ», миляхъ въ 15 отъ насъ, шедшій къ намъ навстрѣчу; въ три часа сблизясь съ нимъ пошли одинакимъ курсомъ между ледяными островами къ востоку. Югозападный вѣтеръ съ снѣгомъ сталъ свѣжѣть; около 6 часовъ мы достигли до оконечности ледянаго поля, вдоль котораго шли четыре дня, оно простиралось въ длину; миль на 400 и занимало великое пространство. Вѣтеръ часъ отъ часу усиливался; мы старались до начала шторма удалиться отъ ледянаго поля и несли форсированные паруса. Бѣжать съ жестокимъ попутнымъ вѣтромъ довольно опасно; валы точно водяныя горы догоняя корабль угрожаютъ обрушиться на корму; судно какъ бы чувствуя опасность, дрожитъ всѣми членами и летитъ по кипящему морю всею скоростью къ какой только способно, превращая какъ бы въ ледъ окружающую его пѣну.

Въ десять часовъ вечера мы были, сравнительно говоря, на довольно свободномъ отъ льдовъ мѣстѣ и привели въ бейдевиндъ.

5 декабря. Штормъ во всей силѣ отъ юга. Валы поднимаются до высоты необъятной! Мы остались подъ штормовою бизанью, зарифленными

триселями и фокъ стакселемъ, густая пасмурность * со снѣгомъ, вихрь, несущій брызги и пѣну, все это смѣшались въ какой-то непроницаемый хаосъ. Если встрѣтимъ теперь ледяные острова или большія льдины, тогда никакое искуство, никакія человѣческія усилія намъ не помогутъ, и однакожъ мы остались цѣлы и невредимы! Невидимый кормчій, невостижимыми, ему одному извѣстными путями провелъ насъ безбѣдно среди льдовъ въ эту страшную бурю!—Съ 4 по 6 декабря вѣтеръ былъ умѣреннѣе. Николинъ день мы провели весьма пріятно на шлюпѣ «Востокѣ», разсказывая другъ другу минувшія опасности и вспоминая дорогую, слишкомъ далекую теперь отъ насъ родину. Капитанъ Беллинсгаузенъ опять устремился къ югу.

10 декабря погода была прекраснѣйшая; термометръ показывалъ 3° тепла, широта въ полдень была 65° 41′, долгота 172° западная. Всѣ мы душею рвемся за полярный кругъ; киты привѣтствуютъ насъ фонтанами, цѣлыя стаи полярныхъ птицъ летаютъ надъ шлюпомъ. Въ четыре часа пополудни достигнувъ сплошнаго льда, пошли вдоль его къ юго-востоку. Ночью небо очистилось, и солнце освѣщало ледяное поле съ набросанными на него во всевозможныхъ формахъ и видахъ огромными кусками льда.

11 декабря продолжали итти возлѣ ледянаго поля, усѣяннаго памятниками, башнями и даже изображеніями разныхъ животныхъ; одно изъ нихъ чрезвычайно походило на спящаго льва.

12 декабря. Вторично встрѣчаемъ всерадостный день рожденія Государя Императора подъ южнымъ полюсомъ. Теплыя молитвы не только на сѣверѣ, но и на отдаленномъ югѣ возносились о благоденствіи обожаемаго Монарха! Кормовые флаги развѣвались на шлюпахъ; по спущеніи молитвеннаго флага, сдѣлано было по 21 пушечному выстрѣлу. Сегодня мы обѣдали на «Востокѣ» и по обыкновенію провели тамъ съ большимъ удовольствіемъ время.

13 декабря. Желаніе наше исполнилось, въ осьмомъ часу вечера, мы въ четвертый разъ пересѣкали южный полярный кругъ. Для незнакомыхъ съ южнымъ ледовитымъ моремъ, и вообще для немореплавателей слова: «пересѣкли полярный кругъ», не имѣютъ значенія, и слѣдовательно не произведутъ никакого впечатлѣнія; но для мореплавателей и въ особенности для немногихъ переступавшихъ за эту черту вполнѣ будутъ понятны одушевлявшія насъ тогда чувства!

14 декабря. Солнце въ самую полночь сіяло во всемъ блескѣ надъ горизонтомъ; мы шли между ледянымъ полемъ и ледяными островами.

* Недавно было говорено, что южный вѣтеръ приноситъ съ собою ясную погоду, но нѣтъ правилъ безъ исключенія.

Около полудня увидѣли на одной льдинѣ большаго звѣря; со шлюпа «Востока» посланъ былъ яликъ; матросы по льдинамъ добрались до животнаго и дали по немъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, наконецъ добили его веслами и привезли на «Востокъ». Убитый звѣрь принадлежалъ къ породѣ тюленей, имѣя въ длину восемь футовъ; шкура на немъ была бѣлая.

Ледяныя поля, между которыми мы теперь пробирались, тянулись сначала параллельно, потомъ стали сходиться и напослѣдокъ совсѣмъ сомкнулись. Мы принуждены были въ широтѣ 67° 16′ и долготѣ 161° 28′ запад. поворотить на сѣверъ, къ счастію на обратномъ пути погода намъ благопріятствовала, и шлюпы бѣжали по 5 миль въ часъ между ледяными полосами и разбитымъ льдомъ.

15 декабря слѣдуя вдоль ледянаго поля въ восемь часовъ поутру замѣтили на ледяномъ мысу большаго тюленя. Со шлюпа «Востока» посланъ былъ къ этому мѣсту на яликѣ лейтенантъ Игнатьевъ; матросы тотчасъ по льдинамъ добрались до звѣря и убили его веслами, но взять съ собой не успѣли, потому что льдины начали расходиться. Лейтенантъ Игнатьевъ привезъ на «Востокъ» необыкновенной величины королевскаго пингвина, вышиною въ три фута, возлѣ него взяли на льду шримса, которыми пингвины обыкновенно питаются. Но всего удивительнѣе, что въ желудкѣ пингвина найдены были маленькіе кусочки горнаго камня. Стало быть пингвинъ этотъ былъ недавно на неизвѣстномъ берегу *. Потому что самые ближайшіе острова удалены отъ насъ болѣе чѣмъ на 2000 миль.

16 декабря бѣжали по семи миль въ часъ между ледяными островами; послѣ полудня настала пасмурность и пошелъ мокрый снѣгъ; въ четыре часа пополудни подошли къ сплошному льду и, по сигналу шлюпа «Востока», поворотили на лѣвый галсъ; туманъ продолжался; мы безпрестанно слышали гулъ разбивающихся о ледяные острова волнъ, иногда сквозь мрачность мелькали бѣлые пирамидальные острова, иногда мы проходили подъ вѣтромъ мимо невидимыхъ ледяныхъ громадъ, отъ которыхъ паруса, лишаясь вѣтра, заполаскивали. Часто принуждены были отъ разбивающагося передъ носомъ буруна поворачивать. Положеніе наше было крайне опасно. Между тѣмъ мы не безъ основанія думали, что вблизи насъ долженъ находиться берегъ; пролетѣвшая надъ шлюпомъ эг-

* На картѣ, приложенной ко 2 тому, путешествія Росса A voyge of dircovery and research in the southern and antarctic regions, during the years 1839—43. Vol. 11 London. 1847 близъ нашего меридіана, но только гораздо далѣе къ югу означено: Appearrance Land. Признакъ земли.

мондская курица была вѣстницею его. Но гдѣ искать этотъ берегъ и особенно въ туманную погоду?

19 декабря съ полуночи до четырехъ часовъ утра прошли до 300 острововъ, слѣдуя вдоль ледянаго поля, составленнаго изъ кусковъ льда одного на другой набросаннаго. Киты играли подлѣ шлюповъ, бурныя и полярныя птицы летали надъ нами.

23 декабря продолжая плаваніе между льдами къ Востоку, по большой части съ пасмурностью, туманомъ и снѣгомъ, мы много подались и на сѣверъ, такъ что сегодня въ полдень были въ широтѣ 60° 20′ долготѣ 146° 50′ западной. Между ледяными островами были сегодня очень замѣчательные, одинъ походилъ на крѣпость, другой на высокую необыкновенно причудливой архитектуры башню.

25. Для праздника Рождества Христова, приглашенъ былъ отъ насъ священникъ на шлюпъ «Востокъ». Во время молебствія, когда всѣ преклонили колѣна, почувствовали сильный ударъ. Шлюпъ, непослушавъ руля, наткнулся на льдину. Къ счастію что это случилось въ то самое мгновеніе, какъ шлюпъ при большой зыби опускался носомъ въ воду, льдина уперлась въ якорный штокъ и приподнявъ его съ вертеномъ на футъ, раздробила только подъякорныя доски и оторвала подъ водою мѣдь на три фута. Еслибъ ударъ послѣдовалъ въ ту минуту, когда носъ приподнимается, то льдина могла бы проломить подводную часть, и послѣдствія для шлюпа были бы гибельны. Благое Провидѣніе видимо насъ сохраняетъ!

30 декабря опять поднялись до широты 65°, въ полночь на 31′ были уже въ 66°, въ часъ пополуночи прошли въ пятый разъ южный полярный кругъ въ долготѣ 119° 44′ западной. Въ тетыре часа утра увидѣли впереди ледяное поле, въ которомъ затерты были ледяные острова. Подошедъ къ самому полю имѣли широту 67° 30′ и долготу 119° 40′, тогда слѣдуя Востоку поворотили чрезъ фердевиндъ на правый галсъ и пошли на NNW.

1 января 1821. Новый годъ встрѣтили посреди льдовъ при крѣпкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи. Видъ неба и горизонта, покрытыхъ мрачностью, былъ вовсе не праздничный. Послѣ молебствія за здравіе Государя Императора, дано было служителямъ по стакану пунша. Въ полдень прошли мимо большаго ледянаго острова; на одной его сторонѣ возвышались двѣ арки, а на другой видны были глубокія пещеры, въ которыхъ разбивалось волненіе. Нашедшій послѣ полудня туманъ не дозволилъ намъ провести этотъ день на «Востокѣ».

Въ слѣдующіе дни мы спустились до широты 63°, а 5 января опять съ крѣпкимъ вѣтромъ подъ рифленными парусами бѣжали къ югу,

поднялись въ большую широту, и къ удивленію встрѣчали теперь мало ледяныхъ острововъ.

6 января пересѣкли въ шестой разъ полярный кругъ въ долготѣ 102° 38′ западной. 7 января въ полдень находились въ широтѣ 67° 34′, долготѣ 100° 13′ западной. Вечеромъ пріѣзжалъ къ намъ со шлюпа «Востока» лейтенантъ Лѣсковъ, для полученія отъ насъ, буде есть, болтоваго желѣза. На «Востокѣ» отъ крѣпкихъ вѣтровъ многія кницы треснули и течь въ носовой части усиливалась, такъ что надлежало безпрестанно дѣйствовать помпами. Къ сожалѣнію, болтоваго желѣза и на «Мирномъ» не оказалось.

6 января въ полдень находились въ широтѣ 68° 13′, долготѣ 98° 23′. зап. Съ полудня до 6 часовъ вечера ледяныхъ острововъ вовсе не было видно. Бьетъ полночь, въ виду только три острова; съ свѣжимъ вѣтромъ мы бѣжимъ по 7 и 8 миль въ часъ. Если до полудня не встрѣтимъ преграды, то въ первый разъ перерѣжемъ параллель 70°. Но вотъ впереди показался необыкновенный свѣтъ, не ложный признакъ близости неподвижнаго льда. Съ салинга давали все еще добрыя вѣсти, что льдовъ невидно, но въ половинѣ втораго часа открылось ледяное поле, простирающееся отъ юго-востока къ востоку и сѣверо-востоку. Достигнувъ до самаго поля, имѣли широту 69° 38′, долготу 96° 40′. Тогда пошли вдоль него слѣдуя изгибамъ чрезъ массу мелкаго льда. Въ этомъ полѣ замѣтны были бухты или углубленія къ югу. Края сплошнаго льда подымались отъ воды футовъ на 30; на немъ набросаны были по обыкновенію куски льда одни на другіе, и затерто нѣсколько ледяныхъ острововъ, одинъ изъ нихъ имѣлъ въ окружности миль 20 и 200 футовъ въ вышину, на срединѣ замѣтна была выпуклость, похожая на настоящую гору. Весьма правдоподобно, что это былъ настоящій островъ, занесенный снѣгомъ.

10 января ночью южная часть неба блистала на подобіе свѣтлой арки, а сѣверная покрыта была густыми темными облаками. Мороза было 3°. Въ 6 часовъ утра мы достигли самой наибольшей южной широты, и именно 69° 53′, при 92° 19′ западной долготы. Въ это время мы находились въ ледяномъ заливѣ, которымъ могли бы пройти еще мили двѣ до ледянаго берега, но сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ прямо въ заливъ, и мы принуждены были заблаговременно изъ него выбраться. Между тѣмъ киты пускали фонтаны, надъ нами летали ласточки и двѣ эгмонскія курицы, въ водѣ, близъ шлюпа, показался однажды какой-то черный звѣрь, что же это все значитъ? Мы смотрѣли съ недоумѣніемъ другъ на друга и ожидали чего-то необыкновеннаго. Цвѣтъ воды нѣсколько измѣнился; вѣтеръ какъ бы нашептывалъ намъ: берегъ! берегъ!

Недолго продолжалось недоумѣніе. Въ исходѣ четвертаго часа пополудни явилось во льдахъ черное пятно; въ тоже время шлюпъ «Востокъ» дѣлаетъ сигналъ, что видитъ землю. Мы подымаетъ отвѣтъ. Берегъ! берегъ! повторяется всюду. Нельзя выразить радости общаго восторга. Въ это время изъ облаковъ блеснуло солнце и лучи его освѣтили черныя скалы высокаго занесеннаго снѣгомъ острова. Вскорѣ опять наступила мрачность; вѣтеръ засвѣжѣлъ и явившійся намъ въ разстояніи 34 миль островъ, скрылся какъ призракъ.

11 января утромъ, когда пасмурность прочистилась, мы ясно увидѣли высокій островъ, покрытый снѣгомъ, выключая чернѣющихся мысовъ и скалъ, на которыхъ онъ немогъ держаться.

Въ пять часовъ пополудни мы были отъ новооткрытаго на далекомъ югѣ острова въ разстояніи 15 миль. Желательно бы было пристать къ этой высунувшейся изъ моря скалы и взять съ нее хотя кусокъ гранита, но разбитый ледъ густою массою окружавшій со всѣхъ сторонъ островъ, не дозволялъ къ нему приблизиться. Догнавъ «Востокъ» мы подошли къ нему подъ корму; матросы, поставленные на обоихъ шлюпахъ по вантамъ, прокричали трижды ура! Всѣ служители получили по стакану пунша и выпили за здравіе Его Императорскаго Величества. Многознаменательное слово Государя Императора при отпускѣ капитановъ въ путешествіе «Посмотримъ!» теперь вполнѣ оправдалось. Русскимъ предоставлена была честь впервые приподнять уголъ завѣсы, скрывающей отдаленный таинственный югъ и доказать, что за ледяною стѣною, его опоясывающею, таятся острова и земли.

Открытый островъ, высунувшійся изъ моря на 4000 футовъ, названъ именемъ создателя русскаго флота, драгоцѣннѣйшимъ для каждаго русскаго именемъ Императора Петра I, положившаго прочное основаніе могуществу и славѣ Россіи! Островъ Петра I-го, простирающійся на сѣверъ и югъ, имѣетъ въ окружности 25 миль; широта его 68° 57′, долгота 90° 46′ западная. Ночью, находясь на вахтѣ съ полуночи до пятаго часа, замѣтилъ, что восточнѣе острова Петра I-го видѣнъ другой маленькій островокъ, отдѣляющійся отъ большаго проливомъ.

12 января съ ранняго утра вѣтеръ засвѣжѣлъ; мы бѣжимъ по 6 миль въ часъ къ востоку.

14 января въ-полдень находились въ широтѣ 68° 16′ и долготѣ 85° 7′ запад.; въ продолженіе дня видѣли эгмондскихъ куриц.

Въ шесть часовъ вечера сталъ я на вахту до полуночи. Погода была пасмурная съ мокрымъ снѣгомъ и дождемъ. Часовъ въ восемь нашелъ густой туманъ; «Востокъ» скрылся изъ виду, мы шли при свѣжемъ южномъ вѣтрѣ въ полный бейдевиндъ правымъ галсомъ. Вокругъ

шлюпа была точно темная завѣса не дозволявшая видѣть во всѣ стороны далѣе одной длины судна. Въ это время всѣ офицеры и капитанъ находились въ каютъ-компаніи, пили чай и бесѣдовали. Люкъ надъ каютой закрытъ былъ стекляной рамой и сверхъ-того смоленымъ брезентомъ.

Вдругъ раздался голосъ часоваго на бакѣ,—видать ледъ! Я поспѣшилъ на бакъ, и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ впереди нѣсколько лѣвѣе мелькавшій сквозь туманъ высокій ледъ. Рѣшась пройти его подъ вѣтромъ, тотчасъ скомандовалъ: право руля! и поставивъ людей на брасы, обезвѣтрилъ задніе паруса, чтобъ шлюпъ скорѣе покатился подъ вѣтеръ.

Въ эту минуту, не смотря что люкъ въ каютъ-компанію былъ закрытъ брезентомъ, бѣготня людей на брасахъ вызвала на палубу двухъ офицеровъ, одинъ изъ нихъ устремился на бакъ, другой остался на шканцахъ.

— Спускаться не надо! вскричалъ офицеръ на бакѣ. Мы проходимъ ледъ на вѣтрѣ!

Такъ дѣйствительно казалось. Но чтобъ пройти ледъ на вѣтрѣ, надлежало вмѣсто право, положить руль лѣво, обезвѣтренные паруса опять наполнить, словомъ перемѣнить весь маневръ, чего мнѣ крѣпко не хотѣлось. Нерѣшительность и перемѣнчивость въ распоряженіяхъ вредны вездѣ, а въ службѣ морской отнюдь не должны быть допускаемы, однакожъ надо было на что нибудь тотчасъ рѣшиться: или согласиться съ бывшимъ на бакѣ болѣе меня опытнымъ и старшимъ офицеромъ, или продолжать начатой маневръ и взять уже на себя всю отвѣтственность за послѣдствія. Каждая секунда приближала насъ къ страшной мелькавшей изъ-за тумана ледяной громадѣ... Въ эту самую минуту вошелъ на палубу М. П. Лазаревъ. Въ одно мгновеніе я объяснилъ начальнику въ чемъ дѣло и спрашивалъ приказанія.

— Постойте! сказалъ онъ хладнокровно. Какъ теперь смотрю на Михайла Петровича: онъ осуществлялъ тогда въ полной мѣрѣ идеалъ морскаго офицера, обладающаго всѣми совершенствами! Съ полною самоувѣренностью, быстро взглянулъ онъ впередъ .. взоръ его казалось прорѣзывалъ туманъ и пасмурность..

— Спускайтесь! сказалъ онъ спокойно.

Но это слово подтверждало прежній маневръ. Въ тоже самое время вся ледяная громада вышедъ изъ-за тумана, явилась не только впереди, но и въ правѣ.

Едва успѣли мы отъ нее уклониться, бомъ-утлегарь чутъ не черкулъ ледяную скалу, возвышавшуюся надъ шлюпомъ по-крайней-мѣрѣ

на два его рангоута и отнявшую у шлюпа вѣтеръ. Перемѣнивъ маневръ, мы бы неминуемо грохнулись объ эту скалу!

15 января подстрѣлили на шлюпѣ «Востокѣ» албатроса и нашли въ его желудкѣ яичную скорлупу; видно онъ недавно былъ на какомъ нибудь неизвѣстномъ островѣ и отнялъ яицо у самки пингвана.

16 января въ полдень находились въ широтѣ 69° 10′, долготѣ 77° 43′. Въ 2 часа пополудни открылся впереди насъ сплошной ледъ, въ срединѣ котораго было затерто нѣсколько ледяныхъ острововъ. Мы видѣли эгмондскую курицу и морскихъ ласточекъ. Въ 3 часа замѣтили всѣ необыкновенную перемѣну въ цвѣтѣ воды: изъ чисто бирюзовой она сдѣлалась темноватою; бросили лотъ но 150 саженями дна не достали. Вечеромъ появившіеся пингвины перекликались между собою; на одной льдинѣ примѣтили большое черное животное изъ породы нерповъ; ночью южная часть неба была свѣтлая, а вся прочая покрыта облаками; морозу было 4°.

17 января, въ 11 часовъ утра обрадованы были появленіемъ въ правой сторонѣ новаго берега, сѣверный мысъ, котораго оканчивался высокою, можетъ быть, волканическою горою; она отдѣлялась отъ другихъ не столь высокихъ горъ, идущихъ къ юго-западу, узкимъ перешейкомъ. «Востокъ» сдѣлалъ тогда же сигналъ, что видитъ землю. День былъ прекраснѣйшій, погода совершенно ясная, небо чистое. Широта видимой нами горы оказалась 68° 43′, долгота 73 10′ западная. Поворотивъ на лѣвый галсъ при слабомъ восточномъ вѣтрѣ, мы шли на SSO чтобъ приблизиться къ берегу; но въ 4-мъ часу принуждены были, возлѣ самаго сплошнаго льда, чрезъ который не было возможности проникнуть далѣе, поворотить опять на правый галсъ. Не случись ясной погоды, и возвышавшійся передъ нами берегъ съ величественною горою покрытые блистающимъ отъ солнца снѣгомъ, выключая крутыхъ темныхъ скалъ, ускользнулъ бы отъ нашихъ взоровъ.

Открытый берегъ капитанъ Беллинсгауземъ назвалъ именемъ высокаго виновника нашей экспедиціи Императора Александра I. Земля эта простиралась во льдахъ къ югу, но дальнѣйшаго направленія ея а тѣмъ болѣе предѣла мы не видали, и потому не могли заключать составляетъ ли она отдѣльный островъ, или часть южнаго материка; впрочемъ замѣченная перемѣна въ цвѣтѣ воды, заставляетъ предполагать что обрѣтенный нами берегъ долженъ быть обширенъ. Въ шесть часовъ вечера высокая гора была еще въ виду, между тѣмъ сѣверовосточный вѣтеръ началъ свѣжѣть; мы принуждены были держать въ бейдевиндъ на правый галсъ. Къ ночи вѣтеръ до того усилился, что надлежало спустить брамъреи, брамстенги и вять у марселей рифы...

Въ слѣдующіе дни погода стояла пасмурная, и мы подавались къ сѣверо-востоку. 19 видѣли около шлюпа несущуюся морскую траву, а 20 находясь въ широтѣ 67°3′, долготѣ 76°3′ поймали траву покрытую ракушками. Мы держяли прямо къ южной сторонѣ Новой-Шетландіи, объ открытіи которой въ началѣ 1819 года капитаномъ англійскаго купеческаго судна «Смитомъ» начальникъ нашъ извѣщенъ былъ въ Бразиліи посланникомъ барономъ де-Тейлемъ.

24 января, въ восемь часовъ поутру открылся впереди берегъ Новой-Шетландіи; подошедъ къ нему ближе, увидѣли высокій покрытый снѣгомъ островъ; на югозападной его оконечности возвышались изъ моря двѣ скалы, между которыми были камни, омываемые буруномъ. Вообще берега острова круты, и гдѣ снѣгъ держаться неможетъ, имѣютъ видъ черный. Длина острова 20, ширина 8 миль, средина его лежитъ въ широтѣ 62°58′ и долготѣ 62°49′ западной; онъ названъ островомъ Бородино.

Отъ Бородино чрезъ поливъ, шириною миль въ 20 лежитъ другой островъ, длиною въ 9, шириною въ 5 миль, его назвали малоярославцемъ. На слѣдующее утро (25 января) обойдя восточный мысъ малоярославца и находясь передъ проливомъ въ три мили шириною, увидѣли чрезъ низменный берегъ восемь купеческихъ судовъ, стоящихъ на якорѣ въ заливѣ. Продолжая итти вдоль южнаго берега открылся третій высокій островъ, который названъ островомъ Тейля, въ честь посланника нашего въ Бразиліи; онъ имѣетъ въ окружности 20 миль и покрытъ снѣгомъ.

Въ десять часовъ поутру увидѣли идущій навстрѣчу къ намъ американскій ботъ; мы легли въ дрейфъ; съ «Востока» посланъ былъ къ боту яликъ, на которомъ пріѣхалъ капитанъ купеческаго судна «Пальмеръ». Онъ объявилъ, что находится тутъ уже четыре мѣсяца съ тремя американскими судами для добыванія морскихъ котиковъ. Вообще въ этихъ водахъ стояло до восемнадцати судовъ на якорѣ, и между промышленниками нерѣдко случались ссоры; здѣсь же находился и капитанъ англійскаго купеческаго судна «Смитъ», открывшій въ 1819 году Новую-Шетландію на бригѣ Вилліамъ; онъ успѣлъ добыть нынѣ 60,000 шкурокъ морскихъ котиковъ, а компанія «Пальмера» добыла ихъ 80,000, такъ что въ короткое время котики въ Новой-Шетландіи также будутъ рѣдки, какъ на южномъ Георгіѣ и Маквари, а морскіе слоны удалились отсюда на югъ. Вотъ все, что капитанъ Беллинсгаузенъ слышалъ отъ «Пальмера».

Обошедъ Шетландію съ южной стороны при ясной погодѣ, мы могли хорошо видѣть и описать всю гряду узкихъ высокихъ острововъ, покры-

тыхъ льдомъ и снѣгомъ. Гряда эта простиралась почти отъ юго-запада на сѣверо-востокъ на 160 миль. Описанные острова кромѣ трехъ, о которыхъ упомянуто выше, названы слѣдующими именами: Смоленскъ, Березино, Полоцкъ, Лейпцигъ, Ватерло, Три брата и Рожнова. Отъ Трехъ братьевъ, лежащихъ въ широтѣ 61°30′ и въ долготѣ 56°2′ западной казался къ югу какъ будто бы берегъ, но нашедшая вскорѣ пасмурность съ сильными порывами вѣтра и снѣгами закрыла весь горизонтъ.

28 января, въ семь часовъ поутру сквозь мрачность показался страшный впереди бурунъ; тотчасъ привели къ вѣтру, но и поэтому направленію также встрѣтили бурунъ, тогда поворотили на другой галсъ. Вскорѣ послѣ сего вѣтеръ совершенно стихъ, между тѣмъ большая зыбь бросая шлюпы изъ стороны въ сторону, прижимала насъ къ каменнымъ рифамъ, на которыхъ разбивался бурунъ. Въ продолженіе цѣлаго часа мы были въ самомъ критическомъ положеніи; зыбь ежеминутно приближала насъ къ острымъ камнямъ, которые были отъ насъ только уже въ полумилѣ; глубина при каменномъ грунтѣ уменьшилась до 30 саженъ, и потому якоря едвали бы насъ задержали. Несмѣтное множество пингвиновъ окружали шлюпы, киты проплывали мимо насъ цѣлыми стадами; волненіе разбивалось о нихъ какъ о гряду каменьевъ и въ воздухѣ надъ ними былъ рядъ фонтановъ. Наконецъ подулъ вѣтеръ отъ берега, и мы поспѣшили отъ него удалиться. Къ счастію и теченіе моря намъ благопріятствовало, потому-что было также отъ берега.

29 января мы видѣли и описали три острова названные именами: Мордвинова, Михайлова и Шишкова. Средній изъ нихъ, Мордвинова, лежитъ въ широтѣ 61°8′ и долготѣ 55°21′ имѣетъ въ окружности 60 миль, на западной его сторонѣ находится высокая снѣгомъ покрытая гора.

30 января съ утра вѣтеръ началъ свѣжѣть; шлюпъ «Востокъ» былъ не въ надежномъ состояніи, кницы лопались, и вода сильно прибывала; безпрестанно выкачивали ее помпами. Мы идемъ теперь къ сѣверу, къ южной Америкѣ.

1 февраля бѣжимъ къ сѣверу по 9 миль въ часъ; въ одиннадцать часовъ вечера, въ широтѣ 56°35′ долготѣ 40°30′ западной прошли мимо небольшаго ледянаго острова и навсегда съ ними простились. Едва ли кто нибудь изъ насъ опять ихъ увидитъ: путешествія къ южному полюсу принадлежатъ къ числу рѣдко предпринимаемыхъ.

Оставляя навсегда южные льды, да позволено будетъ изложить въ краткихъ словахъ мнѣніе о составленіи ихъ основанное на двухлѣтнихъ наблюденіяхъ. Всѣ льды можно раздѣлить на слѣдующіе разряды:

1) Неподвижный ледяной берегъ или ледяная стѣна.

2) Отдѣльные ледяные острова, плоскіе и островершинные.

3) Ледяныя поля.

4) Разбитый ледъ.

Неподвижный высокій ледяной берегъ или ледяная стѣна, встрѣчаемые за полярнымъ кругомъ, судя по ихъ наружному виду и протяженію на многіе десятки и даже сотни миль, очевидно не могутъ составиться отъ холода въ открытомъ морѣ, а образуются на южномъ великомъ материкѣ, отъ котораго по разнымъ причинамъ отламываются и потомъ вѣтромъ и теченіями относятся въ море на большее или меньшее отъ берега разстояніе, представляя почти всегда мореплавателю непреодолимую преграду къ достиженію берега.

2) Отдѣльные ледяные острова суть отломки отъ ледянаго берега или отъ настоящихъ острововъ, что большею частію показываетъ самый ихъ видъ.

3) Ледяныя поля происходятъ отъ замерзанія морской воды при морозѣ отъ 5 до 6° реом. Сначала образуется сало, которое при случающейся большой стужѣ и тишинѣ моря превращается въ тонкій слой льда; отъ вѣтра слой этотъ разламывается въ куски, которые опять смерзаютъ, потомъ слои льда примерзаютъ къ встрѣчающимся ледянымъ островамъ, которые и кажутся затертыми въ ледяныхъ поляхъ. Сильные вѣтры часто разрушая ледяныя поля и громоздя отломки льда одни на другіе, придаютъ имъ эти странныя формы, которыя такъ часто поражаютъ мореплавателей.

4) Разбитый ледъ происходитъ отъ разбиваемыхъ вѣтромъ и волненіемъ ледяныхъ полей и ледяныхъ острововъ.

Наконецъ должно еще присовокупить, что множество разбитыхъ полей и льда есть вѣрный признакъ близости острововъ и земли, а достиженіе настоящей ледяной стѣны означаетъ близость скрывающагося за нею южнаго материка.

3 февраля. Со времени отбытія нашего изъ Ріо-Жанейро, 23 ноября 1819 года, постоянно слѣдуя къ востоку, то есть навстрѣчу къ солнцу, сутки наши всегда были нѣсколько менѣе 24 часовъ; отсюда вышло, что описавъ къ востоку цѣлый кругъ, мы прищитали ровно 24 часа, и потому для поправленія счисленія нашего времени, капитанъ Беллинсгаузенъ приказалъ 3 февраля щитать два дня сряду. На шлюпѣ Мирномъ, мы поправили наше счисленіе еще 4 декабря случившееся въ субботу, и имѣли сряду двѣ субботы.

4 февраля. Поутру западный вѣтеръ постепенно крѣпчалъ и къ полудню превратился въ жесточайшій унтеръ-зеиль. Мы бѣжали по

осьми и десяти узловъ подъ штормовыми парусами; положеніе шлюпа «Востокъ» было довольно сомнительное, безпрестанно дѣйствовали помпами; къ счастію что къ вечеру буря смягчилась.

7 февраля въ полдень достигли широты 43° 35′ и почувствовали большую перемѣну въ температурѣ воздуха; термометръ подымался до 10° Реомюра. Погода была ясная. Въ шесть часовъ вечера мы были опять на параллели острова Гранде, могли далеко видѣть и опять его не видали.

VIII.

Ріо-Жанейро, Лисбонъ, Кронштадтъ.

26 февраля рано поутру открылся ріо-жанейрскій берегъ съ знакомою намъ Сахарной Головой. Вѣтеръ былъ тихій, и мы только на слѣдующій день около осьми часовъ вечера могли войти въ заливъ, и по наступившей темнотѣ должны были бросить якорь довольно далеко отъ города.

Вице-консулъ Кильхенъ не замедлилъ къ намъ пріѣхать и сообщить всѣ европейскія и бразильскія новости. Въ числѣ послѣднихъ была одна довольно важная для здѣшняго края: король намѣревался оставить Бразилію и отправиться съ дворомъ въ Лисбонъ.

Какъ неинтересно было плаваніе наше въ южныхъ льдахъ, какъ ни величественны были картины льдовъ и незаходящаго въ полночь солнца, но надо признаться, что послѣ плаванія, 128 дневнаго послѣ трудовъ и опасностей, пріятно было видѣть благословенный тропическій берегъ. Вышедъ рано поутру на палубу, отрадно было взглянуть на окружающія насъ горы покрытыя богатѣйшею растительностью, наполнявшею весь воздухомъ благоуханіемъ. Городъ Санъ-Себастіянъ имѣлъ видъ праздничный, казалось все тамъ движится и веселится. На ріо-жанейрскомъ рейдѣ стояли португальскій семидесяти-четырехъ-пушечный корабль Іоаннъ VI, два также португальскіе фрегата, одинъ фрегатъ сѣверо-американскій, два англійскіе брига и до трехъ сотъ купеческихъ судовъ разныхъ націй. Повсюду видна была жизнь и дѣятельность! Какая противоположность съ совершеннымъ уединеніемъ и окованною льдами хотя и величественною, но безжизненною природой отдаленнаго юга.

Послѣ полудня мы подошли ближе къ городу и бросили якорь на прежнемъ мѣстѣ неподалеку отъ Крысьяго острова на которомъ разбили опять палатки; тамъ же устроена была и походная обсерваторія достойнѣйшаго астронома Симанова.

3 марта я ѣздилъ съ мичманомъ Куприяновымъ въ городъ. Вечеромъ мы вошли въ каѳедральную церковь, она освѣщена была множествомъ свѣчъ. Посерединѣ на зеленомъ сукнѣ возвышался богатый балдахинъ, подъ которымъ стоялъ гробъ съ воздвигнутымъ на немъ золотымъ крестомъ, По обѣимъ сторонамъ сидѣли на скамьяхъ мужчины и женщины въ ожиданіи начала процессіи. Минутъ черезъ десять вошло человѣкъ двадцать съ фонарями и столько же человѣкъ съ алебардами, за ними слѣдовало множество монаховъ въ черныхъ, бѣлыхъ и алыхъ мантіяхъ, они держали въ правой рукѣ зажженныя восковыя свѣчи. Музыка заиграла, чиновники подняли крестъ съ балдахиномъ, и процессія тронулась. Монахи шли въ два ряда сопутствуемые дѣвочками въ бѣлой полупрозрачной одеждѣ. Волны народа вынесли насъ изъ церкви; мы пошли потомъ на дворцовую площадь, гдѣ до поздней ночи много было прогуливающихся.

4 марта король Іоаннъ VI на раззолоченной баржѣ ѣздилъ осматривать свой корабль, на которомъ намѣревался отправиться въ Европу. Проѣзжая мимо нашихъ шлюповъ, матросы стояли на реяхъ и кричали ура! при пушечной пальбѣ изъ орудій. Въ то же время на королевской баржѣ перестали грести. Чиновникъ, державшій возлѣ короля штандартъ, произнесъ отъ имени его привѣтственную рѣчь въ честь Государя Императора, потомъ гребцы на баржѣ встали и прокричали три раза ура! Послѣ обѣда проѣзжала мимо шлюповъ королева, и Ея Величеству такая же оказана была почесть.

26 марта прибыли на Ріо-жанейрскій рейдъ французскій 74 пушечный корабль «Коллоссъ» и фрегатъ «Галатея» подъ начальствомъ контръ-адмирала Жульена.

8 апрѣля, въ великую пятницу, всѣ суда католическихъ націй спустили флаги и перекосили реи такъ, чтобъ онѣ имѣли подобіе крестовъ. Вечеромъ мы были въ городѣ и встрѣтили священную процессію, въ которой несли гробъ, окруженный стражею въ странномъ одѣяніи. Впереди шли опять молоденькія дѣвушки, въ такой же одеждѣ какъ прежде.

10 апрѣля, Свѣтлое Христово Воскресеніе встрѣтили на шлюпѣ «Востокъ». Заутреня началась въ часъ пополуночи. Послѣ богослуженія, въ шесть часовъ утра, всѣ офицеры и команда обоихъ шлюповъ вмѣстѣ разговѣлись и провели цѣлый день на «Востокѣ», а 12 апрѣля мы угощали офицеровъ и всю команду «Востока». Такимъ образомъ проводили время въ своемъ кругу весьма пріятно. Матросамъ доставляемы были разныя развлеченія, и никто изъ нихъ не думалъ проситься не берегъ. Портовые города изобилуютъ своего рода подводными

камнями и мелями можетъ быть болѣе гибельными, нежели въ открытомъ морѣ.

13 апрѣля. Королевская флотилія, состоящая изъ 74 пушечнаго корабля, фрегата, шлюпа, корвета, брига, придворной яхты и пяти транспортовъ, всего изъ одиннадцати судовъ совершенно готова была къ отплытію. Король вечеромъ прибылъ на корабль, отправляющійся съ нимъ дворъ и свита въ числѣ осьмисотъ лицъ обоего пола, размѣстились на всѣхъ судахъ. На слѣдующій день вся эта эскадра снялась съ якоря и отправилась въ море. Наслѣдный принцъ Донъ-Педро провожалъ короля за выходъ изъ залива и возвратился въ Ріо-Жанейро на пароходѣ подъ штандартомъ.

Мы неоднократно посѣщали гг. Лангсдорфа и Кильхена и проводили у нихъ пріятно время. По случаю отъѣзда короля въ Лисбонъ, всѣ посланники должны были за нимъ слѣдовать. По предложенію капитана Беллинсгаузена, баронъ Тейль рѣшился отправиться на «Востокѣ», и 21 апрѣля на него переѣхалъ, а повѣренный въ дѣлахъ г. Бородовицынъ и датскій повѣренный Дальборго, въ тотъ же вечеръ перебрались на «Мирный». 22 апрѣля мы перешли къ самому выходу изъ залива, и на слѣдующій день вступили подъ паруса вмѣстѣ съ французскимъ кораблемъ «Колоссомъ», фрегатомъ «Галатеею» и двумя португальскими фрегатами. Къ вечеру налетѣлъ на насъ сильный шквалъ съ дождемъ, но мы успѣли во-время убрать всѣ верхніе паруса. Изъ пассажировъ нашихъ г. Бородовицынъ очень терпѣлъ отъ качки и почти не вставалъ съ своей койки, а италіянецъ Дальборго храбрился въ погоду, и былъ самый пріятный собесѣдникъ; часто въ шутку Дальборго допытывался: гдѣ у насъ спрятаны золотые слитки, добытые съ острова, открытаго подъ южнымъ полюсомъ, а иногда скоблилъ перочиннымъ ножичкомъ пушку, чтобъ узнать не вылита ли она изъ чистаго золота.

7 мая въ шесть часовъ пополудни при продолжающемся юго-восточномъ пассатѣ перешли экваторъ въ долготѣ 26° 35′ западной и ночью появилась опять на горизонтѣ родная намъ полярная звѣзда на хвостѣ малой медвѣдицы. На нынѣшній разъ мы были въ штилевой полосѣ, только дня четыре. Въ это время кромѣ штилей и шквалóвъ дули перемѣнные вѣтры и шли проливные дожди. 12 мая, въ широтѣ 5° 30′ сѣверной получили пассатный NO и пошли полнымъ бейдевиндомъ на правый галсъ.

25 мая. Сегодня въ полдень, въ широтѣ 21° 30′ сѣверной имѣли солнце прямо въ зенитѣ. Не многіе изъ сѣверныхъ жителей испытываютъ подобное явленіе! Но видѣть солнце прямо надъ головою

какъ-то необыкновенно. Чувствуешь что находишься въ самомъ срединномъ мѣстѣ на поверхности земнаго шара. Мы не испытали однакожъ невыносимаго жара. Термометръ въ тѣни показывалъ только 21° и во все время плаванія въ тропикахъ не возвышался болѣе 24°.

27 мая въ широтѣ 24° 40′ сѣв. и долготѣ 37° запад. мы были въ полюсѣ атлантическаго океана, покрытой на большое пространство морскимъ растеніемъ. Это травяное море состоитъ изъ кустовъ зеленоватаго цвѣта, переплетенныхъ между собою; отъ стеблей идутъ вѣтви съ продолговатыми листьями и круглыми ягодами, внутри пустыми, и также зеленоватаго цвѣта.

17 іюня увидѣли первый европейскій берегъ и именно гору на мысѣ Рокъ, близъ Лисбона; вечеромъ бросили якорь вблизи крѣпости Белемъ, а поутру слѣдующаго дня подошли ближе къ городу. Удивительно, что королевская флотилія девять дней раньше насъ вышедшая изъ Ріо-Жанейро, еще не пришла въ Лисбонъ.

19 Іюля. Сегодня всѣ офицеры нашего шлюпа приглашены были Дальборгомъ обѣдать въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ Лисбона въ улицѣ (гіог). Пришедъ нѣсколько ранѣе назначеннаго часа, мы нашли нашего хозяина въ большихъ хлопотахъ Сегодня вечеромъ отправляется пакетботъ, и онъ спѣшилъ писать свои депеши. Чтобъ немѣшать ему, пошли до обѣда погулять по городу. Лисбонъ выстроенъ на почвѣ неровной и имѣетъ видъ весьма живописный; домы вообще высоки и замѣчательны своей архитектурой, только улицы очень неопрятны. Изъ оконъ безъ всякой церемоніи выбрасываютъ всякую всячину. Лисбонъ городъ не шумный; народъ не толпится и незамѣтно множества экипажей.

Послѣ роскошнаго обѣда у любезнаго нашего пассажира, вечеромъ гуляли въ публичномъ саду, котораго густыя аллеи были бы еще превосходнѣе если бъ искусство не подстригало ихъ въ разныя слишкомъ уже правильныя формы. Здѣсь есть также нѣсколько фонтановъ и небольшой дворецъ, называемый Нессеситадесъ.

21 Іюня по утру вошла на лисбонскій рейдъ королевская эскадра. На кораблѣ «Іоаннѣ» поднятъ былъ штандартъ: Когда онъ сталъ на якорь противъ белемскаго монастыря, поднялась со всѣхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, пушечная пальба; матросы на шлюпахъ поставлены были во время салютаціи по реямъ.

22 Іюня въ полдень король на раззолоченной баржѣ, въ сопровожденіи множества разныхъ гребныхъ судовъ, отправился на берегъ; когда проѣзжалъ мимо нашихъ шлюповъ, матросы стояли на реяхъ и производилась опять пушечная пальба. Король привѣтствуемъ былъ на город-

ской пристани громкими восклицаніями народа. При проѣздѣ его въ церковь и потомъ во дворецъ, всѣ окна и крыши домовъ унизаны были зрителями, которые махали бѣлыми платками.

24 Іюня по утру мы ѣздили въ большой компаніи осматривать прекрасный водопроводъ, сдѣланный изъ дикаго камня на протяженіи четырехъ верстъ. По обѣимъ его сторонамъ тянется дорога шириною въ одну сажень. По неровности мѣстоположенія, водопроводъ спускается иногда къ самой землѣ, а иногда поднимается вверхъ на 200 футъ. Съ возвышеннѣйшей точки открывается прекрасный видъ на окрестность съ домиками, рощицами и пашнями. Вода посредствомъ трубъ раздѣляется на многіе рукава и течетъ въ резервуары по всѣмъ концамъ города. Весь день пріятно провели въ городѣ и вечеромъ были въ театрѣ. Сандриліона была исполнена превосходно.

28 Іюня по утру мы оставили лисбонскій рейдъ; 11 іюля прошли англійскимъ каналомъ, 18 го останавливались на короткое время на копенгагенскомъ рейдѣ, и 24 іюля въ шесть часовъ утра имѣли счастіе бросить якорь на кронштадтскомъ рейдѣ, на томъ мѣстѣ откуда назадъ тому два года и двадцать дней отправились въ дальній путь. Плаваніе наше принадлежитъ къ самымъ благополучнымъ, не смотря на холодъ, туманную и сырую погоду въ южномъ ледовитомъ океанѣ, на зной подъ раскаленнымъ небомъ въ тропикахъ, офицеры и всѣ служители пользовались всегда совершеннымъ здоровьемъ, и во всю кампанію на обоихъ шлюпахъ потеряли только троихъ матросовъ: собственно отъ болѣзни умеръ одинъ, другой отъ ушиба, а третій утонулъ.

Въ сложности мы прошли около 84.000 верстъ, то-есть обошли два съ четвертью раза вокругъ всей земли по большому ея кругу, открыли цѣлый архипелагъ русскихъ острововъ въ тропикахъ, описали: Южный Георгій, Сандвичеву землю и Новую Шетландію, открыли во льдахъ острова Маркиза-де Траверсе и наконецъ, на самомъ отдаленномъ югѣ, на недосягаемой параллели 69°, близъ ледяной стѣны, вѣнчающей южный полюсъ обрѣли островъ Петра и берегъ Александра.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

На шлюпѣ «Востокъ» состояли:

Капитанъ 2-го ранга Фаддей Фадѣевичь Беллинсгаузенъ. Начальникъ экспедиціи и командиръ шлюпа «Востокъ».

Капитанъ-Лейтенантъ И. И. Завадовскій.

Лейтенанты: И. Ѳ. Игнатьевъ.
— К. П. Торсонъ.
— А. С. Лѣсковъ.
Астрономъ И. М. Симановъ. Профессоръ Казанскаго Университета.
Живописецъ П. Н. Михайловъ. Академикъ Императорской Академіи Художествъ.
Штабъ лекарь Я. Бергъ.
Штурманъ Я. Порядинъ.
И. Резановъ.
Гердемаринъ Р. Адамсъ.
2 Подштурмана.
1 Подшкиперъ.
4 Квартирмейстера.
98 Матросовъ и прочихъ служителей.

Итого 117 человѣкъ.

На шлюпѣ «Мирномъ».

Лейтенанты: Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Командиръ шлюпа.
— Н. В. Обернибѣсовъ.
— М. Д. Анненковъ.
Мичмана: И. А. Куприяновъ.
— П. М. Новосильскій.
Медикохирургъ Н. А, Галкинъ.
Штурманъ Н. Ильинъ.
Іеромонахъ Діонисій.
1 Подшкиперъ.
3 Квартирмейстера.
60 Матросовъ и прочихъ служителей.

Итого 73 человѣка.

Шлюпъ «Востокъ» имѣлъ 129 футовъ 10 дюймовъ длины, 32 фут. 8 дюйм. ширины, глубина интрюма была 9 фут. 7 дюйм., построенъ былъ въ С. Петербургѣ, на Охтенской верфи корабельнымъ мастеромъ Стоке въ 1818 году.

«Мирный» имѣлъ 120 футовъ длины, 30 фут. ширины и 15 фут. глубины, построенъ въ С. Петербургѣ мастеромъ Колодкинымъ.

II.

Коль скоро наступитъ удобное время въ семъ году, капитанъ 2 ранга Беллинсгаузенъ отправится для обозрѣнія острова Георгія, находящагося подъ 55° южной широты, а оттуда къ землѣ Сандвичевой, и обошедъ ее съ восточной стороны, пустится къ югу и будетъ продолжать свои изысканія до отдаленнѣйшей широты, какой только онъ можетъ достиг-

нуть; употребитъ всевозможное стараніе и величайшее усиліе для достиженія сколь можно ближе къ полюсу, отыскивая неизвѣстныя земли и не оставитъ сего предпріятія иначе, какъ при непреодолимыхъ препятствіяхъ.

Ежели подъ первыми меридіанами, подъ коими онъ пустится къ югу, усилія его останутся безплодными, то онъ долженъ возобновить свои покушенія подъ другими и не опуская ни на минуту изъ виду главную и важную цѣль, для коей объ отправленъ будетъ, повторяя сіи покушенія ежечасно, какъ для открытія земель, такъ и для приближенія къ южному полюсу.

Для сего онъ употребитъ все удобное время года, по наступленіи же холода, обратится къ параллелямъ менѣе удаленнымъ отъ экватора и стараясь слѣдовать путями, не посѣщенными еще другими мореходцами, пойдетъ къ островамъ Аукландскимъ, пройдетъ проливомъ королевы Шарлоты и спустится для снабженія провизіею и отдыха экипажу, въ Портъ-Джаксонъ; что можетъ случиться около первыхъ чиселъ апрѣля 1820 года.

Отдохнувши, запасшись всѣмъ нужнымъ и исправившись, командиръ первой дивизіи отправится изъ Портъ-Джаксона и направитъ путь свой къ востоку въ параллеляхъ Новой-Зеландіи и сѣверной части Новой-Голландіи; потомъ обратится къ островамъ Общества и Маркиза Мендозы; проходя наименѣе посѣщаемыми путями экваторной полосы, пойдетъ къ обитаемымъ островамъ, къ которымъ приставалъ Коцебу и сдѣлаетъ изысканія о другихъ съ ними сосѣдственныхъ, о коихъ упоминали жители первыхъ; обозритъ острова Соломоновы, а ежели время позволитъ и Новую Каледонію, и возвратится для отдыха въ Портъ-Джаксонъ или въ южный портъ земли Дименовой, когда по предварительнымъ освѣдомленіямъ въ семъ послѣднемъ мѣстѣ можетъ онъ найти нужныя провизіи, подкрѣпить свѣжею пищею экипажъ и приготовиться къ дальнѣйшимъ покушеніямъ къ южному полюсу.

По наступленіи удобнаго времени къ концу 1820 года, первая дивизія снова отправится на югъ къ отдаленнѣйшимъ широтамъ; возобновитъ и будетъ продолжать свои изслѣдованія по прошлогоднему примѣру съ таковою же рѣшимостію и упорствомъ, и проплыветъ остальные меридіаны, для совершенія пути вокругъ земнаго шара, обратясь къ той самой высотѣ, отъ которой дивизія отправилась подъ меридіанами земли Сандвичевой.

По окончаніи благопріятнаго для сихъ предпріятій времени, совершить обратный путь въ Россію.

ЗАПИСКИ АРАБА ФАТАЛЛЫ СЕГИРА,

ИЗДАННЫЯ А. ЛАМАРТИНОМЪ.

(*Статья вторая и послѣдняя*).

—

Освѣживши стада, мы продолжали путь свой къ востоку. Въ это время мы встрѣтили одного бедуина на прекрасномъ черномъ дромадерѣ. Шейки поклонились ему съ видомъ уваженія и спросили, каковъ былъ конецъ несчастнаго приключенія съ нимъ. Я просилъ разсказать мнѣ его исторію, и нашелъ ее довольно любопытною, чтобъ помѣстить въ моемъ журналѣ.

Однажды Алуанъ, (имя бедуина) охотясь за газелью, заѣхалъ на мѣсто, гдѣ изломанныя копья, окровавленныя сабли, разбросанные трупы доказывали недавнюю битву. Жалобный стонъ поразилъ его и привелъ къ грудѣ труповъ, посреди которой дышалъ еще одинъ молодой арабъ. Алуанъ спѣшитъ къ нему на помощь, переноситъ его на своего дромадера, увозитъ въ свой шатеръ и отеческою заботливостью возвращаетъ его къ жизни. Больной Фаресъ выздоравливаетъ черезъ четыре мѣсяца и говоритъ о своемъ отъѣздѣ, Алуанъ отвѣчаетъ: Грустно мнѣ разстаться съ тобою, но если это необходимо, то я провожу тебя до твоего племени; еслибъ ты захотѣлъ остаться у насъ, то былъ бы моимъ братомъ; мать моя была бы твоею матерью, жена моя твоей сестрою; подумай о моемъ предложеніи и рѣши спокойно.—О, мой благодѣтель! отвѣчалъ Фаресъ гдѣ найти мнѣ такихъ родныхъ, какъ ты мнѣ

Безъ васъ меня давно бы небыло на свѣтѣ, тѣло мое съѣли быхищныя предлагаешь? птицы, кости мои растаскали бы дикіе звѣри. По твоему желанію, я остаюсь у тебя, но только для того, чтобъ служить вамъ всю мою жизнь. «Причина, не столь благородная, въ которой онъ не смѣлъ сознаться, заставила Фареса согласиться на предложеніе—это любовь его къ Хафзѣ, женѣ Алуана, которая ухаживала за нимъ во-время болѣзни, и любовь его не осталась безъ отвѣта. Однажды Алуанъ, неподозрѣвая ничего, поручилъ Фаресу свою мать, жену и двоихъ дѣтей проводить до другаго кочевья, а самъ поѣхалъ на охоту. Фаресъ не могъ устоять противъ пагубнаго искушенія.

Онъ уложилъ шатеръ на верблюда, посадилъ на него мать съ двумя дѣтьми и отправилъ ихъ впередъ, сказавши, что поѣдетъ вслѣдъ за ней съ Хафзой на лошади. Но напрасно старуха часто оборачивалась,— Хафзы небыло, Харесъ увезъ ее въ свое племя на лошади быстроты необыкновенной. Вечеромъ Алуанъ возвратился усталый съ охоты, но не нашелъ своего шатра между прочими. Старуха мать не могла поставить его одна, и сидѣла на землѣ съ двумя дѣтьми. Алуанъ спрашиваетъ, гдѣ Хафза? «Я не видала ни ее, ни Фареса отвѣчаетъ старуха, и жду ихъ съ самаго утра. Тогда въ первый разъ понялъ онъ истину, и поставивъ шатеръ своей матери, поѣхалъ на черномъ дромадерѣ. Два дня скакалъ онъ до племени Фареса. Пріѣхавъ туда, онъ остановился у одной старой женщины.—Что не идете вы къ шейку? спросила она, сегодня тамъ праздникъ. Фаресъ-эбнъ-Мегиди, который оставался на полѣ сраженія и оплаканъ былъ какъ умершій, возвратился и привелъ съ собою прекрасную жену; сегодня ихъ свадьба. Алуанъ не открылъ ей ничего и дождался ночи.

Когда все уже спало, онъ прокрался въ шатеръ Фареса, ударомъ сабли отсѣкъ ему голову и унесъ трупъ изъ стана; потомъ, возвратясь опять, нашелъ жену свою спящею и разбудилъ ее говоря: «это Алуанъ зоветъ тебя, слѣдуй за мною.» Она встаетъ въ испугѣ и говоритъ ему: «Безумецъ ты! Фаресъ и его братья убьютъ тебя, спасайся!»—«Измѣнница, что я тебѣ сдѣлалъ, что ты такъ поступаешь со мною? Противорѣчилъ ли я когда тебѣ, сдѣлалъ ли хоть одинъ упрекъ тебѣ когда нибудь? Или ты забыла всѣ мои заботы о тебѣ, забыла дѣтей своихъ? Вставай, молись Богу и слѣдуй за мною, проклиная дьявола, соблазнившаго тебя на этотъ проступокъ. Но Хафза не тронулась нѣжными упреками Алуана, а повторила: «иди отсюда, или я подниму тревогу и позову Фареса убить тебя.» Видя, что слова его недѣйствуютъ на Хафзу, онъ схватилъ ее, зажалъ ей ротъ, и не смотря на сопротивленіе, увезъ на своемъ дромадерѣ. Онъ остановился на такомъ уже

разстояніи, чтобъ неслышно было голоса. Тогда посадивъ ее позади себя, онъ продолжалъ путь свой гораздо медленнѣе.

Съ разсвѣтомъ трупъ Фареса и внезапное удаленіе Хафзы привело все племя въ волненіе. Отецъ его и братья пускаются въ погоню и настигаютъ Алуана; съ геройскою храбростью защищается онъ. Весь покрытый ранами Алуанъ побѣждаетъ своихъ противниковъ; онъ убилъ уже двоихъ братьевъ и обезоружилъ отца, говоря, что ему стыдно было бы убить старика. Онъ возвратилъ старику лошадь и позволилъ ему воротиться домой. Потомъ снова беретъ свою жену и продолжаетъ съ нею путь, не говоря ни слова. Пріѣхавъ къ своему племени, онъ собираетъ всѣхъ родныхъ жены, сажаетъ Хафзу посреди ихъ и говоритъ ей: разскажи сама все, что случилось. Я полагаюсь на правосудіе твоего отца и братьевъ. Хафза разсказала всю истину, и отецъ ея, полный негодованія, убиваетъ ее у ногъ своихъ.

Останавливаясь нѣсколько разъ для отдыха, мы наконецъ доѣхали до мѣста, находящагося въ четырехъ часахъ пути отъ Багдада. Ласкарисъ тайно отправился туда для свиданія съ французскимъ консуломъ Адріеномъ де-Корансе, и взялъ у него большую сумму денегъ. На другой день, переправившись чрезъ Тигръ въ Машадѣ, мы хотѣли расположиться близъ рѣчки Эль-Каганъ, но тутъ узнали, что между бедуинами происходила жестокая война и противъ нашихъ союзниковъ. Шейкъ Ибрагимъ совѣтовалъ не останавливаться, но соединиться съ нашими союзниками какъ можно скорѣе. Поэтому мы перекочевали на Эль-Даргуанъ, гдѣ находилось множество маленькихъ источниковъ въ двадцати часахъ пути отъ Багдада. Здѣсь мы наполнили наши мѣхи — это была необходимая предосторожность, потому-что намъ предстоялъ двѣнадцатичасовой путь по жгучимъ пескамъ, гдѣ не было ни воды, ни пастбищъ. Дошедши до границъ Персіи, мы встрѣтили посланника отъ племени Эль-Ашлаха съ письмомъ отъ начальника его Дехасса, требовавшаго пособія у отца героевъ, начальника храбрѣйшихъ воиновъ, могущественнаго Драйги противъ враговъ его, обитающихъ въ пятнадцати тысячахъ шатрахъ. Мы были тогда въ шести дняхъ пути отъ того племени, и Драйги отдалъ приказаніе продолжать путь; мы прошли это разстояніе въ продолженіе семидесяти двухъ часовъ, не останавливаясь даже для утоленія голода.

Труднѣе всѣхъ было въ этомъ походѣ женщинамъ, обязаннымъ печь хлѣбъ и доить верблюдицъ, не останавливая каравана. Устройство ихъ походной кухни довольно любопытно. Нѣсколько женщинъ ѣдутъ на верблюдахъ въ опредѣленномъ разстояніи одна отъ другой, и безъ остановки занимаются своею работой. У первой верблюдъ навьюченъ хлѣбнымъ

зерномъ (пшеницей) и она держитъ передъ собою ручную мельницу. Перемоловши хлѣбъ одинъ разъ, она передаетъ муку своей сосѣдкѣ; та мѣситъ ее на водѣ, находящейся въ мѣхахъ, висящихъ по бокамъ ея верблюда. Тѣсто переходитъ къ третьей женщинѣ, которая печетъ его въ видѣ вафлей на жаровнѣ съ дровами или соломой. Эти вафли раздаетъ она партіи воиновъ, которыхъ обязана кормить и они каждую минуту приходятъ требовать своей порціи. Другія женщины идутъ возлѣ верблюдицъ и доятъ молоко въ садали (деревянные сосуды), которые содержатъ въ себѣ четыре литра, и передаютъ его изъ рукъ въ руки для утоленія жажды. Лошади ѣдятъ тоже на ходу изъ мѣшковъ, привязанныхъ къ ихъ шеѣ. Если же кто захочетъ спать, то ложится на спинѣ дромадера, опуская ноги въ мѣшокъ изъ опасенія упасть. Медленная, мѣрная поступь верблюда располагаетъ ко сну какъ качаніе колыбели, и я никогда не спалъ такъ хорошо какъ въ это путешествіе.

Жена Эмира Фареса родила сына въ своемъ юдагѣ, ему дали имя Гарма, по названію того мѣста, которое мы проходили въ то время, какъ онъ явился на свѣтъ. Это мѣсто соединенія Тигра съ Эвфратомъ. Вскорѣ мы подошли къ тремъ племенамъ Эль-Гарба, Эль-Сюаллеме и Эль-Абделле. У насъ было семь тысячъ шатровъ, когда Дехассъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Такая значительная помощь успокоила его. Мы приготовили для него великолѣпный ужинъ, послѣ котораго онъ приложилъ свою печать къ нашему договору. Непріятель былъ еще на цѣлый день разстоянія отъ насъ. Нашимъ людямъ и лошадямъ необходимъ былъ отдыхъ, и Драйги приказалъ остановиться здѣсь на два дня. Но непріятели не дали намъ столь желаннаго отдыха. Какъ только слухъ дошелъ до нихъ о нашемъ приближеніи, они тотчасъ пустились въ путь, и на другой день тридцать тысячъ человѣкъ расположились за часъ разстоянія отъ насъ. Драйги приказалъ своему войску приблизиться къ самому берегу рѣки, опасаясь, чтобъ непріятель не вздумалъ прекратить намъ путь къ водѣ, и мы расположились близъ деревни Эль-Гютта.

На другой день Драйги послалъ примирительное письмо къ начальникамъ* пяти племенъ, готовящимся напасть на насъ, но этотъ опытъ не имѣлъ никакого успѣха. Отвѣтомъ было объявленіе войны въ такихъ словахъ, изъ которыхъ мы могли понять, что намѣренія наши переданы были имъ совершенно въ другомъ видѣ, и сами они дѣйство-

* Племени Эль-Федан начальникъ *Дикри*; 2 пл. Эль Мадіаннъ, начальникъ *Закеръ-Эбнъ-Хамедъ*; 3 пл. Эль-Саба, начальникъ *Магди-Эбнъ-Гютъ*; 4 пл. Муайсже, начальникъ *Баржіазъ*; 5 пл. Мегайеде, начальникъ *Амеръ-Эбнъ-Ножжіесъ*.

вали по чуждому внушенію. Шейкъ Ибрагимъ предложилъ Драйги послать меня съ подарками къ нимъ и объяснить наши намѣренія. Мои посольства были такъ удачны до сихъ поръ, что я съ удовольствіемъ согласился, и отправился съ однимъ только проводникомъ. Но какъ только мы подошли къ первому шатру Магди, передовые стражи бедуиновъ бросились на насъ какъ дикіе звѣри, отняли у насъ подарки и одежду, надѣли на ноги намъ цѣпи, и оставили нагихъ на палящемъ солнцѣ. Напрасно я умолялъ ихъ, чтобъ они позволили намъ объясниться, они грозились тотчасъ же убить меня, если я не замолчу. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ Абзи, разносчика, подходящаго ко мнѣ.

Тогда понялъ я причину неслыханнаго поступка со мною. Онъ переходилъ отъ племени къ племени и сѣялъ вражду противъ насъ. Видъ его пробудилъ во мнѣ такой сильный гнѣвъ, что вся бодрость моя воскресла, и я готовъ былъ лучше мужественно умереть, если не могъ уже жить, но только отмстить ему. Онъ подошелъ ко мнѣ, и плюнувъ мнѣ въ лице, сказалъ: «Невѣрная собака! какимъ образомъ ты хочешь, чтобъ я отдѣлилъ твою душу отъ тѣла?»—«Душа моя совсѣмъ не въ твоей власти, отвѣчалъ я; дни мои сочтены у Всемогущаго Бога; если они должны окончиться теперь, то для меня все равно какимъ бы то образомъ ни было. Но если я долженъ жить еще, ты не имѣешь никакой власти умертвить меня». Онъ ушелъ и снова вооружилъ противъ меня бедуиновъ. Мужчины и женщины пришли смотрѣть меня и оскорблять; одни плевали мнѣ въ лице, другіе бросали песокъ въ глаза, иные кололи меня своими джеридами, и я цѣлыя сутки оставался безъ пищи и питья, перенося мученіе невыразимое. Къ вечеру другаго дня одинъ молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ и прогналъ мучившихъ меня дѣтей. Я давно замѣтилъ его, потому что между всѣми, кого видѣлъ въ этотъ день, одинъ онъ не обижалъ меня. Онъ хотѣлъ мнѣ принести хлѣба и воды съ наступленіемъ ночи.—Голодъ и жажда ничего для меня не значатъ, но еслибъ ты могъ освободить меня отсюда, сказалъ я.

Онъ обѣщалъ мнѣ попытаться, и въ самомъ дѣлѣ, въ полночь явился съ ключемъ отъ моихъ оковъ, который онъ искусно припряталъ во время ужина начальниковъ. Тихонько отперъ онъ цѣпи, и я не теряя времени на одѣванье, нагой добѣжалъ до нашего племени. Всѣ спали въ станѣ, исключая четырехъ негровъ, стражей у входа въ шатеръ Драйги. Они закричали, увидѣвъ меня и бросились скорѣе будить своего начальника. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ шейкомъ Ибрагимомъ, и оба со слезами обняли меня, щедро наградивъ моего избавителя. Драйги сильно былъ

оскорбленъ этимъ поступкомъ со мною и негодовалъ за такое вѣроломство. Онъ тотчасъ велѣлъ готовиться къ бою, а съ восходомъ солнца мы увидѣли, что и непріятель нашъ дѣлалъ тоже самое. Въ первый день не было замѣчательнаго перевѣса ни на чьей сторонѣ. Аудъ, начальникъ племени Эль-Сюалемме, потерялъ свою лошадь, за которую заплатилъ двадцать пять тысячъ піастровъ.

Всѣ бедуины жалѣли о его потерѣ, и Драйги далъ ему одну изъ лучшихъ лошадей своихъ, гораздо хуже однакоже той, которую убили. На другой день битва возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ наканунѣ. Потеря наша въ этотъ разъ была значительнѣе, чѣмъ у непріятеля. Намъ надлежало дѣйствовать съ большою осторожностью, потому что мы могли выставить войска только пятнадцать тысячъ; сорокъ человѣкъ нашихъ попались къ нимъ въ плѣнъ, а мы захватили только пятнадцать плѣнниковъ, но между ими былъ Гамедъ, сынъ начальника Закера. Плѣнные были закованы съ обѣихъ сторонъ. Послѣ двухдневной битвы заключено было перемиріе на три дня, въ продолженіе которыхъ оба войска неоказывали другъ другу никакого гостепріимства. На третій день шейкъ Закеръ, въ сопровожденіи одного только человѣка, пришелъ въ нашъ станъ. Онъ безпокоился объ участи своего сына, храбраго юноши, обожаемаго отцомъ и всѣми бедуинами его племени, и предлагалъ за него выкупъ. Но съ Гамедомъ обходились у насъ очень ласково, я самъ перевязывалъ ему раны. Драйги принялъ Закера съ большимъ уваженіемъ, и тотъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, завелъ разговоръ о войнѣ и выразилъ свое удивленіе къ ревности Драйги въ этомъ сѣюзѣ противъ веггабитовъ.

Онъ невѣрилъ безкорыстію Драйги и подозрѣвалъ какія либо тайныя причины, или личные его виды.—Вы не можете охуждать меня за то, что я несоединился съ вами, незная къ чему это поведетъ. Будьте со мною откровенны, прибавилъ онъ, и я помогу вамъ всѣмъ, что въ моей власти. Мы отвѣчали, что неимѣемъ обыкновенія довѣряться такимъ особамъ, въ дружбѣ которыхъ еще не увѣрены, но если онъ хочетъ подписать нашъ договоръ, то мы ничего небудемъ скрывать отъ него. Тогда онъ просилъ прочитать его, и выслушавъ всѣ статьи, которыми остался очень доволенъ, увѣрялъ насъ, что ему представили обо всемъ совершенно иначе, и расказалъ какія клеветы распространялъ объ насъ Абза. Онъ приложилъ потомъ печать свою къ нашему договору, и торопилъ насъ объяснить ему цѣль, которой мы хотимъ достигнуть. Шейкъ Ибрагимъ расказалъ ему что намѣреніе наше было проложить путь отъ Сиріи до границъ Индіи съ арміею изъ ста тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ могущественнаго завоевателя,

который хочетъ освободить бедуиновъ отъ турецкаго ига, возвратить имъ власть надъ всею страною и открыть сокровища Индіи. Онъ увѣрялъ, что отъ исполненія этихъ плановъ, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ общаго соединенія силъ и согласія желаній, Захеръ не только ничего не потеряетъ, но даже много выиграетъ. Онъ обѣщалъ, что за верблюдовъ ихъ, назначенныхъ для перевоза провизіи для такого огромнаго войска, будетъ заплачено имъ дорогою цѣной, и представилъ ему торговлю этихъ обширныхъ странъ, какъ неисчерпаемый источникъ богатства. Захеръ совершенно согласился съ нашими видами, но ему еще нужно было объяснить, что веггабитъ * можетъ препятствовать нашимъ планамъ. Его религіозный фанатизмъ непремѣнно воспротивился бы предпріятію христіанской арміи, и страсть его къ владычеству, которая сдѣлала уже его владѣтелемъ Іемены, Мекки и Медины, могла распространить его власть до Сиріи, гдѣ турки немогли оказать ему сильнаго сопротивленія, а съ другой стороны могущественная сила морская, враждебная тому государству, которое расположено было въ нашу пользу, непремѣнно бы соединилась съ нимъ и послала бы войска свои моремъ, чтобъ преградить намъ путь въ степь.

Послѣ многихъ преній, въ которыхъ Закеръ показалъ много разсудительности и проницательности, онъ совершенно убѣдился нашими доводами и обѣщалъ употребить все свое вліяніе на другія племена. Рѣшено было, что онъ будетъ начальникомъ бедуиновъ тамъ, гдѣ мы находились, также какъ Драйги былъ въ Месопотаміи и Сиріи; онъ обѣщалъ стараться о привлеченіи на свою сторону бедуиновъ, между тѣмъ какъ мы будемъ продолжать нашъ путь и обѣщалъ къ нашему возвращенію все приготовить. Мы разстались очень довольные другъ другомъ; сыну его сдѣлали множество подарковъ и освободили прочихъ плѣнниковъ. Онъ съ своей стороны возвратилъ нашихъ воиновъ. На другой день онъ писалъ къ намъ, что Дукри и Магда не противятся болѣе нашимъ намѣреніямъ и поѣхали для совѣщанія къ Баржіазу, въ шести часахъ пути отъ этого мѣста. И дѣйствительно, мы увидѣли, что они оставили поле; мы сдѣлали тоже, потому что стеченіе такого множества людей и скота покрыло землю ужасною нечистотой, такъ что пребываніе наше въ той странѣ сдѣлалось нестерпимымъ.

Мы перекочевали на шесть часовъ разстоянія къ Майталю Эль-Абдеру у Шатъ-Эль-Араба и пробыли тамъ восемь дней. Закеръ пріѣхалъ къ намъ туда, и мы окончательно условились, что онъ одинъ приметъ на себя трудъ соединить племена этихъ странъ, а мы отправимся

* Этимъ именемъ бедуины часто называли Эбнъ-Сигуда, вождя веггабитовъ.

обратно въ Сирію, потому что опасно было оставлять на такое долгое время наше первое завоеваніе, чтобы непріятели не воспользовались отсутствіемъ нашимъ и неиспортили бы начатаго дѣла, отклонивъ племена отъ союза съ нами. Къ тому же весна уже наступила, и мы должны были спѣшить въ дорогу, боясь чтобъ пастбища Месопотаміи не заняли другія племена. Мы отложили наше намѣреніе осмотрѣть мѣстность до самыхъ предѣловъ Индіи до слѣдующаго года. Къ этому времени Закеръ надѣялся склонить бедуиновъ на нашу сторону, потому что, говорилъ онъ, «дерево уничтожаютъ по одной вѣткѣ.»

Черезъ нѣсколько дней пути мы возвратились въ Месопотамію. Два дня употребили на переправу черезъ Эвфратъ близъ Мансури и на проходъ чрезъ пустыню Эль-Гамадъ. Мы кочевали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было воды, годной для употребленія; можно было достать ее только выкапывая глубокія ямы и то для скота, люди же не могли ее пить. Оттуда мы перекочевали въ урочище Эль-Сару, изобильное пастбищами и водой, и тутъ хотѣли вознаградить себя за всѣ лишенія, но особенное обстоятельство разочаровало насъ. Земля здѣсь покрыта травой, называемой эль-краффуръ, которую верблюды съ жадностью ѣдятъ Она имѣетъ свойство опьяняющее и даже доводящее до бѣшенства. Наѣвшись этой травы, они принялись бѣгать во всѣ стороны, ломая все встрѣчающееся имъ на пути, опрокидывали шатры, и гонялись за людьми. Въ продолженіе двухъ сутокъ никто не смыкалъ глазъ; бедуины безпрестанно заняты были укрощеніемъ своихъ верблюдовъ. Для меня настоящая война казазалась лучше этой безпрестанной борьбы съ животными, ужасная сила которыхъ увеличивалась еще бѣшенствомъ и представляла безчисленныя опасности. Но видно было, что торжество ловкости надъ силой имѣетъ особенную прелесть для этихъ дѣтей природы, потому что когда я пришелъ къ Драйги погорѣвать объ этомъ безпокойномъ состояніи, въ которое поставило насъ это возмущеніе новаго рода, онъ только засмѣялся и сказалъ, что это одна изъ лучшихъ забавъ для бедуиновъ.

Между тѣмъ какъ мы разговаривали, огромный верблюдъ бѣжалъ прямо на насъ, поднявъ голову и подымая пыль своими широкими ногами. Драйги выхватилъ одинъ колъ изъ своего шатра, дождался разъяреннаго животнаго и нанесъ ему сильный ударъ въ черепъ. Колъ переломился, а верблюдъ повернувъ отъ насъ продолжалъ буянить. Тутъ поднялся споръ: хотѣли рѣшить, кто сильнѣе верблюдъ или Драйги; послѣдній утверждалъ, что еслибъ дерево устояло, то онъ разбилъ бы своего противника, а присутствующіе провозглашали превосходство животнаго, потому что оно уничтожило поставленную ему преграду. Когда дошла очередь до меня, то я сказалъ, что оба они имѣютъ равную силу, по-

тому что ни тотъ ни другой не побѣдилъ. Это рѣшеніе развеселило все собраніе.

На другой день мы сняли шатры. Посланный отъ Закера настигъ насъ уже въ дорогѣ. Онъ извѣщалъ о неудачномъ слѣдствіи переговоровъ съ Баржіазомъ. Разнощикъ Абзи пользовался полною довѣренностью Баржіаза, вооружилъ его противъ насъ и уговорилъ вмѣстѣ съ Меганной присоединиться къ веггабитамъ, которые должны были выслать войско и разбить насъ. Драйги сказалъ, что не должно смущаться, Господь сильнѣе ихъ и подастъ побѣду за правое дѣло. Послѣ того мы продолжали путь свой и вскорѣ узнали, что племя Эль-Сальфа кочевало въ Зюальмѣ. Драйги находилъ очень важнымъ увѣриться въ содѣйствіи этого могущественнаго и храбраго племени, шейкъ котораго Жіассемъ, былъ старинный ему другъ; но онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, и посылать письмо къ нему было опасно, потому что письмо это, вѣроятно, прочиталъ бы ему турокъ, а это могло сильно повредить нашимъ дѣламъ. И такъ мнѣ опять предстояла обязанность ѣхать къ Жіасему. Отправившись съ конвоемъ изъ шести человѣкъ на дромадерахъ, я въ два дня пріѣхалъ къ назначенному мѣсту, но къ нашему горю бедуиновъ тутъ не было и не было никакой возможности узнать, куда они отправились.

Мы провели ночь безъ пищи и питья, и на другой день стали разсуждать, что оставалось намъ дѣлать. Скорѣе всего надо было искать воды, потому что какъ извѣстно, жажда несноснѣе голода, и мы надѣялись найти въ одно время воду и ушедшее племя. Цѣлые три дня блуждали мы, ненаходя ни пищи, ни воды. У меня такъ высохло во рту, что я не могъ шевелить языкомъ и издать даже звука Всѣ средства истощалъ я, чтобъ утолить какъ нибудь жажду: клалъ въ ротъ кремни и свинцовыя пули, но все напрасно. Лице мое почернѣло и силы меня оставили. Вдругъ мои спутники радостно вскричали: «вонъ колодезь» и поспѣшили впередъ. Эти люди, окрѣпнувшіе въ трудахъ, выносятъ лишенія удивительнымъ образомъ; они далеки были отъ того плачевнаго состоянія, въ какомъ находился я. Нервы мои были такъ раздражены чрезвычайной усталостью, что увидѣвъ ихъ удаляющихся, я пришелъ въ отчаяніе, думая, что не дойду до колодезя, а они не оставятъ мнѣ ни одной капли воды, и я бросился въ слезахъ на землю. Видя меня въ такомъ положеніи, они воротились и ободряли сдѣлать надъ собою усиліе и слѣдовать за ними. Подошедши къ колодезю, одинъ изъ нихъ, облокотясь на парапетъ, вынулъ саблю, говоря, что отрубитъ голову тому, кто осмѣлится подойти.—Подчинитесь моей опытности, прибавилъ онъ, или вы всѣ погибнете. Его важный тонъ удержалъ насъ, и

мы повиновались въ молчаніи. Онъ подзывалъ насъ по одиначкѣ и заставлялъ наклоняться къ краю колодезя, чтобъ прежде подышать его влагой; потомъ онъ почерпнулъ немного воды и омочилъ пальцами губы наши, начиная съ меня. Немного спустя, онъ позволилъ намъ выпить по получашкѣ, потомъ и по цѣлой.

Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ часовъ онъ давалъ намъ воду порціями, и наконецъ сказалъ: «пейте теперь, вы внѣ опасности, но еслибъ вы меня не послушали, то были бы мертвы теперь. Такъ случается съ тѣми, которые послѣ долгаго лишенія пьютъ безъ всякой осторожности.» Ночь мы провели въ этомъ мѣстѣ и безпрестанно пили воду, сколько для утоленія жажды, столько и въ замѣнъ пищи, и чѣмъ больше пили, тѣмъ болѣе хотѣлось. На другой день мы взошли на гору, чтобы лучше разсмотрѣть даль, но увы! ничего не видно было въ этой неизмѣримой пустынѣ. Наконецъ одинъ бедуинъ примѣтилъ, что-то въ дали и увѣрялъ, что это долженъ быть годагъ, покрытый краснымъ сукномъ, на большомъ верблюдѣ. Товарищи его ничего не видали, но не имѣя другаго указанія, по которому могли бы слѣдовать, мы отправились въ ту сторону, куда онъ показывалъ. И дѣйствительно, вскорѣ увидѣли мы большое племя и узнали годагъ, служившій намъ маякомъ.

Къ нашему счастію это было то самое племя, которое мы искали. Жіассемъ принялъ насъ очень ласково и старался изгладить въ насъ воспоминанія о трудномъ пути. Поговоривши съ нами, онъ продиктовалъ письмо къ Драйги, въ которомъ обѣщалъ своихъ людей и верблюдовъ отдать въ распоряженіе его, говоря, что союзъ между ними долженъ быть искреннѣе по старинной дружбѣ ихъ. Я отправился обратно съ этимъ важнымъ документомъ, и сильно занятъ былъ новостью, сообщенною мнѣ Жіассемомъ, о пріѣздѣ въ Сирію принцессы, дочери англійскаго короля, гдѣ она принята была турками со всевозможнымъ уваженіемъ. Она сдѣлала великолѣпные подарки Меганнѣ-Эль-Фадеру, сопровождавшему ее въ Пальмиру, гдѣ выказывала царскую роскошь, и щедростью своею составила себѣ сильную партію между бедуинами, провозгласившими ее королевой *. Я сообщилъ эту новость шейку Ибрагиму, и онъ былъ сильно пораженъ ею. Онъ видѣлъ тутъ политическую интригу, придуманную къ уничтоженію нашихъ плановъ. Драйги замѣтилъ наше безпокойство и разувѣрилъ насъ, говоря, что еслибъ разсыпали мѣшки золота отъ Гамы до предѣловъ Индіи, то не моглибъ отклонить ни одно дружественное племя отъ священнаго союза, который оно заключило.

* Мнимая принцесса была не кто иная, какъ леди Стенгопъ.

«Слово бедуина свято, прибавилъ онъ: слѣдуйте своимъ планамъ, не безпокоясь ни о чемъ. Что касается до меня, то я составилъ уже себѣ планъ войны. Я ѣду въ Горанъ, чтобы наблюдать за дѣйствіями Эбнъ Сигуда; онъ одинъ только опасенъ намъ. Потомъ я перекочую къ окрестностямъ Гома. Шейкъ Ибрагимъ, не имѣя болѣе ни денегъ, ни товаровъ, рѣшился тотчасъ же послать меня въ Коріетену, откуда я долженъ былъ ѣхать въ Алеппо за деньгами. Весело поѣхалъ я туда, радуясь предстоящей встрѣчѣ съ товарищами моими и надѣясь отдохнуть у нихъ нѣсколько времени. Первый день моего путешествія прошелъ безъ всякаго приключенія, но на другой, около четырехъ часовъ, въ урочищѣ, называемомъ Канкумъ, я попалъ посреди племени, которое считалъ дружественнымъ, но ошибся: это было племя Баржіаза. Отступать было уже поздно и я прямо поѣхалъ къ шатру шейка. Впереди меня ѣхалъ негръ мой Фадда, и только что успѣлъ ступить на землю, какъ былъ умерщвленъ передъ моими глазами. Потомъ увидѣлъ я, какъ сабли всѣхъ направились въ меня, и я такъ испугался, что лишился памяти. Помню только, что закричалъ: остановитесь! Я требую помощи у дочери Гедала.

Очнулся я уже въ шатрѣ; двадцать женщинъ окружали меня, стараясь привести въ чувство; однѣ заставляли вдыхать жженую шерсть, уксусъ и лукъ, другія въ это время обливали меня водой, и пропускали въ ротъ масло, которое таяло на сухихъ и сжатыхъ губахъ моихъ. Увидѣвъ, что я пришелъ въ себя, жена Баржіаза взяла меня за руку и сказала: «Небойтесь ничего Абдала, вы находитесь у дочери Гедала, и никто не имѣетъ права коснуться до васъ.» Вскорѣ самъ Баржіазъ явился въ дверяхъ шатра, сказавъ, что пришелъ заключить миръ.—Клянусь головою моего отца, вскричала жена его, что ты не взойдешь ко мнѣ до выздоровленія Абдалы. Я трое сутокъ оставался въ шатрѣ, окруженный самою нѣжною ея заботливостью; она же въ это время вела переговоры съ мужемъ о мирѣ. Я еще такъ былъ оскорбленъ его жестокостью, что съ трудомъ могъ простить его, согласившись наконецъ забыть прошедшее, съ условіемъ, чтобъ онъ подписалъ договоръ съ Драйги. Мы поцѣловались и поклялись быть братьями. Баржіазъ далъ мнѣ негра, говоря: я истратилъ ваши деньги и даю вмѣсто нихъ драгоцѣнность,—игра словъ въ двухъ именахъ негровъ: фадда—деньги, а діогаръ—драгоцѣнность. Потомъ онъ велѣлъ приготовить пиръ въ честь нашего примиренія.

Во-время ужина прискакалъ гонецъ отъ Драйги; онъ привезъ Баржіазу объявленіе войны на смерть, наполненное разными обидными названіями. «О ты, измѣнникъ, оскверняющій священные законы бедуи-

новъ, писалъ Драйги: ты безчестный убійца гостей своихъ; ты турокъ съ чернымъ лицомъ; знай, что кровь всего твоего племени невыкупитъ крови моего возлюбленнаго Абдаллы. Готовься къ битвѣ! Мой конь не будетъ имѣть отдыха до тѣхъ поръ, пока я не уничтожу послѣдняго изъ твоего рода.» Я торопился уѣхать, чтобъ присутствіемъ своимъ предупредить всякую ссору и успокоить шейка Ибрагима и Драйги. Не могу описать съ какою радостью встрѣтили они меня, не вѣря глазамъ своимъ, такъ мое присутствіе казалось имъ чудесно. Я разсказалъ имъ обо всемъ, что случилось, и на другой день отправился въ Коріетену, гдѣ пробылъ двадцать дней, ожидая возвращенія моего посланнаго въ Алеппо. Я имѣлъ большую нужду въ этомъ отдохновеніи и къ тому же удобный случай перечѣнить мою одежду, которая превратилась въ совершенные лохмотья. Но чуть было я не остался тамъ долѣе чѣмъ хотѣлъ, потому что пронесся слухъ, что вся степь дамасская занята войскомъ веггабитовъ, которые грабили многія селенія, убивали мужчинъ и дѣтей до послѣдняго, щадя однѣхъ только женщинъ.

Шейкъ Коріетены, не имѣя никакой возможности защищаться, заперъ всѣ городскія ворота, запретилъ выходить изъ города и ждалъ съ трепетомъ окончанія дѣла. Вскорѣ мы узнали, что непріятель окружилъ Пальмиру и жители ея, удалясь въ церковную ограду, успѣшно защищались. Веггабиты отступили, удовольствовавшись только тѣмъ, что убили пастуховъ и увели стада. Оттуда они отправились къ селенію Аракъ, разграбили его и удалились въ окрестности. Эти печальныя новости сильно встревожили меня объ участи моего посланнаго, но онъ однакожъ возвратился невредимъ и съ деньгами шейка Ибрагима. Онъ скрывался нѣсколько времени въ Саддадѣ, жители котораго, заплативъ большую контрибуцію, ничего теперь не боялись.

Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Одѣвшись какъ саддадскій христіанинъ, отправился я въ это селеніе и тамъ узналъ, что Драйги кочуетъ въ Шададѣ Эль-Шамъ съ племенемъ Баржіаза. Я поспѣшилъ къ нимъ какъ можно скорѣе и тамъ услышалъ непріятную новость, что Меганна-Эль Фаддедъ заключилъ опасный союзъ съ племенемъ страны Самарканда. Они имѣли сношенія съ губернаторами Гамы и Гома, соединяя такимъ образомъ турокъ и бедуиновъ противъ насъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи я подумалъ о пріятелѣ нашемъ Солиманѣ-пашѣ и предложилъ шейку Ибрагиму ѣхать въ Дамаскъ посовѣтоваться съ нимъ. Мы вскорѣ отправились туда и остановились у министра паши, Гажима, который сказалъ намъ имя предполагаемой принцессы, говоря, что ея вліяніемъ и подарками Меганна составилъ себѣ сильную партію между турками. Эти подробности утвердили насъ

въ мысли, что Англія, извѣщенная о нашихъ планахъ, расчитывала съ одной стороны на веггабитовъ, тогда какъ съ другой старалась соединить бедуиновъ Сиріи съ турками посредствомъ леди Стенгопъ. Встрѣча же съ англичаниномъ, принявшимъ имя Шейка-Ибрагима, у Шабассена, еще болѣе подтверждала наши догадки.

Онъ старался вывѣдать объ насъ, но мы были очень осторожны. Узнавши отъ Солимана, что намъ было нужно, мы поспѣшили къ своему племени. Мужество Драйги неослабѣвало, и онъ сказалъ намъ, что устоитъ и противъ сильнѣйшей партіи. Буйурди (грамота), которую далъ намъ Солиманъ, объявляла губернаторамъ Гома и Гамы, что они должны уважать его вѣрнаго и возлюбленнаго друга Драйги Эбнъ-Шаллана и повиноваться ему, какъ главному начальнику дамасской степи, и что всякій союзъ противъ него противенъ волѣ Порты. Имѣя съ собой эту бумагу, мы пріѣхали въ Гаму. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, шейкъ Ибрагимъ получилъ приглашеніе отъ леди Эсфири Стенгопъ посѣтить ее вмѣстѣ съ супругой его, г-жею Ласкарисъ, которая жила въ Акрѣ. Это приглашеніе разсердило его тѣмъ болѣе, что въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ неизвѣщалъ жену свою о себѣ, чтобъ тѣмъ не открыть своего мѣстопребыванія и дружбы съ бедуинами. Но нужно было отвѣчать леди Стенгопъ и онъ написалъ, что будетъ имѣть честь явиться къ ней, какъ только позволятъ ему обстоятельства, и въ тоже время отправилъ гонца къ женѣ своей, чтобъ она отказалась отъ приглашенія, но было уже поздно.

Безпокоясь объ участи своего мужа, госпожа Ласкарисъ тотчасъ же пріѣхала въ Гаму къ леди Стенгопъ, надѣясь черезъ нее узнать что-нибудь о мужѣ. Это заставило Ласкариса быть у леди Стенгопъ. Между-тѣмъ Меганна все болѣе приближался, увѣренный въ содѣйствіи турковъ. Драйги, разсудя, что время уже воспользоваться грамотою паши, послалъ своего сына въ Гомъ и Гаму, гдѣ онъ былъ принятъ съ большими почестями. Увидѣвъ приказъ, который онъ привезъ съ собою, оба губернатора отдали войска свои въ его распоряженіе, объявляя Меганну измѣнникомъ за то, что онъ призвалъ веггабитовъ, жесточайшихъ враговъ турковъ. Леди Стенгопъ пригласила Захера къ себѣ, осыпала его подарками, также жену его и мать, и каждому воину его свиты подарила по машлаху и парѣ сапоговъ, и наконецъ объявила свое намѣреніе вскорѣ посѣтить его племя. Ласкарисъ не такъ дружелюбно разстался съ ней.

Напрасно стараясь узнать, прямыми вопросами, о сношеніяхъ его съ бедуинами, она приняла на себя повелительный тонъ и тѣмъ подала поводъ къ ссорѣ. Онъ отослалъ жену свою въ Акру, и оставя Леди

Стенгопъ, совершенно разсорился съ нею. Меганна уже готовился къ начатію битвы, но видя, что Драйги не робѣлъ нисколько его приближенія разсудилъ увѣриться лучше въ подкрѣпленіи турковъ и послалъ своего сына Фареса въ Гомъ, требовать исполненія обѣщаній у губернатора, но послѣдній вмѣсто того, чтобъ дать ему часть своего войска, велѣлъ заковать его и бросить въ темницу. Меганна, пораженный этимъ извѣстіемъ, увидѣлъ себя падшимъ въ одну минуту съ высокаго значенія главнаго начальника до горестной и унизительной необходимости не только покориться Драйги, но даже просить его покровительства противъ турковъ. Этотъ бѣдный старикъ, удрученный непредвидѣнными переворотами, принужденъ былъ итти къ Асафу, шейку саддадскому, умолять его о посредничествѣ, и тотъ обѣщалъ ему выхлопотать миръ. Дѣйствительно онъ поѣхалъ, въ сопровожденіи сотни всадниковъ, вмѣстѣ съ нимъ, и оставя его съ своимъ конвоемъ, пошелъ одинъ въ шатеръ Драйги, который дружественно принялъ его, но отказался принять покорность Меганны. Мы тоже ходатайствовали объ немъ. Шейкъ Ибрагимъ выхвалялъ радушіе, съ какимъ онъ принялъ насъ въ первый нашъ пріѣздъ въ степь, и Захеръ, цѣлуя руки своего отца, присоединилъ свои просьбы къ нашимъ. Драйги наконецъ уступилъ и старшины племени пошли навстрѣчу Меганнѣ изъ уваженія, должнаго его званію и лѣтамъ.

Когда онъ сошелъ съ лошади, Драйги посадилъ его на почетное мѣсто въ углу шатра и приказалъ принести кофе. Тогда Меганна всталъ, говоря: «Я не стану пить твой кофе до тѣхъ поръ, пока мы не примиримся совершенно и не схоронимъ семь камней.» При этихъ словахъ Драйги тоже всталъ. Они вынули свои сабли и предложили ихъ другъ другу поцѣловать; потомъ поцѣловались сами, также и всѣ присутствующіе. Меганна сдѣлалъ копьемъ яму въ одинъ футъ глубины, посреди шатра, и выбравъ семь камней, сказалъ Драйги: «Во имя примиряющаго Бога свидѣтельствуемъ, что мы навсегда погребаемъ наше несогласіе. И бросая камни поочередно, оба шейка, каждый камень засыпали землей и утаптывали ногами. Въ это время женщины оглушали насъ радостными криками. Кончивъ церемонію*, всѣ сѣли на свои мѣста и стали пить кофе. Съ этой минуты непозволено было вспоминать прошедшее и говорить о войнѣ. Меня увѣряли, что для правильнаго примиренія необходимо поступать такимъ образомъ.

Послѣ богатаго пира, я прочиталъ договоръ; Меганна и другіе четыре начальника племенъ приложили свои печати. Ихъ соединенныя

*Церемонія эта называется *казнать*.

силы простирались до семи тысячъ шести сотъ шатровъ, и что было всего важнѣе, Драйги сдѣлался начальникомъ всѣхъ бедуиновъ Сиріи *, гдѣ у него оставался только одинъ непріятель. Захеръ отправился въ Гомъ исходатайствовать освобожденіе Фаресу, и привезъ его въ почетной шубѣ принять участіе въ общемъ удовольствіи. Послѣ того всѣ разошлись, занявъ всю страну отъ Горана до Алеппо. Мы ожидали только осени, чтобъ возвратиться къ востоку для окончанія начатаго дѣла въ прошломъ году съ племенами Бассора и Багдада. Это время спокойствія и свободы занимались приготовленіемъ къ свадьбѣ Джіараха, сына Фаресова съ дочерью Барджіаза, самой красивой дѣвушкой всей степи. Я принималъ особенное участіе въ этой свадьбѣ, узнавши невѣсту во-время пребыванія моего у ея матери. Фаресъ просилъ Драйги ѣхать съ нимъ къ Баржіазу сватать. Старшины племени, въ самыхъ лучшихъ одеждахъ, сопутствовали ему.

Мы подъѣхали къ шатру Баржіаза и никто невстрѣтилъ насъ. Баржіазъ даже невсталъ принять насъ, таково обыкновеніе въ этомъ случаѣ, что малѣйшее радушіе считается непристойностью. Черезъ нѣсколько минутъ Драйги началъ этими словами: «Почему вы насъ такъ дурно принимаете. Если не хотите накормить насъ, то мы воротимся домой» въ это время саба (невѣста) находилась въ той части шатра, которая назначена для женщинъ, и смотрѣла на жениха своего въ отверзтіе, сдѣланное въ шатрѣ. До начатія переговоровъ, молодая дѣвушка должна подать знакъ нравится ли ей женихъ, потому что если послѣ тайнаго осмотра, о которомъ я упомянулъ, она покажетъ матери, что женихъ ей ненравится, то дѣло остается въ томъ же видѣ. Но въ этотъ разъ женихъ былъ красивый молодой человѣкъ; видъ его былъ гордъ и благороденъ, и саба подала знакъ согласія своего матери, а та отвѣчала тогда Драйги.

— Вы нашъ дорогой гость! Мы не только накормимъ васъ, но и исполнимъ все, что вы пожелаете.

— Мы пришли, сказалъ Драйги, просить вашу дочь въ супружество сыну нашего друга; какой хотите вы за нее выкупъ?

— Сто наказовъ **, отвѣчалъ Баржіазъ, пять лошадей изъ породы неджъ, пятьсотъ овецъ, три негра и три негритянки въ услуженіе себѣ. А въ приданое одинъ машлахъ, шитый золотомъ, шелковое платье изъ Дамаска, десять браслетъ янтарныхъ и коралловыхъ и желтые сапожки.

* Имена этихъ начальниковъ слѣдующія—*Заракъ-эбнъ-Фареръ*, начальникъ племени—Эль-Жіуллавъ; *Жіарахъ-эбнъ-Межіель* нач. племени Эль-Жіама; *Галебъ-эбнъ-Рашдунъ* нач. пл. Эль-Баллахисъ, *и Фарессъ-эбнъ-Неджедъ*, нач. племени Эль Маалекръ.

** Наказъ—самка верблюдовъ лучшей породы.

Драйги сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на это непомѣрное требованіе и сказалъ. Ты хочешь оправдать арабскую пословицу:

— Если вы нехотите отдавать своей дочери, то увеличьте ея цѣну. Будь уступчивѣе, если хочешь, чтобъ эта свадьба состоялась.

Наконецъ выкупъ уменьшили и назначили только пятьдесятъ наказовъ, двухъ лошадей, двѣсти овецъ, одного негра и одну негритянку. Приданое осталось такое, какъ назначилъ Баржіазъ, даже прибавили нѣсколько машлаховъ и желтыхъ сапоговъ для другихъ лицъ семейства. Написавши условіе, я прочелъ его въ слухъ. Затѣмъ присутствующіе прочитали молитву какъ бы въ утвержденіе условія. Потомъ подали верблюжье молоко. Послѣ ужина, юноши вскочили на коней и началась игра въ джеридъ * и другія. Джіарахъотличился и тѣмъ понравился своей невѣстѣ. Она съ удовольствіемъ смотрѣла на его ловкость и проворство. При наступленіи ночи, мы разстались, и каждый изъ насъ только и думалъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Черезъ три дня выкупъ и приданое сабы было готово, и огромный поѣздъ пустился въ путь въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди шелъ воинъ, онъ несъ бѣлое знамя, привязанное на концѣ копья и кричалъ: несу незапятнанную честь Барджіаза. За нимъ шли верблюды съ ихъ вожатыми, убранные цвѣточными гирляндами и листьями; потомъ ѣхалъ верхомъ негръ, богато одѣтый и окруженный пѣшими людьми, которые пѣли народныя пѣсни. Позади ихъ шелъ отрядъ вооруженныхъ воиновъ, безпрестанно стрѣляя изъ ружей. За ними женщина несла большую вазу съ огнемъ и поминутно бросала въ нее ладонъ. Потомъ пастухи вели дойную овцу, и пѣли о томъ, что дѣлалъ Шибукъ, братъ Антара двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ доказательство того, что обычаи бедуиновъ никогда неизмѣняются.

Далѣе ѣхала на лошади негритянка, окруженная двумя стами пѣшихъ женщинъ, и эта группа была не менѣе другихъ шумна, потому что радостные крики и свадебныя пѣсни арабокъ чрезвычайно пронзительны. Шествіе оканчивалось верблюдомъ, везшимъ приданое: машлахи шитые золотомъ, разложены были на всемъ животномъ; желтые сапожки висѣли по бокамъ его и разныя дорогія вещи, уложенныя съ большимъ искусствомъ, представляли великолѣпный видъ. Ребенокъ, изъ семейства наиболѣе уважаемаго, ѣхалъ на верблюдѣ, говоря громкимъ голосомъ: «Мы можемъ быть всегда побѣдителями, потому что огонь непріятелей нашихъ угасъ навсегда»; а я ходилъ по обѣимъ сторонамъ, чтобы лучше полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Баржіазъ въ этотъ разъ вышелъ къ намъ навстрѣчу съ женщинами и мужчинами своего племени, тогда крики и пѣсни оглушили

* Упражненія на конѣ палками, которыя бросаютъ какъ дротики. Эти палки называются джеридами.

насъ совершенно. Когда всѣ подарки были сняты и въ порядкѣ расположены вокругъ шатра Баржіаза, подали кофе въ большомъ котлѣ и всякій наливалъ себѣ изъ него, въ ожиданіи пира. Десять верблюдовъ, тридцать барановъ и огромное количество рису составляли обѣдъ нашъ; послѣ чего опорожнили еще котелъ кофе. По принятіи приданаго, снова прочли молитву, и послѣ того рѣшено было, что Джіарахъ прійдетъ взять свою невѣсту черезъ три дня. Передъ отъѣздомъ я былъ въ женскомъ отдѣленіи, чтобъ особенно представить шейка Ибрагима женѣ Барджіаза и еще поблагодарить ее за попеченіе обо мнѣ.

Она хотѣла сдѣлать для меня еще болѣе, отдать за меня свою племянницу. Но шейкъ Ибрагимъ позволилъ не раньше слѣдующаго года воспользоваться мнѣ, по своему усмотрѣнію, ея добрымъ желаніемъ. Наканунѣ свадьбы, пронесся слухъ, что войско веггабитовъ показалось въ степи. Гонцы летѣли отъ племени къ племени, сзывая ихъ соединиться по три и четыре вмѣстѣ, для того чтобы на всѣхъ пунктахъ непріятель нашелъ ихъ готовыми встрѣтить его. Чуть было свадьба не началась смертельною битвой, вмѣсто притворнаго сраженія, которое въ обычаѣ у бедуиновъ. Драйги и прочіе начальники выступили рано утромъ на завоеваніе прекрасной сабы.

Въ недалекомъ разстояніи отъ стана поѣздъ остановился; женщины и старики сошли съ лошадей и ждали окончанія битвы, происходившей между юношами, пріѣхавшими похитить сабу и юношами ея племени, которые неотдавали невѣсту. Часто бывали гибельныя слѣдствія отъ этого сраженія, и женихъ неучаствовалъ въ немъ, потому что жизнь его могла подвергнуться заговору его соперниковъ. На этотъ разъ сражающіеся поквитались дватцатью ранами, и побѣда, конечно, осталась за нами. Мы увезли невѣсту и отдали ее подъ присмотръ женщинамъ нашего племени. Сабу сопродолжали двадцать молодыхъ дѣвушекъ и три нагруженные верблюда. На первомъ былъ ея годагъ, покрытый краснымъ сукномъ, убранный бахрамой и страусовыми перьями. Фестоны изъ раковинъ и разноцвѣтныя стекла украшали внутренность и обрамляли нѣсколько маленькихъ заркалъ, въ которыхъ отражались виды со всѣхъ сторонъ. Шелковыя подушки приготовлены были для молодой; второй верблюдъ нагруженъ былъ ея шатромъ, а третій коврами и кухонною утварью. Молодая сидѣла въ своемъ годагѣ, ее окружали жены начальниковъ, ѣхавшія на своихъ верблюдахъ и прочія женщины пѣшкомъ.

Такъ началось шествіе: воины, гарцуя на лошадяхъ впереди, возвѣщали свое приближеніе племенамъ, встрѣчавшимся на пути и они выходили намъ навстрѣчу, бросая ладонъ и убивая барановъ подъ ногами верблюдовъ, принадлежавшихъ новобрачной. Никакое описаніе

не можетъ дать вѣрнаго понятія о томъ пирѣ, который послѣдовалъ по пріѣздѣ молодой. Танцы, пѣсни, потѣшные огни, разнородные крики и шумъ продолжались цѣлые сутки. Множество рису, двадцать верблюдовъ и пятьдесятъ барановъ, съѣдены были за обѣдомъ начальниковъ; восемь племенъ накормлены были гостепріимствомъ Фареса и среди ночи раздавался еще крикъ: «кто голоденъ, пусть прійдетъ ѣсть.» Значеніе мое между бедуинами было такъ велико, что Джіарахъ просилъ у меня талисмана, чтобъ упрочить счастіе этого союза. Я написалъ вензеля его и жены его на манеръ европейскій и отдалъ ему съ торжественнымъ видомъ. Никто несомнѣвался въ силѣ этихъ чаръ, видя удовольствіе обоихъ супруговъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, мы узнали, что веггабиты съ десятью тысячами воиновъ осадили Пальмиру Драйги приказалъ выступить имъ навстрѣчу, и мы настигли ихъ въ Эль-Дагѣ. До наступленія ночи, съ обѣихъ сторонъ помѣнялись только нѣсколькими выстрѣлами, но невызывали на серьозную битву. Я надосугѣ вполнѣ оцѣнилъ полезность мардуфовъ въ этой степной войнѣ, гдѣ должно везти продовольствіе войску часто на продожительное время. Верблюды, на которыхъ сидятъ по два человѣка, кажутся походными крѣпостями, снабженными всѣмъ необходимымъ для обороны и продовольствія. Мѣхъ съ водой, мѣшокъ съ мукой, мѣшокъ съ сухими орѣхами, кувшинъ съ бараньимъ саломъ и военные припасы, все это, уложенное на верблюда, представляетъ какъ бы четвероугольную башню. Мужчины преспокойно сидятъ на стульяхъ изъ каната, по обѣимъ сторонамъ верблюда, и ни къ кому не обращаются за своими нуждами, все у нихъ подъ руками. Когда они захотятъ ѣсть, то замѣсятъ немного муки на маслѣ и ѣдятъ ее не печеную, нѣсколько орѣховъ и немного воды составляютъ весь обѣдъ этихъ умѣренныхъ людей. Когда захотятъ спать, то неоставляютъ мѣстъ своихъ, но ложатся на спину верблюда, какъ я уже объяснялъ. На другой день битва была серьознѣе; наши бедуины дрались съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ ихъ противники, потому что позади первыхъ оставались дѣти и жены ихъ, а веггабиты вдали отъ страны своей, пришедшіе только для грабежа, нерасположены были рисковать жизнію, когда ничего не надѣялись получить.

Ночь разлучила сражающихся, но съ разсвѣтомъ дня жестокая битва возобновилась и къ вечеру уже побѣда осталась за нами. Шестьдесятъ человѣкъ убито было у непріятеля, двадцать два взято въ плѣнъ. Отняли у нихъ четырнадцать прекрасныхъ лошадей и шестьдесятъ верблюдовъ. Остальные обратились въ бѣгство и оставили въ нашей власти поле битвы. Эта побѣда еще болѣе увеличила славу Драйги и сильно обрадовала шейка Ибрагима; онъ воскликнулъ: «Слава Богу!

наши дѣла хорошо идутъ.» Не опасаясь болѣе непріятелей, онъ разстался на нѣкоторое время съ Драйги и отправился въ Гомъ закупить товаровъ и послать письма въ Европу. Въ это время онъ далъ мнѣ полную свободу повеселиться и отдохнуть отъ всѣхъ трудовъ моихъ. Я каждый день проводилъ въ полѣ съ моими пріятелями, молодыми людьми, и вдвойнѣ наслаждался этою веселою жизнію, сравнивая ее съ тою, какую я велъ у бедуиновъ. Но увы! мое веселье было непродолжительно и быстро смѣнилось горькою печалью.

Посланный въ Алеппо за деньгами Ласкариса, привезъ мнѣ письмо отъ моей матери. Она была ужасно огорчена смертью старшаго брата моего, умершаго отъ чумы. Письмо ея было безсвязно отъ сильной горести. Она не знала, что происходило со мной въ продолженіе трехъ лѣтъ и умоляла, если я живъ еще, пріѣхать къ ней. Эта ужасная новость лишила меня чувствъ, и я трое сутокъ не понималъ, гдѣ нахожусь и не принималъ пищи, но благодаря попеченіямъ Ласкариса, мало по малу пришелъ въ себя и получилъ отъ него позволеніе только писать къ моей бѣдной матери. Письмо же свое я не смѣлъ послать ранѣе дня нашего отъѣзда, изъ опасенія, чтобъ она сама не пріѣхала ко мнѣ. Но я пропускаю всѣ эти подробности, касающіяся собственно меня, которыя не могутъ интересовать читателя, и возвращаюсь къ нашему путешествію. Драйги увѣдомлялъ насъ, что онъ скоро отправляется на востокъ, и мы спѣшили возвратиться къ нему. Онъ далъ въ наше распоряженіе три верблюда, двѣ лошади и четыре проводника. Въ день нашего отъѣзда, у меня сердце такъ необыкновенно сжалось, что я почелъ это за печальное предчувствіе. Мнѣ казалось, что я иду на преждевременную смерть, и я всячески старался побѣдить въ себѣ это чувство, стараясь увѣрить себя, что это было слѣдствіе уныніи, въ которое ввергло меня письмо матери. Наконецъ мы отправились, прошли цѣлый день; проводники наши уговаривали итти и ночью, потому-что намъ оставалось только двадцать часовъ перехода.

До полуночи мы ѣхали благополучно и монотонное движеніе клонило насъ ко сну. Но вдругъ проводникъ, ѣхавшій впереди, закричалъ: «Смотрите хорошенько и будьте осторожны; мы теперь на краю глубокой пропасти.» Дорога была только въ одинъ футъ ширины, справа возвышалась отвѣсная гора, а слѣва чернѣла пропасть, называемая Вади-Эль-Гель. Я проснулся въ испугѣ, протеръ глаза, и снова взялся за узду, которая висѣла на шеѣ моей лошади, но эта предосторожность, которая бы должна спасти меня, едва не была причиною моей смерти. Лошадь моя наткнулась на камень, и я отъ страха сильно дернулъ ее за узду, такъ-что она встала на дыбы и стараясь снова

встать на землю, потеряла слѣдъ дороги, шагнула прямо въ пропасть и ринулась со мною на дно ея.

Что происходило послѣ этой минуты, я не зналъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ потомъ Ласкарисъ: «Въ ужасѣ слезъ онъ съ лошади и старался разсмотрѣть бездну, въ которую я скрылся, но ночь была такъ темна, что онъ ничего не могъ видѣть, кромѣ черной пучины подъ своими ногами, а только слышалъ стукъ моего паденія. Тогда онъ началъ плакать и умолять проводниковъ сойти въ пропасть, но они въ темнотѣ полагали ее неизмѣримою, увѣряя его къ тому же, что это будетъ трудъ безполезный, потому—что я долженъ быть не только мертвъ, но и весь изорванъ объ острые камни утеса. Ласкарисъ сказалъ, что не тронется съ мѣста до восхода солнца, когда можно будетъ попытаться, и обѣщалъ сто талеровъ тому, кто достанетъ мое тѣло, какъ бы оно изувѣчено ни было, не желая его оставить въ добычу дикимъ звѣрямъ. Потомъ онъ сѣлъ на краю пропасти, въ отчаяніи, ожидая дневнаго свѣта. Какъ только разсвѣло, четыре человѣка не безъ труда спустились и нашли меня безъ чувствъ, висѣвшаго на поясѣ головою внизъ. Мертвая лошадь, въ нѣсколькихъ шагахъ лежала на днѣ пропасти. Десять ранъ было на моей головѣ, съ лѣвой руки содрана совершенно кожа, бока проломлены и обѣ ноги стерты до костей.

Когда положили меня къ ногамъ шейка Ибрагима, я не подавалъ никакого признака жизни, и онъ съ плачемъ бросился ко мнѣ. Однакожъ, имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія въ медицинѣ и не путешествуя никогда безъ маленькой аптеки, онъ недолго предавался безплодной печали. Приложивъ спиртъ къ моему носу, онъ увѣрился, что я живъ еще, и осторожно положивъ меня на верблюда, возвратился по слѣдамъ своимъ въ деревню Габединъ. Въ продолженіе этого краткаго перехода, тѣло мое ужасно распухло, не подавая другаго признака жизни. Шейкъ деревни приказалъ положить меня на матрасъ и послалъ за хирургомъ въ Гомъ. Цѣлые девять часовъ не приходилъ я въ чувство; наконецъ открылъ глаза, не понимая ничего, что происходило вокругъ меня, и не помня, что со мною случилось. Я былъ какъ будто подъ вліяніемъ сна, не чувствуя никакой боли, и цѣлые сутки оставался въ этомъ летаргическомъ состояніи, по временамъ приходя въ себя только для того, чтобы испытывать страданія неслыханныя, такъ что легче было бы мнѣ оставаться на днѣ пропасти.

Шейкъ Ибрагимъ не оставлялъ меня ни на минуту. Онъ истощалъ всевозможныя обѣщанія лекарю, если онъ спасетъ меня. Тотъ прилагалъ все стараніе свое, но не очень былъ искусенъ, и къ концу мѣся-

ца положеніе мое стало такъ худо, что боялись антонова огня. Драйги пріѣхалъ меня навѣстить, какъ только услыхалъ о случившемся со мною и тоже плакалъ и обѣщалъ богатые подарки лекарю, если онъ вылечитъ меня. Но какъ ни сильно было его чувство сожалѣнія обо мнѣ, онъ не могъ не пожалѣть и о потерѣ лошади своей Абежи: она была чистой крови и стоила ему десять тысячъ піастровъ. Болѣзнь моя равно печалила ихъ обоихъ. Они боялись потерять меня, не только по привязанности ко мнѣ, но и потому-что видѣли съ моею смертью неудачу своихъ предпріятій. Я старался успокоить ихъ, говоря, что не думаю умереть, но ничто не подавало надежды на мое выздоровленіе. Драйги долженъ былъ проститься съ нами и продолжать свой путь къ востоку, гдѣ онъ хотѣлъ провести зиму. Шейкъ Ибрагимъ приходилъ въ отчаяніе, видя, что мое здоровье съ каждымъ днемъ становилось хуже. Наконецъ, узнавши, что въ Эль-Аттіе живетъ болѣе искусный медикъ, онъ послалъ за нимъ, но тотъ отказался пріѣхать, а требовалъ, чтобы больнаго принесли къ нему.

Мнѣ сдѣлали носилки, какъ только можно удобнѣе и понесли съ опасеніемъ, чтобъ я не умеръ въ дорогѣ. Этотъ новый докторъ совершенно перемѣнилъ перевязки на моихъ ранахъ и обмылъ ихъ горячимъ виномъ. Три мѣсяца я оставался у него, перенося ужасныя мученія, тысячу разъ желая смерти. Потомъ меня перенесли въ селеніе Набекъ, гдѣ я пролежалъ еще пять мѣсяцевъ, и тогда только началось мое настоящее выздоровленіе, но съ частымъ возобновленіемъ болѣзни. Когда, напримѣръ, я видѣлъ лошадь, то блѣднѣлъ и падалъ въ обморокъ; это нервическое разслабленіе продолжалось съ мѣсяцъ. Наконецъ я понемногу побѣдилъ себя въ этомъ отношеніи, но долженъ признаться, что при взглядѣ на это животное, по мнѣ всегда пробѣгала непріятная дрожь, и я поклялся никогда не ѣздить на лошади безъ крайней необходимости. Болѣзнь моя стоила Ласкарису около пяти сотъ талеровъ, но какъ оцѣнить всѣ его попеченія и отеческую заботливость обо мнѣ? я конечно обязанъ ему жизнію.

Въ продолженіе моего выздоровленія я получилъ извѣстіе, что на мѣсто Дамасскаго паши вступилъ другой, Солиманъ Селимъ. Эта новость заставляла насъ думать о потерѣ довѣрія у турковъ. Десять мѣсяцевъ протекли; наступила другая весна; мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія нашихъ друзей бедуиновъ, и вскорѣ одинъ вѣстникъ увѣдомилъ насъ объ ихъ приближеніи. Мы тотчасъ отправили вѣстника къ Драйги, и тотъ щедро наградилъ его за радостную вѣсть о моемъ выздоровленіи, которая произвела всеобщую радость между племенемъ, гдѣ давно уже считали меня умершимъ. Мы подождали нѣсколько времени, пока

приблизилось племя. Въ это время я узналъ интересную исторію и нахожу, что ее стоитъ разсказать, какъ очеркъ бедуинскихъ нравовъ.

Одинъ анатолійскій купецъ, въ сопровожденіи конвоя, велъ 10 тысячъ барановъ для продажи въ Дамасскъ. Въ дорогѣ онъ познакомился съ тремя бедуинами и съ однимъ изъ нихъ подружился. Въ минуту разставанья, степной другъ его предложилъ ему заключить съ нимъ братскій союзъ. Купецъ не понималъ къ чему ему, владѣтелю десяти тысячъ барановъ и сопровождаемому пятидесятью солдатами, имѣть брата между бѣдными бедуинами. Но чтобъ отвязаться отъ настоянія этого друга, по имени Шатти, онъ согласился дать два піастра и одинъ пучекъ табаку въ заключеніе братства. Шатти раздѣлилъ піастры съ своими товарищами, говоря: «Будьте свидѣтелями, что этотъ человѣкъ сталъ моимъ братомъ.» Потомъ они разстались, и купецъ не думалъ болѣе объ немъ. Дошедши до мѣста, называемаго Энъ-Эль-Алакъ, онъ разбитъ былъ и ограбленъ партіею бедуиновъ, многочисленнѣе его конвоя. Они угнали барановъ и самого его оставили въ одной рубашкѣ. Въ такомъ жалкомъ положеніи онъ пришелъ въ Дамасскъ, проклиная своего названнаго брата Шатти, котораго онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ и предательствѣ. Между тѣмъ вѣсть о такой богатой добычѣ разнеслась по степи и дошла до слуха Шатти, который взялъ тѣхъ двоихъ свидѣтелей и пошелъ съ ними къ султану Эль-Барраку, начальнику племени Эль-Амуръ, объявляя ему, что онъ, какъ братъ ограбленнаго купца, долженъ исполнить долгъ братства и требуетъ удовлетворенія. Султанъ, услышавъ показаніе двоихъ свидѣтелей, взялъ съ собою Шатти и отправился къ шейку племени Эль-Нагименъ, которое захватило барановъ и требовалъ ихъ обратно по законамъ бедуиновъ. Шейкъ принужденъ былъ отдать барановъ, и Шатти, увѣрившись, что они всѣ цѣлы, поѣхалъ въ Дамаскъ со стадомъ и пастухами. Онъ оставилъ ихъ за городомъ, а самъ отправился искать своего брата и нашелъ его на базарѣ, сидящимъ въ раздумьѣ передъ кофейной.

Съ радостнымъ видомъ остановился онъ передъ купцомъ; но тотъ съ досадой отвернулся отъ него, и Шатти съ большимъ трудомъ заставилъ его выслушать себя, и едва могъ увѣрить его, что бараны стоятъ за воротами города. Купецъ боялся новаго обмана и не соглашался итти за бедуиномъ. Наконецъ, убѣжденный при видѣ своего стада, онъ бросается въ объятія Шатти, и выразивъ свою благодарность, напрасно просилъ его принять награду, сообразную съ такой услугой. Бедуинъ никогда не возьметъ болѣе пары сапоговъ и одного платка, стоющаго не болѣе талера.

Закусивши съ своимъ другомъ, Шатти отправился къ своему племени. Наше свиданіе съ Драйги было очень трогательно. Онъ самъ пришелъ къ намъ съ старшинами племени въ селеніе Небекъ, и съ какою-то торжественностью увелъ насъ въ свой станъ. Во время дороги онъ разсказывалъ о сраженіяхъ своихъ въ землѣ Самарканда и о счастливой побѣдѣ надъ главными четырьмя племенами *, начальниковъ которыхъ заставилъ онъ подписать договоръ свой. Для насъ было очень важно во-время отклонить эти племена отъ союза съ веггабитами, которымъ они прежде платили дань, потому что носились слухи, будто враги наши готовили страшное войско и надѣялись быть владѣтелями всей Сиріи. Вскорѣ мы узнали, что непріятель былъ уже въ дорогѣ, и на пути своемъ производилъ ужасъ и опустошеніе. Паша Дамаскій послалъ приказъ губернаторамъ Гома и Гамы держать стражу днемъ и ночью, и чтобъ войско ихъ было готово къ бою. Жители убѣгали къ морскому берегу, чтобъ избавиться отъ кровожадныхъ веггабитовъ, одно имя которыхъ заставляло бѣдняковъ покидать свои жилища.

Паша приглашалъ Драйги пріѣхать къ нему для совѣщанія, говоря, что самъ онъ, въ такое опасное время, не можетъ оставить своего мѣста. Драйги велѣлъ торжественно объявить о предстоящей войнѣ. Этотъ обычай исполняется только въ важныхъ случаяхъ и вотъ какимъ образомъ: выбираютъ бѣлую верблюдицу и вычернивъ ее всю сажей съ масломъ, надѣваютъ черный шерстяной недоуздокъ и сажаютъ на нее молодую дѣвушку, тоже съ вычерненнымъ лицомъ и руками. Десять человѣкъ провожаютъ ее отъ племени къ племени и подъѣзжая къ нимъ, она кричитъ три раза: «Помощь! помощь! помощь! Кто изъ васъ убѣлитъ эту верблюдицу? Вотъ кусокъ отъ шатра Драйги, которому угрожаетъ опасность. Спѣшите, спѣшите, великіе и благородные защитники. Веггабиты приближаются, они уведутъ вашихъ союзниковъ и братьевъ, вы всѣ, слышащіе меня, вооружитесь мужествомъ.» — Произнеся эти слова, она раздаетъ пучки черной шерсти и письма отъ Драйги, въ которыхъ онъ назначаетъ мѣсто соединенія на берегахъ Оронта.

Въ скоромъ времени станъ нашъ увеличился тридцатью племенами, собравшимися въ одной равнинѣ, такъ что шатры касались другъ друга. Паша дамаскій послалъ въ Гаму шестьсотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ своего племянника Ибрагима-паши, чтобы дождаться тамъ другихъ войскъ, которые обязаны были собрать паши Акрскій и Алепскій. Едва успѣли они соединиться, какъ услышали о прибытіи вег-

* У племени Эль-Красса начальникъ—*Захаранъ-Эбнъ-Гуадъ;* племени Эль-Махлякъ начальникъ—*Набакъ-Эбнъ-Габедъ;* племени Эль-Мерекратъ начальникъ—*Руданъ-Эбнъ Абедъ;* племени Эль-Зекеръ начальникъ—*Матлакъ-Эбнъ-Файганъ.*

габитовъ въ Пальмиру, отъ жителей, убѣжавшихъ оттуда въ Гаму. Паша Ибрагимъ написалъ къ Драйги, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему, и они вмѣстѣ составили планъ обороны. Драйги взялъ меня съ собою въ родѣ совѣтника и сообщилъ мнѣ ихъ условія. Я сдѣлалъ замѣчаніе на одно изъ нихъ: что соединеніе бедуиновъ съ турками въ одномъ станѣ будетъ опасно. Послѣдніе, во время битвы не могутъ различить враговъ отъ союзниковъ своихъ. И дѣйствительно, всѣ бедуины одѣваются одинаково и узнаютъ другъ друга въ самомъ разгарѣ битвы, только по ихъ военнымъ кликамъ: каждое племя твердитъ безпрестанно кликъ свой: *Краль-Эль-Аллія Дуалли; Краль-Эль-Біуда Гасени; Краль-Эль-Гамра Даффири*, и проч. Краль значитъ всадникъ; Аллія, Біуда, Гамра означаютъ цвѣта нѣкоторыхъ любимыхъ коней ихъ; Дуалли, Гасени, Даффири—названіе племенъ. Такъ, напримѣръ, кликъ: всадникъ краснаго коня Даффировъ и проч. Иные произносятъ имя своей сестры или другой какой красавицы. Такъ крикъ Драйги: Ана, Акрай Рабда — я братъ Рабды; крикъ Меганны — я братъ Фадды; у обоихъ сестры славились красотой.

Бедуины очень гордятся своимъ военнымъ крикомъ и называютъ трусомъ того, кто непроизноситъ своего крика во время опасности. Драйги послушалъ моего совѣта и уговорилъ Ибрагима-пашу, хотя съ большимъ трудомъ, раздѣлить свои силы. На другой день мы возвратились въ нашъ станъ въ сопровожденіи турецкаго войска, состоявшаго изъ албанцевъ, далматовъ, могребиновъ, гуарасовъ и арабовъ, всего пятнадцать тысячъ человѣкъ. У нихъ было нѣсколько пушекъ, мортиръ и бомбъ. Они разбили свои палатки на полчаса пути отъ нашихъ. Ихъ гордый видъ, разнообразіе и богатство одежды, знамена ихъ, все это представляло чудесное зрѣлище; но не смотря на красивую ихъ наружность, бедуины смѣялись надъ ними и говорили, что они первые обратятся въ бѣгство. Въ полдень другаго дня мы замѣтили со стороны степи черную большую тучу, разстилавшуюся какъ густой туманъ такъ далеко, какъ только глазъ могъ разсмотрѣть.

Мало по малу туча эта прояснилась, и мы увидѣли непріятельское войско. На этотъ разъ они привели своихъ женъ, дѣтей и стада и расположились за часъ пути отъ насъ. Ихъ было пятьдесятъ племенъ, составлявшихъ семьдесятъ пять тысячъ шатровъ. Вокругъ каждаго шатра привязаны были верблюды, множество барановъ, которые вмѣстѣ съ лошадьми и воинами издали казались страшною массой. Ибрагимъ-паша сильно испугался и послалъ во весь опоръ гонца за Драйги. Тотъ, ободривши его, возвратился въ станъ сдѣлать необходимыя распоряженія. Собрали всѣхъ верблюдовъ, связали ихъ вмѣстѣ за колѣна и по-

ставили въ рядъ передъ шатрами,—и чтобъ дополнить эту ограду, выры-ли ровъ позади верблюдовъ. Непріятель сдѣлалъ тоже и у себя; затѣмъ Драйги велѣлъ готовить гатфе. Вотъ что это значитъ: выбираютъ красивѣйшую дѣвушку, сажаютъ ее въ богатоубранный годагъ, который несетъ большая бѣлая верблюдица. Выборъ дѣвушки, исполняющей эту почетную, но опасную обязанность, очень важенъ, потому что успѣхъ сраженія почти всегда зависитъ отъ нея. Находясь передъ лицомъ непріятеля, окруженная лучшими воинами, она должна побуждать ихъ къ битвѣ. Главное дѣйствіе всегда происходитъ вокругъ нее и чудеса храбрости защищаютъ ее. Все должно быть потеряно если гатфе попадется во власть непріятеля, и во избѣжаніе этого несчастія, половина войска должна окружать ее. Воины смѣняются на томъ пунктѣ, гдѣ битва сильнѣе, и каждый воодушевляется взглядами молодой дѣвушки.

На этотъ разъ выбрана была дѣвушка Аркіе, соединявшая въ себѣ храбрость, краснорѣчіе и красоту въ высшей степени. Непріятель готовилъ тоже свою гатфе, и вскорѣ битва началась. Веггабиты раздѣлились на двѣ партіи. Первая и болѣе значительная, подъ начальствомъ Абдалы-Эль-Гедала, главнаго ихъ начальника, была передъ нами; вторая, подъ начальствомъ Абу-Нокты передъ турками. Характеръ и манера сражаться послѣднихъ совершенно противоположны бедуинамъ. Разсудительный и хладнокровный бедуинъ начинаетъ битву спокойно, но потомъ постепенно одушевляясь, дѣлается свирѣпымъ и неодолимымъ; напротивъ, гордый и самонадѣянный турокъ нападаетъ на непріятеля съ жаромъ, думая, что ему стоитъ только явиться, чтобъ побѣдить, но потомъ охладѣваетъ въ первую стычку. Паша Ибрагимъ, видя что веггабиты такъ спокойно нападаютъ, надѣялся одинъ разсѣять всю непріятельскую армію. Но къ концу дня онъ научился уважать своего противника и принужденъ былъ удалиться съ своимъ войскомъ, оставивъ намъ всю тяжесть сраженія. Съ закатомъ солнца битва прекратилась; много было убито съ обѣихъ сторонъ.

На другой день, подошедшее племя Эль-Гадида подкрѣпило насъ; ихъ было четыре тысячи человѣкъ, сидѣвшихъ на ослахъ и вооруженныхъ ружьями. Мы пересчитали свое войско: оно доходило до осьмидесяти тысячъ человѣкъ; веггабиты же имѣли сто пятьдесятъ тысячъ. На другой день побѣда была на ихъ сторонѣ. Слухъ о нашей неудачѣ распространился до Гамы, конечно въ преувеличенномъ видѣ, какъ это всегда случается, и привелъ въ страхъ жителей. На третій день они были успокоены на нашъ счетъ, и въ продолженіе двадцати дней счастье и неудачи попеременно испытывали наше терпѣніе. Битвы съ каждымъ днемъ становились яростнѣе. Въ пятнадцатый день мы должны были

бороться съ новымъ врагомъ, еще страшнѣйшимъ веггабитовъ, съ голодомъ. Городъ Гама одинъ могъ еще продовольствовать обѣ арміи, но онъ истощился или скрылъ свои средства. Турки обратились въ бѣгство, наши союзники разсѣялись, чтобъ неумереть голодною смертью. Они съѣдали верблюдовъ, составлявшихъ ограду.

Посреди такихъ бѣдствій, мужество Аркіе не ослабѣвало ни на минуту. Храбрѣйшіе изъ нашихъ воиновъ были убиты возлѣ нее. Она не переставала ободрять ихъ, возбуждать и хвалить ихъ усилія. Она воодушевляла стариковъ, выхваляя ихъ храбрость и опытность, а юношамъ обѣщала выйти за того, кто принесетъ ей голову Абдаллы-Эль Гедала. Находясь безпрестанно у ея годага, я видѣлъ всѣхъ воиновъ, приходящихъ къ ней ободриться ея словами и потомъ удалявшихся на битву воодушевленными ея краснорѣчіемъ. Признаюсь, что я предпочиталъ лучше слушать похвалы ея другимъ, чѣмъ самому получать ихъ, потому-что они всегда предшествовали смерти. Однажды красивый юноша, одинъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ явился передъ ея годагомъ. «Аркіе! сказалъ онъ, о, ты лучшая изъ красавицъ, открой мнѣ лице твое, я хочу сражаться за тебя.» Показавшись ему, Аркіе отвѣчала: «Храбрый юноша! Ты знаешь мою цѣну? это голова Абдаллы.» Молодой воинъ машетъ копьемъ и скачетъ въ средину враговъ; черезъ два часа онъ умираетъ, покрытый ранами. «Да сохранитъ васъ Богъ! сказалъ я Аркіе, храбрый воинъ убитъ.»—«Не одинъ онъ остался тамъ,» печально отвѣчала она.

Въ эту минуту показался всадникъ, весь закованный въ латы. Сапоги его даже убраны были сталью, лошадь покрыта кольчугой. Онъ подъѣхалъ къ нашему стану, вызывая Драйги на поединокъ. Это обыкновеніе очень древнее у бедуиновъ, и тотъ, котораго вызываютъ, не долженъ отказываться отъ боя подъ опасеніемъ обезчестить тѣмъ себя. Драйги, услышавъ свое имя, готовился итти на вызовъ, но родные его обратились къ намъ, прося удержать его. Жизнь его была слишкомъ важна, чтобъ рисковать ею; смерть его произвела бы всеобщее разстройство и уничтоженіе обѣихъ соединенныхъ армій, и мы остались бы во всемъ виноваты. Но когда всякое убѣжденіе оказалось безполезнымъ, должно было употребить силу и привязать Драйги по рукамъ и по ногамъ къ кольямъ, вколоченнымъ въ землю посреди шатра. Главнѣйшіе начальники стерегли его и уговаривали успокоиться, представляя ему какъ неблагоразумно съ его стороны пренебрегать спасеніемъ арміи для того, чтобъ не уступить наглому хвастовству дикаго веггабита, который все еще не переставалъ кричать: «Я жду Драйги, послѣдній день его наступилъ, я хочу прервать жизнь его!»

Драйги, слышавшій слова его, еще болѣе горячился, рыкалъ какъ левъ; отъ бѣшенства ротъ его покрылся пѣной, глаза налившись кровью, совершенно выкатывались. Съ ужасающею силой рвалъ онъ свои цѣпи. Шумъ этотъ привлекъ многихъ къ шатру. Вдругъ одинъ бедуинъ, протѣснившись сквозь толпу, предсталъ предъ Драйги. Рубашка, подпоясанная кожанымъ поясомъ и платокъ на головѣ, составляли всю одежду его. Вооруженный только однимъ копьемъ, онъ сидѣлъ на рыжемъ конѣ и просилъ позволенія сразиться съ веггабитомъ, вмѣсто шейка, говоря слѣдующіе стихи: «Сегодня я, Теггесанъ, владѣю конемъ Гадиды, чего желалъ такъ долго. Я хочу получить съ ея приданымъ заслуженныя похвалы моей храбрости, сразиться и побѣдить веггабита для прекрасныхъ очей моей невѣсты и быть достойнымъ дочери того, кто всегда побѣждалъ враговъ.» Онъ кончилъ и помчался на бой съ веггабитомъ. Никто не думалъ, чтобъ онъ хоть съ полчаса могъ сопротивляться своему грозному сопернику въ непроницаемыхъ латахъ. Но если онъ не могъ нанести ему смертельныхъ ударовъ, за то самъ съ чудесной ловкостью умѣлъ уклоняться отъ нихъ въ продолженіе двухъ-часовой борьбы. Всѣ были въ недоумѣніи. Живѣйшее участіе видно было съ обѣихъ сторонъ.

Наконецъ боецъ нашъ поворотилъ коня, показывая видъ, что хочетъ ускакать. Вся надежда была потеряна, непріятель хотѣлъ уже провозгласить свое торжество. Веггабитъ преслѣдуетъ его и твердою рукою, увѣренный въ успѣхѣ, бросаетъ въ него копье свое. Но Теггесанъ, предвидя ударъ, нагнулся до самаго арчака сѣдла, и копіе со свистомъ пролетѣло надъ его головой. Тогда повернувшись внезапно, онъ вонзаетъ свое копье въ горло противника, пользуясь тою минутой, когда тотъ, принужденный вдругъ остановить своего коня передъ его конемъ, поднимаетъ голову. Это движеніе оставило промежутокъ между шлемомъ и латами, гдѣ копье пронзило его насквозь и умертвило на мѣстѣ. Но трупъ, удерживаемый латами въ сѣдлѣ, унесенъ былъ конемъ въ его станъ, а Теггесанъ съ восторгомъ встрѣченъ былъ въ шатрѣ Драйги. Всѣ начальники обнимали его, осыпая похвалами и подарками, и шейкъ Ибрагимъ болѣе прочихъ доказалъ ему свою благодарность. Однако война и голодъ все продолжались; мы два дня пробыли безъ пищи въ шатрѣ Драйги. На третій день начальникъ далатовъ, Мола Измаэль, прислалъ ему въ подарокъ рису.

Вмѣсто того чтобы сберечь его какъ послѣднее пособіе, онъ велѣлъ тотчасъ сварить все и пригласилъ всѣхъ присутствующихъ къ ужину. Сынъ его Захеръ не хотѣлъ садиться за столъ, но принуждаемый отцомъ своимъ, взялъ свою порцію и отнесъ своей лошади, го-

воря, что онъ лучше самъ потерпитъ голодъ, чѣмъ ее оставитъ безъ пищи. 37 дней прошло съ начатія войны, и на 38-й началась жестокая битва. Станъ турецкій былъ взятъ и разграбленъ; паша едва успѣлъ уйти въ Гаму, преслѣдуемый Веггабитами, осадившими этотъ городъ. Пораженіе турокъ тѣмъ было гибельно для насъ, что оно дало возможность второй части войска, подъ начальствомъ знаменитаго Абу-Нокты, соединиться съ Абдаллой и вмѣстѣ съ нимъ напасть на насъ. Въ 39-й день битва возобновилась со всею жестокостью. Бедуины такъ перемѣшались, что неразличали болѣе ничего, схватывались другъ съ другомъ и дрались саблями; кровь лилась ручьемъ по всей равнинѣ, цвѣтъ земли исчезъ совершенно. Никогда быть можетъ не было подобнаго сраженія; оно продолжалось восемь дней безостановочно. Жители Гамы, полагая что мы всѣ истреблены, перестали совершенно присылать намъ продовольствіе, которое предохраняло насъ хотя немного отъ голодной смерти.

Наконецъ Драйги, видя крайнее бѣдствіе свое, сзываетъ начальниковъ и говоритъ имъ: «Друзья мои! надобно испытать послѣднее усиліе. Завтра надо умереть или побѣдить. Завтра, если Богъ позволитъ, я разрушу станъ непріятельскій, и мы обогатимся добычею.» Рѣчь его выслушали съ недовѣрчивою улыбкой, но нѣкоторые, болѣе мужественные, отвѣчали: скажи только, и мы во всемъ будемъ тебѣ повиноваться.—«Въ эту ночь, сказалъ онъ, должно переправить ваши шатры, женъ и дѣтей на ту сторону Оронта, чтобы все уже скрылось съ восходомъ солнца, такъ чтобъ непріятель не замѣтилъ. Потомъ, не имѣя болѣе ничего охранять, мы отчаянно бросимся на веггабитовъ и истребимъ ихъ или сами погибнемъ. Все было исполнено такъ какъ онъ сказалъ, съ невѣроятной быстротою, порядкомъ и тишиной. На другой день остались только сражающіеся. Драйги раздѣлилъ ихъ на четыре части, приказавъ напасть на непріятеля съ четырехъ сторонъ вдругъ. Это стремительное и одновременное нападеніе имѣло полный успѣхъ, какого только можно было ожидать, и привело веггабитовъ въ замѣшательство и безпорядокъ: они обратились въ бѣгство, бросивъ женъ, дѣтей, шатры и имущество.

Драйги недалъ времени своимъ воинамъ воспользоваться добычей, а велѣлъ преслѣдовать бѣглецовъ до Пальмиры, и не позволилъ отдохнуть до тѣхъ поръ, пока непріятель совершенно разсѣялся. Какъ только насъ увѣдомили о побѣдѣ, мы тотчасъ отправились съ шейкомъ Ибрагимомъ въ Гаму объявить эту радостную вѣсть, но никто не хотѣлъ вѣрить, и едва насъ самихъ не приняли за бѣглецовъ. Жители были въ сильномъ волненіи: одни бѣгали на возвышенности, но ничего не видѣли кромѣ облаковъ пыли; другіе приготовляли муловъ, чтобы

скрыться изъ города. Вскорѣ увѣрились наконецъ въ пораженіи веггабитовъ, и безумная радость заступила мѣсто великаго ужаса. Посланъ былъ гонецъ въ Дамаскъ и возвратился оттуда съ сорока возами хлѣба, двадцатью пятью тысячами піастровъ, съ саблей и почетной шубой Драйги, который торжественно вошелъ въ Гаму, сопровождаемый всѣми начальниками союзныхъ племенъ, и великолѣпно встрѣченъ былъ губернаторомъ, агами, пашей и всѣмъ его дворомъ. Черезъ четыре дня, проведенные въ празднествахъ, мы оставили Гаму и пошли къ своимъ племенамъ, чтобъ къ зимѣ привести ихъ къ востоку. Драйги пошелъ съ двѣнадцатью племенами, а прочіе соединясь по пяти и шести разошлись по степи Дамаска.

Наша первая кочевка была въ Таллѣ-эль-Дегабѣ, во владѣніяхъ Алеппо, гдѣ мы встрѣтили четыре племени, непринимавшія участія въ войнѣ. Начальники ихъ явились къ Драйги съ глубокимъ уваженіемъ къ его недавнимъ подвигамъ, и просили позволенія приложить печати къ союзному договору *. Оттуда мы шли не останавливаясь, чтобы скорѣе соединиться съ нашимъ другомъ Эмиромъ Фагеромъ, встрѣтившимъ насъ съ изъявленіемъ живѣйшей радости. Мы переправились черезъ Эвфратъ съ нимъ и еще другими четырьмя племенами, которыя шли тоже въ Месопотамію и разошлись одни въ землю Гамадъ, другіе въ степь Бассора. Въ дорогѣ мы получили письмо отъ Фареса эль-Гарба, извѣщавшаго насъ, что шесть ** большихъ племенъ, сражавшихся съ веггабитами противъ насъ, кочуютъ теперь въ Гебасси, около Машадаме; что они расположены вступить въ союзъ съ нами, и если Драйги пошлетъ меня къ нимъ для переговоровъ, то онъ ручается за успѣхъ. Я, не теряя ни минуты, согласился на предложеніе, и черезъ шесть дней пріѣхалъ къ Фаресу-эль-Гарба безъ всякаго приключенія. Онъ тотчасъ же оставилъ поле и проводилъ меня на день разстоянія отъ этихъ племенъ.

Оттуда я написалъ отъ своего имени Эмиру Дуакри, начальнику племени эль-Феданъ, приглашая его заключить союзъ съ Драйги и обѣщая ему забвеніе прошедшаго. Дуакра самъ явился къ Фаресу-эль-Гарба, и вскорѣ мы заключили союзъ. Онъ сказалъ однакожъ, что ру-

* *Фаресъ-эбнъ-Ажибъ*, начальникъ племени эль-Башакасъ, составлявшаго пятьсотъ шатровъ; *Кассанъ-эбнъ-Юнкбанъ*, начальникъ племени эль-Шламси, тысячу шатровъ; *Селаме-эль-Нагесанъ*, нач. племени эль-Фюагеръ, шестьсотъ шатровъ; *Меганна-эль-Занехъ*, нач. племени эль-Зальба, восемьсотъ шатровъ.

** Племя *эль-Феданъ*, состоящее изъ пяти тысячъ шатровъ; племя эль-Заба, изъ четырехъ тысячъ шатровъ; племя *эль-Фекаки* изъ тысячи пяти сотъ шатровъ; племя *эль-Месаидъ*, зъ трехъ тысячъ пяти сотъ шат.; племя *эль-Залка* изъ трехъ тысячъ шат. и племя *Беннн Дегабъ* изъ пяти тысячъ шатровъ.

чается только за свое плёмя, а прочія пять племенъ трудно будетъ согласить, и предложилъ мнѣ ѣхать къ нему, обѣщая созвать всѣхъ ихъ начальниковъ и употребить свое вліяніе на нихъ. Я согласился и отправился съ нимъ. Пріѣхавъ въ станъ ихъ, я сильно былъ тронутъ при видѣ безчисленной толпы бедуиновъ, сидѣвшихъ на корточкахъ предъ палящимъ солнцемъ.

Потерявъ свои шатры и имущество въ сраженіи, они не имѣли другой постели, кромѣ земли, другаго покрова, кромѣ неба. Нѣсколько лоскутьевъ, тамъ и сямъ повѣшенныхъ на кольяхъ, давали небольшую тѣнь этимъ несчастнымъ, лишавшимъ себя единственной одежды, чтобы изъ нея сдѣлать себѣ слабую защиту отъ солнца и зноя. Они лежали нагіе, подвергая себя жаламъ насѣкомыхъ и колючимъ растеніямъ, которые объѣдаютъ бараны. Многіе даже не имѣли никакой защиты отъ дневнаго жара и ночнаго холода, противоположность которыхъ такъ убійственна въ эту пору года, когда замѣтно уже приближеніе зимы. Никогда я не имѣлъ понятія о такой полной нищетѣ. Отъ этого печальнаго зрѣлища сердце мое сжалось и я заплакалъ; долго не могъ я оправиться отъ грусти, на которую случай навелъ меня. На другой день Дуакри собралъ начальниковъ и стариковъ — ихъ было около пяти тысячъ человѣкъ, и я одинъ ненадѣялся ихъ уговорить. Эти люди съ характеромъ и обычаями независимыми, раздраженные несчастіемъ, высказывали различныя понятія, и если ни кто изъ нихъ не надѣялся одержать верхъ, то все же считалъ за честь упорно придерживаться своего мнѣнія, предоставляя каждому дѣлать тоже. Одни хотѣли итти въ страну Неджде, другіе воротиться въ Самаркандъ, иные проклинали Абдаллу, начальника войска веггабитовъ, иные обвиняли Драйги за всѣ несчастія, претерпѣнныя ими. Посреди этихъ споровъ, я вооружился мужествомъ и старался опровергать тѣхъ и другихъ.

Сначала я хотѣлъ поколебать въ нихъ довѣренность къ веггабитамъ, доказывая имъ, что Абдалла непремѣнно долженъ быть врагомъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ они оставили его въ послѣдній день битвы, и за это онъ постарается отмстить имъ. И если пойдутъ они въ Неджде, то сами подпадутъ подъ власть Эбнъ Сигуда, который разоритъ ихъ контрибуціей и заставитъ переносить всю тяжесть злополучной войны; и что однажды освободившись отъ его власти и вырвавшись изъ когтей его, не должно какъ птицѣ, избавившейся отъ ружья охотника, бросаться въ сѣть птицелова. Наконецъ мнѣ пришла на умъ басня о связкѣ. Полагая, что это простое доказательство подѣйствуетъ на простодушныхъ бедуиновъ, я вздумалъ представить имъ примѣръ: увѣщевая ихъ соединиться, чтобъ противостать всякому притѣсненію, я взялъ изъ

рукъ шейковъ до тридцати джеридовъ, и предлагая одинъ изъ нихъ Эмиру Фаресу, просилъ переломить его, что онъ и сдѣлалъ легко. Потомъ я подавалъ ему по два и по три, которые онъ то же переломилъ, потому что былъ силенъ; наконецъ я предложилъ ему всю связку, которой онъ не могъ ни переломить, ни согнуть.

— Боже мой, сказалъ я, у тебя вѣрно нѣтъ силы, и передалъ связку другому, который то же не могъ ничего сдѣлать. Тогда всеобщій ропотъ поднялся въ собраніи. Кто можетъ переломить такую массу? вскричали они въ одинъ голосъ.

— Я поймалъ васъ, въ вашихъ собственныхъ словахъ, отвѣчалъ я, и въ сильныхъ выраженіяхъ объяснилъ имъ смыслъ этой басни, прибавя къ тому, что я глубоко тронутъ былъ, видя ихъ безъ пристанища и одежды, и берусь ходатайствовать у Драйги о возвращеніи имъ ихъ имущества и шатровъ, и зная великодушіе Драйги, ручаюсь за успѣхъ моей просьбы, если они чистосердечно заключатъ союзъ, выгоды котораго я сейчасъ имъ доказалъ. Тогда всѣ сказали въ одинъ голосъ: «ты побѣдилъ Абдалла, мы твои на жизнь и на смерть!» и всѣ принялись обнимать меня. Затѣмъ рѣшено было, что они увидятся съ Драйги въ равнинѣ Галлы и приложатъ свои печати къ договору.

На другой день, переправившись снова черезъ Эвфратъ, я достигъ своего племени, съ которымъ нѣсколько дней уже невидался. Друзья мои безпокоились моимъ долгимъ отсутствіемъ и сильно мнѣ обрадовались, также и успѣху въ переговорахъ моихъ. Я такъ часто разказывалъ о соединеніи племенъ, обѣдахъ и пиршествахъ всѣхъ родовъ, и не стану снова описывать того, что происходило за подписаніемъ мирнаго договора. Эмиръ Дуакри зарылъ семь камней и тѣмъ заключилъ союзъ. Послѣ обѣда былъ совершенъ обрядъ, котораго я еще не видалъ: это присяга въ вѣрности надъ хлѣбомъ и солью.

Потомъ Драйги объявилъ, что онъ готовъ исполнить обѣщаніе, которое я далъ отъ его имени—отдать добычу, отнятую у шести племенъ, вступающихъ въ союзъ съ нимъ. Но одной готовности и желанія недостаточно, нужно было еще найти средство исполнить ихъ. Въ грабежѣ стана веггабитовъ и ихъ союзниковъ, добычи съ пятидесяти племенъ смѣшаны были, и узнать собственность каждаго была теперь вещь не легкая. Рѣшили, что однѣ женщины могутъ исполнить это. Невозможно представить этого труда и скуки въ продолженіе пяти дней, употребленныхъ на разузнаніе скота и шатровъ различныхъ племенъ. Каждый верблюдъ и каждый баранъ имѣли на бедрѣ вензель племени и хозяина своего, выжженные горячимъ желѣзомъ. Но какъ эти вензеля до половины стерты, что обыкновенно случается, то затрудненіе было

чрезвычайное, и надо было имѣть болѣе чѣмъ великодушіе, чтобы сносить всѣ распри и согласить претензіи тѣхъ и другихъ. Я даже раскаивался въ своемъ состраданіи и неблагоразумномъ обѣщаніи.

Въ это время проходилъ большой караванъ изъ Багдада въ Алеппо, и ограбленъ былъ племенами Феданъ и Саба. Онъ былъ богато нагруженъ индиго, кофе, пряностями, персидскими коврами, кашемиромъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнностями. Мы оцѣнили все это въ десять милліоновъ піастровъ. Какъ только разнесся слухъ объ этой добычѣ, наѣхали купцы, иные изъ далека, вымѣнивать или покупать эти товары у бедуиновъ, которые продавали ихъ, или скорѣе отдавали почти даромъ. Такимъ образомъ они вымѣнивали мѣру пряностей на мѣру фиников; кашемиръ въ тысячу франковъ, за одинъ черный машлахъ; ящикъ индиго, за холстинное платье, цѣлыя штуки индѣйскаго фуляра, за пару сапоговъ. Одинъ купецъ Муссулъ вымѣнялъ рубашку, пару сапоговъ и машлахъ за товары, стоющіе пятнадцать тысячъ піастровъ, а брилліантовый перстень за простую табакерку.

Я могъ бы тутъ нажить себѣ состояніе, но Ласкарисъ запретилъ мнѣ покупать что нибудь или принимать въ подарокъ, и я вполнѣ повиновался. Малу по малу, изъ страны Неджде приходили племена, оставлявшія веггабитовъ, чтобъ соединиться съ нами. Однихъ привлекала слава Драйги, другіе приходили въ слѣдствіе ссоры съ эмиромъ Эбнъ Сигудомъ. Обстоятельства подобнаго рода привлекли къ намъ въ одинъ день пять племенъ. Эмиръ племени Бени-Тай, имѣлъ красавицу дочь, по имени Камара (луна). Ферабъ, сынъ начальника сосѣдняго племени и родственникъ повелителя веггабитовъ, влюбился въ нее и пріобрѣлъ ея расположеніе. Отецъ молодой дѣвушки, замѣтивши это, запретилъ ей говорить съ молодымъ эмиромъ, а самъ отказался принять его и выслушать предложеніе о женитьбѣ. Камара назначена была своему двоюродному брату Тамеру. Но Камара не хотѣла подчиниться обыкновенію своей страны, и не страшась угрозъ отца, рѣшительно отказалась выйти за своего двоюроднаго брата. Препятствія еще болѣе усилили любовь ея и она непропускала случая имѣть сношенія съ своимъ возлюбленнымъ, а тотъ, не видя никакой надежды на согласіе ея родителей на бракъ ихъ, рѣшился похитить ее, передавъ ей свое намѣреніе черезъ подкупленную имъ старуху.

Получивъ ея согласіе, онъ пробрался къ племени Бени-Тан, переодѣвшись нищимъ и условился съ нею о времени и какъ удобнѣе исполнить ихъ намѣреніе. Ночью молодая дѣвушка вышла украдкой изъ отцовскаго шатра и встрѣтилась съ эмиромъ, ожидавшимъ ее въ полѣ. Онъ посадилъ ее на своего коня позади себя и помчался по равнинѣ. Но

какъ ни быстръ былъ побѣгъ его, онъ не могъ укрыться отъ ревнивыхъ глазъ Тамера. Влюбленный въ Камару и смѣло поддерживая права свои, онъ давно уже слѣдилъ за поступками своего соперника, и самъ каждую ночь ходилъ сторожить у шатра Камары. Онъ былъ на сторожѣ и въ то время, какъ любовники убѣжали, увидѣлъ ихъ и поскакалъ за ними въ погоню.

Конь Фераба былъ быстроты свойственной породѣ Неджде. Побуждаемый нетерпѣніемъ господина, онъ еще болѣе прибавилъ бѣгу, но обремененный тяжестью двухъ человѣкъ, не могъ уже болѣе повиноваться удвоеннымъ ударамъ стремени и упалъ, истощивъ послѣднія силы. Ферабъ, видя что Тамеръ уже настигаетъ его, спускаетъ свою возлюбленную и приготовляется защищать ее. Печально было слѣдствіе этой ужасной борьбы; Тамеръ побѣждаетъ, убиваетъ Фераба и завладѣваетъ своею невѣстой, но утомленный усталостью и теперь уже вполнѣ обезпеченный, онъ засыпаетъ на минуту возлѣ нея. Камара подстерегла когда заснетъ онъ, и схвативъ его саблю, обагренную кровью ея возлюбленнаго, отрубаетъ голову своему похитителю и сама бросается на остріе копья и поражаетъ себя въ сердце. Всѣ трое найдены были такимъ образомъ тѣми, которые поѣхали отыскивать ихъ.

Война на смерть началась между этими двумя племенами, послѣ такого ужаснаго событія. Племя Фераба, поддерживаемое веггабитами, принудило къ бѣгству племя Бени Тая, которое еще съ другими четырьмя * соединившимися племенами пришло просить покровительства Драйги, могущество котораго не знало болѣе соперниковъ. Пятьсотъ тысячъ бедуиновъ, соединенныхъ нашимъ стараніемъ, составляли одинъ станъ и покрывали Месопотамію, какъ туча саранчи.

Въ то время какъ мы были въ окрестностяхъ Багдада, другой караванъ, шедшій изъ Алеппо, ограбленъ былъ нашими союзниками; онъ нагруженъ былъ произведеніями европейскихъ мануфактуръ: суконами, бархатомъ, атласомъ; амброй, кораллами и проч. Драйги не принималъ никакого участія въ этомъ похищеніи хотя обычаи бедуиновъ вполнѣ допускали его. Паша Багдадскій просилъ удовлетворенія и не получилъ его, но увидя, что ему нужно будетъ войско по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, чтобъ заставить исполнить его требованія, отказался отъ нихъ, находя лучше остаться другомъ бедуиновъ, за какую бы то цѣну ни было. Такимъ образомъ надежды шейка Ибрагима осуществились даже сверхъ его бле-

* Племя *Бени Тая* состоитъ изъ 4-хъ тысячъ шатровъ; племя *Эль Гамарнидъ* изъ 1,500 шатровъ; племя *Эль Гафориръ* изъ 2,500 шатровъ; племя *Эль Гежіажеръ* изъ 800 шатровъ, и племя *Эль Крезагель* изъ 3000 шатровъ.

стящихъ предположеній; но онъ не кончилъ еще своего дѣла и не хотѣлъ отдыхать. И такъ, перешедши чрезъ Тигръ въ Абу-Эль-Али, мы продолжали нашъ путь и вошли въ Персію. Слава Драйги и туда предшествовала ему: племена этой страны безпрестанно приходили заключать союзъ съ нами.

Но для нашихъ обширныхъ плановъ недостаточно было отдѣльныхъ присоединеній воиновъ; намъ нужно было увѣриться въ содѣйствіи начальника всѣхъ племенъ персидскихъ Эмира Захида-Эль Бокрари, власть котораго простирается до самыхъ предѣловъ Индіи. Родъ этого князя нѣсколько уже столѣтій начальствуетъ надъ кочующими племенами Персіи и считаетъ себя происходящимъ отъ королей Бени-Эль-Абасса, завоевавшихъ Испанію. Мы узнали, что онъ былъ въ самой отдаленной области. Драйги созвалъ всѣхъ начальниковъ на общій совѣтъ, и они рѣшили пройти Персію, но какъ можно ближе къ берегамъ морскимъ, для избѣжанія горъ, которыми покрыта вся внутренность страны и отысканія пастбищъ, хотя вода здѣсь и рѣже будетъ встрѣчаться. Во время переходовъ трава гораздо важнѣе, нежели вода, потому что послѣднюю можно перевозить, и ни что не можетъ замѣнить недостатокъ пищи для стадъ, отъ которыхъ зависитъ существованіе самаго племени.

Это путешествіе продолжалось пятьдесятъ одинъ день, и во все время мы не встрѣтили никакого препятствія со стороны жителей. Но путь былъ часто очень тягостенъ, особенно по недостатку въ водѣ. Въ одинъ изъ такихъ случаевъ, шейкъ Ибрагимъ разсмотрѣвъ свойство и свѣжесть почвы, совѣтовалъ Драйги рыть ее и искать воды. Тамошніе бедуины считали эту попытку глупостью, говоря, что никогда не было воды въ этомъ мѣстѣ, а нужно было послать за нею за шесть часовъ пути оттуда. Но Драйги продолжалъ настаивать: «Шейкъ Ибрагимъ мудрецъ, говорилъ онъ, должно ему повиноваться во всемъ.» Начали рыть въ разныхъ направленіяхъ, и дѣйствительно, на четыре фута глубины нашли чудесную воду, и бедуины единогласно провозгласили шейка Ибрагима истиннымъ мудрецомъ, открытіе его чудомъ, и въ избыткѣ благодарности едва не боготворили его. Прошедъ горы и долины Кармана въ нѣсколько дней, мы переправились черезъ рѣку Корассанъ, быструю и глубокую, и направили путь свой къ морскому берегу, гдѣ дорога была не такъ трудна. Мы познакомились съ племенемъ Ажіама Эстана, принявшемъ насъ очень радушно.

На сорокъ второй день со времени входа нашего въ Персію, мы прибыли въ Эль-Гендуанъ, гдѣ кочевало одно изъ ихъ самыхъ большихъ племенъ, управляемое Гебіекомъ Магданомъ. Мы думали, что путешествіе наше приближается къ концу, но шейкъ сказалъ намъ,

что Захидъ былъ еще на девять дней пути отсюда, въ Мерахъ Фамесе, на границѣ Индіи, и предложилъ намъ проводниковъ довести насъ туда и указать мѣста, гдѣ мы могли бы запастись водой. Безъ этой предосторожности можно было погибнуть въ этотъ послѣдній переходъ. Гонцы отправились впередъ, извѣстить князя о нашемъ приближеніи и о нашихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. На девятый день онъ самъ выѣхалъ къ намъ навстрѣчу со всѣмъ войскомъ своимъ, грознымъ на видъ. Въ первую минуту мы не могли угадать, для чего выказываетъ онъ силы свои, хочетъ ли оказать намъ честь, или испугать насъ. Драйги начиналъ уже раскаяваться, что отважился итти на такое далекое разстояніе отъ своихъ союзниковъ, однакожъ онъ не оробѣлъ.

Помѣстивъ женщинъ и имущество позади своей дружины, самъ онъ поѣхалъ впередъ съ избранными воинами, сопровождаемый другомъ своимъ шейкомъ Закеромъ, тѣмъ самымъ, который оставался начальникомъ въ степи Бассора и привлекъ на нашу сторону нѣсколько племенъ во время путешествія нашего въ Сирію. Вскорѣ мы увѣрились въ въ миролюбивомъ расположеніи князя; онъ выѣхалъ съ нѣсколькими всадниками на середину равнины, раздѣляющей оба войска; Драйги сдѣлалъ тоже, оба начальника встрѣтились на половинѣ дороги, сошли съ лошадей и поздоровались какъ самые искренніе друзья. Еслибы я не описывалъ такъ часто степное угощеніе, то много бы разсказалъ о пріемѣ, сдѣланномъ намъ Эмиромъ Захидомъ и о трехъ дняхъ, проведенныхъ въ пиршествахъ; но избѣгая повтореній, скажу только, что бедуины Персіи гораздо миролюбивѣе аравійскихъ, легко согласились съ нашими видами и вполнѣ поняли важность троговыхъ сношеній, которые мы хотѣли завести съ Индіей. Въ этомъ заключалось все, что необходимо было сообщить имъ въ отношеніи нашихъ предпріятій. Эмиръ обѣщалъ содѣйствіе всѣхъ подвластныхъ ему племенъ Персіи и предложилъ своимъ вліяніемъ присоединить къ намъ племена Индіи, которыя имѣютъ къ нему большое уваженіе за древность его рода, личныя достоинства—умъ и благородство. Онъ заключилъ съ нами особый договоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Во имя всемилостиваго и милосердаго Бога, я Захидъ, сынъ Абдаллы, сынъ Бадера, сынъ Али, сынъ Бокрани объявляю, что далъ ненарушимую клятву могущественному Драйги Эбнъ-Шаллану, шейку Ибрагиму и Абдаллѣ-Эль-Кратибу, быть ихъ вѣрнымъ союзникомъ и соглашаюсь со всѣми ихъ условіями, означенными въ общемъ договорѣ, находящемся у нихъ въ рукахъ. Обязываюсь помогать имъ и поддерживать ихъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ и хранить свято ихъ тайны. Ихъ враги будутъ моими врагами; друзья ихъ будутъ моими друзьями.

Призываю Алія, во свидѣтельствованіе моего слова». Подписано и приложена печать.

Мы пробыли еще шесть дней съ племенемъ Захида, и въ это время замѣтили различіе въ нравахъ между этими бедуинами и нашими. Первые болѣе кротки, воздержны и терпѣливы, но не такъ великодушны; у нихъ менѣе уваженія къ женщинамъ и гораздо болѣе религіозныхъ предубѣжденій; они слѣдуютъ закону Аліевой секты. Оружіе у нихъ, кромѣ копья, сабли и ружья еще сѣкира. Князь Захидъ прислалъ Драйги двѣ чудесныя кобылы; Драйги въ замѣнъ ихъ подарилъ ему вороную кобылу изъ породы Неджде, дорогой цѣны и еще нѣсколько украшеній его женамъ. Мы кочевали недалеко отъ Менуны, послѣдняго персидскаго города въ двадцати миляхъ отъ границы Остъ-Индіи, на берегу рѣки, которую бедуины называютъ Эль-Житанъ.

На седьмой день мы простились съ Захидомъ и отправились въ путь, чтобы добраться въ Сирію до лѣтнихъ жаровъ. Мы шли скоро и безъ всякихъ препятствій, какъ вдругъ въ области Караманъ увели нашъ скотъ, и на другой день мы были атакованы могущественнымъ, племенемъ, подъ начальствомъ эмира Редени, называвшаго себя охранителемъ Персидскаго Калифатства. Это былъ человѣкъ гордый и властолюбивый, но бедуины его хотя были гораздо многочисленные, уступали нашимъ въ храбрости и тактикѣ, и войско наше было лучше ихъ управляемо. Положеніе Драйги было очень опасно. Мы погибли бы, еслибы непріятели одержали хотя небольшую побѣду, тогда всѣ Бедуины Карамана окружили бы насъ какъ сѣткой, изъ которой не было ни какой возможности вырваться. Онъ видѣлъ необходиость навести на нихъ страхъ рѣшительной побѣдой, которая заставила бы ихъ отказаться отъ борьбы съ нимъ и расположилъ войска свои искусно и расчитанно, такъ чтобъ храбрость восторжествовала надъ многочисленностью. Тутъ онъ доказалъ свой воинскій геній и сдѣлалъ чудеса храбрости. Никогда онъ небылъ такъ спокоенъ въ командованіи и такъ неукротимъ въ битвѣ.

Побѣжденный непріятель долженъ былъ обратиться въ бѣгство, оставя намъ полную свободу продолжать нашъ путь. Однако Драйги полагалъ, что неблагоразумно будетъ оставлять за собою хотя побѣжденное, но все же вражебное племя и остановившись послалъ гонца къ эмиру Захиду, увѣдомить его о случившемся. Чрезъ нѣсколько дней посланный возвратился и привезъ Драйги письмо весьма дружественное, и въ немъ было вложено еще другое, адресованное на имя Редени; оно заключалось въ слѣдующихъ словахъ.

«Во имя Бога Всевышняго Творца! да услышитъ усердныя молитвы наши и узритъ благоговѣніе наше. Письмо это отъ Захида-Эль-Бокра-

ни, владѣтеля двухъ морей и обѣихъ Персій, брату нашему эмиру Редени, сыну Крукіара. Мы извѣщаемъ васъ, что братъ нашъ эмиръ-Эбнъ-Шалланъ пришелъ изъ далекихъ странъ Багдада и Дамаска посѣтить насъ и заключить съ нами союзъ. Онъ былъ въ нашей землѣ и ѣлъ нашъ хлѣбъ; мы предложили ему нашу дружбу и заключили съ нимъ особыя условія, которыя доставятъ большія выгоды и всеобщее спокойствіе. Мы очень желаемъ, чтобы и вы сдѣлали тоже; берегитесь отказываться; вы тѣмъ потеряете наше расположеніе.

Затѣмъ слѣдовали разные тексты изъ ихъ священныхъ книгъ и обыкновенныя привѣтствія. Мы послали это письмо къ эмиру Редени и онъ пріѣхалъ къ намъ, сопровождаемый пятьюстами воиновъ, очень богато одѣтыхъ въ шелковыя матеріи, шитыя золотомъ; оружіе ихъ было вычеканено серебромъ, клинки сабель съ превосходною насѣчкой. Послѣ дружескихъ объясненій, Редени написалъ своей рукой особый договоръ Захида и подписалъ его; потомъ онъ пилъ кофе, но отказался обѣдать съ нами. Ревностные послѣдователи Аліевой секты не могутъ ѣсть ни у христіанъ, ни у турковъ. Для подтвержденія договора, онъ исполнилъ присягу надъ хлѣбомъ и солью, потомъ поцѣловалъ Драйги съ изъявленіемъ искренняго дружества. Племя его, состоящее изъ десяти тысячь шатровъ, называлось Эль-Мегазитъ.

Простившись съ нимъ, мы ускорили свой путь, дѣлая по пятнадцати миль въ день безостановочно, и наконецъ подошли къ Багдаду. Шейкъ Ибрагимъ отправился туда за деньгами, а мы торопились дойти до мѣста. Въ Месопотаміи получили мы свѣдѣніе о веггабитахъ. Эбнъ Сигудъ очень дурно пранялъ Гедала, послѣ его пораженія и поклялся отмстить Драйги и снова послать войско, еще сильнѣе прежняго, подъ начальствомъ своего сына, грозя истребить бедуиновъ Сиріи. Но услышавъ о силахъ Драйги и особенно о его личной славѣ, онъ перемѣнилъ свое хвсатливое намѣреніе и рѣшился заключить съ нимъ союзъ. Внѣшнія событія много способствовали его рѣшенію; слышно было, что паша Египетскій, Мегметъ Али готовился послать войско въ каменистую Аравію и завладѣть богатствами Мекки, находившейся въ рукахъ Эбнъ Сигуда. Поэтому мы надѣялись или заключить съ нимъ союзъ, или видѣть его ослабленнымъ постороннею силой. На пути нашемъ мы безпрестанно встрѣчали племена, * неимѣвшія случая подписать нашъ договоръ и торопившіяся теперь исполнеть это.

Въ Мактолѣ-Эль-Абедѣ мы встрѣтили два племени, первое Беркаже, начальникъ Гандеомъ-Эбнъ-Вюали, состоящее изъ тысячи трехъ сотъ шатровъ; второе Магименъ, начальникъ его Фагедъ-Эбнъ-Зальмъ, состоящее изъ трехъ сотъ шатровъ. Мы тоже заключили

Прибывъ въ Сирію мы получили письмо отъ вождя веггабитовъ, на небольшомъ лоскуткѣ бумаги, шириною въ три пальца, длиною не болѣе шести. Послѣдователи Алія стараются употреблять самую малую форму въ письмахъ, въ противоположность Туркамъ, которые всегда пишутъ свои фирманы ва большихъ листахъ. Арабскія буквы такъ мало занимаютъ мѣста, что на небольшомъ этомъ лоскуткѣ написано было довольно длиное и повелительное письмо слѣдующаго содержанія:

«Мы Абдала, сынъ Абделля Азиса, сынъ Абделля Ваггаба, сынъ Сигуда. Извѣщаемъ васъ, сына Шаллана, что если вы вѣруете въ Бога, (потому-что онъ одинъ всепокланяемый Господь можетъ направить васъ на путь истинный) то должны повиноваться рабу Его Абдаллѣ, которому онъ далъ власть, и прійти къ намъ безъ всякаго опасенія. Вы будете нашимъ возлюбленнымъ сыномъ и мы простимъ вамъ прошлое и будемъ считать васъ равнымъ себѣ. Но берегитесь упорствовать и отказываться отъ нашего приглашенія, потому-что тотъ только, кто слушаетъ насъ, будетъ принятъ въ число райскихъ обитателей. Да спасетъ васъ Богъ. Подписано: «Эль Мангудъ Меналла, Эбнъ Сигудъ-Абдалла.»

Прочитавъ письмо это, мы собрали большой военный совѣтъ и обстоятельно взвѣсивши опасности похода съ выгодами союза съ Эбнъ Сигудомъ, Драйги рѣшился воспользоваться его приглашеніемъ. Шейкъ Ибрагимъ спросилъ меня, имѣю ли я столько мужества, чтобъ итти посмотрѣть на этого фанатика?

— Знаю, отвѣчалъ я, что этимъ я подвергнусь опасности болѣе чѣмъ кто другой, по ненависти его къ христіанамъ, но возлагаю упованіе свое на Бога. Умирать должно же когда нибудь, а посвятивъ уже разъ жизнь свою, я готовъ довести до конца начатое дѣло. Желаніе видѣть эту любопытную страну и этого необыкновеннаго человѣка пробудили во мнѣ бодрость.

И такъ, поручивши мою бѣдную мать покровительству Ласкариса въ случаѣ моей смерти, я поѣхалъ съ Драйги. Съ нами были еще второй сынъ его Сагдунъ, племянникъ, двоюродный братъ, два главные начальника и пятеро негровъ; ѣхали мы всѣ на дромадерахъ. Въ отсутствіе отца Захеръ долженъ былъ управлять племенемъ и вести его въ Горанъ навстрѣчу Драйги, который хотѣлъ возвратиться чрезъ Гежіазъ.

союзъ съ Алайаномъ-Эбнъ-Наджедомъ, начальникомъ племени Бугорбе, состоящимъ изъ пяти сотъ шатровъ.

Въ первый разъ мы останавливались у бедуиновъ Бени Тулябъ, которыхъ все состояніе заключается въ нѣсколькихъ ослахъ, а средство жизни въ охотѣ за газелью и страусами. Они одѣваются въ газелевыя шкуры, грубо сшитыя въ родѣ кафтана съ длинными рукавами. мѣхомъ вверхъ, что придаетъ имъ видъ рыжихъ звѣрей; наружность ихъ показалась мнѣ такъ дика, что я ничего невидалъ подобнаго. Они доставили мнѣ удовольствіе видѣть охоту за страусами. Самка страуса кладетъ свои яица въ песокъ, а сама становится на нѣкоторомъ разстояніи, пристально глядя на нихъ; она покрываетъ ихъ, такъ сказать, глазами, никогда не отрывая ихъ отъ гнѣзда. Въ такомъ положеніи она остается неподвижна половину дня, до тѣхъ поръ, пока самецъ не прійдетъ смѣнить ее. Тогда она уходитъ добывать себѣ пищу, а самецъ становится сторожить на ея мѣсто. Когда охотникъ находитъ яйца, то устраиваетъ себѣ изъ камней родъ убѣжища и скрывается тамъ, выжидая удобной минуты. Когда самка остается одна и самецъ далеко отойдетъ отъ нея, такъ что не можетъ уже слышать выстрѣла ружья и поднять тревогу, охотникъ спускаетъ курокъ и бѣжитъ поднять самку, убитую смертельнымъ ударомъ, обтираетъ съ нея кровь и становитъ ее въ прежнее положеніе подлѣ яицъ. Возвращается самецъ и ничего не подозрѣвая приближается занять свой сторожевой постъ, но охотникъ, сидя въ засадѣ убиваетъ и его и уноситъ двойную добычу. Если самецъ догадается объ опасности, то убѣгаетъ чрезвычайно скоро, а когда его преслѣдуютъ, то онъ защищается, вскидывая за собой каменья на пространство ружейнаго выстрѣла и очень сильно. Опасно было бы слишкомъ приближаться къ нему, когда онъ разсерженъ, потому что его чрезвычайная сила и величина можетъ сдѣлать битву гибельною, особенно для глазъ охотника.

Когда пора охоты за страусомъ кончается, бедуины садятся на своихъословъ и ѣдутъ продавать страусовые перья въ Дамаскъ и до Багдада. Когда же кто изъ нихъ вздумаетъ жениться, то отдаетъ половину годовой охоты отцу невѣсты, и тѣмъ уплачиваетъ выкупъ за нее. Бедуины имѣютъ глубокое уваженіе къ памяти Антара и считаютъ себя его потомками, но я незнаю, до какой степени можно вѣрить этимъ притязаніямъ. Они говорили намъ нѣкоторые отрывки изъ его поэмы. Простившись съ ними, мы поѣхали скорымъ шагомъ дромадеровъ и остановились у береговъ обширнаго озера, называемаго Раамъ-Бени-Телляль; оно беретъ свои воды изъ бугра, около котораго мы проходили. На другой день, дошедши до середины безплодной пустыни, мы увидѣли небольшой оазисъ и были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, какъ вдругъ наши дромадеры остановились. Сначала мы подумали,

что они хотятъ отдохнуть въ этомъ мѣстѣ, гдѣ видѣли растительность и сочли за признакъ близости воды. Но вскорѣ мы узнали, что причиною ихъ внезапной остановки былъ инстинктивный страхъ. Ни ласки, ни угрозы, не могли заставить ихъ тронуться съ мѣста. Я сошелъ съ дромадера и пошелъ въ рощу. Картина, которая мнѣ тамъ представилась, заставила меня самого отступить. Мною овладѣлъ невольный ужасъ.

Земля была усѣяна тысячами змѣиныхъ шкуръ разной величины и вида. Однѣ были толщиною въ корабельный канатъ, другія тонки какъ иглы. Поспѣшно мы удалились отъ этого мѣста, благодаря Бога, что видѣли только шкуры этихъ ядовитыхъ гадинъ; въ этотъ день мы ночевали въ открытой степи. Признаюсь, видъ, представившійся мнѣ въ рощѣ, такъ поразилъ мое воображеніе, что я всю ночь не могъ сомкнуть глазъ; мнѣ безпрестанно чудилось, что огромная змѣя скользитъ подъ моимъ шатромъ и поднимаетъ страшную голову къ моему изголовью.

На другой день мы встрѣтили довольно многочисленное племя, состоящее въ подданствѣ у Эбнъ-Сигуда, шедшее изъ Самарканда. Мы тщательно припрятали свои трубки, потому что Эбнъ-Сигудъ строго запрещаетъ куреніе и наказываетъ за ослушаніе смертью. Эмиръ Меджіунъ принялъ насъ весьма радушно и не могъ не выразить своего изумленія, узнавъ, что мы съ такой смѣлостью отдаемся въ руки веггабита, котораго жестокость и вѣроломство онъ представилъ намъ въ ужасномъ видѣ. Эмиръ не скрылъ отъ насъ и того, что намъ предстоятъ большія опасности, и что Эбнъ-Сигудъ не затруднится измѣнить данному слову. Прямодушный и довѣрчивый Драйги повѣрилъ искренности приглашенія, никакъ не подозрѣвая, что Сигудъ можетъ нарушить свое обѣщаніе и теперь началъ уже раскаяваться, въ своей довѣрчивости, но гордость не допустила его возвратиться и мы продолжали путь. Скоро мы доѣхали до Неджде, страны, пересѣкаемой горами и долинами и усѣянной городами, деревнями и кочевьями разныхъ племенъ. Города казались очень древними, и по всѣмъ вѣроятностямъ надобно предполагать, что прежде обитавшіе здѣсь народы были многочисленнѣе и богаче, чѣмъ настоящее населеніе. Въ деревняхъ живутъ бедуины земледѣльцы; земля производитъ въ изобиліи хлѣбъ, овощи и финики. Намъ разсказывали, что древніе обитатели этого края переселились отсюда въ Африку, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ князей Бени Гетала. Повсюду мы находили самое радушное гостепріимство и слышали жалобы на жестокость Эбнъ-Сигуда. Одинъ только страхъ удерживалъ эти народы въ повиновеніи.

Наконецъ, послѣ четырнадцати-дневнаго пути на дромадерахъ (т. е. мы прошли втрое болѣе, чѣмъ проходитъ въ это самое время караванъ на обыкновенныхъ верблюдахъ) мы достигли столичнаго города веггабитовъ. Онъ окруженъ финиковымъ лѣсомъ; деревья стоятъ такъ близко другъ къ другу, что всадникъ съ трудомъ можетъ проѣхать между ихъ стволами, и такимъ образомъ городъ совершенно скрывается за этой оградой. Проѣхавъ лѣсъ мы встрѣтили новую ограду, состоящую изъ финиковыхъ косточекъ, наваленныхъ буграми, похожими на плотины изъ маленькихъ камешковъ. За этими буграми тянулась городская стѣна, проѣхавъ вдоль которой, мы вступили въ ворота, ведущія ко дворцу самаго владѣтеля. Огромный дворецъ этотъ выстроенъ въ два этажа изъ прекрасныхъ бѣлыхъ камней. Эбнъ-Сигудъ, узнавъ о нашемъ прибытіи, велѣлъ насъ проводить въ одну изъ комнатъ дворца, гдѣ намъ подали сытный обѣдъ. Начало, по нашему мнѣнію, имѣло хорошія послѣдствія, и мы радовались, что не поддались недовѣрчивости, которую хотѣли намъ внушить. Вечеромъ, приведя въ порядокъ наше платье, мы явились къ Эбнъ-Сигуду. Это былъ человѣкъ сорока пяти лѣтъ, съ суровымъ взглядомъ, бронзовымъ цвѣтомъ лица и черною бородой; на немъ былъ надѣтъ голебазъ, опоясанный бѣлымъ кушакомъ, на головѣ была бѣлая, съ красными полосами чалма, черный машлахъ накинутъ на лѣвое плечо; въ рукѣ держалъ онъ жезлъ, символъ власти. Вельможи окружали, его сидящаго въ глубинѣ пріемной залы, довольно богато убранной коврами и подушками.

Убранство комнатъ и самая одежда лицъ — все было изъ іеменской шерсти и бумаги. Шелкъ и все, что только напоминало роскошь и обычаи турковъ было имъ запрещено. Я имѣлъ довольно времени для наблюденій, потому что Эбнъ-Сигудъ кратко и холодно отвѣчалъ на привѣтствія Драйги; потомъ мы сѣли и въ молчаніи ожидали, когда онъ начнетъ разговоръ. Но видя, что Эбнъ-Сигудъ въ продолженіе получаса не приказывалъ подавать намъ кофе, и не сглаживалъ своихъ морщинъ, Драйги началъ говорить:—Вижу я, о сынъ Сигуда, что ты принимаешь насъ не такъ, какъ мы имѣемъ право ожидать. Мы шли по вашей землѣ и взошли подъ твою кровлю по твоему приглашенію. Если ты имѣешь что противъ насъ, то говори не скрывая ничего. Эбнъ-Сигудъ, бросивъ на него огненный взглядъ, отвѣчалъ: Да, конечно, я многое имѣю противъ васъ; преступленія ваши непростительны. Вы возстали противъ меня и отказались мнѣ повиноваться; вы разорили въ Галилеѣ племя Закрера, зная, что оно находится подъ моимъ покровительствомъ. Вы убѣдили бедуиновъ къ возстанію противъ меня. Вы разбили мои войска, опустошили мои поля и вступили въ союзъ съ

моими смертельными врагами турками, этими идолопоклонниками, извергами, развратниками. Потомъ, одушевляясь все болѣе и болѣе, онъ возводилъ обвиненіе за обвиненіемъ, сыпалъ брань за бранью; бѣшенство его вышло изъ границъ и онъ кончилъ приказаніемъ выйти вонъ и ожидать его повелѣній. Я видѣлъ, какъ воспламенялось лице Драйги, ноздри его раздувались, каждую минуту я ожидалъ вспышки безсильнаго гнѣва, который могъ бы довести Эбнъ-Сигуда до послѣдней крайности; но видя себя безъ всякой защиты, онъ удержался, и вставая съ достоинствомъ удалился медленно, размышляя о томъ, что ему должно дѣлать. Все трепетало предъ яростью Эбнъ-Сигуда.

Двое сутокъ оставались мы въ отведенной намъ комнатѣ, въ совершенной неизвѣстности о своей участи. Никто не приходилъ къ намъ, даже тѣ, которые казалось принимали въ насъ участіе. Каждую минуту мы ожидали прихода тѣлохранителей Эбна-Сигуда, готовыхъ убить насъ, и напрасно придумывали средства вырваться изъ когтей кровожаднаго тирана. На третій день Драйги сказалъ, что для него смерть лучше чѣмъ неизвѣстность, и послалъ за однимъ изъ министровъ виггабита по имени Абу-Эль-Салемъ и сказалъ ему. «Поди, передай мои слова твоему повелителю: То, что онъ хочетъ съ нами сдѣлать, пусть дѣлаетъ скорѣе, я укорять его не буду, и никого не буду обвинять кромѣ себя въ томъ, что отдался въ его руки.—Абу-Эль-Салемъ повиновался, но не возвращался, и вмѣсто всякаго отвѣта мы увидѣли двадцать пять вооруженныхъ негровъ, поставленныхъ у нашихъ дверей. Мы окончательно сдѣлались плѣнниками. Сколько разъ я проклиналъ свое глупое любопытство, изъ-за котораго добровольно бросился на погибель. Драйги не боялся смерти, но неволя была для него невыносима. Большими шагами онъ ходилъ по комнатѣ во всѣ стороны, какъ левъ передъ дверями своей клѣтки.

Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: я хочу кончить разомъ, поговорить съ Эбнъ-Сигудомъ, укорить его въ измѣнѣ. Вижу, что кротость и терпѣніе безполезны. Я хочу по крайней мѣрѣ умереть съ честью.

Онъ снова послалъ звать Абу-эль-Салема, и какъ только увидѣлъ его, сказалъ: Ступай опять къ своему повелителю, скажи, что по закону бедуиновъ, я требую права говорить съ нимъ. Ему будетъ еще время исполнить свое желаніе и послѣ того какъ меня выслушаетъ.—Виггабитъ согласился на свиданіе, и Эль-Салемъ проводилъ насъ къ нему. Онъ не приглашалъ насъ сѣсть и не отвѣчалъ на обычное привѣтствіе. —Ну, что вамъ надобно? грубо спросилъ онъ. Драйги выпрямившись отвѣчалъ: Я пріѣхалъ къ тебѣ, о сынъ Сигуда, повѣривъ твоимъ обѣщаніямъ, въ сопровожденіи только десяти человѣкъ, тогда какъ я повелѣваю

тысячами воиновъ. Мы въ вашихъ рукахъ безъ всякой защиты, между тѣмъ какъ вы въ срединѣ вашихъ владѣній и въ силахъ сокрушить насъ въ прахъ; но знай, что отъ границъ Индіи, до предѣловъ Неджде, въ Персіи, Бассорѣ, Месопотаміи, въ Гемодѣ, двухъ Сиріяхъ, Галилеѣ и Горанѣ каждый потребуетъ отъ тебя отчета за кровь мою и будетъ за меня мстителемъ. Если ты истинный повелитель бедуиновъ, какъ говоришь, то какъ же ты унижаешь себя измѣной; это подлое ремесло свойственно только туркамъ. Сила не прибѣгаетъ къ измѣнѣ, но ею пользуется только подлость и безсиліе. Ты хвалишься своими войсками и утверждаешь, что твое могущество дано самимъ Богомъ; если ты нехочешь помрачить вашей славы, то отпусти меня и сражайся со мною открытою силой. Но употребляя во зло мою довѣренность, вы только обезчестите самаго себя, сдѣлаете себя предметомъ презрѣнія и будете причиной паденія вашего могущества. Я кончилъ, дѣлай теперь какъ хочешь, но прійдетъ день, когда ты раскаешься; я только одинъ изъ тысячи, и смерть моя неуменьшитъ моего племени, неистребитъ рода Шаллановъ. Сынъ мой Захеръ замѣнитъ меня. Онъ остался повелѣвать моими бедуинами и отмститъ за кровь мою. Я предупреждаю тебя, пусть глаза твои видятъ истину.

Эбнъ-Сигудъ игралъ бородой и мало по малу успокоивался. Наконецъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ сказалъ: Ступайте съ миромъ, вы ничего неувидите кромѣ добраго.

Мы возвратились, но за нами непереставали присматривать. Этотъ первый успѣхъ ободрилъ придворныхъ Эбнъ-Сигуда. Они съ ужасомъ слушали смѣлыя слова Драйги и удивлялись, какъ могъ снести ихъ этотъ тиранъ. Они стали сближаться съ нами, и Абу-Эль-Салемъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Однако я неслишкомъ былъ спокоенъ на свой счетъ. Конечно, я былъ увѣренъ, что Эбнъ-Сигудъ не осмѣлится поступить съ Драйги слишкомъ дурно, но мщеніе его могло обрушиться на одного меня. Я сообщилъ опасенія свои Драйги, но тотъ успокоилъ меня, поклявшись, что они могутъ взять меня только перешагнувши чрезъ его трупъ, и что я первый выйду изъ воротъ Доркиша (резиденціи Эбнъ-Сигуда). На другой день Эбнъ-Сигудъ позвалъ насъ, принялъ насъ весьма благосклонно и велѣлъ подать кофе. Вскорѣ послѣ этого, онъ сталъ распрашивать Драйги о лицахъ, которыя сопровождали его. Наступила и моя очередь, подумалъ я, и сердце мое забилось сильнѣе, однакожъ я ободрился. и когда Драйги назвалъ меня, Эбнъ-Сигудъ обращаясь ко мнѣ сказалъ. — Такъ ты Абдалла христіанинъ? и послѣ моего утвердительнаго отвѣта, продолжалъ: Я знаю дѣла твои

лучше, чѣмъ ты самъ. — Пуля въ ружьѣ мала, сказалъ я, но убиваетъ людей. Онъ улыбнулся.

— Я съ трудомъ вѣрю всему тому, что говорятъ о тебѣ; мнѣ хочется, чтобъ ты отвѣчалъ мнѣ откровенно, что за цѣль вашего союза, о которомъ вы хлопочете столько лѣтъ?

— Эта цѣль самая простая, отвѣчалъ я, мы хотѣли соединить всѣхъ сирійскихъ бедуиновъ подъ властію Драйги, чтобъ противоставить ихъ туркамъ. Вы видите, что мы такимъ образомъ поставляемъ непреодолимую преграду между вами и вашими врагами.

— Очень хорошо, сказалъ онъ, но если это такъ, то для чего вы старались уничтожить мои войска подъ Гамою?

— Потому что вы препятствовали нашимъ предпріятіямъ. Мы работаемъ не для васъ, но для Драйги. Утвердивши власть его въ Сиріи, Месопотаміи, до самой Персіи, мы хотѣли заключить съ вами союзъ, и чрезъ это наслаждаться совершенною независимостью. Дѣти одного народа, мы должны защищать одну цѣль, и пришли именно для утвержденія неразрывнаго союза. Ты принялъ насъ обиднымъ образомъ, Драйги укорялъ тебя въ этомъ въ свою очередь обидными словами, но намѣренія наши искренни, мы вамъ доказали это тѣмъ, что безъ всякаго оружія пріѣхали къ вамъ. Пока я говорилъ, лицо Эбнъ-Сигуда прояснилось; когда окончилъ, то онъ сказалъ мнѣ: Я доволенъ тобою. Потомъ обратившись къ своей прислугѣ велѣлъ подать три чашки кофе. Остальное время нашего посѣщенія прошло еще лучше, и мы возвратились въ полномъ удовольствіи.

Вечеромъ мы были приглашены на обѣдъ къ одному изъ министровъ Эбнъ-Сигуда—Адрамуту, который по секрету разсказалъ намъ о жестокости своего повелителя и общей къ нему ненависти. Онъ говорилъ намъ также о его безмѣрномъ богатствѣ. Сокровища, которыми онъ завладѣлъ при ограбленіи Мекки, неисчислимы.

Съ самаго начала Гежиры мусульманскіе владѣтели, Камгфы, султаны и персидскіе шахи ежегодно посылали къ гробу магомеда значительныя пожертвованія, лампы, золотые канделабры, драгоцѣнные камни, кромѣ того что были приношенія и отъ прочихъ мусульманъ. Одинъ тронъ, пожертвованный Персидскимъ шахомъ, весь изъ цѣльнаго золота, покрытый жемчугомъ и алмазами, не имѣетъ цѣны. Каждый владѣтель присылаетъ туда корону, украшенную дорогими камнями, которая вѣшается подъ сводомъ мечети. Такихъ коронъ было безчисленное множество, когда Эбнъ-Сигудъ напалъ на Мекку. Одинъ алмазъ ве-

личиною съ орѣхъ, вдѣланный въ гробницу Магомета, считался неоцѣнимымъ.

Когда подумаешь, сколько вѣковъ накоплялись богатства въ этомъ мѣстѣ, то неудивляешься, что Эбнъ-Сигудъ привелъ четыреста верблюдовъ, навьюченныхъ одними драгоцѣнными камнями, несчитая золотыхъ и серебряныхъ вещей. Присоединя къ этимъ несмѣтнымъ сокровищамъ дань съ союзныхъ народовъ и принявъ въ соображеніе то, что Эбнъ-Сигудъ не дѣлаетъ никакихъ расходовъ, строго запрещая роскошь въ своихъ владѣніяхъ, надобно полагать, что онъ богаче всѣхъ государей на земномъ шарѣ. Эбнъ-Сигудъ и на военныя предпріятія не дѣлаетъ никакихъ издержекъ; во время войны каждое племя снабжаетъ съѣстными припасами войско на свой счетъ и принимаетъ на себя всѣ расходы безъ малѣйшаго вознагражденія. На другой день я чувствовалъ, что снова получилъ свободу, и весь день прогулялъ, осматривая городъ Доркишъ и его окрестности. Всѣ зданія здѣсь выстроены изъ бѣлаго камня; жителей въ городѣ было семь тысячъ, все почти родственники и придворные Эбнъ-Сигуда. Ремесленниковъ нѣтъ вовсе, исключая оружейниковъ и кузнецовъ, и тѣхъ очень немного. Продажи никакой нѣтъ, даже съѣстныхъ припасовъ. Каждый живетъ своимъ хозяйствомъ, имѣетъ землю, производящую хлѣбъ, овощи и плоды, и держитъ нѣсколько куръ. Многочисленныя стада ихъ пасутся въ долинѣ, и каждую среду жители іемена и Мекки приходятъ мѣнять свои товары на скотъ. Этотъ родъ базара составляетъ единственную торговлю въ здѣшнемъ краѣ. Женщины выходятъ безъ покрывалъ, но накидываютъ на голову черные машлахи, что очень некрасиво; къ тому же онѣ вообще дурны собой и чрезвычайно смуглы. Сады расположены въ прекрасной долинѣ близъ города, со стороны, противоположной той, по которой мы проѣзжали, и даютъ превосходнѣйшіе въ мірѣ плоды: бананы, померанцы, гранаты, винны ягоды, яблоки, дыни, и проч. Тутъ же растетъ ячмень и маисъ. Обработываніе производится весьма старательно. На другой день Эбнъ-Сигудъ снова позвалъ насъ, благосклонно принялъ и распрашивалъ меня объ европейскихъ государяхъ и въ особенности о Наполеонѣ, къ которому обнаруживалъ глубочайшее уваженіе. Разсказъ оего побѣдахъ приводилъ его въ восхищеніе. Прежнія мои бесѣды съ Ласкарисомъ дали мнѣ возможность разсказать объ немъ много подробностей.

Разсыпаясь болѣе и болѣе въ ругательствахъ противъ турковъ, онъ порицалъ употребленіе трубки, вина и нечистыхъ животныхъ. Я считалъ себя счастливымъ, что такъ искусно отдѣлался отъ опасныхъ вопросовъ и осмѣлился уже противорѣчить ему въ незначащихъ предметахъ, и увѣрялъ его, что я тоже не терплю употребленіе этой сквер-

ной травы, (такъ называлъ онъ табакъ), этимъ я заставилъ даже улыбнуться Драйги, хорошо знавшаго, какъ тяжело для меня лишеніе табаку, и что я пользовался каждою минутой, когда могъ безнаказанно вынимать мою возлюбленную трубку; особенно въ этотъ день я чувствовалъ большую нужду въ ней, утомившись продолжительнымъ разговоромъ и отяжелѣвши отъ Мокскаго кофе.

Эбнъ-Сигудъ казалось былъ восхищенъ нашею бесѣдой и сказалъ мнѣ: «Я вижу теперь, что вѣкъ живи, вѣкъ учись: я думалъ прежде, что франки пребезтолковый народъ, но теперь нахожу, что они гораздо лучше турокъ.» Впрочемъ, Эбнъ-Сигудъ человѣкъ не безъ свѣдѣній и необыкновенно краснорѣчивъ, но фанатикъ въ религіозныхъ понятіяхъ своихъ. Онъ имѣетъ одну законную жену и одну невольницу, двухъ сыновей женатыхъ и одну дочь еще молоденькую. Пищу употребляетъ онъ только приготовленную его женщинами, опасаясь быть отравленнымъ. Охраненіе его замка поручено тысячѣ негровъ, хорошо вооруженныхъ. Сверхъ того онъ можетъ собрать въ своемъ государствѣ сто пятьдесятъ тысячъ бедуиновъ, способныхъ носить оружіе. Если онъ хочетъ кого назначить правителемъ области, то призываетъ избраннаго имъ въ эту должность и приглашаетъ обѣдать съ собой; послѣ обѣда они вмѣстѣ дѣлаютъ омовенія и молятся; потомъ Эбнъ-Сигудъ, надѣвая на него саблю, говоритъ ему:

«Я выбираю тебя, по волѣ Божіей, управлять его рабами; будь человѣколюбивъ и правосуденъ!» Потомъ онъ даетъ ему отъ своего имени указъ, которымъ повелѣваетъ жителямъ во всемъ повиноваться правителю, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія за ослушаніе.

На слѣдующій день мы пошли осматривать конюшни, и увидѣли, что лучше его лошадей едвали можно гдѣ найти. Сначала намъ показали восемьдесятъ бѣлыхъ кобылъ, поставленныхъ въ рядъ; онѣ были красоты безподобной и такъ хорошо подобраны, что нельзя было отличить одну отъ другой; шерсть ихъ, блестящая какъ серебро,—ослѣпительна для глазъ. Сто двадцать другихъ различной масти, но одинаково красивыхъ, занимали другое зданіе. Не смотря на отвращеніе мое къ лошадямъ, со времени описаннаго уже мною приключенія, едва нестоившаго мнѣ жизни, я не съ меньшимъ удовольствіемъ осматривалъ конюшни.

Въ этотъ вечеръ мы ужинали у начальника Гедала, помирившагося съ Драйги. Знаменитый Абу-Нокта находился тутъ же и былъ очень внимателенъ къ Драйги. Нѣсколько дней мы тайно сбирались толковать о нашихъ дѣлахъ съ Эбнъ-Сигудомъ. Подробности объ нихъ были бы излишни, довольно только то, что союзъ между имъ и Драйги былъ

заключенъ ко взаимному ихъ удовольствію, и Эбнъ-Сигудъ объявилъ, что отнынѣ оба они будутъ жить одною душой. По окончаніи переговоровъ, онъ въ первый разъ пригласилъ насъ обѣдать съ собой, и самъ отвѣдывалъ прежде каждое кушанье. Я сдѣлалъ себѣ изъ дерева ложку и вилку, разостлалъ свой платокъ въ родѣ скатерти, и принялся ѣсть по европейскому обыкновенію, что очень забавляло Эбнъ-Сигуда, потому что онъ не видалъ никогда, чтобъ ѣли иначе какъ пальцами. «Слава Богу, сказалъ онъ, всякій народъ считаетъ свои обычаи лучшими, и всякій такимъ образомъ доволенъ своимъ состояніемъ.—Отъѣздъ нашъ назначенъ былъ на слѣдующій день. Эбнъ-Сигудъ прислалъ намъ въ подарокъ семь лучшихъ кобылъ своихъ. Ихъ вели столько же черныхъ невольниковъ, сидѣвшихъ на верблюдахъ. Когда каждый изъ насъ получилъ свой подарокъ, то намъ подали саблю, клинокъ которой былъ очень хорошъ, но ножны безъ всякихъ украшеній. Онъ также велѣлъ раздать нашей прислугѣ простыя сабли, машлахи и сто таларовъ.

Мы простились съ Эбнъ-Сигудомъ съ обычными церемоніями, и чиновники его провожали насъ за ворота города. У самыхъ воротъ Драйги остановился и предложилъ мнѣ ѣхать первому. Улыбнувшись, онъ сказалъ, что хочетъ исполнить свое обѣщаніе. Мы отправились къ странѣ Гежіазъ, и каждую ночь проводили въ шатрахъ кочевавшихъ по дорогѣ племенъ. На пятые сутки, переночевавши подъ шатрами племени Эль-Генади, мы поднялись съ восходомъ солнца и вышли сѣдлать своихъ дромадеровъ, но къ великому удивленію нашему головы ихъ были такъ зарыты въ песокъ, что не было никакой возможности освободить ихъ оттуда. Мы позвали на помощь бедуиновъ, и они объяснили намъ, что верблюды скрываются такимъ образомъ, чуя приближеніе самума, который немедленно поднимется, и что если мы пустимся теперь въ дорогу, то обречемъ себя на вѣрную смерть. Въ продолженіе всей бури нельзя принудить верблюдовъ оставить это положеніе ни для пищи, ни для питья, хотя бы она продолжалась нѣсколько дней. Провидѣніе вложило въ нихъ этотъ инстинктъ сохраненія, необманывающій ихъ никогда. Мы раздѣляли общій ужасъ, когда узнали о предстоявшей намъ опасности и спѣшили принять всѣ предосторожности, какія намъ указали.

Лошадей своихъ мы поставили въ безопасное мѣсто, покрыли имъ головы и заткнули уши, иначе они могли бы задохнуться мелкою всепроницающею пылью, крутящеюся съ сильнымъ вѣтромъ. Люди собираются въ свои шатры, тщательно закрываютъ всѣ отверзтія и запасшись водою близко ставятъ ее отъ себя, чтобъ въ случаѣ надобности рука могла достать, ложатся на землю закрывая головы машлахами, и

остаются въ такомъ положеніи во все время страшнаго урагана. Въ это утро весь станъ былъ въ сильномъ смятеніи; каждый бедуинъ принималъ мѣры обезопасить свой скотъ, и потомъ спѣшилъ подъ свой шатеръ.

Едва успѣли мы укрыть нашихъ прекрасныхъ кобылъ Неджде, какъ начался ураганъ. Яростные порывы вѣтра наносили цѣлыми тучами красный, жгучій песокъ, который стремительно крутился, опрокидывая все встрѣчавшееся ему на пути и засыпая чего не могъ увлечь съ собою. Коснувшись тѣла, онъ обжигалъ его какъ раскаленное желѣзо. Вода, приготовленная нами для питья, сдѣлалась горяча; температура воздуха въ шатрѣ превосходила жаръ турецкой бани. Буря продолжалась десять часовъ съ страшною свирѣпостью и потомъ постепенно затихала въ продолженіе шести часовъ, — еще одинъ часъ, и мы всѣ бы задохлись. Когда совершенно стихло, мы рѣшились выйти изъ нашихъ шатровъ, гдѣ ожидало насъ ужасное зрѣлище: пятеро дѣтей, двѣ женщины и одинъ мужчина лежали мертвые на горячемъ еще пескѣ. У многихъ бедуиновъ лица почернѣли отъ обжоги, какъ-будто были въ огнѣ. Когда самумъ дуетъ въ голову, кровь ручьемъ льетъ изо рта и ноздрей, лице пухнетъ и чернѣетъ, и вскорѣ человѣкъ умираетъ. Мы благодарили Господа, что этотъ страшный бичъ не застигъ насъ середи степи. Простившись съ племенемъ Генади, мы въ двѣнадцать часовъ достигли своего племени, гдѣ я обнялъ шейка Ибрагима съ истинною любовью сына; нѣсколько дней провели мы въ разсказахъ о нашихъ приключеніяхъ и когда я отдохнулъ хорошенько отъ нашихъ трудовъ, Ласкарисъ сказалъ мнѣ:

— Ну, любезный сынъ мой, теперь намъ здѣсь дѣлать нечего; слава Богу, все кончено, и предпріятіе наше удалось даже лучше, чѣмъ я надѣялся; теперь надо отдать отчетъ въ исполненіи нашего порученія.

Мы разстались съ нашими друзьями, надѣясь опять увидѣть ихъ вскорѣ снова дѣйствующими на поприщѣ, которое мы имъ открыли и на которомъ уравняли путь для нихъ. Проходя черезъ Дамаскъ, Алеппо и Караманію, чрезъ девяносто дней мы прибыли въ Константинополь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Въ этомъ трудномъ путешествіи я потерялъ свою прекрасную кобылу Неджде, подарокъ Эбнъ-Сигуда, которую думалъ продать за тридцать тысячъ піастровъ; но это было еще начало ожидавшихъ насъ несчастій. Чума опустошала Константинополь; генералъ Андресси помѣстилъ насъ въ Кегатъ-Канé, гдѣ пробыли мы три мѣсяца въ карантинѣ. Это было въ то время, какъ мы узнали о пожарѣ Москвы и объ отступленіи французовъ. Ласкарисъ былъ въ отчаяніи,

и не зналъ, что предпринять. Послѣ двухъ мѣсяцевъ неизвѣстности, онъ рѣшился возвратиться въ Сирію и ожидать окончанія этихъ переворотовъ. Мы сѣли на корабль, нагруженный хлѣбомъ. Страшная буря прибила насъ къ Хіосскому берегу, гдѣ мы снова встрѣтили чуму. Г. Бурвиль, французскій консулъ, доставилъ намъ квартиру, гдѣ мы пробыли въ заперти два мѣсяца.

Потерявъ все свое достояніе во-время бури, и не имѣя ни съ кѣмъ сообщенія, по случаю заразы, мы остались почти безъ платья, и претерпѣвали крайнюю нужду. Наконецъ открылось сообщеніе. Ласкарисъ получилъ письмо отъ генеральнаго консула въ Смирнѣ, приглашавшаго его пріѣхать для переговоровъ съ генералами Лалльманомъ и Савари, и рѣшился отправиться туда, а мнѣ позволилъ въ это время побывать у моей бѣдной матери, которую я не видалъ уже шесть лѣтъ.

Мои послѣднія приключенія не имѣютъ ничего интереснаго, и я пропускаю этотъ промежутокъ времени отъ разлуки моей съ Ласкарисомъ до возвращенія въ Сирію, и оканчиваю разсказъ мой печальной развязкой. Живя въ Латакіе съ моей бѣдной матерью, я ежедневно ожидалъ прибытія какого нибудь корабля, который могъ бы меня перевезти въ Египетъ, куда Ласкарисъ приказалъ мнѣ пріѣхать для свиданія съ нимъ. Однажды я увидѣлъ пріѣхавшій французскій военный бригъ и побѣжалъ спросить, нѣтъ ли мнѣ писемъ, и тутъ узналъ печальную новость о смерти моего благодѣтеля, постигшей его въ Каирѣ. Не могу выразить моего отчаянія. Я чувствовалъ къ Ласкарису любовь сына, и кромѣ того, съ нимъ потерялъ я всю мою будущность. Г. Дроветти, французскій консулъ въ Александріи писалъ ко мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему, какъ можно скорѣе. Сорокъ дней не находилъ я случая сѣсть на корабль, и когда пріѣхалъ въ Александрію, Дроветти уѣхалъ уже въ верхній Египетъ. Я послѣдовалъ за нимъ и нашелъ его въ Аскутѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что Ласкарисъ пріѣхалъ въ Египетъ съ англійскимъ паспортомъ, и г. Сальтъ, англійскій консулъ, завладѣлъ всѣмъ его имуществомъ. Онъ убѣдилъ меня обратиться къ Сальту за уплатой мнѣ жалованья (по пяти сотъ талеровъ въ годъ), которые мнѣ слѣдовали за шесть лѣтъ, и особенно приказывалъ мнѣ настаивать объ отдачѣ путевыхъ записокъ Ласкариса, документа очень важнаго.

Я отправился оттуда прямо въ Каиръ; Сальтъ принялъ меня очень холодно и сказалъ, что Ласкарисъ умеръ подъ покровительствомъ Англіи, и что онъ отослалъ туда все имущество и бумаги покойнаго. Всѣ мои хлопоты были безполезны. Долго пробылъ я въ Каирѣ, надѣясь, что мнѣ уплатятъ жалованье и возвратятъ бумаги Ласкариса. Но Сальтъ

грозился задержать меня посредствомъ египетскаго правительства, и только благодаря великодушной защитѣ г. Дроветти, я избѣгнулъ этой опасности.

Утомленный наконецъ этою безполезною борьбой я оставилъ Египетъ и возвратился въ Латакіе къ своему семейству еще несчастнѣе и бѣднѣе, чѣмъ въ то время, когда разставался съ нимъ, въ первый разъ уѣзжая изъ Алеппо.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Статья вторая.

—

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ: ВЪ РУССКУЮ КАРЕЛІЮ ВЪ 1839 И ВЪ ЛАПЛАНДІЮ, СѢВЕРНУЮ РОССІЮ И ВЪ СИБИРЬ ВЪ 1841 И 1844 ГОДАХЪ.

По возвращеніи изъ Лапландіи, Кастрéнъ узналъ, что Императорская Академія Наукъ готовитъ ученую экспедицію въ Сибирь, и что для этой экспедиціи хотятъ пригласить фина, котораго обязанностью будетъ—изучать языки и этнографію различныхъ племенъ, живущихъ въ Сибири и племенъ родственныхъ финскому. Въ надеждѣ получить это мѣсто, Кастрéнъ обратился къ своему соотечественнику, Шегрену, служащему при Академіи, и слѣдствіемъ ихъ переписки было то, что Кастренъ началъ готовиться къ этому путешествію, что продолжалось до весны 1839 года. Въ это время Шегренъ увѣдомилъ Кастрена, что приготовленія къ ученой экспедиціи прекращены, и что онъ не знаетъ, когда они возобновятся, а потому и совѣтовалъ Кастрéну продолжать свои занятія, не стѣсняясь этою экспедиціею. Получивъ это извѣстіе, Кастрéнъ обратился къ финскому литературному обществу, прося его дать ему средства посѣтить кареловъ, живущихъ въ Архангельской губерніи. Общество выдало Кастрéну 300 рублей ассигнаціями, и въ началѣ мая онъ оставилъ Гельсингфорсъ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей.

Цѣль путешествія было собраніе пѣсень, сагъ, разсказовъ и всего, что могло относиться до Калевалы, потому-что Кастрéнъ давно имѣлъ намѣреніе написать финскую миѳологію и перевести калевалу на шведскій языкъ.

Изъ Гельсингфорса Кастрéнъ отправился въ Куопіо, а оттуда въ Каіану. Наблюдая внѣшнюю и внутреннюю жизнь карелъ, путникъ невольно переносится во времена давнопрошедшія. Карелы очень любятъ пѣсни, саги и сказки временъ давноминувшихъ. Кастрéнъ обратилъ свое вниманіе преимущественно на саги, изъ которыхъ онъ приводитъ одну, а именно, что древніе фины, подобно лапландцамъ, остякамъ и другимъ племенамъ, имъ родственнымъ, обожали извѣстныя деревья. Относительно финовъ эта сага подтверждается одною изъ буллъ папы Григорія IX, въ которой сказано, что тавастцы заганивали до смерти вокругъ своихъ священныхъ деревъ тѣхъ людей, которые принимали христіанство. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь еще фины съ уваженіемъ смотрятъ на извѣстныя деревья, и не охотно срубаютъ ихъ.

Большая часть сагъ, собранныхъ Кастрéномъ въ финской Карелiи, имѣютъ миѳическое основаніе, и очень сильно пропитаны магическими понятіями. Саги историческаго содержанія относятся преимущественно къ древнимъ обитателямъ страны — лапландцамъ, и очень похожи на тѣ, которыя Кастрéнъ собралъ въ Лапландіи. Разсказы о Лаурукайненѣ, который въ Карелiи называется Ларикка, очень въ ходу, и многіе подвиги, которые лапландцы приписываютъ роду Пейвіе, здѣсь совершилъ Ларикка, тоже въ бояхъ противъ русскихъ.

Замѣчателенъ разсказъ о мальчикѣ и о Маналайненѣ, который Кастрéнъ слышалъ отъ одной старухи въ деревнѣ Іоткумаа, населенной финами православнаго исповѣданія, и куда Кастрéнъ отправился для того, чтобы слышать двухъ знаменитыхъ пѣвцовъ; но ему впрочемъ не удалось узнать ихъ пѣсень, потому-что пѣвцы съ бóльшею частію жителей деревни оставили свои домы при приближеніи Кастрена.

«Одинъ мальчикъ, говорила старуха, забралъ себѣ въ голову, что онъ долженъ сдѣлаться великимъ и знаменитымъ пѣвцомъ. Для исполненія своего намѣренія, онъ учился у самыхъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, но всѣ они единогласно сказали о немъ, что онъ не можетъ изучить благороднаго искусства пѣнія. Огорченный этимъ, мальчикъ день и ночь думалъ объ исполненіи своего желанія. Но не смотря на всѣ его старанія, онъ все оставался плохимъ пѣвцомъ. Однажды, когда мальчикъ сидѣлъ погруженный въ печальныя размышленія, передъ глазами его внезапно явился незнакомый ему человѣкъ. Это былъ Маналайненъ, который спросилъ его о причинѣ печали. Когда мальчикъ

разсказалъ ему все, Маналайненъ взялъ его за руку и увелъ далеко, далеко въ пустыню. Когда они пришли къ самому мрачному мѣсту пустыни, Маналайненъ исчезъ также внезапно, какъ и явился, предоставивъ мальчика на произволъ суьбы. Въ сердцѣ одинокаго и оставленнаго въ пустынѣ мальчика пробудилась истинная печаль, которая и излилась въ пѣсняхъ, самыхъ прекрасныхъ изъ всѣхъ, когда либо выдуманныхъ человѣкомъ.»

Въ этой части Карелiи Кастрéнъ оставался недолго; повидавшись съ Леннротомъ, онъ оставилъ Каiана, и перейдя черезъ русскую границу, достигъ вскорѣ до деревни Кольвассарви, въ Олонецкой губернiи, а оттуда до села Репола, гдѣ собралъ нѣсколько рунъ эпическаго и магическаго содержанiя. Говорили, что въ этомъ мѣстѣ живетъ прекрасный пѣвецъ; но его не удалось Кастрену слышать, потому-что онъ былъ въ отсутствiи.

Въ деревняхъ Мiйноа и Лусмантали Кастрéнъ собралъ много рунъ и отсюда направилъ путь свой въ Аконiани, въ Архангельской губернiи. Въ этой послѣдней деревнѣ Кастрéнъ собралъ до сорока волшебныхъ рунъ и множество сагъ и разсказовъ.

Большая часть сагъ, собранныхъ имъ здѣсь, относилась къ лапландцамъ. Между прочимъ разсказывали, что во времена давнопрошедшiя, когда не цари, а князья владычествовали въ Москвѣ, въ Аконiани жили два превосходные лапландскiе шамана, которые вылечили одного умиравшаго князя, и въ награду за то получили исключительныя права: одинъ шаманъ на рыбную ловлю въ Лусманлато, а другой— на лисью охоту въ Серкинимъ. Далѣе разсказываютъ, что нѣкоторые приграничные житези финскiе уничтожили лапландцевъ и присвоили себѣ ихъ владѣнiя, не смотря на то, что лапландцы хотѣли добровольно отдать ихъ финамъ. Вообще здѣсь существуетъ преданiе, что лапландцы были древнѣйшими обитателями здѣшней страны, и что фины уничтожили ихъ мало по малу въ такъ называемыхъ warastus sodat, peitto-sodat (воровскiя войны, тайныя войны). Въ Аконiами показывали Кастрéну нѣкоторыя древности лапландскаго происхожденiя, каковы напримѣръ, Lapin rauniot (лапландскiя кучи), но, по мнѣнiю Кастрéна, древность ихъ сомнительна. Лапландскими кучами называютъ остатки жилищъ древнихъ лапландцевъ, а равно груды камней всякаго рода, имѣющiя странную форму, не разбирая природа или рука человѣка произвела ихъ; въ особенности это названiе придаютъ грудамъ камней, означающихъ мѣсто погребенiя и очень часто встрѣчаемыхъ въ Финляндiи, но происхожденiе послѣднихъ большею частiю скандинавское. Впрочемъ старыя печи и очаги, принадлежавшiе хижинамъ финскихъ охотниковъ и

рыбаковъ, а также и мѣста, служившія убѣжищемъ въ военное время, часто доказываютъ путешественникамъ за-лапландскія кучи. Въ окрестностяхъ Каіана и въ Русской Карелiи Кастрéнъ видѣлъ такъ называемыхъ Lapit haudat (лапландскія ямы), служившія, по преданію, жилищемъ для лапландцевъ и имѣющія большое сходство съ хижинами, которыя Кастрéнъ видѣлъ въ малолѣсныхъ частяхъ Лапландіи. Хижины эти состоятъ изъ ямъ, покрытыхъ конусообразными крышами изъ дерева, камня или торфа. Преданіе говоритъ, что такія же крыши были прежде и у лапландскихъ ямъ, встрѣчаемыхъ въ Сѣверной Финляндіи и Карелiи. На полу этихъ ямъ находятъ уголь, золу, обожженные камни, желѣзные шлаки, заржавѣвшія вещи и прочее, что подтверждаетъ справедливость преданія. Въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи и Россіи встрѣчается другой родъ ямъ, которыя служили лапландцамъ для ловли оленей. Въ приходѣ Вуоккиніеми Кастрéнъ слышалъ преданіе объ одномъ королѣ лапландцевъ, который будто бы жилъ въ окрестностяхъ нынѣшняго города Кемо; утверждаютъ даже, что до сихъ поръ видны развалины замка этого короля.

Сагъ объ Jatulin kansa или объ Jättiläiset и Hiidet, столь обыкновенныхъ въ Финляндіи, Кастрéнъ не нашелъ здѣсь, по названію мѣстъ, происходящихъ отъ Hiisi (множ. число Hiidet) встрѣчаются и здѣсь часто. Нѣкоторыя названія мѣстностей въ Русской Карелiи произошли отъ тавастцовъ, (деревня Нäme и проч.), что заставляетъ предполагать, что колонисты изъ тавастцовъ поселились въ Русской Карелiи. Это предположеніе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что жители деревни Латваіерми выдаютъ себя за Тавастскую колонію, пережившую на русской почвѣ болѣе шести поколѣній. Во многихъ другихъ деревняхъ, принадлежащихъ къ приходу Віоккиніеми, Кастрéнъ встрѣчалъ фамиліи, которыя ведутъ свое начало изъ различныхъ частей Финляндіи, но, по его мнѣнію, коренные жители страны происходятъ не отъ финовъ и не отъ лапландцевъ, а хотъ остатковъ древнихъ біармцевъ или Заволжской Чуди русскихъ границъ.

Миѳическія преданія въ Русской Карелiи встрѣчаются очень рѣдко. Кастренъ думаетъ, что у финовъ, какъ и въ Русской Карелiи, всѣ значительные миѳы перешли въ пѣсни, и съ большимъ трудомъ можно отыскать какую нибудь миѳическую сагу въ формѣ разсказа, да и эти саги большею частію относятся къ самымъ обыкновеннымъ происшествіямъ.

Весьма значительная часть сказокъ, которыя въ ходу въ Карелiи, заимствованы отъ русскихъ, и въ нихъ дѣйствуютъ цари, царскіе сыновья и дочери, бояре, богатыри и проч. Однѣ изъ нихъ напоминаютъ

«Тысячу и одну ночь», а другія носятъ на себѣ германскій отпечатокъ. Кастрéнъ нашелъ здѣсь даже сказку, которая очень напоминаетъ Улисса въ пещерѣ Полифема. Героя карельской сказки стережетъ въ башнѣ кривой великанъ; чтобъ освободиться изъ замка, карельскій герой употребляетъ ту же хитрость, какъ и греческій: ночью онъ выкалываетъ здоровый глазъ великану, и когда великанъ на слѣдующее утро погналъ на пастьбу своихъ овецъ, герой спрятался подъ одну изъ овецъ, и вышелъ счастливо изъ воротъ замка. Вѣроятно эта и другія сказки занесены въ Карелію русскими монахами. Впрочемъ Кастрéнъ нашелъ въ Карелiи сказки, имѣющія болѣе туземный характеръ, и въ которыхъ большею частію дѣйствуетъ миѳическое лице, женщина, по имени Syö-ätör-akka; сказки эти такъ похожи другъ на друга, что представляютъ варіяціи на одну и ту же тему; онѣ сильно пропитаны русскимъ элементомъ.

Недостатокъ миѳическихъ сагъ въ Русской Карелiи и ихъ ничтожность по содержанію, заставили Кастрéна обратиться къ собранію волшебныхъ рунъ, хотя подобный трудъ ранѣе Кастрéна предпринимали Ганандеръ, Топеліусъ, Ленротъ и Шегренъ. Для финской миѳологіи руны эти имѣютъ важное значеніе, потому-что въ основѣ ихъ лежатъ миѳы. Содержаніе рунъ не разнообразно; но за то много варіантовъ на одну и ту же тему.

Съ этою цѣлію Кастрéнъ отправился изъ Акопіани въ Латвайярви, гдѣ жилъ знаменитый пѣвецъ рунъ по имени Архиппа. Какъ большая часть пѣсень Архиппа уже напечатаны въ Калевала, то Кастрéнъ замѣтилъ только порядокъ, въ которомъ Архиппа поетъ ихъ, и записалъ нѣсколько рунъ, въ которыхъ воспѣвается побѣда Спасителя надъ языческимъ міромъ. Противъ ожиданія, Кастрéнъ не получилъ отъ Архиппа никакихъ волшебныхъ рунъ, потому-что Архиппа признавалъ все шаманство богопротивнымъ. Архиппа не имѣлъ многихъ предразсудковъ своихъ собратій: онъ подалъ обѣдъ путникамъ въ своей чашкѣ, и далъ имъ свои ложки, даже не запрещалъ имъ курить табакъ въ комнатѣ, чего путники не встрѣчали въ другихъ мѣстахъ Карелiи.

Изъ Латваяйрви Кастренъ отправился къ церкви Вуоккиніеми, а оттуда въ деревню Вуониненъ, гдѣ собралъ много легендъ и рунъ и имѣлъ случай видѣть довольно полное собраніе различныхъ инструментовъ, употребляемыхъ шаманами для пользованія больныхъ. Владѣтель этого собранія, знаменитѣйшій въ этой странѣ шаманъ, посвятилъ Кастрéна въ самыя сокровенныя тайны своего искусства, показавъ ему способы, по которымъ онъ составляетъ лекарства и пріемы, употребляемые имъ при исполненіи обязанностей медика. Сверхъ того, шаманъ

сообщилъ Кастрéну варіантъ первой руны Калевала, котораго краткое содержаніе слѣдуетъ. Первыя созданія на свѣтѣ были орелъ, который леталъ въ воздухѣ, и Вейнемейненъ, который носился по морю. Съ высоты своего полета орелъ увидѣлъ Вейнемейнена, котораго вѣтеръ носилъ по морю, спустился внизъ, сдѣлалъ гнѣздо на колѣняхъ Вейнемейнена и положилъ нѣсколько яицъ въ гнѣздо. Эти яица выкатились потомъ изъ гнѣзда, упали въ глубину моря и поглощены были щукою. Орелъ повсюду искалъ свои яица и нашелъ ихъ наконенъ въ желудкѣ щуки, но они уже испортились. Въ гнѣвѣ орелъ вскричалъ:

Miks on muuttunut munani,
Kuks on soanut soaliheni?

то есть: «Что сдѣлалось изъ моихъ яицъ,
Во что превратился плодъ мой?»

(Калевала 1, 235).

Въ деревнѣ Утува Кастренъ тоже много собралъ волшебныхъ рунъ и нѣсколько сагъ историческаго содержанія, по большей части относящихся къ воровскимъ войнамъ. Въ одной изъ сагъ описывается набѣгъ, сдѣланный толпою финскихъ пограничныхъ жителей на деревню Маярви. Ограбивъ деревню, фины схватили одного старика, котораго давно преслѣдовали и ненавидѣли, и въ то время, когда они влекли его по одному берегу озера, двѣнадцатилѣтній сынъ старца слѣдовалъ за ними по другому берегу, съ угрозою убить всѣхъ непріятелей, если они не отпустятъ отца его. Отвѣтомъ на эти угрозы со стороны непріятелей были насмѣшки надъ мальчикомъ, и еще болѣе жестокое обращеніе съ отцемъ его. Не смотря на то, мальчикъ все продолжалъ грозить финнамъ и они наконецъ обѣщали исполнить его желаніе съ условіемъ, чтобы мальчикъ пустилъ стрѣлу съ того берега, гдѣ онъ былъ, и сбилъ бы ею яблоко съ головы отца своего. Смѣло приготовившись къ этому опыту, мальчикъ получилъ отъ отца слѣдующій совѣтъ: «Käsi ylennä, toinen alenna, jarwen wesi wetaä», то-есть—подними одну руку, опусти другую, потому-что вода притягиваетъ (стрѣлу) къ себѣ. Противъ ожиданія непріятелей стрѣла попала въ яблоко. и старикъ былъ освобожденъ.

Въ другой сагѣ говорится о томъ, какъ многочисленная толпа пограничныхъ финновъ опустошала русскую Карелію по всѣмъ направленіямъ. Чтобы спасти кое-что отъ жадности непріятелей, жители зарывали свои сокровища, и зерновой хлѣбъ свой частію отдали въ пищу скоту, частію же разбросали по снѣгу, отчего получили потомъ хоро-

шую жатву. Во время этого набѣга финны напали на спавшаго корела Lahonen Tiitta; разбуженный шумомъ, корелъ вскочилъ съ постели, схватилъ лукъ, стрѣлы и панталоны свои, и пустился бѣжать отъ непріятеля. Онъ и убѣжалъ бы отъ враговъ своихъ, но зимній холодъ заставилъ его обратить вниманіе на свои нагія ноги. Усиливъ бѣгъ свой и оставивъ непріятеля въ нѣкоторомъ разстояніи, онъ остановился и началъ надѣвать панталоны. Едва только онъ одѣлъ одну ногу, какъ враги настигли его, но онъ быстро схватилъ свой лукъ и стрѣлы и когда финны подбѣжали къ нему и хотѣли схватить его, онъ направлялъ лукъ свой то на того, то на другаго, крича имъ: «Katscho, mie ammun (берегись, я стрѣляю). Этою хитростью онъ привелъ финновъ въ такое смущеніе, что они дали ему время убѣжать и скрыться. Непріятели продолжали путь свой далѣе и достигли наконецъ озера Туоппаярви, по которому хотѣли дойти до Пеяярви, но не зная дороги, уговорили одного изъ мѣстныхъ жителей быть ихъ лоцманомъ. На пути ихъ лежала быстрина ужасная, называемая Niska; когда они подъѣхали къ этому мѣсту, лоцманъ направилъ лодку очень близко къ берегу, вскочилъ на одинъ изъ камней, оттолкнулъ лодку, и финны, не будучи въ состояніи удержать лодки, всѣ погибли въ стремнинѣ; ниже водопада отыскали до 40 шапокъ.

Въ той же деревнѣ Кастренъ слышалъ разсказъ объ исполинскомъ народѣ, называемомъ Naikkolaiset или Naikonkansa. Народъ этотъ жилъ на горѣ Haapawara и составлялъ особое общество, которое не имѣло никакихъ сношеній съ христіанами. Число людей, принадлежавшихъ къ этому безбожному роду, простиралось до 17 человѣкъ, способныхъ владѣть лукомъ; но всѣ они истреблены совершенно во время тайныхъ войнъ. Кастренъ прибавляетъ, что не прежде сего, ни послѣ, ему не удавалось нигдѣ болѣе слышать подобной саги.

На дорогѣ черезъ Туоппаярви и Пеяярви въ Кунсамо, Кастренъ слышалъ много сагъ о лапландцахъ. Между-прочимъ разсказывали, что лапландцы прежде находились въ очень непріязненныхъ отношеніяхъ съ народомъ, называемымъ Kiwekkäät. Кастренъ принимаетъ это названіе за испорченное Kiwikäet (единств. число Kiwikäsi) каменная рука, и думаетъ, что оно указываетъ на народъ, употреблявшій камни, какъ оружіе войны, что подтверждаетъ тѣмъ, что на мѣстѣ, гдѣ, слѣдуя сагѣ, происходилъ бой между лапландцами и Kiwekkäät, нашли будто бы камень, похожій на пращевой.

Вотъ сага, показывающая какъ производились судъ и расправа у лапландцевъ. Одинъ лапландецъ, жившій въ Куусамо, тайно умертвилъ свою жену; это преступленіе было потомъ открыто десятилѣтнимъ сы-

номъ того лапландца. Ребенокъ сказалъ объ этомъ роднымъ своей убитой матери, а тѣ съ своей стороны просили старшинъ деревни изслѣдовать дѣло. По обычаю, судьи собрались въ хижинѣ обвиняемаго въ преступленіи, и когда онъ уличенъ былъ въ убійствѣ, его присудили повѣсить, что и было исполнено тѣми же людьми, которые судили и произносили приговоръ. До-сихъ-поръ показываютъ мѣсто, гдѣ лапландецъ былъ будто бы повѣшенъ, и жители говорятъ, что недавно еще одно изъ упавшихъ деревьевъ открыло скелетъ, съ которымъ найдены котелъ, ножъ и топоръ.

Недостатокъ средствъ и приближающаяся осень заставили Кастрена возвратиться чрезъ Улеаборгъ, Остботнію и Тавастландъ въ Гельсингфорсъ.

Въ 1841 году 13 ноября, Кастренъ вмѣстѣ съ др. Ленротомъ и отчасти на его иждивеніи отправился изъ Кеми (въ двадцати пяти верстахъ отъ города Торнео), вверхъ по теченію рѣки того же имени, съ намѣреніемъ посѣтить нѣкоторыя части Лапландіи и архангельской губерніи. Зима была здѣсь въ самомъ началѣ, и путники съ трудомъ сдѣлали 240 верстъ въ четырнадцать дней до деревни Салла, частію по дорогѣ, еще тогда недавно проложенной отъ Кеми до Кемитрескъ, а частію по рѣкѣ, на которой ледъ былъ еще очень тонокъ. Изъ Салла путешественники намѣревались отправиться въ русскую часть Лапландіи, надѣясь тутъ много найти для науки, потому что никто до нихъ не изслѣдовалъ хорошо этой страны въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Въ особенности ихъ интересовала деревня Аккала, гдѣ они надѣялись найти настоящую національность лапландцевъ безъ всякой примѣси; притомъ жители этой деревни считались во всей Финляндіи и Лапландіи за самыхъ искусныхъ знахарей на сѣверѣ. Но непредвидѣнное обстоятелсство разрушило эту поѣздку. Жители Салла просили ужасную цѣну за трудъ — проводить путниковъ чрезъ пустыню въ 140 верстъ между Салла и Аккала; а потому надобно было ожидать въ Салла болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Путники имѣли основаніе предполагать, что чрезъ нѣсколько дней пріѣдутъ лапландцы изъ Аккала въ Салла для продажи различныхъ товаровъ, и хотѣли воспользоваться этимъ; но Саллиты были хитрѣе ихъ. Нѣкоторые изъ Саллитовъ встрѣтили жителей Аккала на нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, хотѣли купить у нихъ все, привезенное ими для продажи, и заставить ихъ возвратиться, не заѣзжая въ Салла. Спекуляція эта впрочемъ не удалась, потому-что не сошлись въ цѣнѣ, но и тутъ Саллиты не потерялись: они увѣрили простяковъ лапландцевъ, что путники наши прибыли

для того, чтобъ учить ихъ читать, что заставятъ ихъ перемѣнить вѣру и т. д., и испуганные лапландцы уѣхали поскорѣе домой. Путешественники узнали объ этомъ уже слишкимъ поздно и, желая отмстить Саллитамъ, перемѣнили планъ своего пути, вознамѣрившись отправиться изъ Салла сначала въ Энаре, а оттуда, послѣ святокъ, въ русскую часть Лапландіи.

Въ началѣ декабря путники оставили Салла и безъ особенныхъ приключеній достигли до Корванена, которая лежитъ почти на половинѣ пути отъ Салла до церкви Энаре. Почти отъ самой Саллы путники ѣхали на оленяхъ, въ нартахъ (кериссенъ). Въ Корваненѣ путники должны были остановиться на двѣнадцать дней, въ ожиданіи пока утихнетъ гнѣвъ Икко, маститаго старца снѣговъ. Солнце уже давно не являлось на горизонтѣ и въ воздухѣ было такъ темно, что посреди самаго свѣтлаго дня нельзя было читать безъ свѣчи въ комнатѣ. При словѣ комната не подумайте однако, чтобы путники наши дѣйствительно жили въ комнатѣ; нисколько: имъ отвели канурку, въ которой, какъ замѣчаетъ Ленротъ, нѣсколько лѣтъ прежде содержали шесть молодыхъ лисицъ; въ канурѣ былъ очагъ, но послѣ всякой топки надобно было выходить на крышу этой жалкой хижины и затыкать дымовое отверзтіе клочкомъ сѣна. Когда погода утихла, въ это мѣсто начали собираться разные люди съ запада и востока, путь которыхъ лежалъ тоже къ церкви Энаре, и которые были задержаны мятелями. Довѣряясь хорошимъ оленямъ карваненскимъ и добрымъ ходакамъ на лыжахъ, Кастренъ и Ленротъ вмѣстѣ съ тремя финнами и двумя лапландцами оставили Корваненъ на концѣ сочельника, взявъ съ собою до тридцати оленей, считая въ томъ числѣ и везшихъ вьюки. Сначала снѣгъ былъ такъ глубокъ, что лапландецъ на лыжахъ, ведя за собою оленя, прокладывалъ дорогу путникамъ, но потомъ снѣгъ сталъ менѣе. Ночь провели на снѣгу. Во время ночи поднялась мятель, и на утро Кастренъ недосчитался двухъ товарищей, которыхъ впрочемъ нашли преспокойно спящими подъ сугробами снѣга. Непогода продолжалась и на другой день, а потому проводники на лыжахъ снова были употреблены въ дѣло до-тѣхъ-поръ, пока путники не достигли хребта горъ, гдѣ снѣгъ былъ такъ крѣпокъ, что сдерживалъ оленя. За хребтомъ дорога стала хуже, но къ счастію мятель утихла; луна показалась на горизонтѣ и даже звѣзды выглянули изъ-за тучъ. Слѣдующую ночь путники провели въ необитаемой хижинѣ, нарочно устроенной на дорогѣ для удобства путешествующихъ. Здѣсь встрѣтили они Рождество Христово и на другой день отправились далѣе. Погода на сѣверѣ зимою очень перемѣнчива, и мятели бываютъ очень часто, такъ, что путники были рады,

добравшись на ночлегъ въ лапландскую хижину около озера Акіярви, въ чемъ они сильно раскаявались потому, что въ ихъ обществѣ находился одинъ только человѣкъ, знавшій дорогу, и тотъ былъ такъ пьянъ для праздника, что едва держалъ возжи въ рукахъ. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство имѣло ту хорошую сторону, что проводникъ не помѣшалъ оленю довести путниковъ къ цѣли, не смотря на то, что онъ сдѣлалъ эту дорогу прежде только одинъ разъ. Отъ Акіярви до Энаре путникамъ не встрѣтилось особыхъ приключеній. Любопытенъ отрывокъ изъ письма Ленрота къ одному изъ друзей своихъ. «Посѣтивъ Энаре весною въ 1837 году, я нашелъ тутъ только одну церковь и множество жалкихъ лапландскихъ хижинъ; теперь же мѣсто это, имѣя своего пастора, совершенно измѣнилось. Церковь выкрашена красною краской; для пастора выстроено жилище о пяти комнатахъ, и сверхъ того еще строеніе, заключающее въ себѣ залу и двѣ комнаты, и назначенное, сколько мнѣ помнится, для пастора, живущаго въ Итціоки, но пріѣзжающаго иногда сюда. Въ слѣдующемъ году выстроятъ также расправу. Проживъ нѣсколько времени посреди лапландской хижины, наполненной дымомъ, человѣкъ научается цѣнить какъ слѣдуетъ удобство порядочнаго дома, точно такъ, какъ мы всего болѣе цѣнимъ здоровье тотчасъ послѣ продолжительной болѣзни, или увидѣвъ солнце въ первый разъ (18 января) послѣ долгаго отсутствія, мы такъ восхищаемся имъ, что не можемъ отвести отъ него глазъ.

Узнавъ, что знаменитый лапландскій миссіонеръ и писатель пасторъ Стокфлетъ находился въ Карисоки (въ шестнадцати миляхъ отъ Энаре), путники наши ѣздили къ нему на свиданіе; по возвращеніи откуда Кастренъ получилъ отъ Шегрена извѣстіе, что Императорская Академія Наукъ рѣшилась послать экспедицію въ Сибирь, причемъ предлагали Кастрену занять при экспедиціи мѣсто этнографа и лингвиста. А какъ экспедиція назначена была черезъ годъ, то Шегренъ совѣтовалъ Кастрену не прерывать своего путешествія, а изъ Энаре отправиться въ русскую Лапландію, оттуда въ Архангельскъ, потомъ къ самоѣдамъ европейскимъ и наконецъ черезъ Сѣверный Уралъ въ Сибирь, гдѣ уже Кастренъ долженъ былъ начать свои занятія въ службѣ Академіи.

Въ прежнее время въ дни собраній и рынка собиралось очень много народа съ разныхъ мѣстъ къ церкви Энаре: русскіе лапландцы, а также норвежскіе и финскіе горные лапландцы въ значительномъ числѣ приходили сюда. Приходъ имѣетъ постояннаго своего духовнаго отца, а прежде изрѣдка пріѣзжалъ сюда пасторъ изъ Утсіоки. Впрочемъ, въ извѣстныя воскресенья собираются лапландцы здѣсь въ большомъ

числѣ, нежели обыкновенно, и живутъ по нѣскольку дней въ небольшихъ хижинахъ, выстроенныхъ около церкви. Если исключить свадьбы, крестины и сговоры, обыкновенно совершаемые въ такіе дни, то трудно понять что дѣлаетъ вся эта толпа здѣсь и тутъ и можно видѣть, что отъ природы лапландецъ не получилъ смысла для жизни общественной, для удовольствій, для публичныхъ увеселеній и проч. Каждый изъ нихъ, кажется, поглощенъ совершенно мелкими заботами жизни будничной, приносомъ дровъ, уходомъ за оленями, и проч. Рѣдко увидишь, что друзья и родные идутъ и разговариваютъ, и то очень тихо. Этой толпѣ дать дѣятельность можетъ только какое-нибудь необыкновенное происшествіе, что дѣйствительно и случилось въ концѣ февраля, когда путники наши, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько нѣмцевъ, оставляли Энаре. Большая часть лапландцевъ собралась изъ любопытства и участія къ путникамъ посмотрѣть на отъѣздъ ихъ, каждый хотѣлъ протиснуться впередъ и пожать руку отъѣзжающему; каждый давалъ имъ свое благословеніе на дорогу. На круглыхъ лицахъ лапландцевъ, освѣщенныхъ солнцемъ, сіяли доброта, любовь и участіе къ путникамъ. Нѣкоторые, можетъ-быть, съ презрѣніемъ смотрѣли бы на это простое желаніе добра; но тѣ, которые путешествовали въ Лапландіи и привыкли видѣть только голыя скалы вокругъ себя, умѣютъ цѣнить подобныя чувства и означаютъ ихъ не только въ дневникѣ своемъ, но и въ глубинѣ своего сердца.

Изъ Энаре путники наши отправились въ Колу, а нѣмцы на Нордкапъ.

Вотъ замѣчаніе Кастрена о прежнихъ идолахъ лапландцевъ.

Тамъ, гдѣ говорятъ по-лапландски, вездѣ можно слышать преданія о Сейда, то есть о каменныхъ изображеніяхъ боговъ, которымъ лапландцы молились и приносили жертвы: жертвы эти состояли большею частію изъ роговъ и костей оленей, особенно дикихъ. Хегстремъ разсказываетъ, что нѣкоторые сейда были окружены изгородью, и что ноги и головы всѣхъ звѣрей, убитыхъ лапландцемъ внутри огороженнаго мѣста, а также и крылья птицъ, поступали въ жертву сейда. Самому Кастрену говорили, что лапландцы, отправляясь на охоту за оленями, въ случаѣ счастливой охоты обѣщали сейду всегда голову и шею оленя. Прочія лучшія части съѣдали охотники сами, на томъ мѣстѣ, гдѣ приносилась жертва; но не смотря на то, они возвращались домой съ пустымъ желудкомъ, потому что съѣденное ими шло въ пользу сейда. По Хегстрему оленные лапландцы имѣли обыкновеніе помазывать сейда кровью оленей, а лапландцы рыбаки мазали ихъ рыбьимъ жиромъ. Простаки рыбаки думали, что, сейда самъ съѣдалъ жиръ, между тѣмъ

какъ онъ сохъ на немъ отъ солнца. Терней и Хегстремъ согласно утверждаютъ, что сейда сдѣланы не руками человѣческими, но кажется сама природа произвела ихъ; почти всѣ они имѣютъ странную форму. На одномъ изъ острововъ Энаре Кастрѐнъ видѣлъ сейда, сдѣланнаго изъ небольшихъ камней и видомъ и величиною похожаго на человѣка. Хегстремъ упоминаетъ еще, что изъ корней деревьевъ вырубали фигуры, похожія на человѣка; но Кастрѐнъ ничего не могъ узнать объ этомъ въ Лапландіи; но въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи встрѣчаются на поверхности растущихъ деревъ фигуры, на подобіе человѣка сдѣланныя. Эти фигуры называются Malekuntz, и имъ воздавали прежде большія почести Въ приходѣ соданкула еще и теперь существуетъ обыкновеніе дѣлать подобныя фигуры, что обыкновенно случается при первомъ посѣщеніи какого либо мѣста. Такая фигура называется Нюриккаизетъ и отличается отъ Карсикка, употребляемой для той же цѣли въ Кіани и образуемой такъ, что съ дерева срубаютъ всѣ вѣтви, оставляя только одну, которая направлена въ ту сторону, гдѣ находится родина путника. Очень вѣроятно, что Нюриккаізетъ, а равно и Молекитъ были древніе идолы лапландцевъ и принадлежатъ къ одной категоріи, съ Виронъ Акна, Стожіюнкаре и такъ далѣе, (Шефферъ и другіе) и съ деревянными фигурами Хегстрема. Изъ предъидущаго видно, что лапландцы были преданы прежде грубому, чувственному обожанію натуры. Они не почитали самый камень въ сейдѣ, а также онъ не представлялъ у нихъ какого нибудь божества; но думали, что божество само живетъ въ идолѣ. А потому лапландцы вѣрили не только тому, что сейда съѣдаетъ жертвы, ему приносимыя, но приписывали ему жизнь и движеніе. Часть лапландцевъ убѣждена въ томъ, что эти камни имѣютъ жизнь и могутъ ходить, пишетъ Хегстремъ. Самое преданіе у лапладцевъ около Энаре подтверждаетъ это мнѣніе; оно говоритъ, что когда сейда были брошены Пайвасъ въ озоро Энаре, они долго двигались на поверхности воды и потомъ утонули.

Кромѣ сейда и деревянныхъ изображеній встрѣчаются въ лапландской миѳологіи также нѣкоторыя личныя божества, какъ то; Аійе или Айисъ (въ шведской части Лапландіи Аійа, Аійска, Атіа, Акки, Хійда, Тюона, Лемло, Маддеракна или Маддеракка, Иксакка или Іиксакка, Іамбеакка. Древніе писатели говорятъ еще о нѣкоторыхъ божествахъ, которыхъ впрочемъ нельзя допустить у лапландцевъ, потому что для этого надобно предположить слишкомъ высокія религіозныя понятія у такого дикаго народа. Божества, дѣйствительно принадлежащія къ Лапландской миѳологіи, кажется, по бо́льшей части сходны съ финскими. Икко въ финской миѳологіи извѣстенъ подъ именемъ Аійа; Акки подъ именемъ

Акка или Амма, Гійдда, Лемпо Тюона финскіе Миги, Лемпо, Тюони. Многія горы, скалы, большія озера называются въ Энаре Аійо и Акки. Въ финской части Лапландіи гротъ называется Айисъ, уменьшительное отъ Аійе; у финновъ же гротъ—Икконскъ, уменьшительное отъ Икко. Финскій лапландецъ радугу называетъ Аійе данже, что совершенно соотвѣтствуетъ финскому Икан-каари (дуга Икко). Сійда встрѣчается въ выраженіи: мана Сійданъ (по-фински мени Бійтенъ) ступай къ Хійзи.— Тюона, Тюоне или Тюону находятся въ лапландскомъ словарѣ Линдэлъ и Ернунгъ; но слово это неизвѣстно ни въ норвежской, ни въ финской части Лапландіи. Іааб-Меакка (финское Тюонекъ акка) и Маддеракка (финское Маан-акка, маннунъ еикко) встрѣчаются въ финской миѳологіи; но Сааракка и Иксакка чужды ей. Миѳологи думаютъ, что Маддеракка, Сааракка, и Икзакка призываемы были при родинахъ; но на подобныя мнѣнія нельзя очень полагаться. Кастрéнъ объясняетъ названіе этихъ божествъ филологически, замѣчая, что въ Шведской части Лапландіи слово Маддеръ (обыкновенно Маддо), по лексикону Лендале и Эринга, означаетъ рожденіе, происхожденіе, а Саретъ—дѣлать, творить, изъ чего легко можно вывести заключеніе о свойствахъ, которыя были приписываемы Маддеракка и Сааракка. Ленротъ обратилъ вниманіе Кастрéна на то, что названія эти легко могутъ происходитъ отъ финскихъ словъ Маннеръ — твердая земля, земля и Саари—островъ. Это производство въ филологическомъ отношеніи объясняется просто, потому что, по духу и законамъ лапландскаго языка, Маннеръ (первоначально мантере, потомъ мандеръ и наконецъ маннеръ) могло перейти въ маддеръ; точно какъ гинта (цѣна достоинства) въ ладде, райта (грудь) въ радде, пинте (поверхность дерева) въ биддо, канѣ (край) въ гадде, сандъ въ задди и такъ далѣе. Пасторъ г. Фельманъ сообщилъ Кастрену фразу, которая еще болѣе подтверждаетъ это мнѣніе: Man laem Maddaresl ja Madderi mon koadam, Madderakort mon laem aellam ja Madderakka Kuullui mon boadam, то есть, я отъ Маддеръ и иду къ Моддеръ, отъ Маддеракка я жилъ и къ Маддеракка иду я. Если въ Маддеракка и Сааракка дѣйствительно заключаются финскія слова таннеръ и Саари, то всего вѣроятнѣе, что финны переименовали лапландскихъ сейда и тѣхъ изъ нихъ, которые находились на твердой землѣ назвали они Маддеракка, а находившихся на островахъ озеръ, Сааракка. Что касается до Икракка или Іикъ-акка, то всего вѣроятнѣе это слово произвести отъ лапландскаго Іикси—ловъ, добыча, по этому Іиксакка тоже, что финскій Витіанъ рикко.

Продолжая путь свой по озеру Энаре, Кастрéнъ и его товарищъ прибыли въ деревню Пастооіки, гдѣ одинъ лапландецъ, человѣкъ умный и безъ предразсудковъ, изложилъ Кастрéну свое мнѣніе о несооб-

разномъ ни съ чѣмъ образѣ жизни лапландцевъ энарскихъ и о пути, по которому они могутъ достигнуть благосостоянія. «Олени наши, между прочимъ говорилъ лапландецъ, составляютъ весьма ненадежную собственность. Въ одну ночь волкъ можетъ истребить большую часть незначительныхъ стадъ лапландцевъ-рыбаковъ; а лѣтомъ, когда олени пасутся безъ всякаго присмотра, очень часто случается, что они заходятъ куда нибудь и не возвращаются болѣе къ хозяину. На рыбную ловлю можно надѣяться также мало, какъ и на оленей. И если лѣтній уловъ рыбы будетъ малъ, и стада оленей потерпятъ много убыли, то что остается дѣлать бѣдному лапландцу-рыбаку? Другое дѣло, если онъ будетъ заниматься скотоводствомъ, тогда онъ будетъ имѣть не только обезпеченное существованіе, но еще и выгоду отъ продажи масла въ Норвегіи. Луга на берегахъ рѣки Ивало ясно доказываютъ, что разведеніе рогатаго скота (быковъ и коровъ) здѣсь возможно. Кастрѐнъ говоритъ, что ему рѣдко удавалось видѣть такую роскошную траву, какъ на этихъ лугахъ и прибавляетъ, что мѣстъ, способныхъ къ луговодству много въ Камасіоки, Іосніоки, Патсіоки на островахъ, и тамъ и сямъ на берегахъ озеръ. Впрочемъ лапландецъ въ Энаре не долженъ совершенно оставлять рыбный промыселъ и оленей, а только сдѣлать скотоводство главнымъ источникомъ своего пріобрѣтенія; въ противномъ случаѣ, страна эта будетъ все бѣднѣть болѣе и болѣе. Можетъ быть скажутъ: не будетъ ли полезнѣе довести оленеводство до прежней степени процвѣтанія? Кастрѐнъ отвѣчаетъ на это убѣжденіемъ, что упадокъ оленеводства произошелъ всего болѣе отъ того, что энарскіе лапландцы вступили съ теченіемъ времени на высшую степень культуры. Правда, горные лапландцы много дѣлаютъ вреда стадамъ оленей, принадлежащихъ лапландцамъ-рыбакамъ; но главная причина убыли стадъ заключается въ большой осѣдлости энарскихъ лапландцевъ. Чѣмъ болѣе лапландецъ сдѣлается осѣдлымъ, тѣмъ труднѣе для него содержать большія стада оленей; потому что мохъ на лучшихъ мѣстахъ истребляется скоро, и надобно нѣсколько десятковъ, чтобы онъ опять тутъ выросъ.

Что энарскіе лапландцы вступили на высшую степень культуры въ сравненіи съ другими лапландцами, это доказывается ихъ религіознымъ образованіемъ: они довольно начитаны и любятъ вести жизнь тихую и богобоязненную. Тяжкія преступленія здѣсь рѣдки, а образъ жизни и жилища энерскихъ лапландцевъ описаны выше. Здѣсь замѣтимъ только, что если путешественникъ войдетъ въ какую нибудь горную деревню и предложитъ своимъ хозяевамъ нѣсколько рюмокъ водки, то они одарятъ его щедро жареною олениною, языками, и проч. Хозяева почтутъ себя оскорбленными, если путникъ не приметъ подарковъ. Если онъ при-

нялъ ихъ, то долженъ отдарить водкою, а если онъ этого не сдѣлаетъ, то ему напомнятъ. Потомъ слѣдуютъ новые подарки и новое угощеніе до тѣхъ поръ, пока у путника остается хотя капля водки. Изъ этого пристрастія горныхъ лапландцевъ къ водкѣ можно видѣть какую выгоду получаютъ лапландцы-рыбаки отъ торговли съ ними водкою.

Горный лапландецъ стоитъ на низшей степени культуры, нежели лапландецъ-рыбакъ; но и первый изъ нихъ религіозенъ, онъ ежедневно читаетъ извѣстныя молитвы утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, и учитъ дѣтей своихъ тому, что самъ знаетъ. И рыбакъ, и горный лапландецъ ненавидятъ суевѣрія язычества, и очень мало знаютъ о своемъ прошедшемъ. Горный лапландецъ очень привязанъ къ своей женѣ, дѣтямъ и прислугѣ. Съ этою нѣжностью въ характерѣ лапландецъ соединяетъ смѣлость и любовь къ своему беззаботному образу жизни. Тяжкія преступленія у нихъ рѣдки; но волю свою они любятъ приводить въ исполненіе силою (фаустъ-рехтъ); разговоръ лапландца дерзокъ и поведеніе его неуклюже и высокомѣрно. Хотя лапландецъ и принялъ христіанство, но онъ принадлежитъ къ числу дикихъ народовъ.—Горный лапландецъ живетъ въ самой жалкой хижинѣ, которая устраивается такъ: берутъ четыре дугообразныхъ дерева и вбиваютъ ихъ въ землю по два въ полукругъ, которые располагаютъ другъ противъ друга на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ и соединяютъ поперечными бревнами; на это основаніе накладываютъ жерди конусообразно, оставляя вверху отверзтіе для дыма, а съ боку для двери. Этотъ остовъ оклеиваютъ грубымъ сукномъ, и жилище готово. Собственно очага тутъ нѣтъ, но въ срединѣ хижины, гдѣ раскладываютъ огонь, кладутъ нѣсколько камней торчмя. Прибавьте къ тому березовыя вѣтки, разбросанныя по полу и нѣсколько оленьихъ кожъ на нихъ и, вотъ вамъ хижина лапландца (yoatte), въ которой живутъ его жена, дѣти и старики. Самъ онъ съ своими работниками пасетъ оленей и живетъ всего чаще на снѣгу или въ такъ называемой lavvu, которая еще хуже goatte и устраивается при недостаткѣ корма для оленей около yoatte. Когда кормъ въ ближнемъ разстояніи отъ yoatte совершенно уничтожился, тогда переходятъ на другое мѣсто, перенося съ собою хижину (юрту), домашнюю утварь, съѣстные припасы и, проч. Хегстремъ говоритъ, что подобные переходы совершаются два раза въ мѣсяцъ. Весною горные лапландцы отправляются съ своими стадами на берега морскіе, откуда возвращаются въ горы осенью. Эти переходы очень затруднительны для лапландцевъ, но еще болѣе трудовъ требуетъ охрана ихъ стадъ отъ дикихъ звѣрей, особенно отъ волковъ, дѣлающихъ большой вредъ стадамъ. Держать оленей въ одной кучѣ, не позволять имъ расходиться, ни от-

дѣляться, вотъ въ чемъ состоитъ искусство пасти стадо. Лапландецъ, пасущій стадо, состоящее изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ, постоянно бѣгаетъ на лыжахъ туда и сюда, и старается держать оленей въ кучѣ, въ чемъ ему особенно помогаютъ собаки, которыя такъ хорошо дрессированы, что лапландецъ только укажетъ имъ на оленя, отдѣлившагося отъ стада, и онѣ тотчасъ загоняютъ его. Не смотря однакоже на все стараніе лапландцевъ охранять свои стада, волкъ находитъ часто случай въ одну ночь зарѣзать нѣсколько оленей. Цѣлую зиму Лапландецъ можетъ не рѣзать для себя оленей и питается остатками отъ волковъ, но лучшія части, вмѣстѣ съ кровью теряются для лапландца; а онъ такъ любитъ теплую кровь! Кромѣ мяса оленей, горный лапландецъ употребляетъ въ пищу хлѣбъ, масло, соленую рыбу, оленій сыръ и проч. Ему нѣтъ надобности прибѣгать къ древесной корѣ, составляющей важную часть пищи Лапландцевъ-рыбаковъ: горный лапландецъ богатъ по-своему, и это его единственное преимущество предъ рыбакомъ, потому что въ другихъ отношеніяхъ его жизнь болѣе похожа на жизнь животнаго, нежели человѣка.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о ѣздѣ на оленяхъ. Оленей для упряжи ловятъ въ стадѣ арканомъ, бросая орканъ такъ, чтобы петля его запуталась за рога оленя; нѣкоторыхъ оленей, особенно происшедшихъ отъ дикихъ, очень трудно ловить орканомъ. Запряжка оленей, весьма проста и, по выраженію лапландцевъ, не требуетъ нисколько времени. На голову оленей надѣваютъ недоуздокъ, къ которому прикрѣплены возжи; хомутъ, сдѣланный изъ мягкой оленьей кожи, спускается ниже груди оленя, и здѣсь прикрѣпляется одинъ конецъ ремня, другой конецъ котораго прикрѣпляется къ передку саней; самый ремень проходитъ между ногами оленя. Нарты или сани оленьи по наружности похожи на лодку, у которой бока выпилены; назади у нихъ спинка и киль широкій; одинъ человѣкъ свободно сидитъ въ нихъ и можетъ положить еще маленькую сумку подъ ноги. Сначала олень бѣжитъ очень скоро, но потомъ шагъ его дѣлается медленнѣе, и онъ идетъ обыкновенною, неизмѣняемою рысью, которая утомляетъ своимъ однообразіемъ тѣло и душу. При спускѣ съ горъ, бѣстрота бѣга оленя увеличивается, сани летятъ изъ стороны въ сторону, и путникъ находится въ опасности удариться головою или лицемъ о деревья и камни; видѣть при этомъ ничего нельзя, потому что масса снѣга, поднимаемая ногами оленя, совершенно залѣпляетъ глаза. Въ опасныхъ случаяхъ всего лучше опрокинуться съ санями въ снѣгъ, при чемъ олень тотчасъ остановится; но на скалахъ, гдѣ вѣтеръ сметаетъ снѣгъ, это средство не можетъ быть употреблено. Богатые люди берутъ по-крайней-мѣрѣ одного

запаснаго оленя съ собою въ дорогу, и привязываютъ его сзади саней при спускахъ съ горъ; привязанный сзади олень сопротивляется бѣгу оленя запряженнаго, и не позволяетъ ему чрезъ то разнести. Небогатымъ людямъ, которые не могутъ употреблять этого средства, Кастренъ совѣтуетъ не препятствовать бѣгу оленя при спускахъ съ горъ, а предоставить ему полную свободу, и увѣряетъ, что это лучшее средство спуститься благополучно, что онъ испыталъ на себѣ. Чтобы управлять движеніями саней; всего лучше сѣсть верхомъ на нарты, прижать колѣна крѣпко къ сторонамъ ихъ, а ноги спустить свободно, отталкиваясь ими въ опасныхъ случаяхъ отъ деревьевъ и камней. Теорія кажется простая; но практика трудно выполнима, потому что олень всего менѣе дастъ времени на размышленіе тамъ, гдѣ оно всего болѣе необходимо, а именно при спускахъ съ горъ.

Путь отъ Патсіоки въ Суніель, первую деревню въ русской Лапландіи, показался путникамъ очень длиннымъ — они ѣхали по снѣжной пустынѣ, гдѣ нельзя было открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни, и къ тому же дурная погода сопровождала ихъ до самой границы.

Русскіе лапландцы въ образѣ жизни своей мало отличаются отъ финскихъ лапландцевъ на Энаре. Рыбная ловля составляетъ ихъ главный промыселъ, и они проводятъ все лѣто на озерахъ, рѣкахъ и морскихъ берегахъ, живя въ хижинахъ. Осенью или самое позднее время послѣ филиповокъ переходятъ они въ свои зимнія жилища, которыя лежатъ не отдѣльно, какъ въ Энаре, а вмѣстѣ, образуя чрезъ то деревню. Это самое показываетъ, что русскіе лапландцы не могутъ владѣть большими стадами, оленей потому-что иначе около деревни очень скоро истреблялся бы кормъ для оленей, и вся деревня должна была бы перемѣнить мѣсто. И дѣйствительно, оленей у этихъ лапландцевъ такъ мало, что деревни остаются на одномъ мѣстѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Многія обстоятельства были причиною того, что русскіе лапландцы оставили оленеводство и принялись за рыбный промыселъ, которому сама природа благопріятствуетъ здѣсь. Ледовитое и Бѣлое моря настоящіе золотые рудники для рыбаковъ, и сверхъ того въ самой русской Лапландіи находится множество мелкихъ озеръ и два большихъ богатыхъ рыбою, Имандра и Инотосера. Уставъ православной церкви относительно постовъ, также имѣлъ вліяніе на развитіе рыбнаго промысла. И потому лапландцы мало заботятся здѣсь объ оленеводствѣ, хотя оно составляетъ одинъ изъ главныхъ промысловъ ихъ. Страсть къ торговлѣ значительно развита между русскими лапландцами, и въ каждой комнатѣ вмѣстѣ съ образомъ виситъ обыкновенно и безмѣнъ на стѣнѣ. Тутъ уже не угощаютъ путника, а отвѣшиваютъ ему хлѣбъ, рыбу, и проч. Впро-

чемъ лапландцы эти еще слишкомъ бѣдны для того, чтобы пуститься въ спекуляціи, дѣлать поѣздки и посѣщать ярмарки. Они иногда бываютъ въ Энаре съ торговою цѣлію. Скотоводство совершенно чуждо здѣшнимъ лапландцамъ: ни у одного изъ нихъ нѣтъ коровъ и не всѣ имѣютъ овецъ.

Большая часть русскихъ лапландцевъ проводятъ зиму въ избахъ, похожихъ на жилища энарскихъ лапланцевъ, низкихъ, тѣсныхъ, съ открытымъ очагомъ, но отличающихся низкою и болѣе плоскою кровлею. Вмѣсто кроватей — широкія скамьи кругомъ комнаты. На берегу моря, въ гористыхъ и малолѣсныхъ мѣстахъ живутъ и зиму въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ брусьевъ или досокъ, наклонно расположенныхъ. Юрта въ срединѣ имѣетъ большую ширину, а къ концамъ своимъ уже, но стѣны тутъ не сходятся, а между ими есть боковая стѣна; пола нѣтъ; крыша изъ торфа; въ срединѣ очагъ. Живутъ многіе и въ дымныхъ избахъ, которыя однако же хуже финскихъ. Печь расположена на деревянномъ опечкѣ и имѣетъ круглую форму, и такъ худо сдѣлана, что пламя проходитъ по трещинамъ между камнями. Дымовое отверзтіе закрывается мѣшкомъ или подушкою. Впрочемъ у нѣкоторыхъ русскихъ лапландцевъ можно встрѣтить также и порядочныя комнаты, похожія во всемъ на карельскія. Лапландцы, имѣющіе дымовую трубу, или порядочную комнату, обращаютъ юрту для кухни. Для этой же цѣли употребляются юрты въ различныхъ частяхъ Остботнсенъ, что, безъ сомнѣнія, перешло сюда отъ лапландцевъ.

Одежда всѣхъ лапландцевъ почти одинакова: ергакъ, сапоги и панталоны изъ оленьей кожи. У русскихъ лапландцевъ сапоги и панталоны сшиты вмѣстѣ; другіе же лапландцы завязываютъ ихъ такъ хорошо на ногѣ, что снѣгъ не можетъ попасть подъ платье. Норвежскіе и финскіе лапландцы, въ холодное время носятъ воротники изъ медвѣжьей шкуры, которые не только защищаютъ уши и лице отъ мороза, но и покрываютъ грудь и плечи. У русскихъ лапландцевъ шапка снабжена большими ушами, закрывающими большую часть лица. Такъ одѣваются лапландцы въ дорогѣ, и оба пола почти одинаково, только шапка у мужчинъ округлена, а у женщинъ имѣетъ плоскую и широкую тулью. Въ обыкновенной жизни и мужчины и женщины носятъ платье изъ грубаго сукна, нѣсколько похожее на рубашку. Въ русской лапландіи носятъ также и русскую національную одежду.

Хотя лапландцы и христіане, но мало имѣютъ понятія о духѣ и ученіи христіанства. На воскресенье смотрятъ они какъ на день отдохновенія, и изрѣдка идутъ въ часовню, находящуюся въ деревнѣ, для совершенія нѣсколькихъ крестныхъ знаменій предъ иконами святыхъ. Они точно испол-

няютъ уставъ православной церкви, но подъ этою христіанскою наружностью скрываютъ много суевѣрія. Въ особенности они вѣрятъ колдовству, волшебству. Аккала славится лучшими знахарями, и даже изъ Саволатъ приходятъ люди къ нимъ лечиться, или просятъ отыскать вора, и проч. Кастрéнъ ничего не могъ узнать объ обрядахъ, употребляемыхъ лапландцами изъ Аккала, при ихъ колдовствахъ; извѣстно только, что они впадаютъ въ безпамятство, и въ этомъ состояніи получаютъ свѣдѣнія, для нихъ необходимыя. Лапландцы думаютъ, что въ это время душа отдѣляется отъ тѣла, и отыскиваетъ начало и причину болѣзни, узнаетъ объ украденномъ добрѣ, и проч. Что тутъ шарлатанство — этого лапландцы не понимаютъ; но явленіе это такъ обще всѣмъ, необразованнымъ народамъ шара земнаго, что нельзя сомнѣваться въ его первоначальной дѣйствительности. Явленіе это болѣе ничего какъ обморокъ послѣ естественнаго экстаза, до котораго доходитъ шаманъ во время своихъ магическихъ операцій. Въ этомъ состояніи ему представляются неясныя понятія о томъ, что занимало его думу передъ этимъ. Эти понятія приняты за сообщенія отъ міра духовнаго, и вотъ обморокъ сдѣлался магическимъ средствомъ для толпы. Говорятъ, что шаманы по произволу могутъ переходить въ это состояніе, и оно очень возможно, если только рѣчь идетъ о колдунахъ дикихъ народовъ. По крайней мѣрѣ это явленіе находится въ связи съ другими, встрѣчаемыми между дикими народами. Кастрéнъ говоритъ, что во время его путешествія въ Лапландію, ему часто совѣтовали быть осторожнымъ съ русскими лапландцами и особенно съ ихъ женщинами, которыя часто впадая въ безсознательное состояніе, не знаютъ сами, что они дѣлаютъ. Сначала Кастрéнъ не обратилъ на это вниманія, и считалъ это сплетнею на лапландцевъ. Однажды онъ встрѣтился въ деревнѣ русской Лапландіи съ нѣсколькими карелами и двумя русскими купцами. Ему опять совѣтовали не причинять ни малѣйшаго испуга лапландскимъ женщинамъ, прибавя, что это была бы res capitalis. Одинъ изъ кареловъ говорилъ: «Однажды мы ловили рыбу въ морѣ; я былъ еще молодъ, и нечаянно попалъ въ лодку, гдѣ находились одни лапландцы. Между ними была одна женщина, державшая на рукахъ ребенка. Когда она увидѣла мою странную для нея одежду, то такъ испугалась, что, внѣ себя, бросила малютку въ море.» — Разсказъ другаго карела былъ таковъ: «За нѣсколько лѣтъ до сего я находился въ обществѣ терскихъ лапландцевъ; мы сидѣли и говорили преспокойно, какъ вдругъ за стѣною раздался ударъ какъ бы молоткомъ, и всѣ лапландцы въ одно мгновеніе бросились на полъ, пошевелили не много руками и ногами, и остались безъ движенія, какъ мертвые. Послѣ того они снова начали двигаться, и вели себя

такъ, какъ будто бы не случилось ничего необыкновеннаго.» Чтобы увѣрить Кастрéна въ справедливости этихъ разсказовъ, русскій купецъ вызвался сдѣлать пробу надъ пугливостью женщинъ, но прежде онъ спряталъ всѣ ножи, топоры и прочія опасныя вещи. Потомъ поспѣшно подошелъ къ одной женщинѣ и ударилъ въ ладони. Лапландка, какъ фурія, бросилась на купца, царапала его, била и тормошила страшнымъ образомъ, потомъ упала на скамью и долго не могла прійти въ себя. Опомнясь совершенно, она рѣшилась не пугаться болѣе, и при слѣдующемъ опытѣ удовольствовалась тѣмъ, что громко и пронзительно закричала. Въ то время когда она изъявляла радость о неудавшемся опытѣ, махнулъ ей платкомъ въ глаза и тотчасъ выскочилъ изъ комнаты. Женщина эта вдругъ начала бросаться то на того, то на другаго изъ присутствующихъ, била ихъ, хватала за волосы, падала на полъ и снова поднималась и страшно неистовала. Кастрéнъ, сидя въ углу комнаты, съ ужасомъ ожидалъ, что и до него дойдетъ очередь, и она устремила уже на него свои неподвижные взоры и протянула руки, готовая вцѣпиться ему въ лице, какъ два сильные карела успѣли во-время еще оттолкнуть ее въ сторону. Въ безпамятствѣ она упала къ нимъ на руки. Кастрéнъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ подобнаго рода пугливости, которая доказываетъ, что людей необразованныхъ легко вывести изъ нормальнаго положенія и привести въ состояніе обморочное; въ особенности это можно приложить къ шаманамъ и колдунамъ, которымъ переходъ въ обморочное состояніе облегчается упражненіемъ.

О колдовствѣ у русскихъ лапландцевъ Кастрéнъ говоритъ мало; потому-что онъ небылъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя особенно славятся колдунами.

Характеръ русскихъ лапландцевъ Кастрéнъ сравниваетъ съ ручейкомъ, воды котораго текутъ такъ тихо и спокойно, что едва замѣтить можно ихъ движеніе. Встрѣтитъ ли ручей какое нибудь препятствіе на пути, онъ обойдетъ его стороною и все-таки достигнетъ цѣли. Такъ и характеръ лапландца: спокойный, мирный, уступчивый; девизъ его— миръ; прежде всего, при встрѣчѣ, онъ спрашиваетъ о мирѣ и прощаясь говоритъ вамъ слова мира; миръ для него — все. Миръ любитъ онъ, какъ дитя любитъ мать, вскормившую его. Преданіе говоритъ, что въ лапландской землѣ все въ высшей степени наго, бѣдно и отвратительно, но потомъ прибавляетъ, что въ глубинѣ скрыто много золота. И можетъ ли быть какое нибудь сокровище лучше той мирной, невозмутимой тишины, которою обладаетъ лапландецъ? Лишенный почти всѣхъ наслажденій жизни, погруженный въ бѣдность и нищету, въ постоянной борьбѣ съ непріятною натурою, лапландецъ съ невозмутимымъ спокой-

ствіемъ переноситъ всѣ бѣдствія и трудности жизни. Только одного требуетъ онъ, какъ необходимаго условія своего существованія — чтобы не мѣшали ему наслаждаться тѣмъ малымъ, что онъ имѣетъ, чтобы не нарушали его древнихъ обычаевъ и не лишали его мира. Скудная здѣсь натура часто принуждаетъ лапландца къ труду и дѣятельности, но онъ охотно предается жизни болѣе спокойной или, по его выраженію, мирной. Лапландецъ не любитъ ни обширныхъ замысловъ, ни глубокихъ соображеній, ни дѣятельности, направленной внѣ сферы его жизни; но онъ охотно погружается въ размышленіе о религіозныхъ и другихъ предметахъ, встрѣчающихся ему въ ограниченномъ его мірѣ. Въ характерахъ лапландцевъ и финновъ много сходства, и финнъ любитъ спокойную, тихую жизнь, и онъ уступчивъ, если дѣло идетъ о мелочахъ, но если это касается вещей, имѣющихъ особую цѣну въ его глазахъ, онъ дѣлается героемъ. И лапландца можно довести до самаго упрямаго сопротивленія, но оно у него небываетъ продолжительно. Душевная дѣятельность и спокойное размышленіе у лапландца мельче, нежели у финна. Въ натурѣ лапландца много разлито грустнаго, что характеризуетъ все финское племя; только въ немъ нѣтъ той глубокой печали, которая сама уничтожаетъ себя и причисляется къ финскому героизму. Вообще кажется, что лапландецъ слабый братъ финна, и что первый наслѣдовалъ болѣе качествъ отъ матери, а второй отъ отца. Впрочемъ надобно замѣтить, что характеръ лапландцевъ, живущихъ въ деревняхъ, расположенныхъ на большой *мурманской* * дорогѣ, началъ сильно измѣняться. Внутреннее довольство замѣнено наружною, безмысленною веселостью; мѣсто тихаго созерцанія заняла практическая мудрость; тихая жизнь уступила мѣсто лихорадочной дѣятельности. Напрасно будете вы искать между ими нѣжности и сердечнаго расположенія, которыя такъ часто встрѣчаются у другихъ лапландцевъ. По-русски говорятъ они, какъ на своемъ родномъ языкѣ, и скоро совсѣмъ сольются съ русскими, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ своего письменнаго языка. Число русскихъ лапландцевъ простирается до 1844 душъ.

Отъ Синіеля до Колы 150 верстъ; олени хорошіе, и русскіе лапландцы ѣздятъ скоро; только погода неблагопріятствуетъ путникамъ; но тотъ, кто путешествуетъ въ Лапландіи, долженъ привыкнуть къ этому, какъ и ко многому другому.

Путники наши благополучно достигли Колы передъ самою масляницею. Сначала они хотѣли избрать Колу центромъ своихъ странствованій по русской Лапландіи, но извѣстія изъ Петербурга заставили ихъ

* Смотри ниже.

перемѣнить планъ, и изъ Колы отправиться прямо въ Архангельскъ, гдѣ у архимандрита Веніамина хотѣли они учиться самоѣдскому языку. Пребываніе путниковъ нашихъ въ Колѣ не представляетъ ничего особеннаго; ихъ принимали вездѣ радушно, угощали кулебяками и наливками.

И такъ путники наши не могли посѣтить Семи островъ, Муотку и другія мѣста поселенія лапландцевъ, лежащія къ сѣверу, и должны были удовольствоваться знакомствомъ съ лапландцами по дорогѣ отъ Колы до Кандалокса. Хотя на этомъ пути лежитъ только одна лапландская деревня, но на каждой станціи живутъ нѣсколько семействъ лапландцевъ изъ различныхъ мѣстъ. На каждой станціи находится хотя одна порядочная комната и путники могли бы очень удобно во время пути изучать различные діалекты русско-лапландскаго языка, за исключеніемъ терскаго діалекта. Къ несчастію путники попали въ потокъ переселяющихся мурманцевъ, и это очень мѣшало ихъ ученымъ занятіямъ.

Мурманцами называются толпы русскихъ, кареловъ и лапландцевъ, отправляющихся въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля къ берегамъ Ледовитаго моря, гдѣ они весною и лѣтомъ занимаются рыбнымъ промысломъ. Они приходятъ со стороны Онеги и Кеми чрезъ Кандалаксъ и Имандру, въ Разноволокъ, почтовую станцію въ 11-ти миляхъ къ югу отъ Колы. Здѣсь они раздѣляются на двѣ толпы. Тѣ, которые ловятъ рыбу въ морскихъ бухтахъ, начиная отъ бухты Колы до норвежской границы, идутъ чрезъ Колу и далѣе, а занимающіеся рыбнымъ промысломъ между Колою и Святымъ носомъ изъ Разноволока отправляются прямо къ мѣсту назначенія, не заходя въ Колу. Весь морской берегъ отъ норвежской границы до Святаго носа называется Мурманскимъ берегомъ, къ чему обыкновенно причисляютъ и часть Терскаго берега, подъ которымъ названіемъ извѣстны впрочемъ западные берега Бѣлаго моря. Мурманцы, о которыхъ мы говоримъ теперь, большею частію наемники. Сами же хозяева совершаютъ путь въ маленькихъ судахъ позже, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Суда эти, по величинѣ и постройкѣ, различны и называются ладьями, кошмарами и улитками; на нихъ привозятъ хлѣбъ для продовольствія рабочихъ и отвозятъ рыбу. Нѣкоторые хозяева остаются тутъ до конца августа, когда промыселъ прекращается; другіе же продолжаютъ свой путь до Вадео, Хаммерфестъ, Тромзо и заходятъ въ другія гавани Норвегіи, гдѣ промѣниваютъ муку, крупу, равентукъ, канаты, пеньку, рыбій жиръ, ворвань, мыло и прочее, на навагу, лисьи шкуры, ромъ, кофе, чай, сахаръ и другіе товары, имѣющіе хорошій сбытъ на ихъ родинѣ.

Отъ Колы до Кандалакса путешествіе было не очень благопріятно для ученой цѣли нашихъ путниковъ. До Разноволока и въ самой этой

станціи они находили повсюду толпы мурманцевъ, которые мѣшали имъ заняться дѣломъ. Мурманцы ходятъ партіями въ двадцать, тридцать и пятьдесятъ человѣкъ, состоящими изъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей обоего пола; большая часть изъ нихъ тащатъ за собою маленькія сани, изъ которыхъ выглядываютъ шубы, хлѣбы, лодочные якоря, котлы и прочее; нѣкоторые керриссы запрягаютъ собакъ. Дорогу сокращаютъ они себѣ пѣснями и шумомъ. Впрочемъ въ Лапландіи было пріятно встрѣтить эти толпы, придававшія пустынѣ жизнь и движеніе.

На третьей станціи отъ Колы въ деревнѣ Маанселькe или Маассеидъ, путники пробыли нѣсколько дней, изучая здѣшній лапландскій діалектъ. Названіе этой деревни очевидно финское, и на восточномъ, западномъ и южномъ берегахъ Бѣлаго-моря и даже въ самой Лапландіи находится много мѣстъ, названія которыхъ произошло отъ финновъ. Это по-видимому подтверждаетъ предположеніе Шагрена, который говоритъ, что карелы жили прежде во всемъ кольскомъ округѣ до сѣвернаго океана. Предположеніе свое основываетъ Шагренъ не столько на финскихъ названіяхъ мѣстностей, сколько на вліяніи финскаго языка на русско-лапландскій языкъ и на древнемъ преданіи о Валитѣ или Варентѣ, знаменитомъ владѣтелѣ Карелѣ или Кексольмѣ и вассалѣ Новгорода, который покорилъ Лапландію или землю мурмановъ и заставилъ лапландцевъ платить дань Новугороду. Впрочемъ это древнее преданіе мало доказываетъ относительно заселенія русской Лапландіи карелами. Мнѣніе Кастрена объ этомъ предметѣ слѣдующее.

Изъ изъустныхъ преданій и письменныхъ документовъ можно замѣтить, что финны карельскаго племени, въ прежнія времена дѣлали частые набѣги въ Лапландію единственно съ цѣлію пріобрѣсть добычу, но безъ намѣренія поселиться тамъ. Бои иногда были жестокіе и лапландцы, какъ они сами говорятъ, всегда одерживали побѣды. Подобный бой, вѣроятно, служилъ основаніемъ преданію о Варентѣ. Впрочемъ и лапландскія и финскія преданія, а равно и историческія свидѣтельства ясно показываютъ, что во времена неспокойныя и въ неурожайные годы нѣкоторыя финскія фамиліи переселились въ Лапландію. Если при избраніи мѣста для поселенія новыми пришельцами были нарушены права лапландцевъ относительно лѣсовъ, рыболовства, и проч., то дѣло оканчивалось обыкновенно стычкою, почему многія мѣста въ сѣверной Финляндіи, по преданію, названы были Китасаріи (островъ битвы), Торайерви (озеро битвы) и такъ далѣе. Въ противномъ случаѣ финны могли строиться и селиться, хотя лапландцы смотрѣли на нихъ довольно непріязненно. Когда усилія первыхъ колонистовъ увѣнчались успѣхомъ, и слухъ объ этомъ дошелъ до ихъ земляковъ, то часть ихъ тоже отправлялась

въ новое поселеніе, и тамъ, по преданію, образовалась не одна финская колонія въ Лапландіи; для примѣра назовемъ Энаре, Альтенъ, Пультакъ, Сейда, Каросіоки, хотя всѣ они образовались уже въ позднѣйшее время, но образовались такъ, какъ мы разсказали выше. Очень немногія колоніи, а въ русской Лапландіи нѣтъ ни одной, сохранили свой языкъ и національность, что кажется служитъ доказательствомъ малаго числа колонистовъ, и слѣдовательно противорѣчитъ мнѣнію Шагрена, который думаетъ, что карелы вытѣснили лапландцевъ изъ всей южной и восточной части Кольскаго округа, овладѣли всею этою землею и распространились потомъ далѣе къ сѣверу. Въ этомъ случаѣ стойкій финскій характеръ не могъ бы уступить лапландскому, который стоитъ ниже его во всѣхъ отношеніяхъ. Предположеніе, что карелы потомъ были вытѣснены русскими къ юго-востоку и способствовали чрезъ то населенію восточной части Лапландіи около Кеми, это предположеніе опровергается слабою русскою колонизаціею въ этомъ мѣстѣ. Безспорно, жители рѣкъ Кеми и Торнео состоятъ изъ смѣси саволаксовъ, кареловъ и лапландцевъ. Саволаксій элементъ въ особенности господствуетъ въ Кемитрикъ, Соданкире, Оберъ-Торнео, Мюніоніска. Эту колонизацію можно отчасти пояснить фамильными преданіями, которыя указываютъ, что предки нынѣшнихъ жителей пришли сюда въ различное время, изъ разныхъ мѣстъ и по разнымъ причинамъ, обыкновеннѣе же всего во время военныхъ смутъ и въ голодные годы. Карельское племя преобладаетъ въ Рованіеми, Кеми и Нидеръ-Торнео. Время переселенія этого племени неизвѣстно; но Кастренъ считаетъ вѣроятнымъ, что настоящіе колонисты пришли сюда изъ округа Кеми и населили сначала Рованіеми, а потомъ Тервола, Кеми и Нидеръ-Торнео. Замѣчательно, что колонизація кареловъ прекращается около Рованіеми. Въ Кемитрескъ нѣтъ и слѣдовъ карельскаго элемента, хотя это мѣсто щедро надѣлено природою во многихъ отношеніяхъ, и должно было бы служить кареламъ мѣстомъ убѣжища, когда они были вытѣснены изъ русской Лапландіи въ Финляндію. Что жители Кеми, Торнео и Рованіеми дѣйствительно сродны русскимъ кареламъ, это доказать легко. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи особенности языка, между прочимъ личныя мѣстоименія mie, sie, окончаніе глаголовъ — vitsen (öitsen), окончанія нарѣчій—sta (вмѣсто—sti въ Торнео) и многія отдѣльныя слова, которыя нигдѣ не встрѣчаются въ другомъ мѣстѣ. Сходство въ одеждѣ, въ домашней утвари и въ вещахъ поразительно!

Хотя предъидущія замѣчанія дѣлаютъ мало вѣроятнымъ мнѣніе, что русская Лапландія была когда-то очень населена и южная часть ея исключительно занята карелами, но за то почти повсюду въ ней, особен-

но въ южной части кольскаго округа, нельзя не замѣтить смѣшенія лапландскаго и карельскаго элементовъ. Это видно не только въ языкѣ, но и въ образованіи тѣла и въ чертахъ лица, въ образѣ жизни и въ нравахъ. Лапландцы въ Маанзелька хорошо сложены, имѣютъ правильныя черты лица, и говорятъ басомъ, между тѣмъ какъ другіе лапландцы имѣютъ тонкій пронзительный голосъ, живутъ частію въ дымныхъ избахъ, а частію въ карельскихъ домахъ, и десятки лѣтъ остаются на одномъ мѣстѣ, что противно обычаю лапландца. Языкъ полонъ карельскими словами и оборотами. Мурманцы мѣшали Кастрену заняться тутъ порядочно.

Русско-лапландскій языкъ не представляетъ въ грамматическомъ отношеніи такихъ существенныхъ отличій отъ другихъ лапландскихъ діалектовъ, какъ обыкновенно думаютъ. Онъ то приближается къ языку горныхъ лапландцевъ, то къ языку лапландцевъ Энаре, и во многихъ мѣстностяхъ занимаетъ средину между ими. Особенный характеръ его состоитъ изъ маленькихъ оттѣнковъ формъ и преимущественно въ усѣченіи окончаній. Окончательная буква уступила мѣсто русскимъ ъ и ь. Обыкновенно въ другихъ діалектахъ усиленіе согласныхъ буквъ въ немъ рѣдко встрѣчается; въ немъ нѣтъ также множества измѣненій гласныхъ, которое въ особенности замѣтно въ діалектѣ Энаре. Богатствомъ формъ онъ уступаетъ діалекту финско-лапландскому, а въ особенности шведско-лапландскому. Сами русскіе лапландцы раздѣляютъ свой языкъ на три главные діалекта, изъ которыхъ одинъ встрѣчается въ Петзинлуси, Мюотна, Патсіоки, Синіель, Нюстрозеръ, Іокостронъ, Бабія; другой—въ Семіостронъ и Ленозеро, Веронескъ, Кильдинъ, Маанзилька, и третій—на Терскомъ полуостровѣ между Святымъ носомъ и Поной. Далѣе Кастренъ говоритъ, что кто хочетъ изучить прототипъ лапландскаго языка, тотъ долженъ сравнить различные діалекты его и очистить ихъ отъ посторонніхъ примѣсей, потому что вліяніе чуждыхъ языковъ на языкъ лапландцевъ очень замѣтно.

Продавъ свои кериссы, шубы и прочія лапландскія принадлежности, путники изъ Кандалакса отправились въ Кемь (262 версты). Дорога идетъ частію берегомъ, и частію внутри страны; берега заселены русскими, а деревни, лежащія далѣе отъ береговъ, карелами. И въ русскихъ деревняхъ много кареловъ, и они поселились тутъ въ позднѣйшее время. Впрочемъ финскія названія многихъ мѣстностей и преданія, существующія между жителями доказываютъ, что многія изъ русскихъ деревень прежде заселены были карелами. Преданія отличаютъ финновъ, которыхъ русскіе зовутъ обыкновенно шведами, карелами и тмуденъ (чухны) (?). На западо-южномъ берегу Бѣлаго-моря встрѣчаются пре-

данія только о карелахъ, а южномъ и западномъ берегахъ поселяютъ преданія чудь, которую приводятъ въ соединеніи съ неграми и эстами. Кастренъ принимаетъ какъ доказанное предположеніе, что финское племя прежде распространялось до береговъ Бѣлаго-моря, и спрашиваетъ «куда же дѣвались древніе обитатели береговъ?. Что русскіе вытѣснили ихъ въ Лапландію, и потомъ въ Финляндію, это объясненіе кажется неудовлетворительнымъ. По всему вѣроятію, основываясь на тамъ и сямъ разсѣянныхъ преданіяхъ и на значительности русскаго населенія въ сѣверной части Архангельской губерніи, можно заключить, что русскіе не приходили сюда большими массами или цѣлымъ войскомъ; но что нужда, надежда на болѣе легкую жизнь, духъ предпріимчивости или и случайныя причины заставили нѣсколько семействъ искать здѣсь мѣста для поселенія. И такъ русское населеніе мирно распространилось тутъ и, вмѣсто того, чтобы вытѣснить финское племя, оно поглотило его, что доказываетъ еще и нечистый русскій языкъ, наполненный финицизмами въ Архангельской губерніи, а равно и финскія черты лица, которыя здѣсь безпрестанно встрѣчаются подъ русскою шляпой.

Принимая мнѣніе Кастрена или Шегрена объ исчезновеніи финновъ на берегахъ Бѣлаго-моря, прійдемъ къ одному результату, а именно, что древнее населеніе было тамъ очень незначительно или вытѣснено русскими, или поглощено ими. Сверхъ того, по мнѣнію Кастрена, берега Бѣлаго-моря не могутъ дать никакого поприща для естественной дѣятельности финскаго народа. Земледѣліе и скотоводство—вотъ промыслы, преимущественно соотвѣтствующіе характеру и склонностямъ финскаго племени, которое Провидѣніемъ послано, кажется, для того на землю, чтобы оно распространило культуру въ пустыняхъ Финляндіи, сѣверной Россіи и Скандинавіи. Финъ неутомимъ, терпѣливъ, всегда спокоенъ духомъ; онъ любитъ эти два промысла, потому что необходимое условіе его благоденствія есть созданіе вокругъ себя маленькаго міра, гдѣ онъ можетъ повелѣвать и дѣйствовать независимо. А потому онъ часто мѣняетъ беззаботную жизнь въ чужомъ домѣ на жалкое жилище въ пустынѣ; онъ думаетъ, что лучше у себя дома «пить воду изъ бурака», нежели въ чужихъ людяхъ «осушать серебряныя кружки пива». Въ слѣдствіе этого стремленія къ кругу дѣятельности тихому, мирному и независимому, большая финская колонія не можетъ образоваться на Бѣломъ-морѣ, берега котораго безплодны и неспособны къ обработкѣ, а постоянно холодные вѣтры еще болѣе дѣлаютъ невозможнымъ разведеніе хлѣбовъ. Здѣсь человѣкъ долженъ отъ моря добывать себѣ пропитаніе, а для этого необходимы подвижность, отвага, постоянная борьба съ опасностями, любовь къ плаванъ и спе-

куляціямъ, однимъ словомъ для этого нуженъ русскій характеръ. Въ кольскомъ округѣ 26 деревень, и въ нихъ только пять человѣкъ занимаются хлѣбопашествомъ; да и скотоводство здѣсь весьма незначительно, и между тѣмъ русскіе тутъ благоденствуютъ, а фины выступаютъ въ видѣ нищихъ или жалкихъ работниковъ. Оба племени могутъ заниматься одними и тѣми же промыслами; но русское имѣетъ большое преимущество; — его умъ неистощимъ и постоянно раждаетъ новые планы, расчеты и предпріятія. Русскій ненавидитъ это однообразное спокойствіе, составляющее величайшее блаженство фина; для перваго невыносимо постоянно оставаться подъ кровлею своей хижины и сосредоточить свой міръ на нѣсколькихъ десятинахъ земли, онъ любитъ странствовать далеко, и изъ отдаленныхъ странъ приносить домой сокровища. То онъ лежитъ, лѣтомъ въ своей ладьѣ, въ гавани Архангельска, или крейсеруетъ около береговъ Норвегіи; то, зимою, встрѣтите вы его на улицахъ Москвы или на нижегородской ярмаркѣ. Болѣе бѣдные тоже не сидятъ дома — они ловятъ рыбу въ Бѣломъ-морѣ. Это аксіомы, что кто хочетъ зимою ѣсть хлѣбъ, не долженъ сидѣть дома сложа руки. Онъ долженъ выработать, и если ему удастся пріобрѣсть нѣсколько лишнихъ копѣекъ, то онъ зимою пускается на болѣе или менѣе значительную торговую поѣздку. Вотъ въ короткихъ словахъ образъ жизни самый приличный на берегахъ Бѣлаго-моря, и къ такому образу жизни способенъ одинъ только русскій народъ, съ своимъ дѣятельнымъ духомъ, подвижностью и въ особенности съ своимъ свѣтлымъ разсудкомъ, все обращающимъ въ свою пользу.

Кемь—это незначительный городокъ на устьѣ рѣки Кеми. Худая дорога задержала здѣсь нашихъ путниковъ цѣлый мѣсяцъ. Какъ лѣтомъ нѣтъ сухопутной дороги отъ Кеми до Онеги, то они должны были отправиться моремъ, а 19-го мая еще нельзя было прямо проѣхать въ Архангельскъ; и потому они рѣшились ѣхать сначала въ Соловецкій монастырь (60 верстъ отъ Кеми) и оттуда уже въ Архангельскъ.

Въ маленькой лодкѣ, вмѣстѣ съ богомольцами, отправились они изъ Кеми; но, не доѣзжая 15 верстъ до монастыря, должны были остановиться и продолжать путь на лошадяхъ и въ повозкахъ, присланныхъ изъ монастыря. Въ монастырѣ узнали, что сообщеніе между Архангельскомъ и Соловецкимъ еще не началось, по причинѣ большихъ льдинъ, и путники наши, по приглашенію архимандрита, поселились въ монастырѣ. Не смотря однакоже на то, что монахи старались доставить имъ пріятное препровожденіе времени, они 26 числа отправились къ маленькой лодкѣ къ Архангельску и съ большимъ трудомъ достигли этого города.

На другой день они посѣтили архимандрита Веніамина, который былъ

извѣстенъ какъ хорошій знатокъ самоѣдскаго языка. Кастрéнъ думалъ въ теченіе лѣта заниматься съ отцемъ Веніамимомъ самоѣдскимъ языкомъ, а зимою отправиться къ самоѣдамъ; но въ послѣдствіи Кастрéнъ рѣшился употребить лѣто на путешествіе къ терскимъ лапландцамъ, и по первой зимней дорогѣ отправился къ самоѣдамъ; Легротъ же отправился въ олонецкую губернію.

Путешествіе къ терскимъ лапландцамъ было рѣшительно неудачно. Больной Кастрéнъ выѣхалъ изъ Архангельска въ довольно большой лодкѣ, на которой везли муку къ мурманскому берегу. Лодка должна была заѣхать на западный беретъ Бѣлаго-моря около трехъ острововъ, гдѣ Кастрéнъ хотѣлъ высадиться. Но противные вѣтры носили жалкую посудину, на которой ѣхалъ Кастрéнъ, долго по своему произволу, и путникъ нашъ, избѣжавъ счастливо разныхъ опасностей, принужденъ былъ въ слѣдствіе усилившейся болѣзни возвратиться въ Архангельскъ. Самая касса Кастрéна уменьшалась до 15 рублей серебромъ и положеніе его въ Архангельскѣ было довольно критическое. Въ Архангельскѣ Кастрéнъ встрѣтилъ нѣсколько самоѣдовъ и одного изъ нихъ избралъ своимъ учителемъ самоѣдскаго языка, которымъ онъ занимался въ деревнѣ Уеіма, въ 17 верстахъ отъ города. Въ этой деревнѣ Кастрéнъ пробылъ остатокъ лѣта, получилъ облегченіе отъ болѣзни и пріобрѣлъ много свѣдѣній въ языкѣ самоѣдовъ; даже касса его въ это время поправилась: Финскій Сенатъ назначилъ ему вспоможеніе въ 1000 рублей серебромъ.—Осенью Кастрéнъ продолжалъ свои занятія въ Архангельскѣ, а въ концѣ ноября отправился отсюда къ тундрамъ самоѣдскимъ.

Въ Холмогорахъ Кастрéнъ собралъ много преданій объ исчезнувшемъ народѣ—біармцахъ, о ихъ замкѣ и храмѣ, ихъ сокровищахъ и славѣ. Незначительный теперь городокъ Холмогоры лежитъ въ 70 верстахъ отъ Архангельска, и прежде былъ знаменитымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ біармцевъ. Холодъ и снѣгъ не позволили Кастрéну сдѣлать раскапыванія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде находились, говорятъ, храмъ Іюмала и кладбище.

Въ Пинегѣ (132 версты отъ Холмогоръ) Кастрéнъ осмотрѣлъ городъ и познакомился съ женою бывшаго тамошняго городничаго Громова, которая, извѣстна также подъ именемъ Хедвигъ Софіи Ленегвистъ, и была дочь умершаго пастора въ Орливези, доктора Богословія и Философіи. Эта женщина, всѣми уважаемая и любимая въ городѣ, способствовала, говорятъ, здѣсь разведенію картофеля и огородныхъ овощей и улучшенію скотоводства; Кастрéнъ получилъ отъ нее много интересныхъ данныхъ о мѣстѣ ея жительства, и много преданій о Чуди.

Любопытно, что Громова, руководствуясь только своими наблюденіями, пришла къ заключенію, что чудь должны быть—фины.

Кола на западномъ и Мезень на восточномъ берегахъ Бѣлаго-моря составляютъ геркулесовы столбы цивилизаціи. До Мезени (143 версты отъ Пинеги зимою) земля населена русскими, а далѣе идетъ уже самоѣдское населеніе, еще большею частію преданное язычеству. Уже на улицахъ Мезени можно видѣть самоѣдовъ, и однакожъ не смотря на всѣ старанія Кастрéна найти самоѣда, годнаго для обязанности переводчика и учителя, онъ не могъ успѣть въ этомъ, не только въ Мезени, но и въ деревнѣ Самуза, лежащей въ 40 верстахъ отъ города и все по одной причинѣ;—какъ женщины такъ и мужчины самоѣды всѣ страшные пьяницы.

Не имѣя возможности продолжать въ деревнѣ Самоза надлежащимъ образомъ свои филологическія занятія, Кастрéнъ возвратился въ Мезень, гдѣ нашелъ архангельскаго губернатора, который вызвалъ изъ Самоза самоѣдскаго тадибе или волшебника, знахаря, шамана, и хотѣлъ посмотрѣть его искусство. По приказанію губернатора, выстроена была колоссальная юрта на площади города, и шаманъ долженъ былъ дать въ ней пробы своихъ знаній. Хотя онъ и билъ въ барабанъ и старался узнать будущее губернатора, но Кастрéнъ видѣлъ, что тадиба самъ смотрѣлъ на все это какъ на шутку, и только желалъ поскорѣе отдѣлаться. Когда Кастрéнъ потомъ наединѣ выразилъ свое неудовольствіе тадибе за то, что тотъ худо исполнялъ свое дѣло, тадибе просилъ его покровительства у губернатора и обѣщалъ ему показать все свое искусство въ своей юртѣ на Канинской тундрѣ, въ слѣдствіе чего Кастрéнъ приготовился къ отъѣзду изъ Мезени.

Вотъ какъ ограничиваетъ Кастрéнъ страну, которую онъ хотѣлъ посѣтить: на сѣверѣ граница Ледовитое-море, на востокѣ Уральскія горы, на западѣ Бѣлое-море, на югѣ линія лѣсовъ, идущая до 66 или 67° широты. Эта обширная страна составляетъ такъ называемую Мезенскую тундру и раздѣляется рѣкою Печорою на двѣ части, изъ которыхъ большая или восточная, лежащая между рѣкою Печорою и Уральскими горами, называется у русскихъ Большеземельская тундра, а у самоѣдовъ аагка ја—что означаетъ «большая земля». Западная же часть, лежащая между рѣкою Печорою и Бѣлымъ-моремъ у русскихъ не имѣетъ особеннаго названія, а самоѣды называютъ ее njude ја—«малая земля»; часть эта еще раздѣляется на тундры канинскую и тиманскую или тіунскую, которыя по офиціальнымъ свѣдѣніямъ отдѣляются одна отъ другой рѣкою Пьеша, а по разсказамъ самоѣдовъ, рѣкою Снопа, которыя обѣ впадаютъ въ Челискую губу. Канинская тундра

лежитъ на западъ отъ той или другой рѣки, и къ ней принадлежитъ полуостровъ Канинъ Носъ; Тиманская же тундра простирается къ востоку, до Печоры рѣки. Канинская тундра у самоѣдовъ называется Саліе, что значитъ мысъ, носъ, что собственно относится къ Канину Носу. Тиманскую тундру самоѣды зовутъ jude ja, срединная земля, то есть земля между Канинскою и Большеземельскою тундрами.

Что касается до нѣкоторыхъ здѣсь приведенныхъ названій, то надобно замѣтить, что изъ нихъ многія нельзя произвести ни отъ русскаго, ни отъ самоѣдскаго языка; но они, вѣроятно, принадлежатъ языку древней чуди или нынѣшнихъ финновъ.

Напримѣръ, слово тундра чуждо и русскому и самоѣдскому языку, но встрѣчается въ финскомъ въ формѣ тюнтюри. Русское: Большая Земля и самоѣдское aarka ja суть переводы финнскаго isomaa (большая земля), отъ чего русскіе образовали свое Шима, которое еще и теперь служитъ названіемъ рѣки. Какъ въ Шима такъ и въ Симанѣ, вторая часть слова кажется есть финское maa—земля. Подробности объ этомъ можно прочесть въ статьѣ Кастрéна: Заволожская Чудь.

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА.— Смерть Джажнадата *(отрывокъ изъ Рамайяны)*. — Мысли Стерна. — Мнѣніе Сен-Марка Жирардена о романахъ, любви и женщинахъ, по поводу Новой Элоизы.— Начало журналистики въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.**— Слѣпой кларнетистъ *(музыкальный разсказъ)*.—«Віолетта», новая опера Меркаданте. — Письмо Меркаданте о Miserere. — «Оттело» Россини. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.** — Наблюденіе надъ миражемъ. — Движеніе цвѣтка Victoria Regia.— Новыя наблюденія надъ электрическимъ свѣтомъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Отъ ссоры не быть пути, *(разсказъ)*.— Путешествіе по Ирландіи. — Сорокодневный сонъ.— Странная африканская ягода.— Сватовство Генриха IV *(историческій разсказъ)*.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Смерть Джажнадата. *(Отрывокъ изъ Рамайяны).* Этотъ отрывокъ изъ Рамаяны переведенъ очень близко къ оригиналу, такъ что сохранены не только мысли, но даже обороты фразъ. Прежде всего надобно познакомить читателя съ дѣйствующими лицами въ этой поэмѣ:

У Дагараты, Царя Аіодіи, были три жены Кеікеи, Сумитра и Косалія. Отъ первой былъ у него сынъ Барата, отъ второй два близнеца Лакліана и Сатругна, а отъ третьей, сынъ Рама, въ которомъ воплотился богъ Вишну, и которому было назначено небомъ избавить землю отъ порочнаго Раваны, Раджи Цейландскаго и освободить браминовъ отъ его преслѣдованій.

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue, britannique, Bibliothèque de Génève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Litterary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

Въ молодости Рама отличился многими геройскими подвигами, и Дасарата хотѣлъ назвать его наслѣдникомъ престола. Но Царица Кеіксі спасшая однажды жизнь своего супруга, заставила его поклясться, что онъ исполнитъ двѣ ея просьбы, какія бы онѣ не были. Она и попросила царя, чтобъ онъ изгналъ Раму на четырнадцать лѣтъ и объявилъ бы Барату наслѣдникомъ. Дасарата, связанный клятвою, принужденъ былъ изгнать сына. Рама покинулъ Аіодію въ одеждѣ пустынника, и удалился въ пустыню съ братомъ своимъ Лакмана, который послѣдовалъ за нимъ по дружбѣ. Продолженіе поэмы видно въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Рама удалился въ лѣса съ братомъ Лакмана. Старый Раджа Дасарата былъ въ большомъ отчаяніи отъ этой двойной потери. Печаль покрыла чело его, какъ ночь покрываетъ солнце, когда Рану *), хочетъ его проглотить. Прошло шесть дней, онъ все сожалѣлъ о Рамѣ. Ночью онъ мучился безсонницею и вспомнилъ, что давно уже сдѣлалъ преступленіе. Онъ началъ разсказывать объ этомъ супругѣ своей, дочери Косала.

«О Косалія! ты тоже не спишь, слушай же мои слова Что бы человѣкъ ни дѣлалъ, добро или зло, рано или поздно онъ пожинаетъ плодъ уже созрѣлый. Кто начинаетъ дѣло необдумавъ, того мудрецы называютъ ребенкомъ. Если человѣкъ предпочтетъ красивые цвѣты палази, амрѣ **), то онъ увидитъ свое заблужденіе когда нальются плоды. Увы! Я тоже безумецъ, я бросилъ амру, покинулъ сына моего Раму, и теперь не могу утѣшиться. Косалія, однажды когда я былъ молодъ, дальній шумъ обманулъ меня, и я пустилъ въ ту сторону стрѣлу. Это было страшное преступленіе. Я совершилъ это несчастіе, какъ ребенокъ, который по незнанію съѣстъ ядовитый плодъ, я тоже невольно сдѣлался преступникомъ.

«Ты была еще ребенкомъ, когда я былъ уже наслѣдникомъ престола. Пришло время дождей, которое волнуетъ наши чувства. Солнце высушило воду и согрѣло землю. Съ сѣвера оно опять вернулось на югъ, къ странѣ тѣней. Облака вернулись и покрыли небо. Слышны были крики радости павлиновъ, кукушекъ и цаплей. Рѣка, полная отъ дождей, катила мутныя воды, выходившія изъ береговъ. Земля утоляла свою жажду. Она пила небесную воду и покрывалась зеленою травою. Павлины были въ восторгѣ.

«Въ это время я взялъ стрѣлы, прикрѣпилъ колчанъ и пошелъ съ лукомъ на берега Сараю. Я не могъ владѣть собою, я хотѣлъ ночью, во что бы то ни стало, поразить буйвола или дикаго слона, которые прійдутъ пить къ рѣкѣ. Въ темнотѣ я услышалъ шумъ, какъ будто бы

*) Рану, злой духъ, который пробрался къ богамъ, потребовать амброзіи. Солнце замѣтило пришлеца и пожаловалось Вишну, отрубившему голову Рану. Эта голова полетѣла къ небесному своду, и такъ какъ она уже попробовала амброзіи, то сдѣлалась безсмертною и осталась тамъ на вѣки. Рану все еще сердится на солнце, и иногда бросается на него, чтобъ проглотить. Вотъ астрономическая басня индѣйцевъ о солнечномъ затмѣніи.

**) Цвѣты перваго дерева красивы, но плоды ни куда не годятся; плоды амры чрезвычайно вкусны.

кувшинъ опускался въ воду, и въ темнотѣ принялъ за слона приближавшееся существо. Я прицѣлился острою стрѣлою и пустилъ ее безъ размышленія по направленію шума.

«Стрѣла полетѣла, и я услышалъ жалобный голосъ, который воскликнулъ: Ахъ, я умираю! Зачѣмъ убили пустынника. Какой злой человѣкъ хочетъ моей смерти? Я пришелъ ночью къ рѣкѣ зачерпнуть воды. Откуда прилетѣла стрѣла? Кому я сдѣлалъ зло! Увы! эта жестокая стрѣла въ одно время поразила сына и сердце несчастнаго старика, который питался плодами этого лѣса. Это безполезное убійство будетъ судиться всѣми мудрецами и сочтется преступленіемъ такимъ же важнымъ, какъ убійство брамина. Я не боюсь смерти, и не сожалѣю о жизни; но я думаю о моихъ старыхъ родителяхъ, которые слабы и слѣпы. Давно уже я одинъ кормлю стариковъ. Боги! что съ ними будетъ, когда мѣсто мое сгніетъ и возьмется пятью стихіями. Какой безчеловѣчный поразилъ однимъ ударомъ троихъ, которые питались одними плодами?

«Услыша этотъ жалобный голосъ, сердце мое задрожало. Я понялъ что причинилъ большое несчастіе и лукъ выпалъ изъ рукъ моихъ.

«Я побѣжалъ и увидѣлъ молодаго человѣка, покрытаго тигровою кожею и съ косою пустынниковъ. Моя стрѣла поразила его и онъ лежалъ на берегу. Глаза его, полные гнѣва остановились на мнѣ, онъ сказалъ:

«Кшатрій *), что я тебѣ сдѣлалъ? Я жилъ въ этихъ лѣсахъ и пришелъ сюда только за водою. Ты погубилъ меня безъ причины. Мои старые родители бѣдны и слѣпы. Они останутся безъ подпоры, потому что напрасно будутъ ждать моего возвращенія. Однимъ ударомъ, безжалостный человѣкъ, ты убилъ трехъ невинныхъ — моего стараго отца, мать и меня. Вотъ награда за мое усердіе, за лишенія и изученія Ведъ. Мой бѣдный отецъ даже не знаетъ, что я умираю. И если бы онъ зналъ это, то къ чему оно послужитъ. Слѣпецъ безсиленъ какъ дерево, которое не можетъ сойти съ мѣста и помочь своему товарищу, когда его рубятъ. Сынъ Рагу, ступай къ моему отцу и разскажи ему о моей печальной участи, чтобъ онъ не успѣлъ послать тебѣ страшнаго проклятія, которое сожжетъ тебя, какъ огонь сухія листья. Эта тропинка ведетъ къ хижинѣ отца моего. Ступай скорѣе къ нему и умоляй, чтобъ онъ не проклялъ тебя. Вынь прежде изъ моей груди твою стрѣлу: она терзаетъ мое сердце. Торопись же, или я умру. Не думай только, что преступленіе твое самое важное. Ты убилъ не брамина; я родился не дважды. Мой отецъ браминъ, но мать моя Судра. **)

«Такъ говорилъ юноша, котораго я пронзилъ стрѣлою. Я вынулъ изъ его дрожащей груди гибельное желѣзо; онъ еще разъ посмотрѣлъ на меня и испустилъ духъ.

«Когда умеръ сынъ великаго Ричи ***), я пришелъ въ отчаяніе. Я чувствовалъ какъ отъ боли и горя разсудокъ мой затмился.

*) Кшатрій — военная каста.

**) Судры, послѣдняя каста работниковъ.

***) *Ричи* называются брамины.

«Я взялъ теплую стрѣлу, похожую на зубъ змѣи, и побрелъ съ кувшиномъ къ хижинѣ старика. Тамъ я увидѣлъ двухъ слѣпцовъ совершенно однихъ. Они похожи были на птицъ съ подрѣзанными крыльями; они сидѣли одинъ возлѣ другаго и разговаривали о сынѣ, ожидая его возвращенія. И я убилъ этихъ стариковъ!

«Услыша мои шаги, старикъ сказалъ мнѣ:

«Что задержало тебя, сынъ мой? Жажда мучитъ насъ. Ты вѣрно забавлялся на берегу рѣки Джажнадата. Мать твоя безпокоилась. Милый сынъ, наша единственная подпора, прости, если мы огорчили тебя, но не заставляй насъ ждать напрасно. Ты ходишь за слабаго, видишь за слѣпаго; отъ тебя зависитъ наша жизнь. Но отчего же ты не отвѣчаешь намъ?

«Слезы остановились у меня въ горлѣ. Я сдѣлалъ усиліе и дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

«Ричи, я не сынъ твой, но воинъ Дагарата и пришелъ къ вамъ объявить о невольномъ преступленіи. Я пришелъ на берегъ Сараи съ лукомъ, охотиться за дикими звѣрьми или убить слона, который прійдетъ пить. Я услышалъ какъ въ воду опускался кувшинъ, и убилъ твоего сына, принявъ его за слона. Я прибѣжалъ на стоны раненаго и увидѣлъ его лежавшаго на землѣ. Ночь обманула меня, почтенный старецъ, потому что я цѣлился въ слона, а стрѣла поразила твоего сына. Долго онъ плакалъ объ васъ, и когда я вынулъ желѣзо изъ раны, онъ умеръ, и душа его полетѣла на небо. Я невольно убилъ твоего сына, почтенный Ричи. Я самъ въ отчаяніи; отврати отъ меня твой гнѣвъ.

«Старикъ, выслушавъ меня, остался безъ движенія, потомъ собралъ свои мысли и сказалъ мнѣ слѣдующія грозныя слова:

«Если бъ ты самъ не пришелъ ко мнѣ объявить твое преступленіе, мое проклятіе убило бы тебя и всю твою страну. О воинъ. Если кто рѣшится убить пустынника и кающагося, въ ту же минуту голова преступника разлетится на семь кусковъ. Твое преступленіе неумышленное, и потому ты живешь, сынъ Рагу. Пускай твои родные не безпокоятся. Сведи меня только на то мѣсто, гдѣ лежитъ мое дитя, опора слѣпаго. Я хочу еще разъ дотронуться до тѣла сына, если могу только дожить до той минуты. Я пойду туда съ его матерью, которая омоетъ кровь на его тѣлѣ и волоса, закрывающіе лобъ.

«Я свелъ на печальное мѣсто двухъ несчастныхъ и остановился надъ трупомъ. Они начали обнимать мертваго съ криками горести, и оба упали на его тѣло.

«Мать крѣпко сжала его и покрывала поцѣлуями блѣдное лице. Она стонала и плакала.

«Джажнадата, говорила она, ты любилъ меня больше жизни, и первый собрался въ долгій путь. Отчего ты не говоришь со мною? Поцѣлуй меня, милый сынъ, и потомъ иди куда хочешь. Развѣ ты сердитъ на насъ, что не хочешь проститься съ нами?

«Въ то же время отецъ дотрогивался до холодныхъ членовъ сына и говорилъ съ нимъ какъ съ живымъ:

«Я отецъ твой, дитя мое. Я здѣсь съ твоею матерью. Встань же и

обними насъ. Я не буду уже ночью слышать твоего прекраснаго голоса, который повторялъ молитвы. И кто, каждое утро прійдетъ ко мнѣ, когда я встрѣтилъ уже солнце и совершилъ молитву, чтобъ съ ласкою дотронуться до моихъ ногъ? Кто пойдетъ въ лѣсъ отыскивать плодовъ и травъ, чтобъ поддерживать двухъ слѣпыхъ, которые умерли бы съ голоду. Твоя мать стара, чѣмъ я могу прокормить ее? У меня нѣтъ ни силъ, ни глазъ. Подожди же, не уходи въ мрачное жилище Яма. Завтра я и мать твоя проводимъ тебя, потому что горе и бѣдность скоро доведутъ насъ до смерти. Когда мы будемъ въ области смерти, я самъ буду умолять Яма и скажу: Дай награду моему сыну, онъ былъ невиненъ, онъ былъ жертвою страшнаго преступленія, и онъ пойдетъ въ рай, жилище героевъ. Тамъ живутъ пустынники, брамины кающіеся, почитатели Веды, цари святые и добродѣтельные, тѣ, которые живутъ строго съ женами, даютъ браминамъ коровъ, золота и рису, земли, которые принимаютъ изгнанниковъ, всѣ великодушные и праведные. Ступай туда, мой любезный сынъ, и вспоминай о старомъ отцѣ. Печальный адъ не будетъ удѣломъ моего сына, моей крови. Тамъ будетъ преступникъ, который убилъ моего единственнаго сына.

«Такъ говорилъ старый Ричи, и всталъ чтобъ омыть тѣло сына. Вдругъ въ воздухѣ явилась тѣнь Джажнадаты онъ сказалъ:

«Утѣшьтесь, добрые родители, я заслужилъ рай за мою любовь къ вамъ. Скоро и вы соединитесь со мною въ желанной обители. Не жалейте же обо мнѣ. Кшатріи не виноваты, потому что смерть моя была назначена судьбою.

«И онъ улетѣлъ. Старикъ обмылъ тѣло водою, потомъ сказалъ мнѣ слѣдующія слова, которыя я выслушалъ съ почтеніемъ:

«Сынъ мой умеръ, и ты убилъ его, потому что безразсуденъ. Я осуждаю тебя на жестокое наказаніе. Я умру, оттого что сынъ мой умеръ, и ты умрешь съ горя, оттого что тебя тоже разлучатъ съ сыномъ.

«Пораженный этимъ грознымъ проклятіемъ, я вернулся въ мой дворецъ, и Ричи скоро испустилъ послѣднее дыханіе. Проклятіе брамина упало на мою голову. Я чувствую, что не переживу разлуки съ сыномъ. Мои глаза уже не различаютъ предметовъ. — О моя супруга, память моя исчезнетъ. Вотъ посланники Яма, которые увлекаютъ меня. Отсутствіе моего любезнаго сына Рамы уничтожаетъ мою жизнь, какъ сила потока сокрушаетъ деревья. Если бъ Рама вернулся, если бъ онъ могъ дотронуться до меня и сказать мнѣ нѣсколько словъ, я бы снова ожилъ, какъ будто мнѣ дали выпить напитка, дающаго безсмертіе. Можетъ ли быть судьба несчастнѣе моей, милая моя супруга. Я умру и не увижу нашего сына. Счастливые жители Аіодіи, они увидятъ когда онъ вернется изъ изгнанія, какъ Идра, сходящій съ неба. Боги, а не люди увидятъ его милое лице, блестящее какъ луна. Они будутъ любоваться его красотою, чистою какъ цвѣтокъ Лотуса. Они увидятъ его кроткіе глаза, тихіе какъ блескъ луны, и улыбку, пріятную какъ распустившійся цвѣтокъ.

Такъ стоналъ старый Раджа на своей печальной постелѣ и безъ боли,

безъ усилій покинулъ жизнь, какъ при восходѣ солнца потухаютъ звѣзды тихо и незамѣтно. Онъ умеръ, повторяя: Рама! сынъ мой!

Такъ разсказывалъ Дасарота Царицѣ исторію изгнанія своего любимаго сына, и къ концу ночи неутѣшный отецъ лежалъ безъ дыханія на своей постелѣ. Горе убило его.

—

Мысли Стерна. Недавно найдено и издано нѣсколько новыхъ, неизвѣстныхъ отрывковъ и мыслей знаменитаго англійскаго юмориста. Извлекаемъ изъ нихъ нѣсколько афоризмовъ.

— Я предпочту скорѣе ходить босымъ, чѣмъ рѣшиться на какое нибудь постыдное дѣло. Пускай лучше будутъ грязны *ноги*, но не *руки*.

— Я думаю вообще, что женщины добродѣтельнѣе мужчинъ, но женщины и мужчины часто очень дурно думаютъ другъ о другѣ.

— Одинъ человѣкъ оказалъ мнѣ однажды услугу довольно важную, и потомъ началъ поступать со мною такъ дурно, что сдѣлалъ мнѣ много вреда. Представился случай отмстить ему, и одинъ изъ моихъ друзей, или скорѣе, враговъ, совѣтовалъ мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ. Я отвѣчалъ, что обязанъ этому человѣку, и потому съ моей стороны неблагородно платить за добро зломъ.—Но онъ послѣ того сдѣлалъ вамъ столько вреда, что вы должны быть квиты. — Ошибаетесь, дружескіе поступки не подлежатъ коммерческому расчету: доброе дѣло не забывается и не сквитывается никогда. Намъ приказано прощать врагамъ—ясно, что не надобно было и упоминать, чтобъ мы прощали друзьямъ. Всякая обида уничтожается благодарностью.

— Умѣренный человѣкъ, напившись пьянъ, находится въ такомъ же безсмысленномъ положеніи, какъ пьяница въ трезвомъ состояніи.

— Алгебра—это метафизика ариѳметики.

— Ученіе—*словарь*, а мышленіе *грамматика* науки.

— Оригинала можно сравнить съ уродомъ: ему не столько удивляются, сколько жалѣютъ о немъ.

— Друзья похожи на вино: молодое чисто и вкусно до послѣдней капли, старое дороже, но въ немъ есть гуща, которая устоялась отъ времени.

— Можно и книгу сравнить съ виномъ. Разсужденіе — напитокъ, остроуміе — букетъ.

— Самые несносные воры, это глупцы: они крадутъ ваше время и ваше терпѣніе.

— Что можетъ быть несчастнѣе умнаго человѣка, который влюбленъ въ дуру. Женщины хвастаютъ подобными побѣдами и думаютъ, что онѣ могутъ обмануть такого человѣка, тогда какъ онъ только обманываетъ самого себя. Его самолюбіе не допускаетъ увѣриться, что онъ могъ полюбить идіотку, и потому придаетъ ей свой собственный умъ, не замѣчая, что даетъ только оружіе противъ самого себя.

— Влюбленные могутъ слышать *глазами*, и часто видятъ *ушами*. Одинъ говорилъ своей подругѣ: говори, я буду смотрѣть.

— Замѣчаютъ, что часто мужчины привязываются къ женщинамъ, въ которыхъ нѣтъ ни какого достоинства. Это оттого, что если человѣкъ влюбится безъ всякихъ *причинъ*, то потомъ уже не находитъ ихъ, чтобъ перестать любить.

— Есть женщины, къ которымъ нейдетъ улыбка, и которыя прекраснѣе, если онѣ серьозны. Если бъ я полюбилъ такую женщину, то ссорился бы съ нею каждый день, чтобъ оставаться ей вѣрнымъ, а то улыбка можетъ скоро заставить ее разлюбить.

— Умъ безъ воображенія, тоже что земля безъ солнца.

— Міръ наполненъ посредственностями, которыя бываютъ въ безпрестанномъ движеніи и дѣятельности. Они только хлопочутъ о томъ, чтобъ ихъ замѣтили, и стараются помѣшать великимъ актерамъ, путая ихъ игру, или развлекая шумомъ за кулисами. Часто случается, что они успѣваютъ обратить на себя вниманіе, но не надолго. Имъ стоитъ только успокоиться, и никто объ нихъ не вспомнитъ.

— Изъ людей одни думаютъ и говорятъ, другіе говорятъ, но не думаютъ. Это попугаи, которые повторяютъ только то, что слышатъ.

— Есть люди, которые скачутъ лучше чѣмъ ходятъ.

— Деньги не составляютъ счастія: онѣ только помогаютъ имъ наслаждаться.

— Кто первый видитъ путешественника, но не даетъ ему ужинать?— Труба на крышѣ.

— Что очень длинно, но не имѣетъ тѣни на солнцѣ? — Дорога.

— Какіе друзья цѣлый день дерутся и не дѣлаютъ никакого вреда другъ другу? — Зубы и языкъ.

— Безпрестанное чтеніе романовъ и сказокъ ослабляетъ душу и производитъ печальное хладнокровіе ко всѣмъ маленькимъ наслажденіямъ, ежедневнымъ занятіямъ и удовольствіямъ, которыя, разумѣется, незначительны, но составляютъ семейное счастіе.

— Хвали лучше добродѣтели твоего врага, но не пороки твоего друга.

— Кто хочетъ усовершенствовать свое образованіе, тотъ долженъ учить другихъ.

— Чужую книгу всегда скорѣе прочтешь, чѣмъ свою собственную.

— Счастливая физіономія самое лучшее рекомендательное письмо.

— У человѣка должно быть мало друзей и мало книгъ, но за то хорошо выбранныхъ.

— Угрозы безсильныя, тоже что пистолетъ набитый холостымъ зарядомъ.

—

Мнѣніе Сен-Марка-Жирардена о романахъ любви и женщинахъ, по поводу «Новой Элоизы.» Профессоръ французской литературы и академикъ Сен-Маркъ-Жирарденъ печатаетъ въ журналѣ «Revue des deux

mondes» лекціи, читанныя имъ въ нынѣшнемъ году въ Сорбоннѣ, о жизни и сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. Мы уже представляли извлеченія изъ этихъ лекцій о характерѣ и жизни Руссо. Извлекаемъ еще изъ послѣдней статьи его, посвященной разбору Новой Элоизы нѣсколько замѣчательныхъ сужденій о предметахъ занимательныхъ для всѣхъ и во всякое время.

Отчего *Новую Элоизу*, которую нѣкогда такъ хвалили, которой такъ удивлялись, въ XVIII вѣкѣ, не читаютъ въ наше время, или по крайнѣй мѣрѣ читаютъ только тѣ, которые изучаютъ исторію французской литературы? Сколько людей читаютъ до сихъ поръ *Павла и Виргинію*, не зная прочихъ сочиненій Бернардена де Сенъ-піера! Но Новую Элоизу, какъ романъ, какъ разсказъ, въ которомъ ищутъ душевныхъ ощущеній, — никто и въ руки не возьметъ. Было время, когда Новая Элоиза составляла славу автора; теперь только имя Руссо поддерживаетъ эту книгу и доставляетъ ей небольшое число любознательныхъ читателей.

Впрочемъ, такова была участь многихъ романовъ, пользовавшихся громкою славою въ эпоху своего появленія. *Астрея*, *Киръ*, *Клелія* испытали ту же самую судьбу. А какъ романы составлютъ родъ сочиненій, болѣе всего соотвѣтствующій идеямъ и ощущеніямъ своего времени, то они и забываются вмѣстѣ съ тѣми идеями и чувствами, если не изображаютъ такихъ чувствъ и идей, которыя составляютъ принадлежность извѣстной эпохи, всего человѣчества и всѣхъ временъ.

Всѣ романы имѣютъ претензію изображать сердце человѣческое, но это изображеніе бываетъ двоякое: одно современное, вседневное; другое неизмѣнное, вѣчное. Въ этомъ-то и состоитъ ошибка большей части писателей романовъ. Они современное, эфемерное чувство принимаютъ за міровое, маску, принимаютъ за лице, мгновеніе за столѣтіе. Любовь, на которой основаны романы, выражается тоже двояко; одинъ способъ принадлежитъ современной модѣ и образу воспитанія, другой, обществамъ народамъ и вѣкамъ. Можно сказать еще болѣе: женщина, служащая въ каждомъ романѣ типомъ для выраженія любви, тоже имѣетъ двоякую физіономію: современную и вѣчную. Всякое столѣтіе имѣетъ свой типъ женщины, которую украшаютъ по-своему. Прекрасная Ореана въ Амадисѣ Гальскомъ не похожа на пастушку Астрею въ романѣ того же названія. Клелія въ свою очередь не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Новою Элоизою.

Чѣмъ болѣе лицо романа имѣетъ отношеній къ своему вѣку, тѣмъ больше романъ пріобрѣтаетъ успѣха. Особенно женщины должны быть идеалами своего времени, своей эпохи, и тогда онѣ нравятся и восхищаютъ. Она должна быть образцемъ красоты и любезности. Но за то, по всегдашнему закону своенравной любви, чѣмъ больше подобная героиня нравилась своимъ современникамъ, тѣмъ равнодушнѣе къ ней потомство;—оно смотритъ на нее хладнокровно, какъ взрослые смотрятъ на куклу, нѣкогда восхищавшую ихъ.

Это потомство въ свою очередь составляетъ себѣ типы куколъ, и въ восторгѣ отъ нихъ, передаетъ ихъ потомъ равнодушію слѣдующаго поколѣнія. Такимъ образомъ эти куклы занимаютъ поочереди взрос-

лыхъ дѣтей всѣхъ вѣковъ и поколѣній. Хорошіе сочинители романовъ и истинные драматическіе поэты умѣютъ отстранять современныхъ куколъ, а берутъ предметомъ своихъ разсказовъ и піесъ *женщину* въ ея привлекательной и трогательной истинѣ. Прелестная Миндана и обожаемая Клелія куклы. Онѣ были очень милы въ свое время, но мода на нихъ прошла, и онѣ забыты. Химена и Полина Корнеля, Андромаха и Федра Расина, принцесса Клевская г-жи Лафайетъ—*женщины*, и вотъ почему ихъ помнятъ. Превратите женщину въ куклу, и ее скоро забудутъ; сдѣлайте изъ куклы женщину, и она навсегда останется въ памяти.

На театрѣ и въ романахъ впрочемъ рѣдко являются героини, въ которыхъ много истины. Возьмите, напримѣръ, Альзиру и Идамею Вольтера. Сколько въ нихъ ложнаго; какъ онѣ явно носятъ отпечатокъ своего времени; онѣ сдѣлались философическими и декламаціонными куклами, и не могутъ уже нравиться намъ. Кукла убила въ нихъ женщину. Тогда какъ Заира, у которой меньше осталось приторности своего вѣка, еще жива и нравится. Въ ней женщина побѣдила куклу.

Въ Юліи *Новой Элоизы* современная кукла, представленная Жан-Жакомъ-Руссо, умерла, но типъ истинной женщины живъ и восхищаетъ насъ.

Руссо имѣлъ претензію изобразить въ Новой Элоизѣ истинную *женщину*, и современники его думали, что онъ успѣли въ этомъ. Но можно утвердительно сказать, что Руссо всего менѣе понималъ въ своей жизни *женщину*. Въ кругу счастливыхъ семействъ встрѣчается иногда чистое и прелестное существо, низводящее благословеніе неба на все окружающее: это наши дочери, наши сестры, любимыя, уважаемыя и охраняемыя нами. Мать внушаетъ имъ правила добродѣтели, украшающія ихъ качества, возвышающія ихъ красоту. Невинность дѣвушки, скромность супруги, святость матери — вотъ три видоизмѣненія земнаго поприща женщины. Она возвышается по мѣрѣ исполненія своихъ семейныхъ обязанностей, составляющихъ ея силу и честь и дѣлающихъ изъ нее, если не главу, то сердце семейства. Вотъ идеалъ женщины! Если его встрѣчаютъ не во всѣхъ семействахъ, то отдѣльныя черты есть вездѣ, и когда мы хотимъ изобразить женщину въ ея чистѣйшей и привлекательнѣйшей формѣ, мы легко собираемъ въ одинъ идеалъ всѣ эти черты, разбросанныя вкругъ насъ.

Было никогда не зналъ женщины въ этомъ благородномъ видѣ. Онъ видѣлъ страстную и влюбленную женщину, философически распоряжающуюся своими страстями. Онъ зналъ г-жу Варенсъ. Это былъ печальный идеалъ. Но онъ не зналъ молодой дѣвушки, воспитанной доброю матерью, жены, любящей и уважающей своего мужа, воспитывающей своихъ дѣтей, однимъ словомъ женщину, которой Провидѣніе дало высокія, священныя обязанности, дѣлающія самую строгую долю пріятною и поддерживающую постоянство благородныхъ чувствъ. Посмотрите на всѣхъ женщинъ въ романахъ Руссо: на Юлію, Клару, Софію: въ нихъ нѣтъ истинной чистоты, даже когда онѣ и добродѣтельны. Это происходитъ отъ того, что онѣ воспитаны были не матерью, а книгами, и слѣдственно въ нихъ нѣтъ

утонченной женственности и прелести. Не бывши въ кругу хорошихъ семействъ, онѣ не представляютъ типовъ хорошихъ обществъ. Въ чувствахъ ихъ есть что-то грубое и сильное, обнаруживающее частое обращеніе съ мужчинами и книгами.

Въ романахъ обыкновенно мужчина образуетъ женщину. Въ Новой Элоизѣ наоборотъ: женщина учитъ мужчину какъ слѣдовать правиламъ нравственности и философіи. Юлія не только любитъ Сен-Пре, но управляетъ имъ, даже болѣе, обходится съ нимъ, какъ съ своимъ слугою. Она даетъ ему депегъ на путешествіе, и тотъ принимаетъ деньги. Точно также поступаетъ и самъ Руссо, получая деньги отъ г-жи Варренсъ. Вообще чтобъ понять Новую Элоизу, надобно сперва прочесть Признанія Руссо. Сходство главныхъ лицъ удивительное. Романъ-тоже исторія Руссо, только передѣланная его воображеніемъ. Это жизнь, какую онъ хотѣлъ вести съ своею героинею. И характеръ свой, и много случившихся съ нимъ происшествій придалъ онъ Сенъ-Пре.

Впрочемъ, извѣстно, что во всѣхъ романахъ сочинители любятъ выставлять себя, то вполнѣ, то отчасти, какъ живописцы въ картинахъ своихъ стараются помѣстить себя гдѣ нибудь въ темномъ углу группы. Авторы часто сочиняютъ свои романы передъ зеркаломъ, списываютъ самихъ себя, прикрашивая всякую черту портрета, или происшествія. Да и всякій не для того ли смотрится въ зеркало, чтобъ любоваться собою? Это не тщеславіе, а гораздо лучшее и простѣйшее чувство. Ктобъ мы ни были и какъ бы мы ни жили, у насъ всегда есть въ виду идеалъ лучшаго *я*, нежели мы сами. Намъ бы хотѣлось быть этимъ *я*, то есть жить умнѣе и счастливѣе, нежели живемъ. Это-то идеальное *я* мы и любимъ выставлять въ нашихъ герояхъ романовъ. Этою-то лучшею жизнію мы замѣняемъ собственную нашу исторію. Это утѣшаетъ насъ въ слабостяхъ нашего характера и въ несчастіи. Намъ не удалось быть ни умными, ни счастливыми, такъ мы создаемъ героевъ, которыхъ заставляемъ быть и тѣмъ и другимъ. «Вотъ чѣмъ и мы могли бы быть» говоримъ мы. Это-то чувство, врожденное человѣку, заставило Руссо описать самаго себя въ своемъ романѣ.

Ошибка Руссо очень естественна; но какъ могъ обмануться XVIII вѣкъ? Какъ могли Юлія и Сенъ-Пре прослыть за героевъ чистой и утонченной любви? Какъ могли найдти въ нихъ выраженіе возвышенныхъ и великодушныхъ чувствъ? Ошибка XVIII вѣка, извиняющая и ошибку Руссо, можетъ объясниться состояніемъ идей и нравовъ въ первой половинѣ этого столѣтія.

Романъ не всегда составляетъ вѣрное выраженіе современныхъ нравовъ. Въ немъ часто больше изображаютъ мечты современнаго общества, а не нравы, то есть описываютъ то, что̀ бы желали дѣлать, а не то что дѣлаютъ. Это скорѣе картина вкуса и склонностей, нежели поступковъ извѣстной эпохи. Но однакоже романы составляютъ родъ нравственнаго изображенія общества.

Мы не должны судить о той эпохѣ по нынѣшнему очищенному вкусу. То, что въ Новой Элоизѣ кажется намъ еще грубымъ, составляетъ

уже начало чистоты,— и любовь, которую мы желали бы видѣть чище и утонченнѣе, была уже несравненно чище, нежели въ романахъ Кребильона—сына, которыми Франція восхищалась до появленія Новой Элоизы.

Во Новой Элоизѣ заблужденія, что человѣческая мудрость достаточна тоже для достиженія добродѣтели. Любовь составляетъ высокое чувство, а не одно чувственное удовольствіе. А какъ любовь одушевляетъ и согрѣваетъ, то естественно, что человѣкъ принимаетъ этотъ избытокъ жизни за новое превосходство силъ, и почитаетъ себя выше, лучше прежняго. Такъ ли это? Любовь не измѣняетъ людей. Дурные не дѣлаются добрыми, но иногда только добрые дѣлаются лучшими отъ избытка любви. И въ любви человѣкъ сохраняетъ свой всегдашній характеръ: кроткій — если онъ прежде былъ кротокъ; вспыльчивый — если былъ пылокъ, только оттѣнки улучшаются. Человѣкъ тотъ же, но ощущенія его улучшились. Способности не измѣнились, но возвысились и сдѣлались раздражительнѣе. Вотъ что привлекаетъ влюбленныхъ, покуда они любятъ другъ друга. Это увлеченіе двоякое. Во-первыхъ хорошія ихъ качества усиливаются отъ любви, одушевляющей ихъ, а во-вторыхъ все, что они дѣлаютъ, принимается въ хорошую сторону. Отнимите у инаго любовь, и все измѣнится. Что за вялость въ умѣ, что за пошлость въ разговорѣ. Какъ! и этого человѣка я любила, и онъ меня любилъ? Дѣйствительно, онъ уже не тотъ, потому что не любитъ. Не только ваша любовь украшала его, но и его собственная любовь возвышала его, а теперь онъ возвратился къ врожденному своему характеру. Влюбленные часто удивляются прежнему своему выбору и краснѣютъ за свои чувства: они не правы. Теперь они видятъ себя въ настоящемъ своемъ видѣ, то есть холодными и недальновидными, а прежде, благоларя обоюдной любви, были восторженны и счастливы. Но эта восторженность и счастіе не добродѣтель.

Преданность, великодушіе, безкорыстіе, однимъ словомъ *добродѣтель* составляетъ часто временное условіе для однихъ влюбленныхъ между собою. До прочихъ, качества эти не касаются. Это между влюбленными тайна, хотя не продолжительная. Остальной свѣтъ не знаетъ о ней и не пользуется ею. Истинная же добродѣтель должна быть явною для всѣхъ. Добродѣтель, обращенная только къ одному лицу и дѣйствующая въ тѣсномъ кругу, можетъ быть *ощущеніемъ*, но не истинною добродѣтелью. Любовь внушаетъ преданность, но къ кому? Къ предмету своей любви, то есть почти къ самому себѣ. Спасаютъ свою возлюбленную отъ опасности, потому что любятъ ее. Юлія и Сенъ-Пре почитаютъ добродѣтелью взаимную преданность другъ къ другу, тогда какъ эта преданность, которою они такъ хвастаютъ — простой эгоизмъ.

Въ одной изъ послѣднихъ пьесъ Корнеля *Титъ и Береника* есть стихи, очень хорошо выражающіе самолюбіе въ любви. Можетъ быть эти стихи приличнѣе были бы въ философической диссертаціи, нежели въ трагедіи, Домиціанъ говоритъ о своей возлюбленной Домиціи, что онъ не вѣритъ ея любви:

Quand elle ne regarde et n'aime que soi même.

(Когда она смотритъ только сама на себя и любитъ одну себя).

Въ рыцарскія времена что̀ говорили молодымъ рыцарямъ? «Хотите быть любимыми? Будьте храбры, смѣлы, великодушны, защищайте слабыхъ, помогайте несчастнымъ. Цѣною этихъ добродѣтелей пріобрѣтете вы любовь женщинъ».

Въ этомъ ученіи любовь была наградою, а можетъ быть и побужденіемъ къ добродѣтели, — любовь внушала мужество, самоотверженіе, презрѣніе смерти, всѣ добродѣтели, полезныя для свѣта, но въ *Новой Элоизѣ* любовь дѣлается добродѣтелью изъ одной потребности любить. Это легко и спокойно. Увлеченія страсти почитаются хорошими качествами; признаніе и необдуманная довѣренность выдаются за признакъ высокой души, — и вотъ какими правилями кодекса влюбленные Сенъ-Пре и Юлія оправдываютъ дурныя послѣдствія страстей!

Вообще первая часть Новой Элоизы скорѣе можетъ служить къ указанію опасностей, происходящихъ отъ романической чувствительности, нежели къ восхваленію достоинствъ этой чувствительности.

Во второй части романа болѣе интереса, болѣе истины и возвышенныхъ чувствъ, хотя и она основана на заблужденіи, проповѣдуемомъ Руссо, а именно: что мудрости человѣческой достаточно для исправленія страстей и для пріобрѣтенія добродѣтели. Нельзя посредствомъ безпорядка произвесть порядокъ. Разрушители никогда не сдѣлаются строителями; изъ развалинъ невозможно построить зданій. Громовой отводъ соединяется съ молніею, но для того, чтобъ проводить разрушающій огонь въ землю, гдѣ онъ погасаетъ. Это не союзъ, а уничтоженіе. Изъ зла раждается только бо̀льшее зло. Изъ однодневнаго безпорядка происходитъ мѣсячная, годовая анархія. Зло можно истреблять, но нельзя его ни употребить въ пользу, ни управлять имъ—по произволу.

Г. Вольмаръ (въ Новой Элоизѣ) думаетъ, что любовь Юліи и Сенъ-Пре можетъ развиваться безъ опасенія, и что съ добрыми совѣтами и благоразуміемъ онъ успѣетъ превратить ее въ добродѣтель. Онъ думаетъ наконецъ, что это огонь, который можетъ еще согрѣвать душу, не сожигая ее. Но напрасно онъ истощаетъ остроумнѣйшія испытанія, чтобъ нечувствительно превращать любовь Юліи и Сенъ-Пре въ тихую и невинную дружбу: Юлія дальновиднѣе г. Вольмара — и чувствуетъ свою слабость. Проступокъ всегда раждается отъ гордости, заставляющей пренебрегать искушеніями. Презирая опасности, которымъ однажды подвергались, мы вновь хотимъ имъ подвергнуться, чтобъ восторжествовать надъ собою.

Съ этой минуты начинается борьба, служащая всегдашнимъ основаніемъ драмы и романа: борьба страсти противъ долга. Не смотря на всѣ усилія, Юлія не можетъ обмануть себя; ея невольная нѣжность, ея удовольствіе, когда она думаетъ о Сенъ-Пре, — все это страсть. Она чувствуетъ себя слабою, когда ищетъ силы въ самой себѣ. Поэтому она прибѣгаетъ къ Богу.

Начало журналистики въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, единственная страна въ свѣтѣ, гдѣ періодическія изданія основались безъ борьбы съ разными препятствіями, и гдѣ они привились скоро къ общественнымъ нравамъ. Оттого-то въ новомъ государствѣ являются самыя старинныя газеты, то есть основанныя сто лѣтъ тому назадъ. Уже съ первыхъ годовъ XVIII вѣка были въ Англійскихъ колоніяхъ свои газеты. Это служитъ явнымъ доказательствомъ умственной дѣятельности раждавшагося общества и той быстроты, съ какою идеи и обычаи передавались уже тогда изъ метрополіи сѣвероамериканскому материку.

Всеобщее народонаселеніе плантацій (такъ тогда назывались колоніи) простиралось въ началѣ XVIII столѣтія до 200,000 человѣкъ, разсѣянныхъ на пространствѣ 800 англійскихъ миль. Эти плантаціи составляли тогда десять или одиннадцать совершенно отдѣльныхъ обществъ, управляемыхъ различными законами, не имѣвшихъ сношенія между собою. Новая Англія была тогда значительнѣйшею колоніею, имѣвшею 80,000 жителей, съ главнымъ городомъ Бостономъ, который тогда по своей дѣятельности и торговлѣ былъ значительнѣйшимъ американскимъ городомъ, но имѣлъ не болѣе 8,000 жителей.

Въ 1671 году, когда Англичане уже шестьдесятъ четыре года жили въ Виргиніи, губернаторъ Сиръ-Вильямъ Берклей доносилъ Англіи: «У насъ здѣсь нѣтъ ни даровыхъ школъ, ни типографій, и вѣроятно не будетъ ихъ черезъ сто лѣтъ.» Надежды Берклея едва не сбылись. Протекло еще шестьдесятъ лѣтъ прежде нежели въ самой богатой и многолюдной колоніи, въ Виргиніи, открылась первая типографія. Въ прочихъ колоніяхъ заведены онѣ были не прежде половины XVIII вѣка.

Всѣ онѣ перевезены были изъ Англіи со всѣмъ нужнымъ матеріяломъ. Франклинъ былъ первый Американецъ, который умѣлъ отливать слова. Къ этому привела его необходимость, и онъ самъ долженъ былъ изобрѣсть словолитню.

Но одной типографіи мало для существованія газеты: ей нужно и содѣйствіе почты. Если она издается не въ многолюдномъ городѣ, то скоро кончаетъ эфемерное существованіе. Ей надобны читатели за чертою своего изданія.

Въ началѣ XVIII вѣка были въ Америкѣ только три города, которые заслуживали это названіе: Бостонъ, Нью-Іоркъ и Филадельфія, неимѣвшіе однако же между собою сношеній. Извѣстія получали они отъ приходящихъ кораблей, отправлявшихся къ Бермудскимъ островамъ, или въ Ямайку за сахаромъ, патокою и ромомъ. Зимою корабли не приходили, а сухимъ путемъ сообщенія были невозможны. И однако же при этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ основаны были первыя газеты въ Америкѣ.

Въ 1638 году англійскій диссидентскій пасторъ Джонъ Гловеръ прислалъ въ подарокъ вновь основанному въ колоніяхъ Кембрижскому университету, нѣсколько ящиковъ типографскихъ буквъ. Амстердамскіе же купцы, для распространенія протестантства прислали университету *сорокъ* фунтовъ стерлинговъ на покупку типографскаго станка;

остальные матеріалы куплены по подпискѣ. Въ числѣ первыхъ колонистовъ былъ типографщикъ Стефенъ-Дей, управлявшій этою типографіею, но вскорѣ умершій отъ суровости климата. Слѣдственно настоящимъ основателемъ типографіи въ Америкѣ должно почитать Томаса Грина, напечатавшаго нѣсколько теологическихъ и классическихъ сочиненій для университета. Преемниками его были, не только старшій сынъ его Бартелеми Гринъ, который долго былъ единственнымъ типографщикомъ въ Бостонѣ, и печаталъ первую американскую газету, но и цѣлый рядъ внуковъ, распространившихъ это искусство по всей Новой Англіи. Четырнадцать или пятнадцать старѣйшихъ американскихъ газетъ печатались потомками Томаса Грина.

Кембели первые основали, почту въ Сѣверной Америкѣ. 1639 года 5 ноября собраніе Массачусетскихъ колонистовъ назначило въ раждающемся городѣ Бостонѣ домъ Ричарда Фейербанкса для складки писемъ, привозимыхъ изъ Европы, или отправляемыхъ за море. Фейербанксъ отвѣчалъ за ввѣренныя ему письма и получалъ по одному пенни за письмо въ вознагражденіе за труды. Эта плата по одному пенни была тяжела для колонистовъ, потому что не выплачивалась. Сорокъ лѣтъ спустя (1677 года) первые бостонскіе купцы жалуются, что множество писемъ пропадаютъ; что никто не хочетъ раздавать ихъ безъ платы, и что ихъ сваливаютъ на столъ посреди биржи, гдѣ всякій беретъ то письмо, какое ему вздумается, по востребованію негоціантовъ. Массачусетскій генеральный судъ назначилъ пріемщика для полученія писемъ, привозимыхъ изъ Европы или изъ Англіи съ каждымъ кораблемъ; но о почтовыхъ сношеніяхъ между самыми колоніями небыло еще рѣчи.

Уже при Вильгельмѣ III учредилось что-то похожее на почту. Въ 1671 году, нѣкто Томасъ Нель получилъ отъ короля привиллегію для учрежденія въ главныхъ гаваняхъ *плантацій* почтъ для пріема и отправленія писемъ и депешей по тарифу, установленному колоніяльными собраніями и съ обязанностью безденежнаго отправленія казенныхъ депешей.

Спекулація Неля была очень неудачна, не смотря на данную ему монополію и на пособіе со стороны колоніяльныхъ собраній.

Въ 1703 году, директоръ почтъ Джонъ Кембель просилъ колоніяльныя собранія принять мѣры для обезпеченія почтовой монополіи и выдачи ему ежегоднаго пособія къ покрытію недостаточныхъ сборовъ. Этотъ-то самый Дженъ Кембель не получая платы и отправляя почту на свой счетъ, вздумалъ издавать газету, чтобъ имѣть новый источникъ доходовъ и право на новое пособіе со стороны миссачусетскихъ начальствъ.

Извѣстный пасторъ Джонъ-Коттонъ привезъ изъ Англіи въ Америку обычай говорить своимъ прихожанамъ, по четвергамъ, рѣчи, взятыя изъ библіи. Это называли тогда *урокомъ*, и обычай этотъ до сихъ поръ сохранился въ Бостонѣ. Стеченіе народа, привлекаемое каждый четвергъ, рѣчами краснорѣчивѣйшего проповѣдника, заставило массачусетское собраніе назначить въ этотъ день въ Бостонѣ ярмарку.

Такимъ образомъ всѣ колонисты привыкли приходить въ Бостонъ по четвергамъ.

Послѣ *урока* расходились всѣ по рынку и разсуждали о дѣлахъ колоніи, о мѣстныхъ новостяхъ, о извѣстіяхъ изъ Европы. Въ этотъ же день назначили и отправленіе почты въ прочія колоніи. Это стеченіе народа, это всеобщее любопытство подало мысль Джону-Кемпбелю къ новому его предпріятію.

Какъ директоръ почтъ, онъ первый зналъ всѣ европейскія новости; почта же привозила ему извѣстіе изъ всѣхъ колоній. Въ рыночный день домъ его былъ наполненъ народомъ, приходившимъ получать письма, или отправлять ихъ. Онъ придумалъ печатать летучій листокъ съ распоряженіями правительства, съ извѣстіями о слухахъ въ колоніяхъ и съ новостями изъ-заморя, и такимъ образомъ родилась первая американская газета Boston-News-Letter (Письма о Бостонскихъ новостяхъ).

Бартелеми Гринъ печаталъ эту газету, а бумажный фабрикантъ Николай Бунь, котораго домъ былъ противъ зданія, гдѣ читался *урокъ*, продавалъ ее. Первый нумеръ явился въ четвергъ 24 апрѣля 1704 года.

Вѣроятно Кампбель получилъ на это предварительное одобреніе начальства, но оказалось, что это предпріятіе было неудачно. Притомъ же оно сопровождалось многими несчастіями. Пожаръ 9 октября 1714 года, истребившій большую часть Бостона, истрёбилъ почтовое зданіе, домъ Кемпбеля, типографію и матеріялы ея.

Кемпбель не упалъ духомъ. Онъ опять обратился къ Бартелеми Грину, и Boston-News-Letter продолжался изданіемъ безостановочно. Коллекція этой газеты и теперь еще существуетъ, и всѣ пишущіе исторію Бостона, справляются съ нею. Нумера постоянно слѣдуютъ одинъ за другимъ, но форматъ безпрестано измѣняется: газета выходитъ въ листъ, въ четвертку и даже въ осьмушку. Когда выходъ газеты совпадалъ съ приходомъ корабля изъ Европы, то подписчики получали цѣлый листъ. Когда же мало было новостей, ограничивались осьмушкою. Вскорѣ къ новостямъ присоединились и объявленія. Послѣднія сдѣлали газетное предпріятіе выгоднымъ, и когда въ 1718 году, Кемпбель замѣщенъ былъ другимъ въ должности директора почтъ, онъ все-таки продолжалъ издавать свою газету.

Около шестнадцати лѣтъ была Boston News Letter единственною американскою газетою. Только въ 1719 году, Андрей Бредфордъ, типографщикъ и книгопродавецъ въ Филадельфіи, бывши притомъ и директоромъ почтъ, послѣдовалъ примѣру Кемпбеля, и 19 октября вышла первая газета въ Пенсильваніи: American-Weekly-Mercury. Преемникъ Кемпбеля въ званіи директора почтъ, Вилліамъ Бруккеръ началъ съ 16 декабря 1720 года издавать *Бостонскую газету*.

Это былъ чувствительный ударъ для Кемпбеля, писавшаго по этому случаю, что «онъ сожалѣетъ о читателяхъ новой газеты, которой листки болѣе пахнутъ крѣпкимъ пивомъ, нежели елеемъ ученія, и ея чтеніе неприлично для порядочныхъ людей.» Однако же, не смотря на новое

соперничество, *старая газета* (такъ называли изданіе Кемпбеля по старшинству) продолжала пользоваться значительнымъ успѣхомъ.

Для доказательства вѣрности почтовыхъ извѣстій, Бостонская газета являлась съ виньеткою, представляющею съ одной стороны корабль, а съ другой почтальона съ рожкомъ. До 1732 года была она офиціальною почтовою газетою. Но какъ новый директоръ Госкъ несошелся въ условіяхъ съ предмѣстникомъ, то первый и сталъ издавать свою собственную газету The postboy (почтальонъ) съ виньеткою одного почтальона, предоставя корабль Бостонской газетѣ. Гринъ уступилъ свою газету другому, и тотъ сталъ издавать ее съ длиннымъ вторымъ титуломъ: Weekly Advertiser (еженедѣльный Вѣстникъ), *содержащій въ себѣ новѣйшія внутреннія и заатлантическія новости.*» Названіе Advertiser осталось за газетою, а потомъ уже другая газета овладѣла титломъ *Бостонской*, когда забыли первую, носившую это названіе.

И *Бостонская газета* и News-Letter печатали административныя распоряженія, мѣстныя событія, прибытіе кораблей и цѣну товаровъ, но извѣстія ихъ не сопровождались никакими комментаріями.

Въ Бостонѣ жилъ тогда свѣчной фабрикантъ Іосій Франклинъ, человѣкъ ученый и промышленный, свѣдущій въ теологіи и уважаемый всѣмъ городомъ за честность и благочестіе. Онъ былъ сынъ одного оксфордскаго поселянина, и въ 1682 году переселился въ Америку. Разбогатѣвъ здѣсь, онъ отправилъ старшаго сына Джемса въ Англію для изученія типографскаго искусства. Въ 1717 возвратился Джемсъ въ Америку и поселился въ Бостонѣ, привезъ съ собою типографскій станокъ и другія матеріялы. Первымъ ученикомъ у него былъ меньшій его братъ Веніаминъ Франклинъ, которому тогда еще было тринадцать лѣтъ, умный и живой ребенокъ, назначавшійся въ ножевщики, но который усильными просьбами добился, чтобъ его оставили въ типографіи брата. Въ свободные часы Джемсъ Франклинъ печаталъ сочиненныя этимъ ребенкомъ баллады и элегіи, на тогдашнее печальное положеніе дѣлъ. Это были первые опыты ребенка, сдѣлавшагося потомъ однимъ изъ знаменитыхъ людей своей націи. Въ концѣ 1720 года, Джемсу Франклину поручено было печатаніе первыхъ нумеровъ *Бостонской газеты*, но потомъ передано Томасу Грину. Это внушило Франклину мысль самому издавать газету. Семейство поддержало его въ этомъ намѣреніи.

Къ Іосіи Франклину пріѣхалъ въ Америку братъ его Веніаминъ, принявшій на себя воспитаніе младшаго сына Іосіи, крестника своего, Веніамина. Дядя выучилъ его стенографіи и разсказывалъ ему анекдоты о современныхъ лицахъ и происшествіяхъ Англіи.

17 Іюля 1721 года явился первый нумеръ News-England-Courrant (курьеръ новой Англіи) Съ первыхъ дней увидѣли всю ризницу между этимъ журналомъ и всѣми предшествовавшими. Онъ былъ составленъ изъ оригинальныхъ статей, нравственныхъ и литературныхъ разсужденій. Въ Англіи съ 1709 до 1718 процвѣтали: *Болтунъ*, *Зритель*, *Опекунъ*, журналы критики и нравственности, которыхъ кратковременное суще-

ствованіе достаточно было, чтобъ прославить имена Свифта, Стиля, Аддиссона. Такого же рода журналъ захотѣли основать и Франклины.

Молодой Веніаминъ разсказывалъ какое сильное впечатлѣніе произвело надъ нимъ чтеніе разрозненнаго экземпляра *Зрителя*, попавшагося ему нечаянно въ руки, и съ какимъ трудолюбіемъ онъ дошелъ до того, что усвоилъ себѣ всѣ идеи и даже слогъ Аддиссона. Онъ занимался этимъ по ночамъ. Днемъ онъ набиралъ, печаталъ, газету, или разносилъ ее подписчикамъ.

Вскорѣ однако же ученикъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ редакторовъ *Курьера*. Ввечеру, уходя, онъ клалъ у двери типографіи неподписанныя статьи, и хладнокровно, но съ радостнымъ сердцемъ участвовалъ потомъ въ семейномъ совѣтѣ, гдѣ ихъ разбирали и всегда почти рѣшали *печатать*. Вскорѣ онъ измѣнилъ себѣ, и допущенъ былъ офиціально въ газету.

Въ *Курьерѣ* строго, но забавно цѣнили тогдашнихъ поэтовъ, хотя въ этихъ сужденіяхъ всегда было больше поученій, нежели литературы. Современные пороки строго осуждаются въ нихъ, а слогъ статей всегда сатирическій. Собственные имена рѣдко можно найти въ *Курьерѣ*. Критика рѣзка, но часто и бранчива.

У Франклина тотчасъ же оказалось много непріятелей. Главное вліяніе на дѣла колоніи принадлежало тогда пуританамъ. Незадолго предъ тѣмъ вся колонія была взволнована, всѣ семейства встревожены, и невинная кровь пролилась рѣкою по обвиненію нѣкоторыхъ фанатиковъ изъ этой секты противъ несчастныхъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ. Джемсъ Франклинъ, возставшій противъ этой партіи, былъ 11 іюня 1722 года приговоренъ къ тюремному заключенію на мѣсяцъ, и это время редакторомъ журнала былъ сдѣланъ молодой Веніаминъ.

11 февраля 1723 года *Курьеръ* объявилъ, что прежній редакторъ этой газеты совершенно оставилъ изданіе ея. Нумеръ этотъ подписанъ уже Веніаминомъ Франклиномъ, который даже по отъѣздѣ своемъ изъ Бостона остался номинальнымъ редакторомъ во все время существованія этой газеты, то есть до конца 1727 года.

Джемсъ Франклинъ, котораго дѣла въ Бостонѣ шли довольно плохо, потому что въ этомъ городѣ основано уже было нѣсколько типографій, рѣшился уѣхать оттуда. Онъ переселился въ Родейландъ, гдѣ еще не было типографій, и поселился въ Нью портѣ, который былъ тогда вторымъ городомъ Новой Англіи. Съ 1732 года началъ онъ издавать тамъ Rhode Island Gazette, а въ февралѣ 1735 умеръ. Это не на долго прекратило выходъ газеты; вдова и наслѣдники продолжали ее.

Отъѣздъ Джемса Франклина изъ Бостона прекратилъ существованіе Курьера. Но успѣхъ его побудилъ Бартелеми Грина, издателя Boston News Letter, исключительно посвященной новостямъ и объявленіямъ, публиковать вмѣстѣ съ тѣмъ и другой политическій журналъ подъ названіемъ: Weekly News Letter, котораго первый нумеръ явился 5-го января 1727. Вскорѣ Гринъ соединилъ оба журнала въ одинъ подъ именемъ: Boston Weekly-News-Letter.

Въ 1769 году газета эта перешла отъ семейства Грина къ Драперу,

типографщику главнаго суда, основавшаго *Массачусетскую газету*, съ которою онъ и соединилъ Бостонскую. Новая эта газета, сохранившая оба названія, продолжала являться по четвергамъ.

27 марта 1727 явился New-England Journal, котораго издателями въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ были Томасъ Гринъ и Самуилъ Ниландъ (Kneeland). Религіозная политика и богословіе занимали главное мѣсто въ этой газетѣ, и въ первомъ нумерѣ издатели объявили, что будутъ печатать все поучительное и благочестивое, что въ состояніи найти. По этому-то главныя статьи и состояли изъ набожныхъ протестантскихъ разсужденій. Впрочемъ, въ ней помѣщались и политическія новости. Это была первая газета, публиковавшая таблицы о родившихся и умершихъ, чтобъ статистика могла слѣдить за развитіемъ народонаселенія. По примѣру Курьера печатались въ ней и философическія статьи.

Weekly Rehearsal, котораго первый нумеръ явился 27 сентября 1731, основанъ былъ и издавался человѣкомъ, игравшимъ значительную роль въ Новой Англіи Джереми-Гридли. Онъ былъ массачусетскимъ генералъ-прокуроромъ, депутатомъ въ законодательной палатѣ, полковникомъ милиціи, президентомъ морскаго общества. При такомъ множествѣ должностей нельзя ему было оставаться редакторомъ журнала. Онъ черезъ годъ уступилъ его типографщику Томасу Флиту, который перемѣнилъ названіе газеты, и подъ именемъ Evening Post придалъ ей видъ, форматъ и распредѣленіе лондонскихъ газетъ. Двадцать три года существовала эта газета подъ редакціею Флита и сыновей его. Безпристрастіе, достоинство политическихъ статей, изобиліе и разнообразіе свѣдѣній, выборъ новостей давали Evening Post первое мѣсто между газетами Новой Англіи. Въ это время Веніаминъ Франклинъ опять явился на газетномъ поприщѣ.

Мы видѣли, что Франклинъ уѣхалъ изъ Бостона въ 1723 году. Въ занимательной и поучительной исторіи этого человѣка видно какимъ испытаніямъ онъ подвергался сперва въ Филадельфіи, а потомъ въ Англіи. Чрезъ пять лѣтъ возвратился онъ въ Филадельфію, гдѣ былъ типографщикомъ, книгопродавцемъ и бумажнымъ фабрикантомъ.

Въ Филадельфіи издавалась уже тогда газета American Mercury, основанная въ 1720 году Андреемъ Брадфордомъ, но это обстоятельство не пугало Франклина. »Я основывалъ мои надежды, говоритъ онъ, на томъ, что единственная тогдашняя газета была совершенно незначительна, незанимательна, худо издавалась и приносила однако же доходъ Брадфорду. Но, какъ Франклинъ не сохранялъ своего намѣренія въ тайнѣ, то нѣкто Кеймеръ поспѣшилъ предупредить его, раздавъ тотчасъ же объявленія объ изданіи журнала, наполненнаго самыми пышными обѣщаніями, и въ началѣ 1729 выпустилъ его въ свѣтъ подъ названіемъ: «*Всеобщій наставникъ во всѣхъ художествахъ и наукахъ, или Пенсильванская газета*.

Другой на мѣстѣ Франклина упалъ бы духомъ, но онъ какъ истинный журналистъ, перемѣнилъ свой планъ и отмстилъ сопернику. Онъ сдѣлался сотрудникомъ Брадфорда, чтобъ поднять старую упадавшую

газету. Дѣйствительно, въ American-Mercury явилось множество статей о нравахъ и обычаяхъ современниковъ. Это была галлерея моральныхъ сатиръ, написанныхъ въ духѣ и слогомъ Адисона. При этомъ случаѣ планъ журнала Кеймера былъ осмѣянъ и успѣхъ его остановленъ.

Кеймеръ не могъ долго бороться съ такимъ противникомъ. По истеченіи третьяго трехмѣсячія предложилъ онъ Франклину за бездѣлицу свой журналъ и своихъ девяносто подписчиковъ. Франклинъ принялъ предложеніе и оставилъ Брадфорда.

Первый нумеръ этой *Пенсильванской газеты* (остальной титулъ исчезъ), вышедшій изъ редакціи Франклина, былъ *сороковымъ* и явился 25 сентября 1729. На этотъ разъ Франклинъ употребилъ самую бѣлую бумагу, красивѣйшій шрифтъ и озаботился о хорошемъ отпечатаніи. Еще никогда не видали подобной типографской роскоши въ Америкѣ. До тѣхъ поръ административныя распоряженія печатались на сѣрой и грязной бумагѣ, съ бездною ошибокъ и нечетко. Самая политика Пенсильванской газеты отличалась умомъ и безпристрастіемъ.

Вскорѣ Франклинъ сдѣлался типографщикомъ Собранія и редакторомъ протоколовъ его. Когда выпущены были ассигнаціи, ему поручено было напечатать ихъ, а вслѣдъ затѣмъ и сосѣдственныя области поручили ему тоже, потому что лучше и дешевле никто не могъ печатать.

Скоро оказалось у пенсильванскихъ газетъ очень много подписчиковъ, и издатель American mercury вознегодовалъ на это. Брадфордъ былъ тогда директоромъ почтъ и чтобъ повредить своему сопернику, запретилъ курьерамъ принимать *Пенсильванскую газету* для раздачи подписчикамъ, также какъ и вообще всѣ письма и депеши на имя Франклина. За деньги успѣлъ однакоже Франклинъ заставить курьеровъ возить газету свою по-прежнему. Но въ публикѣ всѣ думали, что эта газета дальше Филадельфіи не идетъ и потому всѣ объявленія присылали Брадфорду.

Послѣ безполезныхъ усилій Франклинъ обратился къ главному почтъ-директору, и тотъ удовлетворилъ его жалобу. 28 .юля 1735 напечатано было въ газетѣ Франклина, что «благодаря снисхожденію главнаго почтъ-директора полковника Спотсвуда, Пенсильванская газета будетъ разсылаться безпошлинно по всѣмъ почтовымъ дорогамъ Виргиніи и Новой Англіи.»

Два года спустя (1739) Спотсвудъ, будучи недоволенъ небрежностью Брадфорда по службѣ и невѣрностью счетовъ, уволилъ его и предложилъ это мѣсто Франклину, который принялъ его. Жалованье было очень не большое, говоритъ онъ, но удобства кореспонденціи позволили мнѣ улучшить мою газету, увеличить число подписчиковъ и объявленій, такъ-что газета приносила порядочный доходъ.» Такимъ образомъ *Меркурій* потерялъ то, что выиграла *газета*, но Франклинъ, довольный полученными выгодами, не хотѣлъ мстить Брадфорду подобными же поступками.

Франклинъ имѣлъ два качества, рѣзко соединенныя въ одномъ человѣкѣ. У него былъ въ одно время изобрѣтательный и практическій

умъ. Онъ давалъ полезные совѣты. Напримѣръ, убѣдилъ своихъ соотечественниковъ въ необходимости имѣть подъ рукою всѣ способы къ потушенію пожаровъ, такъ часто случающихся въ новомъ городѣ, гдѣ домы были деревянные. Результатомъ его совѣтовъ было сформированіе пожарныхъ ротъ съ трубами, хранящимися всегда въ готовности въ безопасномъ мѣстѣ. Это учрежденіе переняла Англія у Америки, а Франція у Англіи.

Франклинъ же убѣдилъ вымостить площадь Джерси, близъ своего дома; потомъ всю улицу, гдѣ онъ жилъ, а наконецъ и весь городъ. Вымостивъ городъ, надобно было содержать его въ чистотѣ, и Франклинъ заставилъ сложиться жителей, чтобъ два раза въ недѣлю выметали всѣ улицы. Этими мелкими успѣхами Франклинъ болѣе гордился, нежели всѣми открытіями въ физикѣ. Онъ самъ разсказываетъ свою тактики.

Одинъ изъ друзей его, докторъ Бондъ, имѣлъ мысль въ 1753 году основать въ Филадельфіи частный госпиталь для бѣдныхъ больныхъ и переселенцевъ. Идея объ учрежденіи госпиталя была совершенно новя для Америки. Никто не понималъ проекта Бонда. Докторъ старался собрать капиталъ подписками, но попытки были не удачны. Онъ пришелъ къ Франклину и разсказалъ свое горе, прося содѣйствія. «Я распросилъ Банда, говоритъ Франклинъ, о существѣ проекта и пользѣ заведенія, и получивъ отъ него удовлетворительныя свѣдѣнія, не только вписался въ число подписчиковъ, но рѣшился побудить къ тому и другихъ. Для этого надобно было приготовить умы газетными статьями, о чемъ докторъ не подумалъ прежде.» Дѣйствительно, Франклинъ напечаталъ въ *пенсильванской газетѣ* двѣ статьи о проектѣ Бонда; подписчиковъ собралось множество, и первый частный госпиталь въ Америкѣ былъ учрежденъ.

Почта изъ Англіи приходила тогда лѣтомъ только разъ въ мѣсяцъ, а зимою еще гораздо рѣже. Чѣмъ наполнять газету во время отсутствія почтъ? Въ одной тогдашней газетѣ было даже напечатано воззваніе: «Всѣ умные люди, какъ въ городѣ такъ и за городомъ, оказали бы большое удовольствіе издателю, присылая къ нему письменно офранкированныя размышленія.». Но Франклинъ не затруднялся чѣмъ наполнять газету. Онъ часто печаталъ отрывки изъ *Зрителя* и другихъ нравственныхъ сочиненій, или свои произведенія, адресуя самъ себѣ юмористическія письма о разныхъ пунктахъ практической нравственности и домашняго хозяйства. Вотъ, напримѣръ, одно объявленіе 23 іюня 1737 года. «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ похищенъ былъ на церковныхъ скамьяхъ молитвенникъ въ красномъ переплетѣ съ позолотою и съ буквами D. F (Деборра Франклинъ) на обѣихъ сторонахъ. Особа, взявшая эту книгу благоволитъ раскрыть ее и прочесть осмую заповѣдь, положа книгу назадъ на прежнее мѣсто, за что не будетъ болѣе упоминаться объ этомъ случаѣ.» Не извѣстно, нашла ли жена Франклина свою книгу, но наставленіе, сдѣланное вору, самое характеристическое и лучше всего доказываетъ оригинальный способъ изложенія Франклина.

Лѣта и опытность исправили наклонность Франклина къ сатирѣ и ѣдкости, въ которыхъ онъ самъ себя обвиняетъ въ молодости, и *пенсильванская газета* не навлекла ему уже тѣхъ непріятностей, которыя онъ имѣлъ съ братомъ отъ *Курьера*. Газета доставила ему, напротивъ, всеобщее знакомство и множество заказовъ. Типографія его больше всѣхъ была занята не только въ Пенсильваніи, но и во всѣхъ прочихъ провинціяхъ. *Календарь добряка Ричарда*, издаваемый ими двадцать пять лѣтъ сряду и продаваемый въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ.

Наконецъ, благодаря постепенному вліянію *газеты*, Франклинъ сдѣлался депутатомъ. Тогда онъ долженъ былъ подумать о томъ, чтобъ сложить съ себя часть своихъ занятій, а особливо по типографіи. Онъ взялъ себѣ въ товарищи шотландца Давида Галла. Это сообщество, начавшееся въ 1748 году, продолжалось восемнадцать лѣтъ.

Только въ 1757 году, когда Франклинъ отправленъ былъ въ первый разъ посланникомъ въ Англію, газета отдана была тому же Давиду Галлу, который управлялъ редакціею умно и осторожно, а въ 1766, когда онъ все выплатилъ Франклину, то остался одинъ хозяиномъ типографіи и газеты.

Но и послѣ этого Франклинъ не совсѣмъ разстался съ Пенсильванскою Газетой, печатая въ ней изрѣдка письма и статьи. Онъ слишкомъ любилъ свое ремесло, чтобъ совершенно отказаться отъ него.

Первая газета существовала пятнадцать лѣтъ безъ соперницы. Въ послѣдующихъ двадцати годахъ ихъ появилось много. Въ 1740, было ихъ уже четырнадцать. Въ одномъ Бостонѣ было пять Boston Weekly, News-Lettres Грина старшаго, Бостонская газета Томаса Грина; New-England Journal Томаса Грина и Самуила Ниланда; Post boy, почтамтская газета, Evening Post Томаса Флита. Въ Нью-Іоркѣ было двѣ: Нью-Іоркская газета и Нью-Іоркскій журналъ. Въ Мериландѣ выходила газета, въ Аннаполисѣ съ 1727 до 1736, издаваемая Вилльямомъ Паркеромъ. Прекратясь на десять лѣтъ, она возобновлена была Іоною Гриномъ, и съ тѣхъ поръ издавалась постоянно. Теперь это самая старинная газета въ Америкѣ. Южная Каролина имѣла газету въ Чарльстоунѣ съ 1731 года; Роде-Эйсландъ имѣлъ тоже одну въ Нью-Портѣ съ 1723; въ Виргиніи издавалась одна съ 1736 года въ Вилліамсбургѣ.

Послѣ Массачусета всего больше было газетъ въ Пенсильваніи. Въ Филадельфіи была *Газета* и *Меркурій*, который съ 1742 года перешелъ въ руки Вильяма Брадфорда, назвался *пенсильванскимъ журналомъ*. Въ Джермантоунѣ издавалась одна Нѣмецкая газета Совером съ 1739 года. Нѣмцы уже тогда были многочисленны въ Пенсильваніи, составляя теперь въ ней половину народонаселенія. Въ 1743 основана была нѣмецкая газета въ Филадельфіи. Въ 1751 издавалась въ Линкастрѣ газета пополамъ по-нѣмецки и по-англійски. Въ это время, когда хотѣли чтобъ объявленіе было всѣми понято, публиковали его по-англійски и по-голландски, потому что въ Нью-Іоркѣ жило много богатыхъ голландскихъ семействъ.

Въ слѣдующихъ годахъ явилось еще болѣе политическихъ листковъ. Вскорѣ не только каждая колонія, но и всякій значительный городъ захотятъ имѣть свою газету.

Вильямъ Брадфордъ основалъ, какъ мы видѣли, въ Филадельфіи въ 1725 году еженедѣльную газету, служившую офиціальнымъ органомъ губернатору. Нѣкто Рипъ-Ванъ Дамъ вздумалъ въ это же время издавать другую газету, которая и явилась въ 1733 году подъ названіемъ New Yorck Weekly Journal еженедѣльный Нью-Іоркскій журналъ.

Ценгеръ умеръ лѣтомъ 1746 года, но изданіе газеты продолжалось сыномъ его Ценгеромъ Іоанномъ, 25 февраля 1751 года напечатано было въ ней слѣдующее объявленіе:

«Гг. иногородные подписчики благоволятъ внести слѣдующія деньги за прежнее время, въ противномъ случаѣ я перестану имъ посылать газету и постараюсь другимъ способомъ получить должную мнѣ уплату. Нѣкоторые нецеремонные подписчики должны мнѣ за семь лѣтъ. Я служу имъ столько времени, что кажется, пора получить слѣдующія мнѣ деньги, потому что, могу увѣрить ихъ, я износилъ даже свое платье до нитки. Господа! Если у васъ нѣтъ наличныхъ денегъ, то все таки подумайте о вашемъ бѣдномъ типографщикѣ. Когда прочтете это объявленіе, и подумавъ объ немъ, право, вы не можете иначе поступить, какъ сказать: Жена! (я болѣе всего обращаюсь къ женатымъ, но пусть слова мои относятся и къ холостымъ). Жена! пошлемъ этому бѣдному типографщику муки, и нѣсколько окороковъ, масла, сыру, живности и проч. Въ ожиданіи честь имѣю быть вашимъ слугою. Іоаннъ Ценгеръ.»

Кажется, это трогательное объявленіе не имѣло большаго успѣха, и вмѣсто денегъ, которыхъ тогда дѣйствительно было мало въ колоніи, Ценгеръ не получилъ даже припасовъ, потому что въ слѣдующемъ году принужденъ былъ прекратить изданіе своей газеты. Не прежде какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, то есть при началѣ несогласій Колоній съ Англійею, возобновилось опять изданіе этой газеты.

Вообще изданіе газетъ было тогда не очень прибыльною спекуляціею, потому что съ 1740 до 1770 явилось и умерло въ Нью-Іоркѣ двѣнадцать или пятнадцать газетъ, существовавшихъ не болѣе двухъ—трехъ лѣтъ. Одною изъ продолжительнѣйшихъ былъ: *Еженедѣльный почтальонъ*, основанный въ январѣ 1743 года Джемсомъ Паркеромъ. Но доживя до десятаго года своего существованія, онъ прекратился. Таже участь постигла и другіе журналы.

Самуилъ Адамсъ условился съ типографщиками Роджерсомъ и Даніиломъ Фоулемъ объ изданіи газеты, и въ 1747 явился Independent Advertiser. Въ числѣ молодыхъ людей, участвовавшихъ въ редакціи былъ Іонаѳанъ Мейю (Mayhew), бывшій двадцати лѣтъ отъ роду пасторомъ въ одной изъ главнѣйшихъ Бостонскихъ церквей.

Не болѣе семи лѣтъ существовала эта газета, и въ 1754 году, прекратилась. Типографщикъ ея Даніилъ Фоуль переселился изъ Бостона въ Портсмутъ, гдѣ съ 1756 года сталъ издавать Нью-Гемпшейрскую

газету до самой своей смерти, то-есть до 1787 г. Потомъ она перешла къ его наслѣдникамъ.

Вакантное мѣсто Advertiser тотчасъ же было занято. Типографщики: Эдесъ и Джиль начали издавать съ апрѣля 1758 года, *Бостонскую газету*, которую Эдесъ продолжалъ безпрерывно до 1798. г. Самуилъ Адамсъ, наученный опытомъ и лѣтами, былъ главнымъ ея редакторомъ. Эта газета приняла ту же виньетку и тотъ же девизъ какъ Advertiser.

Въ Чарльстоунѣ было тогда двѣ газеты: *южно-каролинская газета*, основанная 8-го января 1732 года, Томасомъ-Вейтмаршемъ и *общая Американская газета*, учрежденная въ 1758 г., Робертомъ Веллсомъ. Третья газета: Gazette and Country Journal, основана была въ 1765 г. Чарльсомъ Кручемъ.

Декларація Виргинскаго собранія сдѣлалась извѣстна въ Новой Англіи только чрезъ публикацію газеты New-Post-Mercury, издаваемой въ Род-Эйсландѣ, и основанной въ Нью-Портѣ въ 1758 году, Джемсомъ Франклиномъ, сыномъ старшаго брата Веніамина.

Въ Нью-Іоркской колоніи возобновили прежнюю газету Ценгера. Типографщикъ Джонъ Гольтъ взялся за это подъ редакпіею шотландца Макъ Дугала. Англійская же партія располагала многими газетами, печатаемыми у Джемса Равингтона, и въ нихъ участвовалъ Александръ Гамильтонъ, бывшій потомъ другомъ, повѣреннымъ и товарищемъ Вашингтона.

Въ 1769 году основана была газета Massachusetts-Spy, которая своею полемикою затмила всѣ прочія изданія, но при началѣ войны принуждена была выходить въ маленькомъ городкѣ Ворчестерѣ, гдѣ, при заключеніи мира незамѣтнымъ образомъ скончалась. Та же участь постигла и Essex gazette, основанную въ 1768 году, въ Салемѣ типографщикомъ Галлемъ. Въ 1775 году перевели ее въ Кембриджъ, переименовавъ въ New-England Chronicle, а въ 1785 году, въ Бостонъ. Эта газета тѣмъ заслуживаетъ особенное вниманіе, что въ ней помѣщено лучшее описаніе всей войны, съ самымъ точнымъ обозначеніемъ чиселъ, событій и множества подробностей, которыхъ нѣтъ ни гдѣ.

Въ Массачусетѣ нѣкто Джонъ Мейнъ, Бостонскій типографщикъ и книгопродавецъ соединился съ другимъ типографщикомъ Джономъ Флемингомъ для изданія Boston Chronicle, которой первый мумеръ вышелъ въ декабрѣ 1767 года. Величина формата, достоинство бумаги, красивая печать, давали ей первое мѣсто между газетами. Другое преимущество ея состояло въ томъ, что она выходила два раза въ недѣлю вмѣсто одного. Имѣя близкія сношенія съ членомъ правительства, она ообщала скорѣе и вѣрнѣе другихъ всѣ извѣстія, дѣлая сверхъ того выписки изъ новыхъ книгъ и литературныхъ статей. Поэтому она имѣла сначала весьма большой успѣхъ, но существованіе ея было непродолжительно. Осенью 1769 года Мейнъ скрылся, а въ ноябрѣ тихонько уѣхалъ въ Англію. Послѣ него, оставшійся его товарищъ Флемингъ пытался продолжать эту газету, но безуспѣшно.

Съ этихъ поръ сѣверо-американская журналистика вступаетъ въ новый періодъ своего существованія, играющій важную роль въ политическомъ бытѣ Соединенныхъ Штатовъ.

—

II ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Слѣпой кларнетистъ,—*музыкальный разсказъ.* Товарищи и друзья мои приглашали меня иногда въ Д.... гдѣ я обыкновенно останавливался въ гостиницѣ *Короны.* Три года тому назадъ, я вышелъ изъ вагона на желѣзной дорогѣ подъ такимъ сильнымъ дождемъ, что долженъ былъ весь день просидѣть въ комнатѣ. Съ маленькимъ запасомъ терпѣнія и сигарою во рту, я облокотился на окно своей жаркой, наполненной дымомъ комнаты, устремивъ все вниманіе на мокрую улицу и на дождь лившійся потокомъ. На улицѣ, которая обыкновенно была очень оживлена и полна народу, не было ни одной души. Какъ вдругъ подъ ухомъ моимъ раздались близкіе звуки кларнета. Я посмотрѣлъ вверхъ и замѣтилъ, что звуки выходили съ чердака, находившагося противъ меня. Прелестная дѣвушка въ локонахъ, привлеченная вѣроятно тѣми же звуками, появилась у окна нижняго этажа, отворила балконъ и слушала съ величайшимъ вниманіемъ кларнетиста, необращая вниманія на мелкій и частый дождь, падавшій на ея круглое нѣжное личико. Изъ скромности я скрылся за занавѣсъ. Переставъ играть, кларнетистъ самъ высунулъ голову изъ окна; но онъ не глядѣлъ вокругъ, а устремилъ глаза на одинъ пунктъ. Я увидѣлъ, что онъ былъ слѣпъ. Это обстоятельство не помѣшало однако живой, черноглазой дѣвушкѣ съ удовозьствіемъ разговаривать съ нимъ, онъ былъ молодъ и возбуждалъ сочувствіе. Два дня спустя, слѣпой опять заигралъ; молодая дѣвушка точно также какъ и прежде слушала его, и когда онъ кончилъ, она взяла два аккорда на гитарѣ, потомъ кларнетистъ появился ужъ не въ своемъ, а въ ея окнѣ. Отца дѣвушки, ремесломъ который былъ портной, не было дома. Наблюдая изъ-за занавѣса, я видѣлъ какъ онъ вышелъ изъ дома, вотъ почему кларнетъ и гитара сдужили на этотъ разъ сигналомъ, и дали вопросъ и отвѣтъ. По обязанности вѣрнаго разскащика, я долженъ замѣтить, что видѣлъ самъ, какъ молодые люди съ живостью разговаривая, сѣли на диванъ и забыли обо всемъ ихъ окружающемъ. Я не люблю смотрѣть на подобныя сцены, когда самъ не могу быть въ нихъ дѣйствующимъ лицемъ, а потому тотчасъ же взялъ шляпу и вышелъ.

Въ послѣднее мое пребываніе въ Д. у сосѣдей моихъ, противъ моей комнаты въ гостиницѣ *Короны,* ничего повидимому не случилось новаго, по этому я нисколько не былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что

молодая дѣвушка вела за руку слѣпаго музыканта, въ сопровожденіи стараго портнаго, своего отца, и такимъ образомъ они всякій вечеръ выходили на прогулку; я ожидалъ что это должно было случиться.

Шесть недѣль спустя, я былъ немного удивленъ, слыша какъ слѣпой съ утра до вечера игралъ на кларнетѣ въ своей скромной комнаткѣ:

Звуки, выходившіе изъ его инструмента, даже когда онъ игралъ въ мажорномъ тонѣ, казались мнѣ необычайно странными и грустными. Въ эти дни я невидалъ и неслыхалъ ничего о черноволосой, кудрявой дочери портнаго. Но когда я возвратился въ послѣдній разъ въ Д..... тамъ гдѣ прежде постоянно раздавались звуки, было глубокое молчаніе. Въ нижнемъ этажѣ жило уже другое семейство, и только на другой день я увидѣлъ слѣпаго; онъ вышелъ около полудня на этотъ разъ въ сопровожденіи маленькой собачки, которая была привязана на снуркѣ и шла впередъ. За обѣдомъ я спросилъ у хозяина, что сдѣлалось съ хорошенькою дочерью портнаго? Она вышла замужъ, отвѣчалъ тотъ. А слѣпой? Онъ долженъ былъ оставить ее, потому что она захотѣла выйти замужъ за зрячаго и богатаго, прибавилъ хозяинъ: бѣднякъ слѣпой думалъ, что ему достанется имѣніе послѣ старой тетки, но обманулся въ надеждѣ.—Отчего же онъ пересталъ играть на своемъ кларнетѣ? спросилъ я. Потому что печаль и грусть имѣли несчастное вліяніе на его руки: онъ разбитъ параличемъ и не можетъ дѣйствовать ни однимъ пальцемъ.—Гостиница *Короны* славится своимъ хорошимъ обѣдомъ, но въ этотъ день я ничего не могъ ѣсть.

Четыре мѣсяца спустя, я пріѣхалъ въ Д.... по дѣлу. Слѣпой уже не жилъ въ своей комнаткѣ на чердакѣ. За обѣдомъ я спросилъ у хозяина, куда переѣхалъ кларнетистъ? Молодой лекарь, сидѣвшій противъ, меня, вскричалъ: Онъ переѣхалъ въ мѣсто очень глубокое, гдѣ царствуетъ вѣчная ночь для всѣхъ насъ.—Миръ праху его, сказалъ я, кладя въ сторону ножъ и вилку.—Да, миръ душѣ его, прибавилъ медикъ.

Докторъ лечилъ бѣднаго слѣпаго во время его послѣдней болѣзни, и прогуливаясь вмѣстѣ со мною послѣ обѣда, передалъ мнѣ слѣдующее.

«Слѣпой оставался съ изуродованными пальцами. Не многіе друзья очень рѣдко посѣщали его; единственнымъ удовольствіемъ его было слушать музыку. Въ сопровожденіи своей вѣрной собаки, онъ имѣлъ привычку ходить на всѣ концерты. На Пасху ежегодно исполнялась въ одной церкви какая нибудь ораторія; въ этотъ разъ назначено было *Сотвореніе міра* Гайдна. Слѣпой еще никогда не слыхалъ этого произведенія, и не надѣялся быть въ концертѣ, потому что не зналъ какъ достать билетъ для входа; цѣна билету назначена очень высокая. Его прежняя возлюбленная, движимая совѣстью или состраданіемъ, послала ему билетъ на концертъ, не называя однако себя. Удивленный и пораженный этою нечаянностью, слѣпой отправился слушать образцовое произведеніе Гайдна.

«Началась увертюра. Хаосъ произвелъ на него глубокое, но болѣзненное впечатлѣніе. О! какъ отозвались въ душѣ моей эти звуки! говорилъ онъ вздыхая: великій маэстро должно быть создалъ ихъ съ за-

крытыми глазами, потому что зрячіе не могутъ чувствовать этихъ звуковъ. Несчастный былъ слѣпъ отъ рожденія. Но когда началась арія баса, сердце его стало биться быстрѣе, при хорѣ же ангеловъ, онъ почувствовалъ, что въ душѣ его возрождается благодѣтельное мужество.

«При словахъ: «Ela luce fu fatto!» (И бысть свѣтъ), раздался простой, но могучій аккордъ хора и полнаго оркестра въ do maggiore. Но для глазъ несчастнаго слѣпца была вѣчная ночь. Съ нимъ сдѣлались страшныя конвульсіи, и его принуждены были вынести безъ чувствъ.

«Меня позвали къ нему, такъ заключилъ медикъ свой разсказъ, и я тотчасъ же увидѣлъ, что у него страшная горячка.

«Больной въ бреду, продолжавшемся нѣсколько дней, только и говорилъ, что о своей возлюбленной, о своемъ кларнетѣ, о хаосѣ, и о собакѣ, которая одна проводила дни и ночи около его постели. Однако пришедши на минуту въ себя, онъ взялъ меня за руку и передалъ мнѣ свои послѣднія чувства.

« Я знаю, любезный докторъ, что смерть моя близка, сказалъ онъ, но она мнѣ ужъ не кажется такою ужасною какъ прежде я думалъ, потому что я надѣюсь *видѣть* въ другомъ мірѣ. Когда я услыхалъ музыкальное слово великаго маестро, мнѣ показалось, что я не могъ уже жить въ мірѣ, который долженъ быть такъ великолѣпенъ, такъ чудно-хорошъ при свѣтѣ солнца.»

«Желаніе его скоро исполнилось; на другой день солнце не согрѣвало болѣе покинутаго всѣми больнаго!»

Музыка, которая вмѣстѣ съ любовью поддерживала жизнь бѣднаго несчастливца, только одна еще могла наполнять жизнь его безъ любви, эта музыка усладила ему чашу смерти, поданную ему за подарокъ рукою невѣрной женщины, которую онъ любилъ.

—

Віолетта, новая опера Меркаданте. Вотъ что говоритъ неаполитанская музыкальная газета объ этой новой оперѣ.

Мы не станемъ разбирать Віолетту по частямъ, потому что эта опера съ первой до послѣдней ноты нечто иное какъ счастливое вдохновеніе, цѣпь свободныхъ и выразительныхъ мелодій, поле усѣянное тысячами красотъ. Мы присутствовали при четырехъ представленіяхъ и не уставали ни на минуту удивляться этой оперѣ. Рукоплесканія зрителей были искреннія и восторженныя; маэстро былъ нѣсколько разъ вызванъ по окончаніи каждаго *отдѣла*, и вчера вечеромъ, въ концѣ представленія, былъ весь засыпанъ букетами цвѣтовъ, которые ему набросали изъ ложъ и партера.

И дѣйствительно, мы не находимъ въ этой оперѣ ни одного мгновенія, въ которое можно было бы замѣтить недостатокъ вдохновенія

или артистическую небрежность. Если мы очарованы легкостью, такъ сказать *воздушностью* этой музыки и эфектами гармоніи въ трехъ большихъ финалахъ, то также никогда не позабудемъ полакку и рондо *Віолетты*, каватину *Розальбы*, патетическое largo и живую, одушевленную кабалетту изъ аріи *Одино;* не можемъ забыть также прекраснаго хора въ третьемъ актѣ, и два дуэта, изъ которыхъ первый между сопрано и теноромъ, какъ идиллическій разговоръ, есть типъ совершенства!

Въ тѣхъ мѣстахъ оперы, гдѣ, какъ обыкновенно въ музыкѣ полусеріа, актеры говорятъ вмѣсто пѣнія, вся важность состоитъ въ оркестровкѣ. Меркаданте имѣлъ огромный успѣхъ. Такимъ образомъ ужъ не говоря объ аріи *Берардо*, любящій и наивный характеръ *Джакомо*, лучшій характеръ во всей оперѣ, ясно обозначается инструментальною музыкою.

Пѣвицы: Эскотъ, Керубини; пѣвцы Біанки, Фіораванти, Луиджи и Каммарано участуютъ въ этой оперѣ.

Либретто взято изъ драмы Коцебу.

—

Письмо Меркаданте о Miserere. На желаніе музыкальнаго критика неаполитанской газеты Омнибусъ, получить какія нибудь свѣдѣнія о Miserere, которое поется каждый годъ въ церкви Сан-Пьетро да-Маіелла, Меркаданте отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Любезнѣйшій господинъ Торелли!

Спѣшу сообщить вамъ, какъ умѣю лучше, нѣкоторыя историко-музыкальныя свѣдѣнія о Miserere, уже около сорока лѣтъ исполняемомъ въ нашей королевской коллегіи, въ среду, четвертокъ и пятницу страстной недѣли.

Этотъ родъ музыкальной композиціи, состоящей изъ *однихъ только голосовъ*, былъ принятъ въ Римѣ, и композиторы, управлявшіе каппеллою Святаго Петра, Джомелли, Джульелини, Дзингарелли, призванный въ Неаполь, свое отечество, управлять королевскою коллегіею *, первый началъ исполнять это Miserere здѣсь, сорокъ лѣтъ тому назадъ, и дѣйствіе, производимое имъ на публику, постоянно было одинаковое

Оно исполнялось также всегда съ одинаковымъ совершенствомъ. Можно сказать, что манера исполненія, колоритъ, ударенія, по преданію переходятъ отъ однихъ учениковъ къ другимъ. Число воспитанниковъ, исполняющихъ Miserere, считая приходящихъ и живущихъ въ коллегіи, почти всегда доходитъ до полутораста человѣкъ. Въ этомъ испол-

* Такъ называютъ здѣсь знаменитую неаполитанскую консерваторію.

неніи принимаютъ участіе не только воспитанники, учащіеся пѣнію, но и музыканты, композиторы и учители пѣнія, считающіе за честь содѣйствовать успѣху исполненія.

По моему мнѣнію переходъ изъ простой музыки въ шумную, многосложную, модулированную, содѣйствуетъ еще болѣе къ наслажденію однажды въ годъ этою тихою и пріятною музыкою, точно будто бы оно было какъ новое произведеніе, а не старинное. Мысль услышать музыку, которой нѣтъ подобноя изъ всего что пишутъ въ настоящее время, возбуждаетъ въ высшей степени любопытство жителей Неаполя и иностранцевъ, и ее всегда слушаютъ съ величайшимъ удовольствіемъ и съ величайшимъ вниманіемъ.

Извините, любезный Торелли, что я пишу на скорую руку и потому дурно излагаю свои мысли, я предоставляю это вашему болѣе искусному перу.

Вашъ Меркаданте.

Четвертокъ на страстной недѣлѣ, 1853 года.

Къ этому объясненію ничего не остается прибавить, какъ только что во всѣ эти три дня церковь была наполнена слушателями, исполненіе было превосходное, и самъ знаменитый Меркаданте дирижировалъ этимъ громаднымъ музыкальнымъ произведеніемъ съ жаромъ первыхъ годовъ, съ непобѣдимою любовью къ искусству и пламеннымъ увлеченіемъ, которое увеличивается вмѣстѣ съ его славою. Много содѣйствовалъ также успѣху исполненія концертистъ синьоръ Франческо Флоримо, архиваріусъ К. коллегіи Санъ-Пьетро да-Маіелла.

—

Отелло Россини. Отелло былъ написанъ въ двадцать дней. Конечно время ничего не значитъ. Но когда подумаешь, что произведеніе столь дивно прекрасное, въ высшей степени драматическое и потрясающее, создано авторомъ менѣе чѣмъ въ три недѣли, невозможно не чувствовать глубокаго удивленія къ счастливому генію человѣка, которымъ одарило его Провидѣніе, въ особенной благосклонности своей.

Россини возвратился изъ Рима, гдѣ былъ поставленъ его *Цырюльникъ*, упавшій въ первое представленіе и превознесенный до небесъ во второе. Онъ нашелъ своего директора Барбайа по обыкновенію вѣчно сердитаго, вѣчно недовольнаго.

— Наконецъ-то ты здѣсь, сказалъ ему Барбайсъ съ укоряющимъ видомъ. Римляне удостоили наконецъ понять твою музыку. Все-таки они начали шиканьемъ, и сказать правду, мнѣ это не было совсѣмъ не пріятно; ты этого очень стоишь. Не успѣетъ придти что нибудь порядочное тебѣ въ голову, какъ ты тотчасъ же и бѣжишь изъ Неаполя,

на какой нибудь дрянной театришко, гдѣ тебѣ вмѣсто пѣвцовъ лаютъ собакъ — (это было любимое выраженіе Барбайа, когда онъ говорилъ о дурныхъ пѣвцахъ), тогда какъ я отдаю въ твое распоряженіе лучшихъ артистовъ Италіи — одинъ Богъ знаетъ чего мнѣ стоятъ эти разбойники! и не могу добиться отъ тебя ни одной строки безъ просьбъ, моленій и ссоръ.

— Ахъ, любезный Барбайа, весело отвѣчалъ Россини, громко и глубоко вздыхая: это оттого, что въ Неаполѣ такъ хорошо гулять! Сердитесь за это на ваше солнце!

— О! я знаю, что ты любишь бѣгать по Толедо и Кіаіѣ и собирать всѣхъ встрѣчныхъ тунеядцевъ ко мнѣ на обѣдъ.

— Но у васъ ѣдятъ такъ хорошо, любезный Барбайа. Сердитесь за это на вашего повара.

— Вѣдь ты знаешь, что это я тебѣ не въ укоръ говорю, сказалъ Барбайа, который несмотря на свой сердитый видъ, былъ добрѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ; приводи ко мнѣ хоть весь городъ, если хочешь; благодареніе Богу! у меня найдется что нибудь вамъ дать пообѣдать. Но заклинаю тебя небомъ, сбрось свою лѣность. Эти мошенники пѣвцы если имѣютъ хоть немного таланта, такъ хотятъ чтобъ имъ платили огромное жалованье. Я долженъ нанести сильный ударъ, иначе все погибло. Ну, чѣмъ мы попотчуемъ публику?

— Оперу серію или буфъ? сказалъ Россини.

— Что ты! оперу буфъ для Сан-Карло. Это хорошо для театра Арджентина и для такихъ жалкихъ людей какъ римляне.

— Кажется, что нѣсколько минутъ тому, вы были недовольны, что *цырюльникъ*...

— Я былъ недоволенъ результатомъ, а ужъ ни какъ твоею оперою, Мнѣ надобно что-цибудь трагическое, понимаешь ли? Я хочу, чтобъ наша драгоцѣнная Кольбранъ заставила плакать даже кавалерійскихъ офицеровъ, которые уже взяли два первыхъ ряда въ партерѣ; надобно чтобъ ты сдѣлалъ надъ собою большое усиліе, любезный другъ, продолжалъ Барбайа, переходя отъ замѣтной холодности къ сильному одушевленію.

— Это будетъ зависѣть отъ сюжета.

— Отъ сюжета, вѣчно отъ сюжета... и ты также, со всѣмъ твоимъ геніемъ, былъ не всегда счастливъ въ сюжетахъ.

— Но чѣмъ я могу тутъ помочь? Виноваты ваши поэты!

— Будь покоенъ; я ужъ взялъ свои предосторожности. На этотъ разъ ты не будешь имѣть дѣла съ жалкими поэтами, которые работаютъ либретто за тридцать скуди. Я нашелъ для тебя первостепеннаго поэта, важнаго человѣка, говорю тебѣ, маркиза...

— Маркиза! сказалъ Россини.

— Да, милый мой, маркизъ Беріо обѣщалъ мнѣ написать для тебя либретто; ты увидишь, что это будетъ образцовое произведеніе.

Россини пересталъ улыбаться, и казалось въ самомъ-дѣлѣ былъ очень доволенъ имѣть такого сотрудника. Маркизъ Беріо былъ человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, знавшій въ совершенствѣ литературу древнюю и новую; онъ зналъ наизусть Гомера, Софокла, Теренція, Корнеля, Алфьери, Шекспира; онъ писалъ для театра и сочинялъ прелестные стихи.

Россини тотчасъ же назначилъ день, чтобъ представиться поэту. Онъ можетъ быть думалъ найти маркиза въ великолѣпныхъ залахъ палацца Беріо, покрытыхъ драгоцѣннымъ мраморомъ, украшенныхъ лучшими картинами Сальватора Розы, Рибейры и Джіордана. Но былъ просто встрѣченъ преданнымъ слугою, который провелъ его потаенною лѣстницею. Барбайа шелъ ворча, спотыкаясь на каждой ступени, и громко говоря съ самимъ собою: «Кой чортъ! Если ужъ хотятъ вести порядочнаго человѣка по такимъ западнямъ, то по-крайней-мѣрѣ должно бы предупредить его, чтобъ онъ взялъ съ собою фонарь. Право, въ корридорахъ моего театра виднѣе. Послѣ многихъ поворотовъ и изворотовъ, слуга наконецъ остановился, сдѣлалъ три удара въ дверь, щелкнулъ ключемъ въ замкѣ, и Россини съ директоромъ явились въ кабинетѣ маркиза. Завернувшись въ широкій халатъ, онъ скорѣе лежалъ нежели сидѣлъ въ широкихъ креслахъ, упершись каблуками своихъ сапоговъ въ столъ. Книги различныхъ форматовъ, разбросанныя по всюду, на полу, на письменномъ столѣ, ни креслахъ, на постели, оставляли самый узкій проходъ для посѣтителей, которые разъ вступивши въ эти Ѳермопилы, не знали какъ изъ нихъ выйти. Толстый слой пыли покрывалъ книги, бумаги, картины, зеркала, всѣ вещи, разбросанныя въ безпорядкѣ и придавалъ всему этому странному однообразный и сѣроватый видъ.

— Прошу садиться, вѣжливо сказалъ маркизъ, нисколько не думая что просилъ о невозможной вещи.

Россини нисколько не измѣнялъ своего серьознаго вида, не менѣе учтиво отвѣчалъ ему:

— Не безпокойтесь, господинъ маркизъ, мы не устали,

Барбайа же собравъ въ кучу нѣсколько книгъ in-folio, безъ церемоніи усѣлся на нихъ.

Маркизъ приподнялъ свой ночной колпакъ на головѣ, и неизмѣняя положенія своего тѣла протянулъ руку, чтобъ взять огромную рукопись, и медленно развернувъ ее, громкимъ и звучнымъ голосомъ прочелъ свою поэму *Отелло*, взятую изъ драмы Шекспира. Постепенно одушевляясь, маркизъ успѣлъ возбудить удивленіе въ Россини, который съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за его голосомъ, жестами и едва замѣтнымъ движеніемъ губъ. Подъ вліяніемъ пламеннаго вдохновенія, наружность маркиза представляла внезапное и совершенное превращеніе. Сгорбленное и опустившееся тѣло его горделиво выпрямилось, чело его просіяло, глаза бросали молніи. Можно было подумать, это былъ самъ Аполлонъ на своемъ прорицательномъ треножникѣ. Когда маркизъ окончилъ чтеніе, Россини всталъ съ своего мѣста,

подошелъ къ маркизу, и ласково пожавъ ему руку, съ чистосердечнымъ видомъ сказалъ:

— Синьоре, вы прочли намъ превосходную трагедію, и ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы перемѣнить въ ней ни одного слова; но...

Россини остановился, боясь, что замѣчанія могутъ оскорбить его сотрудника.

— Успокойтесь, любезный маэстро, сказалъ маркизъ съ своею обыкновенною благосклонностью; если во мнѣ нѣтъ генія вашихъ обыкновенныхъ поэтовъ, то во мнѣ нѣтъ также ихъ самолюбія, тщеславія и лѣности.

— Повторяю вамъ, господинъ маркизъ, что стихи ваши мнѣ показались превосходнѣйшими; дѣйствіе хорошо ведено, третій актъ полонъ интереса; но мнѣ нужно пѣніе, мнѣ нужны аріи, дуэты, терцеты; я не могу положить на музыку произведенія, которое съ начала до конца ни что иное какъ длинный и прекрасный речитативъ.

— Благодареніе Богу, сказалъ Барбайа, который до тѣхъ поръ, чтобъ удержаться отъ вспышки досады, грызъ свои ногти, я также думаю, что намъ нужно пѣніе. Ахъ! господинъ маркизъ, вы знатный вельможа и великій литераторъ; вы пишите также хорошо какъ славной Метастастазіо и сдѣлали мнѣ великую честь, желая заняться моимъ бѣднымъ театромъ, ужъ не считая, что вы удостоиваете брать ложу на цѣлый круглый годъ... но... но... но...

— Но долженъ деспотически слѣдовать вашимъ совѣтамъ и руководиться вашею опытностью, любезный директоръ.

— Моею опытностью, господинъ маркизъ? о, опытность моя, мнѣ дорого досталась.

— Но однако посмотримъ, что могу я сдѣлать, чтобъ удовлетворить васъ, сказалъ маркизъ съ самою изящною вѣжливостью.

— Вотъ что мнѣ нужно. Для начала мнѣ нужна каватина для Нодзари. Я хочу чтобъ онъ вышелъ съ каватиною. Я плачу ему три тысячи дукатовъ въ годъ, не для того, чтобы онъ съ скрещенными на брюхѣ руками, говорилъ мнѣ какъ драматическій актеръ. Пусть онъ не даромъ получаетъ деньги. Мнѣ нужна большая арія для Кольбранъ; она въ состояніи выцарапать мнѣ глаза если у нея не будетъ своей арьетты; нужна арія для Давида и проклятія для Бенедетти.

— Что вы скажете на это маэстро? сказалъ маркизъ, обращаясь къ Россини.

— О, онъ ничего не можетъ сказать, прервалъ Барбайа, онъ только долженъ положить на музыку нумера, которые я потребую; не заботьтесь о немъ; увидите какъ онъ хорошо напишетъ. Такъ мнѣ необходимо сцену для Бенедетти, публика очень любитъ stanie, одну или двѣ каватины для Нодзари, большую арію для примадонны.

— Это невозможно, возразилъ маркизъ спокойнымъ голосомъ: я сосредоточилъ весь интересъ на Десдемонѣ въ третьемъ актѣ.

— Какъ нельзя лучше, сказалъ Барбайя, но если для Кольбранъ не будетъ арьетты, она разорветъ контрактъ.

— Предоставьте мнѣ подумать о Кольбранъ, сказалъ Россини, сопровождая эти слова ироническимъ выраженіемъ, понятымъ однимъ только маркизомъ, который пристально посмотрѣвъ на маэстро, пожалъ ему руку, и съ лукавою улыбкою раскланиваясь съ директоромъ сказалъ:

— Будьте спокойны любезный импресаріо; Россини устроитъ все какъ нельзя лучше. Что касается до меня, то я постараюсь сообразоваться сколько возможно съ вашею программою. Я не провожаю васъ, господа. Сюда, прошу васъ, вы пройдете черезъ залу Музъ и галерею Діаны.

Черезъ пять или шесть дней маркизъ отдалъ свою поэму, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя поправки. Россини принялся за оперу, и чтобъ не отрываться отъ работы, онъ пересталъ бриться и рѣшился не выходить до тѣхъ поръ, пока опера не будетъ окончена.

Всѣ знаютъ какой успѣхъ имѣла опера *Отелло*.

И потомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ только не давали эту дивную оперу, она имѣла одинаковый успѣхъ. Россини съ тріумфомъ несли на рукахъ. Барбайя представлялъ странный видъ человѣка, который въ одно время былъ и доволенъ и печаленъ, который однимъ глазомъ смѣется, а другимъ плачетъ.

— Ну, любезный директоръ, довольны ли вы?.. спросилъ его Беріо, сходя по лѣстницѣ театра.

— Какъ *импресаріо*, я доволенъ, но какъ человѣкъ, нѣтъ, отвѣчалъ Барбайя. *Отелло* будетъ имѣть сто представленій, но Кольбранъ, которая, между нами будь сказано, была очень благосклонна, въ бѣшенствѣ, что для нея нѣтъ арьетты, объявила, что во всю свою жизнь не станетъ больше говорить со мною.

— Такъ не поэтому ли она выходитъ за мужъ за Россини, сказалъ вполголоса маркизъ.

— Что вы говорите, эччеленца, что вы говорите? я не разслышалъ.

— Ничего, ничего, любезный Барбайя, я говорю, что Россини великій геній, а вы счастливый директоръ.

—

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Наблюденія надъ миражемъ. Различаютъ нѣсколько родовъ миражей, то есть явленій, происходящихъ отъ особеннаго свойства густоты атмосферическихъ слоевъ. *Обыкновенный* или *нижній миражъ* случается всего чаще то на поверхности воды, то на сухихъ и песча-

ныхъ равнинахъ. Надъ водою является онъ болѣе всего по утрамъ лѣтомъ и осенью. Въ это время вода можетъ долго сохранять температуру на нѣсколько градусовъ выше температуры воздуха. Тогда бываетъ видно опрокинутое изображеніе предметовъ надъ горизонтальною линіею, какъ будто бы огромное горизонтальное зеркало простиралось до берега. Сравненіе это впрочемъ несовершенно точно. Простое отраженіе на гладкой поверхности производитъ безграничныя изображенія къ низу, тогда какъ въ миражѣ опрокинутое изображеніе не простирается далѣе видимаго горизонта воды, оно находится между линіею горизонта и линіею раздѣла, между прямыми и опрокинутыми отраженіями.

Есть и другія различія, отличающія оба явленія. При отраженіи, нижнее изображеніе удлиняется вертикально въ слѣдствіе неровностей поверхности, тогда какъ въ миражѣ изображеніе дѣлается короче по вертикальной линіи. Наконецъ линія раздѣла имѣетъ неодинаковой видъ въ обоихъ случаяхъ. При отраженіи является линія яркая съ темнымъ оттѣнкомъ; при миражѣ она блистательна, но предметы не ясны. Когда случается миражъ, то сокращеніе видимаго горизонта всегда значительнѣе, нежели въ нормальномъ состояніи атмосферическихъ слоевъ. Линія раздѣла имѣетъ не одинаковую высоту. Она выше, если предметы отдаленные, и по мѣрѣ сближенія ихъ понижается Слѣдственно, чѣмъ предметы будутъ ближе къ наблюденію, тѣмъ болѣе опрокинутое изображеніе ихъ будетъ являться въ сокращенномъ видѣ. На небольшомъ разстояніи изображеніе исчезаетъ. По мѣрѣ возвышенія глаза надъ поверхностью воды миражъ дѣлается менѣе и менѣе чувствителенъ. Любопытно было бы измѣрить углы при разныхъ обстоятельствахъ этого явленія, замѣтивъ и метеорологическое состояніе, особливо температуру воды на поверхности и воздуха на различныхъ высотахъ.

Что же касается до миража отъ разогрѣтой почвы, онъ вообще чаще случается лѣтомъ въ теплые дни. Онъ сильнѣе дѣлающагося надъ водою, но не такъ правиленъ, потому что поверхность почвы никогда не бываетъ совершенно гладка.

Очевидно, что миражъ происходитъ отъ ненормальнаго состоянія густоты низшихъ атмосферическихъ слоевъ, и когда эта густота постепенно возрастаетъ отъ земли до извѣстной высоты, за которою уже начинаетъ уменьшаться. Еслибъ знали законъ этихъ измѣненій, можно было бы опредѣлить всѣ обстоятельства, сопровождающія это явленіе.

Браве доказываетъ, что нельзя предположить возрастающей ариѳметической прогрессіи съ высотою.

Надобно сознаться, что эта теорія вѣрнѣе объясняетъ миражъ отдаленныхъ предметовъ, нежели близкихъ.

Бываетъ и другаго рода миражъ, котораго эфектъ не такъ поразителенъ. Онъ происходитъ, когда густота воздуха постепенно уменьшается отъ поверхности земли. Въ этомъ миражѣ предметы только возвышаются, и тѣ изъ нихъ, которыхъ обыкновенно не видно по при-

чинѣ отдаленности и шаровидности земли, показываются на горизонтѣ. Тогда море кажется выпуклою поверхностью вокругъ наблюдателя,—и предметы представляются ближе.

Третій родъ миража — *опрокинутый и верхній.* Оно бываетъ въ трехъ случаяхъ. Иногда надъ какимъ нибудь предметомъ видно опрокинутое изображеніе его, а надъ этимъ еще одно изображеніе въ простомъ видѣ. Иногда видно только одно первое, то есть опрокинутое. наконецъ иногда является одно самое верхнее въ прямомъ видѣ безъ опрокинутаго. Волластонъ показалъ, что можно искусственнымъ образомъ произвести это явленіе соединеніемъ двухъ жидкостей, имѣющихъ между собою нѣкоторое сродство, напримѣръ подслащенной, или камедной воды—и чистой, которую будутъ тихо подливать сверху. Вскорѣ послѣ соприкосновенія этихъ жидкостей начинаетъ образоваться нѣкоторое измѣненіе въ густотѣ жидкостей, которое можетъ произвесть явленіе тройнаго изображенія.

Браве признаетъ существованіе пространства, отъ котораго изо всѣхъ точекъ можно провести три праэкторіальныя линіи къ глазу зрителя. Двѣ изъ нихъ пресѣкутся съ зажигательною (каустическою) линіею за отражаемымъ предметомъ, и слѣдственно изображеніе будетъ прямое. Третья линія пресѣчется между каустическою и предметомъ, и предметъ будетъ опрокинутъ между прочими двумя линіями. Такимъ образомъ произойдетъ верхній миражъ. Верхнее изображеніе иногда исчезаетъ по чрезвычайной малости размѣровъ.

Слѣдственно, этотъ родъ миража долженъ произойти, когда слой теплаго воздуха внезапно очутится надъ слоемъ холоднаго, а спокойствіе атмосферы дозволитъ обоимъ слоямъ оставаться въ этомъ положеніи. Дѣйствительно, миражъ этотъ былъ часто наблюдаемъ въ полярныхъ странахъ.

Миражъ можетъ также случится между двумя слоями воздуха, раздѣленными вертикальной площадью, напримѣръ большою стѣною, освѣщенною солнцемъ. Этитъ *боковой миражъ* разнится отъ обыкновеннаго только тѣмъ, что измѣненіе густоты происходитъ между вертикальными слоями.

Біо и Араго наблюдали *сложный миражъ*, когда нѣсколько опрокинутыхъ изображеній находятся на одной вертикальной линіи. Для объясненія этого явленія надобно прибѣгать къ слишкомъ гипотетическимъ предположеніямъ.

Наконецъ бываютъ рѣдкіе случаи, когда обыкновенные миражи соединены съ тѣми, въ которыхъ предметы только возвышаются. Бушъ видѣлъ подобный случай въ балтійскомъ морѣ, а Браве въ Норвегіи.

Въ заключеніе авторъ рекомендуетъ наблюдателямъ слѣдующее: 1) явленіе это наиболѣе надобно наблюдать близъ горизонта надъ большимъ воднымъ пространствомъ, надъ песчаными равнинами, надъ большими дорогами, идущими горизонтально по прямой линіи. 2) Всегда выгодно смотрѣть снизу; только въ случаѣ миража, возвышающаго предметы, выгоднѣе подниматься. 3) Болѣе всего надобно наблюдать

линіи, косвенныя къ горизонту. 4) Полезно смотрѣть въ подзорную трубу, или по-крайней-мѣрѣ театральную трубку, увеличивающую въ два–три раза. 5) Надобно записывать разность температуру воды, почвы и воздуха на различныхъ высотахъ. 6) Наконецъ всего важнѣе, если наблюдатель успѣетъ измѣрить величину угловъ теодолитомъ, въ особенности сокращеніе видимаго горизонта, замѣтивъ высоту глаза надъ почвою во время измѣненій.

—

Движеніе цвѣтка Victoria Regia.— Эдуардъ Читти изъ Кингстона (въ Ямайкѣ) снова наблюдалъ за движеніемъ этого цвѣтка, недавно открытаго Пакстономъ. Въ шесть часовъ утра вершина цвѣтка была, какъ наканунѣ, обращена къ сѣверо–западу. По мѣрѣ того какъ цвѣтокъ поднимался изъ–подъ воды, онъ постепенно склонялся къ западу, потомъ къ югу, и потомъ принялъ прежнее свое положеніе. Въ тоже время стволъ сдѣлался длиннѣе, нежели сколько нужно для поднятія цвѣтка надъ водою въ видѣ спирали. Въ три съ половиною часа пополудни цвѣтокъ обращенъ былъ къ сѣверо-западу, а южная часть опиралась на послѣдній желтый листокъ. Но въ эту самую минуту цвѣтокъ быстро повернулся на четверть круга, то есть къ сѣверо-востоку.

На слѣдующій день наблюденія доказали, что цвѣтокъ обращается какъ шаръ на оси, и что обращеніе дѣлается отъ сѣверо–востока къ сѣверу. Другой цвѣтокъ, еще не распустившійся и обращенный къ сѣверу, быстро повернулся къ востоку. Въ четыре часа утра повернулся онъ опять къ сѣверу.

Изъ этихъ наблюденій видно, что сжиманіе ствола, свертывающагося въ спирали, заставляютъ цвѣтокъ перемѣнять положеніе. Но какая сила дѣйствуетъ на него подъ водою, этого нельзя понять.

—

Новыя наблюденія надъ электрическимъ свѣтомъ.— Если впустить электрическую искру въ безвоздушное пространство, то по мѣрѣ впусканія воздуха посредствомъ воздушнаго насоса, яркость электрическаго блеска уменьшается, но самая искра увеличивается въ объемѣ въ видѣ снопа синеватаго цвѣта. Этотъ синеватый цвѣтъ простирается отъ одного проводника къ другому и можетъ быть растянутъ на большое пространство. Опытъ этотъ обыкновенно производится въ стекляномъ, такъ называемомъ *электрическомъ яйцѣ*. Электрическій токъ долженъ быть очень силенъ, чтобъ струя, составляющая искру, развилась на всемъ пространствѣ между обоими проводниками внутри стеклянной оболочки. Для этого считали всего удобнѣе искру, добытую изъ электрической машины со стекляннымъ кругомъ. Но недавно Румфорду удалось составить аппаратъ, дающій одною парою вольтова столба

весьма сильный электрическій токъ, который легко пробѣгаетъ пространство между обоими проводниками. Въ электрическомъ же яйцѣ производитъ этотъ аппаратъ дѣйствіе, превосходящее электрическую машину. Искры съ такою быстротою слѣдуютъ одна за другою, что оставляютъ въ глазѣ впечатлѣніе безпрерывнаго свѣта, и эти свѣтовыя явленія продолжаются нѣсколько часовъ, такъ что ихъ не торопясь можно разсматривать.

Румфордъ замѣтилъ, что электричество, развивающееся въ безвоздушномъ пространствѣ, даетъ двоякаго рода свѣтъ по цвѣту и очерку: одинъ цвѣтъ *синеватый* въ правильномъ видѣ окружаетъ металлическій шарикъ отрицательнаго полюса; другой — *красный*, исходитъ изъ положительнаго полюса и стремится къ отрицательному въ видѣ веретена.

Г. Ке (Quet) тщательно наблюдалъ оба эти свѣта и открылъ въ нихъ замѣчательныя свойства, при нѣкоторыхъ условіяхъ, легко производимыхъ самимъ наблюдателемъ. Свѣтовая масса, находящаяся между обоими кондукторами, раздѣляется на нѣсколько параллельныхъ полосъ, отдѣленныхъ между собою темнымъ пространствомъ. Явленіе это можно сравнить съ колонною свѣта, составленною изъ нѣсколькихъ слоевъ, и перпендикулярною къ оси вольтова столба. Явленіе всего яснѣе въ безвоздушномъ пространствѣ, наполненномъ парами терпентинной эссенціи или нефтянаго масла.

—

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Отъ ссоры не быть пути (*разсказъ*). — На Нижнемъ Рейнѣ стоитъ небольшая деревня, красивая и чистоплотная. Въ ней живутъ крестьяне зажиточные, потому что поля и луга даютъ хорошія жатвы, а народъ въ ней трудолюбивый и порядочный.

Всѣхъ богаче былъ крестьянинъ Андресъ. Домъ его со всѣми угодьями стоялъ ближе всѣхъ къ рѣкѣ. Домъ этотъ былъ полонъ всякаго добра,—и Андресъ пользовался, по богатству своему, уму и старости, всеобщимъ уваженіемъ всей деревни. Онъ умеръ наконецъ и передалъ все двумъ сыновьямъ. Старшаго звали Каспаръ, младшаго Зевулонъ.

Каспаръ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ сильный и здоровый малый. Уже пятнадцати лѣтъ возилъ онъ сохою и косилъ сѣно не хуже взрослаго,—а воротясь ввечеру домой, убиралъ за обѣ щеки картофель и клецки.

Зевулонъ былъ съ малолѣтства одержимъ англійскою болѣзнью, — и долго лечился отъ нея. Къ этому присоединились и другіе дѣтскіе недуги. Четырнадцати лѣтъ поправился онъ наконецъ, но у него остались кривыя ноги, и борода совсѣмъ почти неросла. Онъ нелю-

билъ ни заниматься земледѣліемъ, ни ходить за скотомъ. Большею частію лежалъ онъ за печкою, или игралъ съ сосѣдними дѣтьми, которыя были моложе его. Онъ дѣлалъ для нихъ игрушки, мастерилъ куклы и шилъ на нихъ платье.

Тогда еще живъ былъ старикъ Андресъ. Онъ видѣлъ неспособность младшаго сына своего къ земледѣлію, и отдалъ его въ ученье къ портному. Усердно принялся Зевулонъ за работу, и еще до смерти отца считался хорошимъ подмастерьемъ, которому всѣ отдавали чинить свою одежду.

Всѣ мужчины любили Зевулона за услужливость и кроткій нравъ, но дѣвушкамъ онъ не нравился, хотя и усердно шилъ имъ обновки. Всѣ онѣ смѣялись надъ нимъ и прозвали его кривоногимъ. Это лишало его часто бодрости. Онъ не смѣлъ уже влюбляться, — и единственною его сердечною привязанностью былъ братъ Каспаръ.

Тотъ, по деревенскому обычаю, женился очень рано, и у него было много дѣтей.

Когда старикъ Андресъ умеръ, братья очень миролюбиво согласились на счетъ наслѣдства. Каспаръ взялся за всѣ полевыя работы, а Зевулонъ за внутреннее управленіе домомъ. Нижній этажъ дома предоставилъ онъ семейству брата, къ которому и пошелъ въ нахлѣбники. Самъ же помѣстился въ верхнемъ жильѣ. Тамъ у него была большая комната, которой окошко выходило на Рейнъ и на идущую по берегу большую дорогу. Здѣсь онъ постоянно сидѣлъ на столѣ и занимался ремесломъ портнаго. Оттуда видѣлъ онъ все, что случалось у сосѣдей, и когда усматривалъ пріѣздъ какого-нибудь судна, то тотчасъ отправлялся на берегъ и распрашивалъ судовщиковъ, что новаго въ Майнцѣ, или Эммерикѣ?

Такимъ образомъ провелъ онъ много лѣтъ, незамѣчая, что уже сдѣлался старымъ холостякомъ.

Двадцать лѣтъ жили братья въ мирѣ, дружбѣ и согласіи. Дѣти Каспара цѣлый день бѣгали у Зевулона по комнатѣ, глядѣли въ окно и играли куклами, которыя онъ имъ приготовлялъ. Только тѣ изъ нихъ, которыя по возрасту должны были ходить въ школу, рѣдко посѣщали дядю, потому что школьные товарищи ихъ всегда смѣялись надъ *кривоногимъ дядею*.

Вдругъ все домашнее счастіе этого семейства разрушилось, или, какъ говорятъ, черная кошка пробѣжала мимо ихъ. У Каспара было ровно двѣнадцать ребятъ. А какъ онъ все это время велъ дѣла свои очень хорошо, то и прикупилъ много земли и луговъ. Это принудило его принимать и работниковъ. Не мудрено, что послѣ этого женѣ его показалось наконецъ тѣсно въ нижнемъ этажѣ. Она стала ежедневно толковать Каспару, чтобъ онъ построилъ себѣ нижній домъ подлѣ стараго, да не изъ глины и песку, какъ этотъ, а изъ хорошихъ кирпичей, и даже окрасилъ бы комнаты.

Долго Каспаръ не соглашался; онъ думалъ, что на эти деньги можетъ лучше купить дюжину коровъ и новый участокъ земли. Но женѣ хотѣлось имѣть новый домъ, а не коровъ. Каспаръ забылъ, что

если мужу захочется имѣть коровъ, а женѣ домъ, то коровъ у него не будетъ, а домъ непремѣнно явится.

Гдѣ же было построить домъ? Объ этомъ надобно было поговорить съ Зевулономъ. Къ его участку принадлежала вся земля вокругъ стараго дома. Въ огородѣ его разведены были всѣ овощи, да и ближніе луга славились богатѣйшею растительностью. Кромѣ того, что шло на ихъ хозяйство, отсылалъ онъ ежедневно на рынокъ много зелени, и скопилъ себѣ порядочный капиталъ. Садоводство было любимымъ его занятіемъ. Когда онъ не жилъ, то сажалъ деревья и овощи, поливалъ, пололъ, чистилъ, разсаживалъ деревья.

У Каспара было очень много пахатной земли и луговъ, но около дома онъ, при раздѣлѣ, не оставилъ себѣ ничего, кромѣ самой узкой полосы отъ изгороды до дороги, шедшей по берегу Рейна, — и то по представленію жены для сушки бѣлья и мочки льна на этой полосѣ. Она состояла изъ песку и глины, и такъ круто спускалась къ берегу, что всякую весну заливало ее водою при вскрытіи рѣки.

Слѣдовательно, лучшимъ мѣстомъ для постройки новаго дома былъ огородъ Зевулона. Онъ былъ на высокомъ и сухомъ мѣстѣ. Видъ на рѣку былъ оттуда очень красивъ. Таково было мнѣніе жены Каспара, и она объявила о немъ мужу. Тотъ почесалъ за-ухомъ и отвѣчалъ, чтобъ она сама попробовала поговорить съ братомъ.

Послѣ ужина въ тотъ же день, когда дѣти ушли спать, жена дѣйствительно начала разсуждать объ этомъ, какъ о самой простой и естественной вещи, не подлежащей никакому сомнѣнію, выразивъ при этомъ надежду, что братъ Зевулонъ не подорожитъ этимъ лоскуткомъ земли. Зевулонъ не отвѣчалъ ничего, всталъизъ-за стола, и по обыкновенію подавая брату руку сказалъ: покойная ночь!

Взойдя къ себѣ на верхъ, не могъ онъ однакоже спать. Сперва онъ думалъ о прекрасныхъ своихъ персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьяхъ, за которыми такъ долго хлопоталъ, прежде нежели успѣлъ получить отъ нихъ хорошіе плоды. Потомъ пришли ему въ голову прекрасные цвѣты, которые занимали у него самые лучшіе гряды въ огородѣ и которыми онъ славился во всемъ околоткѣ и даже въ городѣ. Далѣе вспомнилъ онъ о своихъ чистенькихъ песчаныхъ дорожкахъ, для которыхъ съ трудомъ самъ привезъ съ берега Рейна болѣе двухъ сотъ телѣжекъ песку. Наконецъ подумалъ онъ о цвѣточной площадкѣ, украшенной разноцвѣтными раковинами. Незабылъ онъ и о толстой спаржѣ своей, которую отправлялъ съ такою выгодою на рынокъ; тамъ вспомнилъ свой макъ, свой сахарный горохъ,—и все это предлагали ему уничтожить, чтобъ построить домъ, который можно было бы поставить и на всякомъ другомъ мѣстѣ, а ему на старости приходилось опять разводить огородъ и сажать деревья, съ которыхъ онъ, можетъ быть, и не увидитъ уже плодовъ.

По утру мысли его освѣжились; онъ придумалъ очень благопріятное рѣшеніе вопроса, —и сошелъ внизъ къ обѣду въ самомъ веселомъ духѣ. При входѣ своемъ увидѣлъ онъ, что жена Каспара дуется на него за то, что онъ вчера тотчасъ же не согласился на ея предложеніе.

Теперь она рѣшилась молчать и выжидать, покуда Зевулонъ самъ начнетъ говорить объ этомъ.

Но онъ спокойно сидѣлъ за столомъ и молчалъ. Это вывело ее изъ терпѣнія,— и она рѣзко спросила его:

— Чтожъ, милый братецъ? придумали ли вы что во снѣ? за сколько отдаете вы намъ свой садъ?

— А вотъ какъ дѣти выйдутъ изъ-за стола, отвѣчалъ онъ, такъ я поговорю съ вами.

Дѣтей тотчасъ же выслали—и Зевулонъ продолжалъ:

— Любезные друзья мои! Сада моего не могу я вамъ продать. Мнѣ другаго уже не развести. Онъ мнѣ даетъ столько доходу, что мнѣ совѣстно было бы взять съ брата слишкомъ дорого, чтобъ вознаградить свою потерю. Но мой ближній лугъ съ кормовыми травами я охотно вамъ уступлю. Вамъ вѣдь все равно, гдѣ бы ни построить домъ: на право, или на лѣво, такъ отмѣрьте себѣ на лугу сколько хотите земли, хоть полъморгена, я не постою за этотъ участокъ. Вѣдь послѣ моей смерти все же останется вашимъ дѣтямъ. Такъ я и теперь ничего съ васъ не возьму.

Слова его были искренни; онъ поступалъ по-братски, и Каспаръ уже протягивалъ ему руку, чтобъ поблагодарить его. Но жена была недовольна. Ей хотѣлось поставить на своемъ.

— Нѣтъ, любезный братецъ,—сказала она —на вашихъ болотахъ не хочу я строить дома,—и лучше останусь въ тѣснотѣ.

— Какъ угодно, сестрица,—отвѣчалъ Зевулонъ,— и выйдя изъ за стола пошелъ къ себѣ на верхъ.

Тутъ разразился гнѣвъ жены. Если бы Зевулонъ не ушелъ, гроза эта пала бы на него,—и братъ вѣроятно принялъ бы его сторону. Но теперь эта буря обрушилась на Каспара.

— Хорошъ и ты! – вскричала она, настоящая мокрая курица; сидитъ и молчитъ,—а жена должна говорить за него; это все для того, чтобъ выставить меня съ дурной стороны. Вотъ дескать какая злая и сварливая баба! Бѣдныя мы, женщины! Всю работу и заботу сваливаютъ на насъ, да насъ же за все и бранятъ.

— Изъ чего ты хлопочешь, жена,—сказалъ Каспаръ. На лугу точно также можно построить домъ, и братъ отдаетъ намъ землю даромъ.

—Да я-то не хочу тамъ строиться,—закричала жена: лучше построю домъ на узкой полосѣ у большой дороги, чтобъ взбѣсить кривоногаго братца и помѣшать ему смотрѣть на Рейнъ, да болтать съ судовщиками.

— Помилуй, — возразилъ мужъ. На этой полосѣ никакой домъ и десяти лѣтъ не простоитъ. Его всякій годъ будетъ подмывать и заливать весеннимъ разливомъ рѣки, если еще не снесетъ напоромъ льда.... ну, да однако мнѣ пора....

Этимъ словомъ Каспаръ прекращалъ всегда всѣ споры,—и уходилъ. Это же сдѣлалъ онъ и теперь.

Зевулонъ усѣлся между тѣмъ на своемъ столѣ и принялся дошивать куртку младшему своему племяннику Петру, которому обѣщалъ

кончить ее въ три часа. Но пробило три, четыре и пять, а Петръ не шелъ за курткою.

Дѣти, возвращаясь изъ школы, заходили всегда къ дядѣ и получали по ломтю хлѣба съ сыромъ. Но въ этотъ день никто не пришелъ; онъ слышалъ однакоже, какъ они шумѣли и играли внизу.

Выйдя на лѣстницу и увидя Петра, закричалъ онъ ему—чтожъ ты, Петька, нейдешь: куртка твоя готова.

— Не надо, дядя, не хочу твоей куртки,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Такъ я отдамъ ее Мишкѣ—ей, Миша! хочешь новенькую курточку?

Другой племянникъ бросился было на лѣстницу, но старшая сестра схватила его и закричала:

— Куда? развѣ ты забылъ, что приказала мама? она ни кому не велѣла ходить къ дядѣ и сказала, что онъ злой человѣкъ и не хочетъ добра своимъ племянникамъ.

Зевулонъ поблѣднѣлъ съ досады; онъ почувствовалъ, что его ноги трясутся, и тихо побрелъ домой вверхъ по лѣстницѣ. Со злости изрѣзалъ онъ ножницами всю куртку, бросилъ ее за окно, одѣлся и пошелъ въ трактиръ.

Каспаръ воротился домой тоже въ дурномъ расположеніи духа, но въ комнаты не вошелъ, а размѣстивъ лошадей по хлѣвамъ и задавъ имъ кормъ, отправился съ горя въ трактиръ.

— Жена, сказалъ онъ самъ себѣ, начала это глупое дѣло; пусть сама и возится съ братомъ.

Войдя въ трактиръ увидѣлъ онъ, что и братъ его тутъ сидитъ и читаетъ старыя газеты, прихлебывая вино. До сихъ поръ они не ходили въ трактиръ, а тутъ вмѣстѣ вдругъ сошлись. Каспаръ потребовалъ себѣ рому.

— Ну, что, Каспаръ, сказалъ ему хозяинъ трактира: я слышалъ, ты новый домъ строишь?

— Да, съ Божіей помощью, отвѣчалъ онъ. Весною хочу начать.

— А гдѣ же ты поставишь домъ?

— Незнаю еще. Не сошелся съ братомъ о мѣстѣ ..

Зевулонъ положилъ газеты и взглянулъ на брата.

— Онъ немножко не сговорчивъ, продолжалъ Каспаръ.

Зевулонъ опять съ досады принялся читать, но не сказалъ ни слова.

— Да у брата твоего много лугу. Тутъ всего лучше.

— Я такъ и думаю.

— Надо, чтобъ и я тоже думалъ, прервалъ вдругъ Зевулонъ. А нынче въ пять часовъ послѣ обѣда я перемѣнилъ намѣреніе.

— Отчего же это? Развѣ ты съ женою говорилъ еще послѣ меня? спросилъ Каспаръ.

— Нѣтъ! съ досадою отвѣчалъ Зевулонъ Съ твоею женою я больше говорить не буду, да и обѣдать къ ней больше не пойду. Я здѣсь въ трактирѣ буду имѣть столъ.

— Эхъ, братъ, напрасно. Живя въ одномъ домѣ, не хорошо имѣть разное хозяйство.

— Да вѣдь мы можемъ и разъѣхаться. Домъ по раздѣлу мой. Жена

твоя почитаетъ меня злымъ человѣкомъ и врагомъ твоихъ дѣтей, ну такъ пусть же она ищетъ себѣ добрѣе родню.

— Помилуй, братъ, вскричалъ Каспаръ, ты съ ума сходишь. Жена моя добрая баба, и мы ее уломаемъ.

— Нѣтъ, ужъ уговаривай ее самъ какъ хочешь, а намъ вдвоемъ не жить больше.

— Да вѣдь ты самъ предлагалъ за обѣдомъ, чтобъ мы строились на лугу?

— То было за обѣдомъ, а послѣ обѣда жена твоя меня такъ угостила, что ни луга, ни сада я вамъ не дамъ, да и жить въ домѣ буду одинъ.

— Ну, такъ я построю себѣ домъ на песчаной полосѣ къ большой дорогѣ. Увидимъ, кому будетъ досаднѣе.

Съ этимъ словомъ проглотилъ онъ еще рюмку рому и быстро вышелъ изъ трактира.

На другое утро пришель деревенскій шульцъ и объявилъ Каспару, что братъ его Зевулонъ даетъ ему полгода срока на выѣздъ изъ дома. Жена Каспара теперь только поняла всю вину свою. Она стала было уговаривать мужа взойти на верхъ къ брату и сказать ему ласковое слово; но теперь Каспаръ былъ уже сердитъ и не хотѣлъ сдѣлать ни шагу. Напротивъ того онъ взялъ съ собою обоихъ старшихъ сыновей и пошелъ отмежевать мѣсто, гдѣ хотѣлъ построить домъ.

Это было самое жалкое помѣщеніе. На тѣсной полосѣ между домомъ и дорогою можно было выстроить жилище только въ одинъ рядъ комнатъ. Это затрудненіе еще больше бѣсило Каспара.

— Все равно, сказалъ онъ, я выстрою три этажа. Нижній для людей, второй для меня и хозяйства, третій для дѣтей. Чѣмъ выше будетъ домъ, тѣмъ брату будетъ меньше свѣта и больше досады.

Дорого долженъ былъ ему обойтися этотъ домъ. Кромѣ трехъ этажей и каменной стѣны у дороги, для защиты дома отъ наводненія, надобно было построить и каменныя конюшни, но число лошадей и быковъ надобно было уменьшить. За то конюшни отнимали у Зевулона съ другой стороны видъ на деревню.

Съ ежедневною возрастающею бранью началась тотчасъ же постройка дома, и къ зимѣ сталъ онъ уже подводить подъ крышу. Братья уже не кланялись другъ другу, когда встрѣчались, а дѣти Каспара, видя эту вражду, портили пока у Зевулона всѣ деревья и цвѣты.

Къ веснѣ переѣхалъ наконецъ Каспаръ въ новый домъ, но и тутъ дѣло не ладилось. Видя, что Каспаръ отнялъ у него съ обѣихъ сторонъ видъ на берегъ и въ деревню, Зевулонъ и съ своей стороны вмѣсто прежняго плетня выстроилъ высокій заборъ и обсадилъ его огромными деревьями, за которыми ходилъ съ величайшею заботливостью, такъ что тѣ вскорѣ разрослись и совершенно закрыли тѣнію своею окна Каспара.

Отъ этой семейной вражды произошла еще другая бѣда. Покуда братья вмѣстѣ жили, они каждый годъ чинили валъ, защищавшій ихъ

луга и пашни отъ наводненія Рейна. Теперь ни тотъ, ни другой не думали приниматься за это. Настала дождливая осень. Рѣка выступила изъ береговъ, и вскорѣ промыла валъ со стороны Зевулонова луга.

Когда вода сбыла, Зевулонъ печально обошелъ свой прекрасный лугъ, который теперь былъ покрытъ иломъ и пескомъ, и очистка котораго стоила вдвое болѣе починки вала. Это очень сокрушало его, но идя потомъ по дорогѣ, увидѣлъ онъ, что изъ дома Каспара выливаютъ ведрами, ковшами и ушатами изъ погребовъ, залитыхъ водою, которая испортила тамъ всѣ запасы.

Вскорѣ произошло новое событіе, усилившее взаимную вражду семействъ. Въ церкви услышалъ Зевулонъ, что пасторъ окликаетъ будущую свадьбу старшей его племянницы Лизы, съ однимъ молодымъ крестьяниномъ изъ сосѣдства.

— И это они устроили безъ меня, безъ дяди? вскричалъ Зевулонъ. И не послали мнѣ сказать ни одного слова. А вѣдь Лиза моя крестница! я берегъ для ея свадьбы золотую цѣпь моей матери, а теперь...

Отпразднована была и свадьба. А какъ осенніе дни были тогда чрезвычайно теплы, то столы у Каспара были выставлены на улицу. Зевулонъ могъ видѣть все пиршество, и придумывалъ средство отмстить за это.

Со вздохомъ вынулъ онъ изъ комода золотую цѣпь матери, которую назначалъ Лизѣ и отправился изъ дома. Ему иначе нельзя было пройти какъ мимо пирующихъ. Надвинувъ на глаза картузъ, прошелъ онъ сквозь толпу гостей и не смотрѣлъ ни на кого.

Лиза первая узнала дядю и поблѣднѣла. Мать вспыхнула, а Каспаръ вскочилъ и не зналъ что дѣлать, но избалованные мальчишки, думая угодить отцу, уськнули на дядю цѣпную собаку, которая давно не видавъ Зевулона, бросилась на него, но тотъ отвѣсилъ ей сильный ударъ тростью по головѣ, а Каспаръ въ ту же минуту пинкомъ отбросилъ ее.

— Иду, иду, братецъ, не остановлюсь, — со злостію сказалъ Зевулонъ. Напрасно было травить собаками крестнаго отца молодой.

Сказавъ это, пошелъ онъ въ деревню, и никто не остановилъ его. Въ деревнѣ зашелъ онъ въ лавку, велѣлъ свѣсить и оцѣнить золотую цѣпь—и очень спокойно взялъ за нее нѣсколько золотыхъ монетъ, съ которыми и пошелъ опять домой

Такимъ образомъ семейная радость Каспара была отравлена, а какъ о продажѣ золотой цѣпи всѣ узнали, то Лиза долго плакала и упрекала мать за то, что она поссорилась съ дядею, лишивъ ее этимъ золотой цѣпи и части наслѣдства.

Сперва деревня забавлялась и смѣялась надъ этою ссорою, но потомъ раздѣлилась на партіи. Одни говорили, что Каспаръ виноватъ, другіе обвиняли Зевулона. Каспаръ, какъ богатѣйшій прежде житель деревни, надѣялся быть выбраннымъ при первомъ случаѣ въ деревенскіе старосты (шульцы). Случай этотъ насталъ, но его не выбрали, потому что онъ уже былъ небогатый житель.

Раздѣлясь съ братомъ, построивъ домъ, выдавъ дочь замужъ, онъ

потратилъ много, а ничего не пріобрѣлъ Дѣти его были прежде законными наслѣдниками дяди, а теперь всякій ожидалъ, что Зевулонъ завѣщаетъ имѣніе кому нибудь другому. Наконецъ, въ шульцы его не выбрали и потому, что кто въ ссорѣ съ роднымъ братомъ, тотъ не можетъ мирить всю деревню и управлять ею.

Даже дома неудовольствія его ежедневно возрастали. Жена всякій день попрекала его ссорою съ братомъ и клялась, что она никогда съ своей стороны не думала о постройкѣ дома на такомъ дурномъ мѣстѣ, какое выбралъ Каспаръ. Ссоры мужа съ женою были самымъ дурнымъ примѣромъ для дѣтей.

Наступила зима. Весь январь и февраль шелъ снѣгъ. По ночамъ сильно морозило и снѣгъ возвышался наравнѣ съ крышею многихъ деревенскихъ домовъ. Всѣ задумчиво покачивали головою, глядя на Рейнъ. Весенній разливъ долженъ былъ на этотъ разъ подняться до чрезвычайной высоты.

Морозы дружно продержались вплоть до марта; вдругъ сѣверный вѣтеръ, дувшій до тѣхъ поръ постоянно, перешелъ къ юго-западу, и въ два дня поля почернѣли, снѣгъ началъ быстро таять и превратился въ шумящіе ручьи, которые съ шумомъ стекали въ рѣку. Рейнъ ежеминутно сталъ прибывать.

Тутъ оба брата съ ужасомъ вспомнили, что валъ не починенъ уже цѣлые три года. Каспаръ, какъ сильнѣйшій и дѣятельнѣйшій крестьянинъ, бросился къ валу и съ сыновьями задѣлалъ прежній прорывъ дюжиною бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями. Этимъ надѣялся онъ выиграть время, и успѣть вывести изъ дома все, что подороже.

Выше и выше поднимался Рейнъ. Первая ограда дома давно уже была подъ водою, которая заливала и второй этажъ. Жену и дѣтей Каспаръ отправилъ уже давно въ лодкѣ въ верхніе округи, а самъ еще оставался и укрѣплялъ еще сильнѣе валъ, чтобъ спасти домъ отъ страшнаго напора волнъ.

Покуда вода поднималась, волны не разъ заставляли трещать положенныя Каспаромъ бревна. Но вдругъ къ радости Каспара, вода видимо остановилась. Значитъ домъ былъ спасенъ.

Эта радость была непродолжительна. Къ вечеру небо потемнѣло; вѣтеръ перешелъ къ западу, и волны Рейна устремились прямо на деревню. Разразился ужасный, проливной дождь. Вода начала опять прибывать, и уже въ страшной прогрессіи. Каждый часъ росла она по два фута, и уже начала заливать домъ Зевулона.

Тотъ навѣрное зналъ, что во второмъ своемъ этажѣ онъ безопасенъ, но расхаживалъ по комнатѣ съ невольною боязнію и не ложился спать. Разумѣется, онъ и не думалъ позаботиться о лодкѣ.

Вдругъ около полуночи съ ужасомъ увидѣлъ онъ, что вода пробивается у него изъ-подъ пола. Волосы бѣдняка встали дыбомъ отъ страха; онъ бросился къ двери, но едва отворилъ ее, какъ волна хлынула оттуда въ комнату. Онъ кинулся къ окну; вода уже равнялась съ подоконникомъ. Смерть теперь была очевидна и неизбѣжна.

Онъ сталъ кричать и звать изъ окна, но чувствовалъ, что ревъ волнъ и свистъ вѣтра совершенно заглушаютъ его голосъ.

Схвативъ съ постели шерстяное одѣяло, которое еще было сухо, онъ обвязалъ его около шеи и вылѣзъ въ окно вверхъ по тополю, котораго вершина достигала до крыши.

На крышѣ Каспарова дома блеснулъ въ это время свѣтъ фонаря Это былъ его братъ, дожидавшійся на чердакѣ у слуховаго окна, чтобъ сѣсть въ лодку. Зевулонъ закричалъ ему, прося о помощи, но вѣтеръ дулъ съ той стороны, и голосъ его исчезалъ въ шумѣ бури. Онъ видѣлъ, какъ Каспаръ уѣхалъ и какъ вмѣстѣ съ нимъ исчезла вся надежда на спасеніе.

Съ отчаяніемъ въ душѣ сидѣлъ онъ на верхушкѣ тополя около двухъ часовъ. Вдругъ ему показалось, что вода сбываетъ. Онъ попробовалъ не много спуститься ниже, и дѣйствительно, вода уже опять равнялась съ окномъ, изъ котораго онъ вылѣзъ.

День начиналъ свѣтать, и Зевулонъ уже хотѣлъ опять перелѣзть въ окно, какъ вдругъ сильный порывъ вѣтра закачалъ его тополь, такъ что онъ едва удержался на немъ. Новый и ужасный трескъ обратилъ его вниманіе. Это трещала бревенчатая задѣлка Каспара у вала, которая наконецъ уступила напору волнъ. Съ невыразимою силою ринулась вода въ это отверзтіе. Старый деревянный домъ Зевулона зашатался, затрещалъ, и крыша его первая полетѣла въ воду. Ужасные валы повалили всѣ деревья. Затрещалъ и тополь, на которомъ сидѣлъ Зевулонъ. Судорожно схватился онъ за одинъ изъ крѣпчайшихъ суковъ, но второй, третій ударъ волнъ,... и маститое дерево, медленно наклоняясь, рухнуло наконецъ въ воду вмѣстѣ съ несчастнымъ.

Искры посыпались изъ глазъ бѣдняка, но отчаяніе придало ему силы. Онъ ухватился за тополь, сѣлъ на него верхомъ, и блуждающими глазами смотрѣлъ, куда его понесетъ: его несло черезъ лугъ, въ прорывъ вала...

Вдругъ, тополь его ударился обо что-то и остановился. Ворота сѣновала пришлись поперегъ прорыва къ валу, и на нихъ сидѣлъ братъ его Каспаръ.

Въ туже минуту отъ потрясенія Зевулонъ упалъ съ дерева въ воду...

Когда Каспаръ сѣлъ въ лодку и отъѣхалъ отъ дома, то вовсе не намѣренъ былъ выѣзжать изъ ограды вала.

Пускаться ночью въ бурю по разливу казалось ему неблагоразумнымъ. Онъ могъ наткнуться на что нибудь въ темнотѣ и опрокинуться, а потому за лучшее почелъ остаться за оградою вала и выжидалъ, пока вода начнетъ убывать. Онъ тоже обрадовался, увидя, что она дѣйствительно упадаетъ, но вдругъ сильный порывъ вѣтра и напоръ воды прорвали его бревенчатое укрѣпленіе и опрокинувъ лодку, принудили искать спасенія на большихъ воротахъ сѣновала, которыя онъ самъ тутъ съ вечера прикрѣпилъ.

Увидя дерево, несущееся на ворота, онъ подбѣжалъ, чтобъ оттолкнуть его, но видъ человѣка, падающаго съ тополя, остановилъ его. Ка-

кое чувство стѣснило грудь его, когда поднявъ сброшеннаго съ дерева человѣка, онъ узналъ въ немъ своего брата!

Грустно посмотрѣли они другъ на друга, нагнули головы и усѣлись на разныхъ концахъ воротъ для равновѣсія.

Разсвѣло. Взорамъ ихъ представилась ужасная картина. Облака разсѣялись, буря утихла, но вся окрестность превратилась въ обширное море. Деревья, домашняя утварь и трупы потонувшаго скота плыли мимо ихъ. Но ни одной лодки не видно было по разливу. Всякій спасся гдѣ кто могъ, а о спасеніи другихъ никто не думалъ.

Вѣтеръ поворотилъ къ сѣверу; сдѣлалось холодно, и оба брата, промокшіе до костей, дрожали отъ стужи. Зевулонъ завернулся въ свое шерстяное одѣяло, а Каспаръ вдругъ вспомнилъ, что онъ, садясь въ лодку, взялъ за пазуху на всякій случай фляжку съ водкою. Быстро схватился онъ за грудь, фляжка была цѣла и полна. Съ радостію пропустилъ онъ въ горло нѣсколько глотковъ согрѣвающей влаги.

Увидя это, Зевулонъ еще сильнѣе задрожалъ отъ холода, Каспаръ замѣтилъ это и протяжно спросилъ его:

— Не хочешь ли и ты, Зевулонъ?

Лицо портнаго засіяло радостью. Крайность была слишкомъ велика, чтобъ отказаться. Тихо прошепталъ онъ сквозь зубы:

— Пожалуй.

Тихо подвинулся Каспаръ на средину забора. Зевулонъ подползъ къ нему навстрѣчу, боясь, что малѣйшее неосторожное движеніе опрокинетъ ихъ ненадежное убѣжище. Каспаръ подалъ фляжку; Зевулонъ выпилъ порядочный глотокъ, потомъ возвратилъ вино, и тихо проговоривъ: «спасибо», возвратился на прежнее мѣсто

Тихо плылъ по разливу заборъ ихъ: они сидѣли на немъ какъ на плоту. Солнце взошло ясно; все въ природѣ успокоилось. Каспаръ, утомленный трудами и безсонною ночью, задремалъ, качаясь то взадъ, то впередъ. Эти движенія тотчасъ же наклоняли плотъ на одну сторону. Зевулонъ замѣтилъ опасность и сказалъ:

— Каспаръ! ляг, протянись и усни; я буду караулить, и разбужу тебя, если представится какое нибудь спасеніе. Каспаръ послушался; легъ ничкомъ на руки и тотчасъ же захрапѣлъ. Зевулонъ тихо подползъ къ нему, снялъ съ себя шерстяное одѣяло, просохшее отъ солнца и накрылъ имъ брата.

Прошелъ еще часъ. Зевулону показалось, что теченіе медленнѣе несетъ плотъ ихъ. Онъ оглянулся, и сердце его радостно забилось. Прежнее теченіе стремилось уже по правой рукѣ отъ него, а плотъ ихъ тихо плылъ къ какой-то черной точкѣ, казавшейся ему берегомъ; онъ разбудилъ Каспара.

Тотъ проснулся, оглядѣлся и сказалъ:

— Да! я знаю, гдѣ мы плывемъ. Черная полоса, которую мы видимъ, это валъ. Если мы доплывемъ до него, то можемъ уже пѣшкомъ по немъ дойти до высокаго и сухаго мѣста.

На радости выпили они еще по глотку. Каспаръ отдалъ назадъ шер-

стяное одѣяло.. Вдругъ взоры его выразили чрезвычайное безпокойство.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ: насъ опять сильно понесло теченіемъ.

Осторожно поднялся онъ на ноги и внимательно посмотрѣлъ на черную полосу, виднѣвшуюся вдали.

— Теперь мы погибли, сказалъ онъ. Валъ промыло водою. Сдѣлалось большое отверзтіе, и насъ прямо туда несетъ теченіемъ. Видишь, какъ оно ежеминутно усиливается, видишь какъ пѣнится тамъ водоворотъ. Кончено! насъ разобьетъ въ дребезги.

Дѣйствительно, быстрѣе парохода плотъ летѣлъ къ отверзтію.

— Еще пять минутъ, и мы въ пучинѣ, повторилъ Каспаръ съ отчаяніемъ.

— Братъ! тихо сказалъ Зевулонъ: черезъ пять минутъ будемъ мы предъ судомъ Божіимъ. Неужели мы предстанемъ туда врагами?

— Братъ, прости меня! вскричалъ Каспаръ съ растерзаннымъ сердцемъ, и упалъ въ объятія Зевулона.

— Въ этомъ положеніи умремъ мы вмѣстѣ! отвѣчалъ Зевулонъ.

Послѣ четырехъ-лѣтнихъ страданій, это была первая минута счастія. Оба плакали отъ радости. Если глупою ссорою отравили они жизнь свою, то послѣднія минуты жизни были для нихъ сладостны.

Вдругъ почувствовали они, что плотъ ихъ сильно покачнулся. Они оглянулись—валъ былъ уже позади ихъ.

Въ минуту радостныхъ объятій они забыли объ опасности, но Провидѣніе избавило ихъ отъ смерти. Плотъ ихъ прошелъ въ отверзтіе вала, незадѣвъ ни одной доскою, и теперь тихое теченіе несло ихъ къ возвышенной полосѣ земли.

Еще разъ обнялись они радостно, благодаря вмѣстѣ Бога за свое избавленіе.

Вскорѣ плотъ ихъ сталъ на мель. Обнявшись, сошли они съ него и отправились въ деревню, высушились тамъ и подкрѣпили себя пищею; они бы охотно провели тутъ и ночь, но Каспаръ долженъ былъ отыскать жену и дѣтей, и потому оба отправились, полагая, что найдутъ ихъ дома.

Всѣ дороги были наводнены. Надобно было дѣлать большіе и утомительные обходы. Три дня провели они въ пути, но это время показалось имъ и пріятно, и коротко. Они вдоволь наговорились о страданіяхъ, которыя перенесли въ эти четыре года.

Поздно на третій день пришли они къ прежнему своему жилищу. Вода уже сошла. Но новый домъ, каменная ограда его и тополи исчезли. Домъ Зевулона, противъ ожиданія, стоялъ однакожъ невредимъ; только крышу снесло напоромъ воды.

Каспаръ отсталъ отъ брата, осматривая слѣды разрушенія, а Зевулонъ тихо вошелъ въ нижнее жилье своего дома; тамъ въ углу сидѣла жена Каспара въ слезахъ, а дѣти стояли на колѣняхъ и молились.

— Молитесь, молитесь еще, дѣти мои, говорила мать; молитесь за спасеніе, или за упокой отца и дяди. Молитесь за мать, которая не

переживетъ этой бѣды, потому что она виновата во всемъ. Она поссорила братьевъ, и навлекла Божій гнѣвъ на всю семью.

— Богъ тебя проститъ, милая, сказалъ Зевулонъ, подойдя къ ней. Ты прекрасно дѣлала, что заставила дѣтей молиться Богу, а еще лучше, что чувствуешь раскаяніе. За это я отъ всей души прощаю тебя и возвращаю тебѣ мужа и отца. Вотъ онъ.

Вошелъ Каспаръ; всѣ бросились обнимать обоихъ братьевъ. Это была трогательная сцена!

— Ну, дѣтушки! сказалъ Зевулонъ; порядочный урокъ дали мы сами себѣ и вамъ; еще года два, и мы всѣ были бы нищими. Теперь авось поправимся. Будемъ жить вмѣстѣ по-прежнему. Все мое принадлежитъ вамъ.

Богъ не оставилъ братьевъ. Они поправились и вскорѣ стали богаче прежняго; но не разъ дряхлый, сѣдой Зевулонъ разсказывалъ своимъ внукамъ, дѣтямъ своихъ племянниковъ о томъ, какъ онъ однажды поссорился съ своимъ братомъ и сколько бѣдъ произошло отъ этой семейной ссоры.

—

Путешествіе по Ирландіи послѣ бывшаго въ ней неурожая. Въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1847 года, Ирландія должна была бороться съ послѣдствіями голода, бывшаго въ этомъ году. Достаточно оффиціальныхъ цифръ, чтобъ видѣть всѣ бѣдствія, которымъ подверглась эта страна. До этого голода было у ней девять милліоновъ жителей: теперь осталось не болѣе пяти милліоновъ. Если не всѣ эти пять милліоновъ погибли отъ голода, болѣзней и нищеты, то потому что многіе изъ нихъ бѣжали изъ родины. Голодъ дѣйствовалъ пагубно не только на смертность жителей, онъ измѣнилъ самые нравы и идеи народа. Три года тому назадъ большая часть землевладѣльцевъ не знала, богаты ли они, или раззорены, досталось ли имъ отъ отцевъ въ наслѣдство имущество, или долги? У кого вчера еще было пятьдесятъ тысячъ акровъ земли, тотъ на другой день не имѣлъ и одного. Картофель не только былъ важенъ, какъ незамѣнимое средство къ пропитанію, но при окончательныхъ условіяхъ Ирландіи никакое другое произведеніе и не могло быть воздѣлываемо жителями.

Теперь, какъ бы ни былъ дуренъ урожай картофеля, несчастные дни Ирландіи невозобновятся. Послѣ пяти-лѣтнихъ неслыханныхъ несчастій, для нее наступаетъ лучшій и прочнѣйшій періодъ государственной экономіи. Несчастія всѣмъ были извѣстны; надобно, чтобъ и добро было гласно.

Никакое правительство не жертвовало столько, какъ Англія въ теченіе десяти лѣтъ для Ирландіи. Болѣе половины народонаселенія всего острова, почти всѣ жители нѣкоторыхъ провинцій употреблялись на государственныя работы. Два милліона жителей навсегда оставили родину. Но это разоренное и голодное общество, подвергнутое всѣмъ опасностямъ отчаянія, не потеряло бодрости духа и вѣры въ Провидѣ-

ніе. Употребивъ всѣ возможныя пожертвованія, это народонаселеніе теперь опять дѣятельно, спокойно, и трудится надъ исправленіемъ понесенныхъ потерь съ помощію прошедшаго опыта.

Чтобъ дать поверхностное понятіе о нынѣшнемъ состояніи Ирландіи, надобно въ нѣсколькихъ словахъ вспомнить объ историческихъ причинахъ ирландской нищеты. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ представили въ XIX вѣкѣ зрѣлище, похожее на голодъ въ среднихъ вѣкахъ; за голодомъ слѣдовала повальная, заразительная горячка, похожая тоже на эпидеміи среднихъ вѣковъ. Посреди всѣхъ вопросовъ политической экономіи, возбужденныхъ въ это время положеніемъ Ирландіи, являлся всегда главнымъ препятствіемъ недостатокъ капиталовъ. Въ Ирландіи много земли и рукъ, но земля не обработывается, а руки безъ работы и безъ орудій. Каждая жатва служитъ только для того, чтобъ засѣять поле для будущей. Никакого запаса не дѣлается; ничего нельзя предпринять по неимѣнію денегъ. Владѣлецъ, повидимому богатый, не получаетъ никакого дохода, потому что заимодавцы по закладной все обираютъ. Фермеры не имѣютъ ни капиталовъ, ни промышлености.

Когда въ Ирландіи введено было воздѣлываніе картофеля, дающаго больше пищи на одинаковомъ пространствѣ, то бѣдное народонаселеніе Ирландіи удвоилось въ теченіе срока лѣтъ. Но покуда у бѣдняка умножалось семейство, владѣлецъ умножалъ свои долги, надѣясь на увеличеніе своихъ доходовъ. Когда же вдругъ послѣдовалъ неурожай картофеля, три милліона ирландцевъ принуждены были переселиться или погибнуть отъ нищеты и голода, и вотъ какія мѣры принялъ англійскій парламентъ со времени билля 1829 года, сравнившаго католиковъ съ протестантами.

Въ Ирландіи матеріяльные предметы такъ тѣсно связаны съ нравственными, что между полезнѣйшими мѣрами парламента должно выставить уничтоженіе налога для починки протестантскихъ церквей и превращеніе десятины въ единовременную плату, взимаемую съ владѣльца. Теперь протестантскій землевладѣлецъ платитъ самъ за расходы своего вѣроисповѣданія; прежде католическій фермеръ обязанъ былъ вносить десятину англиканскому пастору.

Майнотской католической семинаріи дано было отъ казны ежегодное пособіе. Четыре другіе коллегіума получили тоже, и новая система народныхъ школъ получила огромное развитіе. Подъ наблюденіемъ правительства, католики и протестанты пользуются теперь одинаковыми уроками, одними учителями и совершенно равными правами.

Пожертвованія Англіи во время самого голода были огромны. И общественныя и частныя приношенія и пособія простирались до двухъ сотъ милліоновъ франковъ. Употреблены были всѣ возможныя формы для доставленія помощи нуждающимся. Большія суммы были розданы безвозвратно и безусловно. Учреждена была постоянная касса для пособій и ссудъ, чтобъ поощрить бѣдныхъ къ работѣ. Пособія давались, когда работы производились общеполезныя; ссуды же для улучшенія частныхъ собственностей. Условія ссуды состояли въ 6%, считая въ

этомъ числѣ погашеніе долга и проценты; въ двадцать лѣтъ занимавшій деньги освобождался отъ долга.

Большое нововведеніе, (въ пользу котораго можно столько же сказать какъ и противъ него) состояло въ учрежденіи обширной системы публичнаго благотворенія. Poor laws (Законы о бѣдныхъ) начали дѣйствовать въ Ирландіи съ 1839 года. Въ 1846 году расходъ этотъ простирался до десяти милліоновъ; въ 1847 составлялъ болѣе двадцати милліоновъ, въ 1848 около сорока шести милліоновъ, въ 1849 до 54-хъ. Съ тѣхъ поръ онъ уменьшился. Сверхъ того основали три разряда госпиталей, содержимыхъ изъ разныхъ источниковъ.

Кромѣ того, Ирландія освобождена отъ многихъ косвенныхъ податей, платимыхъ въ Англіи.

Выше было уже сказано, что подати въ пользу бѣдныхъ простирались въ 1849 году до 54 милліоновъ франковъ. Но надобно прибавить, что треть этой суммы поглощается общими и постоянными расходами на учрежденія poor-Houses (домы для бѣдныхъ). Это необходимое зло этой системы. Прежде нежели одинъ несчастный получитъ какое нибудь пособіе, администрація уже стоитъ 17 милліоновъ.

Впрочемъ, объ Ирландіи нельзя говорить вообще обо всѣхъ ея провинціяхъ. Положеніе сѣверныхъ округовъ вовсе непохоже на западные. Въ Ульстерѣ и въ Коннаутѣ дѣйствіе подати для бѣдныхъ было совершенно различно. Вотъ четыре примѣра этой разности:

Въ Лондондерри (Ульстеръ)

Исчислено дохода	111,959	ф. стер
На бѣдныхъ (poor rate) въ 1849 году. . .	7,199	—

Лильборнъ.

Исчислено дохода.	136,397	—
На бѣдныхъ въ 1849 году	4,294	—

Въ этихъ мѣстахъ нельзя назвать подать на бѣдныхъ отяготительною, но это не постоянный налогъ, а сборъ, неопредѣленно увеличивающійся по мѣрѣ нуждъ, какъ бы взаимное застрахованіе. Вотъ напримѣръ цифры этого сбора въ Коннаутѣ:

Вестпортъ.

Исчислено дохода.	38,876	—
На бѣдныхъ въ 1849 году	32,113	—

Клейфденъ.

Исчислено дохода.	22,426	—
На бѣдныхъ въ 1849 году	22,526	—

До сихъ поръ въ Коннамарѣ видны еще слѣды голода. Но надобно сознаться, что Коннамара составляетъ исключеніе въ Коннаутѣ, какъ Коннаутъ въ Ирландіи.

Переселенія, вынужденныя нищетою, улучшили состояніе оставшихся. Въ прошломъ году былъ хорошій урожай, все обѣщаетъ такой же въ нынѣшнемъ; это совершенно поправило Ирландію. Болѣзнь картофеля выгнала ирландца изъ его родины. Онъ уже мечтаетъ о лучшемъ урожаѣ въ другой странѣ. Сперва сами владѣльцы платили за переѣздъ своихъ фермеровъ, чтобъ не оставлять въ рукахъ ихъ землю, истощенную ими. Потомъ такса бѣдныхъ послужила къ отправленію множества несчастныхъ. И однакоже, переселенія не были бы такъ многочисленны и не продолжались бы до сихъ поръ, еслибъ сами ирландцы не содѣйствовали имъ. Эта прекрасная черта въ исторіи Ирландіи. Всѣ стараются другъ за друга; какъ скоро ирландецъ прибылъ въ Америку, — всѣ соотечественники его дѣлаютъ сборъ для пособія ему и для пріѣзда оставшихся на родинѣ его родственниковъ.

Все это произвело теперь видимый переворотъ въ разныхъ провинціяхъ, смотря по плодородію почвы. Нѣсколько колоній пресвитеріанскихъ поселились теперь въ Ульстерѣ и превратили эту область въ маленькую Шотландію. Типперари и Лимерикъ удивительно плодородны. Въ нихъ земля отдана теперь фермерамъ по 200 франковъ за акръ въ годъ,—и плата эта выгодна, потому что съ двѣнадцати акровъ имѣютъ барыша до 600 франковъ. Когда же жили на этихъ двѣнадцати акрахъ двѣнадцать семействъ, небыло возможности прокормить ихъ. Мелкое подраздѣленіе фермъ было самымъ большимъ зломъ. Жить было нечѣмъ,—а работы нигдѣ нельзя было достать.

Съ 1847 года число фермъ менѣе одного акра уменьшилось на 40,000, а отъ одного до пяти на 33,000. Съ тѣхъ поръ движеніе это продолжалось; многіе маленькіе фермеры сдѣлались работниками и получаютъ хорошее жалованье. Если земля и меньше приноситъ, то барышъ больше, — и число несчастныхъ, въ случаѣ неурожая, меньше.

Дѣйствительно, соединенное вліяніе преселенія, системы свободной торговли (free trade), измѣненій въ земледѣліи и лучшаго образа жизни становится ощутительно въ Ирландіи; цѣнность имѣній возвышается, и по послѣднимъ продажамъ поднялась уже на треть. Цѣна на скотъ доставляетъ фермерамъ хорошія деньги. Доходъ съ земли мало еще увеличился со времени голода, но это остатокъ прежнихъ потрясеній и дурной системы земледѣлія.

Съ годъ тому назадъ видъ хижинъ въ Ирландіи былъ ужасенъ. Глиняныя стѣны растрескались, и отъ сырости заплеснѣли. Сгнившая солома крыши висѣла внутрь хижины. Кажется жители считали себя гостями, которымъ все равно переночевать, гдѣ и какъ бы то ни было. Теперь все измѣнилось: хижины, конечно, все еще не красивы и испугаютъ путешественника, если онъ невидалъ прежнихъ, но уже во всемъ видна заботливость хозяина,—а это первая примѣта возраждающагося благосостоянія. Пища уже лучше, и число людей, просящихся въ домы для бѣдныхъ вдвое менѣе.

Отъ недостатка капиталовъ и невѣжества, порожденнаго нищетою, продолжается еще несчастное положеніе небольшой части народонаселенія. Даже въ самыхъ богатыхъ округахъ нѣтъ денегъ, а платятъ

другъ другу мѣновымъ торгомъ. Рожъ и овесъ сѣютъ, выкопавши землю заступомъ. Есть поля, которые сорокъ лѣтъ не знаютъ унаваживанія.

Основатели народныхъ школъ, безпристрастные люди всѣхъ вѣроисповѣданій, управляющіе этими школами, будутъ считаться возстановителями Ирландіи. Бѣдные теперь часто говорятъ: «Дѣти наши будутъ счастливѣе насъ; они учатся и будутъ умѣть доставать себѣ хлѣбъ. Они не будутъ ненавидѣть другъ друга.» Не прекрасная ли это черта, что бѣдняки эти больше благодарны аа воспитаніе дѣтей, нежели за денежныя пособія, которыя имъ даютъ. Ихъ радуетъ мысль, что ихъ не хотятъ унижать, и замѣчательно, что при всей нищетѣ своей, ирландцы съ отвращеніемъ идутъ въ poor houses.

Отличительная народная черта ирландцевъ — говорливость. Собираются ли они по вечерамъ около горящаго торфа, или сойдутся на поляхъ съ заступомъ въ рукахъ, они вступаютъ въ продолжительный разговоръ. Прислушайтесь къ нему; они сами отдаютъ справедливость тому, что землевладѣльцы сдѣлали все возможное, чтобъ помочь имъ во-время послѣдняго голода. Въ Ирландіи все оригинально: климатъ, мѣстоположенія, характеры, умъ и невѣжество. Чтобъ вѣрно изобразить положеніе страны, надобно быть вмѣстѣ и туристомъ, и философомъ. Каждый знаетъ, напримѣръ, что значитъ: умѣренный климатъ, сѣверный климатъ, южный, но ирландскій не похожъ ни на который изъ трехъ. Зимою бываютъ такіе теплые дни, какъ въ остальной Европѣ лѣтомъ, а лѣтомъ такіе же холодные, какъ зимою. Въ Ирландіи много дождей, всегда вѣтрено и очень рѣдко свѣтитъ солнце; температура часто измѣняется въ теченіе одного дня. Вѣтеръ сушитъ землю и замѣняетъ солнце. Если не дуетъ восточный вѣтеръ, то воздухъ наполненъ сыростью, такъ что дождливое время не всегда самое сырое. Зимою, когда начинаются бури, Ирландія похожа на море, съ такою силою дуютъ вѣтры, и послѣ бури всегда надобно чинить хижины; но какъ скоро выяснитъ, настаютъ прекрасные весенніе дни. Воздухъ дѣлается теплымъ, земля покрывается травою и цвѣтами. Хорошіе дни рѣдки въ Ирландіи, но за то прелестны. Облака здѣсь ходятъ очень низко и формы ихъ представляютъ самые живописные цвѣта. При восхожденіи солнца (а зимою оно встаетъ здѣсь очень поздно), когда лучи его не проникли еще сквозь густой слой облаковъ, преломленные лучи отражаются въ нижнихъ рядахъ тучъ и производятъ удивительный эффектъ. Однакожъ, какъ ни сыро въ Ирландіи, тамъ едва извѣстны зимніе густые туманы, тогда какъ лѣтомъ жаркій туманъ помрачаетъ иногда лучи солнца какъ подъ тропиками.

Однимъ словомъ въ Ирландіи здоровый климатъ, а какъ въ иныхъ мѣстахъ подъ жирнымъ и богатымъ слоемъ земли лежитъ известковый слой, то земля, безпрестанно орошаемая, даетъ обильную жатву. По несчастію этотъ климатъ не вредный для здоровья и благопріятный для развитія народонаселенія, въ особенности располагаетъ къ лѣности. При одинаковой степени нищеты, въ Ирландіи можетъ еще человѣкъ жить, когда въ другомъ мѣстѣ онъ давно погибъ бы. Но если

ирландецъ хочетъ работать, какъ въ другихъ странахъ, то ему надобно больше пищи, нежели здѣсь обыкновенно употребляютъ, чтобъ противиться обезсиливающему вліянію атмосферы. Соединенное дѣйствіе климата и недостаточной пищи производитъ разслабленіе въ ирландскихъ жителяхъ.

Цѣна за пищу въ домахъ для бѣдныхъ назначена въ день по $1^1/_2$ пенса (4 коп. сер.). Эта пища лучше обыкновенной, домашней пищи бѣдняковъ. Работникъ вырабатываетъ по 8 пенсовъ въ день (24 коп.) и этимъ долженъ прокормить многочисленное семейство. Исключивъ изъ числа рабочихъ дней воскресные и праздничные дни, похороны (на каждые похороны идутъ всѣ ирландцы одного селенія), бури, болѣзни и пр., ирландскій работникъ работаетъ не болѣе ста пятидесяти дней въ году. Такимъ образомъ, работая вполовину менѣе англійскаго или французскаго рабочаго, получая меньше платы и питаясь вполовину противъ него, ирландецъ гораздо слабѣе ихъ.

Впрочемъ, повторяемъ, положеніе Ирландіи улучшается и близко къ совершенному преобразованію. Если всѣ главнѣйшіе вопросы національной ея жизни: земледѣліе, фермерство, администрація, судопроизводство, воспитаніе юношества, вѣроисповѣданіе, еще неопредѣлительно очерчены, то нельзя однакоже не сознаться, что какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи обнаруживается видимое улучшеніе. Новый порядокъ вещей нечувствительно замѣняетъ старый, и будущее, хотя еще темное, неопредѣленное, но уже видимо обезпечено. Лично многіе пострадали, и теперь еще страдаютъ, но Ирландія будетъ спасена и возрождена. Пусть англійскіе капиталы начнутъ дѣйствовать въ Ирландіи, гдѣ они приносятъ вдвое противъ Англіи; пусть Ирландія получитъ на лондонской биржѣ такой же кредитъ, какъ Цейлонъ или Южная Америка, и улучшенія, которыя теперь показались бы мечтательными, сдѣлаются тотчасъ же возможными.

—

Сорока-дневный сонъ.— Одинъ Индусъ, факиръ, лѣтъ сорока отъ роду, явился однажды къ Ренджитъ-Сингъ въ Дер арѣ и объявилъ, что онъ желаетъ быть погребеннымъ на сорокъ дней, обѣщая послѣ этого срока проснуться. Ренджитъ-Сингъ согласился на это предложеніе и отвелъ для опыта отдѣльный домикъ, стоявшій между его садомъ и стѣною крѣпости.

Къ назначенному сроку явился факиръ, и просилъ, чтобъ всѣ приготовленія, какъ до погребенія, такъ и по вынутіи его изъ могилы въ условный срокъ, предоставлены были служителю его.

Ренджитъ-Сингъ, наблюдавшій за этимъ человѣкомъ во все время его приготовленій, продолжавшихся до трехъ недѣль, узналъ, что онъ употреблялъ въ пищу одно молоко, и всякій день принималъ слабительное, очищая свой желудокъ и стараясь, чтобы въ немъ ничего не осталось. Когда же онъ явился, то въ присутствіи всѣхъ сердарей,

слуга факира положилъ его въ гробъ и залѣпилъ воскомъ всѣ отверзтія тѣла его (уши, носъ, и пр.) кромѣ рта. Послѣ этого Факиръ началъ съ большею силою вдыхать въ себя воздухъ. Сдѣлавъ это нѣсколько разъ, опрокинулся онъ и закрылъ глаза, какъ мертвый со всѣми признаками смерти. Все тѣло его и даже голова охладѣли: только самая маковка головы была чрезвычайно горяча, и кровь по видимому прилила сюда такъ сильно, что это было даже ощутительно.

Послѣ этого закрыли гробъ крышею, опустили его въ вырытую могилу, обложенную досками, засыпали землею, и посѣяли на ней пшеницу и рисъ. Дверь дома, гдѣ былъ произведенъ этотъ опытъ, была заперта двумя замками: одинъ ключъ находился у казначея Ренджитъ-Синга, другой у генерала Вентуры.

Часто ходилъ туда и самъ Ренджитъ-Сингъ осматривать могилу, но не находилъ никакой перемѣны, кромѣ того, что посѣянныя зерна вскорѣ взошли и стали зеленѣть.

На сороковой день открыли гробъ въ присутствіи тѣхъ же лицъ. Факиръ лежалъ совершенно въ томъ же положеніи, какъ его похоронили, только цвѣтъ кожи его нѣсколько пожелтѣлъ. Служитель началъ тогда производить процессъ пробужденія. Взявъ только что вынутый изъ печки горячій испеченный хлѣбъ и разрѣзавъ его, приложилъ онъ мякишь къ головѣ, потомъ сталъ растирать все тѣло факира, и наконецъ открылъ всѣ отверзтія ушей, носа и проч. Факиръ вскорѣ открылъ глаза, но по всему видно было, что онъ еще не имѣетъ нималѣйшаго сознанія. Его положили въ горячую ванну, и тутъ онъ пришелъ въ чувство, и самъ всталъ изъ ванны.

Ввечеру въ тотъ же день факиръ ходилъ по городу какъ ни въ чемъ не бывало.

—

Странная африканская ягода. На западномъ берегу Африки растетъ ягода, называемая *Синсепалумъ*, имѣющая странное свойство измѣнять вкусъ. Пожевавши эту ягоду, все кислое кажется уже въ этотъ день сладкимъ. Уксусъ—кажется сахарною водою, лимонъ—вкуснѣйшимъ апельсиномъ, кислые и не зрѣлые плоды—самыми вкусными. Пробовали привезти эту ягоду въ Англію, но при перевозѣ она теряла свое свойство. Даніэль Марше, Тоннингъ и Мередитъ, испытывавшіе ее на мѣстѣ, вполнѣ подтверждаютъ качество ягоды.

—

Сватовство Генриха IV. (*Историческій разсказъ*) Предупреждаемъ читателей, что это не сказка, хотя и начитается также какъ всѣ волшебные разсказы. Въ маленькомъ замкѣ съ тонкими башнями, окруженномъ тѣнистымъ лѣсомъ и освѣжаемомъ волнами Марны, близь Фонтенебло, жили уединенно и тихо двѣ женщины.

Одна изъ нихъ молодая дѣвушка, веселая и розовая, другая постарше, была прежде красавицей и теперь еще сохранила свѣжесть и здоровье.

Молодой дѣвушкѣ было шестнадцать лѣтъ; ея матери около сорока лѣтъ.

Вдова бѣднаго офицера, дворянина, послѣ смерти мужа поселилась въ маленькомъ замкѣ, единственномъ ея достояніи, надѣясь, что кто нибудь изъ богатыхъ сосѣдей прельстится ея молодостью и красотою и предложитъ ей снять вдовье покрывало и раздѣлить богатство. Но увы! давно уже прошло то счастливое сказочное время, когда принцы женились на бѣдныхъ пастушкахъ. Разумѣется владѣтельница замка, г-жа де Версакъ, принадлежала къ древнему дворянству, но она была бѣдна, и у ней была маленькая шалунья дочь, которая росла, хорошѣла не по днямъ, а по часамъ и обѣщала быть такою же красавицей, какъ и маменька.. Поэтому-то сосѣдніе дворяне молча любовались на прекрасную вдову и не сбирались предлагать ей другаго имени. Когда же прошло нѣсколько лѣтъ въ напрасномъ ожиданіи, и зрѣлый возрастъ заступилъ мѣсто молодости, г-жа де Версакъ перестала совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ.

Она спрятала всѣ рыцарскіе романы и стихи Клемана Маро и завела цѣлую библіотеку серьозныхъ книгъ. Наконецъ она прекратила всѣ знакомства и принимала одного своего духовника.

Но во всѣхъ поступкахъ необходима умѣренность и снисходительность, а эти двѣ добродѣтели были незнакомы строгой вдовѣ. Отказавшись отъ свѣта, она начала желать, чтобъ свѣтъ не существовалъ; простясь на всегда съ любовью, она не думала что дочери ея скоро пятнадцать лѣтъ, и что она полюбитъ... какъ ни запрещай это.

И такъ, бѣдная дѣвушка воспитывалась очень строго. Но гуляя однажды въ задумчивости по берегу Марны, она встрѣтила молодаго человѣка, высокаго и стройнаго, съ хорошенькими усиками, блестящими глазами и длинною шпагою. Словомъ это былъ настоящій геройроман. Незнакомецъ поклонился ей вѣжливо — она покраснѣла и убѣжала.

На другой день она очутилась на томъ же самомъ мѣстѣ... нечаянно. Молодой человѣкъ сидѣлъ на травѣ, тоже нечаянно, и оба они нечаянно заговорили, краснѣя и смущаясь, и черезъ мѣсяцъ были страстно влюблены другъ въ друга.

Владѣтельница замка начала наконецъ замѣчать, что дочь ея каждый день гуляетъ въ одно и тоже время. Она сказала духовнику, и тотъ объявилъ, что молодая дѣвушка влюблена.

Г-жа де Версакъ распросила свою дочь, и та наивно разсказала обо всемъ.

— Какой ужасъ! вскричала вдова. Съ такимъ строгимъ воспитаніемъ, такъ молода и влюблена...

Но потомъ вдовушка вспомнила, что и она когда-то любила, и что любовь дочери простительна, особенно если красивый незнакомецъ богатъ, знатенъ и намѣренъ жениться. Къ несчастію она узнала, что мо-

лодой человѣкъ бѣденъ, какъ возлюбленный Луціи Ламермурской и притомъ протестантъ... Г-жа де Версакъ запретила дочери видѣться съ нимъ и угрожала ей монастыремъ, если она смѣетъ ослушаться ея приказаній.

Всѣмъ извѣстно, что молодыя дѣвушки, и еще влюбленныя, не думаютъ объ опасностяхъ, и потому на другой же день она побѣжала въ лѣсъ Фонтенбло, гдѣ по всей вѣроятности ее ожидалъ прекрасный незнакомецъ.

Это было осенью въ декабрѣ. Вечеръ былъ холодный и пасмурный, желтые листья покрывали дорожки въ лѣсу, по нимъ шли два охотника съ ружьемъ за плечами. Большая шотландская собака слѣдовала за ними. Оба незнакомца принадлежали по костюму къ высшему сословію, и одинъ вѣроятно занималъ высшее положеніе въ свѣтѣ, потому что товарищъ его обращался съ нимъ не только вѣжливо, но и съ особенною почтительностію.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ быстрыми глазами и пріятною улыбкой. Вообще въ наружности его было много доброты и ума.

Онъ шелъ скоро, опираясь на руку своего почтительнаго товарища и разсказывалъ ему что-то съ большимъ одушевленіемъ.

Другой охотникъ былъ лѣтъ сорока, высокій, худой, съ неподвижными чертами лица, совершенное хладнокровіе котораго еще яснѣе выказывало живость и одушевленіе его спутника.

Они дошли до тропинки, которая вела къ ручейку, и на берегу его увидѣли знакомую намъ молодую дѣвушку, горько плакавшую.

— Что это значитъ? вскричалъ старшій охотникъ. Женщина въ слезахъ! Подожди меня здѣсь, Гекторъ, а я пойду къ ней тихонько, чтобъ не испугать и постараюсь узнать причину ея печали. Можетъ быть я найду средство осушить эти прекрасныя слезы.

Молодая дѣвушка была такъ занята своимъ горемъ, что не слыхала какъ къ ней подошелъ незнакомецъ. Когда же она подняла голову и увидѣла передъ собою мужчину, то хотѣла бѣжать, но старикъ удержалъ ее съ добродушной улыбкой.

— Не бойтесь ничего, дитя мое, сказалъ онъ ласково, лучше разскажите мнѣ о чемъ вы плачете и за чѣмъ портите свои прекрасные глазки?

Она покраснѣла, опустила глаза и не знала отвѣчать, ли ей.

— Ну, чтожъ, продолжалъ незнакомецъ, неужели я такъ страшенъ, что испугалъ васъ. Моя сѣдая борода должна бы кажется успокоить васъ; скажите мнѣ какъ васъ зовутъ?

— Роза де-Версакъ, отвѣчала чуть слышно молодая дѣвушка.

— Версакъ? Мнѣ знакомо это имя. Въ Наварскомъ полку былъ одинъ капитанъ Версакъ, и я былъ съ нимъ очень друженъ.

— Вы были дружны съ моимъ отцемъ? вскричала Роза съ удивленіемъ и радостію, смотря съ недовѣрчивостью на стараго охотника.

— Вы мнѣ не вѣрите, дотя мое?

Лице старика выражало столько доброты и откровенности, что молодая дѣвушка ободрилась и отвѣчала, улыбаясь сквозь слезы:

— О нѣтъ! Я вамъ вѣрю.

— И такъ какъ отъ стараго друга вашего отца вы не должны скрываться, то я прошу васъ сказать мнѣ причину вашей печали.

Роза покраснѣла какъ цвѣтокъ, имя котораго она носила и отвѣчала тихо:

— Я люблю Гастона де-Шанлу!

— Кто же этотъ г. Гастонъ?

— Прекрасный молодой человѣкъ, храбрый, благородный.

— И неужели онъ смѣетъ не любить васъ?

— О нѣтъ, онъ меня любитъ.

— Если вы любите другъ друга, то я не понимаю о чемъ вамъ плакать.

— Но моя матушка запретила мнѣ видѣть и любить Гастона.

— Отчего же это?

— Оттого что онъ не можетъ на мнѣ жениться,—онъ протестантъ.

— Вотъ что!... стало быть вы послушались матушки и не видѣлись больше съ Гастономъ?

— Ахъ.... нѣтъ, видѣлась.

— Гм, проворчалъ старикъ, это не хорошо. Но вы такъ молоды, неопытны. Я не виню васъ. Когда же вы его видѣли?

— Сейчасъ.

— Отчего же эти слезы?

— Оттого, что Гастонъ предложилъ мнѣ.... я не смѣю сказать....

— Говорите, дитя мое, я слушаю.

— Онъ мнѣ сказалъ: ваша матушка не хочетъ насъ соединить, такъ я увезу васъ и обвѣнчаюсь съ вами... потомъ мы пріѣдемъ въ мой замокъ, и г-жа де-Версакъ проститъ насъ.

— Разумѣется вы не согласились на это предложеніе?..

Молодая дѣвушка опять заплакала.

— Неужели вы исполните его желаніе? повторилъ охотникъ.

— Я обѣщала Гастону придти сюда завтра съ восходомъ солнца... проговорила Роза, заливаясь слезами... Я знаю, что это дурно... вотъ отчего я плачу...

— Да, это дурно и этого не должно быть... не будетъ!

— Но если нѣтъ другаго средства?

— Онъ будетъ и безъ того вашимъ мужемъ.

— Матушка никогда не согласится.

— Послушайтесь меня и вѣрьте мнѣ, какъ старому другу. Я постараюсь устроить все къ лучшему и уговорю вашу матушку.

— Возможно ли?

— Непремѣнно. Только прежде надобно мнѣ познакомиться съ ней, а потомъ вы должны обѣщать мнѣ слушаться меня?

— О! все что вы хотите, отвѣчала Роза, прыгая отъ радости.

— Вы должны молчать и дожидаться, милая Роза. Завтра вы не

прійдете сюда съ восходомъ солнца.

— Согласна...

— Возьмите же мою руку и ведите меня въ вашъ замокъ.

Въ это время подошелъ незамѣтно другой охотникъ.

— Любезный Гекторъ, сказалъ ему старикъ, мы попросимъ гостепріимства у г-жи де-Версакъ. Пойдемте.

Гекторъ поклонился молча. Роза весело оперлась на руку старика, и всѣ трое пошли по дорогѣ къ замку. Собака бѣжала впереди и остановилась у калитки.

— Однако, сказала Роза, я еще не спросила, какъ зовутъ моего покровителя, друга моего отца?

— Какъ меня зовутъ..? отвѣчалъ немного смущаясь старикъ, я и не подумалъ прежде сказать вамъ мое имя... Я графъ де-Сенъ-Моръ, а это другъ мой, виконтъ д'Антрагъ.

И они вошли въ замокъ.

—

Госпожа де-Версакъ была въ своей молельнѣ, когда старый слуга, исполняющій должность управителя, лакея и привратника, доложилъ ей о приходѣ двухъ незнакомцевъ.

Бѣдная женщина чрезвычайно удивилась... Уже такъ давно, кромѣ отца Самуила, ни одинъ мужчина не переступалъ порога ея замка; она не повѣрила своимъ ушамъ и заставила слугу повторить два раза.

Когда же она увѣрилась, что въ самомъ дѣлѣ къ ней пришли гости, когда увидѣла красивую охотничью собаку, отдыхавшую на дворѣ, прекрасная вдова почувствовала сильное волненіе. Кровь прилила ей къ сердцу, ноги задрожали, она чуть не упала въ обморокъ, потомъ переспливъ слабость, подбѣжала къ закрытому зеркалу, сорвала съ него покрывало и начала съ любопытствомъ разсматривать себя.

По странной игрѣ случая, строгость ея жизни не только не истребила красоты вдовы, но напротивъ сохранила ее, и она, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, была свѣжа и прекрасна, почти какъ въ тридцать лѣтъ.

Въ эту минуту голосъ напомнилъ ей молодость и прошедшее... надежду и любовь.

Когда она немного успокоилась, то сказала своему управителю·

— Затопите каминъ въ большой залѣ и попросите туда гостей. Пусть дочь моя займетъ ихъ, покуда я надѣну приличное платье, чтобъ принять ихъ.

Старикъ побѣжалъ исполнять приказаніе своей госпожи, а та въ это время поспѣшила сбросить свою печальную одежду и начала отыскивать въ своемъ гардеробѣ платье, которое напоминало бы ей прошедшее. Она выбрала траурное платье, которое превосходно выказывало гибкость ея таліи и свѣжесть лица, надѣла на шею массивную золотую

цѣпь, на бѣленькіе пальчики дорогіе кольца и посмотрѣвшись еще разъ въ зеркало, сошла въ залу съ сильнымъ біеніемъ сердца.

Оба охотника грѣлись у камина и дружески разговаривали съ молоденькою Розою де-Версакъ.

При входѣ хозяйки оба встали, и графъ де-Сенъ-Моръ вѣжливо поцѣловавъ ея руку, сказалъ:

— Извините насъ за смѣлость, сударыня, но мы были увѣрены, что вы не откажете въ гостепріимствѣ двумъ охотникамъ, которые заблудились бы въ лѣсу безъ помощи прекрасныхъ глазъ вашей дочери.

Г-жа де-Версакъ поклонилась и отвѣчала:

— Позвольте узнать, кого я имѣю честь принимать.

— Я сослуживецъ и другъ вашего покойнаго мужа, графъ де-Сенъ Моръ, а это мой товарищъ виконтъ д'Антрагъ.

Потомъ старый графъ началъ осыпать вдову комплиментами, удивляясь, что она, въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты, отказалась отъ свѣта и живетъ въ уединеніи; словомъ онъ былъ такъ любезенъ, остроуменъ, что черезъ часъ хозяйка совершенно подружилась съ нимъ, какъ будто была давно знакома.

Что касается до его товарища, то виконтъ не выговорилъ во все время ни одного слова. Неподвижный и холодный, онъ безъ всякаго выраженія разсматривалъ узоры на потолкѣ и не обращалъ ни на что вниманія, хотя это не очень нравилось молоденькой Розѣ, которой было завидно, что графъ занимается одною матерью и которая хотѣла бы поговорить съ виконтомъ.

Наконецъ старый слуга доложилъ, что ужинъ готовъ.

Графъ ловко предложилъ руку хозяйкѣ, Виконтъ молодой дѣвушкѣ, и они пошли въ столовую.

Г-жа де Версакъ была очень любезна; графъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и хвалилъ вино, не переставая занимать хозяйку умными разсказами, такъ-что совершенно очаровалъ бѣдную отшельницу. Товарищъ его ѣлъ мало и все-таки молчалъ, разсматривая потолокъ столовой, точно также какъ осмотрѣлъ его въ залѣ.

Роза по неволѣ молчала и съ нетерпѣніемъ смотрѣла на стараго графа, какъ будто желая напомнить ему о чемъ-то, но тотъ отвѣчалъ ей спокойнымъ взглядомъ, какъ бы успокоивая ее.

— У васъ здѣсь много сосѣдей, сказалъ онъ наконецъ, улыбаясь съ добродушіемъ. Я знаю одного молодаго дворянина, который пойдетъ далеко... это Гастонъ де Шанлу...

— Я слышала объ немъ, отвѣчала вдова съ пренебреженіемъ.

— Его отецъ былъ моимъ другомъ, продолжалъ графъ. Онъ хорошей фамиліи, но кажется не богатъ.

— Да, онъ очень бѣденъ Замокъ его разваливается, земли мало, словомъ у него ничего нѣтъ кромѣ шпаги.

— Достаточно и этого, особенно такому молодцу, какъ Гастонъ. Онъ можетъ быть хорошимъ женихомъ вашей дочери.

Мать только сейчасъ замѣтила, что незнакомецъ переглядывается съ Розою и строго взглянувъ на нее отвѣчала:

— Я и дочь моя католички, графъ, и никогда не согласимся принять въ семейство протестанта.

Услышавъ это, молодая дѣвушка поблѣднѣла и посмотрѣла съ отчаяніемъ на своего покровителя, но тотъ улыбнулся такъ кротко и спокойно, что Роза начала опять надѣяться.

— Въ такомъ случаѣ нечего и говорить о невозможномъ, сказалъ графъ, вставая изъ-за стола и подавая руку хозяйкѣ:

Комната для гостей была уже приготовлена, и когда оба охотника остались одни, графъ де Сенъ-Моръ сказалъ своему молчаливому товарищу:

— Послушай, виконтъ, до сихъ поръ ты молчалъ, пилъ и ѣлъ, разглядывая потолки. Завтра надобно будетъ тебѣ не много перемѣнить твои привычки. Приготовься же говорить, и даже очень много.

Виконтъ съ удивленіемъ и страхомъ посмотрѣлъ на графа.

— Да, продолжалъ тотъ, я назначаю тебя посланникомъ. Завтра ты отъ моего имени будешь просить руки г-жи де Версакъ.

Флегматическій охотникъ пробормоталъ съ ужасомъ:

— Я не понимаю...

— Нѣтъ никакой надобности понимать. Помни только, что я богатъ и вдовецъ безъ дѣтей, что нашъ приходъ въ замокъ былъ только предлогомъ и что я влюбленъ въ прекрасную нашу хозяйку.

Виконтъ не отвѣчалъ ни слова, но такъ комически смотрѣлъ на графа, что тотъ засмѣялся и сказалъ:

— Дѣлай, что я тебѣ приказываю и не разсуждай.

— Слушаю... выговорилъ наконецъ виконтъ съ усиліемъ.

И оба охотника заснули не разговаривая болѣе.

На другой день всѣ еще спали въ замкѣ, когда графъ де Сенъ-Моръ взялъ свое ружье и шпагу, и выйдя тихонько изъ калитки пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ встрѣтилъ Розу въ слезахъ. Солнце только-что подымалось на горизонтѣ.

На берегу ручья стоялъ мужчина, закутанный въ плащъ, и державъ лошадь подъ устцы, съ нетерпѣніемъ смотря по направленію къ замку.

Увидя графа, который прямо шелъ къ нему, молодой человѣкъ вздрогнулъ и невольно опустилъ руку на эфесъ шпаги.

— А, это вы! похититель дѣвушекъ, сказалъ насмѣшливо старикъ, подходя еще ближе.

Гастонъ нахмурилъ брови и отвѣчалъ съ досадою.

— Что вамъ надобно, чего вы хотите?

— Я хочу сказать вамъ, что прекрасная Роза де Версакъ не прійдетъ сюда сегодня.

— Роза не придетъ! Почемъ вы знаете... Кто вы?

— Я помѣшаю вамъ обмануть бѣдную, невинную дѣвушку!

— Вы оскорбляете меня, вскричалъ молодой человѣкъ, горячась еще болѣе, чего вы хотите?

— Хочу сказать вамъ, чтобъ вы не ждали Розу.

— Отчего она не прійдетъ?

— Оттого, что я запретилъ ей.

— Какое вы имѣете право надъ нею. Она васъ не знаетъ?

— Не ваше дѣло, любезный.

— Вы смѣетесь надо мною, сказалъ Гастонъ гордо: предупреждаю васъ, что я не намѣренъ переносить оскорбленій и отвѣчаю на нихъ со шпагою въ рукахъ.

— Какъ вамъ угодно. Будемте драться, отвѣчалъ графъ также хладнокровно, и поставивъ ружье къ дереву, вынулъ свою шпагу.

Гастонъ сдѣлалъ тоже и съ горячностью напалъ на своего противника.

— Вы деретесь очень хорошо, замѣтилъ графъ, но вы не спокойны и это можетъ кончиться дурно... въ другой разъ.

И старикъ ловкимъ ударомъ выбилъ у Гастона шпагу и отбросилъ ее на десять шаговъ.

Молодой человѣкъ остановился въ смущеніи.

— Этотъ ударъ знаютъ только двое во Франціи, прибавилъ старикъ: король и я.

— Я въ вашей власти, сказалъ Гастонъ, стыдясь своего пораженія и опуская глаза въ землю; Чего вы отъ меня требуете?

— Я требую, чтобъ вы дали мнѣ слово не похищать дѣвицу де Версакъ.

— Но я люблю ее...

— Знаю это.

— Г-жа де Версакъ не согласна на нашъ бракъ.

— Знаю и это

— Я умру, если Роза не будетъ моею женою.

— Она будетъ вашею.

— Что вы говорите! Развѣ есть другое средство! Какое же?

— Это моя тайна. Приходите черезъ два часа въ замокъ и спросите графа де Сенъ-Мора. Обѣщаю вамъ, что сегодня же вечеромъ вы будете мужемъ Розы.

— Возможно ли это... я не смѣю вѣрить!

— Вѣрьте и надѣйтесь.

— Но кто же вы?

— Я другъ вашей невѣсты и хотѣлъ прежде испытать хорошо ли вы дѣйствуете шпагой и храбры ли вы.

— Но объясните мнѣ...

— Некогда. Черезъ два часа будьте въ замкѣ Версакъ, и вы все узнаете.

И старикъ взялъ свое ружье, вложилъ въ ножны шпагу и поклонясь Гастону поспѣшно удалился.

— Что это значитъ? говорилъ Гастонъ. Странная тайна! Этотъ человѣкъ или мой добрый геній или...

И онъ вскочивъ на лошадь помчался въ галопъ.

—

Г-жа де Версакъ была послѣ ужина очень разсѣяна. Она вмѣсто серьозной книги взяла какой-то романъ и легла въ постель, но не могла заснуть цѣлую ночь.

Она думала о графѣ... Онъ такъ вѣжливъ, любезенъ, можетъ быть онъ уже любитъ ее... можетъ быть. .

И владѣтельница замка Версакъ уже мечтала, что она опять вышла замужъ, что она богата и при дворѣ, что восхищаются ея красотою, не смотря на ея лѣта, и голова бѣдной вдовы закружилась отъ восторга.

Она встала рано утромъ и долго занималась своимъ туалетомъ; только-что она успѣла его кончить, какъ доложили, что виконтъ д'Антрагъ желаетъ говорить съ нею о важномъ дѣлѣ.

Онъ вошелъ мѣрнымъ шагомъ, поклонился методически и сѣвъ на указанное мѣсто, сдѣлалъ надъ собою невѣроятное усиліе и началъ говорить:

— Сударыня, я пришелъ отъ имени моего друга графа де Сенъ-Мора... Вдова вздрогнула и вспомнила свои мечты.

— Я обязался умолять васъ, чтобъ вы отказались отъ вдовства, которое приводитъ въ отчаяніе всѣхъ, кто удостоенъ вашимъ знакомствомъ и принять предложеніе графа, который проситъ вашей руки.

Виконта утомила длинная рѣчь, и потому онъ остановился, ожидая отвѣта.

Г-жа де Версакъ, взволнованная и смущенная, не знала, что отвѣчать, и съ трудомъ могла проговорить:

— Благодарю графа за честь, но... право это такъ неожиданно... я не могу... я должна подумать...

Виконтъ всталъ и сказалъ кланяясь:

— Какъ вамъ угодно, я подожду.

И онъ вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна, Г-жа де Версакъ чуть не запрыгала отъ радости. Въ самомъ дѣлѣ, какое неожиданное счастіе .. Правда, графъ не молодъ, но въ этой радости сердцѣ вдовы мало участвовало При томъ же въ сорокъ лѣтъ если сердце молчитъ, то гордость говоритъ очень громко. Графъ говорилъ о своихъ замкахъ, вассалахъ; о дворѣ; онъ такъ свѣжъ, веселъ, любезенъ, уменъ. Ее ожидаетъ счастіе, богатство. Развѣ этого мало, чтобъ вскружить голову бѣдной женщинѣ, которая давно уже жила затворницею, ничего ни видѣла и не думала ни о чемъ. Теперь все забыто въ одинъ часъ; она совершенно переродилась, и только по временамъ прикладывала свою руку къ горячей головѣ, какъ бы испытывая, не спитъ ли она, и въ самомъ ли дѣлѣ судьба ее такъ перемѣнилась.

—

Вдругъ вошелъ старый слуга и доложилъ:

— Графъ де Сенъ-Моръ.

Г-жа де Версакъ вскочила съ мѣста, но увидя графа, вся задрожала, и блѣдная какъ тѣнь упала на диванъ.

— Сударыня, сказалъ гость вѣжливо, я старый солдатъ, и мало знаю приличія свѣта. Мой другъ д'Антрагъ уже сказалъ вамъ, чего я смѣю надѣяться. Вы не дали ему никакого отвѣта, и я самъ пришелъ узнать мою участь.

— Графъ, говорила едва слышно вдова.... зачѣмъ такъ торопиться? мнѣ надобно подумать...

— А мнѣ, къ несчастію, нельзя здѣсь долго оставаться; долгъ службы зоветъ меня ко двору.

— Какъ.... вы ѣдете?

— Чрезъ часъ... чрезъ часъ графъ де- Сенъ-Моръ будетъ или счастливѣйшимъ, или самымъ несчастнымъ изъ смертныхъ... Рѣшите же его судьбу, скажите да или нѣтъ.

И графъ ловко сталъ на одно колѣно и нѣжно поцѣловалъ руку прекрасной вдовы.

Та вздохнула, и закрывши лице руками прошептала тихо:

— Будьте счастливы, графъ.

— Благодарю васъ, вскричалъ графъ съ восторгомъ, и садясь подлѣ своей невѣсты, опять взялъ ея руку и прибавилъ:

Я тотчасъ же прикажу все приготовить къ обряду, и чрезъ часъ...

— О! зачѣмъ такъ скоро, сказала Г-жа де Версакъ: можно подождать.

— Надобно пользоваться счастіемъ , отвѣчалъ женихъ.

Невѣста не противорѣчила и молчала, радостно улыбаясь.

— Ахъ я и забылъ сказать вамъ, вскричалъ вдругъ графъ. Есть одно препятствіе къ нашему союзу, которое можетъ быть помѣшаетъ нашей свадьбѣ.

— Препятствіе? сказала съ испугомъ вдова. Какое?

— Вы мнѣ сказали вчера, что не примете въ семейство гугенота.

— Неужели вы.... вскричала невѣста съ ужасомъ.

— Гугенотъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Вы.... любите меня, графъ? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Отъ всего сердца.

— Любовь происходитъ не отъ нашей воли; я не смѣю противиться ей. Я ваша... графъ.

— Наконецъ-то, проговорилъ тихо женихъ съ ироническимъ добродушіемъ. Въ такомъ случаѣ, отчего не сдѣлать счастливыми другихъ, и не позволить нашей миленькой Розѣ выйти за Гастона де Шанлу...

При этомъ имени вдова подозрительно посмотрѣла на своего жениха и нахмурила тонкія брови.

— Они тоже любятъ другъ друга, продолжалъ тѣмъ же тономъ графъ.

— Но они бѣдны оба, сказала рѣзко вдова, имъ не чѣмъ жить.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Я выпрошу у короля, чтобъ его сдѣлали капитаномъ.

— Вы очень заботитесь объ этомъ Гастонѣ.

— Я забочусь о счастіи Розы.

— Хорошо, я согласна; послѣ нашей свадьбы мы поговоримъ о другой.

— О нѣтъ, я хочу чтобъ свадьба Розы съ Гастономъ была прежде. Притомъ, все уже готово. Изъ ближняго города пріѣхалъ нотаріусъ. Роза надѣла свое лучшее платье; церковь освѣщена, священникъ дожидается.... А! да вотъ и Гастонъ; я слышу, какъ онъ въѣхалъ на своемъ бѣшеномъ конѣ.

И графъ взялъ за руку свою удивленную невѣсту и сошелъ въ залу, гдѣ были уже флегматическій виконтъ, веселая Роза, важный нотаріусъ и старый отецъ Самуилъ.

— Г. нотаріусъ! сказалъ графъ весело: потрудитесь составить свадебный контрактъ дѣвицы Розы де Версакъ и Гастона де Шанлу, капитана гвардіи Его Величества, короля Франціи. Потомъ продолжалъ онъ останавливаясь немного и смотря иронически на присутствующихъ: контрактъ Гектора, виконта д'Антрагъ графа де-Сенъ-Моръ и вдовы де Версакъ первой камеръ фрау королевы французской.

Виконтъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на хозяйку замка, та не могла ни слова промолвить отъ удивленія и стояла какъ окаменѣлая, не понимая, что случилось. Но графъ подошелъ къ ней и сказалъ цѣлуя у ней руку:

— Я завидую счастію моего друга д'Антрага, но я не могу занять его мѣста, потому что жена моя, Марія Медичи жива и здорова.

— Это король! вскричала г-жа де Версакъ.

— Король, повторили Роза, священникъ и нотаріусъ.

— Ну, да! Король хотѣлъ утѣшить маленькую Розу и выдать ее замужъ; чтожъ тутъ удивительнаго?

Мать и дочь бросились на колѣни передъ добрымъ королемъ Генрихомъ IV, передъ тѣмъ, кого называли Беарнцемъ, и который былъ любимъ народомъ какъ отецъ.

Рекомендую вамъ вашего мужа, сударыня. Онъ хотя и молчаливъ, но добрый человѣкъ и будетъ хорошимъ мужемъ.

Въ эту минуту вошелъ Гастонъ.

— Вы заставляете себя ждать, капитанъ, сказалъ ему король.

— Капитанъ! повторилъ Гастонъ съ удивленіемъ, вы ошибаетесь, графъ, я не капитанъ.

— Вы капитанъ въ моей гвардіи.

— Это король, шепнула Роза.

— Ваше величество, простите меня, сказалъ молодой человѣкъ, вспомнивъ, что поутру смѣлъ вызвать короля. Поломъ ставъ на колѣни, онъ взялъ руку, протянутую ему добрымъ королемъ и съ преданностью поцѣловалъ ее.

— Будьте счастливы, дѣти мои, сказалъ Генрихъ IV.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва осенью. — Слухи о г. Рашель, новая комедія г. Островскаго. — Г. Бантышевъ и его послѣднее представленіе. — Бенефисы г. Мантано и Васильева. — Воспоминанія о французской труппѣ. — Драгоцѣнныя картины. — Литературная дѣятельность Москвы. — Москвитяннъ, новыя книги. — Маскарады будущей зимы. — Докторъ Ганзъ.

Я не скажу ничего новаго, если стану увѣрять моихъ читателей, что осенняя пора самое скучное, безцвѣтное время года для городской жизни. Во всѣхъ столицахъ Европы веселятся зимой, веселятся лѣтомъ, осень проводятъ или въ деревнѣ, или на водахъ, или у камина... Въ публичной жизни наступаетъ застой, всѣ помышляютъ о будущемъ, или толкуютъ о прошедшемъ, настоящее всегда и скучно, и мертво. Особенно пуста бываетъ осенью Москва, городъ, по преимуществу, населенный пріѣзжими изъ провинцій. Улицы пусты, домы закрыты, лѣтнія удовольствія окончились, зимняя пора не наступила — это антрактъ между дачною жизнью и жизнью городской. Въ это время, очень тяжкое для фельетонистовъ, только два пункта въ Москвѣ подаютъ знаки жизни—Кузнецкой мостъ и Тверской бульваръ. На первомъ иностранное населеніе столицы хлопочетъ, суетится и убираетъ свои магазины, на второмъ собирается небольшой кружокъ, чтобъ погулять передъ обѣдомъ и подышать воздухомъ. Пустота Москвы объясняется очень просто: Москва городъ большой, это не подлежитъ сомнѣнію. Широко разкинулась древняя столица, захватила много садовъ, рощъ, полянъ, на десятки верстъ разбросала свои заставы, построилась просторно; но населилась мало. Чтобъ наполнить и оживить это пространство, нужно двойное, тройное народонаселеніе. Московское общество тоже очень не велико. Вотъ почему

вы вездѣ встрѣчаете одни и тѣже лица; новая фигура очень замѣтна. Явись она въ обществѣ, тотчасъ начнутся распросы и толки— провинціальной элементъ сохранился и въ Матушкѣ-Москвѣ. Но дѣло не въ этомъ. Въ настоящее время, когда я пишу эти строки, городъ начинаетъ оживать, клубы наполняются не одними обычными посѣтителями, театръ даетъ полные сборы, а въ окнахъ чаще и чаще блестятъ привѣтливые огоньки... на дворѣ холодно; облака угрожаютъ снѣгомъ — зима настаетъ.

У насъ въ Москвѣ вопросъ дня, если можно такъ выразится — Рашель, она теперь предметъ всеобщихъ разговоровъ, толковъ и жаркихъ преній. Будетъ ли она въ Москвѣ? когда будетъ? долго ли останется? и проч. и проч. Говорятъ о французской артисткѣ люди, знавшіе ее въ Парижѣ, видѣвшіе въ Лондонѣ, и люди, никогда не видавшіе ни ее, ни даже ея портрета. Матушки семействъ, отцы семействъ, мужья, кузены все приходитъ въ движеніе и волненіе, гдѣ достать билетовъ, какъ абонироваться на ложу, какъ взглянуть на этотъ рѣдкій талантъ, которому удивлялась вся Европа... Корнейль, Расинъ, Федра, Камилла, вотъ имена которыя несутся по городу... Подумаешь, что мы живемъ въ Парижѣ и ходимъ вмѣстѣ съ *париками* въ theatre français! Но между тѣмъ, когда всѣ любители искусствъ и всѣ любители новизны трактуютъ о будущемъ, настоящее по драматической части представляетъ очень любопытное явленіе, я разумѣю здѣсь новую пьесу г. Островскаго «Бѣдная невѣста.» Мой остроумный предшественникъ сообщилъ уже публикѣ о прочномъ и заслуженномъ успѣхѣ комедіи того же автора—«Не въ свои сани не садись», мнѣ предстоитъ говорить о новой пьесѣ молодаго даровитаго писателя.

Кто постоянно слѣдилъ за драматической литературой послѣднихъ семи, восьми лѣтъ, тотъ вѣроятно знаетъ, какъ слаба, вяла и безлична была она въ эту эпоху. Многіе изъ талантливыхъ людей перестали писать для сцены, многіе совсѣмъ сошли со сцены жизни, репертуаръ былъ бѣденъ оригинальными произведеніями, переводныя были сдѣланы на скорую руку и большею частію новичками, безъ литературнаго такта, безъ знанія сцены. Водевили потеряли остроту и веселость; игра того, или другаго любимаго публикою актера, замѣняла весь интересъ драмы. Пьесы разучивались, ставились на сцену, подъ часъ игрались съ нѣкотораго рода успѣхомъ, но не держались на репертуарѣ. «Горе отъ ума», комедія Гоголя, «Гамлетъ,»—вотъ что привлекало публику; новыя же пьесы публика смотрѣла разъ, рѣдко собиралась на повтореніе. Прошедшая зима была очень плодотворна. Русская комедія разшевелила вновь зрителей... театральныя залы начали наполняться не одними теат-

ралами,—показалась вновь другая публика, болѣе серьозная и болѣе образованная. Этой счастливой реакціи много помогъ г. Островскій. Съ русскою комедіею наша драматическая труппа ожила; каждому талантливому актеру представился случай явиться въ выгодномъ свѣтѣ, показать новую сторону своего дарованія. Гг. Садовскій, Шумскій, Васильевъ, Акимова, Никифорова, Васильева, старались превзойти другъ друга... сотни вызововъ и рукоплесканій выпали на ихъ долю.

Новая комедія г. Островскаго не имѣла такого успѣха, какъ «Не въ свои сани не садись», это фактъ; но слабѣе ли она первой и на сколько слабѣе, вотъ вопросъ? Я не в далъ перваго представленія комедіи: когда я возвратился въ Москву, ее давали уже въ пятой, или шестой разъ; въ публикѣ не замѣтно прежняго энтузіазма; маленькій театръ былъ не полонъ. Я съ напряженнымъ вниманіемъ просмотрѣлъ пьесу, и не смотря на сценическую неопытность первыхъ двухъ актовъ, она произвела на меня довольно сильное впечатлѣніе. Сюжетъ прекрасный, канва богатая; но всѣмъ имъ не вполнѣ воспользовался г. Островскій. Бѣдная невѣста. Пусть будетъ хороша, какъ греческая статуя, умна какъ день, любезна, какъ мадамъ Рекамье, плохая обстановка убьетъ все. Въ тѣсной и узкой сферѣ заглохнетъ молодая душа, скоро разлетятся юношескія мечты, сердце, жаждущее любви, обхватитъ холодъ. Слово *нужно пристроиться* нарушитъ всякую илюзію! Такую–то дѣвушку и при такой-то обстановкѣ г. Островскій вывелъ на сцену въ своей комедіи. Дочь бѣдныхъ родителей безъ отца, безъ покровителей, окруженная свахами, двумя молодыми пошляками да старичкомъ, пріятелемъ отца, жила и развивалась молодая сиротка. Образованія она получить не могла, но его замѣняла молодость, наивность и женское сердце. Старушка мать думаетъ объ одномъ только, «чтобы пристроить дочку», какъ въ домѣ безъ мужчины! повторяетъ она каждую минуту. И свахи толкаются въ дверь, чуть не съ утра до ночи. Между тѣмъ сердце дѣвушки заговорило, наступила пора любви... ее тоже полюбилъ молодой человѣкъ безъ состоянія, надоѣдающій ей своими притязаніями и вышедшій студентъ, который не смѣетъ ей открыться. Она избрала третьяго, который ее вовсе не любилъ. Меричь имѣлъ то преимущество предъ соперниками, что былъ покойнѣе, хладнокровнѣе и относительно приличнѣе. У него было и модное платье, и стеклушко въ глазу и нѣкоторое знакомство въ какомъ–то довольно темномъ кружкѣ. Этотъ молодой человѣкъ олицетворенная пошлость; но для полуразвитой дѣвушки онъ казался чѣмъ–то порядочнымъ. Форма великое дѣло, особенно для женщины. Старичокъ сватаетъ Беневоленскаго, имѣющаго дрожки и пару лошадей. Беневолевскій онъ грубъ, не совѣмъ ловокъ, но смѣлъ и

хорошо понимаетъ свое положеніе; по образованію онъ занимаетъ тоже не послѣднюю ступень: онъ кое-чему учился, кое что читалъ. Дѣла бѣднаго семейства запутываются, и дѣвушка дѣлается женою Беневоленскаго. Вотъ оставъ пьесы. Но въ продолженіе пяти дѣйствій въ комедіи много интересныхъ подробностей, много прекрасныхъ сценъ. Сцена съ картами, монологъ Беневоленскаго, такія мѣста, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ авторъ. «Бѣдная невѣста» была разыграна прекрасно. Г. Садовскій понялъ и исполнилъ роль, какъ нельзя лучше; лицо чиновника, казалось должно было бы выйдти лицомъ самымъ обыкновеннымъ на нашей сценѣ; но г. Садовскій умѣлъ дать ему рельефность; онъ особенно хорошъ въ послѣднемъ дѣйствіи Полтавцевъ въ роли студента былъ простъ и благороденъ. Сцена 4-го акта была ведена имъ съ большимъ искусствомъ и нашла живое сочувствіе въ партерѣ. Главное лицо комедіи исполняется г-жею Васильевою съ рѣдкимъ стараніемъ—видно, что она много работала надъ ролею. Г-жа Сабурова не вполнѣ удовлетворила меня, изъ старухи хлопотливой, привязчивой, бранчивой и плаксивой, она сдѣлала слишкомъ уже добрую мать. А характеръ матери въ пьесѣ г. Островскаго опредѣляетъ частію рѣшимость дѣвушки выйдти за человѣка, котораго она не любитъ.

«Бѣдная невѣста» напомнила мнѣ многія изъ забытыхъ комедій Ифланда, которыя такъ часто называли *мѣщанскими драмами*. Здѣсь нѣтъ ни рѣзкихъ характеровъ, ни быстраго движенія, комическій элементъ тоже не преобладаетъ; но много тонкой наблюдательности, видно, что автору знакомы повседневныя драмы, которыя проходятъ незамѣченными для многихъ, и которыя трогаютъ, волнуютъ и подымаютъ желчь въ душахъ воспріимчивыхъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы нашъ писатель подражалъ Ифланду, здѣсь нѣтъ и тѣни подражанія, у него, все оригинально; но общій тонъ комедіи напоминаетъ Ифланда. Заключу краткій обзоръ вѣсколькими словами. Въ сценическомъ отношеніи «Бѣдная невѣста» слабѣе предыдущей его комедіи; въ литературномъ отношеніи она выше ее.

Я заговорилъ о театрѣ, по этому сообщу уже за разъ всѣ наши театральныя новости: Г. Бантышевъ оставилъ сцену. Впереди ему улыбается артистическое путешествіе по Россіи и концерты въ Сибири; младшій братъ г. Бантышева съ успѣхомъ пѣлъ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ, и московскій ex primo tenore ѣдетъ въ снѣжныя пустыни, съ тѣмъ, чтобъ познакомить сибирскую публику съ русскими пѣснями; по этой части репертуаръ его разнообразенъ. Пѣсни: Травушка, Ахъ какъ шли наши ребята, и пр., столько разъ слышанныя нами въ Москвѣ, должны произвести свое дѣйствіе. Въ послѣднее время г. Бантышевъ рѣд-

ко являлся предъ публикою; наша оперная труппа была слаба; музыкальныя произведенія давались рѣдко, да и самъ пѣвецъ сильно поистратилъ свой голосъ. Но лишь объявили, что г. Бантышевъ играетъ въ послѣдній разъ, какъ билеты раскупили нарасхватъ, и желающихъ быть въ спектаклѣ явилось такое число, что театральная зала не могла его вмѣстить. Раекъ особенно отличался самымъ энергическимъ восторгомъ. Рукоплесканія, вызовы—безъ конца. По справедливости, у г. Бантышева бывали хорошія минуты, и его сценическая дѣятельность не всегда оставалась незамѣченною публикою. Было время, когда у московскаго тенора были жаркіе поклонники, когда его сбирались слушать, когда ему горячо рукоплескали. Десять лѣтъ тому назадъ г. Бантышевъ былъ необходимымъ лицомъ въ каждой оперѣ, онъ участвовалъ въ водевиляхъ, онъ давалъ концерты. Музыкальное его образованіе было всегда слабо; но голосъ его былъ пріятенъ, чистъ и звученъ. Многія роли онъ исполнялъ удовлетворительно, въ нѣкоторыхъ былъ очень хорошъ. Русскіе пѣсни, русскія характеры были его конькомъ; но и-нѣмецкую и итальянскую музыку онъ пѣвалъ недурно. Въ то время, когда былъ живъ еще покойникъ Лавровъ, нѣкоторыя изъ итальянскихъ французскихъ оперъ шли, какъ нельзя лучше. «Велизарій», «Невѣста», «Влюбленная баядерка», «Іосифъ» и другія. Во всѣхъ этихъ операхъ партіи тенора постоянно занималъ г. Бантышевъ. Въ 42 году онъ оставлялъ на время сцену и намѣревался сдѣлать путешествіе по Германіи. Очень жаль, что эта поѣздка не состоялась, она много бы развила г. Бантышева и дала бы ему извѣстность; теперь всѣ эти попытки не своевременны. Лучшая пора пѣвца прошла.

Бенефисы гг. Монтасю и Васильева, кромѣ полнаго сбора, не отличались ничѣмъ замѣчательнымъ. Монтасю поставилъ одинъ актъ балета и нѣсколько водевилей. Бенефисъ Васильева былъ *сборный* спектакль. «Катерина» или «Золотой крестикъ», «Одна на примѣтѣ, другая въ каретѣ», «Дуэль на жаворонкахъ», «Запрещеной плодъ». Всѣ эти пьесы прошли незамѣченными.

Французская труппа распущена. Французская московская труппа всегда интересовала небольшой кружокъ, вообще же публика была къ ней довольно равнодушна, по временамъ та или другая пьеса дѣлала сборы; но кружокъ постоянныхъ зрителей былъ всегда тѣсенъ. Французскіе актеры и актрисы мѣнялись довольно часто, весьма немногіе оставались по десятку лѣтъ. Не смотря на равнодушіе публики, французской труппѣ нельзя было отказать въ добросовѣстномъ исполненіи пьесъ. Многіе изъ артистовъ отличались замѣчательными талантами.

Недѣли двѣ тому, газетныя объявленія извѣстили публику о про-

даже картинъ великихъ художниковъ, тутъ были громкія имена Корреджіо, Тиціана, Андрея дель-Сарто, Рубенса, Пусена и другихъ. Любопытство аматеровъ было сильно затронуто, и въ залахъ конторы агентства бр. Поповыхъ стали являться посѣтители такого рода, которые не справлялись ни объ домахъ, ни объ имѣніяхъ, ни о прислугѣ. Этимъ-то рѣдкимъ посѣтителямъ конторы агентства и надо было показывать мнимыхъ Тиціановъ и Рубенсовъ. Мнѣ случалось быть съ двумя или тремя художниками, которыхъ удивленіе росло съ каждымъ переходомъ изъ одной залы въ другую. Между двумя десятками выставленныхъ картинъ мнѣ очень понравились три: прекрасный пейзажъ, приписываемый Рубенсу (?) и небольшаго размѣра мадонна. Пейзажъ обличаетъ мастерскую кисть и опытную руку; освѣщеніе его просто, колоритъ пріятенъ, это что-то напоминающее живо природу. Картина Андрея дель-Сарто очень граціозна, фигуры хорошо размѣщены... но картины не главное дѣло, справившись съ цѣнами, невольно придешь въ ужасъ. 5000. 50000. 150 т. серебромъ. Вотъ какія суммы въ бѣлокаменной Москвѣ считаются дѣломъ обыкновеннымъ. Подумаешь, право, что Москва—Калифорнія! Контора агентства не участвуетъ въ продажѣ этихъ картинъ, она только уступила свои залы, и вѣроятно не предвидя баснословной цѣны. Это собраніе принадлежитъ какой-то иностранкѣ, иностранка вѣроятно читаетъ газеты, а давно ли толковали о картинѣ Мурильо, проданной за 600,000 франковъ, почему же и за другія какія нибудь картины не назначить такую же сумму. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

Что сказать о литературной дѣятельности Москвы? Книгъ выходитъ очень мало, Москвитянинъ систематически опаздываетъ и наполняетъ свои страницы отрывочными статейками, подъ которымъ безпрестанно читаешь продолженіе слѣдуетъ Самое интересное въ трехъ послѣднихъ книжкахъ — это заграничныя письма. Что за патріархальная простота, что за лаконизмъ! Все видимое, слышанное, замѣченное, онъ спѣшитъ занести въ свои письма, не заботясь ни объ интересѣ, ни о читателѣ. Встрѣтитъ пріятеля, пріятель въ письмѣ, пообѣдаетъ въ гостинницѣ—трактирный обѣдъ въ письмѣ. «Столъ, пишетъ путешественникъ, состоитъ изъ множества блюдъ съ разными приправами: супъ всегда очень слабый и жидкій, говядина болѣе или менѣе вываренная, рыба довольно вкусная, особенно рейнская семга, котлеты крошечныя, съ морковью, шпинатомъ, капустою простою и цвѣтною, фрикасе изъ разныхъ гребешковъ, ноготковъ и вчерашнихъ жаркихъ, пудингъ или mehlspeise, самое лучшее кушанье съ подливкою, жаркое съ салатомъ и компотомъ изъ сливъ и разныхъ ягодъ, пирожное и хлѣбенное, за

которыми слѣдуютъ мелочи: печенье, бисквиты, конфекты и съ хлопушками, или щелканьемъ, которое заставляетъ вздрагивать всякую Grethen, Minnchen und Lotchen. Кушанье прежде становится на поглядѣнье, переносится съ мѣста на мѣсто, потомъ разрѣзывается на особомъ столѣ хозяиномъ и разносится по гостямъ.» Кажется довольно; но это еще не все, путешественникъ продолжаетъ: «Кушанья подаются на маленькихъ тарѣлочкахъ и разрѣзываются на самые тонкіе ломотики, или листочки; приборы безпрестанно перемѣняются, разные соусы подливаются, передъ глазами мелькаютъ украшенные зеленью и цвѣтами; болѣе услаждается зрѣніе и слухъ, чѣмъ вкусъ: ѣшь, кажется, много, встанешь, никакъ не зная сытъ или нѣтъ. Еслибъ привести изъ Троицкаго трактира одну ногу телятины, да окорокъ ветчины, такъ вѣроятно въ этихъ двухъ пьесахъ оказалось бы больше положительной сущности, valeur intrinseque, чѣмъ во всей массѣ здѣшней пережеванной трен-брени.» Кажется довольно? Ошибаетесь. Совсѣмъ не то, переверните нѣсколько страницъ, и вотъ предъ вашими глазами кухонныя записки Роберта Баттли. Запасшись терпѣніемъ, вы одолѣли записки и думаете, что покончили съ кухнею, кухмистеромъ, телятиной, спаржей—ни чуть не бывало, на 16-й стр. путешественникъ угрожаетъ напечатаніемъ трактирныхъ счетовъ... бѣдные читатели!

Странный журналъ этотъ «Москвитянинъ». Десятый годъ выходитъ онъ въ свѣтъ, а до сихъ поръ не можетъ запастись прочными сотрудниками. То явится комедія Островскаго, то плохой до нельзя французскій романъ, рядомъ съ прекрасными стихами гг. Щербины и Полонскаго плохія вирши провинціальнаго производства; то повѣсть Писемскаго, то какой-нибудь закавказскій романъ. Журналистика слаба смѣсь составлена небрежно... Ну какъ бы не поставить единственный московскій журналъ на прочную ногу. Въ послѣднихъ трехъ книжкахъ разбираемаго журнала помѣщена довольно большая статья г. Гуренко, Пелопоннеская война... виноватъ я исказилъ названіе, Война пелопоннеская.

Этотъ опытъ историческаго изслѣдованія по источникамъ довольно занимателенъ. Эпоха, выбранная авторомъ, очень интересна, вы присутствуете при агоніи націи, вы видите, какъ греческія силы пожираютъ самихъ себя. Эпизодъ сицилійской войны разсказанъ хорошо; но вся статья вообще не отличается живымъ изложеніемъ и кажется иногда сухою. Иностранныя литературы представляютъ много прекрасныхъ сочиненій по этому предмету. Недавно еще Лерминье мастерски очертилъ личность Алкивіада и попытку Аѳинянъ завоевать Сицилію. Въ отдѣлѣ словесности помѣщенъ разсказъ г. В. В.—«Роговской». Разсказъ,

не отличаясь особенными литературными достоинствами, читается легко; окончаніе какъ-то странно. Впрочемъ, Роговскій первая попытка молодаго писателя, которому не достаетъ еще ни опытности, ни увѣренности старыхъ романистовъ. Вотъ все, о чемъ можно сказать хоть что-нибудь.

Курьоза ради сообщу еще нѣсколько новостей литературной промышленности:

«Полный всеобщій письмовникъ, примѣненный ко всѣмъ классамъ общества.»

«Полная гигіена волосъ на головѣ и бородѣ, показывающая вѣрное средство для рощенія волосъ, остановленія паденія ихъ и сѣдѣнія и для воспроизведенія волосъ на черепахъ самыхъ лысыхъ.»

«Простыя домашнія средства для того, чтобъ волосы росли, были густы и не выпадали.»

Кто бы могъ подумать, чтобъ въ нашъ вѣкъ, когда грамотность такъ распространилась, являлись въ свѣтъ письмовники, разныя собранія практическихъ примѣровъ, служащія къ изящному изложенію писемъ, гдѣ все подведено подъ форму, гдѣ на всякое событіе въ жизни есть примѣрныя письма, стоитъ только справиться и писать. Отдѣлъ подъ названіемъ: *изліянія нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца* очень интересенъ, любопытно бы знать, кто рѣшится изливать свои чувства по письмовнику; а вѣроятно найдутся и такіе смѣльчаки; книгопродавцы увѣряли меня, что книга расходится. Письмовникъ, по словамъ составителя, нуженъ для каждаго, другіе же цитированныя мною книги, не имѣютъ такихъ громкихъ претензій. Они стараются быть полезными только для лысыхъ и сѣдовласыхъ, и то напрасно!

Не знаю, говорилъ ли мой предшественникъ о выходѣ въ свѣтъ третьяго тома «Пропилеевъ» г. Леонтьева? Въ слѣдующемъ же вѣстникѣ постараюсь сообщить подробный разборъ этого замѣчательнаго изданія, которое съ каждой новой книжкой получаетъ новый интересъ. Путешествіе, совершенное по южной Россіи г. Демидовымъ въ 1837 году и изданное на французскомъ языкѣ, вышло теперь въ русскомъ переводѣ. Эта прекрасная книга совсѣмъ не спекуляція. Переводъ сдѣланъ хорошо, путешествіе издано со всею типографическою роскошью, виньеты сдѣланы очень отчетливо, а печать дѣлаетъ честь типографіи г. Семена. Я не говорю о достоинствахъ и занимательности самаго путешествія, которое очень извѣстно не только въ Россіи, но и на западѣ. Переводъ такой книги дѣлаетъ ее доступною для большинства читателей, тѣмъ-болѣе, что и цѣна очень умѣренная. Неутомимый ли-

тераторъ Н. В. Сушковъ каждый годъ издаетъ сборникъ съ благотворительною цѣлію.

Обратимся опять къ городу. Никогда въ Москвѣ не было столько построекъ, какъ въ прошлое лѣто. Всѣ помѣшались на домо-строеніи. На большихъ улицахъ, въ переулкахъ, у заставъ, за городомъ вездѣ воздвигаются большія каменныя зданія, съ претензіями на архитектурное изящество. Каріатиды, лѣпныя украшенія дѣлаются необходимостію хоть сколько нибудь порядочнаго дома. Внутреннее убранство комнатъ тоже измѣняется замѣтно. Прошло то золотое время, когда наше среднее общество запасалось мебелью у Сухаревой башни, или на Смоленскомъ рынкѣ. Теперь все Фру да Зинъ; все шелкъ, да трипъ. Десятокъ лѣтъ еще и Москва утратитъ свою деревенскую физіономію. Кирпичъ и камень замѣнятъ деревянные домики, гладкія плиты покроютъ тротуары, а спиртовой газъ освѣтитъ улицы. Тогда прогулка сдѣлается возможнѣе, и пожалуй, московскіе старожилы будутъ ходить пѣшкомъ. Одинъ эксцентрикъ англичанинъ, гуляя по Парижу, нашелъ, что городъ хорошъ и тѣмъ, что въ немъ можно часто и даромъ любоваться своею особою: столько зеркалъ и трюмо врѣзано въ простѣнкахъ магазиновъ. Ходя по московскимъ улицамъ, можно похвалить нашъ городъ за то, что въ немъ почти на каждой большой улицѣ можно запастись своимъ портретомъ, такъ расплодились у насъ дагеротиписты и фотографщики. Не смотря на конкуренцію, дѣла ихъ идутъ какъ нельзя лучше и, чтобы получить портретъ, иногда приходится ждать цѣлое утро, или записываться въ число кандидатовъ.

Маскерады, такъ недавно еще привившіеся къ московской жизни, сдѣлались необходимою потребностью зимнихъ вечеровъ. Перваго октября въ Купеческомъ Собраніи былъ первый маскерадъ. На этотъ разъ посѣтителей было не много и маскерадъ былъ мало оживленъ. Но это только еще начало. Въ залахъ, которыя были пусты въ октябрѣ, не будетъ мѣста зимою. Это вѣрно; но желательно было бы знать, доживемъ ли мы до той счастливой поры, когда маски будутъ щеголять—не разноцвѣтными домино, а умѣньемъ говорить, занимать, интриговать. Обычныя маски прошлыхъ зимъ были чопорны и скучны до нельзя.

Вѣроятно вы уже слышали, что въ Москвѣ будетъ циркъ, что ваши ловкіе наѣздники, граціозныя наѣздницы покинутъ зимою Петербургъ и переберутся къ намъ. Зданіе цирка почти уже окончено. Близъ остатковъ Большаго театра между Малымъ театромъ и Галереею князя Голицына построенъ большой деревянный балаганъ. Мы слышали, что внутри онъ будетъ отдѣланъ довольно роскошно; но когда начнутся представленія,

этого я сообщить не могу. Мѣсяцъ тому назадъ здѣсь много говорили о циркѣ, теперь же всѣ стали къ нему равнодушнѣе.

Заключу мой вѣстникъ извѣщеніемъ о смерти доктора Ѳ. П. Гаазе, который по своей благотворительности былъ извѣстенъ не только Москвѣ, но и цѣлой Россіи. Постоянный житель Москвы, онъ всю жизнь свою посвятилъ служенію страждущему человѣчеству, утѣшалъ больныхъ, помогалъ несчастнымъ и все раздавалъ бѣднымъ, такъ, что не оставилъ чѣмъ похоронить себя. «Никогда нечистый помыселъ, говоритъ г-жа Д. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не смущалъ его, никогда и тѣнь неправды не касалась его души. Состраданіе его доходило до самоотверженія, милосердіе до страсти, любовь къ человѣчеству до фанатизма.» Онъ неутомимо посѣщалъ тюрьмы, каждое воскресенье ѣздилъ на Воробьевы горы въ пересыльный замокъ; его не могли остановить ни непогода, ни распутица. Но не однѣми тюрьмами ограничивалась его благотворительная дѣятельность, онъ отыскивалъ бѣдныхъ, больныхъ, являлся вездѣ, гдѣ могъ помогать, утѣшать, успокоивать. Всѣ страждущіе были для него родные, и на нихъ-то онъ расточалъ всѣ сокровища своей души. Ѳ. П. Гаазе скончался въ преклонныхъ лѣтахъ. Послѣднія его минуты были достойны его жизни. Мы нѣсколько разъ, продолжаетъ г-жа Д. видѣли его въ продолженіе мучительной болѣзни и уносили отъ него глубокое чувство сердечнаго умиленія. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ не могъ лежать и постоянно сидѣлъ въ креслахъ. Благообразное лицо его выражало, по обыкновенію, доброту и привѣтливость. Онъ не только не жаловался на страданія, но ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни, и безпрестанно занимался бѣдными больными и заключенными, дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ дальній путь и старается, чтобы остающимся послѣ него было какъ можно лучше. Конецъ его былъ тихъ. Добраго старца похоронили на католическомъ кладбищѣ, на Веденскихъ горахъ. Миръ праху твоему, честный человѣкъ.

НОВЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Необходимость и польза критическаго взгляда на произведенія и статьи, помѣщаемыя въ журналахъ. — Когда у насъ началась критика на журналы, какъ продолжалась и нынѣ ведется? — Должно ли разбирать все, печатаемое въ журналахъ, и чѣмъ слѣдуетъ ограничиваться? — Сентябрскія и октябрскія книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». — Замѣчанія на «Замѣтки и воспоминанія о русской журналистикѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ», помѣщенныя въ іюльской книжкѣ «Пантеона». — Стихотворенія «Отечественныхъ Записокъ» и физіологія «Новаго-Поэта» въ «Современникѣ». — *Деревня*, повѣсть Ольги Н. — *Дневникъ* г-на Толстаго, и еще кое-что.

Обязанность литературнаго критика не легка, однообразна и утомительна.

Что правдивая литературная критика необходима и полезна, доказывать совершенно излишне. Это вопросъ, въ области искусства давно уже получившій законное рѣшеніе, на которое апелляцію могутъ подавать развѣ лишь бездарность и спекуляція. Не нравилось впрочемъ нѣкоторымъ, что въ новѣйшее время критика не ограничивалась однѣми книгами, или изданіями отдѣльными, но распространилась и на періодическія. Съ тѣхъ поръ, однакожъ, какъ журналы наши стали тоже книгами, томами, вмѣщающими въ себѣ всѣ роды, виды и отрасли литературы, повременники уже не могутъ быть изъяты отъ суда критики. Взаимно наблюдая составъ, достоинства и направленіе одинъ другаго, они, не даютъ другъ-другу ошибаться, сужденіями своими

одинъ о другомъ охраняютъ условія искусства, не допускаютъ монополіи или преобладанія литературныхъ мнѣній того или другаго журнала. Безспорно, въ сужденія эти иногда вкрадываются невѣрный взглядъ, кумовство, побужденія личныя, но другіе журналы настражѣ, и истина вскорѣ всплываетъ на верхъ. Съ другой стороны, самое противорѣчіе или ошибочное воззрѣніе въ сужденіяхъ служитъ на пользу искусства, потому что немедленно разъясняетъ и разрѣшаетъ встрѣчающіеся литературные вопросы.

Замѣчанія журналовъ одного на другой начались у насъ едва ли не одновременно съ первыми на Руси періодическими сборниками. И тогда уже, отъ времени до времени, указывали они на обоюдныя обмолвки. Альманахи двадцатыхъ годовъ, Московскій Телеграфъ и другіе журналы представляли иногда ежегодныя обозрѣнія литературы книжной и журнальной, въ общихъ очеркахъ, останавливаясь только на главнѣйшихъ или замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ. Въ исходѣ 1845 и въ началѣ 1846 года одна петербургская газета принялась было, въ столбцахъ своихъ, постоянно разсматривать содержаніе каждой книжки выходившихъ тогда толстыхъ журналовъ нашихъ. Это скоро ей наскучило, по многосложности и копотливости труда. Но примѣръ не остался забытымъ. Спустя годъ, и ежемѣсячные журналы наши отвели у себя мѣстечко подобному отдѣлу,— и первый, именно, Пантеонъ, въ 1848-мъ. Въ слѣдующемъ, 1849, въ Сынѣ Отечествѣ являлся «Петербургскій Вѣстникъ» или рядъ статей о новостяхъ театральныхъ, журналистики и общественной жизни столицы. Затѣмъ такого рода статьи показались и въ прочихъ журналахъ, и мало-по-малу обратились въ постоянные ихъ отдѣлы, какъ наиболѣе интересное и любопытное для публики, которая не можетъ или не хочетъ всего читать и видѣть сама. Одна только «Библіотека для Чтенія», да еще «Москвитянинъ» упорно уклонялись отъ усвоенія себѣ этого отдѣла. Библіотека года два или три тому назадъ, сильно возстала даже противъ укоренившагося обыкновенія журналовъ «обозрѣвать» другъ друга. Зачѣмъ, для чего, почему? говорила она. Это неделикатно: будемъ лучше молчать другъ о другѣ... пиши каждый по своему вкусу, уму и разуму, и проч. т. п. Другіе журналы собирались возразить Библіотекѣ, но оказалось излишнимъ. Библіотека на дѣлѣ отрѣклась отъ своихъ словъ. Вслѣдъ за статьею ея противъ журнальныхъ обозрѣній, точно такое же обозрѣніе незамедлило водвориться и въ самомъ журналѣ этомъ, куда «Иногородный подписчикъ» перенесъ изъ Современника свои письма о современной журналистикѣ русской. Москвитянинъ также, въ одно прекрасное утро, рѣшительно выступилъ съ критикой на своихъ петербургскихъ собратій. Тогда всѣ они сдѣлали общій другъ другу

или недругу поклонъ, исполненный тончайшей, истинно-рыцарской вѣжливости, подняли забрала, оградились щитами, надѣли непроницаемую броню, обнажили свои стальныя перья, и, съ этой незабвенной минуты стали, разбирать другъ-друга по ниточкѣ или, что́ называется, по косточкѣ.

Но въ каждомъ нумерѣ журнала около тридцати печатныхъ листовъ, слѣдственно пять, нынѣ существующихъ, представляютъ ежемѣсячно до ста пятидесяти листовъ или двѣ тысячи четыреста большихъ страницъ, мелкаго, убористаго шрифта. Возможно ли, физически, все это, отъ доски до доски, въ короткій срокъ какихъ нибудь двухъ или трехъ недѣль, прочитать и обсудить одному сотруднику, на долю котораго обыкновенно достается журнальное обозрѣніе? Возможно ли, да и нужно ли? Поэтому, критики журналовъ, не разъ напрасно пытавшіеся одолѣть всю эту громаду, ограничиваются теперь благоразумнымъ выборомъ изъ нея лишь того, что можетъ и должно подлежать сужденію, по чему-либо замѣчательно или вызываетъ замѣчанія, мнѣнія, возраженія. Переводное большей-чистью мимо. Балластныя, тяжелыя статьи — въ Лету, безъ ревизіи. Но зорко стережетъ критика произведенія оригинальныя, особенно по отдѣлу изящной словесности, разсказы, повѣсти, романы, стихотворенія, неусыпно наблюдаетъ за ходомъ подруги своей, критики разсматриваемаго журнала, не пропускаетъ извѣстнаго въ литературѣ имени, любимаго или нелюбимаго журнальнымъ обозрѣвателемъ, короче, обращаетъ строгое вниманіе на все, что́ выражаетъ собственно характеръ, отличительныя свойства или литературное направленіе того или другаго повременника,—что́ въ немъ, само собою бросается въ глаза читателю, и требуетъ болѣе или менѣе обстоятельнаго изслѣдованія, на пользу науки, искусства или чистой правды...

Послѣ этого маленькаго предисловія, взглянемъ именно на то, что ближе и прежде всего «бросается въ глаза» въ сентябрскихъ и октябрскихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника»...

Перелистывая сентябрскую книжку Отечественныхъ Записокъ и просмотрѣвъ живые ея отдѣлы: фельетонъ, библіографію, журналистику, съ удовольствіемъ видимъ, что въ послѣдней болѣе *пяти* страницъ посвящено *Замѣткамъ и воспоминаніямъ о русской журналистикѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ*, напечатаннымъ въ іюльской книжкѣ «Пантеона». Что же говорятъ о той статьѣ «Отечественныя Записки»: Такъ-какъ авторъ ея никогда не имѣлъ счастія пользоваться ихъ благоволеніемъ, то и не удивительно, что имъ трудно бы-

ло вымолвить доброе слово о новой его статьѣ. Проходя молчаніемъ адресуемыя къ нему выходки, едва ли справедливыя, если только выходки когда-либо могутъ быть справедливы, переходимъ прямо къ сущности строгихъ, черезъ чуръ взыскательныхъ замѣчаній на эти скромныя, отнюдь не притязательныя «Замѣтки». Важность содержанія или предмета статьи, въ смыслѣ опыта въ дѣлѣ исторіи журналистики русской, обязываетъ «Вѣстникъ» представить нѣкоторыя поясненія, требуемыя истиной, чтобы читатели, незнакомые еще съ этою статьею, не были введены въ недоразумѣніе отзывомъ о ней, не совсѣмъ безпристрастнымъ.

Первое, по порядку, обвиненіе критики Отечественныхъ Записокъ состоитъ въ томъ, будто бы авторъ «Замѣтокъ» постоянно ссылается на предъидущія свои сочиненія. Не угодно ли прислушать, чѣмъ и какъ доказывается справедливость этого нареканія. Редакція «Пантеона» сдѣлала къ «Замѣткамъ» примѣчаніе, что онѣ въ связи съ статьею, напечатанною въ 1851 году «Сына Отечества», и что обѣ, принадлежа одному и тому же автору, составляютъ послѣдовательное цѣлое, представляя собою краткій историческій обзоръ журналистики русской, отъ начала ея, съ 1755, по 1834 годъ. Эту фактическую выноску, это необходимое объясненіе — рецензентъ называетъ *самолюбивою* со стороны автора ссылкою на одну изъ прежнихъ статей своихъ, умалчивая притомъ, что примѣчаніе сдѣлано не авторомъ, а *редакціей*...

Говоря о прекращеніи «Русскаго Вѣстника» подъ редакціею Н. А. Полеваго, авторъ «Замѣтокъ» упомянулъ, между прочимъ, что обстоятельства этого прекращенія были ему хорошо извѣстны по поводу предназначавшейся для послѣдняго нумера этого журнала повѣсти его «Аристократка» — рецензентъ опять утверждаетъ, что это самолюбивое напоминаніе!

Приступая къ характеристикѣ Воейкова, авторъ счелъ не лишнимъ пояснить, что будетъ говорить о немъ не по наслышкѣ или преданію, потому что зналъ его лично, будучи его сотрудникомъ—критикъ снова коритъ автора самолюбіемъ. Какое же тутъ самолюбіе, когда для непосредственнаго подтвержденія приводимаго мнѣнія, говоришь, что лично зналъ человѣка, находился съ нимъ въ сношеніяхъ? И такъ далѣе.

Далѣе рецензентъ переходитъ къ мнимому разбору самой сущности статьи, выбираетъ изъ нея тамъ и сямъ по нѣсколько строкъ, лишенныхъ въ сдѣланныхъ выпискахъ предъидущаго и послѣдующаго, и толкуя эти строки, не затрудняется постановлять рѣшенія, въ неспра-

ведливости которыхъ прежде всѣхъ убѣжденъ, разумѣется, самъ рецензентъ. Вотъ доказательства.

Критикъ Отечественныхъ Записокъ говоритъ, будто бы у насъ «давно уже начали поговаривать объ исторіи журналистики русской», но не прибавляя, что это и кончилось *разговорами*, и дальше никто не пошелъ, старается увѣрить читателя, что опытъ, представленный въ «Пантеонѣ», ровно никуда не годится, потому что авторъ не такъ понялъ вопросъ. Онъ считаетъ необходимымъ: а) перечень журналовъ, издававшихся въ Россіи; б) годы, когда эти журналы издавались; в) имена ихъ редакторовъ и г) содержаніе, или, какъ выражается рецензентъ, *оглавленіе* книжекъ. Дѣйствительно, авторъ считалъ это необходимымъ, основнымъ, и полагаемъ, что каждый читатель будетъ того же мнѣнія. Но *необходимое* не значитъ еще исключительное. Назвавъ журналы, когда-либо у насъ издававшіеся, означивъ годы ихъ существованія, поименовавъ редакторовъ, приведя, гдѣ находилъ умѣстнымъ, оглавленія нѣкоторыхъ книжекъ, чтобы дать читателямъ понятіе объ ихъ *составѣ*, развѣ авторъ ограничился одною этою номенклатурою, развѣ не характеризировалъ довольно подробно главнѣйшихъ и даже второстепенныхъ журналовъ, не сказалъ о каждомъ, по возможности, хотя нѣсколькихъ словъ, смотря по значенію, бо́льшей или меньшей извѣстности каждаго журнала и степени обращенія его въ публикѣ въ свое время, и, кромѣ *частной* оцѣнки, не сдѣлалъ развѣ онъ *общихъ* выводовъ, въ концѣ обѣихъ статей, въ «Сынѣ Отечества» и «Пантеонѣ» напечатанныхъ? Можно не соглашаться съ этими выводами и оцѣнкою, но нельзя утверждать, что ихъ вовсе будто бы нѣтъ въ разсматриваемой статьѣ. Читатели, неполагаясь на одни только журнальные отзывы, непремѣнно заглянутъ въ самую статью и — увидятъ въ ней совершенно противное тому, что говоритъ рецензентъ.

Второй мнимо-существенный укоръ его состоитъ въ томъ, что авторъ опустилъ, будто бы, «*самое главное*, именно взглядъ на *журнальную* литературу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ — эпоху полнаго процвѣтанія *романтизма* и у насъ, и за границей, и опустилъ это обстоятельство до такой степени, что даже слово *романтизмъ* ни одного раза не упомянуто въ статьѣ». Помилуйте, сто разъ помилуйте! Да что же вся статья эта, какъ не взглядъ на журнальную литературу тѣхъ годовъ, не сжатое или *краткое* ея обозрѣніе, въ *общихъ* чертахъ, въ *бѣгломъ* историческомъ очеркѣ? Не самъ ли авторъ сказалъ и доказалъ въ началѣ статьи (стран. 1—4), что не будетъ и что нельзя, не должно вдаваться, въ подобномъ случаѣ, въ частности, подробности, мелочи, что это множество повременниковъ, эти

тысячи журнальныхъ книжекъ «не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ подвергнуты *одиночному* разбору»? Не прибавилъ ли онъ, что, не слѣдуя обычаю всесторонннхъ обозрѣвателей нашихъ, которые никакъ не хотятъ ограничиться избраннымъ предметомъ, захватывая все соприкосновенное съ нимъ, все его окружающее,—о литературѣ, о писателяхъ будетъ говорить на столько лишь, на сколько они были причастны самой журналистикѣ. Такъ ли? Чего же хочетъ, чего требуетъ взыскательный критикъ? Возобновленія пустыхъ, нелѣпыхъ, ничего не прибавляющихъ и всѣмъ страшно надоѣвшихъ толковъ о классицизмѣ и романтизмѣ, скучнаго резонерства, неумѣстныхъ педантическихъ разглагольствій? Напротивъ, авторъ можетъ даже вмѣнить себѣ въ заслугу, что избѣжалъ всѣхъ этихъ общихъ мѣстъ и не произнесъ ни разу избитаго слова «романтизмъ», которымъ желающіе вольны наслаждаться на досугѣ! А впрочемъ, не сказалъ ли онъ, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ дѣйствовали «Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ (представители *романтизма*, если вамъ угодно) съ блистательными плеядами замѣчательныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ», что, въ это время, литература наша, «мало-по-малу, оставляя дорогу *заимствованія* (другими словами, ложный *классицизмъ*), проникалась чувствомъ и содержаніемъ народности»; что въ это же время явились у насъ «повѣсти и *романтическія* поэмы, беллетрическіе разсказы, превосходныя стихотворенія, исторія и *романъ*, журналы и альманахи съ критикой и обозрѣніями» (стран. 4)? Не приведены ли всѣ эти указанія, которыя рецензентъ вѣроятно *просмотрѣлъ*? Изъ періода, въ которомъ они заключаются, онъ беретъ только *четыре послѣднія* строчки и выдаетъ ихъ за полный будто-бы отзывъ автора о литературѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Такъ точно поступаетъ рецензентъ и въ другихъ случаяхъ, когда обвиняетъ автора въ недостаткѣ сужденія о томъ или другомъ журналѣ и неполнотѣ характеристики того или другаго журналиста: онъ вырываетъ изъ послѣдовательныхъ періодовъ нѣсколько строкъ, какое нибудь мѣсто, тѣсно связанное съ предъидущимъ и дальнѣйшимъ, и торжественно, съ побѣднымъ видомъ, восклицаетъ: «вотъ что *только* сказано!»

Именно подобнымъ образомъ поступаетъ г. рецензентъ, при указаніяхъ на сужденія, наприм. о гг. Булгаринѣ и Полевомъ (Н. А). О каждомъ изъ «Замѣтокъ» приводитъ онъ по *шести* строкъ, и говоритъ: «вотъ отзывъ о г. Булгаринѣ, вотъ мнѣніе о Полевомъ, какъ о журналистахъ», тогда-какъ о первомъ читатель находитъ въ «Замѣткахъ» болѣе *четырехъ*, о послѣднемъ не менѣе *девяти* страницъ. Ка-

жется, довольно! На этихъ тринадцати страницахъ исчислены всѣ періодическія изданія обоихъ, прослѣжено все ихъ журнальное поприще, представлена характеристика ихъ, на сколько это возможно въ настоящее время, на сколько допускалось предѣлами и условіями краткаго обозрѣнія.

Рецензентъ сожалѣетъ, что авторъ не довольно распространился о полемическихъ журнальныхъ ошибкахъ того времени. По мнѣнію рецензента (см. стран. 64-ю упоминаемой хроники), изъ описанія-то этихъ ошибокъ и полемики «и должна состоять исторія журналистики». Нѣтъ, росказнями о полемикѣ, критикахъ и антикритикахъ нельзя наполнять никакой исторіи. Достаточно одного указанія на то, что эта полемика тогда-то происходила, и на слѣдствія, результаты ея. А это, кажется не упущено въ «Замѣткахъ» (см. стран. 11, 36—38).

Выше было уже сказано, что, для сообщенія читателю ближайшаго понятія о содержаніи или составѣ нѣкоторыхъ журналовъ, приведены авторомъ оглавленія книжекъ, наиболѣе удовлетворявшихъ программѣ того или другаго журнала. Рецензенту не нравится эта простая, ясная система. Ему хотѣлось бы, чтобъ авторъ исчислилъ, разобралъ содержаніе всѣхъ нумеровъ каждаго журнала. Почтенный критикъ, вѣроятно, не сообразилъ, что для такого труда (и къ чему-бы онъ повелъ?) нужны десятки лѣтъ, десятки томовъ и соединенныя усилія десяти литераторовъ.

Между прочимъ, онъ ставитъ автору въ вину мнимое умолчаніе о числѣ книжекъ «Славянина», которыхъ было, де, 156. Но, помилуйте, развѣ въ «Замѣткахъ» не сказано (см. стран. 21 и 24), что «Славянинъ», въ 1827—1830 г., выходилъ *еженедѣльно* тоненькими книжками, что за четыре года и составитъ не 156, а 208 нумеровъ. Кчему непремѣнно цифры, на которыя рецензентъ сперва нападалъ, требуя отъ автора побольше *разсужденія*, отвлеченности, и которыя потомъ самъ признаетъ не лишними.

На стран. 63 рецензентъ объясняется такъ, какъ будто-бы авторъ ни слова не сказалъ о «Телескопѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ» и другихъ тогдашнихъ журналахъ, и преимущественно трактовалъ о «Сѣверной Пчелѣ». О послѣдней не умолчали, потому что странно было-бы не упоминать объ изданіи, существующемъ около 30 ти лѣтъ. Однакожъ ей посвящено всего только двѣ съ половиною страницы, и сказано дальше, сколько слѣдуетъ, о Телескопѣ, Московскомъ Вѣстникѣ, и прочихъ повременникахъ. Ни къ одному изъ нихъ авторъ не

обнаружилъ ни малѣйшаго пристрастія. Ни Сѣверный Архивъ, ни Благонамѣренный, ни Отечественныя Записки Свиньина, особенно его не привязывали: о каждомъ журналѣ отдѣльно и обо всѣхъ вообще говорилъ онъ безъ всякаго увлеченія, по крайнему своему разумѣнію, и еслибъ справедливо было нарѣканіе рецензента касательно личныхъ воспоминаній автора, то наибольшее удобство обратиться къ нимъ представлялось ему именно при словѣ о «Сѣверной Пчелѣ», которой нѣсколько лѣтъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Однакожъ, авторъ статьи и не упомянулъ даже объ этомъ сотрудничествѣ—такъ мало занимали его личныя воспоминанія, которыя, впрочемъ, не неумѣстны были бы въ статьѣ, названной «Замѣтками и воспоминаніями». Кстати—эти, повторяемъ, непритязательныя замѣтки рецензентъ постоянно трактуетъ—какъ «*исторію русской журналистики*», предъявляя требованія совершенно-исторической полноты и неукоризненности. Много чести, и авторъ долженъ сказать спасибо! Значитъ, «Замѣтки» его даютъ болѣе нежели, обѣщаютъ. Тѣмъ не менѣе, г-ну рецензенту, для нѣкотораго ограниченія своихъ слишкомъ взыскательныхъ и обширныхъ требованій, не мѣшало бы, между-прочимъ, имѣть въ виду сказанное на стран. 4-й. «Замѣтокъ», а именно, что въ критическихъ *взглядахъ* на литературу, «у насъ нѣтъ недостатка, тогда какъ поле исторіи *журналистики* нашей совершенно еще не вспахано, и по немъ проводятся еще *первыя* борозды». Еслибъ догадливому рецензенту угодно было вникнуть въ смыслъ этихъ словъ, то онъ, конечно, понялъ бы, что *первая*, по недостатку пріуготовительныхъ матеріяловъ, весьма трудная для всякаго попытка—заслуживала бы болѣе снисхожденія и благодарности. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, понялъ дѣло и вопросъ другой, болѣе справедливый къ автору критикъ. Имѣя предъ собою два противоположныя мнѣнія объ одной и той же статьѣ, публика, безъ сомнѣнія, не пристанетъ къ безусловному порицанію, тѣмъ болѣе, что рецензентъ О. З., среди своихъ сарказмовъ, невольно проговаривается фразами, въ родѣ слѣдующей: «наши критики, забывъ другія достоинства произведеній г. Бранта». (стр. 61) и т. д.

Но довольно! «Отечественныя Записки» очевидно были не въ духѣ, и *сентябремъ* посмотрѣли, какъ на «Замѣтки», помѣщенныя въ Пантеонѣ, такъ и на весь Пантеонъ. Имъ, между прочимъ (см. «Смѣсь», *Петербургскія Замѣтки*, стран. 90) не понравилось, что къ этому журналу трудящіеся для него художники приложили портретъ его издателя и редактора. Отечественнымъ Запискамъ, вѣроятно, было-бы пріятнѣе, видѣть другой дагеротипъ. Но Пантеонъ не можетъ и не обязанъ, гадывать всѣ вкусы и привязанности.

О статейкѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Замѣтокъ и воспоминаній», «Современникъ» выразился такъ: «Въ отдѣлѣ журналистики редакція вступаетъ въ полемическую борьбу съ извѣстнымъ авторомъ «Аристократки» и «Жизни, какъ она есть»... Для полноты посредничества, «Современнику слѣдовало-бы прибавить: «и, между прочимъ, повѣсти «Rendez-vous», которая, безъ подписи имени автора, была напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія» 1850 года и превознесена похвалами въ «Современникѣ». *

Перейдемъ теперь къ поэзіи въ тѣхъ же журналахъ. Сентябрская книжка «Отечественныхъ Записокъ» предлагаетъ пять стихотвореній. Два изъ нихъ принадлежатъ г-ну Е. Вердеревскому, одно г-ну Н. Огареву, и подъ двумя подписано Т. Ч., — псевдонимъ сочинительницы очень милыхъ повѣстей, менѣе счастливой въ стихахъ. Относительно, лучшее изъ стихотвореній г. Огарева, «Старикъ», хотя въ немъ поэтъ повторяетъ мысли и положенія, снискавшія ему уже прежде благосклонность критиковъ. Остальныя стихотворенія довольно слабы, и мы удивляемся, почему «Современникъ», въ октябрскомъ нумерѣ, почти цѣликомъ, въ видѣ критики, перепечатываетъ эти стихотворенія, вмѣстѣ съ пьескою г. Огарева. Но, чтобъ не остаться въ долгу у читателей, «Современникъ», въ томъ же нумерѣ, даритъ имъ и новость стихотворную, гораздо болѣе удачную, нежели пѣснопѣнія г. Вердеревскаго и Т. Ч. Это шуточное стихотвореніе дѣйствительно такъ хорошо, «умно», по точному выраженію «Современника», что нельзя не привести вполнѣ остроумной пьески. Она называется:

* Вотъ что именно сказалъ онъ объ этой повѣсти: «Февральская книжка Библіотеки для Чтенія, хотя и тонка, но составлена весьма недурно. Тамъ продолжается *Замосковная лѣтопись* и помѣщена небольшая (въ 50 страницъ) повѣсть, подъ названіемъ *Rendez-vous*. Повѣсть эта очень жива, читается съ удовольствіемъ; она основана на идеѣ, всѣмъ доступной и весьма драматической: въ ней разсказываются грустныя похожденія стараго холостяка, изнывающаго подъ тяжестью своихъ сорока лѣтъ и, въ слѣдствіе своего грустнаго, жалкаго одиночества, почти утратившаго всѣ добрыя качества. Я по крайней мѣрѣ такъ понялъ основную мысль повѣсти, и долженъ признаться, что мысль эта стоитъ десяти повѣстей, трехъ романовъ, одной драмы и цѣлаго трактата. Кажется, что можетъ быть обыкновеннѣе разсказа о горестяхъ отцвѣтшаго волокиты, одинокаго человѣка, стараго холостяка, а между тѣмъ, я почти не знаю хорошихъ произведеній, писанныхъ на эту тему» и проч., — страницы двѣ размышленій по поводу этой повѣсти (*Современникъ*, мартъ 1850. Смѣсь, страницы 94, 95 и далѣе). Замѣчательно, что когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ январской 1851 года книжкѣ «Пантеона», явилась, съ подписью автора, другая повѣсть того же автора, «Мизничикъ Мери», тотъ же «Современникъ» страшно вооружился противъ нея.

ФИЗІОЛОГІЯ НОВАГО-ПОЭТА.

Фельетонъ въ стихахъ.

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой-то господинъ
О бонъ-тонѣ разсуждаетъ,
Какъ въ «дворянствѣ мѣщанинъ.

Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ,
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны свѣта сообщилъ.

Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Каленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ!

Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портнаго
Брань на мыслящихъ людей.

Снобсовъ жалкаго витію
Онъ собой изобразилъ
И на цѣлую Россію
Вдругъ печатно протрубилъ,

Что онъ за просто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ какъ lionceau!

(Князь, всему извѣстно міру,
Зналъ приличія всегда:
Не пускалъ къ себѣ въ квартиру
Пьяныхъ франтовъ никогда).

Съ той поры онъ въ фельетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ,
Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ купилъ,

Что его (до мелкой пряжки)
Славный Шармеръ одѣвалъ,
Что голландскія рубашки
Утро каждое мѣнялъ.

Онъ не можетъ похвалиться
Ни талантомъ, ни умомъ:
Пусть себѣ хоть отличится
Передъ публикой бѣльемъ,—

И притомъ, ему, бѣдняжкѣ,
Диво, рѣдкость, новизна
Въ свой кружокъ придти въ рубашкѣ
Дорогаго полотна.

Въ свой романъ каррикатурный
Втиснулъ онъ друзей своихъ,
И журналъ литературный
Сдѣлалъ органомъ портныхъ...

Но журнальнаго букашку
Не замѣтилъ модный свѣтъ,
Какъ въ голландскую рубашку
Ни рядился нашъ поэтъ!

При похвалахъ этой стихотворной шуткѣ, въ «Современникѣ» прибавлено, что, впрочемъ, Новый-Поэтъ «съ дѣтства былъ окруженъ порядочными людьми, обернутъ въ тонкое полотно при самомъ рожденіи», и что «сатирами, эпиграммами преслѣдуютъ *великихъ людей*» (тамъ же, стран. 234-я).

Далѣе «Новый поэтъ», говоритъ слѣдующее:

«Какъ истинный поэтъ, лѣтомъ я дышу съ природой одной жизнью... становлюсь счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ .. и вмѣстѣ безкорыстнѣйшимъ... лѣтомъ я смотрю на деньги съ отвращеніемъ,—лѣтомъ мнѣ вовсе не нужны деньги. Лѣтомъ я сбрасываю съ себя всѣ мои снобскія наклонности и влеченія... Но едва я переѣзжаю въ городъ, всѣ *мои снобскія склонности и страстишки* вдругъ снова закипятъ во мнѣ и всплывутъ наружу: жадность, алчность, зависть, корыстолюбіе овладѣютъ мною, опутываютъ меня, какъ змѣи Лаокоона, и я, задыхающимся голосомъ, кричу: денегъ, денегъ! Слава Богу, что я не журналистъ: я былъ бы ужасенъ осенью, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ у меня было десять тысячъ подписчиковъ — все равно! Успѣхъ моего собрата по журналистикѣ терзалъ и раздиралъ бы меня: при наступленіи подписки я употреблялъ бы всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобъ повредить ему; я созвалъ бы моихъ прислужниковъ фельетонистовъ (!?) и сказалъ бы имъ: надобно хорошенько отдѣлать журналъ этого господчика .. понимаете?.. объяснить публикѣ, что это журналъ пло-

хой, что подписываться на него не стóитъ; что онъ издается человѣкомъ ненадежнымъ, который, напримѣръ, сидитъ всякій день у Дюссо, а о журналѣ не заботится .. замѣтить, въ этакомъ, напримѣръ, родѣ... предложить что ли вопросъ читателямъ: чтó намъ представилъ въ нынѣшнемъ году этотъ журналъ?.. Повѣсть такого-то? — но она слаба; романъ такого-то? но это самое неудачное его произведеніе... Больше напирать на то, что тамъ все переводы, одни переводы, что одна была недурная, оригинальная вещица—объ этомъ нельзя не намекнуть для приличія—но что, молъ, и она выйдетъ отдѣльно, въ исправленномъ и улучшенномъ видѣ... Да Дюссо-то не забудьте, Дюссо—то главное» (смѣсь стр. 229 и 230). Неужели въ самомъ дѣлѣ Дюссо-то главное? Странно! Съ нѣкотораго времени, въ «Современникѣ» только и слышишь—Дюссо, Дюссо, Дюссо! Чтó общаго между трактиромъ и литературою; какое дѣло читателямъ, гдѣ кто и какъ обѣдаетъ или свои проводитъ вечера... пьетъ-ли лафитъ, хересъ или просто настойку? Сдѣлайте одолженіе, господа—просимъ во имя Аполлона, всѣхъ девяти музъ и трехъ грацій—избавьте насъ отъ этой трактирной литературы, отъ этихъ тривіальныхъ росказней, никому не интересныхъ и слишкомъ мало забавныхъ.—«Скажите, пожалуйста,» спросили недавно одного джентльмена: «какое, по вашему мнѣнію, направленіе такого-то журнала?» *Направленіе* къ Дюссо, отвѣчалъ тотъ пресерьёзно.

Не угодно-ли, напримѣръ, заглянуть въ слѣдующую 231-ю страницу Смѣси Современника— имя Дюссо повторяется тамъ ровнехонько десять разъ? И, позвольте еще спросить, какіе это фельетонисты — «прислужники», которымъ редакторы заказываютъ будто-бы похвалу или порицаніе того или другаго журнала. Сколько извѣстно, такихъ фельетонистовъ не существуетъ. Ни одинъ порядочный сотрудникъ, ни одинъ сколько-нибудь уважающій себя литераторъ, не возьмется за такую роль. Да едва ли и рѣшатся предложить ему что-либо подобное... А еслибъ это и случилось, по недоразумѣнію, то непремѣнно полагать надобно, сотрудникъ вѣжливо откланяется журналисту и холодно скажетъ ему: «благодарю покорно! Обратитесь къ кому нибудь другому съ порученіемъ такого рода, или приведете его въ исполненіе лично, собственною своею особою!» Сотрудникъ пишетъ по личному своему убѣжденію, которое можетъ быть и ошибочно... Онъ можетъ быть иногда пристрастенъ, несправедливъ, увлекаясь недоброжелательными отношеніями, ложнымъ вкусомъ или воззрѣніемъ: но трудно и горько предположить, чтобъ существовалъ литературный, такъ сказать, подкупъ. Безъ сомнѣнія, только неограниченная поэтическая фантазія, излишніе юморъ и сарказмъ могли внушить баснословному «Новому-Поэту»

такія неутѣшительно-невѣрныя мысли, столь обидныя для литературы подозрѣнія. Вѣдь онъ, конечно, не могъ слышать подобной стачки журналистовъ съ сотрудниками, и она, вѣроятно, бездоказательно родилась лишь въ его шаловливо-настроенномъ или мнительномъ воображеніи. Отношенія сотрудника къ журналисту довольно независимы: они взаимно одолжаютъ другъ друга. Первый беретъ условленное вознагражденіе за свои статьи, безъ которыхъ послѣдній обойтись не можетъ. Недостатокъ ихъ вредитъ составу журнала и даже останавливаетъ его выходъ. Вы скажете—журналистъ богаче сотрудника. Не всегда. Талантливый, свѣдущій, опытный сотрудникъ безъ работы, не останется. Не поладивъ съ однимъ журналистомъ, онъ немедленно получаетъ лестное приглашеніе другаго, или издаетъ труды свои отдѣльно. Скажите же, на-милость, любезный «Новый-Поэтъ», ужъ если вамъ необходимы доводы вещественные, внѣшніе, и недостаточно ручательствъ нравственныхъ — скажите, изъ чего сотрудникъ, забывъ болѣе или менѣе свойственную каждому благородную гордость, станетъ подлуживаться или, по вашему выраженію, «прислужничать» какому-бы то ни было журналисту, хотя бы это былъ самъ Ротшильдъ или Монте-Кристо? Положимъ, что и случались печальныя исключенія, но даже и въ такомъ неправдоподобномъ, исключительномъ случаѣ, который правила не составляетъ, должно ли выносить соръ изъ избы или изъ душныхъ столовыхъ Дюссо?

Но нашъ «Новый Поэтъ» ничего не слышитъ, не хочетъ слышать. Онъ опять, неизмѣнно, ведетъ читателя къ своему милому Дюссо, продолжая такъ, въ словоизвитіяхъ той же 231-й страницы:

«Да кто-жъ и не обѣдаетъ у Дюссо (всѣ тѣ, которые предпочитаютъ обѣдать у себя дома, въ семействѣ)? но дѣло не въ томъ. Я осенью отыскиваю несуществующій сучокъ въ глазѣ моего ближняго, не замѣчая бревна въ собственномъ, какой-бы величины оно ни было и подъ какой-бы формой ни бросалось въ глаза другимъ: въ формѣ ли блестящаго экипажа съ красными колесами, орловскихъ рысаковъ, мебели Гамбса, шляпки отъ г-жи Андріё, батистовой, вышитой рубашки отъ Лепретра (опять тонкія рубашки!) и проч. Принявъ глубокомысленный и ученый видъ, я самъ пользовался-бы всѣми удовольствіями, бросалъ деньги на женщинъ, на свой и ихъ туалетъ, на театры, экипажи, мебели; я помѣшался-бы на старости лѣтъ на свѣтскости, а другимъ, то есть моимъ соперникамъ, не позволилъ-бы разъ въ мѣсяцъ скромно отобѣдать у Дюссо! Мнѣ казалось-бы, что ѣздить въ собственномъ экипажѣ, имѣть большую квар-

тиру, талантливыхъ сотрудниковъ, покупать гамбсовскую или туровскую мебель, любить хорошенькихъ женщинъ, восхищаться игрою г-жи Рашель или голосомъ г-жи де-ла-Гранжъ, и прочее и прочее, могу только я одинъ изъ всѣхъ журналистовъ. Эта мысль могла-бы наконецъ у меня дойти до помѣшательства».

Совершенно справедливо. Сосредоточенность на какой-нибудь фантастической мысли дѣйствительно можетъ произвесть нѣкоторое разстройство направленныхъ въ одну сторону умственныхъ способностей. Въ заключеніе «Новой-Поэтъ» чистосердечно сознается, что все сказанное имъ выше—*выдумка, фантазія!* Вотъ подлинныя слова его:

«Осень дѣйствуетъ дурно и не на одного меня: ея безнравственному вліянію подвергаются немного и другіе журналисты и литераторы: фельетонисты, поэты, критики и прочіе и прочіе. Къ осени у всѣхъ насъ разливается желчь, мы разсказываемъ другъ о другѣ (будто бы?) такія вещи, что намъ самимъ даже дѣлается страшно, вещи, которыя могутъ *выдумать* только *поэты*, люди раздражительные и съ сильной фантазіей: мы пишемъ другъ на друга эпиграммы и сатиры» (стран. 231—232). Фантазіи, да и только! Невольно вспомнишь извѣстное стихотвореніе Лермонтова: «Журналистъ, читатель и писатель».

Пропуская дальнѣйшія разглагольствія словоохотливаго «Новаго-Поэта», остановимся только на послѣднихъ строкахъ его, адресуемыхъ къ «Пантеону», котораго преобразованіе и улучшеніе въ послѣдніе два года, благосклонно принимаемыя публикою, нѣкоторымъ сильно не нравятся.—«Замѣтимъ», заключаетъ «Новый-поэтъ»:—«замѣтимъ, что при послѣднемъ нумерѣ изданія «Пантеонъ» (т. е. не при послѣднемъ, а при *іюльскомъ*, послѣ котораго въ свое время вышли августовская и сентябрская книжки) мы получили, въ видѣ приложенія, портретъ его редактора, г. Кони, имя котораго еще такъ недавно читала публика рядомъ съ именемъ Грибоѣдова.... на одномъ изъ транспарантовъ павловскаго воксала, въ бенефисѣ Іосифа Гунгля» (стран. 239). Такъ-какъ подобная фраза не разъ произнесена уже и другими гг. фельетонистами, то не излишне будетъ припомнить, что произвольное сочетаніе именъ на «помянутыхъ» транспарантахъ, прежде всѣхъ другихъ журналовъ и газетъ, осуждено было именно самимъ Пантеономъ, и въ той именно книжкѣ его, на которую указываетъ г-нъ «Новый-Поэтъ». Буквально повторимъ сказанное въ ней на этотъ счетъ: «Фасадъ воксала, соотвѣтственною уборкою обращенный въ храмъ Аполлона и музъ» (о Аполлонъ и музы, помогите!) обвивался зелеными пальмами,—разумѣется, искусственными, огневыми,—живописными гирляндами и круглыми транспарантами съ именами русскихъ писателей, художниковъ, артистовъ, ком-

позиторовъ, *живыхъ* и мертвыхъ или безсмертныхъ, чѣмъ отчасти нарушалась скромность *первыхъ*, каторые, конечно, *не домогались этого почета* и *не хотѣли* заживо быть помѣщенными въ храмъ безсмертія, да еще и съ грамматическими ошибками, едва ли снискавшими одобреніе музъ и Аполлона. За исключеніемъ *этой, не совсѣмъ удачно придуманной и исполненной*, фамильной выставки знаменитостей, все остальное отличалось вкусомъ и даже изяществомъ» (см. *Петербургскій Вѣстникъ*, стран. 33). Кажется, послѣ подобнаго замѣчанія со стороны самаго «Понтеона» не слѣдовало бы впутывать его редактора въ не относящіяся къ нему нимало лѣтнія загородныя увеселенія. Устроитель ихъ въ Павловскѣ, извѣстный и талантливый декораторъ, г. Вальцъ, охотно сознаетъ себя единственнымъ, невиннымъ виновникомъ сказаннаго сочетанія именъ на транспарантахъ, въ увѣренности, что гг. взыскательные фельетонисты великодушно простятъ ему недостаточныя его свѣдѣнія въ измѣреніи *высоты* и сравнительнаго значенія представителей прежней и современной литературы русской. Дѣло щекотливое, а транспаранты приготовлялись на скорую руку....

Поиски наши въ области поэзіи или стихотвореній были напрасны: они перенесли насъ не въ міръ возвышенной фантазіи поэтической, а въ предѣлы тусклыхъ произведеній той болѣзненной фантазіи, которую рождаетъ желчь самолюбія литературнаго или соревнованія журнальнаго. Не будемъ ли счастливѣе въ отдѣлѣ прозы или изящной словесности? Сентябрская книжка «Отечественныхъ Записокъ» открывается небольшою, въ 26 страницъ, повѣстью г-жи Ольги Н., подъ заглавіемъ: «Деревня».

«Деревня!» О какъ отрадно и сладостно иногда, отъ шума и громадъ городскихъ, воображеніемъ перелетѣть въ тихій пріютъ сельскій; отъ сумрачныхъ дней осени возвратиться къ яснымъ, теплымъ днямъ цвѣтущаго лѣта, посреди живописной природы, привлекательныхъ красотъ разнообразной мѣстности, отъ суеты свѣтской къ безмятежному быту какой-нибудь очаровательной глуши, гдѣ жизнь бьетъ изъ чистаго родника, безъ примѣси пустыхъ страстей и обманчивыхъ увлеченій. Но читатель ошибется, если примется за эту повѣсть съ подобными мечтательными ожиданіями, и не найдетъ въ ней пищи своему вдохновенному созерцанію. Въ «Деревнѣ» г-жи Ольги Н. нѣтъ собственно деревни: здѣсь опять на сценѣ модный свѣтъ, порядочно уже наскучившій всѣмъ въ повѣстяхъ. За какою-то вымышленною графиней, молодою, холодно-кокетливою вдовушкою, отъ нечего дѣлать, безъ сердечнаго сочувствія, ухаживаетъ «коренной, но праздный *петербуржецъ*» (стран. 1), Валентинъ Павловичъ Радомскій. — «Ему слу-

чалось», какъ говоритъ сочинительница, не подозрѣвая любви женщины, повѣрять ей чувства, ее оскорбляющія, не понимать тайны слезъ, не останавливаться на значеніи страшныхъ жертвъ, ему принесенныхъ. Часто бывало досадно на эту неловкость Радомскаго, придававшую ему наружность эгоизма, вовсе чуждаго его природѣ» (стран. 2—3). И тѣмъ досаднѣе, что Радомскій былъ молодъ и хорошъ собою, особенно, когда «оправлялъ передъ зеркаломъ свою бороду и каштановые волосы». А «надобно сознаться», продолжаетъ сочинительница, «избытокъ молодости привлекательнѣе всего на свѣтѣ для иныхъ женщинъ». Умныя женщины, потому-что смѣшно-же влюбляться въ семидесятилѣтнихъ стариковъ! — Радомскій засталъ графиню впервые на ея «любимомъ маленькомъ диванѣ. На ней было до прозрачности легкое платье, а головной уборъ замѣняла *пунцовая* сѣть съ *бѣлой* бахрамой, которая длинными нитями падала на шею и полуоткрытыя плечи, свѣжія и полныя». Изволите видѣть, что это дѣйствительно не деревня, а городъ, столица даже — Петербургъ, Москва, Вѣна, Лондонъ, Парижъ, короче—модная великосвѣтскость! Героиню свою сочинительница, между прочимъ, изображаетъ такъ: «графиня была посвящена во всѣ тайны *искусства нравиться*, тайны, впрочемъ, доступныя всякой женщинѣ, при извѣстномъ изяществѣ пріемовъ, поверхностномъ знаніи свѣта и двухъ, трехъ иностранныхъ языковъ. Она безъ сожалѣнія тратила жизнь на самыя безцвѣтныя похожденія, которыя не сопровождались ни теплымъ чувствомъ, ни даже сантиментальностью. Ея тщеславію нужны были успѣхи, и она не слишкомъ затруднялась въ выборѣ; молвы боялась и въ свѣтѣ была крайне-осмотрительна съ своими поклонниками, пока не успѣвала сообщить имъ открыто значенія людей не опасныхъ. Въ слѣдствіе такого разсчета, она бо́льшей частью была незавидно окружена. Порядочные люди скоро отказывались отъ смѣшной роли и неблагодарнаго труда; отставали отъ графини и говорили о ней безъ всякой пощады, на что́, правду сказать, они имѣли положительныя права. Женщины также не любили *ея* (то-есть *ее*) иныя изъ зависти къ ея красотѣ и многимъ, хотя блѣднымъ успѣхамъ, а всѣ вообще за ея приверженность къ своему свѣтскому значенію и невсегда оправданныя претензіи на безукоризненность вкуса и привычекъ... Послѣ двухчасовой бесѣды, Радомскій пользовался не только правами короткаго знакомства, но и привилегіями, недоступными многимъ изъ записныхъ поклонниковъ графини. Она предложила ему курить; онъ *благодарилъ* и поцѣловалъ руку, подавшую ему пахитосы. Потомъ, умышленно или случайно, съ ноги графини упала туфля, ее поднялъ Радомскій и самъ обулъ крошечную ногу» (5—6). Ну,

городъ, рѣшительно городъ! въ деревнѣ такъ скоро не знакомятся коротко.

Разговоръ ихъ тоже не деревенскій, а истинно великосвѣтскій, тонкій, иногда не совсѣмъ понятный для простыхъ деревенскихъ умовъ, какъ напримѣръ, слѣдующее разсужденіе г. Радомскаго: «Мнѣ кажется, что всякому трудно разъигрывать чужую роль, а мнѣ это совершенно невозможно. Вѣрьте, впрочемъ, графиня, что многимъ молодымъ людямъ очень дорого приходится *вовсе не подъигранное* равнодушіе».

Графиня и Радомскій вмѣстѣ совершаютъ сельскія прогулки. Однажды «дорога имъ лежала лѣсомъ... свѣжѣе обыкновеннаго казалось лицо графини, *обрамленное* широкими полями соломенной шляпы и лиловыми цвѣтами *пармскихъ* фіалокъ .. Радомскій не скрывалъ своего восхищенія. Графиня подала ему полуобнаженную руку, обтянутую черной филейной перчаткой». Нѣтъ, воля ваша, дѣйствіе происходитъ не въ деревнѣ, хотя они и проѣзжаютъ лѣсомъ. Ну, скажите, пожалуйста, гдѣ въ нашихъ милыхъ, простыхъ деревняхъ найдете вы пармскія фіалки? Наша

Фіалка на зарѣ родилась,
Въ часъ утренній узрѣла свѣтъ,
А въ полдень съ стебелька свалилась
И ввечеру фіалки нѣтъ!

Пріѣзжаютъ къ графинѣ и другіе гости, въ числѣ прочихъ какая-то госпожа «*Аннá* съ уменьшеннымъ удареніемъ на послѣднюю гласную», изъ каковаго страннаго ударенія, кажется, однако не выходитъ ничего особеннаго — но дѣло въ томъ, что, по словамъ сочинительницы, ей никогда не доводилось видѣть «болѣе *оконченный* типъ аристократической дѣвушки» (18). Сверхъ того, эта «Аннá была *отличной* наѣздницей и мастерски управляла своимъ *караковымъ* конемъ *отличной* породы, отъ Кинжала и Ребекки» (25). Въ сей-то «оконченный типъ», очевидно, если и не окончательно, влюбляется «праздный петербуржецъ» Радомскій, когда въ него, въ тоже время, смертельно и безнадежно влюблена компаньонка графини, бѣдная дѣвушка Елена, единственное лицо въ повѣсти, привлекающее нѣсколько ваше участіе, единственное въ ней существо, безхитростное и нѣжное, напоминающее нѣсколько дѣйствительные деревенскіе нравы. Такимъ образомъ Радомскій нашъ очутился между трехъ огней: проницательныхъ и завистливыхъ глазъ графини, неопредѣленно «оконченнаго типа» красавицы-наѣздницы и простодушной, робкой любви бѣдненькой Елены.

Въ день именинъ графини съѣхалось къ ней множество—всѣ близкіе и дальніе сосѣди—веселились, гуляли. «Возвратясь домой (въ великолѣпную усадьбу графини), дамы занялись туалетомъ (къ вечернему балу), а молодые люди—*кто чѣмъ попало:* усѣлись около карточныхъ столовъ, закурили сигары и разбрелись по аллеямъ сада, или отправились въ бильярдную. Валентинъ Павловичъ считался хорошимъ игрокомъ: но въ этотъ день онъ былъ не въ ударѣ и скоро бросилъ кій, который я не *рѣшилась* назвать его славянскимъ именемъ: покойному Свиньину случилось также быть не въ ударѣ при составленіи бильярдной терминологіи» (18—19). Послѣднія строки, имѣющія притязаніе на остроуміе и сарказмъ, заставляютъ предполагать, что ближе было-бы къ истинѣ, еслибъ глаголъ «*рѣшилась*» читался въ родѣ мужескомъ—«*рѣшился*», т. е., что эта повѣсть написана перомъ не женскимъ, которое едва-ли-бы стало доискиваться подробностей бильярдной терминологіи, придуманной покойнымъ Свиньинымъ или происхожденія кораковаго копя отъ Кинжала и Ребекки. Да, намъ сдается, что Ольги Н. не существуетъ, что это псевдонимъ, анонимъ, маленькая невинная мистификація, изобрѣтенная однимъ изъ шаловливыхъ представителей не прекраснаго пола, такъ искусно оморочившимъ читателя, который совершенно неожиданно попалъ въ городъ, вмѣсто обѣщанной «деревни». Вообще весь тонъ, характеръ и колоритъ повѣсти не обличаютъ тонкости и прозрачности женскаго разсказа.

И такъ, въ день именинъ графини собралось къ ней множество. Елена немножко ревнуетъ къ роскошной хозяйкѣ богатой усадьбы и своей покровительницѣ. Ахъ, говоритъ она Радомскому: «все это я вижу—ваши частыя посѣщенія... ваши долгія прогулки съ нею... цвѣты, которые вы ей привозите, съ тѣмъ, чтобъ она ихъ приколола въ волосы или *заткнула за поясъ*... однимъ словомъ, множество ежедневныхъ мелкихъ событій...»—«И вы могли принять за серьёзное чувство *совершенно праздное состояніе души*», отвѣчаетъ Радомскій... «Полноте, я не мальчикъ, и мнѣ понятна женская посредственность: какова-бы ни была ея обстановка, а графиня самая нехитрая смѣсь тщеславія и холодности».

«Неужели вы изъ теперешней вашей жизни не вынесете ни одного воспоминанія?» робко спросила Елена.—«Неужели общество тѣхъ, съ которыми вы провели цѣлый мѣсяцъ, ни разу не затронуло вашихъ искреннихъ чувствъ?»

«Я, можетъ быть, вспомню о ней случайно», разсѣянно отвѣчалъ Радомскій: «какъ случайно вспоминаютъ о плохой книгѣ, которую отъ

нечего дѣлать довелось прочесть; *натянутость въ теоріяхъ, въ чувствахъ крайняя пустота, да и въ самомъ умѣ недостатокъ оригинальности.* Какія тутъ воспоминанія?» (Стран. 21).

Этотъ отрывокъ изъ интимнаго разговора Елены съ Радомскимъ, особенно въ приведенныхъ курсивомъ строкахъ, чрезвычайно характеризируетъ самую повѣсть, которая, повторяя выраженіе Елены, «заткнула за поясъ» всѣ прежнія такъ называемыя свѣтскія повѣсти. Въ нихъ гг. сочинители большей частью ограничиваются внѣшнею обстановкою... туалетомъ, пріемомъ, манерами своихъ дѣйствующихъ лицъ, убранствомъ и комфортомъ ихъ великолѣпныхъ покоевъ, коротко сказать—одною лишь наружностью... какъ будто она составляетъ всю ихъ жизнь, какъ будто въ этомъ модномъ свѣтѣ перестало биться и волноваться сердце человѣческое, и авторамъ не найти тамъ сюжета для драмы или любопытнаго изображенія внутренней жизни, которое читателю мыслящему и чувствующему гораздо важнѣе филейныхъ перчатокъ и парижскихъ фіалокъ надъ соломенною шляпкой...

Посмотрите, или послушайте какъ затрогиваетъ за живое читателя голосъ—болѣе исходящій изъ души, болѣе теплый и симпатическій...

«Валентинъ Павловичъ начиналъ порядочно скучать и не дождался конца бала. Ночь была лунная и теплая. Онъ велѣлъ своей каретѣ выѣзжать шагомъ на большую дорогу, а самъ пѣшкомъ отправился черезъ паркъ. Когда онъ вышелъ на чистый воздухъ, его поразилъ суровый видъ готической башни, нѣмой и мрачной, вблизи шума и блеска. Одинъ зубчатый верхъ былъ озаренъ луною, а на остальную ея часть (чего — луны или башни?) падала длинная тѣнь сосны, росшей въ ея сосѣдствѣ. Около самой башни дорога, неожиданнымъ извивомъ, на нѣсколько саженъ направлялась опять къ озеру и дому. Весь бельэтажъ, казалось, горѣлъ огнемъ; музыка гремѣла; въ окнахъ мелькали тѣни гостей, проносились мимо, группировались, исчезали и снова появлялись. На террассѣ, уставленной деревьями и освѣщенной *кіакингами,* также мелькали и бѣлыя платья дамъ, и черные силуэты кавалеровъ. Эта сцена, исполненная движенія и *свѣта* (?), много выигрывала отъ рѣзко противоположнаго тона своей рамы; по сторонамъ темныя группы деревьевъ, внизу озеро съ едва замѣтной зыбью, въ которой дрожалъ лучъ мѣсяца, а выше надъ рядомъ блестящихъ оконъ, линія этажа, неосвѣщаннаго вовсе, за исключеніемъ одной комнаты, въ которой виднѣлся огонекъ... Радомскій остановился. Кто это, отдѣлясь отъ общей жизни, сохранилъ свою мысль или принялся за трудъ? Анна ли въ этой комнатѣ распустила длинную косу и, усталая, упала на диванъ; или лакей увязываетъ господскій чемоданъ и въ обратный путь снаря-

жаетъ плотнаго помѣщика?.. Можетъ быть *вопросъ, поставленный такимъ образомъ* (какой дидактическій оборотъ!), вывелъ Радомскаго изъ задумчивости. Онъ быстро повернулъ въ аллею, гдѣ разомъ все отъ него скрылось — и домъ, и башня. Онъ шелъ скоро и задумавшись (а только-что вышелъ изъ задумчивости); но мало-по-малу безмолвіе парка тяжелымъ чувствомъ легло на душу и чѣмъ-то насмѣшливымъ зазвучали въ ушахъ крикъ кузнечиковъ и кваканье лягушекъ, испуганныхъ его шагами. Онъ вступилъ въ лѣсъ, примыкающій къ парку, и чѣмъ далѣе уходилъ въ его чащу, тѣмъ невыносимѣе становилось ему безлюдье. Вдругъ чья-то тѣнь мелькнула передъ нимъ; онъ сталъ вглядываться: тѣнь быстро удалилась, и когда Радомскій ускорилъ шаги, она повернула круто направо и, спасаясь отъ преслѣдованія, почти бѣжала по узкой тропинкѣ, ведущей обратно въ паркъ. Но Радомскій скоро догналъ ее и узналъ — Елену. Тутъ онъ вспомнилъ, что послѣ первой кадрили *ея* (опять не *ея*, а *ее*) не видать было на балѣ; но зачѣмъ зашла она въ это глухое мѣсто въ такой поздній часъ ночи?

«Привычки и вкусы Елены носили отпечатокъ ея задумчивой души. Она любила ночь за ея тишину и безлюдье; ей нравились картины безъ яркихъ эффектовъ и блеска; она съ радостью встрѣчала каждую осень, и во время своихъ прогулокъ въ безлунныя ночи вслушивалась и въ шелестъ желтыхъ листьевъ, падающихъ на дорожки, и въ вольный крикъ журавлей, тянущихся длинною нитью. Согласіе унылыхъ звуковъ съ красою блекнущей природы отзывалось ей чѣмъ-то роднымъ, близкимъ ея собственному настроенію. Этотъ лѣсъ, гдѣ, въ противоположность саду и парку, растительность была предоставлена природной своей дикости, особенно полюбился Еленѣ. Она гуляла всегда одна (,) и никто не узналъ грустной мысли, уединяющей ее отъ людей; эта мысль высказывалась только въ вечерней молитзѣ...» (Стран. 22—24).

Разумѣется, что Елена и Радомскій, сойдясь ночью въ лѣсу, поговорили между собою, и первая имѣла случай высказать здѣсь, наединѣ, свою грустную мысль. Валентинъ Павловичъ, какъ настоящій «петербуржецъ, не замедлилъ сказать спутницѣ: «возьмите мою руку (,) и позвольте мнѣ довести васъ до дому», а «Елена положила обнаженную по локоть руку на руку Радомскаго», который, съ самоувѣренностью истаго льва, коротко и ясно, спросилъ ее: «Вы меня *очень любите*, Елена?»—Та прошептала благопріятный отвѣтъ. Герой нашъ повидимому расчувствовался; но кавалькада слѣдующаго дня дала другое направленіе его минутно-идиллическимъ мыслямъ—именно въ сторону, къ г-жѣ Аннѣ, которая красовалась на своемъ кораковомъ конѣ, отъ

Кинжала и Ребекки. На ней была маленькая черная шляпа съ синимъ вуалемъ; длинная юбка ея суконнаго платья падала почти до земли, а на кисти ея правой руки висѣлъ хлыстикъ съ *топазовою рукоятко́ю»* (25). Ну, согласитесь сами, можно ли было устоять противъ караковаго коня и топазовой рукоятки, когда бѣдненькая Елена была такъ проста и безъискуственна, хотя не менѣе прекрасна, и съ своей любящею, нѣжною душою, безъ дорогаго хлыстика и потомка Ребекки, могла бы составить истинное счастіе любаго джентльмена, ни чуть не хуже «праздна́го петербу́ржца» Радомскаго...

На этой нерѣшительной борьбѣ между «оконченнымъ типомъ аристократической дѣвушки» и скромнымъ сельскимъ цвѣткомъ — повѣсть оканчивается. Вы никогда не узнаете, кого выбралъ наконецъ Радомскій. Это модный нынѣ родъ *туманныхъ* повѣстей, въ которыхъ авторы многозначительно разстаются съ читателемъ на половинѣ дороги, въ темномъ лѣсу, предоставляя читателю бродить ощупью, догадываться и любоваться брошенными передъ нимъ очерками, силуэтами и отрывочными сценами. Произведенія полныя съ выработанными характерами, содержаніемъ и смысломъ опредѣленными—не такъ-то легко пишутся. Однакожъ, какъ вы, добрый читатель, статься можетъ, человѣкъ старинна́го, менѣе тонкаго вѣка, и любите положительную *развязку*, то мы, пожалуй, рѣшимся съимпровизировать ее для васъ. Слушайте, мы не распространимся. Радомскій никогда не женится, потому что будетъ все выбирать, и кончитъ вѣкъ старымъ холостякомъ, брюзгою, съ пустотою въ душѣ, ломотой въ ногахъ и разстроеннымъ состояніемъ. Графиня, которой и теперь уже подъ сорокъ, скоро потеряетъ и остальныхъ, деревенскихъ своихъ поклонниковъ, внимательнѣе займется воспитаніемъ дочери (мы и забыли сказать, что у нее есть маленькая дочь), броситъ пахитосы и, въ замѣнъ ихъ, станетъ нюхать табакъ, играть въ преферансъ съ степенными, пожилыми сосѣдями, и со временемъ сдѣлается ворчливою, капризною старушкою. Пышную и отважную наѣздницу Анну́ караковый конь когда-нибудь непремѣнно сброситъ съ сѣдла и разобьетъ дорогой топазъ ея красиваго хлыстика. Бѣдненькая Елена или завянетъ въ глуши, или, покинувъ мечтательность и экзальтированныя увлеченія заѣзжими «праздными петербуржцами», выйдетъ за мужъ за добраго, плотнаго, по выраженію повѣсти, помѣщика. Отъ души желаемъ ей честнаго, благороднаго супруга и всего лучшаго, возможнаго въ ея скромной долѣ. Да будетъ она преданной женой, нѣжной матерью, и тайкомъ, какъ тяжелый сонъ, вспоминая свою уединенную прогулку въ лѣсу за паркомъ модной графини, тихо вздохнетъ, горько улыбнется своему прошедшему заблужденію...

Кромѣ разсмотрѣнной повѣсти «Деревня», въ сентябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» найдете «Садовничью собаку», комедію Лопе-де-Вега, въ переводѣ съ испанскаго г. Пятницкаго, продолженіе романа Самюэля Варрена: «Тяжба» и другихъ статей, а въ Смѣси два переводные же разсказа: «Игрокъ въ шахматы, неизданная глава изъ Тысячи Одной Ночи» и «Цѣна жизни, отрывокъ изъ записокъ одного бретонскаго дворянина», списокъ сочиненій Гоголя, Г. Н. Геннади, и проч. и проч.,

Въ октябрской книжкѣ О. З. только одно стихотвореніе, г-на Майкова: *Именинница*, посвященное В. Г. Бенедиктову. Но едва ли вообще для публики будетъ оно очень интересно и совершенно понятно, хотя, можетъ быть, и имѣетъ частное, домашнее значеніе:

Именинницѣ прекрасной,
Баловницѣ всей семьи,
Въ этотъ день, для всѣхъ насъ *ясный*,
Мы подарки принесли...

Мы лично, этимъ подаркамъ предпочитаемъ прежнія антологическія стихотворенія г. Майкова, которыми нѣкогда онъ такъ счастливо дебютировалъ...

Ничего покамѣсть не скажемъ о *Перевозѣ*, повѣсти г. А. Тулубьева и *Исторіи одного сердца*, отрывкѣ «изъ замѣтокъ путешественника по Петербургскому міру», г. П. Ф—ва, потому-что въ слѣдующемъ нумерѣ Пантеона намѣрены возвратиться къ этой книжкѣ, по поводу помѣщеннаго въ ней начала статьи г. Соловьева: «Карамзинъ и его литературная дѣятельность». Въ ней же, т. е. въ этой книжкѣ, оканчивается наконецъ *Тяжба*, Варрена.

Въ Смѣси много любопытныхъ статеекъ, какъ напримѣръ «размноженіе жабъ и лягушекъ», «благодѣяніе отъ муравьевъ» и «какую пользу приноситъ животное, питающееся желудями (изъ Диккенсова журнала: House hold words) и другія.

Въ сентябрьскомъ нумерѣ Современника продолжаются: романъ г. Григоровича: *Рыбаки*, «Исторія генія» д' Израэли, и «Разнообразіе англійской жизни»—Бульвера, переписка Шиллера съ друзьями, слѣдственно почти все переводное, и этотъ недостатокъ оригинальнаго весьма замысловато оправдывается въ замѣткахъ Новаго-поэта» (стран. 57—58), гдѣ, между прочимъ, семь страницъ наполнены выпискою стихотвореній изъ другихъ журналовъ. Но какъ безъ оригинальнаго нельзя же обойтись, то его недостатокъ Современникъ пополняетъ въ октябрской своей книжкѣ, представляя на первомъ планѣ ея: «*Три возраста* — дневникъ, наблюденія и воспоминанія музыканта-литератора, Ѳ. М. Толстаго».

Покамѣсть напечатано начало дневника, подъ заглавіемъ: «Первая молодость», предшествуемое *введеніемъ*, слѣдующія строки котораго, можетъ-быть, намекаютъ на источникъ содержанія разсказа, или гдѣ по крайней мѣрѣ, должно искать его идеи. Въ мірѣ литературы давно уже нѣтъ ничего новаго: всѣ мы болѣе или менѣе заимствуемъ, подражаемъ, передѣлываемъ старое, вдохновляется имъ, нерѣдко весьма удачно и оригинально:

«Наговорившись вдоволь о новой операѣ Верди мы (говоритъ авторъ) перешли къ повѣсти г-жи Жирарденъ Margerite ou deux amours, и пустились въ разсужденія, возможно-ли, чтобы женщина любила съ одинаковымъ увлеченіемъ въ одно и то же время двухъ мужчинъ?»

Не знаемъ способны ли къ такому увлеченію женщины; но мужчинамъ, говорятъ, оно не недоступно. Лѣтъ около двадцати тому, въ одномъ журналѣ нашемъ напечатана была повѣсть: «Двѣ невѣсты», съ эпиграфомъ:

«Скажи, которая милѣе?»
Мнѣ обѣ нравится равно.
«Ну, это что-то мудрено!»
Есть въ свѣтѣ вещи мудренѣе....

При самомъ появленіи въ свѣтъ «Трехъ возрастовъ», извѣстная Петербургская газета привѣтствовала ихъ, чрезвычайно снисходительно, большою похвалою. И что-же? авторъ помѣстилъ письмо въ той же газетѣ, именно въ такихъ между прочимъ сознательныхъ выраженіяхъ: «*Прочитавъ* лестный вашъ отзывъ, *сердце* мое забилось отъ радости (сердце прочитало—это, вѣроятно, опечатка: по-русски нельзя такъ сказать, не напомнивъ извѣстной фразы: «подъѣзжая къ Москвѣ, виды измѣнялись)—но не могу внутренно не сознаться, что благосклонныя ваши похвалы (извините) преувеличены», и проч. (см. № 227 Сѣверн. Пч.)

Дѣйствіе происходитъ въ Италіи, и объ Римѣ встрѣчаются слѣдующія строки: «въ Римѣ Corso e via dei Barberi ничѣмъ не лучше и не шире Гороховой улицы, даже еще и съ *изгибцомъ*... Траянова колонна, которая въ настоящее время врылась въ землю сажени на три противу уровня мостовой, годится (въ сравненіи съ нашей Александровской колонной) въ зубочистки Минину или Пожарскому... Тибръ можетъ, пожалуй, исправлять съ успѣхомъ должность мутной Мойки, но Фонтанкѣ онъ и въ *подметки* не годится... Ponte Santo Angelo ни чѣмъ-не лучше Прачешнаго моста, и такъ далѣе».—(стран. 144—145). Но мы не станемъ ни хвалить «Трехъ возрастовъ», и не еще менѣе позволить себѣ какія-либо замѣчанія. Здѣсь только еще начало сочиненія. Подождемъ конца,

когда можно будетъ съ большею рѣшительностью опредѣлить, въ какой степени основательна недовѣрчивость скромнаго автора къ своему таланту и произведенію.

—

II. ИСКУССТВА И ХУДОЖССТВА.

ГОДИЧНАЯ ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

27 сентября, послѣ торжественнаго акта, открыта была для публики обыкновенная годичная выставка художественныхъ произведеній, исполненныхъ какъ учениками Академіи, такъ и гг. художниками, академиками и лицами посторонними, не принадлежащими къ числу воспитанниковъ Императорской Академіи Художествъ.

Послѣ разсмотрѣнія представленныхъ на выставку художественныхъ произведеній, совѣтъ Академіи удостоилъ различныхъ степеней и наградъ слѣдующихъ:

Званія професоровъ: академиковъ—Завьялова (за написанную по заданной програмѣ картину: положеніе во гробъ Спасителя), Шамшина (за картину Воскресеніе Христово) и Кракау (за архитектурный проектъ собора), почетнаго вольнаго общника Вендрамини (за гравюру: убіеніе св. Петра Доминиканца, съ картины Тиціана).

Признаны почетными вольными общниками: иностранный художникъ Робильяръ, за одинадцать портретовъ въ натуральную величину, написанныхъ пастелью, и итальянскій художникъ Рубіо, за портреты, представленные на обсужденіе совѣта Академіи Художествъ.

Званія академика: класный художникъ Штормъ (за архитектурный проектъ собора св. Владиміра, предполагаемаго въ Кіевѣ). Классный художникъ Зайцевъ (за архитектурный проектъ почтамта въ столицѣ). Г. Семеновъ (за акварельный портретъ Д. С. С. Рейсига). Г. Яковлевъ (за портреты масляными красками гг. профессора Ѳ. А. Бруни и доктора Блажке). Г. Тютрюмовъ (за три портрета: генералъ-лейтенанта Дядина, г. профессора П. В. Басина и свой собственный). Г. классный художникъ Мейеръ (за картины: татарскій фонтанъ въ Крыму и горное ущелье). Г. классный художникъ Рицонни (за картину de genre: внутренность погребка). Г. классный художникъ Кольбъ (за видъ церкви св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ, съ частію Кремля и за видъ внутренности дворцовой базилики въ городѣ Палермо).

Получили назначеніе въ академики: гг. Жуковскій (за проектъ съѣзжаго дома въ столицѣ). Художникъ Теребеневъ (за портретъ доктора Журковскаго и три акварельные рисунка изъ альбома лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка) и художникъ Р. Жуковскій (за двѣ картины масляными красками «Жокъ, цыганская пляска въ окрестностяхъ Кишинева» и «Высадка 2 бригады 13 дивизіи 22 іюля 1852 года, въ Одесскомъ портѣ».

Удостоены званія художниковъ: гг. Твердышовъ (за акварельный этюдъ головы старика). Серяковъ (за гравюру на деревѣ—этюдъ головы съ Рембрандта). Павловичъ (за пейзажъ масляными красками: видъ на Крестовскомъ островѣ). Штейнбергъ (за картину масляными красками: солдатъ читающій книгу). Вейсманъ (за картину: два солдата лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка). Шумовъ (за три портрета и этюдъ старушки). Ивановъ (за портретъ). Рославлевъ (за картину: дѣвушка за работою). Крадецкой (за этюдъ головы старика). Плисовъ (за картину: мальчикъ, удящій рыбу).

Получили первую золотую медаль: гг. Кабановъ, ученикъ г. профессора Маркова (за картину молодой Ахиллесъ, учащійся стрѣлять у Центавра). Венигъ, ученикъ г. профессора Бруни, (за картину Эсѳирь предъ Артаксерксомъ). Мартыновъ, ученикъ г. профессора Маркова, (за экспрессію въ картинѣ того же содержанія). Бронниковъ, ученикъ г. профессора Маркова (за картину Божія Матерь всѣхъ скорбящихъ). Давыдовъ, ученикъ заслуженнаго профессора Воробьева (за видъ, масляными красками, на островѣ Валаамѣ). Лейтенантъ Боголюбовъ, ученикъ заслуженнаго профессора Воробьева (за четыре вида масляными красками, Ревеля съ острова Карлоса, Ревеля отъ Екатериненталя, Ревеля съ моря и взморья у С. Петербурга въ лунную ночь) и князь Максутовъ, ученикъ г. профессора Вилевальде, (за картину: Мусульманскій полкъ, атакующій на лѣвомъ флангѣ часть венгерской пѣхоты съ артилеріею, въ сраженіи при городѣ Дебречинѣ, въ 1849 году).

Удостоены второй золотой медали: гг Бродскій и Фолетти, ученики г. профессора барона Клодта (за скульптурныя статуи отдыхающаго Актеона). Ильинскій, ученикъ г. профессора Маркова (за картину: смерть Гектора). Бейдеманъ (за картину: Бѣгство въ Египетъ святаго семейства). Солдаткинъ, ученикъ того же профессора (за картину Овидія, показывающаго Периклу статую Минервы). Рауловъ, ученикъ того же профессора (за акварельный портретъ г. Фрике). Горавскій, ученикъ заслуженнаго профессора Воробьева (за пейзажъ масляными красками—видъ Ручейскаго озера близъ города Торопца, въ Псковской губерніи). Филиповъ, (за батальную картину: козаки, отбивающіе у фран-

цузовъ обозъ, въ кампанію 1812 года). Шарлемань, ученикъ г. профессора Вилевальде (за батальную картину: дѣло при Карлсбургѣ противъ венгерцевъ, въ 1849 году) и г–жа Сухово–Кобылина (за пейзажи масляными красками: Туманъ на южномъ берегу Крыма, внутренность татарской мазанки тамъ же, видъ на Судакскія горы, вечеръ въ Судакскихъ горахъ, видъ изъ деревни Демерджи въ Крыму, навѣсъ татарскій и вечеръ на южномъ берегу Крыма).

Удостоены первой серебряной медали: гг. Чукмасовъ, ученикъ исправляющаго должность профессора г. Лялина (за свинцовый слѣпокъ, съ медали Гассе, великій князь Дмитрій Константиновичъ, Прометея и Милона Кротонскаго). Трутневъ, ученикъ г. профессора Вилевальде (за картину масляными красками: игра въ носки). Маршевскій, ученикъ профессора Воробьева, (за два вида въ городѣ Ревелѣ, писанные масляными красками).

Получили вторую серебряную медаль: гг. Канаевъ (за восковыя модели Силена и головку дитяти). Бочаровъ (за пейзажъ масляными красками, видъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ). Шильдеръ (за картину: пикетъ лейбъ-гвардіи литовскаго полка на аванпостной службѣ). Поповъ (за народную сцену ярмарки въ городѣ Старой-Ладогѣ). Рязановъ (за три вида изъ окрестностей Петербурга). Протопоповъ (за видъ на островѣ Валаамѣ). Баронъ М. Клодтъ (за видъ въ Финляндіи). Богомоловъ (за два вида изъ окрестностей Петербурга) и г-жа Сабинина (за девять рисунковъ масляными красками, изображающихъ плоды и цвѣты).

Удостоены похвалы: гг. Матушевскій, Лаверецкій, Плешановъ, Сорокинъ, Горавскій, Іогансонъ, Вейнбергъ, Ромарино, Гундтъ, Гиппіусъ и Козинъ.

Получилъ денежное награжденіе: г. Лебедевъ, ученикъ г. заслуженнаго профессора Уткина, за гравюру, лѣсъ, съ картины Вулета и за рисунокъ съ картины г. Воробьева, видъ набережной у Императорской Академіи Художествъ.

Немудрено удивляться успѣхамъ живописи въ Италіи, гдѣ художники въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ имѣли образцами для подражанія произведенія Рафаэля, Доменикино, Тиціана, Микель–Анжело, Джіото (Чимабуэ) Павла Веронеза и другихъ, не менѣе знаменитыхъ, дѣятелей искусства, не трудно видѣть прекрасныя произведенія испанской живописи, потому что въ Испаніи уже съ пятнадцатаго столѣтія существовали правильно организованныя живописныя школы, подъ надзоромъ Хуана Кастильскаго, Берругетта и въ особенности Мурильо, въ Севильѣ; не мудрено любоваться картинами школы голландской, которая также уже, съ первой

половины пятнадцатаго столѣтія, благодаря важному открытію въ области живописи братьевъ Іоганна и Губерта Ванъ-Эйковъ (Van Eycke) пріобрѣла новыя блистательныя средства и получила новое направленіе подъ вліяніемъ Вандейка (Van Dyk) и Рубенса. Во всѣхъ этихъ школахъ искусство живописи совершенствовалось вѣками, но, не смотря на это, намъ нечего завидовать современной живописи Италіи, которую и до сихъ поръ многіе, невѣдующіе настоящаго ея художественнаго состоянія, ставятъ въ примѣръ художникамъ, особенно нашимъ. Живопись въ настоящее время окаменѣла, такъ сказать, въ Италіи. Камучини, въ Римѣ, Бенвенути, во Флоренціи, Аппіани, Босси и Сабателли въ Миланѣ могутъ почесться единственными живописцами, которые пріобрѣли себѣ достаточную извѣстность, доказывающую впрочемъ только упадокъ искусства и дурной вкусъ итальянской современной публики. Искусство живописи сдѣлалось въ наше время въ Италіи даже не совсѣмъ честнымъ ремесломъ, оно превратилось въ подложное занятіе, въ которомъ самымъ искуснымъ художникомъ почитается тотъ, кто лучше и тоньше можетъ обмануть довѣрчивыхъ любителей живописи, продавая имъ закопченныя, дурно исполненныя копіи за оригиналы великихъ мастеровъ. Въ одной только Флоренціи процвѣтаетъ еще искусство живописи въ своемъ строгомъ прежнемъ очищенномъ штилѣ, но и то ограничивается только тремя представителями, съ четверть вѣка пользующимися извѣстностью: Бенвенути, пожавшимъ лавры послѣ тяжело-исполненныхъ имъ картинъ и фресковъ въ куполѣ Медичи въ Сан-Лоренцѣ, и Бецуоли, робко подражавшему сперза Жерару, а потомъ Деларошу, и наконецъ самымъ новѣйшимъ замѣчательнымъ рисовальщикомъ Карло делла Порта. Увлекаясь произведеніями Масачіо, Фра Ангелико и природою, многочисленые ученики флорентинской сколы, стараются придерживаться великимъ и вѣчнымъ основнымъ правиламъ живописи и нисколько не порываются оканчивать свое артистическое образованіе въ Римѣ, на школу котораго они смотрятъ, какъ на исказительницу очищеннаго вкуса. Вотъ каково современное художественное состояніе страны, называемой колыбелью искусства. Совсѣмъ противоположное и отрадное явленіе представляетъ состояніе нашей русской живописи. Наша Академія не существуетъ еще и ста лѣтъ (она основана въ 1757 году), а между тѣмъ успѣла уже создать свою самобытную школу живописи, отличающуюся своимъ особеннымъ характеромъ: строгою правильностію рисунка, простотою и истиною композиціи, благоразумно-соразмѣреннымъ колоритомъ, оконченностью и благородствомъ стиля. Увеличивающаяся въ Россіи любовь къ художествамъ, увеличиваетъ годъ отъ году и число учащихся (которыхъ въ настоящее время 528 человѣкъ, въ томъ чис-

лѣ 257 постоянно посѣщающихъ академическіе классы) и открываетъ новые таланты. Намъ есть кого противопоставить и Гюдену и Кукуку и Леопольду Роберу и Верне и другимъ живописнымъ знаменитостямъ нашего времени; имена нашихъ художниковъ Брюлова, Иванова, Бруни, гр. Толстаго, Ставассера, Айвазовскаго, Іордана, Уткина, Воробьева, барона Клодта, Виллевальде и другихъ, все воспитанниковъ Петербургской Академіи, извѣстны цѣлой артистической Европѣ и съ каждымъ годомъ успѣхи молодаго поколѣнія русскихъ художниковъ дѣлаются замѣтнѣе и блистательнѣе. Такими счастливыми явленіями особенно обильна нынѣшняя годичная выставка, не смотря на то, что ни одинъ изъ гг. профессоровъ, кромѣ г. Зарянки и графа Ѳ. П. Толстаго не выставилъ своихъ произведеній, а всѣ картины ограничиваются лишь работами учениковъ, написанными по заданнымъ програмамъ на золотыя медали. По своимъ огромнымъ размѣрамъ, разнообразію, трудности избранныхъ сюжетовъ и прекрасному ихъ выполненію, картины эти, за исключеніемъ весьма немногихъ, могли бы занять непослѣднее мѣсто на любой европейской выставкѣ.

Обойдемъ съ читателемъ всѣ залы Академіи и начнемъ обозрѣніе художественныхъ произведеній съ круглой. Въ этой залѣ и въ первой античной галереѣ, помѣщены скульптурныя раборы, гравюры и архитектурные проекты, которыхъ числомъ девятнадцать: художника Тихобразова—проэктъ почтамта въ столицѣ; класснаго художника Гневцова, проэктъ съѣзжаго дома; г. Жуковскаго—тоже; художника В. Шторма, проэктъ почтамта въ столицѣ; Миллера, ученика профессора Тона, большой торговый домъ; Шустера, ученика профессора А. П. Брюлова, Панафидина и Рахау, учениковъ профессора К. А. Тона — тоже. Художниковъ: Цима, Стуккея, Гана, Шмидта, Бѣлова, Рудольфа и класснаго художника Зайцева—проэкты почтамта въ столицѣ. Класснаго художника Шторма соборъ во имя святаго Владиміра, предполагаемаго въ Кіевѣ; академика Вендрамини — соборъ на шесть тысячъ человѣкъ, иностраннаго художника Приматци—акварельный рисунокъ этого собора и планъ собора, академика Кракау.

Скульптурныхъ произведеній нынѣшній годъ не много, и онѣ ограничиваются бюстомъ архитектора, академика Монигетти, г. Бота, барельефомъ г. Забеллы—«Маріи въ темницѣ», «Спящимъ купидономъ въ раковинѣ», «Отдыхающимъ Актеономъ» и бюстомъ г. Контскаго—г. Бродскаго, «Отдыхающимъ Актеономъ» г. Фолетти, Орфеемъ г. Матушевскаго, бюстомъ г. Заблотцкаго г. Лаверецкаго и «Нимфой, выливающей воду», графа Ѳ. П. Толстаго. Первенство между всѣми выставленными статуями безспорно принадлежитъ нимфѣ графа Толстаго, которую въ ма-

ленькой модели видѣли уже посѣтители академическихъ залъ на прошлогодней выставкѣ. Вы видите предъ собою не обыкновенную женщину, а истинную грацію, такъ все воздушно въ этой статуѣ; протянувъ одну ногу надъ раковиной, она другою едва касается утеса и какъ будто поддерживаетъ тяжесть своего корпуса трепетаніемъ невидимыхъ крыльевъ, а между тѣмъ положеніе нимфы нисколько непринужденно, натурально и исполнено граціи. Съ «Амуромъ, спящимъ въ раковинѣ», г. Бродскаго, мы также уже знакомы, съ тою только разницею, что этотъ высѣченный нынче изъ Амармора муръ былъ вылепленъ въ прошедшемъ году изъ гипса. Статуи Актеона, отдыхающаго послѣ охоты, гг. Бродскаго и Фолетти, почти одинаковыхъ художественныхъ достоинствъ; обѣ онѣ выполнены съ одинаковымъ знаніемъ дѣла; волосы у статуи г. Фолетти вылеплены очень отчетливо, въ формахъ много нѣжности, жаль только, что общія пропорціи тѣла не вполнѣ соблюдены. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по силѣ выраженія и по полнотѣ аксесуаровъ Актеонъ г. Бродскаго выполненъ лучше. Лицо охотника показываетъ усталость, полуоткрытыя уста видимо жаждутъ; онъ торопливо подставилъ чашу подъ бѣгущій изъ утеса ключъ, между тѣмъ, какъ усталая собака слѣдитъ внимательнымъ взглядомъ за малѣйшимъ движеніемъ своего хозяина, ожидая и себѣ долю свѣжей воды за пойманнаго зайца. Г. Бродскому можно сдѣлать только одно замѣчаніе: позабывъ, что въ скульптурѣ, какъ и въ живописи, заключаются нѣкоторыя трудности, которыхъ не въ силахъ преодолѣть самый огромный талантъ, онъ напрасно старался изобразить тяжелымъ гипсомъ водяную струю. Этотъ совершенно излишній, (при изображенной чашѣ и все объясняющемъ движеніи руки Актеона, деталь, нисколько не похожъ на бѣгущую струю, а скорѣе на клокъ какого-то маленькаго хвостика, развѣваемаго вѣтромъ, что непріятно поражаетъ взглядъ и охлаждаетъ впечатлѣніе, произведенное прекраснымъ цѣлымъ. Художникъ вѣроятно самъ созналъ эту неумѣстность и замѣнилъ въ послѣдствіи гипсовое изображеніе горнаго ключа хрусталикомъ, раскрашеннымъ подъ цвѣтъ воды; но это мнимое улучшеніе нисколько не уменьшаетъ прежняго непріятнаго впечатлѣнія. Жаль, что мы не можемъ сказать ничего въ пользу бюста г. Контскаго, это ничто иное, какъ златая посредственность. Послѣ статуи Актеона нельзя не обратить вниманія на барельефъ г. Забеллы, получившаго прошедшій годъ вторую серебряную медаль за липку, очень хорошо выполненную и задуманную. Художникъ избралъ ту минуту, когда вошедшій въ темницу римскаго вождя Кимвръ, съ намѣреніемъ умертвить его, пораженный выразительнымъ жестомъ и грознымъ взоромъ Марія, роняетъ свое оружіе и бѣжитъ въ смущеніи. Въ обѣихъ

фигурахъ много жизни и движенія, жаль только, что пропорціи тѣла немного коротки, безъ этого барельефъ г. Забеллы можно бъ было назвать замѣчательнымъ скульптурнымъ произведеніемъ, какъ по идеѣ, въ которой замѣтно много обдуманности, такъ и по удачному расположенію фигуръ и выраженію лицъ. Не дурно сдѣланъ бюстъ г. Монигетти, тѣмъ болѣе, что г. Ботъ выставляетъ кажется въ первый разъ. Изъ гравюръ, находящихся въ этой же залѣ, прекрасно выполнено убіеніе св. Петра Доминиканца г. Вендрамини. Хорошо сдѣланы рисунки для гравюры съ картины К. П. Брюлова, взятіе Божіей матери на небо, съ Гвидо Рени «Благовѣщенія», гравированный, но къ сожалѣнію неоконченный рисунокъ поимянованной уже картины Брюлова, класснаго художника Пищалкина, и гравюра—лѣсъ, копія съ Вулета, ученика заслуженнаго профессора Уткина, г. Лебедева, выставлявшаго прошлый годъ этотъ же предметъ. Нельзя также не замѣтить копіи съ антика, (голова Венеры) вырѣзанной изъ дерева очень отчетливо и съ большимъ искусствомъ г. Шутовымъ.

Изъ круглой залы перейдемъ во вторую античную галерею, въ которой выставлены картины учениковъ Академіи, писанныя по заданнымъ программамъ на золотыя медали.

За исключеніемъ *гулякъ* (Les buveurs) копіи съ картины испанскаго живописца Веласкеца, г. художника Баскакова, и копіи съ картины Рафаэля «Святое Семейство» (Madonna della perla) г. класснаго художника Михайлова, присланныхъ изъ-за границы, всѣ остальныя картины, находящіяся во второй античной галереѣ, оригинальныя.

Кромѣ этихъ копій, выставлены: копія съ Рафаэля—*святая Сицилія*, окруженная святыми, иностраннаго художника Нодена; копія съ Мёриса—Г. З. Рицонни; копіи съ Кореджіо, *обрученіе святой великомученицы Екатерины*, съ Рембранда, *голова старика* и съ Ванъ-Дейка—*портретъ испанскаго министра*, г-жи Шипиной—всѣ онѣ не болѣе, какъ посредственны.

Перейдемъ отъ копій къ оригиналамъ и остановимся вмѣстѣ съ большинствомъ посѣтителей, полюбоваться успѣхами нашей живописной школы, передъ картиною г. Бронникова: *Богоматерь всѣхъ скорбящихъ*. Взгляду какъ-то трудно оторваться отъ кроткаго, прекраснаго лика Богородицы, являющейся во всей своей славѣ на призывъ разныхъ скорбей и немощей человѣческихъ, и отъ группы страдальцевъ, чающихъ въ ней спасенія, группы рельефной и выразительной. Всѣ фигуры скомпанованы и написаны съ большимъ искусствомъ и оконченностью, но въ особенности обращаютъ на себя вниманіе зрителя—фигура молодой дѣвушки съ цвѣточнымъ вѣнкомъ въ рукахъ, занимающая средину кар-

тины, по наивному, кроткому лицу; старикъ, покрытый рубищемъ, на правой сторонѣ отъ зрителя и фигура старухи, поддерживающей умирающаго мальчика. Однимъ словомъ, картина г. Бронникова прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ, хотя многіе находятъ, что верхъ ея пустъ и нѣкоторыя изъ фигуръ уже не новы и знакомы посѣтителямъ выставки, особенно старика и больнаго мальчика, котораго положеніе и ракурсъ тотчасъ приводитъ на мысль картину «Агарь и Измаилъ въ пустынѣ,» бывшую на выставкѣ прошлаго года; но эти мелочи, происходящія отъ изученія натуры съ натурщиковъ, нисколько не могутъ повредить пріятному впечатлѣнію, произведенному цѣлою картиной. Г. Бронниковъ, по своему трудолюбію и тому видимому совершенству, которое онъ выказываетъ съ каждою новою выставкой, обѣщаетъ сдѣлаться со временемъ однимъ изъ замѣчательныхъ профессоровъ нашей русской школы. Личность его также одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя какъ-то радуютъ душу и заставляютъ гордиться ими. Движимый любовью къ избранному имъ искусству и сознавая свое дарованіе, онъ преодолѣлъ самыя трудныя препятствія и, чуть-ли не въ полномъ смыслѣ этого слова, позабывая о пространствѣ—пришелъ изъ сибирскихъ тундръ, Пермской губерніи, изъ города Шадринска и поступилъ ученикомъ къ извѣстному нашему граверу на деревѣ г. Бернардскому. Едва имѣя понятіе о первоначальныхъ пріемахъ и условіяхъ рисованія, мальчикъ, своимъ неутомимымъ прилежаніемъ и любознательностью, сдѣлалъ въ четыре года такіе быстрые успѣхи, что первая выставленная имъ картина «портретъ старушки» обратила на него вниманіе профессоровъ Академіи и доставила ему вторую серебряную медаль, а за «Улиса, узнаннаго служанкою», получилъ онъ первую серебряную. Съ этой поры г. Бронниковъ уже не измѣнялъ полагаемымъ на него надеждамъ. За картину «Іоаннъ Креститель, проповѣдующій въ пустынѣ пришествіе Спасителя,» онъ получилъ вторую золотую медаль, а за картину нынѣшняго года первую золотую.

Рядомъ съ картиною г. Бронникова находится картина г. Сорокина-младшаго, написанная на ту же программу, къ сожалѣнію неоконченная, какъ слѣдуетъ. Не смотря на упреки, дѣлаемые художниками Сорокину-младшему въ томъ, что будто онъ, желая быть самостоятельнымъ и надѣясь на однѣ свои силы и средства, впалъ, какъ говорится, въ *манерность* и въ какіе-то неестественные тоны, не смотря на то, что настоящая его картина неимѣетъ тѣхъ художественныхъ достоинствъ, какими отличались его «Первые христіанскіе мученики въ Россіи», бывшіе на выставкѣ 1851 года и которыми онъ достойно соперничалъ съ г. Тимашевскимъ — нельзя не признать въ г. Сорокинѣ-младшемъ

огромнаго, оригинальнаго таланта и по обдуманности сюжетовъ и композицій своихъ произведеній онъ имѣетъ, по нашему убѣжденію, преимущество предъ г. Бронниковымъ, превосходящимъ Сорокина тщательностью письма. Картина «Богоматерь всѣхъ скорбящихъ» г. Сорокина-младшаго, не можетъ выдержать никакого соперничества съ картиной г. Бронникова, если ее разсматривать въ общемъ ея видѣ, но стоитъ только внимательно всмотрѣться въ отдѣльныя части фигуръ, въ нѣкоторыя головы, руки и другіе члены, особенно въ голову изображенной старухи, чтобъ подивиться мастерской кисти, умѣнью писать и бойкимъ, широкимъ пріемамъ художника. Не смотря на свое неотъемлемое дарованіе, г. Сорокинъ три раза конкурируетъ на первую золотую медаль на программы: Первые христіанскіе мученики, Ной изгоняющій Хама, и наконецъ нынѣшній годъ, и все какъ-то неудачно; у него кажется не достаетъ или терпѣнія окончить, какъ слѣдуетъ, прекрасно имъ задуманное произведеніе, или онъ уже слишкомъ требователенъ, и желая достичь въ живописи до совершенства, задумываетъ планъ своихъ картинъ выше своихъ силъ; но нѣтъ сомнѣнія, что и увлеченія г. Сорокина пройдутъ, и онъ снова пойдетъ по тому пути, который началъ такъ блистательно. Если мы неошибаемся, то г. Сорокинъ–младшій также не въ Петербургской Академіи началъ первоначальное свое обученіе живописи, а учился сперва въ Ярославлѣ, но впрочемъ Академія вправѣ назвать его своимъ, потому что онъ поступилъ въ ея классы невзрослымъ мальчикомъ,

Г. Мартынову и Венигу досталась, по вынутымъ имъ билетамъ программъ, заданныхъ нынѣшній годъ Совѣтомъ, *Эсѳирь, пришедшая къ Ассуру* съ просьбою о помилованіи ея соотечественниковъ, оклеветанныхъ злымъ Аманомъ. Кому неизвѣстно библейское преданіе объ этой прекрасной царицѣ–іудеянкѣ, ненавидимой Аманомъ? кто незнаетъ, что рѣшившись итти къ разгнѣванному супругу, она не вынесла его грознаго взгляда, упала безъ чувствъ на руки прислужницъ, и что Ассуръ, тронутый положеніемъ бѣдной женщины, самъ привсталъ съ своего трона, чтобы коснуться до нея скиптромъ и тѣмъ положить и на нее и на весь родъ ея печать избавленія отъ грозящей погибели. Не смотря на не слишкомъ строгій рисунокъ, г. Мартыновъ мастерски воспользовался выбраннымъ моментомъ. Всѣ его фигуры полны экспресіи и жизни; лицо Эсѳири блѣдное, лишенное колорита, дышетъ какою-то особенною прелестію, а выраженіе страха въ чертахъ бѣлокурой прислужницы, поддерживающей царицу, переданы съ замѣчательною вѣрностью природѣ. Ассуръ, приподнявшійся съ мѣста и торопливо схватившійся за ручку трона, и Аманъ, взирающій со злобою на соперницъ

въ царскихъ милостяхъ, какъ будто дышатъ и движутся. Жаль только что желая щегольнуть эфектнымъ освѣщеніемъ, г. Мартыновъ помѣстилъ свои прекрасныя и выразительныя фигуры на слишкомъ темномъ фонѣ, но чрезъ это темное освѣщеніе фона, фигуры дѣлаются очень рельефны и какъ будто выдвигаются изъ рамы. Картина много теряетъ въ общемъ и лишена мягкости и воздушности. Не такъ удачно изобразилъ этотъ же самый моментъ г. Венигъ. Композиція его рисунка слабѣе г. Мартынова, исполненіе также и въ фигурахъ мало жизни и движенія; всѣ онѣ слишкомъ статуальны, если позволятъ такъ выразиться. Лицо и положеніе Ассура ничего не выражаютъ, онъ какъ бы нехотя, незная самъ для чего протягиваетъ скипетръ, чтобы дотронуться до безчувственной царицы. Аманъ, одѣтый какимъ-то древнимъ аскетомъ первыхъ христіанскихъ временъ, а отнюдь не блестящимъ царедворцемъ восточнаго государя, стоитъ также какъ будто ему нѣтъ ни до чего дѣла. Три фигуры прислужницъ Эсѳири также не отличаются никакимъ видимымъ выраженіемъ, приличнымъ изображенному предмету. Всѣ эти недостатки искупаетъ впрочемъ прекрасно начерченное и съ большимъ вкусомъ и выраженіемъ написанное лицо Эсѳири. Мы должны также замѣтить, что картина г. Венига очень походитъ на извѣстную картину Пуссена этого же содержанія, какъ будто онъ копировалъ съ нея, повернувъ только всѣ фигуры въ обратную сторону.

Г. Кабановъ выставилъ картину, изображающую молодаго Ахиллеса, учащагося стрѣлять изъ лука у Центавра. Фигуры, какъ ученика, такъ и учителя не отличаются большою выразительностью, хотя тѣло написано очень хорошо, а аксесуары, какъ-то: зелень клёна, тигровая кожа и прочія детали прекрасно отдѣланы и окончены. Разсматривая внимательно живопись г. Кабанова, можно замѣтить, что, не смотря на искусно написанный торсъ центавра, остальная лошадиная часть его туловища не соотвѣтствуетъ положенію верхней части тѣла и слишкомъ неподвижна и статуальна, какъ будто снята съ античной модели, безъ всякой заботы придать ей жизнь и движеніе. Кто-то изъ разсматривавшихъ картину г. Кабанова, по-видимому знатокъ своего дѣла, замѣтилъ также маленькую анатомическую неправильность въ лѣвомъ плечѣ центавра, которое будто не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ и слишкомъ придвинуто къ шеѣ, но непосвященные во всѣ мелочныя тонкости искусства живописи, мы нерѣшаемся подтверждать такое, можетъ быть и справедливое замѣчаніе.

Г. Моренштильдъ представилъ на нынѣшную выставку картину ангела, являющагося пастырямъ, чтобы возвѣстить имъ о рожденіи Искупителя. Картина эта, не смотря на отсутствіе въ ней яркихъ красокъ

къ которымъ прибѣгаютъ довольно часто, для лучшаго эфекта, даже замѣчательные художники, нисколько между тѣмъ не представляетъ блѣдныхъ и мертвенныхъ тоновъ, такъ они искусно сгармонированы. Группы г. Мореншильда отличаются вкусомъ и выраженіемъ; расположеніе ихъ придумано очень удачно и вообще движеніе пастырей при видѣ ангела, возвѣщающаго о присутствіи въ мірѣ поправшаго смерть, напоминаетъ посѣтителямъ нынѣшней выставки картину того же самаго художника, замѣчательнаго по своему вкусу, именно—мученіе святаго Севастьяна, которымъ они уже любовались когда-то. Нѣкоторые изъ зрителей, постоянно слѣдящіе за успѣхами нашей живописи, замѣчали, будто г. Мореншильдъ постоянно повторяется въ своихъ картинахъ безъ всякихъ почти измѣненій въ драпировкахъ своихъ фигуръ. Впрочемъ картина ангела, являющагося пастырямъ, нравится большинству публики. Вмѣстѣ съ этою картиной г. Мореншильдъ выставилъ еще четыре портрета: барона Левенштерна, г. Мореншильда — своего брата, и г-жъ Эссенъ и Леди Сеймуръ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ портретъ барона Левенштерна, въ которомъ художнику посчастливилось, какъ нельзя лучше, приблизиться къ той манерѣ Брюлова, съ которою покойный профессоръ написалъ самъ съ себя портретъ послѣ тяжкой своей болѣзни. Съ перваго взгляда живопись этого портрета кажется какъ будто только одною первоначальной подмалевкой, но разсмотрѣвъ ее внимательно, можно видѣть совершеную оконченность, бойкость кисти, сквозистость колеровъ и мѣстами густыя, смѣло набросанныя массы красокъ. Остальные портреты этого же художника менѣе удачны.

На заданную совѣтомъ Академіи программу: Андромаха, плачущая надъ тѣломъ Гектора, писали: гг. Плѣшановъ и Ильинскій. Какъ у перваго, такъ и у втораго недостаетъ въ картинахъ историческаго знанія изображаемаго ими сюжета, что много вредитъ произведеніямъ исторической живописи въ мнѣніи знатоковъ и строгихъ критиковъ, требующихъ отъ художника тщательнаго изученія особенностей выбранной ими темы. Кто читалъ Гомера, тому вѣроятно извѣстно, какъ долго влачили троянцы по городу тѣло своего врага, ругаясь надъ безжизненнымъ трупомъ и осыпая его каменьями и ударами, такъ, что сама нѣжно любящая Андромаха едва могла разспознать черты своего мужа, а между тѣмъ гг. Плѣшановъ и Ильинскій изобразили Гектора такъ, какъ будто онъ умеръ просто въ спокойной постелѣ, безъ всякихъ посмертныхъ истязаній; на трупѣ его не замѣтно ни одной царапинки. Въ картинѣ г. Ильинскаго особенно понравились намъ искусство и вкусъ, съ которыми одрапирована Андромаха, чего вовсе нѣтъ у г. Плѣшанова. Не смотря на то, что въ картинѣ его больше фигуръ, всѣ онѣ, кромѣ фи-

гуры Андромахи, лишены выраженія, а у Пріама какъ будто болитъ только голова, такъ намъ показалось, хотя нѣкоторые находятъ въ чертахъ его выраженіе горести, полное истины. Черты Пріама слишкомъ сморщены и искажены, чтобъ совершенно можно было согласиться съ послѣднимъ замѣчаніемъ. Драпировки г. Плѣшанова неестественны, тяжелы и будто выточены изъ дерева. Онъ видимо желалъ поддѣлаться подъ манеру драпированія гг. Бруни и Ксенофонтова, но исполнилъ это очень неудачно. Тоны въ обѣихъ картинахъ не естественны, рисунокъ у г. Плѣшанова не совсѣмъ правиленъ, а положеніе Гектора, какъ у г. Плѣшанова, такъ и г. Ильинскаго тяжело и принужденно. Такая быть можетъ слишкомъ уже строгая оцѣнка обѣихъ произведеній не вполнѣ принадлежитъ не однимъ намъ, но есть выводъ наблюденій многихъ опытныхъ и, можетъ быть, даже уже слишкомъ требовательныхъ художниковъ.

Бѣгство въ Египетъ Богоматери и Святаго Іосифа съ младенцемъ Спасителемъ, г. Бейдемана, ученика профессора Маркова, написано съ большою тщательностью и самою добросовѣстною оконченностью, которыя особенно замѣтны во всей фигурѣ св. Іосифа, въ особенности же въ головѣ и въ ногахъ. Художникъ представилъ ту минуту, когда видъ Богоматери и Спасителя обращаетъ въ бѣгство разбойниковъ, намѣревавшихся напасть на странниковъ. Не смотря на то, что нужно большое искусство и дарованіе придать лику матери Спасителя то неземное, вышечеловѣческое выраженіе благости, кротости и величія, которыя такъ поражаютъ зрителя въ произведеніяхъ Рафаэля и Мурилло, г. Бейдеману посчастливилось довольно удачно преодолѣть эту трудность. Многимъ не нравятся фигуры разбойниковъ, написанныхъ въ сильномъ ракурсѣ и какъ будто неестественно скошенныхъ на бокъ и не ловко падающихъ. Не смотря на правильность рисунка этихъ фигуръ, онѣ точно нѣсколько забавно сгруппированы, хотя лица ихъ не лишены выраженія.

Гг. Солдаткинъ и Волковъ выставили Фидія, показывающаго Периклу и Аспазіи новое свое произведеніе, статую Минервы. Рисунокъ фигуръ въ обѣихъ картинахъ правиленъ, колоритъ свѣжъ и естественъ, только статуя Минервы поставлена не слишкомъ выгодно, а нарисована въ полу-тѣни. По обдуманности композиціи, картина г. Волкова уступаетъ произведенію г. Солдаткина, который выставилъ такую большую картину кажется только первый разъ въ нынѣшнюю выставку, потому что на прошлогодней выставкѣ кромѣ его, очень хорошо выполненнаго этюда съ натуры головы старика, ничего другаго не было. Рядъ картинъ историческаго рода живописи блистательно заканчивается громнѣйшими на всей нынѣшней выставкѣ картинами гг. кадемиковъ

Завьялова и Шамшина, Положеніемъ въ гробъ Христа Спасителя и Воскресеніемъ Господнимъ. Изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе посѣтителей выставки картина г. Завьялова, Положеніе во гробъ, своимъ строгимъ, необыкновенно правильнымъ рисункомъ. Въ Воскресеніи Господнемъ г. академика Шамшина, прекрасно и съ большимъ выраженіемъ написана фигура воина. Многіе слишкомъ строгіе критики и въ этихъ произведеніяхъ находятъ много недостатковъ, особенно у г. Шамшина, но вспоминая пословицу: на весь свѣтъ никто не угодитъ, мы умолчимъ о ихъ замѣчаніяхъ и будемъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства, которое осталось совершенно довольнымъ произведеніями гг. академиковъ, тѣмъ болѣе, что безъ особенныхъ артистическихъ достоинствъ получить званіе профессора очень трудно, даже не возможно.

Отъ картинъ исторической живописи перейдемъ къ живописи портретной, которою особенно изобилуетъ нынѣшняя выставка, какъ по количеству, такъ и по достоинству выставленныхъ произведеній. Начнемъ перечень ихъ съ недавняго, но между тѣмъ съ главнаго любимца нашей публики, г. профессора Зарянки, представившаго уже послѣ открытія выставки первый свой портретъ г. генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцова. Въ этомъ портретѣ какъ и въ прежнихъ, г. Зарянко является замѣчательнымъ и опытнымъ художникомъ; золото его аксеасуровъ также натурально блеститъ какъ настоящее золото, эмаль орденовъ сквозитъ и отражаетъ отъ себя глянецъ; фигура портрета выпукла и мастерски отдѣлана, сходство поразительное, хотя въ ней нѣтъ той бойкости кисти, которыми отличались первые портреты г. Зарянки гг. Хвостова и графа Ѳ. П. Толстаго, доставившіе ему заслуженную извѣстность и громкую славу. Въ началѣ октября появился второй портретъ художника, написанный съ г. статсъ-секретаря Танѣева. Этотъ портретъ, по искусству исполненія, знатоки ставятъ выше всего, что до-сихъ-поръ произвелъ г. профессоръ; на золото шитья, на которомъ играетъ солнце, трудно смотрѣть глазамъ, и самая фигура, только что безмолвіемъ не обличающая жизни, такъ кажется и готова выступить изъ рамы.

Старательнымъ подражателемъ манеры г. Зарянки является на нынѣшней выставкѣ г. Тютрюмовъ, еще на выставкѣ 1849 года обратившій вниманіе публики двумя женскими портретами, изъ которыхъ одинъ былъ изображенъ въ профиль, другой впрямь. На прошлогодней выставкѣ, четыре портрета, представленные г. Тютрюмовымъ, были еще лучше и совершеннѣе написаны; нынѣшній годъ онъ является передъ публикою мастеромъ своего дѣла. Изъ трехъ портретовъ его, особенно замѣчательны портреты г. профессора Басина и генералъ лейтенанта Дядина, по своей оконченности и мастерскому письму, хотя большинство публики

и дивится портрету самаго художника, много выигрывающему по ловкому эфектному освѣщенію лица, еще болѣе усиленному удачнымъ помѣщеніемъ близъ окна, и превосходно выписанному бобровому воротнику, напоминающему доводящіе до обмана зрѣнія мѣха г. Зарянки. Въ такой оцѣнкѣ нѣтъ ничего впрочемъ удивительнаго, не всякій можетъ оцѣнить искусство, съ которымъ написано тѣло, между тѣмъ, какъ хорошо изображенные аксесуары выручаютъ въ глазахъ большинства все остальное, не вполнѣ совершенное, и придаютъ живописному произведенію часто незаслуженное достоинство. Второстепенные художники не рѣдко прибѣгаютъ къ такимъ мелкимъ средствамъ и никогда почти не остаются въ накладѣ. Г. Тютрюмовъ не ищетъ помощи своему таланту въ такихъ пособіяхъ; онъ какъ и г. Зарянко переноситъ натуру на полотно, какою она представляется его взору со всѣмъ ея духовнымъ и матеріальнымъ сходствомъ, и въ его пріемахъ не замѣтно никакихъ особенныхъ усилій изобразить что нибудь тщательнѣе, чѣмъ другое.

Съ портретами гг. Зарянки и Тютрюмова можно смѣло помѣстить рядомъ портретъ римско-католическаго епископа Войткевича, выставленный г. Горавскимъ ученикомъ заслуженнаго профессора М. Н. Воробьева, образовавшаго уже столькихъ замѣчательныхъ художниковъ. Г. Горавскій собственно посвятилъ себя пейзажной живописи, и его видъ ручейнаго озера, близъ города Торопца, въ Псковской губерніи, свидѣтельствуетъ о его огромномъ дарованіи въ этомъ родѣ живописи, дарованіи, которое уже было замѣчено въ прошедшемъ году, когда онъ выставилъ въ первый разъ свои два вида тоже въ Торопецкомъ уѣздѣ, кажется, особенно ему хорошо знакомомъ, и получилъ прямо первую серебряную медаль. Нынѣшній его видъ прекрасенъ. Взглядитесь только въ этотъ розовый отблескъ сѣвернаго утра, въ эту воду, какъ будто переливающуюся предъ вами, въ прозрачный воздухъ, въ березы, которыми шелеститъ вѣстникъ зари, чуть чувствуемый воздухъ, и вы увидите предъ собою живую природу, неизвѣстно какими чарами помѣщенную въ миніатюрѣ на безжизненное полотно. Портретъ, выставленный г. Горавскимъ доказалъ, что художникъ могъ бы также съ честію занять мѣсто и въ области портретной живописи, совершенно противоположной и требующей иныхъ условій и достоинствъ. Нельзя не подивиться правильному рисунку, прекрасному колориту, бойкости кисти и вѣрному до совершенства изображенію аксесуаровъ. Епископъ изображенъ съ развернутою златообрѣзною книгою, положенною на мраморный столъ. Вѣрность живописи этихъ акссесуаровъ и отраженіе книги на полированномъ мраморѣ доводятъ зрѣніе до обмана, такъ и хочется дотронуться до полотна и убѣдиться въ истинѣ. Г. Горавскій еще очень, очень молодъ, и кажется не болѣе трехъ лѣтъ обучается въ

академическихъ классахъ, а между тѣмъ создалъ уже замѣчательныя произведенія въ двухъ совершенно противуположныхъ родахъ. Такія молодыя лѣта, такой кратковременный срокъ изученія живописи при высказанномъ имъ могучемъ дарованіи, рождаютъ въ душѣ истинныхъ любителей художествъ самыя утѣшительныя надежды на артистическую будущность г. Горавскаго. Появленіемъ его въ средѣ учениковъ Академіи Художествъ искусство живописи обязано Августѣйшему покровителю всѣхъ талантовъ, Государю Наслѣднику Цесаревичу, обратившему на него Свое высокое вниманіе въ кадетскомъ корпусѣ.

Портретъ г. Профессора Ѳ. А. Бруни, выставленный художникомъ Яковлевымъ, не смотря на строгую правильность рисунка и тщательную оконченность, написанъ тяжеловато, и живопись вообще темна.

Посѣтители нынѣшней выставки съ удовольствіемъ останавливались также передъ портретами г-жъ Читау и Мызниковой и гг. Кутузова и Карика, написанныхъ академикомъ Чумаковымъ. Изъ нихъ особенно привлекаетъ общее вниманіе второй портретъ. Щегольская оконченность письма, мягкость кисти, мастерское освѣщеніе, выраженіе лицъ и позы проникнутыя граціею, въ этихъ портретахъ г. Чумакова невольно заставляютъ долго любоваться ими и живо приводятъ на память его картины, бывшія на прошлогодней трехгодичной выставкѣ, итальянскую дѣвушку изъ мѣстечка Альбано близъ Рима, и его Вакханку, написанную удачнѣе, чѣмъ Вакханка, выставленная въ настоящее время г. академикомъ Лавровымъ. Въ одной залѣ съ портретами г. Чумакова помѣщенъ портретъ г. Каминской, работы г. академика Худякова,—о замѣчательномъ талантѣ котораго мы будемъ имѣть удовольствіе говорить поподробнѣе ниже,—тоже прекрасно выполненный. Изъ прочихъ масляныхъ портретовъ находящихся на нынѣшней выставкѣ, мы не знаемъ на чемъ остановиться.

Вѣроятно посѣтители прошлогодней выставки не позабыли прекрасныхъ миніатюрныхъ портретовъ г. Ронделя, написанныхъ пастелью и долго любовались ихъ художественнымъ выполненіемъ; въ нынѣшнюю выставку явился еще въ первый разъ новый искусный художникъ этого рода живописи, иностранецъ Робильяръ, имѣющій предъ г. Ранделемъ то преимущество, что портреты, исполненные имъ пастелью, не миніатюрные, а написаны въ натуральную величину. Г. Робильяръ выставилъ одиннадцать портретовъ, лицъ все болѣе или менѣе извѣстныхъ публикѣ, какъ-то: Ѳ. В. Булгарина, генералъ-адъютанта Галахова, г-жи Арну-Плесси, г-жи Фальконъ, г. Арну, г. Гамильтона, г. Галахова и г-жъ Клюпфель, Фелейзенъ, Лейбцельтернъ и г-жи Шиловской. По многимъ изъ этихъ портретовъ можно судить объ удивительной способности художника

схватывать сходство съ поразительною точностью и въ особенности подмѣчать выраженіе физіономіи. До сихъ поръ пастельная живопись самая благопріятная и удобная для портретовъ, не была у насъ въ слишкомъ большомъ употребленіи, по причинѣ своей непрочности. Не смотря на всю свою нѣжность и мягкость и чрезвычайную легкость работы сравнительно съ работою масляными и акварельными красками, наши художники какъ будто старались избѣгать живописи пастелью, но вѣроятно съ легкой руки г. Робильяра, видя въ произведеніяхъ его столько жизни и столько истинно художественныхъ совершенствъ, многіе пожелаютъ слѣдовать его манерѣ и распространятъ у насъ этотъ нѣжный и граціозный родъ письма.

Между портретами, исполненными акварелью, преимущественно предъ всѣми прочими заслужилъ общее одобреніе портретъ г. Фрикке, выставленный ученикомъ профессора Маркова, г. Рауловымъ, дебютировавшимъ блистательно прошедшій годъ акварельнымъ портретомъ г. Карика. Акварель г. Раулова, по оконченности живописи, по гармоніи тоновъ и той силѣ выраженія, которую онъ умѣетъ придать изображаемому имъ лицу, нисколько не уступаетъ трудной масляной живописи. Не смотря на трудность отдѣлки, требующей большаго искусства и рѣдкаго терпѣнія, г. Рауловъ съумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія и достигъ полнаго совершенства, не только въ изображеніи лица, но и такихъ аксесуаровъ, которые почти невозможны при ограниченныхъ средствахъ живописи водяными красками. Стоитъ только внимательно всмотрѣться въ написанную г. Рауловымъ енотовую шубу на г. Фрикке, чтобъ согласиться съ нашимъ убѣжденіемъ. Жаль только, что портретъ написанъ частію на кости, какъ напримѣръ лицо, и верхняя половина воротника шубы, а частію на бумагѣ. Не смотря на все искусство, съ какимъ художникъ старался сдѣлать незамѣтною накладку кости на бумагу, все таки видна заплата, непріятно поражающая взглядъ, когда внимательно станешь присматриваться. Послѣ портрета г. Раулова, не смотря на довольно неестественный колоритъ, замѣчателенъ портретъ г. Рейсинга, выставленный г. Семеновымъ, портретъ профессора Вилевальде, г. Бусмана и портретъ доктора Жураковскаго, работы г. Теребенева. Кромѣ поименованныхъ художниковъ представили свои акварельныя работы гг. Твердышевъ, иностранный художникъ Ноденъ, Альторфъ, художникъ Житневъ, Гиллисъ и Гоффстъ. Всѣ эти работы не лишены достоинствъ. Среди этого отдѣла посѣтители, разумѣется, не пропустили безъ вниманія превосходной гравюры на деревѣ г. Сѣрякова. Гравюра эта до того совершенна, что трудно повѣрять будто она исполнена на деревѣ; она нисколько не уступаетъ самымъ лучшимъ англійскимъ гравюрамъ на стали.

Пейзажная живопись нынѣшняго года не такъ многочисленна какъ прошлогодняя, хотя нисколько не уступаетъ ей въ достоинствахъ. Мы уже упомянули о картинѣ г. Горавскаго, и потому, не вдаваясь въ повторенія, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ прочимъ картинамъ, изъ которыхъ лучшія принадлежатъ ученикамъ М. Н. Воробьева. Первая картина, которая привлекаетъ на себя наиболѣе вниманія послѣ вида ручейскаго озера, это видъ Валаама, написаннымъ г. Давыдовымъ Не ищите въ ней ни дали, ни живописнаго мѣстоположенія, которое часто одно искупаетъ многіе недостатки и заставляетъ забывать о нихъ. Въ картинѣ г. Давыдова нѣтъ никакихъ выручающихъ художника благопріятныхъ частностей, но за то много истинной природы и превосходнаго ея выполненія. Вы видите предъ собою только одно угрюмое пустынное мѣсто, заросшее почти сплошнымъ лѣсомъ на гранитномъ кряжѣ скалъ, оживленное присутствіемъ двухъ человѣческихъ фигуръ, но за то каждая группа деревъ, каждый отдѣльный кустъ вырисованы съ такою тщательностью и такъ близко подходятъ къ дѣйствительности, что вы невольно засмотритесь, и вамъ бы любо было побродить подъ мракомъ этихъ лѣсовъ, повторяя слова поэта :

Угрюмый край, его красамъ
Пугаяся дивятся взоры!

Г. Давыдовъ быстрыми шагами идетъ къ совершенству и каждый годъ пожинаетъ новые лавры. Въ прошлогоднюю выставку, за видъ изъ окрестностей Нарвы, онъ получилъ вторую золотую медаль, нынче удостоили его первой. Видъ на островѣ Валаамѣ представилъ также и г. Протопоповъ. Картина его, не смотря на нѣкоторую сухость письма, исполнена съ большею добросовѣстностью и тщательно окончена. Изъ видовъ, которыхъ сходство съ дѣйствительною природой можетъ повѣрить каждый любопытствующій, выставили г. Павловичъ: видъ на Крестовскомъ острову, Хрущкій: видъ изъ окрестностей Петербурга, г. Рязановъ три и г. Богомоловъ два вида изъ этихъ же самыхъ окрестностей. Предъ вами все знакомыя мѣста съ ихъ сѣроватымъ небомъ, блѣдною зеленью, но вамъ какъ-то пріятно встрѣтиться съ этими старыми знакомыми, потому-что они украшены искусною рукой, потому-что вкусъ и навыкъ отстранили отъ вашего взгляда все слишкомъ бѣдное и выбрали изъ огромнаго однообразнаго цѣлаго одно эфектное частное. Особенно хорошо написаны два вида г. Богомолова, это же самое можно сказать и о видѣ на Москву съ Воробьевыхъ горъ г. Бочарова. Изъ

петербургскихъ мѣстностей, знакомыхъ почти каждому, большинство публики отдаетъ преимущество видамъ Крестовскаго и Петровскаго острововъ, написаннымъ художникомъ Каменскимъ. Предъ вами оживаетъ часть знаменитаго Кулерберга и его узенькая канавка съ лодками и кострами, расположенными на ея низкихъ берегахъ; вотъ деревянная избушка, мимо которой нельзя не проѣхать, желая посѣтить Елагинъ островъ, и все это изображено живо, натурально; дымокъ легко поднимается къ вершинамъ сосенъ, коричневатая вода канавки сквозитъ, сумрачный свѣтъ переливается въ чащѣ. Жаль только, что виды эти написаны въ довольно маломъ размѣрѣ, безъ чего они еще болѣе выиграли бы, какъ въ эфектѣ, такъ и въ художественной трудности исполненія. Весна въ Малороссіи и видъ въ Курской губерніи, почетнаго вольнаго общника Ѳ. Львова, какъ-то не удались ему и написаны суховато и блѣдно.

Въ одной залѣ съ этими пейзажами помѣщены виды, снятые въ Ревелѣ гг. Маршевскимъ и лейтенантомъ Боголюбовымъ. Въ произведеніяхъ обоихъ художниковъ замѣтно прекрасное знаніе воздушной и прямолинѣйной перспективы и большое умѣнье пользоваться эфектнымъ освѣщеніемъ, въ особенности замѣчательны четыре вида лейтенанта Боголюбова, Ревеля съ острова Карлоса, отъ Екатериненталя, съ моря и Петербурга со взморья. Г. Боголюбовъ, живописецъ по преимуществу морскихъ видовъ, также не слишкомъ давно сталъ постоянно посѣщать залы Академіи, а между тѣмъ произвелъ уже замѣчательныя картины. Прошедшій годъ еще мы имѣли случай любоваться его произведеніями, въ особенности видомъ Лиссабона. Изъ картинъ нынѣшней выставки лучшими, по нашему мнѣнію, видъ Ревеля съ моря, гдѣ изображенъ склоненный на бокъ корабль, осаждаемый набѣгающими на него волнами и петербургское взморье, которое художникъ изобразилъ въ тотъ неопредѣленный вечерній лѣтній часъ, когда затруднительно опредѣлить больше ли свѣта или больше мрака бываетъ на небѣ петербургскомъ? Ночное освѣщеніе картины вообще трудно, въ особенности же изображеніе лѣтней петербургской ночи, для которой нельзя прибѣгать къ пособію какихъ нибудь образцовъ ночи, написанныхъ опытными живописцами. Г. Боголюбовъ превозмогъ эту трудность. Какъ морякъ, имѣя возможность изучить любимую имъ стихію, г. Боголюбовъ изучилъ также прекрасно перспективу, воздухъ и землю, и жаль только что его произведенія бѣдны фигурами. Пріискивая въ умѣ, съ какимъ изъ нашихъ замѣчательныхъ художниковъ можно сравнить прекрасный талантъ г. Боголюбова, мы невольно пожалѣли, что не имѣемъ возможности видѣть

нынѣшній годъ мастерскихъ картинъ почетнаго вольнаго общника графа Мордвинова, котораго Большимъ каналомъ и дворцомъ Пезаро въ Венеціи украшались прошедшую выставку залы Академіи. Графъ Мордвиновъ можетъ быть поставленъ выше г. Боголюбова развѣ потому, что умѣетъ украшать свои виды разнообразными, проникнутыми мыслію группами человѣческихъ фигуръ, чего, какъ мы уже сказали, не видать ни на одной изъ картинъ лейтенанта Боголюбова.

Г. Лагоріо выставилъ нынче два этюда. Послѣ Кавказскаго вида на восточномъ берегу Чернаго-моря и вида рѣчки Куры съ замкомъ Тамары, послѣ первой золотой медали, когда можно и должно было ожидать отъ г. Лагоріо новыхъ, еще болѣе замѣчательныхъ произведеній— и вдругъ только два этюда. Случалось ли вамъ, когда нибудь, благосклонный читатель, послѣ удивительной игры какого нибудь даровитаго артиста, вдругъ услышать несущіяся изъ-подъ его пальцевъ монотонныя, хотя положимъ и трудныя гаммы; не правда ли, вами овладѣвало какое-то непріятное чувство? Тоже самое сталось и съ нами, когда мы разсматривали этюды г. Лагоріо. На нихъ изображена лишь одна сплошная масса зелени чтобы оцѣнить такую живопись, нужно быть глубокимъ и глубокимъ знатокомъ искусства. Утомило ли уже искусство г. Лагоріо, остановился ли его талантъ, или онъ, какъ усталый боецъ, совершившій трудные подвиги, отдыхаетъ и собирается съ силами, чтобы начать новые? Вопросы эти можетъ рѣшить только будущая выставка.

До сихъ поръ мы любовались изображеніями одной сѣверной природы, дадимъ теперь отчетъ въ изображеніяхъ природы южной, не похожей на нашу ни колоритомъ зелени, ни яркимъ блескомъ зари alba matutina (какъ выражаются восторженные итальянскіе художники) ни сквозистостью сухаго воздуха. Виды южной природы выставили классный художникъ Мейеръ, написавшій прекрасно горное ущелье и татарскій фонтанъ въ Крыму, и г-жа Сухово-Кобылина, съ произведеніями которой давно уже знакома наша публика. На нынѣшней выставкѣ находятся семь ея картинъ, изъ которыхъ лучшая вечеръ на южномъ берегу Крыма. Можно только замѣтить во всѣхъ произведеніяхъ г-жи Сухово-Кобылиной одно—она слишкомъ щедра на берлинскую лазурь. Ея воздухъ, ея даль нарисованы уже черезъ чуръ сине, и какъ кажется намъ не натурально, не смотря на то, что говоря о южномъ небѣ, выражаются не иначе какъ: синее небо, о волнахъ — синія волны, это особенный мѣстный колоритъ.

Въ третьей залѣ находятся произведенія гг. академиковъ Чернецовыхъ, трудолюбію и плодовитости которыхъ нельзя не подивиться. Не

проходитъ ни одной выставки, чтобъ они не украсили ее своими работами, преимущественно изображающими коротко знакомый имъ Востокъ. Нынѣшній годъ они выставили девять картинъ: Іисусъ Христосъ, проповѣдующій при Тиверіадскомъ озерѣ. Гора Казбекъ на Кавказѣ. Видъ съ вершины Хеопсовой пирамиды въ Египтѣ; Сфинксъ, тамъ же. Гробъ Господень въ Іерусалимѣ, Вертепъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ, часовня, вмѣщающая въ себѣ Гробъ Господень въ ротондѣ храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ; гробница Пресвятой Богородицы въ Геѳсиманіи, близъ Іерусалима и фонтанъ во дворѣ мечети Хабаніо въ Каирѣ. Изъ этихъ картинъ особенно заслуживаетъ вниманія первая по множеству нарисованныхъ въ ней фигуръ. Изъ копій, недурны два вида въ городѣ Альбано, скопированные г. Поповцовымъ съ картинъ Гакерта.

Но пойдемъ далѣе... нѣтъ никакой возможности! насъ остановила густая толпа; слухъ пораженъ восклицаніями восторга: Изумительно! Вотъ истинное геніяльное произведеніе! Вдругъ взглядъ за этимъ Quel horreur! Quel mauvais genre! Comme c'est sol! раздается возгласы посѣтителей, облеченныхъ въ шляпки и шали. Такіе разнородные отзывы поневолѣдолжны возбудить хоть чье любопытство. Что тутъ такое? Новое явившееся посмертное произведеніе Брюлова? Море Айвазовскаго? Ни чуть не бывало! Виною толкотни просто картина г. Риццони, погребокъ, или лучше сказать винный подвалъ, раздѣленный каменнымъ четвероугольнымъ столбомъ и освѣщенный двумя различными освѣщеніями—свѣтомъ дня, затемненнаго густымъ табачнымъ дымомъ и блескомъ нагорѣлой сальной свѣчи въ правомъ темномъ углу кабачка. Винный подвалъ этотъ кишитъ веселыми гостями, имѣющими возможность насладиться двойными дарами Бахуса и Орфея. Вся кар-Риццони замѣчательна удивительною оконченностью. Онъ не позабылъ самыхъ мельчайшихъ подробностей, чтобы придать своей картинѣ должную полноту—разбитая зеленая посуда, огрызокъ пряничнаго пѣтушка, орѣховая скорлупа, зеленый рѣпчатый лукъ, тесемки, все у него на сценѣ. Не смотря на искусство, съ которымъ г. Риццони умѣлъ облагородить эти сцены, нужно къ сожалѣнію замѣтить, что онъ только подмѣчаетъ вѣрно черты одной внѣшней жизни, и слишкомъ однообразенъ въ своихъ типахъ. Лица, рисуемыя имъ, безпрестанно повторяются, съ маленькими измѣненіями, и являются предъ зрителями, какъ старые знакомые. Неужели у г. Риццони, чтобъ быть совершеннымъ, недостаетъ способности воображенія и вымысла? Нельзя при этомъ не вспомнить и не пожалѣть о г. Федотовѣ, такъ преждевременно похищенномъ смертію у искусства. Человѣкъ этотъ, котораго многіе изъ восторженныхъ

его поклонниковъ называли русскимъ Гогартомъ, точно имѣлъ удивительную способность изображать на своихъ картинахъ, то съ простодушнымъ юморомъ, то съ горькимъ сарказмомъ, такія явленія, которыя можно подсмотрѣть только въ душѣ человѣческой. Возьмемъ для примѣра его Модный магазинъ, его Болѣзнь и смерть моськи, Утро молодаго, Львицу, Вдовушку, Крестины, Судьба художника и мышеловку. Каждая изъ этихъ картинъ проникнута глубокою мыслію и наблюдательностью. Предъ каждою изъ нихъ вы или разразитесь веселымъ смѣхомъ и спросите себя: «какъ же я самъ этого не примѣчалъ? или глубоко задумаетесь, и вамъ станетъ невыносимо грустно и больно, и за себя и за человѣчество. Мы помнимъ какое глубокое впечатлѣніе произвела на насъ картина, названная г. Федотовымъ очень остроумно «Мышеловкой» совсѣмъ впрочемъ не потому, что на первомъ планѣ, въ самомъ дѣлѣ, изображена мышь бѣгущая въ открытую западню на повѣшенный въ ней кусокъ говядины.

Впечатлѣніе, произведенное картинами г. Федотова долго не изглаживается, между тѣмъ, какъ сцены, написанныя г. Рицони, чрезъ короткое время уже очень смутно представляются воображенію. Г. Рицони началъ свое художественное образованіе въ Ригѣ, получилъ вторую золотую медаль за картину «Русскій трактиръ», а первую золотую за картину «Толкучій рынокъ». Одно изъ самыхъ лучшихъ его произведеній, которое онъ не разсудилъ выставлять на обсужденіе публики, находится въ картинной галереѣ Ѳ. И. Прянишникова, и любители, имѣвшіе случай его видѣть, говорятъ, что по совершенству выполненія и композиціи, онъ стоитъ выше всего, что произвелъ г. Рицони. Не менѣе сильный восторгъ начала производить съ 11-го октября, поставленная рядомъ съ «Погребкомъ», картина академика Худякова «Контрабандисты.» Не знаешь, къ какому роду живописи, къ батальному или къ живописи de genre отнести это прекрасное, по полнотѣ жизни, силѣ выраженія и искусной композиціи, произведеніе. Художникъ изобразилъ ту минуту, когда настигнутые пограничною стражей промышляющіе контрабандой спѣшатъ броситься въ лодку. Одинъ изъ нихъ старается отвести прицѣленное на него ружье дубиной, другой нагибается поднять камень для своей обороны, третій, старикъ, не надѣясь на свои силы, спѣшитъ влѣзть на лошадь, чтобы въ скорости ея бѣга найдти себѣ спасеніе; впереди таможеннаго отряда поставлена конная фигура офицера, сбросившаго съ одного плеча шинель, чтобы свободнѣе дѣйствовать саблею. Въ этой картинѣ все какъ будто дышетъ и движится. Честь артистическаго образованія замѣчательнаго таланта г. Худякова принадлежитъ Московской школѣ живописи.

Г. Трутневъ, бывшій до сихъ поръ преимущественно живописцемъ баталическимъ и заслужившій въ прошедшемъ году общее одобреніе своей прекрасной картиной: Бѣдствіе французовъ въ Россіи въ 1812 году, обратился въ настоящее время къ живописи de genre, и выставилъ картину: «Игра въ носки». Всѣ фигуры въ этомъ произведеніи г. Трутнева полны выраженія и истины. Чистосердечный смѣхъ мальчика, выраженіе самодовольствія на лицѣ солдата, приготовляющагося отсчитать нѣсколько ударовъ по носу проигравшаго мужика, съ самоотверженіемъ подставившаго ему этотъ членъ своей физіономіи, который, судя по его пунцовому колориту, уже не первый разъ подвергался такому истязанію, переданы мастерски.

Но вотъ опять толпа помѣшала нашему артистическому наблюденію, ее привлекли картины иностраннаго художника Мейера и нашего молодаго академика Горбунова. Первый выставилъ молящихся дѣтей и дѣвочку за книгою, а второй, крестьянъ, возвращающихся осеннимъ вечеромъ съ жатвы и крестьянскую дѣвушку, вышедшую утромъ къ колодезю и начинающую свои занятія молитвой. Въ обѣихъ картинахъ г. Мейера столько граціозности, столько вкуса, особенно въ дѣвочкѣ, что жаль отойти отъ нихъ. Облокотясь на столъ, бѣлокурая плутовка взяла большую книгу, но вмѣсто того, чтобы читать ее, лукаво посматриваетъ на зрителей своими голубыми глазками. Не менѣе картинъ г. Мейера имѣютъ достоинства картины г. Горбунова. Голова крестьянской дѣвушки напоминаетъ произведенія Греза, такъ она свѣжо и граціозно написана, а колоритъ въ картинѣ крестьянъ, возвращающихся съ жатвы, изображенъ съ изумительнымъ искусствомъ. Предъ вами возъ, накладенный снопами хлѣба, который везетъ бѣлая лошадь; кругомъ этого воза идутъ поющіе крестьяне, озаренные лучами багрянаго осенняго солнца. Лучи скользятъ и переливаются такъ натурально на всѣхъ предметахъ, даже на шерсти бѣлой лошади, что ближе подражать природѣ невозможно. Честь образованія замѣчательнаго таланта г. Горбунова принадлежитъ московской рисовальной школѣ, образовавшей многихъ художниковъ, которыми нынѣ можетъ смѣло гордиться петербургская Академія. Хорошо написаны также «Жнецы» г. Зеленскаго, только въ фигурахъ его, прекрасныхъ по колориту и нѣжности письма, мало правдоподобія. Его крестьянки слишкомъ разряжены для работъ и слишкомъ бѣлы и нѣжны для своего званія.

Г. Жуковскій, извѣстный уже петербургской публикѣ своими литографическими рисунками русскихъ народныхъ сценъ, выставилъ на нынѣшней выставкѣ—Жокъ, цыганскій танецъ въ окрестностяхъ города Кишенева и высадку 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи въ Одесскомъ портѣ.

Картины эти, написанныя съ поразительною вѣрностью, бойкой кистью, къ сожалѣнію очень малаго размѣра, который препятствовалъ художнику изобразить многія, быть можетъ, интересныя подробности. Народная сцена на ярмаркѣ въ Старой-Ладогѣ г. Попова и пикетъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, написаны также очень удовлетворительно.

Изъ батальныхъ картинъ выставлено нынѣшній годъ только четыре. Мусульманскій полкъ, атакующій часть венгерской пѣхоты съ артиллеріей при Дебречинѣ — князя Максутова, казаки, отбивающіе обозъ у французовъ въ 1812 году—г. Филипова, битва при редутѣ Шевардинскомъ, г. Кеппена и дѣло при Карлсбургѣ противъ венгерцовъ въ 1849 году г. Шарлемана. Князь Максутовъ только еще второй годъ является съ большими картинами и въ обѣихъ, какъ въ первой; Смерть генерала Слѣпцова, такъ и въ нынѣшней, однѣ и тѣже прекрасныя достоинства, одни и тѣже недостатки; обильность фигуръ, искусное размѣщеніе группъ, прекрасный колоритъ и освѣщеніе ихъ и однообразіе лицъ; тяжеловатое письмо и отсутствіе той полноты жизни и движенія, которыя составляютъ главное достоинство батальныхъ картинъ. Лучше выполнена въ этомъ отношеніи картина г. Филипова, къ сожалѣнію не совершенно оконченная, чему причиною, какъ мы слышали, была продолжительная болѣзнь художника, и картина г. Шарлемана, которому благопріятствовало и самое избранное имъ событіе. Художникъ изобразилъ эпизодъ изъ венгерской кампаніи. Болѣе всѣхъ этихъ трехъ картинъ понравилась большинству публики картина г. Кеппена, не смотря на то, что она не удостоена никакой награды. Эта картина хорошо обдуманная и полная самыми разнообразными группами, особенно много выигрываетъ отъ своего эфектнаго освѣщенія — огненнымъ заревомъ, озаряющимъ ночную мглу и средину сражающихся, переданнаго съ большимъ искусствомъ. Этому и молодому художнику, для полнаго его успѣха, можно развѣ только посовѣтовать обратить побольше виманія на рисунокъ. Въ движеніи его нѣкоторыхъ фигуръ не вполнѣ выражалось то дѣйствіе, которое онъ желалъ кажется изобразить. Г. Кеппенъ, воспитанникъ втораго кадетскаго корпуса, и въ послѣдствіи офицеръ, участвовавшій въ Венгерской кампаніи, еще не очень давно занимается въ классахъ Академіи, но при той легкости, съ которою онъ выполняетъ задуманные имъ сюжеты и при его сильной, безкорыстной любви къ искусству, которому онъ всѣмъ пожертвовалъ, отъ господина Кеппена батальная живопись можетъ многаго ожидать въ будущемъ.

Изъ мелкихъ картинъ военнаго содержанія, хорошо написана сцена изъ солдатской жизни г. Ридгольма, и въ особенности гусары у водо-

поя г. Микешина. Въ обѣихъ этихъ картинахъ колоритъ, какъ нельзя болѣе удовлетворителенъ.

Полюбовавшись портретами собакъ г. академика Швабе, изъ которыхъ два портрета собакъ, принадлежащихъ г. Беранже, уже не новы, и долго красовались въ магазинѣ Даціаро, мы не нашли болѣе ничего замѣчательнаго, о чемъ бы можно было говорить. Впрочемъ, виноваты; по рѣдкости случая закончимъ обзоръ нынѣшней выставки нѣсколькими словами о картинѣ г. Бѣлякова, этюдѣ съ натуры мужика съ костылемъ, не потому, чтобъ она была художественно исполнена, но потому, что г. Бѣляковъ, лишенный отъ природы половины рукъ, умудрился нарисовать ее *локтями*.

—

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Петербургъ передъ наступленіемъ зимы. — Усиленіе дѣятельности умственной. — Науки и ученые. — Литература и литераторы. — Журналы, редакторы и сотрудники ихъ. — Издатели и книгопродавцы. — Міръ артистическій. — Художники, актеры, музыканты. — Ученый писатель и артистъ въ обществѣ. — Юбилей Педагогическаго института. — Швейная машина. — Первыя впечатлѣнія зимняго сезона.

Петербургъ, въ пору глубокой осени, въ октябрѣ и началѣ ноября, имѣетъ нѣкоторое сходство съ сумерками, когда, въ ожиданіи лампы или свѣчъ, сидя въ полутемной комнатѣ, невольно предаешься сладостному или горькому раздумью, смотря по мѣрѣ вкушаемаго счастья. На сумерки походитъ и день осенній. Сплошныя громады зданій какъ-будто скрадываютъ половину и безъ того слабаго, сумрачнаго свѣта, который вольнѣе и замѣтнѣе разливается по широкому раздолью пустой равнины, обнаженнаго поля, между дряхлѣющими избами, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанными на покатостяхъ горы, вѣнчающей какую-нибудь сельскую окрестность.

Только какъ ни живописны сельскіе виды, подъ суровыми, оссіановскими покровами поздняго времени года, — въ исходѣ осени, передъ первыми морозами и снѣжкомъ, всѣ торопятся въ города, въ столицы: помѣщикъ изъ своей усадьбы, надѣлившей его изрядным доходцемъ; чиновникъ изъ домоваго отпуска, освѣжившаго его силы; поэтъ, полѣнившійся и набравшійся вдохновенія «въ тѣни черемухъ и акацій»; ученый, изъ далекой глуши, среди невозмутимой ея тишины, занимавшійся важнымъ трудомъ; педагогъ, пользовавшійся вакаціями и сыворткою; актеръ, изъ разъѣздовъ по провинціямъ; пейзажистъ, тамъ и сямъ искавшій новыхъ сюжетовъ, и ты, о модный джентльменъ, ничего не

искавшій, но все нашедшій, счастливый въ своей беззаботности и отсутствіи притязаній на извѣстность, на славу, на почетъ или видное мѣсто въ обществѣ.

Всѣ, кому необходимо, полезно или пріятно, быть на зиму въ Петербургѣ, въ концѣ осени стекаются сюда со всѣхъ сторонъ...

Одинъ, чтобъ тысячи прожить,
Другой, чтобъ зашибить копѣйку....
Иль въ свѣтъ привѣтливый пустить
Хитро-сплетенную статейку....
Книжонку мудрую издать
(Не строй гримасы, мефистофель!)
О томъ, какъ лучше сберегать
Капусту, рѣпу и картофель...

Наша литература очевидно мужаетъ, толстѣетъ: посмотрите на наши полные, здоровые журналы! При всемъ ихъ взаимномъ совмѣстничествѣ, имъ трудно сдвинуть другъ-друга съ мѣста—тяжелы! Шутки въ сторону, какая европейская литература можетъ похвалиться подобными объемистыми періодическими изданіями? Всѣ эти прославленныя иностранныя обозрѣнія—листочки, брошюрки передъ нашими полновѣсными ежемѣсячниками, представляющими собою цѣлую «Библіотеку для чтенія», цѣлый «Пантеонъ», литературно-художественный, полныя «Отечественныя Записки», многочисленные томы «Современника»... не считая «Москвитянина», который несправедливо было-бы назвать журналомъ дюжиннымъ, уже и потому, что онъ не ограничивается двѣнадцатью книжками въ годъ, а выдаетъ ихъ аккуратно по двѣ въ мѣсяцъ, къ несомнѣнному удовольствію и пользѣ своихъ подписчиковъ!.. А давно-ли у насъ, кромѣ того, издавались еще «Сынъ Отечества», перешедшій черезъ столько рукъ, и быстролетный «Финскій Вѣстникъ», который, превратился послѣ въ «Сѣверное Обозрѣніе»!

Старо, избито толковать, будто-бы въ журналахъ нашихъ мало хорошаго; что всѣ они болѣе или менѣе компиляція, извлеченіе изъ иностраннаго, или прямо переводы, съ незначительною примѣсью оригинальнаго, котораго, де, очень недостаточно. Помилуйте! оригинальнаго и оригинальности въ нихъ вдоволь .. желательно даже, чтобъ было ее поменьше... типографіи и читатели едва справляются съ оригиналами! А что касается компиляцій, извлеченій, переводовъ, то за нихъ-то и надлежитъ сказать спасибо, потому что они знакомятъ публику съ ходомъ и движеніемъ всемірной литературы, и когда тутъ-же, рядомъ, какъ на ладони, и вся своя собственная, то за что-бы, кажется, укорять журналы наши. Нѣтъ, не толстота ихъ причиною нареканій, а

кое-какія развѣ излишнія «тонкости», о которыхъ, можетъ-быть, слегка, мимоходомъ, рѣчь будетъ ниже.

Но, уловляемые вопросами, на пути встрѣчающимися, мы теряемъ, изъ виду главный вопросъ, почему, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, постепенно стало у насъ выходить книгъ или отдѣльныхъ сочиненій менѣе и менѣе? Литераторовъ, талантовъ что-ли меньше?

Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ слишкомъ ощутительнаго недостатка не оказывается. Образованныхъ, грамотныхъ, пишущихъ людей считаютъ теперь десятками, чуть не сотнями.

Причина простая, очевидная. Почти всѣ лучшіе литераторы наши принимаютъ постоянное участіе въ журналахъ, пишутъ для нихъ разсказы, повѣсти, романы, критическія, фельетонныя и другія статьи, описываютъ въ журналахъ свои путешествія, странствованія, поѣздки туда и сюда (напримѣръ, изъ Петербурга въ Тосну или Рыбацкое), «впечатлѣнія», и если все «сіе» не производитъ особеннаго впечатлѣнія на читателей, то, вѣроятно, отъ пресыщенія послѣднихъ избыткомъ приготовляемой для наслажденія ихъ умственной трапезы. И это началось съ 1834 года, то-есть, со времени «Библіотеки для Чтенія», за которою чрезъ пять лѣтъ послѣдовали «Отечественныя Записки», и т. д.

Почти въ каждомъ журналѣ есть отдѣлъ наукъ, а нѣкоторые изъ нихъ такъ и называются журналами «учено-литературными»; необходимы, слѣдственно, особые участники, свѣдущіе въ разныхъ отрасляхъ положительныхъ знаній,—спеціалисты. Такимъ образомъ и гг. ученые, волею-неволею, становятся сотрудниками періодическихъ изданій. Нѣкоторые романы, повѣсти, ученыя изслѣдованія, появившись первоначально въ этихъ изданіяхъ, выходятъ потомъ и отдѣльно: но они уже лишены интереса и прелести новизны, и сверхъ того на нихъ лежитъ отпечатокъ поспѣшности, неизбѣжно соединенной съ срочною журнальною работой, если впрочемъ авторъ, при отдѣльномъ изданіи, не выправилъ своего труда не придалъ ему бо́льшаго совершенства, что́ случается рѣдко, потому что тяжело и скучно заново передѣлывать старое, радикально исправлять его.

«Ничто не ново подъ луною!» сказалъ Карамзинъ. Преобладаніе журналистики приключалось у насъ не однажды и встарину. Давненько уже князь Горчаковъ эпиграмматически восклицалъ:

И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги не одной!

Въ настоящее время у насъ журналовъ *числомъ* не много: но за то каждый изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, по объему, стоитъ десятка

*

прежнихъ, которые ограничивались книжечками въ три, четыре листа, малаго формата и довольно крупной, разгонистой печати, изъ чего вовсе, однакожъ, не слѣдуетъ, будто мы измельчались.

Любопытную, занимательную и поучительную физіологію можно было-бы составить на досугѣ изъ вѣрнаго и подробнаго изображенія журнально-литературныхъ нравовъ: но не намъ, журнальнымъ сотрудникамъ, нескромно подымать полупрозрачно-волнующуюся завѣсу этой пестрой, многосложной картины, или безъ доклада вводить читателя въ затѣйливую туалетную осанистой госпожи-журналистики, которая является въ свѣтъ нарядно, набѣленная, нарумяненная, съ опечатками, вмѣсто мушекъ на лицѣ, въ цвѣтной оберткѣ вмѣсто мантильи, безъ явныхъ признаковъ утомленія и сценъ, предшествовавшихъ ея плавному выходу. Самъ читатель можетъ отчасти видѣть, угадывать происходящее въ ея несовсѣмъ-таинственной уборной или мастерской... Вотъ богатый, роскошный... о, разумѣется, богатый и роскошный!.. кабинетъ журналиста. Озабоченный, важный редакторъ сидитъ въ дорогихъ креслахъ передъ огромнымъ письменнымъ столомъ, уставленнымъ красивыми бездѣлушками, заваленными журналами, иностранными и русскими, разными бумагами, письмами, счетами и корректурными листами. Развалившись на диванахъ, стоя или прохаживаясь по комнатѣ, аристарха окружаютъ модные романисты, повѣствователи, критики, фельетонисты, компиляторы, переводчики, бумажный фабрикантъ, типографщикъ и корректоръ. Къ каждому, отъ времени до времени, обращается, по мѣрѣ надобности и по мѣрѣ значенія каждаго, болѣе или менѣе привѣтливое, ласкательное слово журналиста, сопровождаемое улыбкою, полуулыбкою, искренность и смыслъ которыхъ легко распознаются представителями этой разнохарактерной группы. Бюро, хранящее въ себѣ *фонды* журнала, заперто крѣпко-накрѣпко. Но всѣ эти господа, сотрудники, фабрикантъ, типографщикъ, корректоръ, значительно поглядываютъ то на привлекательную конторку, то на серьёзнаго обладателя предполагаемо-скрытыхъ въ ней сокровищъ. Они покамѣстъ никому не доступны, потому-что мѣсяцъ только еще вполовинѣ, и блистательныя произведенія, долженствующія украсить новую книжку журнала, находятся еще въ рукахъ наборщиковъ. Раза два, три въ мѣсяцъ личный составъ редакціи собирается у журналиста для совѣщаній, соглашеній и разныхъ взаимно-необходимыхъ объясненій. Въ послѣднихъ числахъ редакторъ и сотрудники почти безвыходно сидятъ дома, прилежно, неутомимо работаютъ за окончаніемъ статей или за остальною ихъ корректурою. Наконецъ все готово; «личный составъ» дышитъ легче, отдыхаетъ: свѣженькій нумеръ журнала показался въ свѣтъ.

Сотрудники свободны на недѣлю; редакторъ тоже переводитъ духъ, отдыхаетъ нѣсколько дней. Но, съ выдачею новой книжки, у него остается еще забота, можетъ-быть, иногда самая непріятная. Звонокъ не перестаетъ раздаваться у его дверей съ утра до вечера. Поочередно, одинъ въ слѣдъ за другимъ, дѣлаютъ ему «знаменательный» визитъ сотрудники, бумажный фабрикантъ, содержатель типографіи, корректоръ. Бюро отпирается; золото и кредитные билеты, въ условленномъ количествѣ, охотно или неохотно, выдаются каждому по принадлежности. Нѣкоторые журналисты избавляютъ себя отъ этихъ тягостныхъ для обѣихъ сторонъ визитовъ, предоставляя подобныя выдачи посредству своихъ конторъ; другіе, для бо́льшей вѣрности, ясности, въ избѣжаніе какихъ-нибудь недоразумѣній, предпочитаютъ сами разсчитываться, сколько это ни хлопотливо и ни обременительно. Главное дѣло, чтобъ были на лицо «фонды» — способъ выдачи ихъ второстепенность, зависящая отъ усмотрѣнія и соображеній владѣтеля журнала. Случайный недостатокъ въ «наличности», при нетерпѣливости и взыскательности кредиторовъ и разборчивости ихъ патрона — тяжелъ ему и въ вещественномъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Наши журналисты извѣстны въ этомъ отношеніи аккуратностью и добросовѣстностью. Кто брался за литературное предпріятіе не по силамъ, тотъ поплачивался вдвойнѣ, потому-что вынуждаемъ былъ прекратить изданіе, терявшее участниковъ и подписчиковъ.

Для журналиста, вполнѣ уже обезпеченнаго успѣшнымъ ходомъ своего повременника, ежемѣсячная за него расплата — пустяки, заведенные часы! По выпускѣ новой книжки, онъ весело отправляется на прогулку, и мимоходомъ заглядываетъ въ контору, чтобы удостовѣриться собственными глазами, быстро-ли идетъ тамъ разсылка экземпляровъ къ мѣстнымъ и иногороднымъ пренумерантамъ.

Если самъ онъ мало пишетъ, или вовсе не пишетъ въ своемъ журналѣ, принимая въ немъ болѣе коммерческое, нежели литературное участіе, ему важенъ только вещественный успѣхъ его изданія, исчисляемый количествомъ распродаваемыхъ экземпляровъ, и не очень чувствительны выгодные или невыгодные приговоры критики. Онъ хорошо знаетъ цѣну и кредитъ ее въ глазахъ публики; и еще лучше понимаетъ, что собратьямъ его нѣтъ карманной причины расхваливать чужое изданіе. Совсѣмъ не то критика для журнальныхъ романистовъ, повѣствователей и другихъ сотрудниковъ, выставляющихъ подъ статьями имя свое, особенно, если эти сотрудники ребята недовольно еще обстрѣленные, люди жёлчные, раздражительно и непомѣрно-самолюбивые. Они тревожатся, сокрушаются этимъ, такъ сказать дразненьемъ, критическимъ.

А иному журналисту оно и на руку. Дорожа способнымъ сотрудникомъ, онъ опасается, однакожъ, чтобы тотъ не вздорожалъ, возгордясь безпрестанными и безусловными похвалами, не возъимѣлъ излишнихъ претензій, не предъявилъ требованій по щекотливой части возвышенія курса на свои произведенія. Такъ было, такъ есть и будетъ, потому-что гдѣ люди, тамъ и слабости, интрижки и разсчеты.

Нѣтъ надобности прибавлять, что, въ литературѣ и журналистикѣ есть литераторы, писатели, проникнутые истиннымъ призваніемъ, безкорыстною любовью къ искусству и высокими, неукоризненными правилами нравственными. Эти избранные, тихіе и кроткіе созерцатели понимаютъ и убѣждены, что литература не только эстетическое служеніе искусству, духовная забава для взаимнаго наполненія досуговъ авторскихъ и читательскихъ, но и благородное, строгое служеніе истинѣ, добру и морали. Книга или статья, по прочтеніи которой не чувствуешь себя лучше, чище, не ощущаешь въ себѣ высокихъ стремленій, не прибавляешь ничего къ своимъ мыслямъ и образованію — пустяки, жалкій фокусъ-покусъ, шутиха-ракета, мгновенно погасающая! Книга или статья, не научающая добродѣтелямъ семейнымъ и общественнымъ, не распространяющая хоть нѣсколько круга умственныхъ свѣдѣній и свѣтлыхъ воззрѣній — мыльный пузырь, мимолетное дуновеніе, цвѣтокъ безъ красоты и благоуханія! Говоря-же вообще, литераторы, поэты и прозаики — люди далеко не злые, мягкосердечные, по природѣ склонные къ добру и нѣжнымъ чувствамъ: но, къ сожалѣнію, крайне неуживчивые, несправедливые другъ къ другу, словно между ними брошена кость, упоминаемая въ извѣстной баснѣ Крылова. Кость эта называется соперничество, совмѣстничество. Жесточайшіе враги примиряются; литераторы-соперники, неосторожно однажды задѣвшіе другъ друга, никогда или ненадолго! Вражда писательская, во имя яко-бы литературной правды или мнимыхъ условій искусства, способна придумать иногда самую хитрую и оборотливую неправду. Къ чести собственно ученыхъ, должно сознаться, что если и они также иногда вовлекаются въ споры и словопренія между собою, то гораздо разборчивѣе, уважительнѣе другъ къ другу, и не прикрываются лицемѣрно щитомъ науки...

Съ другой стороны, и въ пользу литераторовъ нельзя утаить, что совмѣстничество ихъ основано не столько на соревнованіи матеріальномъ, сколько именно на чисто авторскомъ, въ слѣдствіе оскорбленнаго или раздражаемаго самолюбія; говоримъ — «въ пользу», потому что все-таки утѣшительнѣе видѣть причину моральную, нежели исключительныя побужденія «прозаическаго», житейскаго разсчета.

Побужденія прямо коммерческія скорѣе могутъ быть допущены въ

кругу необходимыхъ посредниковъ между писателями и публикою, именуемыхъ издателями (éditeur) и книгопродавцами. Издатели-не-литераторы и торговцы книгами не родятся какъ поэты, а занимаются ремесломъ своимъ или по случайному выбору, или по наслѣдству; если окажется удобнѣе и выгоднѣе торговать мыломъ и сальными свѣчами, они не затрудняются пожертвовать товаромъ умственнымъ, который въ глазахъ ихъ не имѣетъ другой цѣны, кромѣ означенной на оберткѣ книги. Книгопродавцы-любители, знатоки внутренняго достоинства своего товара, у насъ еще не развелись, хотя и существуютъ нѣкоторыя старинныя по этой отрасли торговли фамиліи. Издателемъ можетъ быть всякій ловкій аферистъ, имѣющій средства купить и напечатать трудъ извѣстнаго писателя; книгопродавцу нужны сверхъ-того навыкъ и знаніе внѣшностей дѣла; поэтому книгопродавцы выходятъ бо́льшею-частью изъ касты прикащиковъ и «мальчиковъ», съ малолѣтства научаясь сноровкѣ и тонкостямъ ремесла. Такой «мальчикъ» зная «титулы» всѣхъ книгъ, въ лавкѣ хозяина его сваленныхъ — выростетъ, возмужаетъ, посѣдѣетъ, самъ сдѣлается хозяиномъ — и ни одной не прочтетъ. Случаются между ними, правда, и болѣе любознательные — наслышатся, начитаются: но лучше-бы они ничего не слышали, не читали. Полуобразованіе хуже невѣжества. Смѣшно и жалко смотрѣть на «тоннаго» — книжника. Важно сто́я за своею конторкою, онъ толкуетъ вкривь и вкось о книгахъ, журналахъ, статьяхъ, литераторахъ, воображая себя великимъ разумникомъ, а въ праздничный день медленно разгуливаетъ по улицамъ съ видомъ «мыслителя», облекшись въ модный пиджакъ или небрежно накинувъ на одно плечо коротенькій плащъ графа Альмавивы, изъ «Севильскаго цирюльника» и завившись въ цирюльнѣ...

Петербургскихъ книгопродавцевъ можно раздѣлить на три главные разряда. Первый, вмѣстѣ съ газомъ, разливаетъ свѣтъ по Невскому проспекту, то-есть содержитъ свои магазины на этой блистательной, лучшей улицѣ въ мірѣ. Они на перечетъ: гг. Крашенинникова, Ратькова, Юнгмейстера, Печаткина, Исакова и Базунова (говоримъ собственно о торговцахъ русскими книгами). Въ одномъ тишина и уединеніе, въ другомъ холодное молчаніе, въ третьемъ словоохотливость, въ четвертомъ безпрерывная прокладка на счетахъ, въ пятомъважное безстрастіе—вотъ внѣшнія отличительныя черты этихъ магазиновъ. Помѣстительнѣе и красивѣе убраны магазины гг. Ратькова Исакова, и Юнгмейстера (на углу Малой-Морской, возлѣ Думы и у Полицейскаго-моста), особенно послѣдній, нѣсколько даже щеголеватый, подобно самому хозяину, который (одинъ изъ всѣхъ здѣшнихъ русскихъ книгопродавцевъ) разомъ и очень легко объясняется

съ посѣтителями на трехъ діалектахъ. Всѣ три магазина во вторыхъ этажахъ; въ остальные три входъ съ тротуара: Крашенинникова — въ самомъ концѣ Невскаго-проспекта, къ Адмиралтейству; Печаткина — гдѣ прежде торговалъ токарь подъ упраздненнымъ кафе-рестораномъ Излера. Базунова — въ домѣ, гдѣ магазинъ русскихъ издѣлій, тутъ-же и контора «Современника». Въ прочихъ четырехъ магазинахъ также конторы тѣхъ или другихъ періодическихъ изданій. Это привлекаетъ публику. Зайдутъ за журналомъ, кстати купятъ и книгу.

За тѣмъ слѣдуютъ—книжныя лавки гостинодворскія или противъ гостинаго двора, по Большой садовой. Здѣсь болѣе замѣтныя роли играютъ гг. Поляковъ, Заикины и Глазуновы, Кораблевъ-Сиряковъ и Лисенковъ. Заикины и Глазуновы степенно и осторожно не предпринимаютъ никакихъ изданій, кромѣ «классическихъ» — они какъ-будто не признаютъ современной русской литературы, да и сверхъ того дѣйствительно выгоднѣе перепечатывать сочиненія старинныхъ писателей, потому-что при этомъ исключается важная издержка на пріобрѣтеніе правъ у автора. Г. Поляковъ, напротивъ, смѣло издаетъ все современное, пріобрѣтаемое на условіяхъ «умѣренныхъ» и обѣщающее вѣрный, скорый сбытъ... «ученыхъ садовниковъ», «практическихъ огородниковъ», сочиненія водолечебныя, разныя руководства и наставленія, касательно отращиванія волосъ, вывода насѣкомыхъ. Онъ обладаетъ большею книгопродавческою смѣтливостью и ловкостью. Кораблевъ и Сиряковъ, составляющіе компанію — книгопродавцы молодые, но весьма дѣятельные и притомъ очень скромные—они, между-прочимъ, печатаютъ на свой счетъ переводы нравственныхъ латинскихъ и греческихъ писателей первыхъ временъ христіанства, не пускаясь въ сомнительныя или обширныя спекуляціи. Г. Лисенковъ издалъ въ маломъ форматѣ Иліаду Гомера, въ переводѣ Гнѣдича, и поэму покойнаго Соколовскаго «Міросданіе». Онъ занимается систематическою продажею старыхъ и новыхъ книгъ, мѣстнымъ и въ особенности иногороднымъ требователямъ. Нынѣшніе книгопродавцы вообще не отличаются предпріимчивостью и еще менѣе рискомъ. Даже изъ числа содержателей книжныхъ магазиновъ на Невскомъ-проспектѣ не кого назвать въ этомъ смыслѣ, кромѣ развѣ Юнгмейстера, постоянно печатающаго разные учебники, представившаго публикѣ полное собраніе сочиненій Ивана Андреевича Крылова и нѣсколько изданій его басенъ, въ чемъ, впрочемъ, также риску не было. Есть тутъ еще, по Садовой, въ сосѣдствѣ съ г. Лисенковымъ, магазинъ Паньковыхъ, но о немъ мы не имѣемъ никакого интереснаго свѣдѣнія, равно какъ и о нѣсколькихъ книжныхъ лавкахъ по линіи между гостинницей Балабина и Чернышевымъ-переулкомъ. Весьма по-

рядочный книжный магазинъ Верховскаго и молодаго Смирдина (котораго почтенный отецъ извѣстенъ своими долгими и добросовѣстными трудами), помѣщающійся у Краснаго-моста, не пріобрѣлъ еще всеобщей извѣстности, какъ по недавнему своему существованію, такъ и по отдаленности отъ кипу чаго центра городской дѣятельности. Книжная торговля должна быть, что называется, на-яру. Лучшія для нея мѣста Невскій-проспектъ, гостиный дворъ и рынокъ—увы!

Рынокъ-то и составляетъ послѣдній ея разрядъ. Но мы, по крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ, не поведемъ читателя на эти кладбища ума человѣческаго, являющія грустныя, закоптѣлыя и запыленныя развалины фоліантовъ, книгъ разнаго формата и достоинства, тяжелыя кипы печатной бумаги, да пожелтѣлыя тетради нотъ, служащія пестрымъ подножіемъ поблекшимъ картинамъ, надломаннымъ статуйкамъ, надорваннымъ гравюрамъ и литографіямъ ..

Здѣсь, одновременно съ размышленіями объ авторствѣ, неизбѣжно представляются воображенію и другія отрасли творчества человѣческаго,—видишь палитру и рѣзецъ, слышишь какъ-будто-бы выходящіе изъ-подъ этой безмолвной груды гармоническіе звуки какого-нибудь давно-умолкшаго инструмента или вдохновенный монологъ сошедшаго въ могилу трагика напоминаемаго старинымъ его портретомъ, здѣсь-же случайно очутившимся...

Кого предпочесть, кто наиболѣе избранный изъ міра артистовъ? Тебя ли, живописецъ, возсоздающій на полотнѣ живые образы природы одушевленной и неодушевленной, которые только что не говорятъ и не двигаются, какъ мы съ вами, какъ листъ, шелестящій на деревѣ, какъ ручей, бѣгущій по неровному, каменистому дну, или какъ облака, плывущія въ выси воздушной? Кисть твоя воскрешаетъ передъ нами отца, брата или друга, нѣжную улыбку матери, которая навсегда перестала улыбаться; искусство твое очью переноситъ насъ во времена давнія; исторія и современность одинаково близки отъ тебя; ты рисуешь событія и людей, оставшіяся въ смутномъ преданіи, истлѣвшихъ въ самомъ прахѣ; изображаешь ясный полдень и ночную бурю, радости жизни и муку смерти. Не перечтешь всего, что ты изображаешь—работа твоя сама поэзія, и поэты нерѣдко воспѣваютъ ее. Вотъ твой соперникъ—ваятель, скульпторъ, оживляющіе холодный и блѣдный мраморъ, тяжелую мѣдь и бронзу! Посторонитесь ли вы другъ другу, или крѣпко пожмете руку одинъ другому? Вы не соперники, не дѣйствуете на одномъ, будто-бы тѣсномъ поприщѣ; вамъ не изъ-за чего ссориться, взаимно терзать репутацію свою; благородною, не дрожащею отъ зависти рукою вы радостно возлагаете на чело другъ-другу

заслуженный вѣнокъ, и, восхищенные обоюднымъ торжествомъ, вмѣстѣ идете слушать оперу любимаго композитора, или наслаждаться игрою какого нибудь знаменитаго драматическаго артиста...

И въ оркестрахъ, не всегда царствуютъ миръ и согласіе. Вторая скрипка нерѣдко скрипитъ, скрежещетъ зубами на первую, нѣжная флейта немилосердо освистываетъ турецкій барабанъ, и громогласныя трубы враждебно кричатъ на скромный англійскій рожокъ...

Говорятъ даже, будто-бы артисты еще самолюбивѣе, тщеславнѣе, взыскательнѣе литераторовъ. Писателя похвалите немного, или хоть оставьте его только въ покоѣ съ вашею привязчивою критикою, и онъ доволенъ, счастливъ своими тихими мечтами, поэтическими созерцаніями. Артиста, музыканта, пѣвца — сколько ни хвалите, какъ ни превозносите—ему все мало, все еще не отдано ему полной справедливости!

Извѣстный писатель, послѣ двадцати или тридцати лѣтъ непрерывныхъ, добросовѣстныхъ трудовъ, не дерзаетъ помышлять о своемъ бюстикѣ или литографированномъ портретѣ, едва соглашается дозволить друзьямъ срисовать или «вылѣпить» себя: посредственный музыкантъ, какой-нибудь малоизвѣстный заѣзжій франтикъ, смѣло выставляетъ изображеніе своей особы во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ, украшаетъ ихъ окна своею статуэткою или гипсовою головкой — услужливый художникъ придалъ челу ея небывалую печать геніяльности; на портретѣ онъ величаво рисуется со сложенными на груди руками, словно Наполеонъ, съ глазами, подернутыми туманомъ глубокомыслія, точь-въ-точь какъ у Канта или Байрона. Писатель охотно трудится за умѣренное вознагражденіе; отъ глубины души благодаритъ Промыслъ, надѣлившій его дарованіемъ, доставляющимъ ему честный кусокъ хлѣба; терпѣливо переноситъ несправедливость критики и равнодушіе публики. Гордый артистъ въ одинъ концертъ хочетъ собрать тысячи, какъ должную его высшему таланту дань; не терпитъ ни малѣйшаго, самаго деликатнаго замѣчанія критики, и скромнаго рецензента презрительно честитъ именемъ невѣжды, не посвященнаго будто-бы въ недосягаемыя тайны его мнимо-волшебнаго искусства, воображая, что оно гораздо труднѣе авторскаго—и точно— пюльпитръ выше письменнаго стола, за которымъ день и ночь корпитъ неутомимый литераторъ или ученый. Но—должно быть безпристрастнымъ — и жизнь артиста представляетъ своего рода испытанія, невыгоды, борьбу. Съ другой стороны, никто не сомнѣвается, что безталантный бумагомаратель не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ противопоставляемъ Моцарту, Бетговену, Гайдну, Паганини, Рубини, Лаблашу или Рашели...

Но вотъ ученый, литераторъ, художникъ и артистъ сошлись въ

обществѣ. Оно ихъ привѣтствуетъ, ласкаетъ, оказываетъ имъ предпочтеніе и почетъ, какъ своему украшенію, своимъ перламъ, какъ представителямъ своего умственнаго образованія и эстетическаго развитія. Оно чтитъ въ нихъ собственное выраженіе, смотрится въ нихъ, какъ въ зеркало, любуется ими какъ самимъ собою, потому что лишь образованное общество раждаетъ науку, литературу, поэзію и вообще изящныя искусства. До Петра Великаго, мудраго преобразователя и просвѣтителя отечества, у насъ не было ни науки, ни искусствъ, ни поэзіи, исключая тѣхъ самородныхъ даровъ ея, или простыхъ пѣсень, которыя изъ груди селянина вызывалъ шумъ родной дубравы, величественно заунывный вой сѣвернаго вѣтра и плескъ вспѣненныхъ имъ волнъ. Теперь мы поравнялись съ Европою, и она насъ шапками не закидаетъ ни въ какомъ отношеніи

Мы имѣли Ломоносова Державина, Карамзина, Озерова, Жуковскаго, Крылова, Пушкина Врибоѣдова, Лермонтова, Гоголя и еще десятка три, четыре писателей, которыхъ-бы знала и читала Европа, еслибъ они писали на языкѣ общеизвѣстномъ. Наши Академіи наукъ и художествъ могутъ также похвалиться не однимъ славнымъ именемъ, и еслибъ мы захотѣли наполнять статью свою именами замѣчательныхъ напримѣръ художниковъ и артистовъ, то вокругъ Брюлова, Бруни, Айвазовскаго, гр. Толстаго, Яковлева и Каратыгина, развѣ не успѣлибы собрать свѣтлыхъ созвѣздій второй и третьей величины....

Геніи, высокіе таланты во всѣхъ родахъ нигдѣ и никогда не роятся въ такомъ обильномъ числѣ, какъ муравьи. На поэтовъ, художниковъ, артистовъ случаются годы, цѣлыя десятилѣтія неурожая, котораго не отвратишь никакимъ заботливымъ посѣвомъ. Но за то въ массѣ все у насъ идетъ впередъ, и мы, по истинѣ, можемъ похвастать именно муравьинымъ обиліемъ дѣятелей во всѣхъ родахъ науки, искусства, литературы. Эти самые журналы, газеты, книги, брошюры, все-таки не перестающія выходить отдѣльно, не смотря на крайне-невыгодную для нихъ конкуренцію со стороны періодическихъ изданій, не свидѣтельствуютъ-ли краснорѣчиво, что просвѣщеніе достаточно уже созрѣло у насъ, и есть кому его разрабатывать, хотя и нѣтъ въ настоящее время лучезарныхъ свѣтилъ первой величины, исключительныхъ любимцевъ прихотливой, немножко избалованной публики. Зоилы, пожалуй, прибавятъ даже, что она, вопреки вышесказанному, не слишкомъ-то, въ свою очередь, балуетъ, ласкаетъ ихъ... что писатель, литераторъ, особенно, къ слову сказать, журнальный, какъ будто-бы потерялъ, противъ прежняго, часть кредита своего въ обществѣ и уваженія со стороны публики.

Все это, впрочемъ, касается лишь словесниковъ, критиковъ, фельетонистовъ, неизбѣжно увлекавшихся иногда пылкостью своихъ литературныхъ сужденій или излишнею впечатлительностью, которыя, при такой неумѣренности, вели не рѣдко къ уклоненію отъ истины, къ нарушенію должнаго безпристрастія въ между-журнальныхъ отношеніяхъ гг. литераторовъ. Скромный, спокойный и величавый рядъ представляютъ у насъ наука, знанія положительныя и спеціальныя. Тихо и важно ученые наши обрабатываютъ свои предметы, въ кабинетахъ и аудиторіяхъ, приготовляя новое поколѣніе, сыновей и внуковъ угасающаго или нынѣ дѣйствующаго на поприщахъ службы, науки, литературы, промышлености, въ кругу обязанностей семейныхъ, быта городскаго, сельскаго и т. д.

30 сентября, какъ извѣщаютъ въ газетахъ, главный Педагогическій Институтъ праздновалъ первое двадцатипятилѣтіе со времени дарованія ему новаго устава. Изъ рѣчи, въ день юбилея, произнесенной директоромъ института, дѣйств. ст. сов. П. И. Давыдовымъ и въ газетахъ же напечатанной, видно, между прочимъ, что въ высшемъ учебномъ заведеніи этомъ, въ теченіе двадцатипяти лѣтъ, образовалось пятьсотъ двадцать шесть профессоровъ, адъюнктовъ, учителей, директоровъ и инспекторовъ, и что, кромѣ шести университетовъ и четырехъ лицеевъ, имперія имѣетъ около *ста* дворянскихъ институтовъ и гимназій, множество уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, частныхъ школъ и пансіоновъ», и что «во многихъ изъ нихъ уже приносятъ плоды трудовъ своихъ питомцы главнаго Педагогическаго Института, разсадника воспитателей и наставниковъ». Можно ли не предвидѣть что изъ этихъ двухъ, трехъ тысячъ учебныхъ заведеній (считая военныя и другія спеціальныя), въ которыхъ воспитывается бо́льшая часть русскаго юношества, не возникнутъ многіе отличные дѣятели науки, искусствъ и литературы, быть-можетъ, предназначенные именами и произведеніями своими украсить лѣтописи отечественнаго просвѣщенія? Но зачѣмъ вдаваться въ мечты и предположенія, когда они уже прекрасно осуществляются. Вотъ передъ нами «*Опыты историко-филологическихъ и физико-математическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института*» (Спб., 1853. Въ типографіи Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 96, 136, 188, 28 и 40 стран.). Опыты эти заключаютъ въ себѣ: 1) Мысли Платона о воспитаніи юношества, А. Кургановича; 2) Глоссы Mater verborum, К. Скворцова; 3) Теорію маятника, Н. Будаева; 4) Аналитическій выводъ явленія, замѣчаемаго при прохожденіи круговымъ образомъ поляризованнаго свѣта сквозь пластинку исландскаго шпата, по направле-

ніямъ, близко подходящимъ къ его оптической оси, Е. Кедрова; 5) Объ анализахъ пива и виноградnаго вина, В. Григорьева. Всѣ эти изслѣдованія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о дарованіи, трудолюбіи и твердыхъ знаніяхъ молодыхъ авторовъ «опытовъ». Особенно двѣ первыя статьи замѣчательны полнотою изложенія и обдуманностью критическою, которыя сдѣлали бы честь и возмужалому ученому, искушенному бо́льшимъ и дѣйствительнымъ опытомъ жизни и науки.

Одновременно съ этою книгою отпечатанъ и самый «*Актъ двадцатипятилѣтняго юбилея*» института. Въ послѣднемъ изданіи, кромѣ рѣчи И. И. Давыдова, найдете: *О спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ*, рѣчь, произнесенную въ собраніи 30 сентября, экстраординарнымъ профессоромъ педагогіи въ институтѣ, И. Вышнеградскимъ, и *историческое обозрѣніе перваго двадцатипятилѣтія Г. П. И.*, составленное ученымъ секретаремъ А. Смирновымъ. Оно весьма любопытно потому, что, независимо отъ общихъ историческихъ свѣдѣній о началѣ и ходѣ учебной части въ Россіи, представляетъ полную и подробную хронику заведенія, которому посвящено. Еще въ 1783 году, при Императрицѣ Екатеринѣ II, учреждена была *учительная семинарія*, которая существовала до 1801 года, приготовивъ 425 наставниковъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Александра, министръ народнаго просвѣщенія, графъ П. В. Завдовскій всеподданнѣйше испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ С.-Петербургѣ *учительской гимназіи*, которая, по окончательномъ устройствѣ, 16 Апрѣля 1804, переименована въ *педагогическій институтъ*.— «То бы.ъ (говоритъ г. Смирновъ) фениксъ, явившійся изъ пепла учительской семинаріи, въ новомъ, блистательномъ видѣ». Въ 1816 году институту придано названіе Главнаго, и затѣмъ, согласно требованіямъ времени, назначеніе и составъ его измѣнялись—до 30 сентября 1828 года, когда нынѣ царствующій Государь Императоръ, во время турецкой войны, находясь на рейдѣ при Варнѣ, на кораблѣ «Парижъ», Высочайше соизволилъ утвердить уставъ и штатъ института, въ прошедшемъ мѣсяцѣ отпраздновавшаго двадцатипятилѣтній юбилей возобновленнаго и цвѣтущаго своего состоянія....

Юбилей этотъ, да годичная въ Академіи Художествъ выставка, о которой вамъ ужи разсказано, составляютъ въ послѣднее время замѣчательнѣйшія событія петербургскія, Къ числу мѣстныхъ зрѣлищъ, привлекающихъ людей любознательныхъ и досужихъ, можетъ быть присоединена и знаменитая *швейная машина*, которая значительно должна сократить медленный и утомительный трудъ портныхъ. Ее показываютъ (по 30 коп. сер. за входъ) въ средоточіи всѣхъ диковинокъ—на Нев-

скомъ-проспектѣ, въ домѣ Глазунова, надъ Милютиными-лавками, гдѣ она шьетъ на-славу. Глядя на нее, т. е. не на славу, а на машину, невольно думаешь, не изобрѣтутъ-ли современемъ какого-нибудь механическаго снаряда для облегченія и умственной работы, при составленіи, напримѣръ, срочныхъ въ журналы статей, которое сушитъ мозгъ, грудь и мало-по-малу разстраиваетъ желѣзное здоровье, если подобнаго постояннаго занятія не оставляемъ мы въ продолженіи многихъ лѣтъ и зимъ. «Охота пуще неволи!» скажете вы, повторяя древнее присловье; но вѣдь вамъ извѣстно также, что эта мудрая поговорка складывается и на оборотъ: «неволя пуще охоты!» Сказочные богачи, въ родѣ пресловутаго графа Монте-Кристо, можетъ-быть, на досугѣ, и стали-бы сочинять вдохновенныя поэмы, но ужъ, конечно, ни за какіе лавровые вѣнки въ мірѣ, не согласились-бы безсмѣнно поставлять каждый мѣсяцъ три, четыре печатныхъ листа «оригинала», набраннаго мелкимъ, убористымъ шрифтомъ....

«Э, помилуйте!» возражаете снова: «г-жа Сталь и г-нъ Александръ Дюма писали не меньше и не хуже васъ, гг. журнальные сотрудники,—умѣя находить время, какъ для труда, такъ и для отдыха или развлеченія. Правда, у Дюма было что-то въ родѣ швейной машины или швальни литературной—фабрикація романовъ, приготовляемыхъ или сшиваемыхъ нѣсколькими помощниками.... какъ бы то ни было, при точномъ распредѣленіи времени занятій, многое можно успѣть сдѣлать въ короткій срокъ, найти свободный часокъ, чтобъ хотъ немного пофланировать, послушать оперу, посмотрѣть балетъ....»

Понимаемъ, тонкій читатель.... вы хотите слова, другаго о новыхъ сюжетахъ петербургской сцены... Итальянская опера въ полномъ въ разгарѣ, и музыкальные критики въ единогласномъ восхищеніи отъ г-жи Лагранжъ. Одичъ изъ нихъ, какъ онъ печатно объясняетъ, такъ былъ «пораженъ ея прекрасною отбивною трелью, кончающеюся на баснословномъ звукѣ ли, что едва не свалился со стула. Почтенный мой сосѣдъ, прибавляетъ онъ, удержалъ меня отъ паденія. Сосѣдъ мой разсказалъ мнѣ въ послѣдствіи, что онъ испугался, увидѣвъ мою блѣдность, и удивился, что у меня градомъ текутъ слезы». Такое впечатлѣніе производитъ г-жа Лагранжъ аріей Розины въ «Севильскомъ-цирюльникѣ». Болѣе, подробнѣе, отчетливѣе скажетъ вамъ театральный отдѣлъ Пантеона въ слѣдующей книжкѣ. «Петербургскій Вѣстникъ» проводитъ только легкую линію въ общемъ очеркѣ общественной жизни нашей... Что касается балета, — въ то самое время, какъ извѣстная танцовщица, г-жа Гюи-Стефанъ, выплясываетъ въ Парижѣ испанское па,

«Гадитанъ» (*) которое, по мнѣнію тамошнихъ критиковъ, не совсѣмъ кстати въ новомъ балетѣ, «Эліа и Мизисъ», изъ временъ Нерона, —мы, поочередно наслаждавшіеся Маріей-Тальони, Фанни-Эльслеръ, Карлотой-Гризи, цѣлую зиму будемъ наслаждатся Луизою-Флери и Розою-Гиро. Если ко всѣмъ этимъ эстетическямъ удовольствіямъ прибавить классическую французскую трагедію, съ пріемницей г-жъ Жоржъ и Дюшенуа — знаменитой Рашелью, то нынѣшній зимній сезонъ въ Петербургѣ, по всей вѣроятности, будетъ однимъ изъ самыхъ роскошныхъ и замѣчательныхъ. Прошло время, когда сѣверная Пальмира могла завидовать Лондону, Берлину, Вѣнѣ, Парижу, въ блистательномъ разнообразіи утонченныхъ наслажденій общественной жизни: теперъ все лучшее и прекраснѣйшее сосредоточивается и берегахъ Невы, и нашъ Петербургъ становится какъ бы всемірною столицею. Великій Петръ, учредившій здѣсь нѣкогда первыя «ассамблеи», нынѣ не узналъ-бы имъ созданнаго, но оставленнаго еще въ младенчествѣ города, который въ наши дни споритъ съ Парижемъ, или, точнѣе, давно уже переспорилъ его... съ тѣхъ поръ, какъ русскіе два раза побывали въ немъ, отплатными гостями за незваное посѣщеніе матушкиМосквы...

Съ первыми морозами и снѣгомъ зима войдетъ во всѣ права свои .. начнутся общественные балы, маскарады въ Большомъ-театрѣ, Дворянскомъ-собраніи, и оживятся семейные вечера въ Благородномъ-танцовальномъ, которое обладаетъ такимъ великолѣпнымъ помѣщеніемъ. Но, покамѣстъ,—по крайней мѣрѣ, когда оканчиваемъ эту статью,—на дворѣ стоитъ еще осеннее ненастье, грязь, перепадаетъ дождь, гудитъ сырой вѣтеръ, и лишь изрѣдка полуденное солнце мимолетно освѣщаетъ сумрачныя улицы, переливаясь нежгучими лучами своими на золотыхъ куполахъ церквей. Петербургскому жителю, мало обращающему вниманія на погоду, вдоволь развлеченій, а деревенскій, въ уединеніи и глуши, живо бы обрадовался новой книгѣ, новенькому русскому роману въ уютномъ, удобномъ для чтенія форматѣ. Ихъ нѣтъ какъ нѣтъ, исключая повѣствованій журнальныхъ, если только это не все равно!

—

Теперь остается намъ только перейти въ область моды и посмотрѣть, какъ при этомъ обиліи общественныхъ сходбищъ, являются наши дамы щеголихи, какъ извѣстно отличающіяся своимъ изящнымъ вкусомъ и граціозностью своихъ нарядовъ. Вотъ лучшіе пять костюмовъ, которые мы рекомендуемъ нашимъ читательницамъ:

1-й нарядъ. (Выѣздной). Шляпка самая модная: сверхъ палевой атлас-

* Андалузскій танецъ, въ родѣ фанданго, только безъ кастаньетъ.

ной тульи, наложены черные кружева, въ нѣсколько рядовъ и по краямъ, около фестоновъ, обшиты тонкимъ золотымъ снурочкомъ. На бокахъ иныя носятъ полевые цвѣты съ золотыми колосьями, другія широкіе банты, съ концами, обшитыми золотой бахромкою. Подъ полями — отдѣлка изъ лентъ Платье—изъ средней шелковой матеріи—простенькое: юбка безъ всякой отдѣлки; корсажъ до верху и сверхъ него кружевной воротничекъ. Рукава полудлинные, не очень широкіе; подрукавнички въ пять оборокъ изъ англійскаго шитья. Мантилья изъ той же матеріи, какъ и платье, обшитая кругомъ аграмантомъ, бантиками изъ лентъ и бахромою подъ цвѣтъ. Перчатки непремѣнно палевыя, а браслеты металлическіе.

2-й нарядъ. (Для прогулокъ). Шляпка бѣлая атласная, кругомъ отороченная блондою. На поляхъ въ два ряда нашиты маленькіе бантики изъ розоваго неразрѣзнаго бархата. Подъ полями гирляндочка изъ того же бархата: на вискахъ по атласному бантику. Платье панлиновое, съ корсажемъ до верху: по корсажу и по юбкѣ сверху до низу бѣгутъ шелковыя пуговки. Мантилья изъ гласе, съ широкимъ воланомъ, на которомъ нашитъ другой изъ черныхъ кружевъ. Вся мантилья испещрена черными бархатными бантиками, въ видѣ бабочекъ.

3-й нарядъ (Домашній). Самая крошечная атласная шляпка, вся сборчатая. Задокъ обшитъ кружевомъ, на бокахъ и подъ полями цвѣты. Платье-капотъ, изъ шелковой матеріи, съ закрытымъ до верху корсажемъ, сверхъ котораго ниспадаетъ до самой таліи кардиналка, состоящая изъ двухъ воротничковъ, подбитыхъ бѣлою флорансовою тафтою. И передъ платья, и края воротничковъ, обшиты въ нѣсколько рядовъ аграмантомъ, состоящимъ изъ соединенныхъ между собою колечекъ. Воротничекъ à la mousquetaire.

4-й нарядъ. Шляпка сѣрая или дикая пуховая, безъ всякой отдѣлки снаружи, украшенная только съ боку марабу изъ страусовыхъ перьевъ. Подъ полями, подбитыми гроденаплемъ, гирляндочка изъ одной зелени, въ родѣ вѣнка, внизу тюлевые рюши. Подвязушки длинныя и широкія. Платье парадное, изъ тяжелой матеріи. Юбка состоитъ изъ трехъ тюникъ, изъ которыхъ каждая обшита въ нѣсколько рядовъ бархатцемъ и бахромою. Кофточка а la Рафаэль, съ четырехугольной вырѣзкою на верху. Она напереди схвачена тремя широкими бантами, а около полочекъ, рукавовъ обшита бархатцемъ и бахромою въ два ряда. Подрукавники тюлевые, съ мушками, и съ манжетами изъ брюссельскаго накладнаго кружева (imitation).

5й нарядъ. Шляпка атласная, лиловая, вся изъ мелкихъ бантиковъ. Поля обшиты синелью подъ цвѣтъ, а сверхъ полей сѣтка изъ желтой синели. Подъ полями рюшъ. Платье изъ шотландскаго фуляра. Корсажъ съ высокимъ лифомъ, напереди украшеннымъ пуговками, а въ таліи перехваченнымъ поясомъ, изъ той же матеріи. Рукава воронкою, къ низу шире, и обшиты широкимъ кружевомъ. Перчатки полудлинныя съ бархатными поручнями.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

10.

МУЖЪ, ЖЕНА И КУРОПАТКА.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ЗАИМСТВОВАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

АКТЕРОМЪ С. БОЙКОВЫМЪ.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ 1-Й РАЗЪ
НА АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ БЕНЕФИСЪ АКТЕРА Г. СМИРНОВА 2-ГО,
9 Сентября 1853 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЕРЕПЕЛКИНЪ,	*г-нъ Максимовъ 1.*
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЦВѢТКОВА,	*г-жа Левкѣева.*
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЛЕНЕВЪ, ея сосѣдъ по имѣнію,	*г-нъ Бойковъ.*
КАТЯ, горничная Цвѣтковой,	*г-жа Подобѣдова.*

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Цвѣтковой.

Хорошо меблированная комната. Въ срединѣ дверь, съ правой стороны на первомъ планѣ окно, на третьемъ дверь. Съ лѣвой стороны на первомъ окно, на второмъ каминъ, на немъ стоитъ ваза для цвѣтовъ, на третьемъ дверь. На авансценѣ по обѣимъ сторонамъ два стола. На задней стѣнѣ висятъ двѣ рапиры.

—

I.

ЦВѢТКОВА и **КАТЯ**, Цвѣткова сидитъ у стола съ лѣвой стороны и читаетъ книгу. Катя шьетъ съ правой стороны.

ЦВѢТКОВА. Катя!

КАТЯ. Что прикажете, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Который часъ?

КАТЯ. Первый въ началѣ.

ЦВѢТКОВА. Утра или вечера?

КАТЯ. Вы изволите шутить, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Съ чего ты взяла? Развѣ тебѣ кажется, что я расположена шутить?

КАТЯ. Нѣтъ сударыня, я...

ЦВѢТКОВА. Отвори окно. (*Катя отпираетъ окно съ лѣвой стороны*) Какъ хороша деревня! я обожаю деревню! А ты, Катя?

КАТЯ. Я тоже, сударыня. (*Молчаніе*).

ЦВѢТКОВА. Однако, столица также имѣетъ свою прелесть. Напримѣръ, Петербургъ... Что можетъ быть красивѣе его, величественнѣе... Я обожаю Петербургъ!.. А ты, Катя?

КАТЯ. Я тоже, сударыня. (*Молчаніе*).

ЦВѢТКОВА. Настроили мое фортепьяно?

КАТЯ. Точно такъ, сударыня.

ЦВѢТКОВА. Дождь все еще идетъ?

КАТЯ. Нѣтъ-съ, ужъ давно пересталъ.

ЦВѢТКОВА (*вставая*). Наконецъ-то!

КАТЯ. Посмотрите, сударыня, какъ свѣтитъ солнце! Даже смотрѣть больно.

ЦВѢТКОВА (*подходя къ окну*). Въ самомъ дѣлѣ... Впрочемъ, чтожъ тутъ удивительнаго?.. Это совсѣмъ не новость!.. Ахъ, Катя! Какъ бы я хотѣла умереть!

КАТЯ. Что вы это, сударыня!.. Богъ съ вами!

ЦВѢТКОВА. Отчего же? Жизнь такъ однообразна, монотонна... Хорошо причесаны мои волосы?

КАТЯ. Очень хорошо, сударыня.

ЦВѢТКОВА. Боже мой! какъ скучно въ деревнѣ! а эта мнѣ въ особенности надоѣла!

КАТЯ. Помилуйте, сударыня! Вы еще только прошедшимъ лѣтомъ ее купили!

ЦВѢТКОВА. Такъ чтожъ изъ этого?

КАТЯ. Ничего-съ, я такъ...

ЦВѢТКОВА. Боже мой! Какая скука! Катя! поговори со мной, скажи мнѣ что нибудь.

КАТЯ. Что прикажете, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Ахъ, какая ты скучная! Что прикажете? Говори, что хочешь... Да говори же, говори, что же ты молчишь?

КАТЯ. Объ чемъ же прикажете, сударыня? Развѣ объ Иванѣ Петровичѣ?

ЦВѢТКОВА. Ты не нашла ничего лучше сказать?

КАТЯ. Какъ, сударыня? Да вѣдь вы, говорятъ, выходите за него замужъ.

ЦВѢТКОВА. Это все вздоръ! Да еслибъ это и въ самомъ дѣлѣ было такъ, неужели ты думаешь, замужъ выходятъ для того только, чтобъ веселиться?

КАТЯ. А то какъ же, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Совсѣмъ нѣтъ. Теперь я скучаю одна, а выйдя замужъ, буду скучать съ мужемъ, вотъ и все.

КАТЯ. Неужели, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Да, я это знаю по опыту, я уже два раза была замужемъ.

КАТЯ. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня? Это, право, странно, вы еще такъ молоды...

ЦВѢТКОВА. А между прочимъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго... Въ первый разъ я вышла замужъ когда мнѣ только что исполнилось шестнадцать лѣтъ, за богатаго помѣщика Александра Ивановича Цвѣт-

кова, фамилію котораго теперь я приняла... онъ умеръ черезъ полгода послѣ нашей свадьбы... Ты видишь эти рапиры?

КАТЯ. Да, сударыня, и все не смѣла спросить васъ, для чего онѣ вамъ?

ЦВѢТКОВА. Я нарочно велѣла ихъ повѣсить здѣсь, чтобъ онѣ постоянно напоминали мнѣ моего перваго мужа... Онъ былъ такой добрый!.. такъ любилъ меня и фехтованіе. Спустя два года послѣ его смерти, я вышла за другаго...

КАТЯ. Который тоже умеръ?

ЦВѢТКОВА. Ну, не совсѣмъ.

КАТЯ. Какъ, сударыня, такъ онъ еще живъ?

ЦВѢТКОВА. И да, и нѣтъ... Вотъ уже три года, какъ онъ уѣхалъ за границу... Мнѣ недавно писали, будто бы онъ умеръ, впрочемъ эти слухи еще неосновательны.

КАТЯ (*взглянувъ въ окно*). Иванъ Петровичъ пріѣхалъ.

ЦВѢТКОВА. Боже мой, какъ онъ мнѣ надоѣлъ!

II.

ТѢЖЕ И ОЛЕНЕВЪ съ большимъ букетомъ.

ОЛЕНЕВЪ (*говоритъ въ кулису*). Хорошо, любезный, хорошо. (*Входитъ на сцену, Катя уходитъ*). Мое почтеніе, Елена Александровна! (*Предлагая букетъ*). Позвольте мнѣ предложить вамъ...

ЦВѢТКОВА. Хорошо, поставьте въ вазу и садитесь (*Она садится*). Что скажете?

ОЛЕНЕВЪ. Я... я...

ЦВѢТКОВА. Какъ! вамъ нечего мнѣ сказать?.. Въ такомъ случаѣ, прощайте, поѣзжайте домой.

ОЛЕНЕВЪ. Какъ! вы хотите?..

ЦВѢТКОВА. Ну, такъ садитесь и говорите (*съ нетерпѣніемъ*). Да садитесь же!.. (*онъ садится*). Говорите, я васъ слушаю.

ОЛЕНЕВЪ. Я говорю, Елена Александровна... когда вы назначите день моего счастія?

ЦВѢТКОВА. Ахъ, Боже мой! Вѣдь я ужъ вамъ сказала: подождите.

ОЛЕНЕВЪ. Да, вотъ уже полгода, какъ вы мнѣ только это и говорите.

ЦВѢТКОВА. Я имѣю на это свои причины... Теперь позвольте васъ спросить: почему вы хотите на мнѣ жениться?

ОЛЕНЕВЪ. Вотъ странный вопросъ!.. Потому-что вы прелестны, потому-что я васъ люблю!

ЦВѢТКОВА. Вы меня любите?

ОЛЕНЕВЪ. Безпредѣльно!

ЦВѢТКОВА. Это смѣшно!.. Вы меня еще такъ недавно знаете...

ОЛЕНЕВЪ. О! довольно одного...

ЦВѢТКОВА. Вы знаете только мое лицо и... мое состояніе, но не знаете ни моего сердца, ни характера... Вы даже не знаете моей фамиліи.

ОЛЕНЕВЪ. Нѣтъ, очень хорошо знаю: г-жа Цвѣткова.

ЦВѢТКОВА. Да, но у меня есть другая.

ОЛЕНЕВЪ. Какая, смѣю спросить?

ЦВѢТКОВА. Фамилія моего мужа.

ОЛЕНЕВЪ. Какъ!.. но вѣдь вы вдова?

ЦВѢТКОВА. И да, и нѣтъ.

ОЛЕНЕВЪ. Такъ объясните мнѣ...

ЦВѢТКОВА. Вы узнаете все черезъ три недѣли... А теперь, извините, мнѣ хочется отдохнуть... Прощайте, благодарю васъ за цвѣты. (*Уходитъ въ комнату налѣво*).

III.

ОЛЕНЕВЪ одинъ.

Три недѣли!.. Ждать цѣлыхъ три недѣли!.. Да вѣдь это вѣчность для влюбленнаго!.. И отчего она не хотѣла мнѣ теперь же все открыть?.. Что это за тайна?.. Во что бы то ни стало, непремѣнно постараюсь ее узнать!.. Надо будетъ допросить Катю, она вѣрно все знаетъ (*за кулисами слышенъ выстрѣлъ*). Это что такое?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*за кулисами*). А, наконецъ я ее убилъ!

IV.

ОЛЕНЕВЪ И ПЕРЕПЕЛКИНЪ безъ шляпы, въ одной рукѣ ружье, въ другой убитая куропатка.

ОЛЕНЕБЪ. Перепелкинъ!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Жанъ! ты ли это? Какая счастливая встрѣча! Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, входя сюда... Вѣдь я здѣсь у тебя?

ОЛЕНЕВЪ. Нѣтъ, ты...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*не слушая его*). Два часа!.. Понимаешь ли ты? Я преслѣдовалъ ее цѣлыхъ два часа!

ОЛЕНЕВЪ. Да кого?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Мою куропатку... Я поѣхалъ завтракать къ одному изъ моихъ друзей въ трехъ верстахъ отсюда, какъ вдругъ увидѣлъ

надъ огородомъ чуть ли не цѣлую дюжину куропатокъ... Я схватилъ ружье... (оно вѣдь всегда и вездѣ со мною неразлучно), выскакиваю изъ коляски... Ахъ, чортъ возьми, я потерялъ шляпу... Ну, да это ничего... Ты знаешь, что охота страсть моя: бѣгу какъ угорѣлый за куропатками, одна изъ нихъ отстаетъ отъ прочихъ, и когда она была отъ меня на ружейный выстрѣлъ, я прицѣливаюсь въ нее... пафъ! куропатка падаетъ... Я попалъ ей прямо подъ правое крыло... (Это мое правило, стрѣлять всегда подъ правое крыло). Я отправляюсь за нею... ищу, ищу, куропатки слѣдъ простылъ!.. Что за дьявольщина! думаю себѣ, не могла же она провалиться сквозь землю?.. Начинаю мои поиски снова, и представь себѣ мою досаду: куропатка выскочила почти изъ-подъ моихъ ногъ, и дала тягу, то есть, просто улетѣла... Чортъ возьми, вскричалъ я! Вѣдь я у тебя?..

ОЛЕНЕВЪ. Да позволь же...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Тьфу пропасть, вскричалъ я! Но постой, ты отъ меня не уйдешь!.. Я бѣгу за куропаткою, бѣгу какъ угорѣлый, весь въ поту... Фу! какъ жарко въ іюлѣ мѣсяцѣ!.. Бѣгу за куропаткою чуть ли не цѣлый часъ, измученный до нельзя...

ОЛЕНЕВЪ, Далѣе, далѣе...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Наконецъ куропатка моя летитъ прямо въ этотъ садъ, я прицѣливаюсь подъ лѣвое крыло... (Это мое правило, стрѣлять подъ лѣвое крыло, когда правое уже подстрѣлено)... Пафъ! жертва моя падаетъ, я отворяю калитку, беру куропатку, вхожу сюда съ намѣреніемъ извиниться передъ хозяиномъ или хозяйкой за нарушеніе спокойствія, попросить стаканъ воды... и вдругъ оказывается, что я у тебя, стало быть, теперь извиненія въ сторону, я пожимаю тебѣ руку и остаюсь у тебя обѣдать... Гдѣ твоя кухня?..

ОЛЕНЕВЪ. Но, мой другъ...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ты меня, я думаю, никакъ не ожидалъ? Вѣдь мы съ тобой лѣтъ пять не видались!.. Сюрпризъ для тебя, не правда ли?.. Гдѣ же твоя кухня?..

ОЛЕНЕВЪ. Да выслушай прежде...

V.

ТѢ ЖЕ и КАТЯ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*увидя ее*). Что я вижу?.. Э! Да у тебя горничная!.. (*отдавая Катѣ куропатку*). На, возьми, Лиза,

КАТЯ. Я не Лиза, сударь, а Катя.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, все равно... Возьми эту куропатку и не забудь, что мы будемъ обѣдать ровно въ пять часовъ.

КАТЯ. Но, сударь...

ПВРЕПЕЛКИНЪ. Вотъ тебѣ цѣлковый на сережки... У меня всегда есть съ собой цѣлковый.

КАТЯ. Благодарствуйте, сударь.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Да вотъ тебѣ еще и поцѣлуй въ придачу... У меня всегда и поцѣлуй есть на готовѣ. (*Оленеву*). Ты вѣрно позволишь? . Она такая хорошенькая.

КАТЯ (*въ сторону*). Это вѣрно знакомый моей барыни.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Поторопись же, Наташа.

КАТЯ. Иду, сударь. (*возвращаясь*). Ахъ! я забыла васъ спросить. Прикажете ее подать съ капустой?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Съ капустой? Пожалуй и съ капустой будетъ хорошо, вели же подать съ капустой.

Ты на кухню отправляйся
Поскорѣе же, мой свѣтъ...
И на славу постарайся
Приготовить намъ обѣдъ.
Главное, прошу припомнить:
Намъ вина къ столу подать.

КАТЯ.

Постараюсь все исполнить,
Обо всемъ похлопотать.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Иди же, иди.

КАТЯ. Сейчасъ, сударь. (*въ сторону, уходя*). Вѣрно ея короткій знакомый.

VI.

ОЛЕНЕВЪ и ПЕРЕПЕЛКИНЪ

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*ударяя его по плечу*). Ну, повѣса! Такъ вотъ видишь-ли.

ОЛЕНЕВЪ. Дай ты мнѣ сказать тебѣ...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Да ужъ нечего тутъ говорить, молчи лучше.

ОЛЕНЕВЪ. Нѣтъ, ужъ лучше ты замолчи!.. Ты слова не даешь мнѣ сказать...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Хорошо, хорошо, говори, я молчу.

ОЛЕНЕВЪ. Ты здѣсь совсѣмъ не у меня: эта деревня принадлежитъ молоденькой женщинѣ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Что?.. Какъ?.. Я не у тебя, а ты позволилъ мнѣ здѣсь распоряжаться обѣдомъ?,. Я не у тебя, а ты мнѣ позволяешь здѣсь кричать, цѣловать горничную?.. Фи, любезнѣйшій! Это совсѣмъ не по пріятельски! Отчего ты не предупредилъ меня?

ОЛЕНЕВЪ. Помилуй! да ты мнѣ слова не далъ сказать.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, скажи пожалуйста, что теперь подумаетъ здѣшняя хозяйка о тебѣ?

ОЛЕНЕВЪ (*удивясь*). Обо мнѣ?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, то послѣ этого случая нога бы моя не была въ этомъ домѣ... Что же касается собственно до меня, то мнѣ теперь ничего болѣе не остается дѣлать, какъ остаться здѣсь—и я остаюсь. (*Садится*).

ОЛЕНЕВЪ. Какъ! ты остаешься?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. И даже обѣдаю.

ОЛЕНЕВЪ. Обѣдаешь?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Розумѣется,—неужели ты думаешь, что я допущу ѣсть мою куропатку безъ меня?

ОЛЕНЕВЪ. Но, однако...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Если меня не пригласятъ къ столу, я потребую назадъ мое жаркое... Я скажу отдайте мнѣ мою куропатку! У меня на это есть куплетъ: (*Поетъ*).

Мнѣ отдайте куропатку,
Она собственность моя...

ОЛЕНЕВЪ (*увидя входящую Цвѣткову*). Вотъ и она.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Кто? Куропатка?

ОЛЕНЕВЪ. Нѣтъ, хозяйка.

VII.

ТѢЖЕ и ЦВѢТКОВА.

ОЛЕНЕВЪ. Елена Александровна! Вотъ молодой человѣкъ, который...

ЦВѢТКОВА (*увидя его*). Боже!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Что я вижу?

ЦВѢТКОВА (*въ сторону*). Мой мужъ!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*также*). Моя жена!

ОЛЕНЕВЪ. Ты знаешь Елену Александровну?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Да... немного...

ЦВѢТКОВА (*стараясь скрыть свое смущеніе*). Милостивый государь!.- Что мнѣ доставляетъ честь...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Сударыня! я охотился близъ васъ, и подходя сюда увидѣлъ въ окно моего друга Ивана Петровича, полагая, что онъ здѣсь живетъ...

ОЛЕНЕВЪ (*смѣясь*). Остался здѣсь обѣдать.

ЦВѢТКОВА Обѣд....

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Позвольте, сударыня... если бъ я зналъ... Прошу у васъ извиненія...

ЦВѢТКОВА. Это совершенно лишнее... Я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь... отобѣдаете у меня?..

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Но въ такомъ костюмѣ...

ЦВѢТКОВА. Что за этикетъ въ деревнѣ?..

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Я даже безъ шляпы.

ЦВѢТКОВА. Развѣ она нужна вамъ за обѣдомъ?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Конечно, нѣтъ.

ЦВѢТКОВА. Стало быть, вамъ нѣтъ никакой причины отказываться отъ моего приглашенія.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Которе я принимаю съ удовольствіемъ.

ЦВѢТКОВА. Благодарю васъ. (*Отходитъ къ сторонѣ и отдаетъ приказанія Катѣ, которая въ это время вошла*).

ОЛЕНЕВЪ (*тихо Перепелкину*). Ты не знаешь тайны Елены Александровны?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Какой тайны?

ОЛЕНЕВЪ. Которую она дала мнѣ слово открыть не прежде, какъ по рошествіи трехъ недѣль?..

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Нѣтъ, не знаю.

ОЛЕНЕВЪ. Постарайся узнать, ты меня этимъ очень обяжешь.

ЦВѢТКОВА (*Катѣ*). Поняла?

КАТЯ. Слушаю, сударыня. (*Уходитъ*).

ОЛЕНЕВЪ. Елена Александровна! Могу я просить позволить мнѣ написать у васъ записку моему управляющему?

ЦВѢТКОВА (*показывая на комнату съ правой стороны*). Въ этой комнатѣ вы найдете все нужное для письма.

ОЛЕНЕВЪ. Очень вамъ благодаренъ. (*Уходитъ*).

VIII.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ и ЦВѢТКОВА.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*послѣ долгаго молчанія*). Что вы на все это скажете, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Я? ничего.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Немного же. (*Ходитъ по комнатѣ, она дѣлаетъ то же, потомъ садится на стулъ съ лѣвой стороны, она садится съ правой. По временамъ они бросаютъ другъ на друга взгляды. Въ сторону*). Что бы мнѣ сказать ей... пріятное?.. (*Вслухъ*). Вы все время были здоровы, сударыня?

ЦВѢТКОВА. Въ продолженіе трехъ лѣтъ какъ мы разъѣхались, хотите вы сказать? Да, сударь, а вы?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Какъ! неужели прошло уже три тода?

ЦВѢТКОВА. Точно такъ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Удивительно, какъ скоро летитъ время!

ЦВѢТКОВА. Вы по прежнему любите охоту?

ПЕРЕПЛЕКИНЪ. Да, а вы?

ЦВѢТКОВА. Я? (*Съ улыбкою*). Я то же, потому что сегодня она доставила мнѣ удовольствіе...

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Отъ котораго вы бы съ удовольствіемъ отказались.

ЦВѢТКОВА. Я увѣрена, что и вы то же не прочь отъ этого?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. О, сударыня...

ЦВѢТКОВА. Къ чему притворяться? Встрѣча эта непріятна для насъ обоихъ... Судьбѣ угодно было соединить насъ и вскорѣ же разлучить.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Согласитесь, сударыня, что не я былъ этому виною, а вашъ характеръ.

ЦВѢТКОВА. Нѣтъ, напротивъ, вашъ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*вставая*). Какъ! у меня дурной характеръ?

ЦВѢТКОВА. Ужасный!..

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Неужели!.. Пожалуй, вы еще скажете, что во мнѣ есть недостатки и пороки?

ЦВѢТКОВА. Бездна!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Впрочемъ, въ комъ же ихъ и нѣтъ?

ЦВѢТКОВА (*вставая*). Вы скажете, что и у меня есть?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*вѣжливо*). У васъ? (*перемѣняя тонъ*). Тысяча! (*въ сторону*). Экъ я куда махнулъ!

ЦВѢТКОВА. Въ самомъ дѣлѣ?.. Хорошо, сударь, и такъ какъ мы здѣсь теперь одни, то чтобы чѣмъ-нибудь убить время въ ожиданіи обѣда, займемтесь исчисленіемъ нашихъ пороковъ и недостатковъ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Прекрасная мысль!

ЦВѢТКОВЪ. И такъ, начнемте... говорите прежде мои.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Всѣ?

ЦВѢТКОВА. Непремѣнно. (*садится на право*).

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Вы будете откровенны со мною?

ЦВѢТКОВА. Даю вамъ слово.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Слушайте же: первое, вы кокетка, вспыльчивы до невѣроятности. Вамъ можетъ быть это не нравится, такъ я замолчу.

ЦВѢТКОВА. Ничего, продолжайте.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*подходя къ ней*). Любопытны, капризны, недовѣрчивы, даже своенравны! (*садится подлѣ нея*). Теперь пойдемъ далѣе.

ЦВѢТКОВА. Какъ! еще не все?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Не все? Помилуйте, я только началъ.

ЦВѢТКОВА (*вставая*). Сегодня я чувствую себя что-то не совсѣмъ хорошо, и потому для перваго сеанса довольно, остальное вы доскажете въ другой разъ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*также вставая*). Какъ вамъ угодно, — и такъ, продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ.

ЦВѢТКОВА. Теперь позвольте и мнѣ въ свою очередь вычислить вамъ всѣ ваши пороки и недостатки.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Сколько вамъ угодно, сударыня.

ЦВѢТКОВА. Начну съ того, что вы повѣса.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Въ этомъ ужъ не я виноватъ.

ЦВѢТКОВА. Эгоистъ въ высшей степени.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Въ нынѣшній вѣкъ каждый заботится только о себѣ.

ЦВѢТКОВА. Вы готовы цѣлыя сутки проиграть въ карты.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Что дѣлать? Зимніе вечера такъ длинны...

ЦВѢТКОВА. Страстный приверженецъ охоты.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Что дѣлать? Лѣтніе дни такъ велики...

ЦВѢТКОВА. И вы еще до нашей свадьбы увѣряли меня, что будете хорошимъ мужемъ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. А вы примѣрною женою!

ЦВѢТКОВА. И какъ къ несчастію я ошиблась!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Позвольте же мнѣ теперь, сударыня, высказать вамъ все. Вы всегда стараетесь обвинять вашихъ мужей, вездѣ кричите, что они эгоисты, тираны, варвары, чудовища и тому подобное... У васъ двѣ крайности: вы требуете, чтобъ мужья или постоянно съ утра до вечера сидѣли дома, или повсюду ѣздили съ вами, тогда какъ это вещь совершенно невозможная. Сознаюсь, что я часто грѣшилъ противъ васъ, посѣщая такихъ людей, съ которыми бы совсѣмъ не слѣдовало знакомиться, и что если рѣдко бывалъ дома, то потому только, что вы меня всегда старались удержать при себѣ; знаю, что это было дурно съ моей стороны, но что же дѣлать? Ужъ у меня такой несносный храктеръ: непремѣнно дѣлать то, что мнѣ запрещаютъ; вотъ въ чемъ

только я былъ виноватъ передъ вами... Впрочемъ не подумайте, чтобъ я когда-нибудь хоть на минуту измѣнилъ вамъ... Боже меня сохрани! Нѣтъ, я никогда не забывалъ обязанностей мужа!.. Теперь скажите, кто былъ причиною, что мы принуждены были, спустя годъ послѣ нашей свадьбы, разъѣхаться въ разныя стороны?

ЦВѢТКОВА. Я скажу, что вы виноваты, но и я несовсѣмъ права... Еслибы я не старалась васъ удерживать при себѣ, вы, вѣроятно, скоро бы перестали быть повѣсой?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Непремѣнно-бы.

ЦВѢТКОВА. И такъ, сознаюсь, что я была причиною нашей размолвки.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Разумѣется, (*въ сторону*). Вотъ добрая-то душа! Она все принимаетъ на себя, тогда какъ во всемъ только я одинъ виноватъ.

ЦВѢТКОВА. Но мы объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь прошу извинить меня, если я на время васъ оставлю; мнѣ надо отдать кой-какія приказанія моей горничной.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Сдѣлайте милость, распоряжайтесь какъ дома.

ЦВѢТКОВА. И такъ, сударь, до свиданія, въ ожиданіи обѣда.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Я буду ждать его съ нетерпѣніемъ. (*Цвѣткова уходитъ въ свою комнату*).

IX.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ потомъ **ОЛЕНЕВЪ.**

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Она обворожительна! Я отъ нея въ восхищеніи! Мнѣ кажется, что она теперь еще лучше, чѣмъ была три года назадъ! Какая рѣдкая душа! Какая покорность! И я, дуракъ, не умѣлъ до сихъ поръ оцѣнить ее!

ОЛЕНЕВЪ (*входя*). Ну, что? Ты говорилъ съ нею?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Говорилъ... О! это ангелъ!

ОЛЕНЕВЪ. О комъ ты говоришь?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. О комъ же кромѣ Елены Александровны.

ОЛЕНЕВЪ. Я съ тобою согласенъ, она прелестна! я безъ ума отъ нея!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Что такое?

ОЛЕНЕВЪ. Да, мой другъ, я долженъ тебѣ признаться, что она единственная женщина, которая можетъ составить мое счастіе.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Неужели?

ОЛЕНЕВЪ. Я буду просить ея руки.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Что! ты хочешь на ней жениться? Нѣтъ, братъ, погоди немного, этого теперь нельзя сдѣлать.

ОЛЕНЕВЪ. Отчего?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, да ужъ я тебѣ говорю, что нельзя.

ОЛЕНЕВЪ. Что за тайна?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Погоди до вечера, тогда все откроется, а теперь пойдемъ прогуляться, мнѣ надо подышать чистымъ воздухомъ. (*Въ сторону*). Придумаю дорогою какъ-бы отъ него отдѣлаться. (*Вслухъ*). Пойдемъ же.

X.

ТѢ ЖЕ и КАТЯ.

КАТЯ. Она, сударь, на сковородѣ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Кто?

КАТЯ. Куропатка.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Какая куропатка? Ахъ, я и позабылъ! Хорошо, душенька, хорошо, не забудь побольше капусты.

КАТЯ. Будьте спокойны, сударь, все будетъ исполнено.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Благодарю, душа моя. (*Оленеву*). Ну, пойдемъ же. (*уходятъ въ среднія двери*).

XI.

КАТЯ одна, потомъ **ЦВѢТКОВА.**

КАТЯ. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, этотъ молодой человѣкъ? Я вотъ уже два года служу у Елены Александровны, а до сихъ поръ еще ни разу его не видала... Вѣрно это ея родственникъ, потому что онъ хозяйничаетъ здѣсь какъ у себя дома.

ЦВѢТКОВА. (*съ осторожностью отворяя дверь*). Катя! Гдѣ эти господа?

КАТЯ. Въ саду-съ... Прикажете позвать ихъ?

ЦВѢТКОВА. Нѣтъ, не надо. Не впускай ко мнѣ никого до обѣда, я хочу быть одна.

КАТЯ. Слушаю, сударыня. (*уходитъ*).

XII.

ЦВѢТКОВА одна.

Не знаю, радоваться мнѣ встрѣчѣ съ моимъ мужемъ, или нѣтъ? Онъ все такой же повѣса, какъ былъ и прежде... Но не смотря на это

онъ все-таки добрый малый, и еслибъ только пересталъ вѣтринничать, такъ я бы...

И отчего, сама не знаю,
Но грустно мнѣ безъ мужа жить,
Я въ одиночествѣ скучаю,
Не знаю время чѣмъ убить.
И я теперь должна признаться,
Хоть онъ повѣса, но къ тому жъ
Нельзя же въ томъ и не сознаться,
Что право, онъ предобрый мужъ.

(*Увидя букетъ, который принесъ Оленевъ*). Откуда явился этотъ букетъ? Ахъ, я и забыла, что его принесъ Иванъ Петровичъ!.. И къ чему эти букеты?.. Какая глупость дарить цвѣтами въ деревнѣ, это одно и тоже, что катаясь на лодкѣ предложить стаканъ воды. Вотъ вамъ вашъ букетъ! (*выбрасываетъ его за окно*).

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*за окномъ*). Ай, что это такое!

ЦВѢТКОВА. Ахъ, мой мужъ! убѣгу скорѣе. (*Убѣгаетъ въ свою комнату*).

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*входя съ букетомъ*). Нельзя ли по осторожнѣе?.. Что за странная фантазія выбрасывать изъ окна деревья?.. потому что это вовсе не букетъ, это цѣлый кустъ. (*потирая голову*). Изволь послѣ этого гулять съ открытой головой!.. Нѣтъ, рѣшено, теперь я ни шагу безъ шляпы!.. Но зачѣмъ же я пришелъ сюда? А! вспомнилъ!.. Чтобъ видѣться съ Еленой Александровной и сказать ей... Но гдѣ же она?

XIII.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ И КАТЯ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. А! ты пришла очень кстати, Наташа.

КАТЯ. Катя, сударь,

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Все равно, что за счеты!.. Доложи обо мнѣ.

КАТЯ. Кому-съ?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Твоей барынѣ.

КАТЯ. Они никого не велѣли принимать до обѣда.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. А! она бѣжитъ отъ меня! Значитъ, любитъ.

КАТЯ. Васъ, сударь? А Иванъ-то Петровичъ что же?

ПЕГЕПЕЛКИНЪ. Ивану Петровичу не до того, онъ теперь бесѣдуетъ съ голубями.

КАТЯ. Что вы говорите, сударь?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, да. Скажи мнѣ, пожалуйста, Саша, не говорила ли тебѣ твоя барыня, кого она любитъ?

КАТЯ. Нѣтъ-съ, никогда не говорили.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Если такъ, то мнѣ непремѣнно надо ее сейчасъ видѣть.

КАТЯ. Нельзя, сударь, я ужъ вамъ доложила, что онѣ до обѣда никого не велѣли къ себѣ принимать.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, такъ надо сдѣлать, чтобъ она сама сюда вышла.

КАТЯ. Но какъ же?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Подумаемъ (*увидя на стѣнѣ рапиры*). А! прекрасная мысль! (*беретъ рапиры и подаетъ одну Катѣ*). На, возьми, и давай драться.

КАТЯ. Что вы это, сударь! Съ какой стати?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Вотъ тебѣ за это другой цѣлковый... У меня всегда есть съ собой другой цѣлковый... Ну, становись же, ты будешь Иванъ Петровичъ.

КАТЯ. Да я, сударь, Катя, а не Иванъ Петровичъ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Не разсуждай пожалуйста, а дѣлай что тебѣ говорятъ... Ну, смотри, пожалуйста! Ты держишь рапиру точно кострюльку съ соусомъ!.. Выше подними!.. Вотъ такъ... Теперь начнемъ. Разъ, два! разъ, два! отпарируй же!

КАТЯ. Да какъ?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Экая глупая, ничего не понимаетъ!.. Ну, хоть просто коли меня, только смотри въ глазъ не попади.

КАТЯ. Такъ, что ли?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, да, (*продолжая*). Разъ, два! разъ, два!.. Что, она еще не идетъ?

КАТЯ. Нѣтъ еще.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Разъ, два! разъ, два! А, постой! (*беретъ ружье и стрѣляетъ за окно. Катя вскрикиваетъ*. Ну! я убилъ ворону! Теперь убирайся отсюда!

КАТЯ. Куда?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ступай же, когда говорятъ! Экая безтолковая! (*выпроваживаетъ ее. Увидя входящую Цвѣткову*). А, вотъ и она! (*уходитъ въ среднія двери*).

XIV.

ЦВѢТКОВА, потомъ **ПЕРЕПЕЛКИНЪ**.

ЦВѢТКОВА (*подбѣгая къ окну*). Что здѣсь такое? Катя! Катя!

(*увидя Перепелкина, который входитъ съ повязанною платкомъ рукою*). Боже мой! Вы дрались на дуэли?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Успокойтесь, сударыня... Иванъ Петровичъ цѣлъ и невредимъ.

ЦВѢТКОВА. Кто вамъ говоритъ объ Иванѣ Петровичѣ?.. Что мнѣ до него?., Но вы... вы ранены... и можетъ быть... опасно.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Нѣтъ, только одна царапина.

ЦВѢТКОВА. Не стыдно ли вамъ, въ ваши лѣта рисковать своею жизнью?.. И вѣрно причиною дуэли была какая нибудь бездѣлица.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. О, напротивъ!

ЦВѢТКОВА. Какъ?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Вамъ извѣстно, сударыня, что когда сойдутся два соперника...

ЦВѢТКОВА. Соперника!

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Да, сударыня, потому что мы оба влюблены въ одну особу.

ЦВѢТКОВА. Но кто же она?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Вы.

ЦВѢТКОВА. Я?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Да, теперь только я увидѣлъ, какого сокровища лишился. Клянусь вамъ, что съ этого дня я совершенно перерождаюсь: сдѣлаюсь степеннымъ человѣкомъ и буду вѣренъ вамъ какъ нельзя болѣе. Чувствую, что я виноватъ передъ вами; я, одинъ я причиною тому, что мы принуждены были разъѣхаться... Каюсь, чистосердечно каюсь! Прощаете ли вы меня?

ЦВѢТКОВА. Даете вы слово исправиться совершенно?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Даю честное слово.

ЦВѢТКОВА (*подавая ему руку*). Такъ и быть—миръ.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ (*цѣлуя ея руку*). Вѣчный, неразлучный!

XV.

ТѢЖЕ и ОЛЕНЕВЪ, входитъ взбѣшенный.

ОЛЕНЕВЪ. Это ужасно! неблагородно! глупо! Это ни на что не похоже!

ЦВѢТКОВА. Что съ вами?

ОЛЕНЕВЪ. Запереть меня въ голубятню! я чуть тамъ не задохся! (*Чихаетъ. Перепелкину*). Покорнѣйше васъ благодарю, это только вы и въ состояніи сдѣлать.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Помилуй? съ чего ты взялъ?.. Это вѣрно вѣтромъ захлопнуло дверь.

ОЛЕНЕВЪ. Спасибо садовнику, что тотъ выпустилъ меня, а то-бы я просто тамъ умеръ отъ духоты.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. А что, развѣ тамъ въ самомъ дѣлѣ тяжелый воздухъ?

ОЛЕНЕВЪ. Убирайся! я съ тобой говорить не хочу! Я понимаю, ты сдѣлалъ это съ намѣреніемъ; ты хотѣлъ отбить у меня Елену Александровну, такъ нѣтъ же, не удастся. Елена Александровна! вы обѣщали дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

ЦВѢТКОВА. Въ чемъ?

ОЛЕНЕВЪ. Вы вѣрно не забыли, что я просилъ вашей руки.

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Ну, нѣтъ, братъ, ты опоздалъ, я ужъ на ней женился.

ОЛЕНЕВЪ. Чео за вздоръ! Когда же?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Три года тому назадъ. А если тебѣ быть можетъ покажется удивительнымъ, что мы не жили вмѣстѣ, то это было сдѣлано для того, чтобъ испытать нашу любовь.

ОЛЕНЕВЪ (*озадаченный*). На что же все это похоже? Вѣдь этакъ я по твоей милости остаюсь въ чистыхъ дуракахъ!.. Ты меня этимъ такъ поразилъ, что я даже не знаю, что мнѣ теперь остается дѣлать?

ПЕРЕПЕЛКИНЪ. Знаешь что? Отправься-ка опять на голубятню подышать свѣжимъ воздухомъ.

ВСѢ.

Водевилемъ мы хотѣли
Васъ на полчаса занять,
Еслижъ въ этомъ не успѣли,
Такъ чего отъ васъ намъ ждать?

Инв 10447.

ОГЛАВЛЕНІЕ IX ТОМА.

—

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КТО КОГО ПРОУЧИЛЪ? Комедія съ куплетами въ одномъ дѣйствіи, графини *Е. П. Ростопчиной*. (Кн. 9).

ЗАПРЕТЪ НА ИМЯ. Быль, очень похожая на сказку. *М. И. Воскресенскаго*. (Кн. 9).

СКРИПАЧЪ. Разсказъ *М. Л. Михайлова*. (Кн. 10).

ЛЕЛЯ. Разсказъ изъ жизни. *С. С-ч*. (Кн. 10).

СТИХОТВОРЕНІЯ: Колокольчикъ. *Графини Евдокіи Ростопчиной*.
Разлука. *О-ва*. (Кн. 10).

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ВИЛЬЯМЪ ГОГГАРТЪ И ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. *Статья вторая и послѣдняя*. (Кн. 9).

ГВИДО РЕНИ. (Кн. 10).

ПЕТРЪ РОДЕ. *И. С.* (Кн. 10).

МЕМУАРЫ.

Признанія и разсказы французской актрисы госпожи Марсъ. (Кн. 10).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Французскіе спектакли съ 1 іюня по 15 сентября.—Каменноостровскій театръ и лѣтніе спектакли.—Природа и искусство.—Г. Невиль и ег

дебюты.—*Сѣдой волосъ* и драматическія пословицы Октава Фелье.—*Понедѣльники*.—Прощаніе гг. Руже и Готи съ петербургскою публикою.—Бѣгство г. Бертона.—Дебюты г. Тестара.—Водевили.—*Деревня*.—Мысль и исполненіе этой пьесы.—Еще драматическія пословицы и водевили.—Г. Леонъ.—*Филиберта*.—Значеніе этой комедіи.—Возможенъ ли характеръ Филиберты?—Стихи Эмиля Ожье.—*Канадаръ отецъ и сынъ*.—Дебюты г-жи Поль Эрнестъ.—Пьеса, основанная на табакѣ.—*Незабвенныя воспоминанія*.—*Чего хочетъ женщина*.—*Извощикъ Жанъ* и бульварныя драмы. (Кн. 9).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Вмѣсто предисловія.—*Харьковскій театръ:* Кто правъ, кто виноватъ?—Ни слова о спектакляхъ, но довольно о Г. Н.—Новости Харьковскаго театра.—Отливъ и приливъ дѣятелей.—*Одесскій театръ*.—Два слова о столичныхъ гостяхъ.—Театръ въ *Кіевѣ* и *Екатеринославлѣ*. (Кн. 9).

СМѢСЬ.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ. Статья первая. *В. И. Перекрестова*. (Кн. 9). Статья вторая. (Кн. 10).

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ. Изъ записокъ бывшаго морскаго офицера. *П. М. Новосильскаго*. (Кн. 9 и 10).

ЗАПИСКИ АРАБА ФАТАЛЛЫ СЕГИРА. Изданныя *А. Ламартиномъ*. (Кн. 9 и 10).

КАКЪ ИНОГДА РАСХОДЯТСЯ СВАДЬБЫ. Разсказъ *М—а*. (Кн. 9).

ВЕЧЕРА ВЪ АЛУШТѢ. (Кн. 10).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА.—Оливеръ Гольдсмитъ.—**ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.**—Испанская народная драма.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.**—Солнце-живописецъ (*исторія дагеротипа и фотографіи*).—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.**—Финики и фіалки (*разсказъ Леона Гозлана*).—Двѣ знаменитыя собаки Безерильо и Леонсильо.—Три портрета Абдель-Кадера.—Еще анекдотъ о движеніи неодушевленныхъ предметовъ.—Сент-Адресъ.—Шмидтъ-живописецъ ножницами.—Пароходы въ Миссисипи.—Асторъ.—Орландъ де-Лассю.—Мечта г-жи де-Севинье.—Тайна нотаріуса.—Необыкновенное завѣщаніе.—Ловля тюленей въ нынѣшнемъ году.—

Овощи въ Лондонѣ.—Быстрота парусныхъ судовъ. — Эоиръ вмѣсто паровъ.—Свадьба черезъ книгу.—Восточный оселъ.—Законы туалета.—Самое старое дерево въ свѣтѣ.—Путешествіе Александра Дюма въ Англію (*отрывокъ*).—Открытіе привидѣнія (*разсказъ*). (Кн. 9).

ЛИТЕРАТУРА. — Смерть Джажнадата (*отрывокъ изъ Рамайяны*). — Мысли Стерна.— Мнѣніе Сен-Марка Жирардена о романахъ, любви и женщинахъ по поводу Новой Элоизы.—Начало журналистики въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Слѣпой кларнетистъ (*музыкальный разсказъ*).—Віолетта, новая опера Меркаданте.—Письмо Меркаданте о Miserere.—Отелло Россини.— **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.**—Наблюденія надъ миражемъ.—Движеніе цвѣтка Victoria Regia.—Новыя наблюденія надъ электрическимъ свѣтомъ.—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.**—Отъ ссоры не быть пути (*разсказъ*). —Путешествіе по Ирландіи послѣ бывшаго въ ней неурожая. — Сорокадневный сонъ.—Странная африканская ягода.— Сватовство Генриха IV (*историческій разсказъ*). (Кн. 10).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва осенью.—Слухи о г-жѣ Рашель, новая комедія г. Островскаго.—Г. Бантышевъ и его послѣднее представленіе.—Бенефисы г. Монтегю и Васильева. — Воспоминанія о французской труппѣ.—Драгоцѣнныя картины.—Литературная дѣятельность Москвы.—Москвитянинъ, новыя книги.—Маскарады будущей зимы.—Докторъ Гаазъ. (Кн. 10).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. **НОВЫЯ КНИГИ**: «Князь Василій Сицкій». Романъ изъ временъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Изданіе *П. Г. Кузнецовой*. Три части. «Капитанъ Симонъ». Романъ *Поля Феваля*. Переводъ съ французскаго. «Руководство къ распознаванію, леченію и предохраненію себя отъ болѣзней, происходящихъ отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни, составленное для образованнаго класса людей». Соч. *Х. Иноевса*.

II. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**: Переѣздъ съ дачъ и загородье осенью.—Эпилогъ лѣтняго сезона.—Темнота въ садахъ и балы съ иллюминаціей.—Новое изданіе одной изъ арабскихъ сказокъ, въ картинѣ безъ текста.—Поздній и неудачный пріѣздъ графа Монте-Кристо.—Кометы, старая и новая.—Сентябрская гроза и буря.—Поэтъ и критикъ.—Невскій-проспектъ и пассажъ.—Магазины вообще и книжные въ особенности.—

Опера, балетъ и драматическіе спектакли.—Рашель, Лагранжъ, Кальцоляри и Роза Гиро. (Кн. 9).

I. **ЖУРНАЛИСТИКА.**—Необходимость и польза критическаго взгляда на произведенія и статьи, помѣщаемыя въ журналахъ. — Когда у насъ началась критика на журналы, какъ продолжалась и нынѣ ведется?—Должно ли разбирать все, печатаемое въ журналахъ, или чѣмъ слѣдуетъ ограничиваться? — Сентябрскія и октябрскія книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника».—Замѣчанія на «Замѣтки и воспоминанія о русской журналистикѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ», помѣщенныя въ іюльской книжкѣ «Пантеона». — Стихотворенія «Отечественныхъ Записокъ» и физіологія «Новаго-Поэта» въ «Современникѣ». — *Деревня*, повѣсть Ольги Н.— *Дневникъ* г-на Толстаго, и еще кое-что. (Кн. 10).

II **ГОДИЧНАЯ ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.** (Кн. 10).

III. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.**—Петербургъ передъ наступленіемъ зимы.—Усиленіе дѣятельности умственной. — Нзуки и ученые. — Литература и литераторы. — Журналы, редакторы и сотрудники ихъ. — Издатели и книгопродавцы. — Міръ артистическій. — Художники, актеры, музыканты. — Ученый, писатель и артистъ въ обществѣ. — Юбилей Педагогическаго института. — Швейная машина. — Первыя впечатлѣнія зимняго сезона. (Кн. 10).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ. Комедія-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ. Соч. г-жи *Тальцевой*. (Кн. 9).

МУЖЪ, ЖЕНА И КУРОПАТКА. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, заимствованный съ французскаго актеромъ *С. Бойковымъ*. (Кн. 10).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

—

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ 4 РУКИ.

BRUNNER. Troirs airs favoris de Fr. Schubert variés. Op. 92. № 1. Lob der Thränen. № 2. Ungeduld. № 3. Ständchen. (Chaque 1 p.)

CZERNY. Divertissement sur l'opéra: Postillon de Lonjumeau Op. 476. (1 p. 15 к.) Reminiscences de l'opéra: Domino noir. Fantaisie favorite. Op. 517. (2 p. 15 к.) 6 Rondos militaires. Op. 646. № 1—6. (Chaque. 60 к.)

DUVERNOY. Fantaisie sur l'opéra: Domino noir. (2 p.) Divertissement sur le ballet: Giselle. (1 p. 15 к.)

FLORE THÉATRALE. Sur l'opéras: Ernani. Les Martyrs. Die vier Haimonskinder. Alessandro Stradella. Euryanthe. (Chaque. 1 p. 15 к.)

HENSELT. Grand. duo Op. 14. (1 p. 72 к.) Mazurka et Polka. (1 p. (50 к.) Invitation à la danse de C. M. Weber. (2 p.) Tableau musical. Fantaisie sur l'air bohémien: **Ты не повѣришь какъ ты мила.** Nouvelle édition. (1 p. 72 к.)

HERZ. Grande fantaisie brillante sur l'opéra: La Double Echelle de Thomas. (2 p. 30 к.) Deux ballades sans paroles, op. 117. № 1. La Mélodieuse. № 2. L'harmonieuse. (Chaque 1 p. 30 к.) Petite fantaisie caractéristique. Op. 120. (85 к.)

HUNTEN. Rondo de l'opéra: La Favorite. (1 p.) Fantaisie sur l'opéra: Giralda. (1 p. 40 к.)

LECARPENTIER. Divertissement sur l'opéra: Charles VI de F. Halevy. (70 к.)

LOUIS. Trois mélodies italiennes. Op. 109 № 1—3. (Chaque. 85 к.)

ROSENHAIN. Trois duos faciles № 1. 2. 3. (Chaque. 85 к.)

THALBERG. Deux romances sans paroles. (85 к.)

ШКОЛЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

ГЮНТЕНЪ. Полная школа для фортепьяно на русскомъ языкѣ. Четвертое исправленное и дополненное многими пьесами, упражненіями и эпизодами въ двѣ и четыре руки изданіе, цѣна (3 р. 50 к.) Эта же школа въ двухъ частяхъ, каждая часть отдѣльно по (2 р.) Эта же школа на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, цѣна (4 р.)

КРАМЕРЪ. Новая практическая фортепьянная школа, въ которой изложены основанія музыки, и ясно въ избранныхъ примѣрахъ представлены всѣ правила аппликатуры, съ присоединеніемъ многихъ пьесъ для упражненій и прелюдій во всѣхъ тонахъ и объясненіе италіянскихъ техническихъ выраженій. На русскомъ языкѣ. Новое исправленное изданіе. (1 р. 50 к.)

ПЛЕЙЕЛЬ И ДЮССЕКЪ. Полная школа для фортепьяно со многими примѣрами и упражненіями на русскомъ языкѣ. Новое исправленное изданіе. (2 р. 85 к.)

ЧЕРНИ. Лучшій Вѣнскій фортепьянный учитель или теоретическое и практическое наставленіе, какъ по этой легкой методѣ въ короткое время выучиться легко и хорошо играть на фортепьяно. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями изданіе, цѣна (3 р.) Эта же школа въ двухъ частяхъ, каждая часть отдѣльно по (2 р.)

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

ЛИ. С. Школа для віолончели или легчайшая метода для скорѣйшаго и правильнаго изученія игры на віолончели, приспособленная къ самоученію, съ приложеніемъ многихъ практическихъ примѣровъ и упражненій изъ любимѣйшихъ пьесъ. Принята для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи. На русскомъ и французскомъ языкахъ. (4 р.)

РОДЕ, КРЕЙЦЕРЪ И БАЛЬО. Лучшая и самая употребительная школа для скрипки. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное изданіе со многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ съ присовокупленіемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно видитъ, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ тоны, цѣна (3 р.)

СИХРА. Школа для семиструнной гитары. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное изданіе, со многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной, двухъ и трехъ гитаръ, и для гитары съ фортепьяно, съ отлично-литографированнымъ и весьма похожимъ портретомъ автора, цѣна. (3 р.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домѣ Лауферта.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер., пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ довѣреніе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

15 р.; съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ **КОНТОРѢ ПАНТЕОНА**, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ текущаго года, непремѣнно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

—

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, *у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.*»

1065